

ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ

И. М. СВЕТ
АВСТРАЛИЯ · ОКЕАНИЯ

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ
И ИССЛЕДОВАНИЯ
АВСТРАЛИИ
И ОКЕАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ·МЫСЛЬ·

ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ

Я. М. С В Е Т

ИСТОРИЯ
ОТКРЫТИЯ
И ИССЛЕДОВАНИЯ
АВСТРАЛИИ
И ОКЕАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· МЫСЛЬ ·
МОСКВА
1966

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В далекие времена полинезийцы заселили Океанию. Полинезийские мореплаватели были первооткрывателями островных созвездий Южных морей. Четыре с лишним века назад в эти моря пришли европейцы, и постепенно на карте мира обрисовались контуры многочисленных архипелагов Океании и пятого материка — Австралии.

Эта книга — первая на русском языке сводная работа, посвященная открытиям и исследованиям в Австралии и Океании. В ней описываются походы полинезийских мореплавателей и многочисленные экспедиции путешественников XVI—XX вв., в ходе которых были открыты и положены на карту отдаленные острова Океании, пустыни Австралии, горные хребты Новой Гвинеи и Новой Зеландии.

Оформление серии
разработано художником
А. Н. ФИНОГЕНОВЫМ

Книга оформлена художником
А. БЕЛЮКИНЫМ

ВВЕДЕНИЕ

Основные задачи книги

В летописях географических открытий и исследований Земли Австралия и Океания занимают особое место. С ходом освоения пятого материка и островных созвездий Океании связано множество географических, этнографических и исторических проблем, которые в той или иной степени должны быть затронуты в книге, посвященной истории открытий в этой части света.

Прежде всего следует отметить, что, говоря об открытиях в Австралии и Океании, ни в коем случае нельзя ограничивать сферу обзора одними лишь европейскими путешественниками и мореплавателями. Бесспорно, в Европу первые сведения об этих далеких и труднодоступных землях дошли лишь в первой половине XVI в. Но задолго до первых европейских кругосветных и тихоокеанских плаваний Танти и Новая Зеландия, Маркизские острова и остров Пасхи, архипелаги Тонга и Самоа и многие другие острова Южных морей открыты были отважными океанийскими мореходами. На своих легких каноэ они проложили сквозные пути через необъятный Тихий океан на дистанции, равной трети земной окружности.

Волны великих миграций прокатились по всему Тихому океану задолго до появления там европейцев. Это были «открытия до открытий». О них ничего не было известно соотечественникам и современникам Александра Македонского, Юлия Цезаря и Карла Великого. Однако мерой этого неведения, неведения античных времен или эпохи европейского средневековья, нельзя оценивать значимость различных событий в жизни неевропейских народов. Да и европейским «первооткрывателям» путь к неведомым островам Южных морей нередко указывали океанийские кормчие. Именно им по праву принадлежит честь многих открытий, совершенных европейскими мореплавателями, и в том числе наиболее прославленным «пенителем морей» Джемсом Куком.

Память о древних открытиях, совершенных океанийскими мореходами, сохранилась в их изустных преданиях, а о масштабах «географической активности» этих народов свидетельствует карта их современного расселения.

Поэтому особое место в этой книге уделяется плаваниям и открытиям коренных обитателей Океании.

Развитие географических представлений шло на всех этапах прошлого очень сложными и извилистыми путями. В этом отношении история открытий в морях южного полушария особенно поучительна. В течение двух с лишним столетий европейские мореплаватели, совершая открытия в этой части земного шара, находились в плену ложных традиций античной и средневековой географии. История их двухвековых открытий — это прежде всего история бесплодных поисков несуществующего Южного материка, порожденного пылкой и цепкой фантазией комментаторов Птолемея и кабинетных географов XVII и XVIII вв. Естественно, что в этой книге ложным концепциям географии века великих открытий и путям их мучительно трудного преодоления уделено особое внимание.

В освоение морей и земель южного полушария огромный вклад внесли русскими мореплавателями и исследователями. За сто шестьдесят лет, которые отделяют нас от плавания Крузенштерна и Лисянского, нашими соотечественниками сделано было очень многое, и этим трудам следует дать достойную оценку на страницах книги, посвященной открытиям и исследованиям Австралии и Океании.

В наши дни все острова в северной и южной половинах земного шара давно уже положены на карты, и «белых пятен» не сохранилось ни в Тихом океане, ни в безлюдных пустынях центральной Австралии. Однако за последние десятилетия в морях Тихого океана совершены открытия огромного значения. Речь идет о советских и американских, английских и японских, французских и датских, новозеландских и шведских океанографических исследованиях. Ученые, которые плавали на «Витязе», «Галатее», «Челленджере II» и других океанографических судах, открыли глубоководные желоба, прощупали дно Мирового (и в частности Тихого) океана, положили на карты подводные архипелаги и подводные хребты, выявили мощные течения в океанских недрах, положили начало всесторонним исследованиям животного и растительного мира бездонных морских глубин. Краткие итоги этих исследований подводятся в заключительной главе.

С того момента, когда корабли Магеллана вошли в Тихий океан, его моря и земли оказались в сфере колониальной экспансии. Вслед за испанскими и португальскими колонизаторами в тихоокеанский бассейн вторглись их британские, голландские и французские соперники. Пионеры великих географических

открытий в Тихом океане играли роль лоцманов европейского колониализма, и по их свежим следам в Австралию, Новую Зеландию и на острова Океании шли солдаты, миссионеры, чиновники, купцы и любители легкой наживы.

Раннее прошлое колониализма представляет далеко не академический интерес. Колониализм до сих пор удерживает свои позиции в Тихом океане. Разумеется, в наши дни приемы и методы эксплуатации народов, «опекаемых» европейскими и американскими «цивилизаторами», уже не те, что лет сто или двести назад, но прямая преемственность связывает современный неоколониализм с системой, которая зародилась в тихоокеанском бассейне в век великих географических открытий. Поэтому одна из важнейших задач книги — надлежащим образом осветить колониальный аспект в истории Австралии и Океании.

В этой книге, в соответствии с общим тематическим направлением всей серии «Открытие Земли», излагается история тех открытий и исследований, которые непосредственно связаны с созданием *физической карты Австралии и Океании*. Мы вынуждены поэтому предельно ограничить круг сведений этнографического характера, тем более что такого рода данные читатель без труда найдет в книге «Народы Австралии и Океании» (15)*. Однако в главе «Открытия и исследования на Новой Гвинее» этнографическим исследованиям уделено особое внимание: на этом острове в течение последнего десятилетия были открыты неведомые прежде племена, численность которых примерно вчетверо превышает все современное коренное население Австралии.

Автор выражает глубокую признательность за ценные рекомендации и замечания В. Г. Богорову, Н. А. Бутинову, А. В. Живаго, И. П. Магидовичу, Д. Д. Тумаркину и Г. Б. Удинцеву.

Австралия и австралийцы

Австралия — наименьший материк земного шара. Ее площадь — 7 704 тыс. кв. км, и она, таким образом, в полтора раза меньше Европы. Австралия и наиболее «низкий» материк, самая ее высокая горная цепь — Водораздельный хребет — ниже Пиренеев и Карпат. Большая часть Австралийского материка занята обширными равнинами, которые постепенно понижаются от краев к центру. Дно огромной внутриаустралийской впадины в срединной своей части, в районе озера Эйр, лежит ниже уровня моря.

Берега Австралии, особенно западный и южный, изрезаны слабо. Прибрежные острова, мысы и полуострова занимают

* Цифры в скобках означают порядковые номера книг в списке литературы.

менее одной десятой поверхности Австралийского континента, тогда как в Европе на них приходится свыше трети общей площади.

Большая часть Австралийского материка лежит в тропической и субтропической зонах, но это сухие тропики и субтропики. Водораздельный хребет перехватывает почти всю влагу, которую несут с Тихого океана восточные ветры. Близ озера Эйр в год выпадает около 110 мм осадков, а в некоторых местностях западной и северо-западной Австралии осадков бывает еще меньше. Здесь в течение пяти-шести месяцев сухого сезона земля порой не получает ни капли влаги. Реки, стекающие с западных склонов Водораздельного хребта, несут воду лишь в дождливый сезон, в остальное время они либо совершенно иссякают, либо превращаются в прерывистую цепочку солончатых луж и болот. Такую участь испытывает даже самая длинная река Австралии — Дарлинг, правый приток Муррея. Пересыхают и озера в глубоких бессточных котловинах.

Западнее 135-го меридиана колоссальная территория, по площади равная половине Западной Европы, совершенно лишена постоянных и временных водотоков. Это край великих пустынь (Большая пустыня Виктория, пустыня Гибсона и Большая Песчаная пустыня). Лишь в неширокой полосе западного и северного побережий песчаная пустыня уступает место сухим степям, орошаемым немногочисленными и маловодными реками. Языки пустынь кое-где вторгаются в эту полосу и доходят до Индийского океана, Тиморского моря и залива Карпентария.

На крайнем юге, вдоль берегов Большого Австралийского залива, тянутся безрадостные полупустыни, которые выдающийся исследователь этой части материка Джон Эйр метко назвал Налларбор («нет деревьев»).

Австралия в давние геологические времена была отрезана морем от Старого Света. Изолированное положение этого материка определило особенности развития его растительности и животного мира, чрезвычайно богатого эндемичными формами.

В значительной степени эта изоляция обусловила и своеобразные черты австралийской этнографии. К моменту появления европейцев на Австралийском материке его коренные обитатели представляли собой этническую общность, которая по антропологическим признакам и языку резко отличалась от народов, населяющих Азию, Африку, Океанию и Америку. Общественный строй и материальная культура австралийских аборигенов той эпохи сохраняли ряд особенностей, характерных для ранних этапов развития человечества (палеолит и неолит).

В настоящее время в Австралии сохранилось всего лишь сорок пять — пятьдесят тысяч аборигенов (15), но в ту пору, когда европейцы открыли этот материк (XVII в.), численность его населения доходила примерно до трехсот или даже до четырех-

сот тысяч, причем здесь обитало не менее пятисот различных племен. Наиболее густо заселен был юго-восток Австралии, особенно бассейн реки Муррея, наиболее редко — внутренние области.

Для австралийцев характерны средний рост, тонкое туловище, длинные конечности, волнистые волосы, темно-коричневая кожа, довольно густая борода, низкий нос с низкой переносицей, толстые губы, удлинённая голова с выступающим подбородком. Некоторое сходство с австралийцами наблюдается у меланезийцев и папуасов, а также у веддоидных племен, сохранившихся в настоящее время лишь в самых труднодоступных областях некоторых островов Индонезии.

Австралийские аборигены говорят на языках, которые не входят ни в одну из известных языковых семей. Эти языки весьма примитивны и соответствуют, вероятно, ранней стадии в развитии человеческой речи (15). В настоящее время насчитывается шесть языковых групп и множество диалектов. Лексика австралийских аборигенов довольно богата, но преимущественно словами, выражающими конкретные свойства предметов. В дополнение к звуковой речи у аборигенов имеется особая система сигналов — язык жестов. ✓

До открытия Австралии европейцами аборигены не знали земледелия и скотоводства. Их главными занятиями были охота, рыболовство и собирательство. Собирательство играло весьма значительную роль, причем объектами его были не только дикорастущие съедобные растения, но и мелкие животные (ящерицы, крысы, лягушки, раки, муравьи и т. п.). Домашних животных у них не было, за исключением полудикой собаки динго.

Металлов аборигены не знали, не знали они и гончарного искусства. Орудия труда изготовлялись из камня, кости, дерева, раковин, причем каменная техника была довольно примитивной и соответствовала позднему палеолиту, мезолиту и ранним стадиям неолита. Ткачества у австралийцев не было, неведома была им и одежда. Предметы домашней утвари, рыболовные и охотничьи сети изготовлялись из лубяных волокон и полосок коры, и способы плетения были весьма разнообразны. В качестве оружия применялись и применяются в настоящее время копья, бумеранги, метательные и ударные палицы, каменные и костяные ножи. «По бедности, простоте, примитивности своей материальной культуры австралийцы занимают место наряду с наиболее отсталыми народами земли, а пожалуй, и ниже всех других, ибо они не знают даже лука и стрел, керамики, земледелия и скотоводства и ведут бродячую охотничье-собирательскую жизнь... Но с другой стороны, при всей примитивности материальная культура австралийцев представляет собой пример прекрасного приспособления человека к условиям среды. Ловкость и изобретательность на охоте, создание такого замеча-

тельного оружия, как бумеранг, изощренная техника обработки растительных продуктов, умение найти средства к существованию в самых неблагоприятных условиях в сухой и скудной пустыне — все это внушает нам уважение к австралийцам, бедному и отсталому, но бодрому и энергичному народу» (15, стр. 146—148).

Океания и океанийцы

К Океании относится вся совокупность островов центральной и юго-западной части Тихого океана между Австралией и Малайским архипелагом на западе и широкими безостровными частями океана на севере, востоке и юге. Площадь океанийской суши равна 1,26 млн. кв. км, что составляет пятидесятую часть площади океана, в пределах которого расположены все эти архипелаги и острова.

Океания подразделяется по этнографическим признакам на три обширные области: Меланезию, Микронезию и Полинезию. Эта трехчленная схема, предложенная в XVIII в. французским географом Шарлем де Броссом и окончательно введенная в науку его соотечественником, известным мореплавателем Жюлем Сезаром Дюмон-Дюрвилем, отражает действительную картину расселения основных этнических групп Океании.

Меланезия. *Мелас* — по-гречески черный, *несос* — остров. Меланезию населяют негроидные народы папуасско-меланезийской семьи.

Наиболее крупные острова и архипелаги, входящие в состав Меланезии, — Новая Гвинея, Новая Каледония, острова Адмиралтейства, острова Фиджи, Соломоновы острова, архипелаги — Бисмарка, Санта-Крус, Банкса, Новые Гебриды.

На меланезийские острова приходится львиная доля (77%) всей океанийской суши. Из общей площади этих островов 980 тыс. кв. км около 830 тыс. кв. км занимает Новая Гвинея, второй по величине остров земного шара.

Сколько жителей было в Меланезии до прихода европейцев, установить невозможно. В настоящее время коренное ее население приближается к трем миллионам, и весьма вероятно, что триста — четыреста лет назад меланезийцев было ненамного меньше, чем в наши дни (15).

У меланезийцев очень темная кожа, курчавые жесткие волосы, широкий нос и толстые губы. Подразделяются они по внешним признакам на несколько типов, но наиболее резко и четко проявляются в этой области не антропологические, а языковые различия. По языку население Меланезии делится на две большие группы: папуасов и собственно меланезийцев.

Папуасские языки распространены на большей части Новой Гвинеи и в некоторых местностях на острове Новая Британия

и на Соломоновых островах. Они входят в особую, совершенно изолированную языковую семью, не связанную с языками Азии, Австралии и Океании. Племена, говорящие на многочисленных папуасских языках, часто соседствуют с собственно меланезийскими племенами.

Собственно меланезийцы в отличие от папуасов говорят на языках, которые наряду с языками народов Микронезии, Полинезии и Индонезии входят в большую малайско-полинезийскую (или австронезийскую) семью. Языков этих бесчисленное множество, еще больше различных диалектов (на одной лишь Новой Каледонии насчитывается около шестидесяти меланезийских диалектов).

Меланезия по природным условиям сходна с тропическими островами муссонной Азии. Гористые острова покрыты густыми, порой непроходимыми лесами. Почвы здесь столь же богаты, как на Суматре и Яве, и меланезийцам издавна приходилось вести трудную борьбу с «излишествами» не в меру изобильной тропической природы.

До появления европейцев островитяне Меланезии возделывали клубневые растения (ямс, таро, батат) и плодовые деревья (кокосовые и саговые пальмы, хлебное дерево, бананы). Каждый клочок земли надо было с боем отвоевывать у тропического леса, и эти битвы меланезийцы вели весьма успешно. Они вырубали и выжигали густые и цепкие заросли. На более сухих южных островах — Новых Гебридах и Новой Каледонии — местные жители подводили на поля воду по сети искусственных каналов. На Новой Каледонии сооружались оросительные каналы длиной 10 км и более, причем стенки их обычно облицовывались камнем. Земледельческий инвентарь меланезийцев был чрезвычайно примитивным. В сущности единственным их сельскохозяйственным орудием была землекопалка — заостренная палка из твердого дерева (15, стр. 396—397).

Рыболовство стояло после земледелия на втором месте. Скотоводства Меланезия не знала, но на многих островах еще до появления европейцев имелись домашние животные (свиньи, собаки, куры).

Меланезийцы не знали металлов, и все орудия изготавливали из камня, кости и раковин. Основным орудием был каменный топор, вправленный в деревянную рукоять. Применялось еще тесло из раковин, причем кое-где (острова Банкаса, некоторые острова Новогеебридской группы) в ходу были только эти раковинные топоры. На многих островах Меланезии изготавливалась глиняная посуда, правда очень грубая (гончарного круга у меланезийцев не было). Но в гончарных изделиях меланезийцы и не испытывали особой нужды. У них была отличная посуда, дарованная самой природой, — скорлупа кокосовых орехов, тыквы, полые стволы бамбука, раковины и т. п.

Таковое искусство было меланезийцам неведомо (очень примитивные ткацкие станки известны лишь на островах, расположенных на рубежах с Микронезией). Для плащей, набедренных повязок и покрывал они употребляли пальмовые листья, циновки из волокон пандануса и банана и тапу — кору бумажно-шелковичного дерева, обработанную специальными колотушками. Плетеные изделия в Меланезии встречались повсеместно, тапа — далеко не везде.

Боевая техника меланезийцев была весьма разнообразной и в своем роде совершенной. Наиболее излюбленным оружием были палицы различных разновидностей и копья. Лук был важным видом оружия на Новой Гвинее, но на многих островах соседнего архипелага Бисмарка он был неизвестен местным жителям, а на Новых Гебридах использовался лишь при рыбной ловле.

Картина общественного уклада на островах Меланезии до прихода европейцев была чрезвычайно пестрой. Каждый остров, а порой даже каждое поселение являли свои особые и неповторимые черты социального строя. В общем можно отметить, что к приходу европейцев южные острова (Новая Каледония, южная группа Новых Гебрид) и архипелаг Фиджи отличались от островов северной Меланезии более развитыми формами общественного уклада. В южной Меланезии процесс разложения первобытнообщинного строя зашел далеко, и порой (как, например, на Фиджи) там уже отчетливо проявлялись особенности, характерные для раннеклассового общества.

Микронезия. Микронезия — область мелких островов (*микрос* — по-гречески мелкий), охватывает северо-западную Океанию. К Микронезии относятся Марианские и Каролинские острова (с группой островов Палау), Маршалловы острова и архипелаг Гилберта. Площадь этих вытянутых в цепочки островов (всего их насчитывается свыше полутора тысяч) не достигает и 4 тыс. кв. км.

Все Марианские острова и частично Каролинские с островами Палау вулканические. Маршалловы острова и архипелаг Гилберта — это гирлянды коралловых атоллов и рифов. Таким образом, самой природой Микронезия подразделяется на две части: западную, в которую входят гряды высоких вулканических островов, и восточную, своим появлением на свет обязанную неугомонной работе коралловых полипов.

Коренное население Микронезии в ту пору, когда она была открыта европейцами (XVI в.), вероятно, доходило до ста — ста двадцати тысяч. В 1959 г. оно составляло сто пятьдесят пять тысяч — в это число входят не только потомки древних обитателей Микронезии, но и этнические группы, в которых очень велика примесь немикронезийских элементов.

Микронезийцы говорят на языках малайско-полинезийской семьи. По физическим особенностям население Микронезии неоднородно. В настоящее время на севере и на западе обитает много выходцев из Филиппин и Индонезии; весьма вероятно, что в этой части Микронезии постоянные связи с островным миром Юго-Восточной Азии поддерживались и до появления здесь европейцев. Каролинцев — людей со светло-коричневой кожей, прямым носом, узковолнистыми или курчавыми волосами — некоторые этнографы причисляют к собственно микронезийскому типу, хотя в их физическом облике сочетаются черты, характерные и для полинезийцев, и (в меньшей мере) для меланезийцев.

Как и всем прочим океанийцам, микронезийцам до прихода европейцев неведомы были металлы, и они применяли различные орудия из раковин, кости и камня.

Флора Микронезии гораздо беднее меланезийской, климат здесь суше. На Марианских островах культурных растений было куда меньше, чем на архипелагах Западной Океании. Племена чаморро, жившие на этих островах, питались ямсом, бананами, кокосовыми орехами, плодами хлебного дерева, в рацион их входили также рыба, черепашие мясо, птица и летучие мыши. Но у чаморро, как и у жителей Малайского архипелага, Индокитая и Филиппин, основной земледельческой культурой был рис. Чаморро употребляли глиняную посуду и строили дома на столбах или на высоких каменных колоннах. Ткачество и выделка тапы были чаморро неизвестны, единственным видом их одежды являлись пояса из листьев пандануса. У них не было луков и стрел, мечей и щитов. Их излюбленным боевым оружием были копья с наконечником из человеческой кости и пращи.

На островах Палау и Яп, расположенных к югу от Марианских островов, в западной части Каролинского архипелага, местные жители занимались преимущественно рыболовством, хотя и разводили таро, бананы и некоторые другие культуры. Но риса на островах Палау и Яп не было. Глиняная посуда здешним обитателям была известна, постройки они возводили по тому же типу, что и на Марианских островах, виды оружия были разнообразнее, чем у чаморро. В частности, они пользовались стрелометательной трубкой, сходной с индонезийскими сарбаканами, луком, стрелами и деревянными мечами, усеянными острыми раковинами.

На низких коралловых островах восточной Микронезии главными занятиями жителей были рыболовство и земледелие. Земли, пригодной для обработки, на коралловых островах мало, поэтому на Маршалловых островах, большинстве Каролинских островов и архипелаге Гилберта не таро, ямс и батат, а кокосовая пальма, хлебное дерево и панданус давали пищу местным

жителям. В технике рыболовства жители восточной Микронезии достигли высокого совершенства; у них были сети из тонких древесных волокон и различные виды рыболовных крючков, плетеные верши и т. д.

Твердый камень для изготовления орудий на коралловых островах — большая редкость. Поэтому там орудия из раковин пользовались очень большим распространением. Глиняная посуда и тапа отсутствовали, но зато только каролинцам известны были ткацкий станок и примитивные способы ткачества.

Полинезия. К Полинезии — области многочисленных островов (*поли* — по-гречески много) относится все водное пространство к юго-востоку, востоку и северо-востоку от островных дуг и гряд Меланезии и Микронезии.

На крайнем юго-западе Полинезии расположен двойной остров Новая Зеландия, на западных рубежах этой области — архипелаги Тонга и Самоа. В центральной и восточной Полинезии лежат архипелаги Кука, Тубуаи, Общества, Туамоту, Маркизские острова и ряд мелких, изолированных островков, в частности остров Пасхи (Рапануи). К северной Полинезии причисляются Гавайские острова и гирлянда Центральных Полинезийских Спорад.

Общая площадь полинезийской суши — 295 тыс. кв. км. Но 90% этой площади (268 тыс. кв. км) приходится на Новую Зеландию. До появления европейцев в Полинезии было около миллиона жителей. В настоящее время коренное ее население не достигает и половины этой цифры (445 тыс. на 1959 г.).

В этом необозримом водном пространстве архипелаги и острова расселены весьма редко, расстояния между ними огромные. Несмотря на это, народы Полинезии — тесно сближенные ветви единого ствола. Единство проявляется и в физическом типе полинезийцев, и в их материальной и духовной культуре, но поразительнее всего тесное родство языков, на которых говорят обитатели различных архипелагов и островов. Языки эти относятся к одной из ветвей обширной малайско-полинезийской семьи. Таитяне, гавайцы, тонганцы, самоанцы, жители острова Пасхи и Маркизских островов, новозеландские маори и островитяне архипелага Туамоту говорят на диалектах единого полинезийского языка, и если они при первой встрече не всегда понимают друг друга, то объясняется это главным образом фонетическими различиями между этими диалектами. Грамматический же строй и лексика языка от архипелага к архипелагу изменяются мало, и гаваец довольно легко может столковаться с тонганцем или таитянином (во всяком случае, легче, чем русский с поляком или немец с голландцем).

Полинезийцы высокорослы (в среднем 170—173 см), кожа у них темно-смуглая, волосы на теле развиты слабо, лицо крупное с довольно широким носом. Наиболее типичные внешние

признаки, характерные для полинезийцев, отмечаются в восточной Полинезии — на архипелаге Туамоту и на Маркизских островах.

У полинезийцев нет черт, характерных для негроидной расы, — шерстистых мелковьющихся волос, приплюснутой спинки носа, нет у них и типичного для монголоидов эпикантуса — складки верхнего века, нависающей над внутренним углом глаза, но некоторые второстепенные признаки сближают их и с монголоидами и океанийскими негроидами.

На островах Общества, на Гавайях, на островах Тонга и Самоа к моменту появления европейцев процесс распада родового строя зашел далеко. На многих островах сложились классовые группировки и своеобразная кастовая система. И если полинезийцы так и не перешагнули за рубежи эпохи неолита, то лишь потому, что на их родных островах не было ни железных, ни медных, ни оловянных, ни свинцовых руд. Металлов они не знали, и материалом для орудий им служили неподатливый камень, хрупкие раковины и ломкая кость.

Полинезийские острова крайне бедны глиной, поэтому до недавнего времени полагали, что полинезийцам неведомо было искусство изготовления глиняной посуды. Но в 1956—1958 гг. археологи нашли на Маркизских островах в древнейшем культурном слое несколько фрагментов очень грубой керамики, а чуть раньше при раскопках древних поселений на островах Самоа и Тонга были обнаружены осколки глиняной посуды. Бесспорно, однако, что в хозяйственном обиходе полинезийцев глиняная посуда сколько-нибудь заметной роли никогда не играла и что на многих островах она была совершенно неизвестна. Как и в Меланезии, ее с успехом заменяли скорлупа кокосовых орехов, бамбук, тыквы, плетеные сосуды, деревянные чаши и миски и крупные раковины.

Этнографы считают, что ни у одного неолитического народа мира техника обработки камня, кости, раковин, дерева не стояла так высоко, как у полинезийцев. А ведь полинезийцы пользовались очень несовершенными орудиями: каменными топорами, долотьями, буравами, скребками, терками, напильниками из твердых и острых раковин, сверлами, иглами и шилами из крысиных и акулиных зубов, шипов морских ежей и скатов. При помощи этих примитивных орудий полинезийцы строили великолепные лодки, воздвигали каменные колоссы острова Пасхи, нарезали на камне и дереве тончайшие узоры, сооружали грандиозные усыпальницы и храмы (*фиатуки* на островах Тонга, *мараи* на островах Общества), делали из раковин, черепашого панциря, кости, дерева ожерелья, браслеты, кольца, диадемы, которыми заслуженно гордились модники и модницы островов Южных морей.

Полинезийцы, так же как и их западные меланезийские соседи, были земледельцами и рыбаками. Природа, однако, менее щедро наделила своими дарами острова Полинезии. От естественных «питомников» Малайского архипелага Таити, Маркизские острова и Гавайи лежали куда дальше, чем Новая Гвинея и Соломоновы острова. Кормилица папуасов — саговая пальма и бесчисленные плодовые деревья влажных тропических лесов неведомы были полинезийцам.

К моменту появления европейцев культура земледелия достигла у полинезийцев высокого уровня. Жители тропических островов Полинезии возделывали хлебное дерево, кокосовую пальму, банан, таро, ямс, батат, тыкву. На Северном острове Новой Зеландии, где тропическая флора не могла прижиться, главной земледельческой культурой был батат, второе место занимали папоротники со съедобными корнями, третье — таро и ямс. На Южном острове корнеплоды вызревали только на северном берегу, и жители этой суровой земли занимались главным образом собирательством диких плодов и корней и рыболовством. На низких коралловых островах с их солоноватыми грунтовыми водами и скудными почвами кокосовая пальма и наиболее неприхотливые сорта таро кормили немногочисленных аборигенов.

Культура земледелия была очень высока на вулканических островах западной и центральной Полинезии и на Гавайях, хотя, так же как и меланезийцы, коренные жители этих островов пользовались при обработке земли весьма примитивными орудиями. Землю рыхлили деревянным колом, снабженным упором для ноги (повсеместно в Полинезии — от Новой Зеландии до Гавайев — это орудие называлось одинаково *ко* или *о*).

Весьма неприхотливые деревья-кормильцы — кокосовая пальма, панданус, хлебное дерево — играли огромную роль и в хозяйственном обиходе полинезийцев; они давали островитянам материал для посуды и утвари, для рыболовных сетей и плетеных изделий, для постройки жилищ и лодок.

Очень важными техническими культурами были бумажно-шелковичное дерево (*Broussineta papyrifera*) и вид фикуса, который на Таити носил название аоа (*Ficus prolixa*). Из коры этих деревьев изготовлялась тапа — материя (но не ткань), которая у полинезийцев находила универсальное применение. Тапы не знали только обитатели Новой Зеландии и некоторых низких коралловых островов, где бумажно-шелковичное дерево и фикус не произрастали. В Новой Зеландии материи изготовлялись из местной разновидности льна (*Phormium tenax*).

В искусстве плетения циновки и корзины полинезийцы (особенно таитяне, тонганцы и гавайцы) стояли на очень высоком уровне; их плетеные изделия по качеству и красоте смело могли

сравниться с лучшими образцами японских, китайских и индонезийских мастеров.

Фауна Полинезии бедна, особенно на восточных островах. До прихода европейцев из домашних животных здесь водились только свиньи, куры и собаки, и то далеко не везде. На острове Пасхи были лишь куры; свиней не было в Новой Зеландии и на многих коралловых островах, о собаках не имели представления жители Маркизских островов.

Море, несметно богатое рыбой, окружало со всех сторон острова Полинезии. Естественно, что полинезийцы были природными рыбаками и применяли множество самых разнообразных способов рыбной ловли. Они пользовались огромными (длиной до 200 м) сетями, устраивали в лагунах и бухтах запруды, травили рыбу растительными ядами, били ее копиями, дротиками и стрелами*.

Виды оружия полинезийцев — палицы из твердого и тяжелого дерева, копья, дротики, каменные топоры и секиры, деревянные мечи и пращи. Лук и стрелы известны были на многих островах, но, пожалуй, нигде не использовались как боевое оружие. На островах Самоа стрелами лучили рыбу. На островах Тонга стрелы применялись при охоте на крыс, на островах Кука — на птиц; на Таити стрельба из лука была излюбленной игрой детей и подростков, но взрослые воины этим видом оружия не пользовались.

* Полинезийским рыболовным крючкам посвящено немало специальных исследований. В последнее время океанистика уделяет им особое внимание. По типам рыболовных крючков удается датировать археологические остатки древних полинезийских культур. Сотрудник музея Бишоп в Гонолулу японец Иосихико Шиното, сопоставляя разновидности рыболовных крючков различных островов Полинезии, пришел к очень интересным выводам о путях и времени древних миграций (54).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТКРЫТИЯ ДО ОТКРЫТИЙ. ПЛАВАНИЯ ДРЕВНИХ ОКЕАНИЙЦЕВ

Ветры и течения в австрало-океанийской области. Возможности плавания

В австрало-океанийской области море преобладает над сушей. Открытие и заселение островов Океании шло по морским дорогам, и, чтобы уяснить, в каком направлении и какими путями шел этот исторический процесс, прежде всего необходимо составить себе отчетливое представление о течениях и ветрах Тихого океана и морей, омывающих Австралийский материк.

В Тихом океане морские течения образуют два великих кольца — одно в северном, другое в южном полушарии. В тропических широтах северного полушария северо-восточные пассаты гонят к западу воды теплого Северного Пассатного течения. У Филиппин это течение поворачивает на север и уходит к восточным берегам Японии, принимая здесь название Куро-сио. К востоку от острова Хонсю Куро-сио переходит в Северо-Тихоокеанское течение, которое в полосе стойких западных ветров пересекает океан с запада на восток в сороковых широтах. У калифорнийского берега оно поворачивает к югу и сливается с Северным Пассатным. Таким образом, в северном полушарии образуется кольцо, в пределах которого воды передвигаются по часовой стрелке.

В тропическом поясе южного полушария юго-восточные пассаты вызывают теплое Южное Пассатное течение, которое следует в том же направлении, что и Северное Пассатное, — с востока на запад. Южные ветви Южного Пассатного течения у восточных берегов Австралии отклоняются к югу и в сороковых широтах южного полушария вливаются в течение Западных Ветров, которое гонит огромные массы студеной воды с запада на восток. Это холодное течение врывается в узкие ворота пролива Дрейка, отделяющего Антарктиду от Огненной Земли. Однако холодная океанская река не вмещается в тесное горло пролива и, отклоняясь к северу, устремляется вдоль чилийских

берегов, образуя мощное Перуанское течение. Великое южное кольцо замыкается у Галапагосских островов, где струи холодного Перуанского течения вливаются в теплое Южное Пассатное течение. В южном кольце в отличие от северного воды циркулируют против часовой стрелки.

Между северным и южным кольцами в экваториальном поясе штилей Тихий океан пересекает с запада на восток в интервале $4-10^{\circ}$ с. ш. теплое Экваториальное противотечение, которое называется также Межпассатным противотечением. Оно на ряде участков идет против господствующего ветра. Оба пассатных течения и течение Западных Ветров весьма устойчивы, поскольку и пассаты, и ветры в сороковых широтах южного полушария постоянно дуют в одних и тех же направлениях.

Значительно менее устойчиво Экваториальное противотечение, полосу которого часто захватывают пассаты, дующие в противоположном направлении, и долговременные штили, хотя, как показывают исследования последних лет, западные ветры в определенные сезоны бывают довольно постоянными.

Весьма неустойчивы ветры и течения внутри южного кольца, то есть между Южным Пассатным течением и течением Западных Ветров. В этой области, а она в зависимости от времени года захватывает полосу океана в интервале от 15° до $40-45^{\circ}$ ю. ш., ответвления этих мощных течений и неустойчивые ветры, дующие от разных румбов, образуют круговороты большого и малого радиуса. Неустойчив ветровой режим и режим течений в морях Западной Океании, близ берегов Новой Гвинеи, Соломоновых островов и Большого Барьерного рифа, а также на дальней северной периферии течения Западных Ветров (тридцатые широты) и между островом Пасхи и чилийскими берегами.

У восточных берегов Новой Гвинеи и Соломоновых островов течения в зимнее время (с июня по сентябрь) следуют с юго-востока на северо-запад, а в летние месяцы (с ноября по март) идут в противоположном направлении, подчиняясь режиму муссонов, которые захватывают в тропических широтах весь Индийский океан и западную часть Тихого океана. У берегов Новой Зеландии ветры зимой циркулируют по часовой стрелке, а летом следуют в обратном направлении, противоположном направлению господствующих течений.

Таким образом, в южной половине Тихого океана существуют лишь два устойчивых и мощных течения — Южное Пассатное и Западных Ветров, которые представляют собой сквозные водные магистрали. В отличие от магистралей сухопутных великие морские течения — это «самодвижущиеся дороги».

Рассмотрим сперва Южное Пассатное течение. В среднем его скорость — 18 миль в сутки. Пассаты почти непрерывно дуют со скоростью пять-шесть метров в секунду, и небо в их зоне

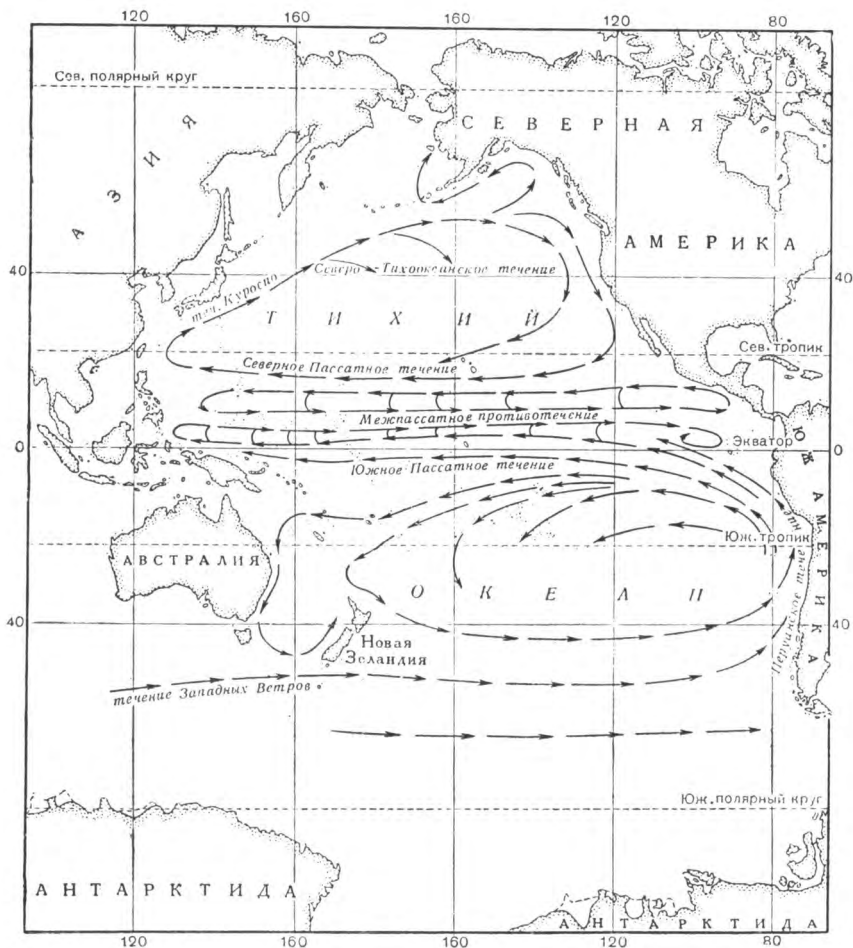
почти всегда голубое и ясное. Недаром, совершив переход в струе этого течения от берегов Нового Света к Восточной Азии, Магеллан назвал новооткрытый океан Тихим. Южное Пассатное течение — идеальный трансокеанийский путь, но благоприятен этот путь лишь для одностороннего движения — с востока на запад (и юго-запад), от северных берегов Перу к берегам Азии (и по боковой ветви к островам юго-западной Океании). Следует ли отсюда, что в поясе Южного Пассатного течения двустороннее движение если не сквозное, то «местное» абсолютно невозможно. Конечно, нет. Ветровая циркуляция, особенно в западной части этого пояса, при достаточно совершенной технике парусного вооружения и высоком уровне навигационного искусства допускает плавание под любыми углами к основному направлению этого течения, а порой и против него. К тому же севернее Южного Пассатного течения проходит, захватывая южную периферию Каролинской островной гряды и Маршалловы острова, Экваториальное противотечение, не слишком, правда, устойчивое, но попутное для плаваний в восточном направлении.

От Маршалловых островов путь на юг вдоль островной гирлянды архипелага Гилберта и далее на юго-восток к островам центральной Полинезии весьма труден, хотя и возможен для достаточно устойчивых судов, особенно летом, когда в этих водах часто дуют ветры от северо-западных румбов.

Таким образом, от островов Малайского архипелага в Полинезию можно было добираться, следуя сперва на восток, вдоль Каролинской гряды, а затем на юг, вдоль длинной цепочки архипелага Гилберта. Второй путь от Малайского архипелага к Полинезии проходит вдоль северного берега Новой Гвинеи и далее мимо Соломоновых островов и Новых Гебрид к островам Фиджи, Тонга и Самоа.

В летние месяцы у Новой Гвинеи и Соломоновых островов дуют северо-западные муссоны. Они далеко не столь устойчивы, как зимние юго-восточные пассаты, обычно сопровождаются ливнями и туманами и часто, достигая штормовой силы, сменяются мертвыми штилями. Однако для плавания в восточном и юго-восточном направлениях летние муссоны создают в этих водах довольно благоприятную, хотя и неустойчивую, обстановку (50, I—II).

Вторая океанийская магистраль — течение Западных Ветров — проходит в сороковых широтах южного полушария. Это сквозной путь из Австралии и Новой Зеландии в моря, омывающие южную оконечность Южной Америки. Но течение Западных Ветров пересекает Тихий океан далеко к югу от островов тропической Океании. Кроме того, сороковые широты южного полушария по климатическим условиям соответствуют пятидесятым, если даже не шестидесятым, широтам северного полуша-

Основные течения в Тихом океане

рия. Поэтому течение Западных Ветров не могло в древности связывать Океанию с Южной Америкой, тем более Южную Америку с Океанией. Значение сквозной транстихоокеанской магистрали оно получило лишь после второй экспедиции Кука, когда путь этот был открыт европейскими кораблями*.

Как уже отмечалось, значительная часть Океании (и прежде всего юго-восточные ее острова) лежит вне Южного Пассатного течения, внутри великого южного кольца.

* Отнюдь не исключено, впрочем, что полинезийские мореплаватели в древности проникали в высокие широты Тихого океана, не совершая сквозных плаваний в полосе течения Западных Ветров.

Близ архипелагов юго-восточной Океании, сменяя друг друга самым неожиданным образом, дуют северо-восточные, восточные и юго-восточные ветры; зимой добавляются ветры северных румбов и возрастает повторяемость восточных ветров. К юго-востоку от архипелага Туамоту на пространстве между 140-м и 90-м меридианами в субтропических широтах ветры описывают полную циркуляцию, причем особенно непостоянны они в зимнее время. К югу от острова Пасхи уже ощущается ледяное дыхание высоких широт; здесь зимой повторяемость ветров южных румбов достигает 40—50%.

Неустойчивые ветры, часто штормовой силы, оказывают весьма сложное воздействие на течения. На карте морских течений во всей этой области (за исключением прибрежной полосы у Южноамериканского материка) показаны течения разных и порой прямо противоположных направлений. Непосредственно у чилийских и перуанских берегов преобладают устойчивые южные и юго-западные ветры, которые гонят к северу холодные воды Перуанского течения. Следовательно, в Восточной Океании, внутри кольца, образованного Южным Пассатным течением, течением Западных Ветров и Перуанским течением, условия для дальних и тем более сквозных плаваний как в западном, так и в восточном направлении весьма неблагоприятны.

Лоции Тихого океана настоятельно рекомендуют всем штурманам при переходах через Тихий океан держаться либо Южного Пассатного течения (маршруты Южная Америка—Австралия; Южная Америка—Юго-Восточная Азия), либо течения Западных Ветров (маршрут Австралия—Южная Америка)*.

Говоря о течениях и ветрах, мы сознательно не упоминали до поры до времени об Австралии. Австралийский материк

* В лоциях, разумеется, ничего не говорится о плотах. Но опыт замечательного французского плотоводца Эрика Бишопа свидетельствует, что такого рода средства морского транспорта непригодны для перехода из Полинезии в Чили.

Бишоп на плоту «Таити-Нуи I» попытался пройти от Таити к Вальпараисо, придерживаясь тридцатых широт. К востоку от 120-го меридиана попутные западные ветры сменялись восточными, и плот стал описывать циркуляцию, причем порой за сутки его уносило к западу на 40 миль. «Таити-Нуи I» достиг 89° з. д. и затонул в 1500 км от чилийского берега после шестимесячного плаванья (9, 29).

Вряд ли также возможны плавания на плотах от южных берегов Перу и берегов Чили к острову Пасхи и к островам восточной Полинезии. Из южных гаваней Перу любой плот неизбежно вынесло бы на север, к Галапагосским островам, где его при благоприятных обстоятельствах могло бы подхватить Южное Пассатное течение, которое проходит, однако, куда севернее острова Пасхи. Именно этим течением и воспользовался Тур Хейердал, совершая на «Кон-Тики» переход через Тихий океан, причем «Кон-Тики» пронесло градов на двадцать севернее острова Пасхи. Еще севернее прошли плоты «Семь сестричек» У. Виллиса и «Таити-Нуи II» Эрика Бишопа.

омывается не только Тихим, но и Индийским океаном и двумя его морями — Тиморским и Арафурским. А в южной половине Индийского океана, между берегами Африки и Австралии, морские течения образуют особое замкнутое кольцо, в котором воды циркулируют по тем же законам, что и в кольцах великих течений южного Тихого океана.

Примерно в тех же широтах, что и в Тихом океане, в Индийском океане имеется устойчивое теплое Южное Пассатное течение, которое следует с востока на запад. У берегов Мадагаскара оно раздваивается. Южная его ветвь поворачивает на юг и юго-восток и в сороковых широтах сливается с течением Западных Ветров. В тридцатых и сороковых широтах, примерно у 80-го меридиана, от течения Западных Ветров отходит к северо-востоку устойчивое и холодное Западно-Австралийское течение, которое доходит до западных берегов Австралии и затем вливается в Южное Пассатное течение. Таким образом, сквозные трассы идут от берегов Африки к западным и южным берегам Австралии.

Не случайно, после того как голландец Браувер в 1611 г. открыл Западно-Австралийское течение, западное и южное побережья Австралии были вскоре положены на карты соотечественниками и приемниками Браувера.

Совершенно иную картину являет восточноавстралийская акватория. Северо-восточный берег Австралии окаймлен на всем своем протяжении Большим Барьерным рифом — коралловым частоколом длиной более 2 тыс. км. В узких, усеянных отмелями проходах между берегом материка и цепью коралловых рифов действуют местные, преимущественно приливные течения, и поэтому плавание у северо-восточных берегов Австралии чревато огромными опасностями.

Более благоприятны условия навигации в Тасмановом море, у юго-восточного побережья Австралийского материка, лишенного коралловых барьеров. Здесь проходит с севера на юг теплое Восточно-Австралийское течение, которое затем вливается в течение Западных Ветров. Но чтобы войти, следуя с севера, вдоль восточных берегов Австралии, в Тасманово море, надо преодолеть страшное Коралловое море. Поэтому и до появления европейцев в австралийских водах, и в век великих географических открытий восточная, самая благодатная часть пятого материка была для всего остального мира совершенно неизвестной землей. Зеленые берега Нового Южного Уэльса открыты были спустя более чем полтора века после того, как голландцы достигли пустынного побережья Западной Австралии.

В морях, омывающих северные берега Австралии, Тиморском и Арафурском зимой (апрель — август) дуют юго-восточные, а летом (сентябрь — март) — юго-западные муссоны. Это область устойчивых муссонов, ветров, которые оказывают

в северной части Индийского океана и в Южной Азии огромное влияние на климат. Муссоны определяют и направление господствующих течений в Тиморском и Арафурском морях.

Помимо ветров и течений навигационные возможности судов всех типов определяются также условиями плавания в прибрежных водах. Ведь надо отдать якорь в этих водах, надо высадиться на берега этих земель. А в условиях Океании это сопряжено с огромными, порой непреодолимыми трудностями, причем наибольшие опасности таят наветренные берега вулканических и особенно коралловых островов.

Вот далеко не полный перечень «бед и зол», ожидающих мореплавателей в прибрежных водах океанийских островов:

1. *Рифы*. Затопленные и полузатопленные в часы прилива, невидимые в ночное время и в туман. Сплошные рифовые кольца коралловых атоллов (узкие проходы в этих кольцах крайне опасны); «зубы дракона», рассеянные в полосе побережья; «россыпи» подводных скал в межостровных проливах.

2. *Ветры*. Пассаты и морские бризы на наветренных берегах, ветры южных и западных румбов на подветренных. Штили и бризы при сильных прибрежных течениях. Циклоны в морях Западной Океании.

3. *Течения*. Приливные течения у барьерных рифов, у высоких берегов, в бухтах, межостровных проливах и в узких, усеянных рифами проходах. Прибрежные течения, вызываемые неустойчивыми ветрами, часто внезапно меняющие свое направление.

Яростный гул прибоя и пенистые гребни — опасные приметы наветренных берегов. В полосе пассатов прибой и волнение создают огромные трудности для проводки судов к этим берегам. Но не менее опасны бывают и подветренные берега.

К югу от южной группы островов Кука и архипелага Туамоту на море постоянно отмечается волнение от юго-западных румбов. Вызывают его устойчивые западные ветры «ревуших сороковых», которым есть где разгуляться на океанском просторе. Лоции Тихого океана указывают, например, что по этой причине «на низких островах архипелага Туамоту серьезное препятствие к высадке — сильный накат на берегах, подветренных по отношению к пассатам; часто у подветренных берегов искать пристанища опаснее, чем у наветренных».

Мы никогда не узнаем, сколько легкокрылых лодок и неуклюжих плотов погибло на подходах к коварным берегам островов Южных морей. В судовых регистрах можно, однако, найти данные о кораблекрушениях, случившихся за последние полтора века, и потери эти исчисляются многозначными цифрами. Особенно опасны воды архипелага Туамоту, Маркизских островов, Центральных Полинезийских Спорад, Соломоновых островов, Новой Каледонии и северо-восточной Австралии.

Транспортные средства океанийцев

Океанийские миграции охватили необъятную область, и сама географическая амплитуда этих древних переселений свидетельствует, что люди, которые из конца в конец прошли всю Океанию, должны были располагать весьма совершенными транспортными средствами и опытом вождения судов в сложных условиях Южных морей. Однако развитие техники морских связей в каждой из областей Океании шло разными путями.

Меланезия. О наземном транспорте меланезийцев говорить не приходится. И не их вина, а их беда, что тяжелые грузы им приходилось переносить на своих плечах, не пользуясь даже такими примитивными видами транспорта, как тачка или двуколка. Островные дуги Меланезии оторвались от Азиатского материка в те далекие геологические времена, когда в Азии не было еще ни лошадей, ни ослов, ни буйволов. Поэтому обитатели Меланезии не знали животных, которых можно было использовать как тяговую силу. Творческая мысль меланезийцев, людей, живущих у «Большой соленой воды», естественно, обратилась к средствам водного транспорта. «Состояние судоходства, — пишет немецкий этнограф-океанист Ганс Дамм, — которое на меланезийских островах застали первые европейцы, не дает и малой доли представления о тех отважных меланезийских мореходах, которые когда-то бороздили просторы Тихого океана...» (8, стр. 221)

Основным видом меланезийского морского транспорта была длинная (до 20, чаще 4—5 м) и очень узкая (50—70 см) лодка однодеревка с балансиром. Балансир — деревянный поплавок — прикреплялся к корпусу лодки поперечными стержнями (обычно с правой стороны) и придавал ей большую опорную площадь. Лодка с балансиром — судно весьма устойчивое; она удерживается на плаву даже на очень большой волне и, будучи опрокинутой, легко возвращается в исходное положение. Лодки приводились в движение гребками, но применялись и паруса из тонких циновок — квадратные и треугольные.

На восточных берегах Новой Гвинеи пользовались спаренными однодеревками — локтями, очень длинными (до 20 м и более) судами, на которых ходили под парусами странной формы (они походили на клешни рака). Такие же спаренные лодки были у обитателей островов Санта-Крус (8). На Соломоновых островах, архипелаге Бисмарка и Молуккских островах местные жители пользовались дощатыми лодками без балансира — *монами*. По своим мореходным качествам моны уступали куда менее импозантным однодеревкам. Моны были не столько транспортными, сколько боевыми судами, и воинственные племена архипелага Бисмарка и Соломоновых островов применяли их в частых морских баталиях.

Дощатая лодка (мон). Соломоновы острова
Из книги Ганса Дамма «Канака»

Мы убедимся в дальнейшем на примере полинезийских судостроителей и мореходов, что лодки для океанийцев не просто средство передвижения. Это одухотворенные создания человеческих рук, надежные и горячо любимые друзья. К ним океанийцы относились так же любовно, как скифы к своим густогривым скакунам. И корабельщики Соломоновых островов, Таити, Новой Зеландии, Самоа и Тонгатабу весь пыл души своей тратили на украшение лодок. Это было высокое и гордое искусство.

Многие этнографы, специально изучавшие меланезийские средства морского транспорта (Г. Фридрици, Дж. Хорнелл; 34, 36а), отмечали, что на однодеревках с балансирами островитяне совершали порой довольно основательные переходы в открытом море. Ганс Дамм вспоминает, что жители острова Тами, расположенного у северного берега Новой Гвинеи, ходили на однодеревках за 200 км к южной оконечности Новой Британии. Мореходы с соломонийского острова Саа совершали на этих лодках шестидневные плавания на дальние острова того же архипелага. Опыт межостровных переходов имели также жители островов Санта-Крус и архипелага Бисмарка. Однако узкие и маловместительные меланезийские однодеревки для дальних морских плаваний были все же мало приспособлены и по своим мореходным качествам далеко уступали судам, которыми пользовались полинезийские и микронезийские мореплаватели.

Пожалуй, меланезийцы и не нуждались в более совершенных транспортных средствах. Ведь меланезийские архипелаги — это цепочки крупных, расположенных неподалеку друг от друга островов. В пределах этих архипелагов, держась у берегов больших островов и передвигаясь от острова к острову, местные жители могли плавать на лодках однодеревках, не обременяя их многодневными припасами и не выходя за пределы видимости берега *.

Нельзя не отметить, что и круг географических представлений меланезийцев был куда уже, чем у их восточных соседей. Когда в 1774 г. Джеймс Кук открыл центральные и южные острова Новогвинеидской группы, его крайне поразило, что жители острова Эфате, расположенного в самом центре этого архипелага, не имели понятия об островах, лежащих в нескольких милях к северу и к югу от их родины (14, стр. 430). Столь же ограничен был и кругозор новокаледонцев.

Прибрежные плавания весьма малого радиуса не способствовали развитию тех областей знания, которые связаны с навигационным искусством. Меланезийцы были весьма посредственными астрономами, ведь свои однодеревки они вели не по звездам, а по наземным ориентирам **.

Не сохранили они в отличие от полинезийцев и преданий о своем далеком прошлом. Поэтому с их слов нельзя почерпнуть никаких сведений об истории заселения этой обширной островной области.

Полинезия и Микронезия. Мореходная техника полинезийцев и микронезийцев в те времена, когда первые европейские мореплаватели вступили в воды Океании, достигла необычайно высокого уровня. Работая каменными топорами и сверлами из раковин, не имея ни малейшего представления о металлических гвоздях, обитатели островов Полинезии и Микронезии строили суда, отлично приспособленные для дальних плаваний в открытом океане и для сложных маневров в опасных прибрежных водах с их коварными течениями, рифами и мелями.

На той стадии развития, на которой полинезийцы и микронезийцы находились во времена Магеллана, Кироса и Кука, ни

* Только на дальних восточных рубежах Меланезии — на островах Фиджи, судостроение и мореходная техника достигли высокого уровня. Но Фиджийская островная группа, пожалуй, в равной мере относится и к Меланезии, и к Полинезии, и фиджийские каноэ куда ближе по конструкции к тонганским, самоанским и таитянским судам этого типа, чем к однодеревкам обитателей Новых Гебрид и Новой Гвинии.

** Эти ориентиры меланезийские мореходы умели обозначать и опознавать. Они отмечали опасные места у рифов особыми вежами и великолепно знали все береговые приметы. В водах, омывающих Новую Гвинею и архипелаги Адмиралтейства и Бисмарка, и сейчас лучшие лодманы — старожилы этих мест; они без карт и лоций искусно проводят мелкие суда через лабиринты рифов и мелей.

один народ на земном шаре не создавал столь совершенных средств морского транспорта. Их каноэ далеко превосходили и по своим мореходным качествам, и по емкости корабли античного Средиземноморья. Геродот не без удивления писал о судах персидского царя Ксеркса, на которых помещалось около двухсот гребцов и воинов. Но на острове Раиатеа (острова Общества), на Таити, на островах Тонга строились каноэ, рассчитанные на двести пятьдесят — триста человек, а на островах Самоа сооружались суда-левиафаны, которые могли вместить пятьсот — шестьсот пассажиров. При этом и египтяне, и финикийцы, и греки плавали, придерживаясь берегов, со скоростью не более 70 миль в сутки. А древние полинезийские Колумбы, которых видный новозеландский этнограф Те Ранги Хироа образно назвал «мореплавателями солнечного восхода», бороздили необъятный океан, неделями не видя берега, совершая свои переходы со скоростью 140—150 миль в сутки (33, 35) *.

Типы судов, их оснастка, их конструктивные особенности отличались большим разнообразием. Небольшие лодки однодеревки с одним балансиром (всегда укрепленным с правой по ходу судна стороны) использовались для местных сообщений и при рыбной ловле на всех островах Полинезии и Микронезии, за исключением островов Мангарева (Гамбье) — небольшой группы островов к югу от архипелага Туамоту, где по непонятным причинам местные жители плавали только на плотах **.

«На первый взгляд, — пишет Те Ранги Хироа (17, стр. 33—34), — выдолбленная из дерева лодка, с которой соединен поддерживающий ее балансир, представляет собой простое сооружение. Но если принять во внимание, что для постройки такого судна надо повалить дерево, разрезать его на куски определенной длины, а затем придать им внешнюю форму и выдол-

* Крупнейший английский специалист в области древней географии Дж. Томсон, оценивая уровень мореходного искусства Древней Греции, пишет, что парусные торговые корабли того времени, как правило, были небольшими, а техника плавания на парусах и рулевое управление весьма несовершенными. «Навигационный период был коротким и продолжался только 50 дней после летнего солнцестояния... Корабли обычно плавали вдоль берега или от одного мыса к другому, хорошо видимому в ясном воздухе. Редко плавали ночью или пускались в открытое море, где трудно было держать определенный курс... В течение дня плавания на парусах можно было пройти от 500 (что, по-видимому, было обычным) до 700 стадий [от 50 до 70 морских миль]» (16а, стр. 78—79).

** Плоты различных конструкций применялись на многих островах Восточной Океании, и в искусстве управления этими транспортными средствами полинезийцы достигли больших успехов. В межостровных плаваниях малого радиуса плоты (и, в частности, катамараны) использовались очень широко. Однако они не могли конкурировать с однопалубными и двойными каноэ, и Одиссей нашего времени Эрик Бишоп, чей плот «Таити-Нуи I» построен был по древним полинезийским образцам, явно переоценивал возможности этого вида океанийского транспорта.

бить их изнутри каменным теслом, то проникаешься уважением к сооружению даже самого простого челнока. Выдолбленные из целых стволов маленькие рыболовные лодки были так узки, что они легко переворачивались. Для того чтобы придать их корпусу большую остойчивость, стали применять балансир в виде длинного куска легкого дерева, державшегося на поверхности воды на небольшом расстоянии от лодки. Обычно балансир соединялся с корпусом лодки при помощи двух поперечных перемычек... Чтобы такой поплавок держался на воде, перемычки должны были либо изгибаться по направлению к балансиру, либо, если они прямые, соединяться с ним при помощи особых деревянных креплений».

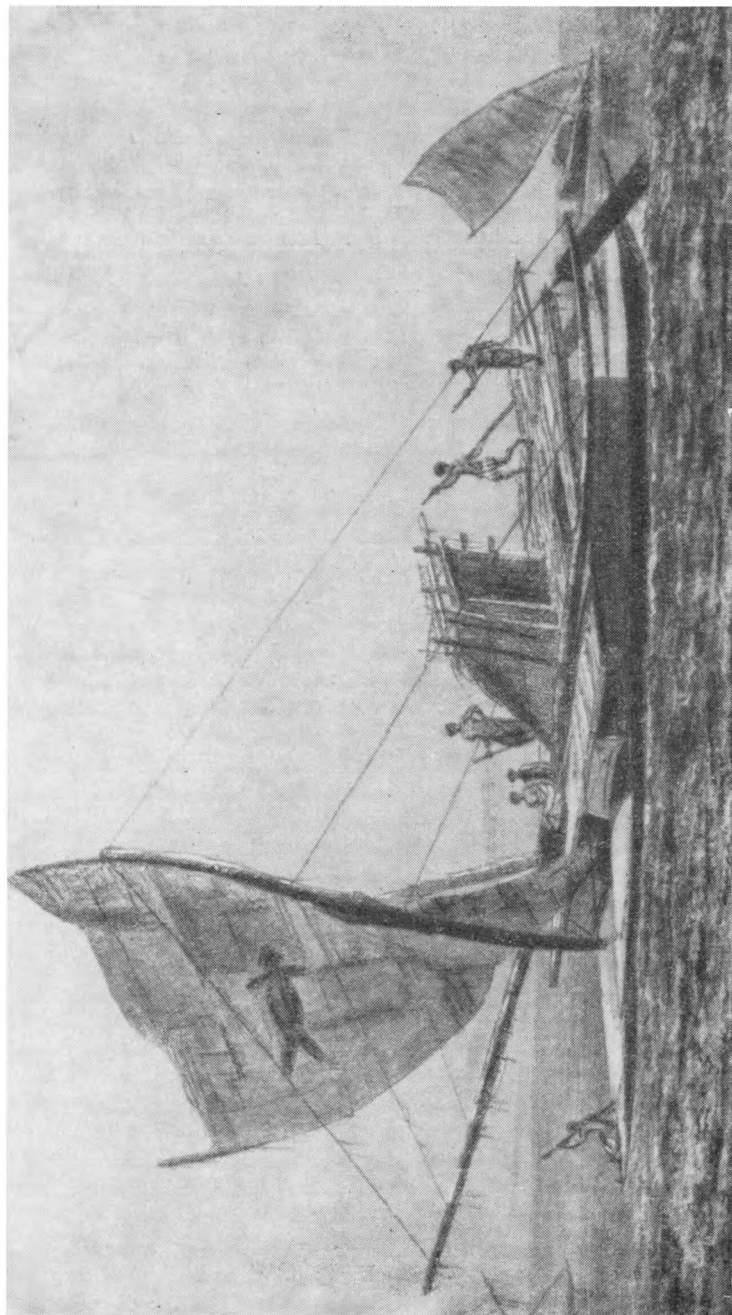
Все части каноэ шивались друг с другом прочными шнурами из растительного волокна. Для этого просверливали отверстия, а затем продевали в них шнур, частыми стежками скрепляя различные части корпуса. В западной Полинезии способ связки был более совершенным.

В Полинезии применялись только каноэ с одним балансиром. Лодки с двумя балансирами — столь распространенный тип судов в Индонезии, на Мадагаскаре и на Коморских островах — встречались здесь очень редко*.

На долбленых каноэ, имевших очень низкие борта, плавать в бурных водах открытого моря было не слишком удобно. Практика дальних плаваний выработала поэтому более совершенные конструкции лодок. На корпус однокорпусов сперва стали наращивать высокие дощатые борта, а затем появились сплошь дощатые лодки. Главными требованиями, которые предъявлялись к морским судам, были остойчивость и емкость. Каноэ с одним балансиром удовлетворяли первому требованию, но их емкость была весьма ограничена. В ходе дальнейшей эволюции на основе каноэ с балансиром был разработан новый тип судна — двойное каноэ, которое хотя и уступало в скорости каноэ с балансиром, но зато имело неоценимое преимущество — большую грузоподъемность. Такие каноэ встречались на Гавайях, островах Общества, архипелаге Туамоту, Маркизских островах, островах Кука и в Новой Зеландии (36).

В западной Полинезии, однако, получила распространение другая разновидность более совершенной конструкции. В судах этого типа сохранен был принцип микронезийского парусного каноэ с балансиром, чтобы судно могло под парусом идти и кормой, и носом в нужном направлении даже против ветра, но корпуса лодок были неодинаковой величины — меньшая имела сигарообразную форму и фактически служила поплавком. Мач-

* Некоторые исследователи полагают, что лодки с одним балансиром — это потомки индонезийских двухбалансирных каноэ и что новый тип выработан был практикой плавания в бурных водах открытых морей Океании.

Каное с балансиром в открытом море. Остров Тонгатабу
Рис. Ходжса, из книги Beaglehole «*Voyage of «Resolution» and «Discovery»*»

ты устанавливались на большей лодке в средней ее части. По мнению Хеддона и Хорнелла (36), такие суда созданы были сперва на островах Фиджи и только во второй половине XVIII в. появились у тонганцев и самоанцев.

Прекрасное описание тонганских двойных каноэ дал Джеймс Кук, который в 1773 и 1774 гг. дважды посетил острова Тонгатабу и Эуа в архипелаге Тонга (14).

На Таити в 1774 г. Кук наблюдал маневры местного военного флота. В бухте Пара, на северо-западном берегу острова, собрано было сто шестьдесят боевых двойных каноэ и сто семьдесят транспортных каноэ того же типа, причем, по расчетам Кука, на этих судах вышло в море семь тысяч семьсот шестьдесят человек. Боевые каноэ достигали в длину 90 футов (около 30 м) и рассчитаны были на сорок — пятьдесят человек.

На таитянских верфях Кук видел строящиеся двойные каноэ-гиганты длиной 108 футов. Но это были суда не таитянской конструкции. Они сооружались по образцу исполинских каноэ (*пахи*) соседнего острова Раиатеа, а остров этот славился искуснейшими судостроителями и кормчими (14).

О великолепных мореходных качествах полинезийских и микронезийских каноэ единодушные отзывы можно встретить у всех европейских путешественников XVI—XIX вв., начиная от спутника Магеллана — Пигафетты вплоть до Кука, Лаперуза, Крузенштерна, Коцебу и Литке.

В 1960—1961 гг. были проведены очень интересные испытания различных моделей океанийских каноэ в искусственных бассейнах, причем воспроизводилась аэродинамическая обстановка, соответствующая истинной обстановке в тропических широтах Тихого океана. «Можно заключить, — пишет Ч. Бехтол (25, стр. 101) — автор сообщения об этих экспериментах, — что все типы каноэ могут успешно идти против ветра. При этом каноэ с V-образным или круглым дном и большим рулевым веслом могут держаться под углом 45° к ветру, а лучшего курса нельзя ожидать даже от наиболее совершенных современных парусных кораблей».

Лодки нужны были полинезийцам и микронезийцам как воздух. Без лодок нельзя было вести лов рыбы, без лодок невозможно было общаться с соседями, живущими на ближних и дальних островах. Естественно, что строители лодок заняли почетное положение в обществе. Мастера-лодочники считались избранниками богов и пользовались всеобщим уважением, а закладка каноэ и спуск его на воду сопровождалась торжественными религиозными церемониями.

«Каждый мастер, — пишет Те Ранги Хироа, — имел собственный набор инструментов, состоящий из тщательно отбитых и прекрасно отшлифованных тесел и резцов... Инструментам придавали разнообразные формы и привязывали их шнуром,

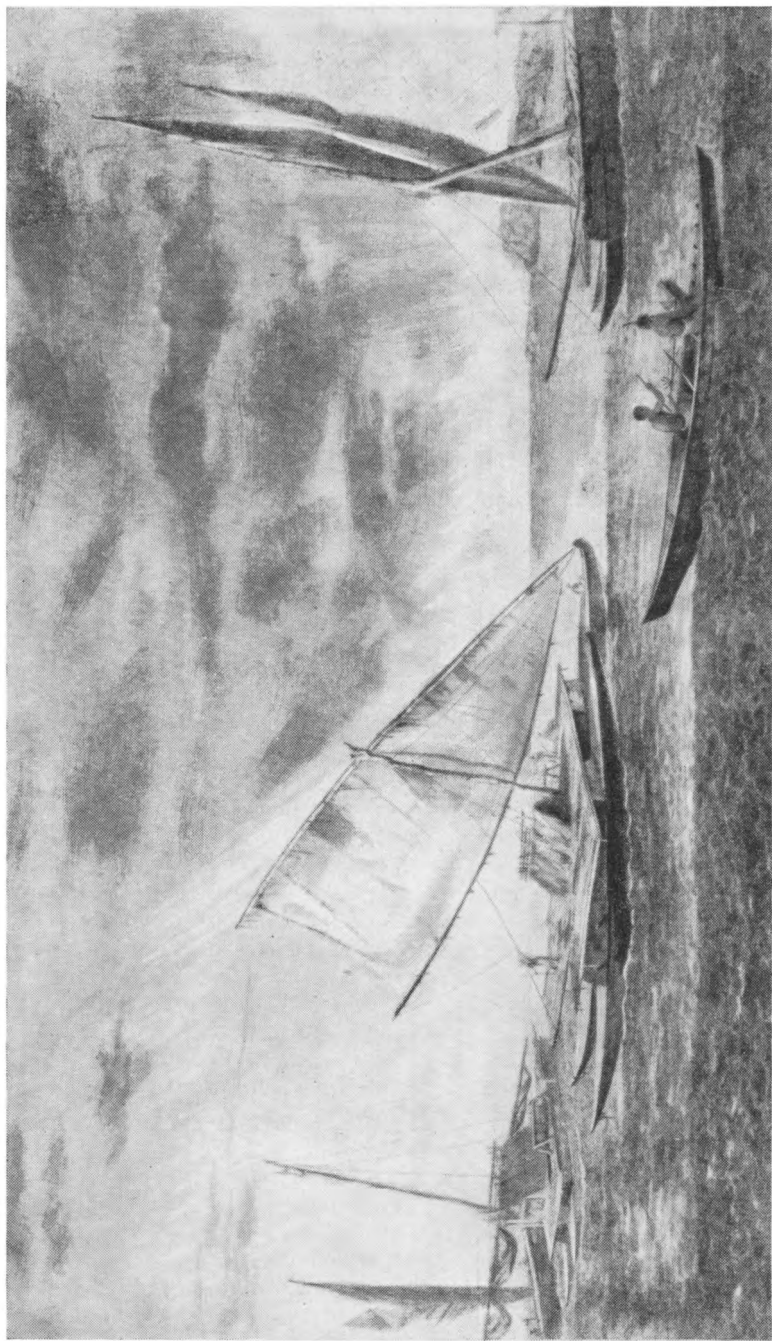

Рис. Ходжа; из книги Джамса Кука «Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг.»

сплетенным из кокосового волокна и травы, к деревянным рукояткам...

...Полинезийцы рубили деревья как в долинах, так и на возвышенностях; облегчая свой труд песнями и заклинаниями, они тащили отесанные стволы деревьев под плотничий навес. Они раскалывали бревна и придавали им различную форму; одни сорта древесины шли на изготовление килей, другие — на доски для корпуса и настила. Когда тесла плотников раскалялись и становились хрупкими от трения, их загоняли в сочные банановые стволы, чтобы они там остывали. Время от времени тесла точили на глыбах песчаника. Доски корпуса подгоняли плотно друг к другу и располагали одну над другой, образуя гладкую обшивку, причем верхний край каждой нижележащей доски обмазывался мокрым илом. При этом обнаруживались все шероховатости, отпечатываясь грязными пятнами на верхней доске; затем они стесывались и оба края точно подгоняли друг к другу; швы промазывались толченой кокосовой шелухой, смешанной с клейким соком хлебного дерева. По краям смежных досок просверливали по паре отверстий, пользуясь при этом раковинами теребра, острыми прутьями твердых пород дерева или каменными резцами. Через эти отверстия продевалась веревка, сплетенная втрое из волокна кокосовой кожуры. Так соединялись отдельные части лодки.

При постройке судна две пары мастеров работали по обеим его сторонам, располагаясь симметрично по отношению к килю.

...Ладья оснащалась мачтой, парусами, веслами-гребками, ковшами и каменными якорями. На некоторых ладьях устанавливали до трех мачт. Паруса изготавливали из циновок, сплетенных из пандануса, которые сшивали, придавая форму треугольника, и натягивали на деревянные рей, чтобы укрепить длинные стороны паруса. Ладьи оснащались иногда парусом-шпринтовом с вершиной треугольника у основания мачты или «латинским» парусом с реями, укрепленными на мачте, причем вершина находилась впереди на носу. В то время как длинные ладьи скандинавских викингов были снабжены веслами в уключинах, для лодок мореходов Тихого океана были характерны весла-гребки. Преимущество обычных весел заключалось в том, что уключины превращали их в рычаги, но у них был тот недостаток, что гребцам приходилось сидеть спиной к движению лодки. Полинезийские же гребцы смотрели вперед на надвигающиеся волны и убегающий горизонт. Широко открытыми глазами они пристально глядели на раздвигавшиеся перед ними океанские просторы.

...Спуск на воду большой лодки был более важным событием в жизни полинезийцев, чем спуск с европейских или американских верфей океанского лайнера или военного корабля. На Западе за этим событием равнодушно наблюдают несколько

избранных гостей, тогда как в Полинезии в спуске судна на воду принимало участие все население округа... (16, стр. 35—39).

Навигационное искусство полинезийцев и микронезийцев

Никаких навигационных приборов у полинезийцев не было*. И тем не менее полинезийские мореплаватели не только пересекали широкие межостровные моря по наперед заданному курсу, но и приводили свои суда в назначенное место с точностью, завидной для европейских штурманов, вооруженных компасом, секстаном и хронометром.

В 1769 г. Джеймс Кук взял на борт в таитянской бухте Матаваи Тупиа, юношу с острова Раиатеа. Со слов Тупиа были положены на карту семьдесят четыре острова, причем Тупиа указал, под каким румбом и на каком расстоянии от Таити лежат эти острова. Тупиа точно определил местоположение всех островов Общества и с некоторыми погрешностями дал сведения об островах западной части архипелага Туамоту, Маркизских островах, архипелага Тубуаи, островах Кука (южной группе) и Аустральных островах. Кое-какие представления Тупиа имел и об архипелагах Самоа и Тонга. Тот же Тупиа привел Кука на остров Руруту, расположенный в 350 милях к юго-юго-западу от Таити. Удивительнее всего, что в далекой Батавии (Джакарте) (в этом городе Тупиа умер на пути из Океании в Англию, куда он отправился с Куком) Тупиа совершенно точно по созвездию Пояса Ориона указал то направление, в котором лежит остров Таити.

В 1777 г. Куку на островах Тонга называли девяносто семь островов, рассеянных в западнополинезийских водах.

Испанский мореплаватель Андиа-и-Варела, посетивший острова Общества в 1772 г., подробно описал навигационную практику полинезийцев. Это описание — плод многочисленных «интервью», взятых у таитянина Пукуро, совершившего с испанцами вояж в Перу. «У островитян, — писал Андиа-и-Варела, — нет компаса, но они круг горизонта делят на шестнадцать секторов, и главные направления соответствуют тем местам, где солнце восходит и заходит... Выходя из гавани, кормчий мысленно

* Правда, на Гавайских островах применялся весьма примитивный прибор для определения высоты Полярной звезды, так называемая священная тыква — полая тыква с отверстиями, прорезанными на разных уровнях. Но нет уверенности, что этот прибор вошел в навигационную практику до открытия Гавайских островов европейцами. Некоторые исследователи считают, что «священная тыква» появилась на Гавайях лишь в конце XVIII или в начале XIX в.

отсчитывает должные румбы, ведя эти отсчеты с востока. Он знает, в каком направлении нужно вести судно, он учитывает, дует ли ветер с кормы, в левую или правую скулу или под острым углом к заданному курсу. Он знает, откуда идет волнение на море, и учитывает, в какой мере все эти обстоятельства влияют на его курс. И по тому, откуда дует ветер и идет волнение, избирает наиболее выгодный путь, учитывая снос под ветер. Задача осложняется, если день облачный, ибо тогда у кормчего нет ориентиров. Перемену ветра он улавливает, пользуясь флюгерами-султанами из перьев или пальмовых волокон... Ясной ночью островитяне идут по звездам, и это для них легче всего, ибо по многим звездам они не только определяют курс, на котором лежат те или иные острова, но даже направление на определенную гавань какого-либо из этих островов, они держат прямо в эту гавань, ориентируясь на определенные звезды, которые заходят или восходят над нею; они «ловят» эти звезды с такой же сноровкой, как и самые опытные и сведущие мореплаватели цивилизованных стран.

Они отличают планеты от звезд, и планеты имеют у них свои названия, равно как и звезды. Звезды, по которым они ходят от острова к острову, называются по соответствующим островам...

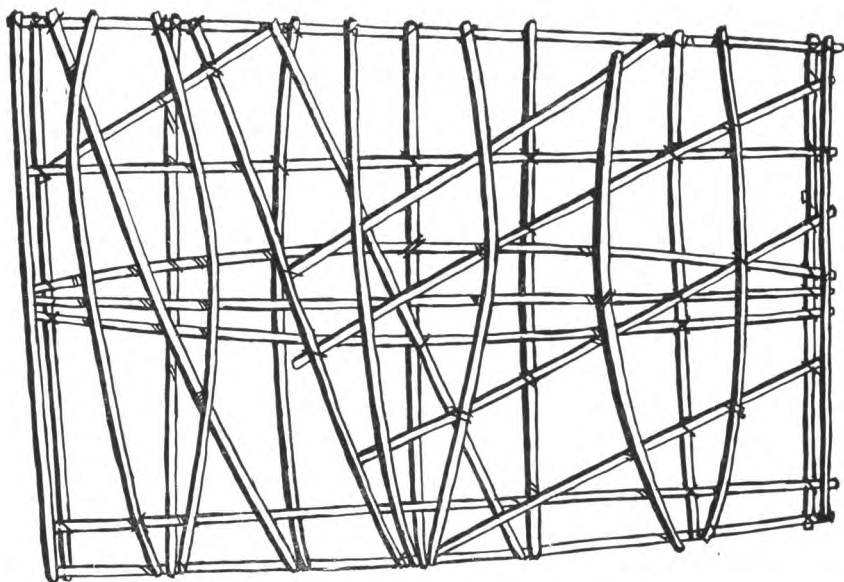
Больше всего меня поразило, когда два островитянина, которых я взял на Раятеа, еженощно предсказывали мне, какая будет завтра погода — ветер ли, дождь, ясное небо, и будет ли на море большая или малая волна, причем они ни разу не ошиблись в своих прогнозах.

Право же, такой дар достоин зависти; ведь наши мореплаватели и космографы, хоть и много пишут на сей счет, в подобных предсказаниях не слишком искушены» (32, т. II, стр. 284).

Звездное небо было для полинезийцев открытой книгой. Это совсем не то небо, под которым плавали финикийцы, греки и норманны. Только на Гавайях и Марианских островах видна была чуть выше линии горизонта Полярная звезда. Южнее экватора она исчезает с небосклона, и на темном тропическом небе ее замещает Южный Крест. По звездам Южного Креста, Поясу Ориона, Антаресу (α созвездия Скорпиона), Центавру и по другим светилам южного полушария полинезийцы ориентировались не хуже, чем северяне по Полярной звезде.

В Микронезии навигационная астрономия стояла кое-где, пожалуй, даже на более высоком уровне, чем в Полинезии.

У микронезийцев были и своеобразные морские карты или, точнее, «морские макеты». Делались эти макеты из прутьев и прожилок пальмовых листьев. Переплетениями таких прутьев и прожилок обозначались морские течения; острова отмечались на макетах белыми раковинами. Такие макеты, очевидно,

Макет карты морских течений, сделанный из прутьев. Маршалловы острова
Из книги Ганса Дамма «Канак»

использовались как учебные пособия, по которым азы навигационного дела изучали юные мореходы. «Один старик с островов Гилберта рассказывал в 1942 г., как он изучал астрономию лет шестьдесят назад, когда ему было лет четырнадцать. Это происходило в мужском доме. Карниз изображал восточный горизонт, крыша — небо, коньковая балка — меридиан, верхушка центрального столба — звезду Ригель. Строительные балки как бы делили небо на участки, и каждое созвездие имело свое воображаемое место на крыше. Он изучил сто семьдесят восемь звезд и созвездий, указывал их место на стропилах, высоту их над карнизом (горизонтом) при восходе и закате солнца в любое время года. Лишь после этого он перешел к изучению звезд на небе и маршрутов к различным островам» (15, стр. 746).

Огромное значение для мореплавателей имели береговые ориентиры. По ним определяли курс, выходя из гавани. Очень любопытная система таких ориентиров была у обитателей архипелага Гилберта и на островах Кука. На одном из островов Гилберта местные жители в первой половине XIX в. пользовались каменными указателями (они называли их те-атибу-ниборау — камни для путешествий), по которым намечались курсы на соседние острова. Так же как и викинги, полинезийцы счет пройденных расстояний вели по дням (точнее, по ночам), причем в среднем эта единица пути соответствовала 144 милям.

Множество примет, неуловимых для органов чувств европейского мореплавателя, верой и правдой служило полинезийским мореходам. Землю они порой за сутки узнавали по едва уловимым запахам суши, который доносили до кораблей береговые бризы. Морские птицы не слишком верная примета близости берега, но полинезийцы умело пользовались и этим признаком суши. Пучки водорослей, косяки рыб, цвет воды — все это учитывалось кормчими, которые по совокупности таких примет вводили нужные поправки к курсу судна. Зеленоватые блики на небе — отражения дальних лагун коралловых атоллов*, облака над невидимыми высокими островами, первые дуновения береговых бризов — все эти признаки полинезийские викинги знали назубок и пользовались ими с большим искусством.

Море было для них родной стихией; его капризы ведомы им с младенческих лет. Они не боялись ни грозных бурь, ни предательских штилей. Эти дети моря были великолепными пловцами. Заплывы на 40, 50 даже 60 км казались им делом совершенно заурядным, и на воде они могли держаться часами.

Надо сказать, что в Восточной Океании сама природа была благосклонна к мореплавателям. Небо к северу от 28° ю. ш. почти всегда ясно, облака застилают его лишь в ту пору, когда дуют не очень частые западные ветры, пассаты же всегда сопровождаются чудесной погодой, ясной и не слишком жаркой. Видимость в полинезийских морях отличная, и высокие острова зоркий глаз различает на расстоянии 80—100 миль. При плаваниях в западном направлении Южное Пассатное течение и юго-восточные пассаты — свежие и устойчивые ветры — позволяют без труда держаться на избранном курсе.

Отметим, что с приходом европейцев мореходное дело в Полинезии и Микронезии вступило в полосу непрерывного упадка. Английские и французские колонизаторы приложили немало усилий, чтобы парализовать творческую энергию океанийских судостроителей и мореплавателей. Уже к середине XIX в. большие быстроходные каноэ стали редкостью на Таити, островах Тонга и Самоа. В Новой Зеландии англичане согнали прибрежные маорийские племена с насиженных мест и оттеснили их в глубь страны, прервав таким образом живую их связь с морем. Последнее двойное каноэ того типа, которым Кук любовался на Тонгатабу, было спущено на воду в 1913 г. Куда меньше стало легких, как чайки, каноэ с балансиром. Дальние плавания потомки полинезийских и микронезийских Одиссеев совершают теперь уже в качестве матросов на паровых и дизельных судах, перевозящих копру и уголь, судах, которые плавают в водах Океании под чужими флагами...

* Экипаж «Кон-Тики», находясь в трех днях пути от атолла Ангатау, заметил в небе зеленые отсветы островной лагуны — радостную примету еще далекой земли.

Случайные открытия или последовательное заселение?

В 1957 г. в Лондоне вышла книга новозеландского историка Эндрю Шарпа «Древние путешественники в Тихом океане» (53).

В отличие от Те Ранги Хироа, ученого-энтузиаста, склонного к известной переоценке мореходных возможностей полинезийцев, Шарп с нескрываемым скептицизмом оценивает деятельность мореплавателей солнечного восхода. Признавая, что Полинезия была заселена в ходе многочисленных дальних и ближних морских экспедиций, в разное время организованных ее обитателями, Шарп считает, однако, что подавляющее большинство плаваний предпринято было случайно, без заранее обдуманного намерения. Шарп ставит под сомнение эффективность навигационных навыков полинезийцев и отмечает, что многие обстоятельства указывают на то, что контакты между различными архипелагами и островами Полинезии были непостоянными.

«Полинезия, — говорит он, — это множество миров в себе, миров недоступных, которые могли быть открыты только в ходе случайных миграций. Предел эффективности плавания определяется тем расстоянием, которое могло быть достигнуто при немногочисленном путешествии в открытом море в условиях, если ветры и течения благоприятствовали такому путешествию.

Преднамеренные контакты на расстояниях, превышающих 100 миль, в водах, где отсутствуют промежуточные острова, могли быть осуществлены только между островом Ротума и островами Эллис (200 миль), островами Фиджи и Самоа (150 миль), Таити и Туамоту (170—230 миль) и Раротонга и Атиу (116 миль). Но такие изолированные мирки, как Гавайские, Маркизские острова, архипелаг Токелау и другие, были заселены лишь в ходе одиночных плаваний на случайных каноэ» (53, стр. 30).

Почему, спрашивает он далее, не было бататов на Самоа и островах Кука, свиней на Новой Зеландии, островах Мангаиа, Аитутаки, Мангарева и на острове Пасхи. Почему не было собак на Маркизских островах? Почему письменность существовала только на острове Пасхи, а криволинейный орнамент только на Новой Зеландии, почему так велики различия в культурах западной и восточной Полинезии, Гавайев и Новой Зеландии? Ответ на все эти вопросы он дает один: Полинезия заселялась случайно и беспорядочно.

Книга Шарпа вызвала оживленную дискуссию, в которой приняли участие не только виднейшие океанисты, но и моряки, причем и те и другие подвергли основательной и всесторонней критике воззрения новозеландского скептика*.

* В период подготовки к печати этой книги в Советском Союзе появилось новое издание труда Э. Шарпа под измененным титулом «Древние путешественники в Полинезии». Шарп учел итоги новейших исследований и воз-

Наиболее убедительный ответ дали Шарпу американский археолог Роберт Саггс и группа авторов (31, 35), чьим работам по истории полинезийского мореплавания было посвящено несколько специальных выпусков новозеландского журнала «Journal of Polynesian Society».

Ни один из этих авторов не отрицает, что случайные плавания играли в истории освоения Полинезии очень большую роль. Не отрицают они, что нередко раз установленные контакты прерывались и этим во многом объясняются различия в материальной культуре отдаленных друг от друга островов и архипелагов. Но решающую роль в заселении Полинезии все же сыграли не горе-путешественники, отнесенные ветрами к неведомым берегам, а мореплаватели, которые бороздили воды Океании по определенным маршрутам и с определенной целью.

Лучший ответ Шарпу был дан за сто восемьдесят восемь лет до выхода его книги раиатейцем Тупиа, который, как мы уже это отмечали, указал Куку местоположение семидесяти четырех островов в радиусе 1500 миль. Никто, однако, не видел Тупиа у рулевого весла быстрокрылого каноэ, и скептики могут не без основания сказать, что географический кругозор отнюдь еще не свидетельствует о постоянных контактах между Раиатеа или Таити и этими семьюдесятью четырьмя островами. Но вот другой пример, свидетельствующий не только об обширных географических познаниях полинезийцев, но и об огромном опыте их дальних морских плаваний.

В начале XIX в. англичанин Маринер, долгое время проживший на островах Тонга, записал случай (и при этом заурядный), который произошел с местным вождем Кау Моалою.

Кау Моала отправился на своем каноэ на острова Фиджи, попытался оттуда вернуться на родной остров Вавау (от Фиджи до Вавау 220 миль), но не смог высадиться там и отправился за 300 миль на острова Самоа. Ветры отнесли его за 400 миль

ражения своих многочисленных оппонентов и несколько смягчил прежнюю точку зрения, хотя и сейчас он полагает, что двусторонние постоянные связи были невозможны между островами, удаленными друг от друга на расстоянии свыше 300—360 миль (53а, стр. 32).

«Хотя, — пишет он, — преднамеренные плавания не привели к открытию отдаленных друг от друга островов Полинезии, но следует думать, что в Полинезии действенным фактором было преднамеренное освоение (exploration). Люди, которые отправлялись в плавание в поисках новых земель, были именно освоителями (explorers), но они не открывали никаких земель по заранее обдуманному плану» (53а, стр. 32—33). Таким образом, Шарп полагает, что первооткрытия, совершенные на дальних дистанциях, всегда носили случайный характер, хотя сами плавания и могли предприниматься ради освоения новых земель.

«Только незадачливый термин «путешествие по воле ветра» (drift voyage) может быть применен для характеристики процесса открытий, сопровождавшихся заселением» (53а, стр. 34). Таков вывод Э. Шарпа, с которым трудно согласиться, поскольку он противоречит фактам.

к острову Футуна. Там он пробыл год, затем при попутных ветрах прошел 350 миль к острову Ротума, оттуда совершил переход на острова Фиджи и затем уж возвратился к себе на Вавау. В общей сложности Кау Моала прошел свыше 1500 миль, причем, если исключить «вынужденную посадку» на острове Футуна, все его маршруты были намечены заранее с учетом условий наиболее благоприятных для межостровных переходов.

От Гавайских островов до Таити 2240 миль — дистанция, которая более чем в двадцать два раза превышает «стомильный предел» Шарпа. Много лет назад известный океанист Перси Смит записал гавайскую легенду, в которой содержались следующие навигационные рекомендации: «...если ты плывешь к Каики [Таити], то должен знать, когда появятся новые звезды над безбрежным океаном. Когда дойдешь до Пико-о-Уакеа [экватора или, точнее, линии раздела Южного Пассатного течения и Экваториального противотечения], то потеряешь из виду звезду Хокупуа [Полярную]. Тогда держись звезды Неве, она будет для тебя путеводной, и созвездия Хуму [Южного Креста], оно также приведет тебя к цели».

Испанские хронисты XVII в. упоминают о частых плаваниях жителей острова Палау (Каролинские острова) и Марианских островов на острова Минданао и Самар Филиппинского архипелага.

В одном из тех специальных выпусков журнала «*Journal of Polynesian Society*», на который мы выше уже ссылались, помещена чрезвычайно интересная таблица случайных и не случайных плаваний, которые совершили обитатели Полинезии и Микронезии за время с 1777 по 1959 г. Разумеется, судить о мореходных возможностях далекого прошлого мореплавателей солнечного восхода по данным конца XVIII, XIX и XX вв. трудно, и материалы этой таблицы имеют лишь относительное и вспомогательное значение. Но следует иметь в виду, что в ней сведены исключительно данные о плаваниях на океанийских транспортных средствах, преимущественно на каноэ с балансиром. Из двухсот восемнадцати маршрутов шестьдесят три — преднамеренные и многие из них многодневные.

Особенно интересны данные о дальних плаваниях в Микронезии, которые заимствованы из описания путешествия на «Рюрике» прославленного русского морехода О. Е. Коцебу (1817 г.) (12) и записок американского капитана Чарлза Уилкса (1839—1842 гг.). О. Е. Коцебу и А. Шамиссо упоминают о семидесятидневном плавании с островов Яп и Улити, расположенных в западной части Каролинской группы, к атоллу Аур (Маршалловы острова). В струе Экваториального противотечения несколько островитян совершили переход протяженностью 2500 миль! Сам Коцебу говорит о восьмимесячном плавании островитянина Каду и трех его спутников. Каду прошел

1500 миль от Марианских островов к атоллу Аур. Ч. Уилкс со слов жителя острова Куриа (архипелаг Гилберта) получил весьма точные сведения о плаваниях, которые совершил в конце XVIII в. дед рассказчика. Этот смелый мореплаватель прошел вдоль всего архипелага Гилберта, покрыв в оба конца дистанцию порядка 1500 миль.

В этой же таблице приводятся (правда, под знаком вопроса) сведения о плавании с островов архипелага Гилберта на острова Самоа (около 1300 миль).

Но, пожалуй, наиболее яркие страницы в историю полинезийских открытий внесли те отважные мореходы, которые в X—XIV вв. пересекли широкое водное пространство между островами Общества и Новой Зеландией. Случайным это великое открытие (или, точнее, серию великих открытий) назвать нельзя никоим образом. Опытные кормчие были одновременно и организаторами массового переселения с островов Общества на Новую Зеландию, переселения планомерного, осуществлявшегося по этапам, причем колонисты оседали на заранее намеченных участках побережья Северного острова Новой Зеландии, который выходцы из Гавайки называли страной Те-Икиа-Мауи. И все это происходило за четыреста—шестьсот лет до того, как голландец Тасман «впервые» открыл Новую Зеландию, и лет за восемьсот до появления на этом острове предков Эндрю Шарпа...

История великих переселений из страны Гавайки на Новую Зеландию подробно изложена в книге Те Ранги Хироа «Мореплаватели солнечного восхода» в главе «Южный угол треугольника». Эту главу смело можно назвать новозеландской одиссеей. Книга Те Ранги Хироа дважды издавалась в Советском Союзе, и мы очень рекомендуем читателям ознакомиться с нею.

Пути древних мореходов

По каким путям странствовали мореплаватели солнечного восхода? Ответив на этот нелегкий вопрос, мы можем отчетливо представить себе, в какой последовательности заселялись острова Океании и Австралия и где находились очаги древних переселений, постепенно захвативших все островные созвездия Южных морей.

Заселение Океании. История первоначального заселения Океании во многом неясна. Смутные воспоминания о былых океанийских одиссеях сохранились (и при этом далеко не на всех островах) лишь в преданиях, которые на протяжении многих веков передавались из уст в уста, от деда к отцу, от отца к сыну.

Еще более расплывчаты, еще более зыбки черты той древней прародины, откуда некогда пришли в Океанию предки современных обитателей Меланезии, Микронезии и Полинезии. Где бы ни находилась эта прародина, найти ее нелегко. Ведь за те долгие тысячелетия, которые миновали со времен первых переселений в Океанию, необратимые перемены произошли и там, откуда вышли в свой путь древние аргонавты, и в тех местах, где они утвердились после долгих скитаний.

И тем не менее многое постепенно проясняется. Лингвисты, археологи, океанологи, антропологи, этнографы, ботаники, а в последнее время физики нащупывают и прослеживают незримые нити, связывавшие в далеком прошлом Океанию с остальным миром.

Они сравнивают живые языки островов Южных морей и Юго-Восточной Азии, они сопоставляют материальные остатки древних культур Океании, Китая, Индонезии, Индокитая, Филиппин, Южной Америки, они восстанавливают трассы путей, по которым на острова Тихого океана пришли растения-кормильцы — кокосовая пальма, батат, ямс, таро, хлебное дерево. Они изучают внешние, физические признаки океанийцев и их дальних соседей по одну и по другую сторону Тихого океана. Совсем недавно в армию исследователей-океанистов влились специалисты-физики. Пепел костров, угасших много столетий назад, полустлелвшие частички тканей, осколки раковинных орудий послужили им материалом для радиоуглеродных датировок. На карте Океании появились точные цифры — данные о возрасте древнейших поселений. Цифр этих пока еще очень мало, но уже сейчас они позволяют составить определенное суждение о путях океанийских миграций и о той последовательности, в которой заселялись острова Полинезии.

Океанистика рождалась в спорах, и по самым острым, самым жгучим ее проблемам, проблемам происхождения народов Океании, бурная дискуссия ведется и в наши дни. В настоящее время спор, однако, идет не о географическом положении прародины океанийцев, а о тех путях, по которым осуществлялось заселение Полинезии из Юго-Восточной Азии, и о той роли, которую могли в процессе полинезийского этногенеза играть миграции из Южной Америки.

Вряд ли в наши дни можно говорить о гипотезе американского происхождения полинезийцев. Показательно, что «американист» Тур Хейердал теперь разделяет общепринятую точку зрения о Юго-Восточной Азии как древней родине обитателей Полинезии и расходится со сторонниками теории азиатского происхождения полинезийцев лишь в деталях.

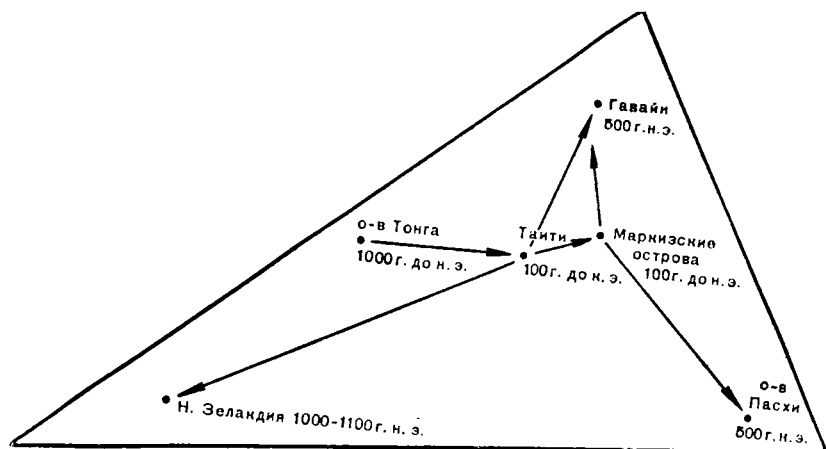
Нельзя не отметить также, что в свете тех бесспорных данных, которыми ныне располагает океанистика, совершенно теряет значение гипотеза автохтонного происхождения океанийцев, то есть взгляд на них как на исконных обитателей этой

части света. Острова Океании заселены были на протяжении последних двух-трех тысяч лет, и если когда-либо в Тихом океане и существовали обширные массивы суши, то было это задолго до появления там *Homo Sapiens*, в давние геологические эпохи, от которых первых океанийцев отделяет глубокая «временная» пропасть.

Несомненно, что прародиной современных океанийцев была не мифическая Пацифида — гигантский материк, погрузившийся в неведомые времена в пучины Тихого океана, и не Американский континент. Корни всех океанийских культур уходят в азиатскую подпочву. Культурные растения и домашние животные, постройки и лодки, каменные орудия, различные особенности хозяйственного уклада — все эти элементы указывают на тесные генетические связи Океании и Юго-Восточной Азии (48, 49). В еще большей степени об этом свидетельствуют языки океанийского, и особенно полинезийского, мира — ветви единой малайско-полинезийской семьи. Трассы этих давних родоначальных связей ведут в Океанию из азиатского юго-востока 2-го и 3-го тысячелетий до н. э.

В этой части Азии этническая картина в позднем неолите и в эпохи меди, бронзы и железа была очень пестрой. До 3-го тысячелетия до н. э. юг Индокитая и Малайский архипелаг населяли негроавстралоидные племена. С 3-го тысячелетия до н. э. в эти области начинают проникать с севера, из Китая, монголоидные племена, которые в настоящее время принято называть протоиндонезийцами. Протоиндонезийцы к 1-му тысячелетию до н. э. прочно осели на новых местах. При этом они частично ассимилировали, а частично «выжали» из тех областей, где они утвердились, негроавстралоидов. Часть этих негроавстралоидов двинулась в Океанию и образовала протомеланезийский субстрат на островах Меланезии. Позднее из азиатского юго-востока двинулись в Океанию и протоиндонезийцы, которые в свою очередь подверглись напору новых монголоидных мигрантов. На рубежах Полинезии и Меланезии сложился в ходе смешения монголоидных и негроавстралоидных элементов полинезийский антропологический тип. Протополинезийцы, укоренившиеся в 1-м тысячелетии до н. э. на западной окраине Полинезии, постепенно продвигались все дальше и дальше к востоку и к середине 1-го тысячелетия н. э. дошли до самых восточных островов Полинезии, причем миграция эта проходила волнами и процесс заселения островов Полинезии растянулся на много столетий.

Древняя общая основа материальной культуры океанийцев в новой географической обстановке приобрела черты, которые отличают ее, и порой довольно резко, от более поздней материальной культуры Юго-Восточной Азии. На островах Океании не было металлических руд, и естественно, что в этих условиях

Полинезийский треугольник

По Те Ранги Хироа (даты изменены в соответствии с новыми данными).

забыто было искусство выплавки металлов. Острова Полинезии, крайне бедные глиной, оказались могилой гончарного искусства, глиняную посуду там вытеснили из обихода скорлупа кокосовых орехов, тыква, бамбук. На островах Океании не было многих сельскохозяйственных культур, произраставших в Юго-Восточной Азии, а в силу этого изменился и весь хозяйственный уклад океанийцев. Таро, ямс, бататы, кокосовые орехи и плоды хлебного дерева заменили рис, а тапа и плетеные изделия — ткани.

Родоначальный характер древних связей Океании с Юго-Восточной Азией не вызывает сомнений. Сложнее обстоит дело с путями, по которым шло заселение океанийских островов.

В 30-х годах нашего столетия Те Ранги Хироа разработал схему так называемого полинезийского треугольника, которая дает весьма наглядное представление об основных путях миграции и последовательности заселения островов Полинезии. Южный угол треугольника располагается в Новой Зеландии, северный — на Гавайях, восточный — у острова Пасхи.

Те Ранги Хироа, мастерски владея языком образов и символов, вписал в контуры этого треугольника фигуру осьминога. Голову этого осьминога он поместил в самом центре треугольника на островах Общества (у Таити). От головы восемь длинных щупалец тянутся к углам и боковым сторонам треугольника.

Голова — это страна «Гавайки», легендарная полинезийская прародина, откуда по всей Океании расселились мигранты, пришедшие туда из Азии через Микронезию. Щупальца — пути, по которым шло заселение. Те Ранги Хироа полагал, что от

головы этого осьминога-родоначальника первые щупальца вытянулись на восток и северо-восток в сторону Маркизских и Гавайских островов. В XIII—XIV вв. одно из щупалец подалось на юго-запад, в сторону Новой Зеландии, которая окончательно заселена была примерно к 1350 г. Еще позже новые щупальца дотянулись до атоллов Туамоту и островов Мангаравы и Пасхи.

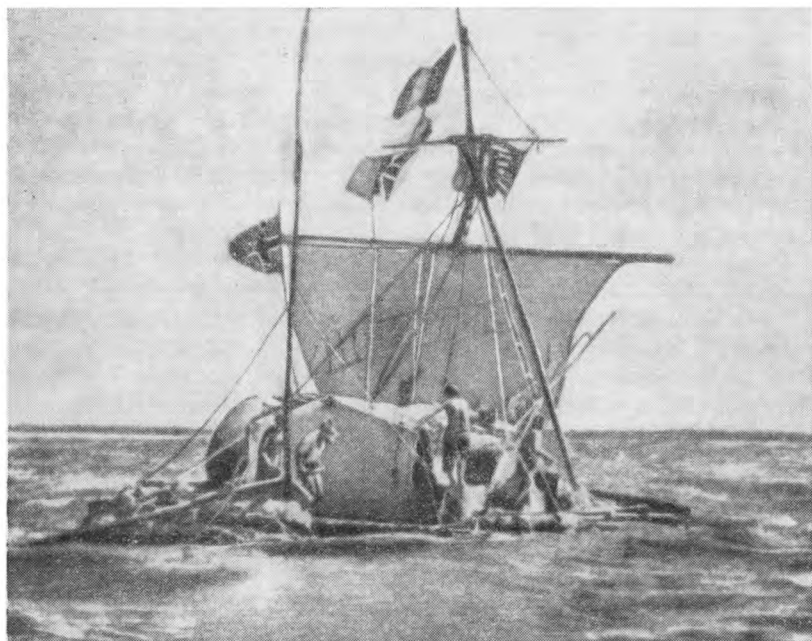
За три десятилетия, минувшие со «дня рождения» полинезийского треугольника, археологи, лингвисты, антропологи и этнографы собрали множество новых данных. Однако схема Те Ранги Хироа с честью выдержала испытание временем, хотя в нее и пришлось внести некоторые изменения.

В настоящее время на основании новых археологических данных и ряда радиоуглеродных датировок предполагается, что расселение в Полинезии шло от островов Фиджи, Тонга и Самоа, до которых азиатские мигранты добрались в 1-м тысячелетии до н. э. В конце 1-го тысячелетия до нашей эры мореплаватели солнечного восхода достигли Таити и Маркизских островов. Отсюда на протяжении 1-го тысячелетия шло заселение Гавайев и острова Пасхи. На рубеже 1-го и 2-го тысячелетий началось заселение Новой Зеландии выходцами из островов Общества. Все эти миграции шли волнами.

В пределах полинезийского треугольника основные трассы древних миграций намечаются достаточно отчетливо. Однако до сих пор не ясно, какие пути связывали Полинезию на заре эры ее заселения с Юго-Восточной Азией. Равно возможны две трассы — Меланезийская и Микронезийская.

В последнее время Тур Хейердал (22, 23) выдвинул гипотезу заселения Полинезии северо-тихоокеанским путем. По мнению Т. Хейердала, мигранты из Юго-Восточной Азии, покинув свою родину «на неолитических лодках» в 1-м тысячелетии до н. э. по течению Куросио и Северо-Тихоокеанскому течению дошли до северо-западных берегов Северной Америки и оттуда в начале 2-го тысячелетия н. э. доплыли сначала до Гавайских островов, а затем и до архипелагов центральной Полинезии. Такой ход процесса миграции устраняет, по мнению Т. Хейердала, огромный хронологический разрыв между неолитом Индонезии и Полинезии, ибо в эту «временную» брешь вводится «северо-западный трамплин».

Но ведь отчетливые следы древнего, и при этом явно малайско-полинезийского, заселения в западной Полинезии, на Таити и на Маркизских островах датируются не началом 2-го тысячелетия н. э., а концом 1-го тысячелетия до н. э., и от этого исходного хронологического рубежа вплоть до нашего времени зримо прослеживается непрерывная последовательность культур малайско-полинезийского круга. А поскольку нет разрыва

Плот «Кон-Тики»

между южноазиатским и полинезийским неолитом, то и отпадает нужда в «северо-западном трамплине».

Касаясь же реальных возможностей плавания по северотихоокеанскому пути, необходимо отметить, что трасса эта вдвое длиннее меланезийской или микронезийской и проходит не в тропиках, а в холодных сороковых и даже пятидесятих широтах северного полушария. Полуголые мигранты в этих студеных водах должны были бы плыть до американской земли не неделю и даже не месяц, а по крайней мере полгода.

Гипотеза Т. Хейердала оспаривается и океанологами. По мнению советского океанолога В. И. Войтова, условия для плавания на каное в интервале между берегами северо-западной Америки и Гавайскими островами неблагоприятны, преодолеть этот отрезок северотихоокеанской трассы можно на парусных каноэ лишь в летнее время и только в том случае, если суда эти каким-либо образом смогут отойти от американских берегов на 300—400 миль к юго-западу и добраться до зоны зарождения пассатов (7).

Огромная заслуга Т. Хейердала состоит в том, что он доказал возможность плавания на бальсовых плотках из Перу в Полинезию.

Спустя пять лет после плавания на «Кон-Тики» Т. Хейердал и его соотечественник археолог Арне Шельсвольд провели чрезвычайно интересные археологические исследования на Галапагосских островах, лежащих в 600 милях от экваторских берегов (41). Необитаемые в прошлом Галапагосские острова расположены на исходном участке пассатного пути Перу—Полинезия, и до 1952 г. считалось, что они располагались вне сферы древнеперуанских культур. Норвежские исследователи доказали, что до испанского завоевания перуанцы время от времени посещали Галапагосские острова. Судя по обнаруженным там фрагментам керамики, связь с этими островами поддерживалась на протяжении нескольких веков в эпохи Тиуанако (500—1000 гг.), Чиму (1000—1300 гг.) и в инкские времена (1300—1530 гг.). Поскольку до Галапагосских островов древние перуанцы могли добраться только на бальсовых плотках, эксперимент, осуществленный на «Кон-Тики», получил дополнительное и весьма веское подтверждение.

Надо сказать, что эксперимент на «Кон-Тики» кое в чем не удовлетворил Т. Хейердала. Гуары — выдвижные кили, которыми в соответствии с мореходными традициями древнего Перу был оборудован этот плот, — не оправдали себя в плавании. «Кон-Тики» оказался трудноуправляемым и не слишком пригодным для плавания при противных ветрах.

В 1953 г. Т. Хейердал предпринял в экваторских водах новые эксперименты, с тем чтобы освоить технику выдвижных килей. Опыты эти увенчались успехом. Т. Хейердал и его соратники А. Шельсвольд и эквадорец Э. Эстрада установили, что «при быстрой перемене паруса, столь же быстро выдвигая и вдвигая гуары в любой критический момент, когда плот разворачивается по воле ветра, удастся вернуть его в нужное положение и взять новый курс даже при противных ветрах» (39, стр. 333—340).

Результаты этих испытаний позволяют коренным образом переоценить прежние, весьма пессимистические суждения о мореходных достоинствах бальсовых плотов. Несомненно, это были суда, приспособленные для довольно длительных плаваний в условиях постоянных течений и устойчивых ветров, а именно такая обстановка характерна для зоны Южного Пассатного течения в восточной части Тихого океана.

Однако главные трудности ожидали экипажи плотов не в открытом море, а при попытках пристать к берегу. Могучее пассатное течение, которое несет суда, идущие на запад к желанной цели, в непосредственной близости от пункта назначения становится не союзником, а противником мореплавателей. Оно пронесет плоты мимо встречных островов. Смертельные опасности подстерегают команды плотов у барьерных рифов коралловых атоллов и у скалистых, усеянных подводными камнями на-

ветренных берегов вулканических островов*. В этих условиях гуары вряд ли могли спасти морских странников. Думается, что до Полинезии добирались лишь одиночные плоты и оседали на ее окраинных восточных островах лишь немногочисленные счастливицы, которым удавалась высадка на грозные берега этих островов.

Но бесспорно, что Полинезия была достижима, и отнюдь не лишено вероятия, что выходцы из Перу добирались до Маркизских островов, архипелага Туамоту, островов Мангарева и острова Пасхи. По сравнению с постоянным миграционным потоком, который шел с запада, эти восточные «струйки», вероятно, были весьма маломощны.

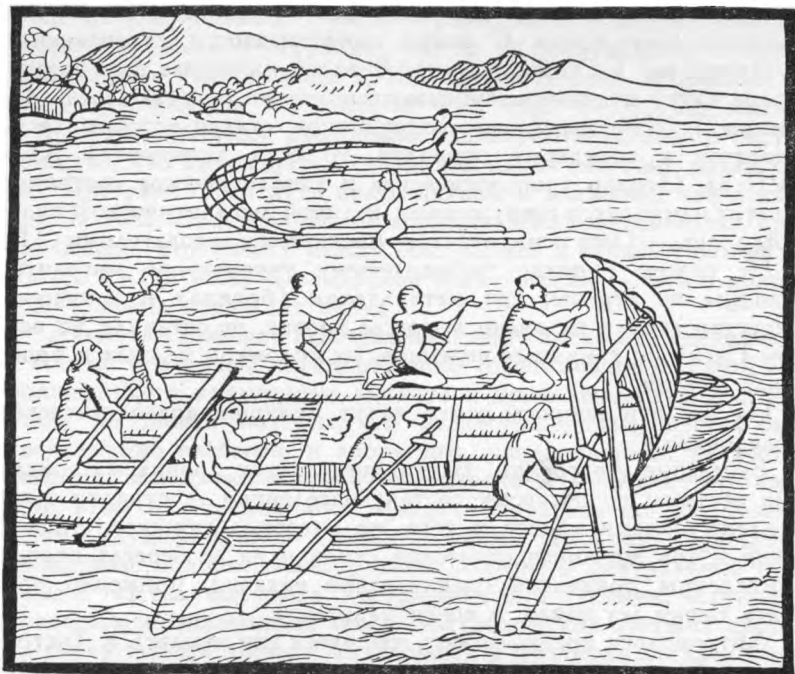
В послесловии к «Кон-Тики» Т. Хейердал писал: «Успешный результат экспедиции на «Кон-Тики» не доказал правильности моей миграционной теории, как таковой. Мы доказали лишь, что южноамериканский бальсовый плот обладает качествами, о которых современные ученые раньше не знали, и что тихоокеанские острова расположены в пределах досягаемости для доисторических судов, отплывающих из Перу» (20, стр. 282).

Действительно, навигационные возможности древнеперуанских плотов, как справедливо отметил Т. Хейердал, еще не доказывают, что из Перу происходили миграции в Полинезию. Такого рода доказательством могут служить лишь «вещественные» следы древних связей между Южноамериканским материком и островами Полинезии. Т. Хейердал полагает, что «все черты полинезийской расы и культуры можно объяснить, допустив субстрат из Перу, за которым последовало вторжение из Индонезии (пожалуй, вернее будет сказать, из Юго-Восточной Азии) по течению Күросио и через Северо-Западную Америку» (23, стр. 127). До настоящего времени археология не

* «Кон-Тики» не смог пристать к берегам атолла Ангатау и был разбит на рифах у островка Рарона. Плот У. Виланса «Семь сестричек» пассатное течение пронесло мимо Маркизских островов и острова Флинт (6). Виланс не смог высадиться ни на одном из самоанских островов, и, только после того как там приняли радиogramму с «Семью сестричек», плот удалось с помощью мощного буксира пригнать в бухту Паго-Паго на острове Тутуила.

Плот Эрика Бишопы «Таити-Нуи II» (правда, не бальсовый, а кипарисовый) пронесло мимо Маркизских островов, атолла Каролайн и островов Старбак, Восток и Пенрин (Центральные Полинезийские Спорады), и он разбит был в щепы на рифах острова Ракаханга (северная группа островов Кука) (9).

Практически совершенно невозможно подойти на каноэ и тем более на плоту к наветренному берегу на любом из полинезийских островов, а поскольку пассатное течение не дает возможности пристать к подветренным берегам, вероятность благополучной высадки на этих островах почти исключена для экипажей плотов любого типа. Спутник Т. Хейердала Бенгт Даниельсон совершенно справедливо отмечает, что «плот «Кон-Тики» — это единственное судно, которому удалось благополучно причалить к атоллу с наветренной стороны» (Б. Даниельсон. Счастливые острова. М., 1962, стр. 35).

Бальсовый плот древних перуанцев
Из книги «Народы Америки», т. II

подтвердила наличия такого перуанского субстрата. Напротив, исследования американского археолога Р. Сагса, которые привели к открытию древнейшей малайско-полинезийской культуры на Маркизских островах, и работы археологов хейердаловской экспедиции на острове Пасхи свидетельствуют, что глубинный субстрат на этих островах явно малайско-полинезийский, а не перуанско-полинезийский.

Перуанско-полинезийские параллели выявляются не в основании, а в средних горизонтах непрерывной последовательности культур острова Пасхи. Ряд таких параллелей отмечает Т. Хейердал — в частности, пресноводный тростник тоторо, встречающийся в Перу и на острове Пасхи, особенности каменной кладки многочисленных *аху* острова Пасхи и древнеперуанских сооружений и т. д.

В XI—XIV вв. на северном побережье Перу, то есть как раз в той части южноамериканского берега, откуда могли стартовать на запад бальсовые плоты, существовало государство Чиму, впоследствии завоеванное инками. Культуре Чиму на северном побережье предшествовала культура Тиуанако, в главном центре

которой, в районе озера Титикака, были созданы колоссальные каменные сооружения. С этими памятниками и тиауанаскими скульптурами Т. Хейердал сопоставляет каменные платформы-алтари (аху) и знаменитые каменные статуи острова Пасхи. По данным Т. Хейердала и его сотрудников, статуи острова Пасхи относятся к «среднему периоду», то есть датируются XI—XVII вв. Однако хронологическое и типологическое соответствие этих памятников сооружениям великой мегалитической культуры древнего Перу оспаривается многими исследователями (11).

Не совсем понятно также, почему тиауанаские мигранты, выходя из страны, где металлургия (бронза) и гончарное искусство стояли на очень высоком уровне, не оставили на острове Пасхи ни глиняных черепков, ни обломков медных и бронзовых орудий.

На все эти вопросы ответ дадут будущие археологические исследования*.

Заселение Австралии. В отличие от всех прочих материков с их пестрым по расовому составу населением Австралия была заселена людьми одного и того же антропологического типа и одной и той же лингвистической семьи и на ее берегах первые переселенцы появились сравнительно недавно, примерно двадцать тысяч лет назад, в конце палеолита.

Антропологи предполагают, что люди эти явились в Австралию из Юго-Восточной Азии, причем пришли они сюда посуху. В исходе палеолита между Австралией и Индокитаем располагались массивы суши, разделенные очень узкими проливами, и по этим межконтинентальным мостам древние мигранты могли странствовать, не преодолевая сколько-нибудь значительных водных преград. На то что прародина австралийцев действительно находилась в Азии, указывают находки в Индокитае и на острове Ява черепов, костей и орудий людей, относящихся к протоавстралоидному типу. В Индокитае эти протоавстралоидные находки датируются началом неолита, на Яве — концом палеолита.

По мнению советского австроловеда В. Р. Кабо, «...заселение Австралии было длительным стихийным процессом. Через Новую Гвинею и непосредственно через прибрежные, ныне исчезнувшие области материка Сахул [как предполагают археологи, этот массив располагался в южной части современной Индонезии] первые небольшие группы протоавстралоидов, по-

* В последние годы значительные успехи были достигнуты в дешифровке знаменитых кохау ронга-ронга — памятников письменности острова Пасхи (4, 5, 18). Анализ генеалогий, запечатленных на дощечках ронга-ронга, привел ленинградского этнографа Н. А. Бутинова (2) к выводу, что на острове Пасхи не было двух разных народов и что «длиноухие» (Т. Хейердал их рассматривает как потомков перуанских переселенцев) отнюдь не особая этническая группа.

степенно увеличиваясь в числе и расселяясь к югу, вступили на землю нынешней Австралии, где-то на полуострове Йорк и, возможно, в Арnhemленде и Кимберли. Отсюда аборигены заселили остальную Австралию» (10, стр. 4—5). По мнению В. Р. Кабо, процессу расселения благоприятствовало то обстоятельство, что пятнадцать — двадцать тысяч лет тому назад климат Австралии был куда более мягким и влажным, чем в наши дни. В 1962 г. австралийский археолог Малвени высказал предположение, что «мост» между Австралией и Новой Гвинеей затоплен был в эпоху Фландрской трансгрессии — пять с половиной — восемь тысяч лет назад.

Люди, заселившие Австралию в пору когда она соединялась с Азией, оказались, таким образом, отрезанными от своей родины. Хотя культурные влияния и продолжали проникать из Азии на пятый материк, эти внеавстралийские веяния были чрезвычайно слабыми, и аборигены, укоренившиеся на австралийской земле, по существу развивались в замкнутом мире. При этом им приходилось приспосабливаться ко все более и более ухудшающимся климатическим условиям. Цветущие, орошенные полноводными реками области в центральной и западной частях материка превращались в пустыни, иссушению подвергся и тропический север Австралии, где пустыня пришла на смену густым лесам. Оказавшиеся в изоляции австралийские аборигены отлично приспособились к новым условиям и сохранили в неприкосновенности свой антропологический тип.

Можно полагать, что на протяжении последних десяти — двенадцати тысяч лет Австралия оставалась «миром в себе», изолированным и замкнутым. А следовательно, фактически прервались былые связи Австралии со смежными областями островной и материковой Азии. Бесспорно, в пределах Австралийского материка его коренными обитателями совершались «географические открытия», но история этих внутриконтинентальных открытий связана с проблемами расселения австралийских аборигенов, проблемами сугубо специального характера, которые выходят за рамки нашей книги.

По этим же причинам мы лишь мимоходом коснемся одной из наиболее загадочных этнографических проблем — проблемы заселения Тасмании. Тасманийцы, ближайшие южные соседи австралийских аборигенов, резко отличались от последних по антропологическим признакам. Это были низкорослые люди с темно-коричневой кожей, курчавыми волосами, массивным лицом и широким носом. Антропологически тасманийцы стояли ближе к меланезийцам. По уровню же своего развития тасманийцы были несравненно ниже и австралийских аборигенов, и обитателей Меланезии.

Существуют две гипотезы заселения Тасмании. Одни исследователи полагают, что тасманийцы некогда населяли всю

Австралию, а затем были вытеснены оттуда пришельцами с севера — предками современных аборигенов Австралии. При этом изгнанники форсировали Бассов пролив, отделяющий Австралию от Тасмании.

По мнению ряда других этнографов, тасманийцы на свой остров добирались, минуя Австралию, через острова Меланезии и, в частности, через Новую Каледонию.

С. П. Толстов полагает, что «...в процессе первоначального заселения южной Меланезии одна из негроидных групп была занесена могучим Восточно-Австралийским течением на берега Тасмании... Резкое изменение природных условий и вследствие этого способов ведения хозяйства могло привести к значительному культурному упадку» (15, стр. 71).

Упадок упадком, но все же сомнительно, чтобы народ, живущий у морских берегов, утратил все свои бывшие мореходные навыки и потерял способность строить лодки однодеревки. Ведь тасманийцы плавали только на плотах из свернутых в трубку кусков эвкалиптовой коры, причем даже весел и гребков у них не было, а приводили они свои плоты в движение шестами. На таких суденышках плавать в открытом море немыслимо. Таким образом, «меланезийская гипотеза» происхождения тасманийцев оставляет неразъясненным вопрос о тех транспортных средствах, с помощью которых тасманийцы могли «переброситься» из Новой Каледонии на свой далекий остров.

Заключение. Итак, обращаясь к источникам по истории древних переселений народов австрало-океанийского мира, можно установить, что в далекие доисторические времена миграционные потоки из Юго-Восточной Азии достигли австралийского материка и затем переселенцы постепенно продвинулись до южных берегов Австралии. С ходом этого заселения связано открытие пятого материка древними австралийцами.

В Океании, и в частности в Полинезии и Микронезии, на протяжении двух тысяч лет, в течение которых происходило последовательное заселение многочисленных архипелагов и островов, древние океанийские мореходы непрерывно совершали выдающиеся открытия. Высокая мореходная техника океанийцев позволяла им осуществлять преднамеренные плавания на дальних дистанциях в условиях, порой крайне неблагоприятных для продвижения с запада на восток, а именно в этом направлении совершались миграции в Южных морях.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ В ОКЕАНИИ. ОТ МАГЕЛЛАНА ДО ТОРРЕСА. XVI В. — НАЧАЛО XVII В.

Европа открывает Тихий океан

29 сентября 1513 г. испанский конкистадор Васко Нуньес де Бальбоа вышел к берегам океана, которые не известны были ни в Европе, ни в Азии. Сразу же, после того как в Испании узнали об открытии Бальбоа, возникла сложная географическая проблема: где искать проход в Южное море (так тогда называли Тихий океан)? Ведь путь к нему наглухо преграждала огромная суша. Бальбоа пересек ее в самом узком месте, далее к югу эта суша явно расширялась, и на берегах Бразилии тщетно было искать проход в «другое море». Но географов обнадеживало то обстоятельство, что к югу от бразильского выступа берег материка снова отклонялся к западу. Не исключена была возможность, что материк суживается где-то далеко на юге, и, следовательно, именно там, к югу от Бразилии, следует искать проход в Южное море.

Поиски этого прохода начались уже в 1513—1514 гг. В 1515 г. в Германии была издана брошюра под названием «Новые вести из Бразильской Земли». Автор ее, один из португальских агентов торгового дома Вельзеров в Аугсбурге, сообщал, что 12 октября 1514 г. на остров Мадейру прибыли два португальских корабля и привел их туда «самый выдающийся кормчий королевства Португальского».

Экспедиция эта, по словам автора брошюры, приблизительно на 40° ю. ш. открыла и обогнула мыс, подобный мысу Доброй Надежды. За этим мысом лежал пролив, напоминающий Гибралтарский. С величайшим апломбом вельзеровский «агент-репортер» дал следующее заключение об этом проливе: «Он тянется от моря до моря, так что легче всего именно этим путем достичь Островов Пряностей». Это было сообщение об экспедиции португальца Жуана Лижбоа. В 1514 г. Лижбоа

плавал к берегам Бразилии и, возможно, дошел до широкого эстуария Ла-Платы, который и считал вожделенным проливом. Экспедиция эта была частным предприятием, и организовал ее агент богатейшего аугсбургского торгового дома Фуггеров испанец Кристоаль де Аро.

И португальцы, и испанцы очень интересовались Островами Пряностей (так назывались тогда Молуккские острова). Португальский король, владевший единственным безопасным путем к ним по морю, проложенным Васко да Гамой и его преемниками, заинтересован был прежде всего в том, чтобы не открыты были другие, западные пути к этим островам.

В 1494 г. по Тордесильяскому договору Португалия и Испания «полюбовно» разделили между собой земной шар. Рубеж между испанской и португальской «полусферами» проходил примерно вдоль 50° з. д., в 370 лигах (около 2300 км) к западу от островов Зеленого Мыса. Португалия закрепила за собой «право» на Африку и Азию. В ее половине земного шара впоследствии оказался и бразильский выступ Южноамериканского континента, который спустя шесть лет после Тордесильяского договора открыл португалец Кабрал.

Иное положение создалось у испанцев. Слов нет, они не обделили себя, подписывая Тордесильяский договор: в их «полусфере» оказался весь Новый Свет (за исключением Бразилии) и неопределенно большое пространство к западу от берегов обеих Америк. Но в 1515 г. никто в Испании еще не знал, что собой представляет этот только что обретенный Новый Свет. Мексика и Перу еще не были открыты, а Антильские острова, Дарьен и побережье Венесуэлы не сулили больших благ. На Антильских островах к 1515 г. было истреблено уже не менее 90% всего их коренного населения, и плантации испанских колонистов лишились даровой рабочей силы. Золота на Эспаньоле [Гаити], Кубе и Панамском перешейке было очень мало. А между тем неуемная страсть к наживе гнала за океаны и моря полчища рыцарей чистогана. О новых источниках этой легкой наживы мечтали и короли Испании, и полунищие испанские идалго, и севильские толстосумы, связанные с торговыми домами Аугсбурга, Генуи и Флоренции. Взоры их обратились к Островам Пряностей.

Эти острова находились на периферии Малайского архипелага, поэтому неясно было, лежат они в португальской «полусфере» или испанской. Ведь в 1494 г. еще никто не наметил вторую демаркационную линию, которая размежевала бы грядущие сферы колониальных захватов пиренейских держав на Дальнем Востоке, тогда еще ни в Лиссабоне, ни в Севилье не знали, сколь велик земной мир. Испанские космографы полагали, однако, что крайние восточные земли Азии и, в частности Молуккские острова, лежат в сфере их владений. Но, провозгла-

сив вожаденные Острова Пряностей своей «законной» добычей, испанцы не могли завладеть ими, ибо для кораблей Кастилии и Арагона закрыт был португальский морской путь. Оставалось только одно: искать проход в Южное море и затем прокладывать новую, западную дорогу к Островам Пряностей.

Этими поисками в 1515 г. занялся главный кормчий Кастилии Хуан де Солис. Он отправился к берегам Южной Америки и на 35° ю. ш. вступил в воды широкого и глубокого залива, который сперва показался ему проливом, ведущим далеко в глубь материка. Но по мере продвижения к востоку Солис замечал, что вода в этом «проливе» становится все более и более пресной. Солис открыл не проход в Южное море, а эстуарий могучей реки Параны, по недоразумению названной Ла-Платой — Серебряной рекой. На берегах этой реки Солис сложил голову в стычке с индейцами.

Между тем в Португалии тщательно собирали все сведения о возможных проходах в Южное море, чтобы, если это окажется возможным, преградить путь испанским конкурентам. В Лиссабоне составляли архисекретные карты, на которые наносили все новые данные о южноамериканских берегах.

Магеллан. Вторжение в Тихий океан

Португалец Фернан Магеллан в 1513 г. возвратился в Лиссабон из дальних странствований. Он побывал в Африке, Индии и в Малакке. На его глазах в 1511 г. отправилась к Молуккским островам португальская экспедиция Антониу д'Абреу. Д'Абреу не добрался до Островов Пряностей, но на один из этих островов, родину великолепной гвоздики остров Тернате, попал некто Франсишку Серран, друг Магеллана, который состоял с ним в переписке. От Серрана Магеллан многое узнал о Молуккских островах.

В Лиссабоне Магеллан познакомился с Жуаном Лижбоа и получил доступ к секретным архивам. Бесспорно, и Лижбоа, и составители секретных карт ошибались. Прохода в Южное море не было ни на 35, ни на 40, ни на 45° ю. ш., и то, что они принимали за проливы, ведущие в это море, было лишь глубокими бухтами и заливами. Но Магеллан этого не знал. Он собрал все данные о дорогах, ведущих в Южное море, и разработал проект плавания к Островам Пряностей западным путем.

В 1517 г. португальский король Мануэл отклонил проект Магеллана. Магеллан вынужден был направиться в Испанию, и в начале 1518 г. его проект был одобрен юным королем Карлом I. Через год Карл I испанский стал одновременно и Карлом V, императором германским, главным образом благодаря

щедрым субсидиям дома Фуггеров. Без Фуггеров не обошлось и в деле Магеллана. Кристобаль де Аро, тот самый фуггеровский агент, который четыре года назад посылал Жуана Лижбоа на поиски прохода в Южное море, оказал Магеллану содействие в его хлопотах. 22 марта 1518 г. с Магелланом было подписано соглашение («капитуляция») об организации экспедиции. Это было предприятие, в котором участвовала испанская корона, фирма Фуггеров в лице де Аро и Магеллан.

Проект Магеллана основывался на двух посылках. Во-первых, он считал, что в южной части Южноамериканского материка, где-то около 40° ю. ш., должен быть проход из Атлантического океана в Южное море. Во-вторых, он полагал, что Молуккские острова расположены ближе к Южной Америке, чем считалось ранее, — на $136—138^{\circ}$ в. д. (на самом же деле они лежат на 10° западнее). Магеллана ввел в заблуждение Франсишку Серран, который значительно преуменьшил в своих сообщениях с острова Тернате дистанцию, отделяющую Молуккские острова от Малакки.

Флотилия Магеллана, состоящая из пяти кораблей («Виктория», «Тринидад», «Сан-Антонио», «Консепсьон» и «Сантьяго») с экипажем двести шестьдесят пять человек, покинула аванпорт Севильи гавань Санлукар-де-Баррамеда 20 сентября 1519 г. Историографом этой замечательной экспедиции оказался сверхштатный ее участник итальянец Антонио Пигафетта (7). Маршрут экспедиции описан в шканечном журнале одного из кормчих — Франсиско Альбо.

29 ноября 1519 г. флотилия достигла бразильского берега, а 31 марта 1520 г. отдала якорь в бухте Сан-Хулиан на патагонском побережье, где пробыла почти пять месяцев. Здесь Магеллан с трудом подавил мятеж, вспыхнувший на кораблях. Выйдя из бухты Сан-Хулиан 24 августа 1520 г., Магеллан направился вдоль патагонского берега на юг. 21 октября он открыл вход в пролив, который впоследствии получил его имя.

28 ноября 1520 г. корабли экспедиции вышли из Магелланова пролива в Южное море — в безбрежный океан. К этому времени у Магеллана оставалось только три корабля. Судно «Сантьяго» затонуло неподалеку от бухты Сан-Хулиан, а корабль «Сан-Антонио» из Магелланова пролива увел в Испанию кормчий-дезертир Иштеван Гомиж.

С 28 ноября 1520 по 24 января 1521 г. Магеллан шел сперва на северо-северо-запад, а затем на северо-запад, не встречая ни малейших признаков земли. Безбрежный океан, который пересекали его корабли, он назвал Мирным или Тихим (Pacífico), так как все время стояла ясная погода и океан был удивительно спокойным.

24 января на $16\frac{1}{4}^{\circ}$ ю. ш. был открыт необитаемый островок, который Магеллан назвал островом Сан-Пабло*. Это был, по всей вероятности, один из коралловых атоллов на восточной окраине архипелага Туамоту, быть может, атолл Фангахина, или Ангатау. 4 февраля на $10\frac{2}{3}^{\circ}$ ю. ш. показался другой необитаемый остров; в его водах было множество акул, и по этой причине он получил название острова Акул (Los Tiburones). Видимо, то был либо остров Каролайн, либо остров Восток в южной группе Центральных Полинезийских Спорад. 12—13 февраля корабли пересекли экватор и вошли в воды северного полушария. 6 марта 1521 г. флотилия Магеллана подошла к острову Гуам — самому южному в Марианском архипелаге.

Беспримерный переход от Магелланова пролива к Марианским островам был совершен за три месяца и двадцать дней; навигационная обстановка была исключительно благоприятной, но все это время экипажи кораблей испытывали муки голода, так как съестные припасы кончились уже при выходе из Магелланова пролива. «Мы питались, — пишет Пигафетта, — сухарями, но то были уже не сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-рей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой. Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать» (7, стр. 62). Вся команда была поражена цингой, от которой

* К сожалению, мореплаватели XVI в. в очень редких случаях указывали долготу открытых ими земель. Объясняется это тем, что в то время сколько-нибудь точно долготу могли определить лишь по лунным и солнечным затмениям, а те и другие происходили нечасто. В открытом море долготу определяли по пройденному кораблем расстоянию. Для этого надо было знать курс судна и скорость его хода. Однако и компас, и лаг давали неточные показания, и кормчие, исчисляя пройденные дистанции, ошибались подчас в полтора — два раза, а иногда и в десять раз. Один из кормчих экспедиции Магеллана ошибся, определяя долготу Филиппин, на $52^{\circ} 55'$.

Поскольку новооткрытые острова Магеллан и его преемники привязывали только по широте, очень трудно, а порой и невозможно определить их истинное положение. Такую «вторичную» привязку к современной карте приходится делать, опираясь преимущественно на не слишком точные описания берегов, рифовых колец, соотносительного положения островов (в случае если открыта была группа атоллов, как, например, в Маршалловом архипелаге и в архипелаге Туамоту) и т. п. Естественно, что далеко не всегда удастся определить, какой именно остров открыл тот или иной мореплаватель и не было ли это открытие повторным.

Часто и в XVI в. и позднее мореплаватели группу атоллов или мелких островков описывали как один остров (например, Вотье, Сонсорол); бывали и обратные случаи.

умерло девятнадцать человек. До крайности истощенные, погибающие от жажды и цинги, участники экспедиции с тоской глядели в незнакомое южное небо, где не было путеводной Полярной звезды. Правда, Южный Крест уже хорошо был знаком испанским и португальским мореплавателям, но впервые европейские моряки увидели скопление тусклых звезд — неизвестное обитателям северного полушария созвездие, которое получило название Магеллановых облаков.

Все европейские мореплаватели, совершавшие переход от Магелланова пролива к гаваням Юго-Восточной Азии, на протяжении последующих двухсот пятидесяти лет придерживались курса, которым шел Магеллан к Марианским островам. Примерно до 30° ю. ш. Магеллан шел на север и северо-северо-запад по Перуанскому течению, севернее островов Хуан-Фернандес он, вступив в полосу юго-восточных пассатов, направился на северо-запад, проследовал чуть севернее острова Пасхи и в водах архипелага Туамоту вошел в полосу Южного Пассатного течения. Это был наиболее выгодный курс, но по иронии морской географии трасса Магеллана пересекла самую «безземельную» часть Океании. В стороне от нее оставались главные архипелаги Полинезии — острова Общества, Самоа и Тонга, не говоря уже о Новой Зеландии и Австралии.

Итак, 6 марта 1521 г. Магеллан и его спутники отдали якорь на острове Гуам. Здесь испанских мореплавателей тепло и радушно встретили люди, которые не имели ни малейшего представления о волчьих законах цивилизованной Европы. Понятия о собственности у них совершенно не соответствовали европейским, и они с легким сердцем брали на кораблях то, что им было по душе. И на острове Гуам разыгралась кровавая трагедия. Магеллан «высадился на берег с сорока или пятьюдесятью вооруженными людьми, которые сожгли сорок — пятьдесят хижин и большое количество лодок и убили семерых туземцев» (7, стр. 64—65). Хотя именно испанцы проявили себя здесь как разбойники, они присвоили этому архипелагу название Разбойничьих островов (*Islas de los Ladrones*) *.

Очень короткие записи Пигафетты о пребывании на этих островах представляют, однако, огромный интерес. Ведь Пигафетта побывал на Марианских островах, когда общественный уклад их жителей, материальная культура, обычаи и нравы не подвергались разрушительному европейскому влиянию. «Каждый из этих туземцев, — писал Пигафетта, — живет согласно своей воле, так как у них нет властелина. Ходят они нагие, некоторые носят бороду и черные волосы, спускающиеся до пояса. Они носят подобно албанцам небольшие шляпы из пальмовых листьев. Они такого же роста, как и мы, и хорошо сложены.

* Марианскими эти острова названы были в 1668 г.

Они ничему не поклоняются. Цвет их кожи смуглый, хотя родятся они белыми. Зубы их окрашены в красный и черный цвета, они это считают признаком самой большой красоты.

Женщины ходят голые, только срамная часть у них прикрыта узкой полоской тонкой, как бумага, коры, растущей между древесной и корой пальмы. Они милостивы и изящно сложены, цвет кожи у них светлее, чем у мужчин. Черные волосы их распущены и падают до земли. Женщины не занимаются полевыми работами, а проводят время дома за плетением циновок, корзин и изготовлением других хозяйственных предметов из пальмовых листьев. Пищу их составляют кокосовые орехи, бататы, фиги величиной в пядь [бананы], сахарный тростник и летающие рыбы помимо другого съестного. Они мажут тело и волосы кокосовым и кунжутным маслами. Дома их построены из дерева, крышей служат жерди, на которых лежат листья фигового [бананового] дерева длиной две пяди; в домах есть полы и окна.

Комнаты и постели убраны очень красивыми пальмовыми циновками. Спят они на пальмовых тюфяках, очень мягких и нежных. Иного вида вооружения, кроме копья с насаженной на его конце рыбьей костью, у них не имеется. Они бедны, но весьма ловки и особенно вороваты, вследствие чего эти три острова названы были Островами воров (Разбойничьими). Они бороздят море на своих лодчонках, что служит развлечением как для мужчин, так и для женщин. Лодки напоминают собой физолеты [венецианские быстроходные лодки], но они уже, некоторые окрашены в белый и красный цвета. Напротив паруса лежит заостренное в конце бревно, к нему накрест прикреплены жерди, опускающиеся в воду, чтобы уравновесить лодку. Парус изготавливается из сшитых вместе пальмовых листьев и напоминает собой латинский парус. Рулем служит лопасть, похожая на лопатку булочника, с куском дерева на конце. Корма служит также и носом; в общем они напоминают дельфинов, которые перескакивают с волны на волну» (7, стр. 66—67). Это описание — первая весточка о совершенно неведомом океанийском мире и первое сообщение о замечательных микронезийских судах — лодках с балансиром.

От острова Гуам Магеллан направился 8 марта 1521 г. на запад и 16 марта достиг Филиппинских островов (он назвал их островами Сан-Ласаро). Здесь, на островке Матан, 27 апреля 1521 г. Магеллан погиб в стычке с местными жителями. Оставив на Филиппинах корабль «Консепсьон», поредевшие команды на «Виктории» и «Тринидаде» направились к острову Калимантан.

После месячной стоянки в Брунее корабли вышли в море в поисках Молуккских островов и 8 ноября 1521 г. достигли острова Тидоре, одного из этих желанных Островов Пряностей.

В дальнейшем судьбы «Виктории» и «Тринидада» сложились по-разному. «Виктория» под командой Себастьяна Эль-Кано от Молуккских островов направилась через Индийский океан к мысу Доброй Надежды и, обогнув его, возвратилась в Испанию. Она прибыла в Санлукар-де-Баррамеду 6 сентября 1522 г. Эль-Кано, следуя маршрутом, намеченным Магелланом, совершил первое в истории человечества кругосветное плавание.

Командир «Тринидада» Гонсало Гомес де Эспиноса, 6 апреля 1522 г. покинув Тидоре, решил снова пересечь Тихий океан, чтобы добраться до Панама. Эспиноса не знал, что в десятых и двадцатых широтах северного полушария Северное Пассатное течение и северо-восточные пассаты чинят непреодолимые препятствия кораблям, идущим в восточном направлении. Шесть месяцев он пробивался на восток, но в конце концов вынужден был повернуть к Молуккским островам. Любопытно, что Эспиноса, пытаясь вырваться из полосы противных ветров, зашел довольно далеко на север, возможно даже до широты Владивостока. На Молукках корабль и команда сразу же попали в плен к португальцам, которые, дознавшись, что их соперники появились на острове Тидоре, послали туда очень сильную флотилию. Эспиноса прошел через тяжкие испытания португальского плена и только в 1527 г. возвратился в Испанию.

Неудачный рывок «Тринидада» на восток оставил, однако, заметные следы в истории тихоокеанских открытий. В 1837 г. опубликован был любопытный португальский документ — изложение рапорта кормчего «Тринидада» генуэзца Леона Панкальдо. В этом рапорте кормчий писал, что в мае и в июне 1522 г. моряки «Тринидада» открыли несколько островов в западной части Тихого океана. По всей вероятности, это были острова Агрихан и Мауг (у Панкальдо они названы островами Маграге и Мао) в северной группе Марианского архипелага и остров Сонсорол на западной окраине Каролинской гряды. На Мауге с «Тринидада» сбежали трое моряков, и одного из них, Гонсало де Виго, испанская экспедиция Саласара подобрала четыре года спустя на Гуаме. На остров Гуам Виго доставили на своем каноэ местные обитатели.

Кругосветное плавание Магеллана — Эль-Кано имело огромное всемирно-историческое значение. Вслед за открытиями Колумба и Бальбоа последовало открытие пролива из Атлантического океана в Южное море. «Насквозь» пройден был величайший из океанов земного шара, доказано, что Новый Свет отделяет от восточных берегов Азии водное пространство, которое почти вдвое шире Атлантики, и что в этом океане океанов есть обитаемые земли.

Великие открытия Магеллана ввели в сферу европейской колониальной экспансии островной мир Океании. Разбойничьи вылазки спутников Магеллана на Марианских и Филиппин-

ских островах и их пиратские «подвиги» в морях Малайского архипелага были первыми сигналами, возвестившими начало эры колониализма. К Филиппинам, к островам Микронезии, к странам Восточной Азии рыцари первоначального накопления проложили сквозную морскую дорогу. Теперь не только восточный путь Васко да Гамы, но и западный путь Магеллана соединил с Европой Индию и «Катай» — богатейшие на свете земли, к которым со времен Марко Поло устремлялись все помыслы искателей легкой наживы.

Лоайса. По следам Магеллана

Целью Магеллана были Молуккские острова, но попытка обосноваться на них не удалась его спутникам. Пока Эспиноса и его соратники томились в португальских «кутузках», в Испании готовилась новая экспедиция к Островам Пряностей.

Эта новая морская акция должна была быть козырной картой в большой дипломатической игре. Вопрос о второй демаркационной линии и о Молуккских островах космографы и дипломаты решить не могли. Переговоры, которые в 1524 г. испанские и португальские представители вели в Лиссабоне и городке Бадахосе, зашли в тупик. Испанская сторона была слабее: ведь на Молукках прочно утвелились португальцы. Если бы удалось дорогой Магеллана провести к Островам Пряностей сильную боевую флотилию, если бы ее команда закрепилась на одном из этих островов, то возникла бы ситуация куда более благоприятная для испанского королевского двора и можно было бы добиться от несговорчивых конкурентов уступки Молуккских островов или на худой конец выгодного для Испании компромиссного соглашения.

Теперь, когда Себастьян Эль-Кано возвратился из первого кругосветного плавания, западный путь в Азию казался легко достижимым. Карл V наградил Эль-Кано гербом. Земной шар на гербовом щите опоясывала лента с гордым девизом: «*Primum me circumnavigisti!*» — «*Ты первый, кто обошел меня вокруг!*». Однако во главе экспедиции назначен был не Эль-Кано, а Гарсиа Хофре де Лоайса; Эль-Кано получил пост главного кормчего флотилии. В июле 1525 г. из Испании к берегам Магеллана пролива вышли семь кораблей, снаряженных в Ла-Корунье, гавани на северо-западном берегу Испании. Хотя, как мы увидим, до Молуккских островов из этой семерки дошел только один корабль и экспедиция не оправдала возлагаемых на нее надежд, географическое значение ее было немалым. И, что особенно любопытно, главные открытия совершены были кораблями, которые отбились от эскадры и пришли совсем не туда, куда им следовало прибыть.

Несчастья обрушились на флотилию уже при переходе через Атлантику. Корабли были подобраны очень плохо, тихоходы тормозили продвижение флотилии, выяснилось, что суда снаряжены в путь из рук вон плохо. Лоайса в отличие от Магеллана был посредственным моряком, и ему не по плечу было командование большой флотилией в столь трудном плавании.

Потрепанная в бурях эскадра с трудом добралась до восточного входа в Магелланов пролив. В начале февраля 1526 г. сильный шторм рассеял корабли. Два корабля, воспользовавшись случаем, дезертировали; один из них взял курс на мыс Доброй Надежды (он пропал без вести), другой направился к берегам Бразилии и оттуда с грузом ценной древесины возвратился в Испанию. Еще один корабль под командой Франсиско Осеса бурей отнесло далеко на юг в пролив, отделяющий Южную Америку от Антарктиды *.

26 мая Лоайса вывел оставшиеся корабли в Тихий океан. У самого выхода из Магелланова пролива сильная буря вновь рассеяла эскадру. Через Тихий океан пустились в путь независимо друг от друга три корабля — «Санта-Мария-де-ла-Виктория», флагман флотилии, на котором находились Лоайса и Эль-Кано, судно «Санта-Мария-де-Парраль» и маленький корабль «Сан-Лесмес» под командой Франсиско Осеса. Четвертый корабль экспедиции «Сантьяго», который был еще меньше «Сан-Лесмеса», направился не на северо-запад, в открытое море, а прямо на север. Его капитан Гевара решил пройти к берегам Мексики вдоль западного побережья Южной Америки. Всего лишь за восемь недель он достиг берегов южной Мексики. Лишь однажды, чуть севернее экватора, Гевара видел южноамериканский берег; ему не удалось открыть ни чилийского, ни перуанского побережья. Тем не менее, после того как его маршрут был нанесен на карту, совершенно отчетливо выяснилось, что Южноамериканский континент нигде далеко не заходит на запад и что он имеет форму груши, вытянутой к югу (6а).

Корабль Осеса погиб у берегов одного из океанийских островов. Переход через Тихий океан совершили лишь обе «Санта-Марии». «Санта-Мария-де-Парраль» пришла к берегам Филиппинского архипелага и здесь затонула; никаких сведений о ее транстихоокеанском маршруте не сохранилось.

Только флагман флотилии — «Санта-Мария-де-ла-Виктория» добралась до Молуккских островов. Ее плавание через Тихий океан описано было двумя офицерами — Эрнандо де ла Торре и Андресом де Урданетой (последнему спустя много лет

* Осес приметил оконечность Огненной Земли или, точнее, одного из островов архипелага, расположенного к югу от нее. Это было очень важное открытие. Обнаружен был второй проход из Атлантики в Тихий океан. Правда, Осес не воспользовался плодами своего открытия и возвратился к патагонскому берегу, где присоединился к поредевшей флотилии Лоайсы.

суждено было прославиться на поприще тихоокеанских открытий) (32, v. V; 21, v. V). Переход от Магелланова пролива к Молуккам был нелегким. Главные командиры флотилии, Лоайса и Эль-Кано, умерли вскоре после того, как «Санта-Мария-де-ла-Виктория» пересекла экватор (Лоайса 30 июля 1526 г., Эль-Кано пятью днями позже), и корабль повел дальше новый командир — Алонсо Торибио де Саласар, единодушно избранный экипажем «Санта-Марии».

21 августа 1526 г. на 14°2' с. ш. был открыт довольно значительный атолл с внутренней лагуной изумрудно-зеленого цвета. Саласар назвал этот одинокий остров Сан-Бартоломе. Он видел на его берегах высокие деревья, по всей вероятности, кокосовые пальмы, но не смог отдать якорь в прибрежных водах из-за сильного течения. Судя по лощиям Тихого океана, саласаровский остров Сан-Бартоломе — это атолл Таонги, самый северный в группе Маршалловых островов.

Покинув неприступный остров 23 августа, Саласар двенадцать дней спустя дошел до острова Гуам, где взял на борт испанца Гонсало Виго. Описание Гуама участниками этой экспедиции не соответствует той идиллической картине, которую нарисовал Пигафетта. Очевидно, островитяне успели по достоинству оценить нравы непрошенных заморских гостей:

«Остров довольно ровный и перенаселенный, ибо туземцы селятся лишь в полосе побережья. Нрав у них недобрый, а ходят они голые, ничем не прикрывая свою наготу. Они хорошо сложены, волосы у них длинные и бороды аккуратные: отдают почести покойникам... В каждом селении есть король, и селения эти постоянно воюют друг с другом. Железных орудий у них нет, работают они каменными, а оружием им служат пращи и обожженные палки, к которым прикрепляют острые наконечники из рыбьих костей и костей своих врагов. На острове много отличных источников, всяческих плодов и кокосового масла; ловят здесь много рыбы крючками деревянными и костяными, а лески плетут из древесных волокон.

...Ничего так им не по душе, как железо — гвозди и острые предметы, и этот железный товар они называют «эрреро» [от испанского *hierro* — железо]. Очень ценят они черепаховые панцири, ибо из них делают рыболовные крючки. Большинство каноэ выдолблены из одного ствола, но есть и такие, которые сшиты из нескольких [досок]; обычно в длину каноэ достигают четырех-пяти брасов [6,8—8,5 м], в ширину двух или двух с лишним локтей... Доски сшивают шнуром из древесного волокна, швы промазывают пропитанной маслом известью, так что вода не проходит внутрь. У каждого каноэ есть с одной стороны деревянный противовес в форме рыбы длиной в половину корпуса лодки, накрепко прилаженный к лодке двумя стержнями, и противовес этот отстоит от нее на один брас. Разницы

между носом и кормой нет, вооружены каноя латинскими парусами из циновки очень тонкого плетения. Чтобы лечь на другой курс, достаточно перебросить парус, и тогда нос становится кормой, а корма носом» (32, V).

Гонсало Виго сообщил Саласару, что всего в этом архипелаге насчитывается тринадцать больших островов, которые тянутся к северо-востоку между 12 и 19° с. ш., и что на островах этих нет ни скота, ни кур. Островитяне, по его словам, питаются главным образом рисом, которого здесь очень много, рыбой, кокосовыми орехами и бататом.

От Гуама Саласар пошел к Филиппинам. Вскоре Саласар умер, и на остров Минданао, а затем на Молуккские острова корабль довел новый капитан Мартин Иньигес де Каркисано. Цинга унесла в этом плавании почти треть экипажа, и на острове Тидоре сотня истощенных и больных людей в небольшом укрепленном пункте была осаждена португальцами.

Видимо, злосчастная судьба была уготована всем командам «Санта-Марии-де-ла Виктории». Каркисано ненадолго пережил Лоайсу, Эль-Кано и Саласара, и во главе испанской колонии на Тидоре стал Эрнандо де ла Торре.

Географическое значение этой дурно организованной и бездарно осуществленной экспедиции заключалось не в открытии одного-единственного атолла в группе Маршалловых островов, а в непредусмотренных программой плаваниях и открытиях Осеса и Гевары. Впрочем, все сведения о плавании Осеса так надежно были засекречены в испанских архивах, что об открытом море южнее Огненной Земли мир узнал лишь полвека спустя, когда в это море проник Френсис Дрейк.

Менезиш. Открытие «Страны Папуа»

Случайное открытие, совершенное в 1526 г. португальцем Жоржи ди Менезишем, во многом определило направление дальнейших поисков новых земель и новых морских путей на рубежах Азии и Океании.

Менезиш, получив пост португальского наместника на Молуккских островах, направился к месту своей новой службы. Но он прошел мимо острова Хальмахеры и примерно в 200 лигах (более тыс. км) от Молуккских островов открыл землю, населенную темнокожими и бородатыми людьми, которых их дальние соседи малайцы называли папуа. То были северо-западные берега западного полуострова Новой Гвинеи, который впоследствии удачно назван был голландцами Вогелкопом — Птичьей головой. Менезиш менее всего склонен был к дальнейшему продвижению вдоль новогвинейского побережья, но он не мог сразу же повернуть в сторону Молукк. В ноябре — январе, а именно

в это время Менезиш крейсировал у зеленых берегов «Страны Папуа», в ее водах дуют северо-западные муссоны.

Менезиш дождался перемены ветра в бухте «Верзижа» и затем направился к Молуккам, куда прибыл в мае 1527 г.

Сааведра. Открытие Каролинских островов

В 1527 г. в Испании решено было проложить прямой путь к Молуккским островам и к берегам «Катая» от западных берегов Мексики. В июне 1526 г. Карл V приказал завоевателю Мексики Эрнандо Кортесу снарядить флотилию из нескольких кораблей. Осенью 1527 г. было снаряжено три корабля с экипажем сто десять человек. Во главе экспедиции Кортес назначил своего кузена Альваро Сааведру. Сааведра и офицер его экспедиции Висенте де Наполес оставили обстоятельные описания этого плавания (32, v. V, p. 427—438; 21, v. V, p. 68—96).

Сааведра покинул берега Мексики 31 октября 1527 г. и взял курс на юго-запад. Трасса Сааведры шла в полосе попутных северо-восточных пассатов и попутного Северного Пассатного течения. Спустя полтора месяца, после того как флотилия покинула Мексику, флагманский корабль «Флорида» отстал от кораблей-спутников, и о дальнейшей их судьбе до нас не дошло почти никаких известий*. На пятьдесят девятый день плавания «Флорида», не встретив по пути никаких признаков земли, дошла до островов, которые Сааведра счел Разбойничьими островами, шесть лет назад открытыми Магелланом. Лежали они, однако, не на 13—14° с. ш., а на 11° с. ш., и, судя по описанию Висенте де Наполеса, то были не вытянутые в длинную цепочку и удаленные друг от друга острова южной Марианской группы, а целая дюжина тесно сближенных островков, окруженных рифами и мелями. 1 января 1528 г. чуть дальше к западу Сааведра открыл довольно большой остров с двумя островками по обе его стороны и длинным шлейфом коралловых рифов; у одного из этих островов «Флорида» отдала якорь, и моряки встретились с местными жителями.

По всей вероятности, это были атоллы Ронгелап и Аилингине, ближайшие соседи печально знаменитого атолла Бикини (Маршалловы острова). Первые же островки, открытые Сааведрой в этом архипелаге, — это, очевидно, атоллы Утирик, Аилук, Така и Бикар, расположенные на северо-восточной окраине

* В 1546 г. участники одной испанской экспедиции встретили в Малакке китайского кормчего, который рассказал им, что много лет назад два корабля, судя по его описаниям, явно испанские, пришли к одному острову, лежащему «за Японией», и что люди с этих кораблей дрались с японцами. Насколько истинны были эти вести, судить трудно.

Маршалловой группы. Сааведра назвал это скопление атоллов островами Волхвов (Islas de los Reyes).

8 января 1528 г. Сааведра отправился в дальнейший путь. В первых числах февраля он дошел до Филиппин, а в конце марта привел «Флориду» на Тидоре. Пятьдесят матросов и солдат с «Флориды» присоединились к измотанным атаками португальцев колонистам из экспедиции Лоайсы, но толку от этого подкрепления было мало. Сааведра решил возвратиться в Мексику и с новым пополнением спустя год явиться на Тидоре.

Корабль с тридцатью матросами и ценным грузом пряностей 3 июня 1528 г. покинул остров Тидоре, обогнул с севера остров Хальмахеру и направился по маршруту Менезиша к северным берегам «Страны Папуа». С жителями «Страны Папуа» у испанцев не было никаких столкновений, и у берегов их земли из-за противных ветров корабль простоял тридцать два дня.

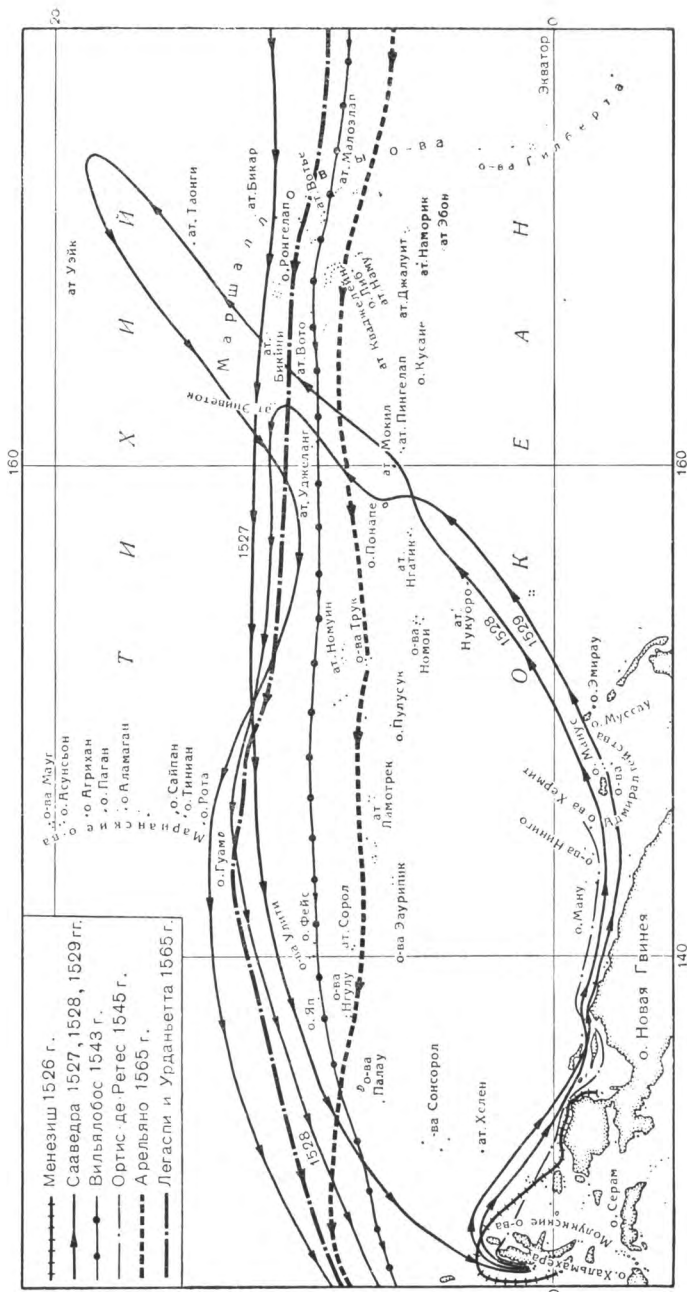
«Люди здесь, — пишет один из участников экспедиции, — голые и цветом кожи такие, как мулаты, и волосы у них курчавые... у них мы не видели ни золота, ни серебра, ни каких-либо иных металлов, ни кур, ни свиней, ни коз. Кокосовых орехов сколько угодно».

Следуя вдоль берегов «Страны Папуа» (Новой Гвинеи), в водах, усеянных большими и малыми островами, Сааведра дошел до архипелага Адмиралтейства, где в схватке с островитянами испанцы взяли в плен трех воинов. Затем Сааведра направился на восток, открыл на 7° с. ш. острова, где жили бородатые люди (это были, вероятно, либо острова Намолук и Номои, либо Пингелап и Мокил в восточной части Каролинского архипелага). Все время воюя с противными ветрами, Сааведра с трудом дошел до Марианских островов и отсюда вынужден был повернуть к Филиппинам и затем возвратиться на Тидоре в октябре 1528 г.

В мае 1529 г. Сааведра снова попытался добраться до Мексики. До островов Адмиралтейства «Флорида» шла прежним курсом пятьдесят дней, и там на берег были высажены захваченные в прошлом году пленники. Затем он отправился на восток.

Это плавание в сторону солнечного восхода было сплошным мучением. Сааведра то возвращался к островам Адмиралтейства, то снова пытался прорваться к востоку, и только 14 сентября «Флорида» дошла до довольно большого острова на 7° с. ш., населенного негостеприимными черными бородатыми людьми в «камзолах из пальмовых листьев». На следующей неделе открыт был еще один остров, и 1 октября «Флорида», идя на северо-восток, подошла к группе островков, расположенных на 11½° с. ш.

Э. Шарп (34) полагает, что большой остров с людьми в пальмовых «камзолах» был островом Понапе в восточных Каро-

Маршруты испанских мореплавателей XVI в. в Микронезии

линах, а группа островков на $11\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. — атоллom Эниветок. В отношении атолла Эниветок Э. Шарп, возможно, и прав. Однако весьма сомнительно, чтобы «люди в камзолах из пальмовых листьев» были обитателями Понапе. Ни на Понапе, ни на соседних островах не было темных бородатых людей, здесь жили светлокожие микронезийцы. Правда, судя по описаниям спутников Сааведры, этот загадочный остров был весьма высоким, что отвечает топографии Понапе, гористого острова с вершинами порядка 600—700 м. В общем версию Э. Шарпа мы можем принять лишь с очень большими оговорками.

Висенте де Наполес оставил очень интересное описание обитателей атолла Эниветок: «...люди эти светлые кожей, а руки и тело у них разрисованы; женщины очень миловидные, волосы у них черные и длинные. Наготу они прикрывают циновками тонкой и изысканной работы, а ноги у них не обуты. Оружием им служат обожженные копья, а пищей — кокосовые орехи и рыба...

...Капитан был болен, и мы пробыли здесь восемь дней; местные жители дали нам одиннадцать бочек воды, тысячу кокосовых орехов и охотно снабжали нас всем, в чем мы испытывали нужду» (21, V).

От Эниветока «Флорида» прошла на северо-восток тысячи полторы миль, и на 31° с. ш. испанские мореплаватели вынуждены были снова повернуть на юго-запад и направиться на Молукки. Сааведра умер вскоре после того, как «Флорида» покинула атолл Эниветок.

Неудачи, дважды постигшие Сааведру при его попытках пересечь в восточном направлении Тихий океан, легко объяснимы. И в 1528 и в 1529 гг. Сааведра, покинув остров Тидоре, шел сперва на восток вдоль северного берега Новой Гвинеи к островам Адмиралтейства, а затем поворачивал на северо-запад к восточным Каролинам и Маршалловым островам. На первом, новогвинейском отрезке пути в мае — июне и июле (а именно в это время года Сааведра предпринимал свои попытки пробиться к востоку) дуют юго-восточные муссоны, которые гонят на северо-запад довольно сильное течение. Не мудрено, что вдоль берегов Новой Гвинеи «Флорида» шла с черепашьей скоростью и часто ложилась в дрейф или отстаивалась на якоре в ожидании очень редких попутных ветров. Сааведра, вероятно, проклинал Менезиша, по следам которого намечен был маршрут плавания на восток вдоль берегов Новой Гвинеи. Возможно, однако, что португальцы, которым знаком был режим муссонов Индийского океана, сознательно ввели в заблуждение Сааведру, посоветовав ему в мае плыть вдоль берегов «Страны Папуа» на восток в сезон юго-восточных противных муссонов.

В водах Микронезии Сааведра попал в полосу Экваториального противотечения, казалось бы попутного для принятого им

курса. Однако в то время года, когда предпринимались эти попытки пробиться на восток, в зоне Экваториального противотечения бывают длительные штили и часто дуют ветры восточных румбов. Поэтому навигационная обстановка для плавания в сторону Америки была весьма неблагоприятной.

«Флорида» возвратилась на Хальмахеру (Молуккские острова). Этот остров был последним прибежищем испанских колонистов. На Хальмахеру перебрались и спутники Лоайсы, изгнанные с Тидоре. Все они вскоре взяты были в плен португальцами.

Впрочем, в 1529 г. судьба Молуккских островов была решена бесповоротно. Карл V за триста пятьдесят тысяч дукатов уступил все свои сомнительные права на них Португалии. В апреле 1529 г. эта сделка была закреплена Сарагосским трактатом, по которому была намечена вторая демаркационная линия в Тихом океане. Она проходила в 17° к востоку от Молуккских островов. Все, что лежало к востоку от этой линии, вплоть до Тордесильяского рубежа 1494 г., признавалось неотъемлемой собственностью королей Испании. Таким образом, помимо Южной (без Бразилии), Центральной и Северной Америки, Испания «приобрела» всю Океанию, а Португалия закрепила свои «права» на всю Южную и Восточную Азию. В португальской сфере оставалась «Страна Папуа» и большая часть еще не открытой в ту пору Австралии.

Хотя Сарагосский трактат и привел обе пиренейские державы к полюбовному размежеванию сфер колониальных захватов на Дальнем Востоке, от этого соглашения молуккские пленники португальцев ничего не выиграли. Они долгие годы томилась в неволе, и от них упорно добивались всевозможных сведений о новооткрытых тихоокеанских землях. Последняя партия пленников добралась до Испании только в 1536 г. В числе этих «последних могикан» молуккских экспедиций Лоайсы и Сааведры был Андрес де Урданета, который впоследствии совершил выдающееся открытие в Тихом океане.

Вильялобос и Ортис де Ретес. Открытия у берегов Новой Гвинеи и в Микронезии

Итак, Молуккские острова были потеряны испанцами. Но в Испании и после Сарагосского соглашения усиленно разрабатывали проекты дальнейшего проникновения в Восточную Азию. Путь, проложенный Магелланом, вел к ее воротам. Если бы удалось найти опорную базу в морях Дальнего Востока, то Китай и Япония оказались бы в сфере испанской колониальной экспансии. И, оставив все помыслы о Молукках, организаторы заморских экспедиций всерьез занялись Филиппинами (в то

время они назывались островами Сан-Ласаро, или Западными островами).

Правда, Сарагосский трактат отдавал Филиппины Португалии, ведь эти острова лежали к западу от демаркационной линии, проведенной в Тихом океане, но юридические тонкости не слишком беспокоили испанский королевский двор. Поскольку португальцы еще не добрались до Филиппин, надо было ковать железо, пока горячо. В любое дипломатическое соглашение можно внести поправки *post factum*, и, в случае если бы на Филиппинах уже стояли испанские гарнизоны, Лиссабон, пусть даже и скрепя сердце, согласился бы передвинуть демаркационную линию на несколько градусов к западу. В соответствии с этими планами в 1542 г. в Мексике была снаряжена экспедиция на острова Сан-Ласаро. В состав ее вошло шесть кораблей, и командиром этой флотилии был назначен Руй Лопес Вильялбос.

Ход этой экспедиции описан в отчетах трех ее участников: монаха Херонимо де Санэстевана, коронного агента Гарсиа Эскаланте де Альварадо и итальянца-моряка Джованни Гаэтано (21, v. V; 22, v. II).

Вильялбосу предписывалось ввести во владение Испании все земли, которые ему удастся открыть по пути, твердо обосноваться на островах Сан-Ласаро и по возможности не вступать в конфликты с португальцами в водах Дальнего Востока.

1 ноября 1542 г. флотилия отправилась в путь из Мексики. Первым открытием Вильялбоса был архипелаг в 600 км от мексиканских берегов, получивший название островов Ревилья-Хихедо.

25 декабря 1542 г., на пятьдесят пятый день плавания, которому все время благоприятствовали северо-восточные пассаты, показались низкие острова с рощами кокосовых пальм. Санэстеван в своем отчете отметил, что эти острова сочтены были частью архипелага Волхвов, открытого пятнадцать лет назад Сааведрой. Вильялбос, однако, эту группу атоллов назвал Коралловыми островами. На одном из них моряки с большим трудом высадились. Местные жители бежали на каноэ в открытое море, но в зарослях удалось обнаружить группу женщин с детьми. Единственной одеждой женщин были передники из тонких циновок. На острове росли кокосовые пальмы и деревья с несъедобными плодами, похожими на ананасы, и водились куры.

6 января 1543 г. на 9—10° с. ш. в 35 лигах к западу от Коралловых островов был открыт еще один архипелаг. Эскаланте пишет, что десять новооткрытых островов густо поросли зеленью и по этой причине им дано было название Лос-Хардинес (Сады). По всей вероятности, Коралловые острова и Лос-Хардинес — это атоллы в центральной части архипелага Маршал-

ловых островов (атоллы Вотье, Эрикуб, Кваджелейн, Лаэ, Вото и Уджеланг; их координаты $8^{\circ}30'$ — 10° с. ш.).

Пройдя (по оценке Гаэтано) 280 лиг к западу, экспедиция 23 января 1543 г. открыла на 10° с. ш. небольшой густонаселенный остров. Высадиться здесь не удалось, но эту неудачу искупила встреча с островитянами, которые подошли к кораблям на своих каноэ. Островитяне складывали руки крестом и радостно кричали: «*Buenos días, matelotes!*» — «Добрый день, матросы!» Тремя днями позже был открыт большой остров, окруженный непроходимым поясом рифов. У этого острова местные жители приветствовали испанцев теми же словами. Возможно, что это были острова Фейс и Яп на западной окраине Каролинской гряды.

Ни Магеллан, ни участники экспедиций Лоайсы и Сааведры не посещали этих островов; а между тем местные жители приветствовали испанцев на родном языке заморских гостей. Очень возможно, что островитяне подобно жуль-верновскому Паганелю «беседовали» с испанцами на португальском языке. На Фейсе и Япе, вероятно, побывали в 1525 г. португальцы Дьогу Роша и Гомиш ди Сикейра. Португальские источники XVI в. вскользь упоминают об экспедиции, посланной с Молуккских островов под командой этих мореплавателей в сторону Филиппин, и об открытии нескольких островов под 9 — 10° с. ш., причем один из них, судя по описанию, соответствует острову Яп.

Высадившись в начале февраля на острове Минданао, Вильялобос основал там поселение, но вскоре колонисты очутились в крайне тяжелом положении. Их косили болезни, местные жители относились к ним весьма враждебно, и продовольствие приходилось добывать с боем.

Вильялобос направил в августе 1543 г. в Мексику корабль «Сан-Хуан» под командой Бернардо де ла Торре. В отчете вице-королю Новой Испании (Мексики) Вильялобос впервые назвал острова, на которых он обосновался, Филиппинскими в честь сына Карла V принца Филиппа (впоследствии испанского короля Филиппа II). Де ла Торре, дойдя до 30° с. ш., вынужден был из-за противных ветров возвратиться на Филиппины. Он открыл несколько островов на $16, 17$ и 25° с. ш. На самом северном из них был действующий вулкан. Очевидно, первые два острова — это острова Аламаган и Агрихан в Марианской группе, а самый северный — один из островов в группе Волкано, расположенной в 3 — 4° к северу от Марианских островов. Де ла Торре потерпел неудачу, потому что он пустился в путь осенью, когда севернее Гуама дуют устойчивые северо-восточные пассаты; кроме того, «Сан-Хуан» все время шел против Северного Пассатного течения.

Португальцы на Молукках, узнав, что Вильялобос прибыл на Филиппины, немедленно предприняли меры. Вильялобосу предложено было убраться куда глаза глядят, он отказался, но в конце концов нужда заставила его перебазироваться на Молуккские острова. Отсюда он снова 16 мая 1545 г. послал корабль «Сан-Хуан» в Мексику. На этот раз командиром был назначен Иньиго Ортис де Ретес.

Подобно Сааведре Ортис де Ретес избрал путь, ведущий вдоль берегов «Страны Папуа», и подобно Сааведре же он вышел в плавание в мае, в сезон противных юго-восточных муссонов. Испытывая не меньшие муки и страдания, чем Сааведра, Ретес три месяца шел вдоль берегов огромной земли. Гигантские горные цепи все время тянулись вдоль побережья, непроходимые леса сползали со склонов гор к самому морю. «Сан-Хуан» прошел вдоль берега 230 лиг (около 1300 км), не раз подвергаясь нападениям местных жителей — темнокожих и бородатых людей. Ретес на первом этапе плавания пересек глубоко вдающийся в сушу залив Гелвинк и открыл там в середине июня 1545 г. на 1° ю. ш. множество крупных и мелких островов (вероятно, это были острова Схаутен). Ретес решил, что обитатели «Страны Папуа» чем-то напоминают жителей далекой Гвинеи, и назвал эту огромную сушу (он не имел представления, остров это или часть еще неведомого материка) Новой Гвинеей.

Гарсиа Эскаланте де Альварадо в своем отчете отметил, что местные жители питаются главным образом кокосовыми орехами и саго и что у них нет никаких металлов.

Ретес шел вдоль северного берега Новой Гвинеи, часто отходя довольно далеко на север, и в конце июля открыл острова Ла-Барбада и Ла-Каймана (на рифах Ла-Кайманы островитяне вступили с испанцами в бой, пустив в ход пращи), которые, по всей вероятности, находятся в группе островов Ниниго. К западу от Ла-Кайманы 19 августа 1545 г. открыты были два низких островка, и у берегов одного из них корабль подвергся неожиданному нападению отчаянно смелых светлокожих людей. Они атаковали «Сан-Хуан» на боевых каноэ с высокими надстройками, по типу сходных с соломонийскими монами. Эти острова, названные Ретесом островами Белых Людей (*Islas de Nombres Blancos*), отвечают по своему географическому положению островам Хермит, самым южным в обширном архипелаге Западных островов, в пределах которого лежит и группа островов Ниниго. От островов Белых Людей Ретес отправился обратно к Молуккам. Таким образом, он не дошел до островов Адмиралтейства, у которых в 1528 и 1529 гг. побывал Сааведра.

Вскоре после неудачной попытки Ретеса испанцев выдворили с Молуккских островов и уже на португальских кораблях доста-

вили в Европу восточным путем (через мыс Доброй Надежды). Эвакуация эта шла очень медленно и завершилась только в 1548 г. Вильялобосу не суждено было увидеть берега Испании. Он умер на Молукках в 1546 г. *

Легаспи и Урданета. Открытие пути с запада на восток

Андрес де Урданета, бывший кормчий экспедиции Лоайсы, в свое время хлебнувший немало горя в многолетнем португальском плену, уже на склоне лет вновь появился на океанийской арене. Экспедиция, организованная по его планам и проведенная при его непосредственном участии, по своим результатам далеко превзошла походы Лоайсы, Сааведры и Вильялобоса.

Урданета после возвращения из плена стал монахом, но Тихий океан его интересовал куда больше, чем богословие. В конце 60-х годов XVI в. он принял активное участие в разработке проекта новой экспедиции на Филиппины. Эту экспедицию возглавил баск Мигель Лопес Легаспи, старый друг Урданеты. В Мексике снаряжено было пять кораблей, и 20 ноября 1564 г. флотилия отправилась в путь.

1 декабря самый маленький корабль — тридцатипятитонный «Сан-Лукас» — оторвался от эскадры. Дальнейшие приключения экипажа этого утлого, но бойкого суденышка — одна из наиболее ярких страниц в летописи тихоокеанских открытий. Ко-

* Один из португальских наместников на Молукках, автор очень обстоятельного труда об открытиях на Дальнем Востоке, Антониу Галван, приводит (под 1537 г.) любопытное сообщение об испанском корабле, который, следуя вдоль экватора, прибыл из Перу на Молукки. По пути на 2° с. ш., в 500 лигах к востоку (у Галвана ошибочно сказано к западу — a loeste) от Молукк, мореплаватели открыли два острова, а несколько южнее экватора открыли еще ряд островов, населенных «черными людьми с курчавыми волосами; таких людей жители Молукк называют папуасами». Это очень странное известие. Из Перу первое транстихоокеанское плавание совершенно было лишь тридцать лет спустя. Да и маршрут корабля, следующего из Перу на запад, должен был проходить не вдоль экватора, а гораздо южнее, примерно на 8—10—12° ю. ш.

Историограф экспедиции Вильялобоса — Гарсиа Эскаланте де Альваро в связи с плаванием Ретеса упоминает об испанском корабле, посланном под командой Эрнандо де Грихальвы из Мексики на Молукки Кортесом за несколько лет до того, как туда отправлена была флотилия Вильялобоса. Эскаланте сообщает, что у берегов Новой Гвинеи корабль Грихальвы затонул и вся его команда была перебита островитянами. Возможно, что Галван, говоря об испанском корабле, прибывшем на Молукки из Перу, имел в виду судно Грихальвы, посланное из Мексики.

Если сведения Галвана об открытиях, совершенных этой не вполне ясной экспедицией, верны, то два острова на 2° с. ш. будут соответствовать островам Маракеи и Абаянг в северной части архипелага Гилберта. Все остальные острова, видимо, расположены в водах Новой Гвинеи.

мандиром «Сан-Лукаса» был Алонсо де Арельяно, кормчим — Лопе Мартин, «морской дьявол», который два года спустя взбунтовал экипаж одного испанского корабля и сперва утопил свергнутого капитана, а затем командира, избранного мятежниками. В момент, когда «Сан-Лукас» отстал от флотилии, он находился всего лишь в десяти днях пути от Мексики, но Арельяно и Мартин решили идти к Филиппинам. Они прошли через Маршалловы острова и затем в Каролинской островной гряде открыли острова Оролук, Трук, Сорол и Нгулу. 29 января 1565 г. «Сан-Лукас» прибыл на Филиппины, опередив эскадру Легаспи.

22 апреля того же года Арельяно и Мартин отправились в обратный путь. Ни один мореплаватель еще не пересекал Тихий океан с запада на восток, подобного рода попытки не удались ни Эспиносе в 1522 г., ни Сааведре в 1528 и 1529 гг., ни участникам экспедиции Вильялобоса в 1544 и 1545 гг. Однако Арельяно и Мартину повезло. Прямо от Филиппин они двинулись на северо-северо-восток и примерно на 40° с. ш. попали в струю течения Куросио, которое затем вынесло их в полосу устойчивых западных ветров. Без каких-либо происшествий они пересекли с запада на восток Тихий океан и в ночь с 16 на 17 июля 1565 г. достигли берегов Калифорнии, а 9 августа 1565 г. прибыли в Акапулько.

Своим успехом Арельяно и Мартин больше всего обязаны были Урданете. Еще до выхода флотилии в море Урданета ознакомил командиров и кормчих со своими выкладками и расчетами. Урданета был убежден, что Тихий океан следует пересекать с запада на восток в сороковых широтах и что с этой целью кормчие непосредственно от Филиппин должны вести корабли на северо-северо-восток, до тех мест, где дуют устойчивые западные ветры и имеется мощное западное течение. Урданета совершенно справедливо полагал, что в северной половине Тихого океана ветры и течения подчиняются тем же законам, что и в Северной Атлантике, где корабли идут от берегов Кубы и Флориды к Европе в струе Гольфстрима и Северо-Атлантического течения. Находясь в португальском плену на Молукках и в Индии, он собрал множество сведений, подтверждающих его предположения и догадки. Он встречался там с малайскими и китайскими моряками, которым известен был режим ветров и течений в Южно- и Восточно-Китайском морях, и из бесед с ними совершенно правильно заключил, что севернее Филиппин имеется мощное попутное течение, идущее к северо-востоку, то есть к берегам Северной Америки. Это течение и вынесло корабль Арельяно к Калифорнии.

Между тем Легаспи с четырьмя кораблями (на флагманском корабле, пятисоттонном «Сан-Педро», вместе с командиром флотилии находился кормчий-монах Урданета) совершил пе-

переход к Филиппинам по маршруту Вильядобоса. По пути Легаспи посетил острова, некогда открытые Вильядобосом, и открыл самый восточный остров Маршалловой группы — Меджит. Там нашли небольшое поселение, в котором обитало около сотни бородатых и темнокожих островитян. Люди эти жили в отличных деревянных домах, с кровлей из пальмовых листьев, и ходили в одежде из пальмовой плетенки. Островитяне были прекрасными рыболовами и пользовались крючками и лесками. На небольших огородах возделывались бататы и похожая на просо культура. Оружия у островитян не было. К гостям они относились очень дружелюбно и снабжали корабельные команды рыбой и кокосовыми орехами.

Открыв затем в западной части Маршалловой группы несколько атоллов (видимо, то были острова Аилук, Иемо и Вото), флотилия прибыла на Филиппины.

Обосновавшись на острове Себу, Легаспи послал корабль «Сан-Педро» в Мексику. Корабль вышел в плавание 1 июня 1565 г., когда «Сан-Лукас» был уже на половине пути к Америке. Командовал на «Сан-Педро» Фелипе де Сальседо, кормчим был Родриго де Эспиноса, на борту находился и Урданета.

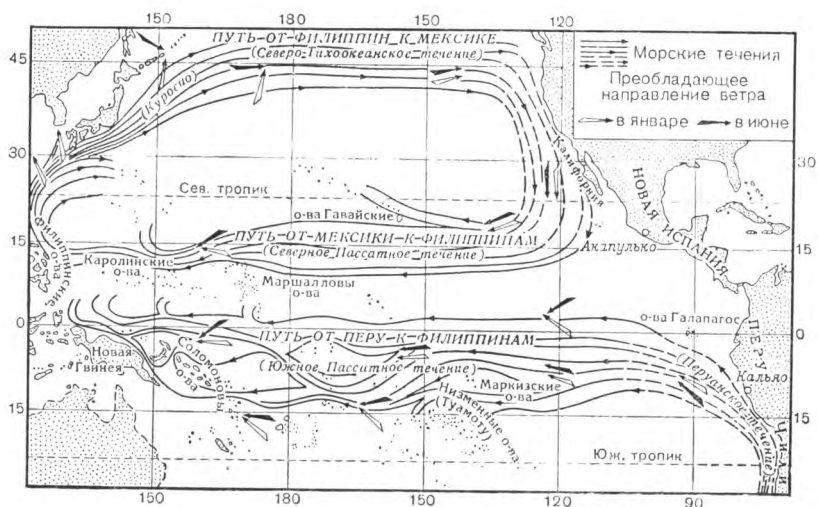
Снова Тихий океан удалось пересечь с запада на восток в тех же сороковых широтах, и 8 сентября 1565 г. «Сан-Педро» вступил в североамериканские воды.

Второе успешное плавание от берегов Филиппин к гаваням Мексики показало, что новая транстихоокеанская трасса — надежный путь, связывающий азиатский Восток с Новым Светом. Точный расчет и глубокий анализ географической обстановки, характерные для экспедиций второй половины XVIII в, XIX и XX вв., впервые «весомо и зримо» проявились в поисках, столь успешно осуществленных Урданетой.

Если прежде испанские мореплаватели пересекали Тихий океан только в одном направлении, с востока на запад, то ныне открывалась возможность двустороннего движения, причем путь с запада на восток, непосредственно соединивший Филиппины с Акапулько — гаванью на западном побережье Мексики, проходил далеко к северу от португальских опорных баз на Молукках.

В конце 60-х годов XVI в. сложилась следующая система испанских морских связей в северной половине Тихого океана: из Мексики к Филиппинам корабли шли в полосе Северного Пассатного течения через остров Гуам, оставляя к югу Маршалловы острова, а от Филиппин к Акапулько возвращались по трассе Урданеты, описывая широкую дугу в сороковых широтах.

Открытие Урданеты привело к весьма негативным последствиям. Испанцам не составляло теперь труда, поддерживая постоянную двустороннюю связь с базой, основанной на

Испанские тихоокеанские пути с 1565 г (по И. П. Магидовичу)

Филиппинах, прибрать к рукам весь этот архипелаг. Легаспи, постоянно получая подкрепления и пользуясь новой морской дорогой в Мексику, которую не могли перерезать португальцы, за несколько лет завоевал крупнейший из Филиппинских островов — Лусон; селение Манила на этом острове стало столицей новой колонии Испании.

В 1568 г. в монастыре скончался Андрес де Урданета, один из наиболее даровитых мореплавателей века великих открытий, человек, который разгадал загадку морского пути из Азии в Северную Америку. Спустя четыре года, в 1572 г., умер Легаспи.

Менданья. Открытие Соломоновых островов

До конца 60-х годов XVI в. «стартовыми площадками» испанских тихоокеанских экспедиций были гавани Испании и Мексики. В Лиме — резиденции вице-королей Перу — давно уже собирали сведения о южной половине Тихого океана. Еще в 1549 г. вице-король Педро де Гаска писал Карлу V: «...похоже, что это Южное море усеяно многочисленными большими островами... и очень возможно, что на тех из них, которые лежат под экватором или близ оногo, есть пряности, ибо климат на них такой же, как на Молукках».

Однако вплоть до начала 60-х годов XVI в., кроме бесплодных Галапагосских островов и столь же безотрадных островов

Хуан-Фернандес, случайно открытых соответственно в 1535 и 1563 гг., ни единой пяди земли не удалось отыскать в южной части Тихого океана (да и Галапагосские острова и острова Хуан-Фернандес лежали не слишком далеко от материка: первые в 600 милях от Гуаякиля, вторые в 700—750 милях от Вальпараисо). Неудачи испанцев объяснялись прежде всего тем, что от южноамериканского побережья испанские корабли отрывались очень редко. Они курсировали лишь вдоль него, поддерживая связь между Панамой и гаванями Перу — Тумбесом, Пайтой и Кальяо и между Кальяо — аванпортом Лимы и недавно основанными поселениями на чилийских берегах.

А между тем на запад, в просторы Южного моря, стремились искатели новых земель. В век великих географических чудес все казалось возможным и многие грезил о новых открытиях. Люди XVI в. были в этом отношении легковерны, и они надеялись найти в неведомых морях сокровища царя Соломона, спрятанные им в таинственной стране Офир. Страну эту не обнаружили ни по ту, ни по сю сторону Южного моря, и никаких следов царя Соломона не было ни в Перу, ни на Яве. Но разве могла лгать Библия? Разумеется, нет. Страна Офир где-то должна была быть, и скорее всего ее следовало искать между Новым и Старым Светом, в Южном море.

Еще в 40-х годах в Лиме толковали о таинственных «островах Соломона». В 1564 г. испанский купец Аэдо пытался получить лицензию «на открытие в [Южном] море тех островов, которые называют Соломоновыми». В 1566 г. другой купец, Агуэро, обращался к временному правителю Перу Гарсиа де Кастро с такой же просьбой. Однако царь Соломон не оставил своим наследникам адреса страны Офир, а Южное море было весьма обширно. Поэтому к заманчивым предложениям Аэдо и Агуэро отнеслись более чем сдержанно.

Но одновременно с мифом о стране Офир возникла и другая, еще более завлекательная версия. Создателем ее был некто Педро Сармьенто де Гамбоа, испанский идальго, моряк, инженер и астроном. Он появился в Лиме в 1557 г. *

Скитаясь по селениям и городам Перу, Сармьенто набрал на весьма любопытную перуанскую легенду. Это было сказание

* В Новом Свете карьера Сармьенто де Гамбоа началась при обстоятельствах не слишком для него радостных. По приговору инквизиции он был публично высечен на городской площади в мексиканском городе Гвадалахаре. Побывав в Гватемале и Панаме, он перебрался в Перу и несколько лет занимал пост главного астролога при вице-королевском дворе. В 1565 г. был обвинен в колдовстве и вновь брошен в темницу. Вина Сармьенто была «доказана»: у него нашли магические кольца с таинственными и явно колдовскими знаками. Хотя сам Сармьенто и вызванные на следствие эксперты утверждали, что эти кольца — обыкновенные навигационные приборы, с помощью которых моряки определяют высоту солнца, несчастный астролог был сурово наказан и изгнан из Лимы.

о заморском походе инки Тупака-Юпанки, предпринятом лет за восемьдесят до испанского завоевания Перу, во второй половине XV в. Тупак-Юпанки якобы ходил к каким-то островам Ачачумби и Ниньячумби. Ходил с войском на больших балсовых плотах. Он открыл и завоевал эти острова и привез оттуда черных людей и много золота, бронзовый трон, а также шкуру и челюсть лошади.

Легенда о походе Тупака-Юпанки обросла явными вымыслами. Конечно, ни бронзового трона, ни тем более лошадиной челюсти инка не мог вывезти ни с дальних, ни с ближних островов Тихого океана. Но очень возможно, что либо сам инка, либо его «адмиралы» действительно совершали на балсовых плотах плавания к каким-то островам. Скорее всего это были Галапагосские острова, лежащие на сквозной пассатной дороге. Сармьенто считал, однако, что острова, открытые Тупаком-Юпанки, лежат не к северо-западу, а к юго-западу от главной перуанской гавани — Кальяо. В середине 1567 г. Сармьенто передал Гарсиа де Кастро проект экспедиции в Южное море. Правитель Перу заинтересовался этим планом. Однако в дальнейшем дела сложились совсем не так, как предполагал Сармьенто. То ли Гарсиа де Кастро не слишком доверял человеку, осужденному инквизицией, то ли он стремился прежде всего порадовать своим родичам и друзьям, но во главе экспедиции, которая в июле — октябре 1567 г. снаряжалась в Кальяо, назначен был не Сармьенто, а племянник Гарсиа де Кастро двадцатидвухлетний кавалер Альваро Менданья де Нейра. Как это ни удивительно, но выбор этот оказался на редкость удачным. Менданья очень быстро приобрел опыт вождения кораблей в открытом море, а умом, отвагой и чувством такта он был наделен от природы.

Гарсиа де Кастро в своих донесениях королю сознательно не упоминал об островах, некогда открытых Тупаком-Юпанки. Гораздо внушительнее казалась версия о поисках сокровищ царя Соломона. И кроме того, правитель Перу опасался, что планы экспедиции могут быть сорваны. В Лиме и Мадриде к рейду в Южное море многие относились весьма скептически. Против экспедиции был главный фискал перуанского вице-королевства, который доказывал, что затея Гарсиа де Кастро дорого обойдется казне. Это был серьезный и убедительный довод, но Гарсиа де Кастро ловко отражал выпады своих недругов. Он сопровождал свои мемориалы неопровержимыми ссылками на Библию, в силу чего фискал и его единомышленники приобретали неблагоприятный облик маловеров, подвергающих сомнению откровения священного писания.

Гарсиа де Кастро не мог назначить полураскаявшегося еретика Сармьенто на видный пост в снаряжаемой экспедиции. Сармьенто причислили к ней в качестве сверхштатного корм-

чего. Главным кормчим был назначен Эрнан Гальего, опытный моряк, который десять лет плавал у перуанских и чилийских берегов.

Снаряжены были два корабля — «Капитана» и «Альмиранта» водоизмещением соответственно 250 и 110 т. В море отправились восемьдесят моряков, семьдесят солдат, четверо монахов и несколько негров-рабов. Менданья, Гальего и Сармьенто возглавили команду «Капитаны»; «Альмиранта» была вверена старому солдату Педро де Ортеге.

Еще не открытые земли надлежало как можно скорее ввести в лоно христианской цивилизации, поэтому на борт было взято много оружия и боеприпасов. Но продовольствия и пресной воды захватили в обрез. Менданья и Сармьенто считали, что плавание будет недолгим; никто не предполагал, что первую землю участники экспедиции увидят лишь на шестьдесят третий день плавания.

Сохранились дневники и записки нескольких участников плавания. Помимо отчета Сармьенто имеются дневники Менданьи, Гальего и казначея Гомеса Катойры, причем наиболее подробно путешествие в Южном море описано Катойрой (27).

19 ноября 1567 г. «Альмиранта» и «Капитана» покинули Кальяо и взяли курс на запад-юго-запад. Этот курс был назначен Сармьенто. Менданья и Гальего должны были следовать в этом направлении 600 лиг, ибо, по мнению Сармьенто, в шестистах лигах от Кальяо, на 23° ю. ш., находились искомые острова. Однако в начале декабря курс был изменен, и корабли пошли прямо на запад в интервале между 15 и 16° ю. ш., а затем в середине декабря направились на запад-северо-запад.

Испанские мореплаватели в то время уже хорошо знали, что в десятых широтах южного полушария всегда дуют юго-восточные пассаты и что, используя их, в этой части Южного моря можно продвинуться далеко на запад. Но никто в экспедиции, разумеется, не мог подозревать, что на этом пассатном курсе, примерно у 130° з. д., корабли войдут в широкий «пролив» между двумя островными созвездиями Южного моря — Маркизскими островами и архипелагом Туамоту. Через этот «пролив» корабли проследовали в двадцатых числах декабря. Затем примерно на 6° ю. ш. и 160° з. д. Гальего взял курс на запад. Корабли прошли через «пролив» между островами Феникс и Токелау.

15 января 1568 г., около 9 часов утра, юнга заметил с топа мачты землю. Это был небольшой островок, который Менданья назвал островом Иисуса. Остров, открытый 15 января, находился на рубеже западного и восточного полушарий, в архипелаге Эллис. По всей вероятности, это был один из самых северных атоллов этого архипелага; возможно, атолл Нанумеа или атолл Ниутао. От Новой Гвиней острова Эллис

лежат в 1500 милях, но именно здесь проходит восточная граница меланезийской островной «галактики», населенной темнокожими и курчавыми людьми — близкими родичами новогвинейских папуасов.

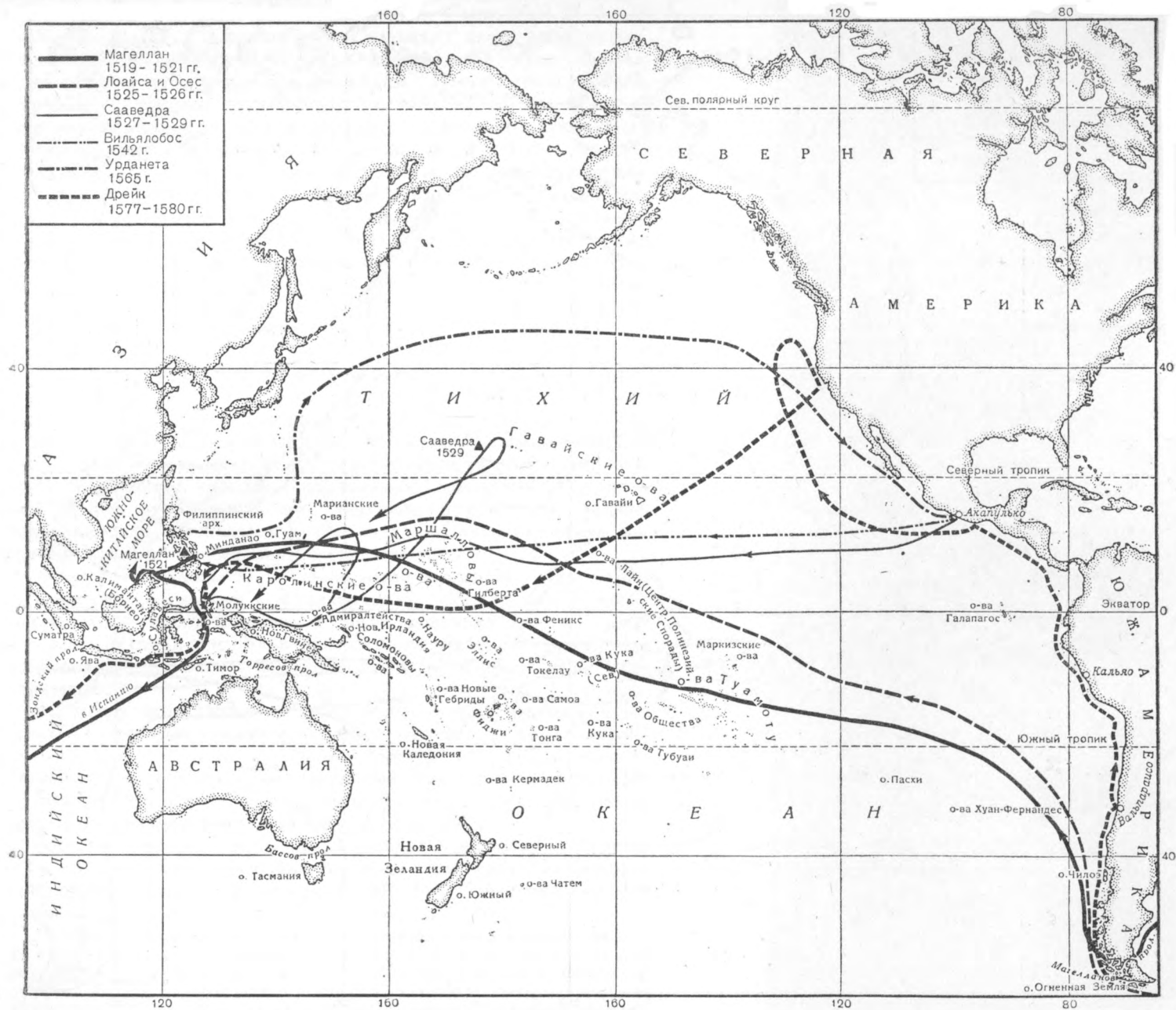
Следуя дальше на запад, экспедиция 1 февраля открыла гряду низких островов и мелей, которая названа была мелями Канделярии (по всей вероятности, это был атолл Онтонг-Джава к северу от Соломоновых островов). За семьдесят четыре дня корабли прошли огромный путь и находились в 8 тыс. миль от Кальяо. Не 600 лиг, как это первоначально предполагалось, а по крайней мере 2 тыс. лиг прошли корабли, и по длине этот путь был равен одной трети земного экватора. Соломоновы острова надо было найти в ближайшие же дни, иначе экспедицию ожидали позор и бесславие. Мели Канделярии явно указывали на близость пока еще неведомых земель, и если бы эти земли оказались обитаемыми, каждый участник экспедиции с чистым сердцем присягнул, что именно они и есть острова царя Соломона.

7 февраля, утром, замечен был высокий берег. Это был большой остров в большом архипелаге, который с тех пор получил название Соломоновых островов. «Богу угодно было, — говорит Менданья, — чтобы в субботу 7 февраля, утром... Эрнан Гальего, главный кормчий, увидел землю, которая казалась очень высокой. И поскольку была она столь обширна и высока, мы решили, что, должно быть, это материк. Находилась она в тот момент, когда ее приметили, в 15 лигах, и весь этот день и весь следующий мы шли к ее берегам. К нам подошло множество маленьких каноэ, и все индейцы* были вооружены луками и копьями из пальмовой древесины. Они знаками выражали мирные намерения...» (27).

Кроме кокосовых орехов и мучнистых клубней таро и ямса, Соломоновы острова ничего не могли дать заморским гостям. Впрочем, даже если бы в недрах этого архипелага таились сокровища Офира, взять их было отнюдь не легко. Недаром спустя триста с лишним лет после открытия Соломоновых островов английский натуралист Гаппи писал, что европеец «подобен здесь человеку, открывшему богатейшую залежь, из которой ему, однако, дозволено взять лишь ту ничтожную долю богатств, которую он способен унести на собственных плечах. Право же, нигде ему не приходится испытывать такие поистине танталовы муки, как на этих островах».

Танталовы муки спутников Менданьи начались сразу же по прибытии на эти острова. Вождь Билебенара, с которым испанцы на первых порах установили контакт, скрылся, очевид-

* Испанцы называли индейцами (los indios) коренных жителей всех новооткрытых земель.

Маршруты Магеллана, Лоайсы и Осеса, Сааведры, Вильялобоса, Урданеты и Дрейка
Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

но взяв в расчет, как трудно будет ему прокормить сто пятьдесят незваных гостей. Менданья послал Сармьенто на берег в поисках вождя. Сармьенто силой захватил дядю Билебенары (сам Билебенара от него сбежал), перебил по пути немало островитян и возвратился к кораблям. Итоги этого набега огорчили Менданью, он понимал, что пальбой из аркебузов и захватом заложников нельзя наладить мирные и дружественные отношения с островитянами.

21 февраля он велел Сармьенто доставить «индейцам» дядю Билебенары и возвратить взятые у них трофеи. С Билебенарой был заключен мир — худой мир, который был, однако, лучше доброй ссоры. Питаясь позеленевшими от плесени сухарями, матросы день и ночь трудились на песчаном берегу бухты. Здесь по приказу Менданьи строили бергантин — небольшой корабль, на котором, как справедливо полагал командир экспедиции, без труда можно будет обследовать берега новооткрытых земель.

4 апреля спущен был на воду бергантин «Сантьяго». Ортега и Гальего направились на восток вдоль северного берега острова Санта-Исабель, дошли до его восточной оконечности, отсюда проследовали к югу и открыли большой остров, который назван был Гуадалканалом. Ортега так окрестил этот остров в честь небольшого городка Гуадалканал, лежащего за тридевять земель от Соломоновых островов, в цветущей долине Гвадалквивира. От берегов Гуадалканала «Сантьяго» снова направились к берегам острова Санта-Исабель.

8 мая «Капитана» и «Альмиранта» покинули воды этого острова и отправились к Гуадалканалу. «Земля эта, — писал Сармьенто, — привлекательна с виду, довольно высока, густо населена, и пищи тут вдоволь». Это последнее соображение и побудило Менданью на некоторое время обосноваться на Гуадалканале.

К концу мая 1568 г. из строя выбыло тридцать восемь человек. Тлетворное дыхание соленых мангровых болот отравляло людей, жестокая лихорадка трепала их день и ночь*. Однажды в стычке с островитянами пало девять матросов. Сармьенто отправился в карательный поход и сжег хижины и селения — «как на равнине, так и в горах».

Испанцы щедро сеяли на Гуадалканале ветер, который обернулся не только для них, но и для последующих поколений колонизаторов неугасимой бурей. Ни Сармьенто, ни его

* Триста семьдесят пять лет спустя, во время второй мировой войны, в джунглях Гуадалканала развернулись жестокие бои между японцами и американскими десантными частями. Обе стороны несли огромные потери, но виной тому были не авнабомбы и не пули, а малярийные комары и бактерии дизентерии. Не без основания американцы называли Гуадалканал зеленым адом, а японцы окрестили этот райский на вид остров западней дракона.

спутники по карательным походам не задумывались над последствиями своих боевых операций. Семьдесят лет конкисты — жестокой истребительной войны, которую испанские завоеватели вели в Новом Свете, — создали мораль, оправдывающую любые насилия, грабежи и убийства, если только все эти действия были выгодны «добрым христианам». Менданья, человек отзывчивый и гуманный, тщетно пытался обуздать своих подчиненных, внушить им, что силой они ничего не добьются. Но конкиста была в крови каждого солдата и моряка; меч открыл в свое время дорогу к сокровищницам Монтезумы и Атауальпы, мечом добывали в Новом Свете пищу и кров, землю и золото. Крест освящал и разбой, и резню, и грабежи. Меч и крест ветераны конкисты принесли на Санта-Исабель и Гуадалканал.

На поиски более удобных земель вторично был послан бергантин. От северного берега Гуадалканала моряки пошли к острову Малаите, населенному воинственными «индейцами», затем открыли также весьма негостеприимный остров Сан-Кристобаль. В начале июня бергантин возвратился к месту стоянки кораблей у берегов Гуадалканала. 18 июня «Капитана» и «Альмиранта» покинули Пуэрто-де-ла-Крус — бухту, где корабли простояли сорок четыре дня. 1 июля оба судна отдали якорь в одной из гаваней на южном берегу острова Сан-Кристобаль. Высадившись у большого селения, изголодавшиеся моряки немедленно приступили к «заготовке» съестных припасов, применяя при этом оружие. Островитяне стремглав бежали в лес, несколько человек были убиты в неравном бою с испанцами. В третий раз был послан на рекогносцировку бергантин. Разведчики дошли до «края земли» — островков, лежащих к востоку от острова Сан-Кристобаль.

Таким образом, Менданья и его спутники открыли почти всю южную группу Соломоновых островов — острова Санта-Исабель, Малаиту, Гуадалканал и Сан-Кристобаль. В этой группе остался неоткрытым только небольшой остров Реннел к юго-западу от Сан-Кристобала.

В августе в лагере началось брожение. Менданья не желал возвращаться в Кальяо, и у него нашлись сторонники, правда немногочисленные. Он предложил немедленно направиться дальше на поиски земли, где можно было обосноваться; в случае если бы не удалось найти такую землю на дистанции 150 лиг, следовало возвратиться к берегам Гуадалканала и заложить там поселение.

Это предложение было отвергнуто. Все согласилось с тем, что надлежит как можно скорее покинуть Сан-Кристобаль и лечь на обратный курс. Гальего полагал, что следует пересечь экватор, подняться до 15—20° с. ш. и затем трассой Урданеты проследовать к берегам Калифорнии.

11 августа корабли покинули гавань. Начался самый тяжелый этап путешествия — многомесячный обратный переход через Южное море. 6 сентября корабли пересекли экватор и вступили в воды северного полушария. Спустя одиннадцать дней был открыт небольшой атолл в группе Маршалловых островов (по всей вероятности, атолл Наму). Изголодавшиеся моряки бросились к селению (жители его предусмотрительно бежали прочь), но поживились здесь лишь гнилыми плодами пандануса. В качестве живого трофея захвачен был тощий петух. Любопытно, что на этом забытом богом островке найдено было ржавое железное долото. Очевидно, незадолго до экспедиции Менданьи здесь побывали какие-то испанские мореплаватели.

Затем корабли направились на северо-северо-восток. 2 октября открыт был одинокий необитаемый островок Сан-Франсиско (современное название Уэйк). Ни воды, ни плодов обнаружить тут не удалось. Менданья урезал дневные рационы: каждому члену экипажа вне зависимости от его звания выдавался кружка протухшей воды и полфунта сухарей.

17 октября после полудня начался жестокий шторм. «Я плавал 45 лет, — писал Гальего, — но никогда еще не видел, чтобы ветер налетал с такой силой». И на «Капитане» и на «Альмиранте» паруса были изодраны в клочья. Волны непомерной высоты перехлестывали через палубы, на «Капитане» смыло рубку и надстройку, в которой помещались каюты командиров.

Во время шторма корабли разлучились. Оба корабля следовали, однако, одним и тем же курсом на восток, примерно вдоль 28° с. ш. На «Капитане», как отмечает Катойра, люди совсем приуныли. Матросам и солдатам казалось, что никогда не удастся дойти до Калифорнии, и они потребовали, чтобы Менданья повернул назад к Соломоновым островам. Это требование Менданья категорически отверг. Объявился новый враг — цинга. У людей распухали руки и ноги, из кровоточащих десен выпадали зубы. От цинги и голода многие слепли. Миновал ноябрь, но никаких признаков земли не было видно. На «Альмиранте» допивали последние капли воды; Ортега тяжело заболел, и потрепанный бурями корабль вел Сармьенто. Его вахта была бессменной, ибо почти вся команда выбыла из строя.

12 декабря с «Капитаны» заметили в море большое бревно; оно «было чистым и не обросло ракушками», и это внушило всем надежду на близость берега. Но только семь дней спустя, 19 декабря, Гальего с кормы «Капитаны» заметил землю. То был безлюдный калифорнийский берег, вдоль которого Менданья повел «Капитану» на юг. Только 23 января 1569 г., на сто шестьдесят второй день плавания, «Капитана» была введена в мексиканскую гавань Колиму, куда спустя три дня вошла

«Альмиранта». Путешествие, однако, на этом не закончилось. До Кальяо оставалось 2 тыс. миль, а местные власти, не получив соответствующих указаний свыше, категорически отказались отпустить средства и материалы для ремонта кораблей.

Когда 4 апреля Менданья привел «Капитану» и «Альмиранту» в гавань Реалехо (современное название ее Коринто), на побережье Никарагуа, где обычно ремонтировались казенные суда, начальник порта отказался дать займы необходимые для ремонта суммы, и Менданья продал и заложил все свое имущество, чтобы оплатить ремонт судов.

26 мая корабли вышли из Реалехо и 26 июля прибыли в Кальяо. Экспедиция в Южное море закончилась. Итоги этой экспедиции в весьма малой степени соответствовали ожиданиям ее организаторов. Не удалось найти сокровищ царя Соломона, не было на новооткрытых островах золота, серебра, жемчуга и алмазов. А Менданье хорошо было известно, что все земли, где не удалось открыть драгоценных металлов, числились в коронных реестрах как никчемные — *tierras sin provecho*.

«На мой взгляд, — писал королю в марте 1569 г. Хуан де Ороско (чиновник, которому поручено было опросить Менданью и его спутников). — и сообразно тому отчету, который я получил [от Менданьи], острова, открытые на западе, имеют весьма ничтожное значение... ибо в ходе сих открытий не было найдено даже признаков пряностей, золота и серебра и иных источников дохода, а населяют те острова голые ди-кари...» (16).

Для Ороско и чиновников больших и малых канцелярий «острова, открытые на западе», были «никчемными землями». А ведь от Соломоновых островов рукой подать было не только до Новой Гвинеи, Филиппин и Малайского архипелага, но и до большой земли, которую суждено было тридцать с лишним лет спустя открыть голландским мореплавателям и которая ныне носит на картах название Австралии.

Секретные карты Соломоновых островов были столь надежно упрятаны в архивные тайники, что вторично эти острова удалось открыть лишь через двести лет, причем слава этого открытия досталась не испанским мореплавателям, а французцу Бугенвилю и англичанину Картерету. А между тем этот «бесплодный» поход на Соломоновы острова был великим географическим подвигом. 16—17 тыс. миль прошли корабли экспедиции Южным морем, в водах, которые до той поры не посещали европейские мореплаватели. Открыт был новый путь, пересекающий почти весь Тихий океан в приэкваториальных водах южного полушария, открыты острова и архипелаги в западной, наиболее отдаленной от европейских и перуанских гаваней части Южного моря.

Кругосветное плавание Дрейка

В 70-х годах XVI в. в Тихий океан впервые проникли англичане, которые к этому времени уже основательно подорвали морскую мощь Испании в Атлантике.

13 декабря 1577 г. из Плимута вышла к американским берегам флотилия английского пирата Френсиса Дрейка. Разграбив по пути испанские гавани в устье Ла-Платы, Дрейк 20 августа 1578 г. вступил в Магелланов пролив. Он прошел его очень быстро, всего лишь за двадцать дней, но в Тихом океане флотилию встретил свирепый шторм. Из всей флотилии остался лишь один корабль «Золотая Лань». Буря занесла его далеко на юг, и Дрейк убедился, что за Огненной Землей простирается открытое море. Правда, еще в 1526 г. это море видел испанец Осес, но мир от этого ничего не выиграл, ибо, как мы уже говорили, донесения Осеса испанские власти похоронили в архивах. Поэтому не без основания на современных картах именем Дрейка назван широкий пролив, отделяющий архипелаг Огненной Земли от Антарктиды.

Совершив вынужденную вылазку на юг, Дрейк, как только утихла буря, взял курс к северу и вышел к чилийским берегам.

Дрейк совершил дерзкую прогулку вдоль всего Тихоокеанского побережья, пустил ко дну множество испанских кораблей и последовательно опустошил важнейшие гавани на чилийских, перуанских и мексиканских берегах. «Золотая Лань» пересекла Тихий океан, вышла к Филиппинам и Молуккам и, обогнув мыс Доброй Надежды, в сентябре 1580 г. возвратилась в Англию. Это было второе в истории мореплавания кругосветное путешествие.

До похода Дрейка Филипп II был твердо убежден, что ни одна унция потосийского серебра, ни одна крупица чилийского золотого песка не попадет в руки пиратов на пути из Вальпараисо и Кальяо в Панаму. Прежде опасности для кораблей испанского золотого флота, на которых из Америки перевозили в Испанию золото и серебро, начинались только в Карибском море и у берегов Антильских островов. Теперь от английских пиратов не были застрахованы ни корабли перуанских флотилий, ни филиппинские галионы, на которых доставлялись в Акапулько шелка и пряности Дальнего Востока.

Снова Менданья. Открытие Маркизских островов и архипелага Санта-Крус

Менданью не обескуражил плачевный финал экспедиции на Соломоновы острова. Возвратившись в Перу, он немедленно разработал план новой экспедиции. Ему все еще казалось, что

этот далекий, населенный воинственными островитянами архипелаг можно превратить в цветущую колонию Испании. Менданья полагал, что на Соломоновы острова надо перебросить несколько сот колонистов (мужчин и женщин, земледельцев и ремесленников) и с их помощью заложить на Гуадалканале и Сан-Кристобае города и расчистить под плантации непроходимые джунгли.

В 1574 г., спустя пять лет после возвращения экспедиции в Перу, испанские власти в Мадриде утвердили проект Менданьи. Ему было отпущено десять тысяч дукатов и разрешено снарядить флотилию для перевозки на Соломоновы острова пятисот переселенцев, скота и необходимого инвентаря. Он должен был в течение шести лет построить три укрепленных городка. Менданья покинул Испанию и направился в Перу, где надеялся сразу же снарядить флотилию. В начале 1577 г. он прибыл в Панаму. Панама лежала в десяти днях пути от перуанских гаваней, и Менданья был убежден, что в середине или в крайнем случае в конце того же 1577 г. он отправится к Соломоновым островам. Но он ошибся в своих расчетах.

В 70-х годах XVI в. испанская колониальная империя являла отчетливые признаки склероза — склероза глубокого и неизлечимого. Этот недуг охватил и метрополию, и колонии. В Испании клика титулованных туземцев растрчивала богатейшие ресурсы империи. Страна была втянута в бесконечные войны, король-изувер Филипп II готовил крестовые походы против «ересей», которыми объята была вся Европа. Богатейшие нидерландские владения Филиппа II восстали, и никакими средствами нельзя было подавить этот «мятеж», который перерос в революцию.

Потоки золота и серебра, хлынувшие из Мексики и Перу, протекали через Испанию лишь транзитом. Заморские сокровища растрчивались попусту, звонкий металл катастрофически обесценивался, но зато с каждым годом росли цены на хлеб. Толпы нищих заполняли испанские города, бродили по всем испанским дорогам. Именно в эту эпоху «политический и социальный упадок Испании обнаруживал все симптомы позорного и продолжительного разложения, напоминающие худшие времена Турецкой империи» *.

В упадок пришли все промыслы и мануфактуры. В упадке были морские силы. Не хватало кораблей не только для новых открытий, но и для связи с заморскими колониями. В Атлантике безраздельно господствовали английские пираты, они совершали нападения и на испанские торговые флотилии, и на испанские гавани в Новом Свете.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция в Испании, Соч., изд. 2. М., 1958, стр. 431.

Колоссальная бюрократическая машина, созданная для управления американскими колониями, работала со скрипом; всякая инициатива местных властей глушилась, они не могли принять ни одного решения, не согласовав его с Мадридом. Однако, принимая к исполнению инструкции из центра, вице-короли и губернаторы колоний проводили в жизнь только те указания, которые были им выгодны. «Obedezco, pero no cumpro» — «Подчиняюсь, но не исполняю» — такой формулой руководствовались местные власти.

Хотя проект Менданьи был утвержден королем и хотя сам король обещал ему титул маркиза, все это не помешало панамскому губернатору бросить Менданью в тюрьму, а вице-королю Перу задержать на восемнадцать лет (I) снаряжение второй экспедиции в Южном море.

К проектам Менданьи в Испании и в Перу вернулись лишь в 1594 г. В 1588 г. у берегов Англии погибла испанская Непобедимая Армада, Испания уже не была великой морской державой, и Менданья решительно ничего не добился, если бы на его счастье Соломоновыми островами не заинтересовался новый вице-король маркиз Каньете. Очень быстро удалось снарядить четыре корабля — два больших «Сан-Херонимо» и «Санта-Исабель» и два маленьких «Сан-Фелипе» и «Санта-Каталина». На них отправились в плавание триста семьдесят восемь человек — матросы и солдаты с женами и детьми.

Главным кормчим экспедиции назначен был молодой моряк, португалец родом, Педро Фернандес де Кирос (1565—1614 гг.), которому спустя несколько лет суждено было совершить очень важные открытия в Южных морях. Киросу принадлежит и самое обстоятельное описание второй экспедиции Менданьи (37).

Менданья 1567 г. и Менданья 1595 г. — это в сущности совершенно разные люди. Во второе плавание отправлялся не юноша с отзывчивой душой, мягким сердцем и твердой волей, а издерганный многолетними скитаниями по канцеляриям пожилой человек, обремененный многочисленным семейством, больной, желчный и нерешительный. Его супруга, донья Изабелла, женщина властная и вздорная, вышла в плавание вместе с мужем; к экспедиции примкнул и шурин Менданьи — Лоренсо де Баррето.

Организована экспедиция была плохо. Не удалось даже снабдить экипажи необходимым запасом продовольствия, и флотилия, выйдя из Кальяо 9 апреля 1595 г., направилась вдоль берега к северу, чтобы в попутных гаванях раздобыть провиант. В начале июня корабли добрались до Пайты, порта в северной части Перу, и оттуда 16 июня вышли в море. Корабли сперва шли на юго-запад, затем в полосе юго-восточных пассатов и Южного Пассатного течения направились на запад-

юго-запад и на запад-северо-запад. 21 июля 1595 г. на 10° ю. ш. открыт был гористый остров, названный Магдаленой. Это был остров Фату-Хива в Маркизской группе. Сперва морякам показалось, что остров необитаем, но вскоре у южного берега они заметили около семидесяти каноэ, переполненных людьми. Эта флотилия подошла к кораблям. Островитяне были удивительно красивы — высокие, светлокожие, статные, они совсем не походили на соломонийцев. Их прямые черные волосы свободно падали на плечи, все тело было разрисовано синей краской. Кирос пишет, что один десятилетний мальчик казался истинным ангелом. «...Меня, — говорит он, — объяла великая печаль, что такое прекрасное создание обречено на гибель». Кирос имел в виду, что юному островитянину как язычнику не доведется попасть в рай. А между тем добрые христиане, которые пришли с ним, многим землякам этого мальчика уже готовили гибель не на том, а на этом свете.

Островитяне исключительно гостеприимно встретили испанцев. Они привезли на корабли кокосовые орехи, бананы и воду в бамбуковых стеблях. Не зная европейских правил хорошего тона, они кинулись на палубы и принялись ощупывать странных гостей, с легким сердцем присваивая себе все, что им было по душе. Начальник вооруженных сил экспедиции — Педро Манрике, старый жестокий солдат, приказал дать залп по островитянам. Семь-восемь человек было убито на месте, остальные кинулись в воду, вплавь добрались до каноэ и обратились в бегство. Такова была первая встреча испанцев с местными жителями. Корабли двинулись дальше. Открыты были острова Мотане (Сан-Педро), Хива-Оа (Доминика) и Тауата (Санта-Кристина). Всему архипелагу Менданья в честь маркизы Каньете (супруги вице-короля Перу) дал название Маркизских островов. Это был один из важнейших архипелагов Полинезии, той части Океании, куда еще не проникали до сих пор европейцы.

К несчастью для обитателей Санта-Кристины, именно этот остров избран был временной базой экспедиции. Менданья высадился на Санта-Кристине, прошел в близлежащее селение, отслужил там мессу и посеял на окраине маис. Однако Манрике вел себя далеко не столь мирно. Он устроил резню на берегу, а когда к кораблям на двух каноэ подошли островитяне со связками кокосовых орехов, он перебил половину гостей, а троих туземцев повесил на реях. Менданья был возмущен этой расправой, в не меньшей мере осуждал эти действия и Кирос, но свирепый солдафон не подчинялся ни командиру флотилии, ни ее главному кормчему. «Этот человек, — пишет Кирос, — убивал с удовольствием, ибо ему нравилось убивать...»

Маркизские острова казались испанцам земным раем. Гористые, покрытые густыми лесами, они в отличие от Соломоновых островов наделены были природой мягким и здоровым клима-

том. Великолепной пресной воды было везде вдоволь; на Санта-Кристине, вокруг отличной бухты Мадре-де-Дьос, где стояла на якоре флотилия, разбросаны были селения с деревянными домами, крытыми тростником. «Их селение, — пишет Кирос, — заложено так, что дома стоят по обе стороны квадратной площади, либо с севера и юга, либо с запада и с востока, а везде вокруг очень высокие и толстые деревья. Дома, видимо, общие, как в кварталах [наших городов], где живут рабы, и они открыты дождю и ветру, а пол поднят над уровнем улицы. Должно быть, много людей живет в каждом доме, ибо там немало постелей, очень низких. В некоторых домах низкие двери, а в других все вообще открыто. Дома деревянные, дерево перемежается с тростником, причем в межузлиях стебли имеют более 5 палм [около 1 м], и толщиной они с человеческую руку. Кровли из древесных листьев» (37, дневник Кироса, июль 1595 г.). Каное островитян, имевшие неизменные балансиры, достигали большой величины. Копья и пращи служили островитянам оружием, а орудия труда они делали из рыбьей кости и раковин. Жители этих островов были отличными рыболовами и земледельцами. У них было много бананов, сахарного тростника, кокосовых орехов, водились куры. Люди здесь были чуть темнее, чем на Магдалене, но такие же красивые и такие же приветливые. Даже в Лиме, говорит Кирос, городе, который славится своими красавицами, не было таких женщин, как на этом острове».

Менданья хотел оставить на Маркизских островах тридцать человек, но охотников найти не удалось. Все стремились на Соломоновы острова, о которых с легкой руки теперь уже покойного Сармьенто в Перу ходили всевозможные легенды.

5 августа 1595 г. флотилия покинула Маркизские острова. За две недели испанцы водрузили на островах три креста и убили двести человек. «Нет, — в сердцах писал Кирос, — такие злодеяния нельзя совершать, нельзя поощрять, нельзя допускать и нельзя терпеть. За подобные дела следует карать по первой же возможности...» (37, дневник Кироса, запись от 5/VIII 1595).

От южной группы Маркизских островов корабли пошли прямо на запад, придерживаясь 10° ю. ш. Архипелаги Общества и Самоа, Тонга и Фиджи остались к югу, и на этом курсе флотилии могли встретиться лишь одинокие атоллы в группе северных островов Кука и в архипелагах Токелау и Эллис. 20 августа в 400 лигах от Маркизских островов (около 2200 км) на 10°30' ю. ш. показались четыре низких островка с песчаными берегами и довольно густыми пальмовыми рощами, названные островами Сан-Бернардо. То был, вероятно, большой атолл Пукапука в северной группе островов Кука. 29 августа открыт был островок Солитария, — видимо, атолл Нуракита, самый южный в архипелаге Эллис.

Менданья и Кирос шли прямо на Соломоновы острова, но от Маркизских островов до этого вождеденного архипелага более 4 тыс. миль, и терпение истомленных долгим плаванием участников экспедиции истощилось у рифов Солитарии. На кораблях открыто издевались над Менданьей. «Эти Соломоновы острова, — говорили его спутники, — либо ушли со своего места, либо поглощены морем; а скорее всего старый чурбан забыл, где они есть».

Однако в ночь с 7 на 8 сентября с кораблей была замечена земля. Наутро показался высокий большой остров с горой конической формы. Из ее недр вырывался мощный сноп огня. Это был не входящий в состав Соломоновых островов остров Ндени. Менданья назвал его островом Санта-Крус (Святого Креста), и название это впоследствии перешло на весь архипелаг, к которому он принадлежит.

Навстречу гостям вышла флотилия из пятидесяти маленьких каноэ с балансиrom. Люди в каноэ нисколько не походили на обитателей Маркизских островов, но зато очень напоминали солomонийцев. Кожа у них была черная, волосы курчавые, тело разрисовано красной и белой краской, а зубы выкрашены в кроваво-красный цвет. Почти у всех с шеи свисали бусы из акульих зубов и блестящих раковин, а в волосы и ноздри воткнуты ярко-красные перья. Вооружены они были тяжелыми палицами, луками и дротиками. Менданья обратился к островитянам с приветствием на языке жителей Соломоновых островов, но никто его не понял.

Кирос неизменно подчеркивает, что островитяне отличались исключительно мирным нравом. Спустя двести — двести пятьдесят лет все путешественники отмечали, что обитатели острова Санта-Крус свирепы и воинственны. Надо полагать, что характер их изменился после печального знакомства с заморскими гостями... Ведь спустя несколько дней Манрике по пустячному поводу предпринял карательный поход и не только сжег дотла дома и каноэ островитян, но под корень срубил их кокосовые пальмы.

Остров Санта-Крус куда больше Санта-Кристины, и природа здесь богаче. Но здешний климат убийственно действовал на испанцев. Лихорадкой болели все поголовно, люди едва держались на ногах. На кораблях и в лагере, разбитом на берегу, парастало брожение, Манрике готовил «дворцовый переворот». Однако Лоренсо де Баррето и донья Изабелла решили взять инициативу в свои руки: с согласия Менданьи старый палач был завлечен в ловушку и убит.

В октябре в лагерь пришла смерть. 18 октября умер Менданья; Баррето пережил его на две недели, и к началу октября на острове уже было сорок семь могил. Все стремились как можно скорее вырваться отсюда. Решено было покинуть Санта-

Крус и идти на Филиппины. О Соломоновых островах уже никто не помышлял. 18 ноября Кирос повел флотилию, которая к тому времени уже потеряла один корабль, на север. По пути к Филиппинам корабли разлучились, один из них пропал без вести, и только два дошли в феврале 1596 г. до Манилы. Лишь два года спустя Кирос добрался до Лимы с печальными известиями о гибели Менданьи и двухсот с лишним участников экспедиции.

Итоги этой экспедиции, однако, весьма существенны. Открыты были Маркизские острова — первый полинезийский архипелаг — и острова Санта-Крус на восточных рубежах Меланезии. Эстафета дальнейших открытий в Океании перешла к энергичному преемнику Менданьи — Педро Фернандесу де Киросу, с именем которого связаны последние великие испанские плавания XVI — начала XVII в.

Кирос. Открытия в Туамоту. Южная Земля Святого духа

Мечтатель. Рыцарь ложной идеи, преданный ей до самозабвения, до слепоты. Человек редкого бескорыстия. Прекрасный кормчий, но плохой командир. Пророк, но не вождь. Белая ворона в стае стервятников. Таков Педро Фернандес де Кирос, Колумб номер 2, которому так и не удалось открыть второй Новый Свет.

Кирос, возвратившись в 1598 г. в Лиму, сразу же атаковал вице-короля Перу. Он настойчиво требовал, чтобы была снаряжена новая экспедиция в Южное море, но не для поисков потерянных Соломоновых островов — Кирос был убежден, что в южном полушарии существует огромный материк. В следующей главе мы постараемся показать, что эта навязчивая идея, эта гипотеза, основанная на совершенно ложных посылах, таила и рациональное зерно. Некоторые догадки Кироса смело можно признать гениальными, и не вина его, а беда, что он, так же как и в свое время Колумб, оказался в плену ветхих догм средневековой географии.

Проекты Кироса вице-король положил под сукно. Кирос на свои скудные средства отправился в Испанию. В феврале 1600 г. он высадился в Сан-Лукаре. В Севилье и Мадриде его встретили холодно. Тогда он отправился в Рим, к папе, надеясь, что глава католической церкви поддержит его проект. Так же как и Колумб, Кирос покорял сердца наивной, но поистине беспредельной искренностью. Испанский посол в Риме герцог Сеса уверовал в Кироса. Сеса убедил папу поддержать проект этого странного человека, полуапостола, полукормчего. Ведь если и в самом деле удалось бы открыть Южный материк, густо населенный

нагими язычниками, для католических миссионеров открылось бы необозримое поле деятельности. А доходы! Даже если Южный материк впятеро беднее Перу и Мексики, прожива там будет изрядная.

И папа написал письмо испанскому королю Филиппу III. Папа просил короля ради вящей славы святой церкви поддержать проект Кироса. С этим письмом Кирос покинул Рим и в июне 1602 г. прибыл в Испанию. В Совете по делам Индий, ведомстве, которому подчинялись все заморские владения Испании, к планам Кироса отнеслись более чем сдержанно. Но влиятельные сановники, связанные с Римом, поддержали проект, и в апреле 1603 г. король подписал указ о снаряжении флотилии, которая должна была под командой Кироса отправиться из Перу на поиски Южного материка.

Кирос всю жизнь был «счастливым неудачником» или, что одно и то же, «неудачливым счастливым». С указом короля в походной сумке он отправился в Новый Свет в твердой надежде, что через год его флотилия покинет Кальяо. Но в Карибском море корабль, на котором он плыл, затонул, и восемь месяцев Кирос протомился на венесуэльском берегу в ожидании попутного транспорта. В конце концов он добрался до Панамы; губернатор оказал ему поддержку, все шло отлично, и спустя несколько дней он должен был сесть на корабль, идущий в Кальяо. Коротая часы досуга, Кирос отправился на религиозное празднество. Дом, в котором собрались гости, внезапно обрушился, и десять недель Кирос лечил в госпитале тяжелые увечья.

6 марта 1605 г. он прибыл в Кальяо. В тот же вечер без гроша в кошельке он добрался до Лимы. Ему негде было приклонить голову, и какой-то сердобольный гончар приютил его на ночь в своей лачуге. Утром состоялась аудиенция у вице-короля, и счастье вновь улыбнулось Киросу. Вице-король распорядился приступить к снаряжению флотилии. Вскоре в Кальяо закипела работа.

21 декабря 1605 г. Кирос вышел из Кальяо. В его флотилии было три корабля: «Капитана», «Альмиранта» и маленькое суденышко «Три волхва». Корабли удалось снарядить не так уж скверно, но командный состав был укомплектован из рук вон плохо. Испанские власти, «подбирая кадры», стремились прежде всего к тому, чтобы кормчие и капитаны доносили друг на друга и снабжали Лиму и Мадрид негласной информацией. Легче всего было добиться этой цели, посадив на корабли людей, относящихся друг к другу неприязненно и даже враждебно. И Киросу навязали в качестве помощника моряка Диего Прадо-и-Товара, который люто ненавидел своего начальника. Главным кормчим назначили клезуника и забияку Хуана Очоа де Бильбао, а капитаном «Альмиранты» утвердили португальца Луиса Ваэса де Торреса, великолепного моряка, но явного недруга Кироса. Во

флотилии было триста матросов и солдат и десять монахов. На борт взяли много продовольствия, различные сельскохозяйственные орудия, скот и товары для менового торга с островитянами.

Кирос сразу же возбудил недовольство команд. Он выбросил за борт все игральные кости и зачитал приказ, в котором солдатам и матросам предписывалось не пить вина, не богохульствовать и ни в коем случае не притеснять, не обижать и не грабить туземцев в случае высадки на какие-нибудь земли.

Флотилия должна была следовать на юго-запад до 30° ю. ш. Если на этом этапе не встретилась бы земля, надлежало до 10° ю. ш. идти на северо-запад и далее на запад до островов Санта-Крус. Следуя на запад-юго-запад, флотилия дошла до 26° ю. ш. Это был не очень выгодный курс, корабли слишком уклонились к югу и вышли из полосы попутных пассатов. На 26° шквалы, волнение от южных румбов и переменные ветры заставили Кироса взять курс на северо-запад, хотя по непонятным причинам этому здравому решению яростно противился Торрес. Смена курса произошла, по всей вероятности, в 100—200 милях к западу от острова Пасхи. Северо-западный курс привел флотилию к архипелагу Туамоту.

С 26 января по 10 февраля 1606 г. было открыто девять атоллов на восточной окраине этого архипелага — какие именно, установить трудно, но, судя по описанию Кироса, это были атоллы Хендерсон, Марутеа, группа Актеон и Ненгоненго. Только на открытом 10 февраля атолле — его окрестили островом Обращения святого Павла — оставлены были вещественные следы: Кирос водрузил крест, который в 1774 г. его соотечественники обнаружили на острове Анаа, вторично открытым Куком в 1769 г. Светлокожие островитяне, вооруженные палицами, хотя и препятствовали высадке, но вели себя в общем мирно. Испанцы, однако, схватили вождя, связали его и привезли на «Капитану». Кирос приказал немедленно освободить пленника и доставить его на берег. Моральный ущерб, который потерпел островитянин, Кирос возместил с лихвой: он дал ему шелковую рубашу, оловянную медаль и ножны. На острове Анаа команды пополнили запасы продовольствия, но воды здесь почти не было.

Не успели корабли покинуть остров, как между кормчими разгорелся спор. Кормчий-смутьян Бильбао чуть не передрался со своими коллегами. После долгих споров решено было идти дальше на северо-запад до 10° ю. ш. На этом курсе флотилия прошла через архипелаг Туамоту, оставив по левую руку все острова Общества. Здесь были совершены мелкие открытия. В середине февраля в северо-западной части архипелага открыты островки Десена, Сагитария и Фугутива (это скорее всего атоллы Ниау, Рароиа и Токуме в группе Россиян).

19 февраля Кирос повернул на запад. 21 февраля на 10° ю. ш. был открыт остров, на котором вдоволь было кокосовых орехов и рыбы, но почти совершенно отсутствовала пресная вода. Остров назван был Рыбным. Судя по описаниям участников экспедиции, он представлял собой совокупность тридцати двух мелких островков и рифов. Этим признакам соответствует атолл Каролайн (10° ю. ш., 150° з. д.). Корабельные команды глухо ворчали. Матросам и солдатам надоело долгое плавание. Экипаж «Капитаны» требовал, чтобы командир взял курс на Манилу, но Кирос, не считаясь с этими настроениями, шел на запад.

1 марта ночью вахтенные матросы заметили на горизонте свет. Наутро корабль подошел к небольшому острову, на котором росли лишь одни кокосовые пальмы; Кирос назвал его островом Красивых Людей (*Isla de gente hermosa*). Это был один из островов в северной группе архипелага Кука, возможно остров Ракаханга.

Островитяне, рослые и великолепно сложенные люди, еще в море очень радушно встретили корабль и указали путь в гавань. Торрес высадился на берег, причем не обошлось без обычного в таких случаях кровопролития. 4 марта корабли отправились дальше. Кирос вел флотилию на запад, придерживаясь 10° ю. ш. Все время дули попутные пассаты. Никаких признаков суши не видели вплоть до 7 апреля, когда на северо-западе была замечена земля, а на следующий день выяснилось, что флотилия подошла к группе небольших островов. 9 апреля у самого крупного из них стали на якорь. Торрес отправился на разведку и обнаружил на берегу селение. Женщины и дети бежали из него, но сто пятьдесят воинов-островитян с оружием в руках встретили испанцев.

Торрес приказал дать несколько выстрелов в воздух. Островитяне бежали, но их вождь не тронулся с места. Это был человек лет пятидесяти, высокий и дородный, с бородой, тронутой сединой. Он легко нашел общий язык с испанцами, и в дальнейшем отношения между островитянами и гостями были весьма дружественными. Вождь — его имя было Тумаи — сказал, что его остров называется Таумако, и затем дал испанцам наглядный урок географии. Он не только назвал более шестидесяти островов, рассеянных в этой части океана, но указал, в каком направлении они лежат и сколько дней нужно плыть до того или иного острова. Остров Таумако лежит в группе островов Дафф, сразу же к востоку от архипелага Санта-Крус. На этом острове была отличная пресная вода, а в ней моряки испытывали острую нужду, много разных плодов, кокосовых орехов и бананов. На нем обитало более двух тысяч человек.

18 апреля флотилия покинула остров. В последний момент Кирос захватил четырех местных жителей, но двое из них вы-

рвались из плена — они прыгнули за борт и вплавь добрались до берега. Один из пленников доставлен был в Мексику. Его окрестили и дали имя Педро. Он научился говорить по-испански и рассказал, что родом с соседнего острова и что на его острове побывали какие-то белые рыжеволосые люди; он рассказал также о многих островах, расположенных вблизи Таумако. Педро не раз говорил о путешествиях, которые предпринимают на своих каноэ островитяне, перечислил все известные ему острова, указав, чем они богаты и какие народы их населяют.

21 апреля на 12° ю. ш. был открыт остров Тукопия (Тикопия современных карт); 25 апреля показался густонаселенный остров, названный островом Сан-Маркос. Это был первый из островов группы Банкс — Мери-Лавы, с горой, вершина которой достигает 1000 м. В тот же день к северо-западу от Сан-Маркоса (Мери-Лавы) был замечен остров, названный островом Девы Марии (вероятно, это остров Гауа в той же группе Банкс). «27 апреля в 5 часов утра, — пишет кормчий Гаспар де Леса, — мы открыли землю с высокими горами, сулившими целый материк». (37, дневник Леса, 27/IV 1606 г.). Неизвестно, кто первый предположил, что флотилия подошла к неведомому матерiku, но Кирос уверил себя и своих спутников, что в этот апрельский день Южный материк действительно был открыт. 1 мая корабли вошли в глубокий залив на северном берегу «материка». Залив этот был назван Сантьяго-и-Сан-Фелипе. «Местные жители, — писал Гаспар де Леса, — цветом кожи походили на самбо [так в Америке называют детей от брака негров и индейцев], у них длинные волосы и бороды не очень курчавые. Есть люди и более светлые» (37, дневник Леса). Держали они себя довольно мирно, но вскоре испанцы вывели их из себя.

Спустя несколько дней после того, как флотилия вошла в бухту, Торрес высадился на берег. Десант встретила толпа вооруженных копьями и палицами людей, но никто из них не помышлял о нападении. Местный вождь провел на песке линию и знаками дал понять, что гостям не следует переступить эту границу. Торрес немедленно приказал открыть огонь по толпе. Вождя схватили и повесили за ноги на высоком дереве. Побережье мгновенно опустело; жители покинули близлежащие селения и ушли в горы.

10 мая Кирос высадился и осмотрел прилегающую к бухте местность. «Пройдя в глубь страны, — писал он, — мы дошли до селения, но оно было покинуто. Берег в полосе шириной пол-лиги [3 км] покрыт лесом. В селении много плодовых деревьев, причем все они огорожены от свиней частоколом. Селение хорошо распланировано, дома и дворы очень чистые... Здесь множество жирных свиней, таких, как в Испании, и

петухов и кур, подобных испанским, а также куропаток, голубей, уток, попугаев, ястребов и других птиц... Много кокосовых пальм, банановых деревьев; орехи здесь такие же, как в Кастилии, но меньше размером и скорлупа у них тверже... главная пища здесь ямс, ибо все дома полны им» (37, дневник Кироса, запись от 10/V 1606 г.).

Дон-Кихоту любая придорожная корчма казалась волшебным замком. Кирос, который подобно Рыцарю Печального Образа жил в мире иллюзий, бухту Сантьяго-и-Сан-Фелипе превратил в морские ворота Южного материка. К кокосовым пальмам и бананам он «приписал» мускатные орехи, перец, имбирь и корицу; он был твердо убежден, что море в этой бухте богато жемчугом, что на берегах ее есть серебро и золото. «Серебро и жемчуг, — пишет он, — я видел собственными глазами, а насчет золота мне говорили мои капитаны...» (37, там же). Дон-Кихот тоже видел собственными глазами великанов, которые обернулись по воле злых волшебников ветряными мельницами. И эти великаны, и серебро бухты Сантьяго-и-Сан-Фелипе отнюдь не вымысел и не ложь. Для Дон-Кихота великаны, а для Кироса несметные богатства Южного материка были реальностью, и оба они так глубоко и так искренне верили в свои волшебные замки, что верой этой заражали и простодушного Санчо Пансу, и далеко не простодушных аргонавтов флотилии Кироса. У этих аргонавтов, одержимых корыстными грезами, видения их вождя разжигали неистовую страсть к наживе, и, ослепленные этой страстью, они шли за своим Ясоном к молочным рекам и кисельным берегам несуществующего материка.

14 мая 1606 г., в день святого духа, в бухте Сантьяго-и-Сан-Фелипе произошли события, которые дали бы Сервантесу материал для нескольких глав «Дон-Кихота». Утром Кирос торжественно ввел во владение испанской короны «все эти земли, как те, которые я уже видел, так и те, которые увижу впредь, всю эту страну Юга до самого полюса». Стране этой он присвоил наименование Южной Земли Святого духа (*Tierra Austral del Espíritu Santo*). И, водрузив на берегу крест, он заложил город Новый Иерусалим. Два года спустя он писал королю: «Величие Земли только что открытой, судя по тому, что я видел, и по донесениям капитана Луиса Ваэса де Торреса... бесспорно... По протяженности она больше всей Европы и Малой Азии, взятой в ее границах до Каспия и Персии, Европы со всеми островами Средиземного моря и Атлантического океана, включая Англию и Ирландию. Эта сокрытая прежде Земля занимает четверть света и в этом качестве вдвое больше всех королевств и провинций, коими владеет ваше величество и коими до сих дней сподобил вас владеть господь. При этом нет на ее рубежах ни турок, ни мавров, ни иных прочих

народов, которые чинят беспорядки и смуты. Все открытые земли лежат в жарком поясе и кое-где доходят до экватора, а от экватора тянутся к югу, где до полюса, а где чуть поближе, и эти земли — антиподы по отношению не только к Европе, но и к большей части Азии и Африки» (20).

Однако же земля эта, по мнению Кироса, вдвое превышающая «Европу с Малой Азией», была совсем небольшим островом Эспириту-Санто, самым северным в архипелаге Новых Гебрид. От того места, где Кирос заложил Новый Иерусалим, до ее противоположного берега всего лишь 20—25 км, а сам остров по площади раз в двадцать меньше Сицилии. Столица Южной Земли Святого духа — Новый Иерусалим — по мысли Кироса, должна была стать центром цветущей колонии, городом, откуда христианская благодать «излучалась» бы во все дальние и ближние концы необъятного Южного материка. В Новый Иерусалим Кирос привел триста «праведников», триста «воинов святого духа». Этих людей занесла на край света надежда на легкую и быструю наживу. Не все они, разумеется, были отпетыми душегубами, но у всех за плечами был опыт разбойничьих экспедиций и карательных походов. Свою доблесть они уже успели проявить и в этой экспедиции, расстреливая беззащитных островитян, опустошая их селения, вешая за ноги их вождей. *Civitas dei* — град божий — на берегах бухты Сантьяго-и-Сан-Фелипе был разбойничьим табором, опорной базой для банды ретивых добытчиков.

А между тем грабить и разорять было некого. Исконные обитатели Южной Земли Святого духа скрывались в густых лесах, и новоиерусалимцам приходилось добывать пропитание в поте лица, а это совершенно их не устраивало. Остров Эспириту-Санто не отличался здоровым климатом. И на кораблях, и в Новом Иерусалиме люди страдали от тропической лихорадки. В довершение всех бед 27 мая Кирос и многие его спутники жестоко отравились рыбой паргус и едва не отдали богу душу. В начале июня Кирос решил временно сняться с якоря и направиться на осмотр Южного материка. Однако из-за противных ветров и течений он не смог продвинуться в южном направлении. 8 июня Кирос дал приказ возвратиться в бухту Сантьяго-и-Сан-Фелипе.

Три дня спустя, 11 июня, при обстоятельствах весьма неясных Торрес и Прадо-и-Товар покинули бухту и увели «Альмиранту» и «Три волхва». Прадо-и-Товар излагает ход событий таким образом. Команда «Капитаны» восстала, заперла в кормовой рубке Кироса и тайком вывела корабль из бухты. Торрес говорит, что «Капитана» ночью ушла, «...не дав нам знать и без всяких сигналов... И хотя мы отправились на поиски и сделали все возможное, но найти ее не смогли. Ибо они

[Кирос и его люди] пошли не по своему курсу и не с добрыми намерениями» (37). Версии эти чрезвычайно сомнительны. Из судебных журналов «Капитаны» явствует, что это судно вышло из бухты только после того, как исчезли два других судна, и что Кирос несколько дней искал у входа в бухту «Альмиранту» и «Трех волхвов». Однако установить сейчас, кто кого бросил и кто кого не искал, совершенно невозможно. Факт тот, что после «безнадежных поисков» Кирос принял решение идти в Акапулько, чтобы доставить испанским властям вести об открытии Южного материка. 23 декабря 1606 г. он привел «Капитану» в Акапулько.

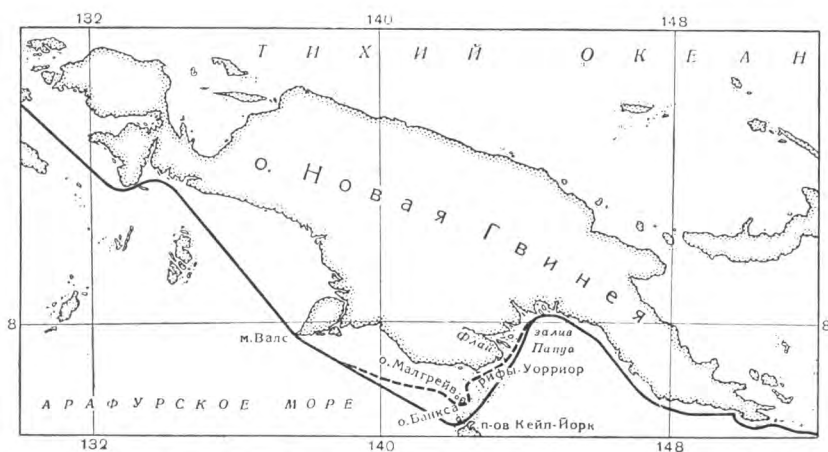
К чести Кироса следует отметить, что за время долгого плавания в Южных морях экспедиция не потеряла ни одного человека — случай беспрецедентный в истории испанских морских походов. 9 декабря следующего 1607 г. Кирос въехал в Мадрид и в городских воротах отдал нищему последний свой грош. На следующий день он начал новую битву, требуя от Совета по делам Индий снаряжения большой экспедиции для освоения Южной Земли Святого духа. Не десятки, а сотни мемориалов, писем и объяснительных записок отправил он в ближайшие два-три года в адрес всех высоких учреждений Испании. Он писал королю и папе, обивал пороги всех канцелярий Мадрида, не раз бывал в Эскуриале. Своей неугасимой верой он, как и прежде, покорял скептиков. Но Совет по делам Индий в 1608 г. решил не снаряжать новой экспедиции. И вовсе не потому, что в Совете не верили Киросу. Мотивы были совсем иные. В Совете полагали, что новые открытия вредны. Они оттягивают из Испании людей, в то время когда в стране с каждым годом падает численность населения; они открывают новые пути врагам короля, они истощают казну его величества — и это в пору, когда нет ни денег, ни возможностей удержать то, что уже открыто... И все же, атакуя королевский Совет, Кирос в конце 1609 г. добился некоторого успеха. Филипп III подписал указ вице-королю Перу, в котором последнему рекомендовалось снарядить к Южному матерiku экспедицию. Кирос, однако, этим не удовлетворился. Ему хорошо были известны испанские порядки, и он знал, что колониальные власти в Перу такого рода рекомендации выбросят в корзину.

В октябре 1614 г. в Лиму был назначен новый вице-король. Кирос отправился с ним в Новый Совет в твердой уверенности, что счастье ему наконец улыбнулось. Весной 1615 г. Кирос умер в Панаме. Смерть избавила его от последнего разочарования — вице-королю дано было секретное предписание: ни в коем случае не отправлять в Южное море новых экспедиций...

Торрес. Открытие Торрессова пролива

По версии Торреса и Прадо-и-Товара, после ухода «Капитаны» «Альмиранта» и «Три волхва» простояли в бухте Сантьяго-и-Сан-Фелипе пятнадцать дней. Затем Торрес распечатал пакет, в котором содержалась инструкция вице-короля на случай гибели Кироса. Инструкция предписывала Прадо-и-Товару, как старшему в чине, принять команду над флотилией и следовать в поисках новых земель до 20° ю. ш. и, в случае если ничего не будет обнаружено, идти в Манилу. Торрес (он остался фактически командиром экспедиции), несмотря на противодействие судовых команд, которые желали немедленно следовать в Манилу, пошел на юго-запад. На 20° ю. ш. и примерно на 160° в. д. он повернул на северо-запад и направился к Новой Гвинее.

20 июля 1606 г. корабли Торреса достигли юго-восточной оконечности Новой Гвинеи. Вопреки всем традициям Торрес проследовал дальше вдоль ее южных, а не северных берегов. Он шел в водах Кораллового моря, усеянного мелями и рифами, обходя бесчисленные мелкие островки и преодолевая противные ветры и течения. За первые сорок дней он прошел к заливу Папуа, оставив позади длинный «хвост» Новой Гвинеи. В начале сентября, находясь в излучине залива Папуа, Торрес убедился, что дальше идти вдоль новогвинейского берега нельзя из-за мелей и противных прибрежных течений. Находясь на $7^{\circ}30'$ ю. ш., примерно против устья реки Кикори, Торрес повернул на юго-запад и повел корабли в от-

Путь Торреса через Торрессов пролив. Пунктиром дан маршрут по Хинксу, сплошной линией — по Стивенсу

крытое море. На 9 и на 10° ю. ш. он открыл острова Маланданса, Перрос, Вулкан, Мансерате и Кантаридес — они соответствуют гряде рифов Уорриор. Эта цепь рифов тянется через всю северную часть Торресова пролива. Торрес шел к востоку от нее, стремясь обойти рифы и выйти на «чистую воду». В канун дня святого Франциска, 3 октября 1606 г., на 11° ю. ш. Торрес открыл «...очень большие острова, и к югу от них показались новые». Прадо-и-Товар добавляет, что среди этих островов был один — «гораздо больший всех прочих» (33).

Сами того не подозревая, Торрес и Прадо-и-Товар совершили открытие огромной важности: открыли остров Принца Уэльского, лежащий у берега полуострова Кейп-Йорк — самой северной оконечности Австралии. Очень возможно, что наибольший остров, обнаруженный 3 октября, был вовсе не островом, а северо-восточным берегом полуострова Кейп-Йорк*. Пройдя проливом Эндевор, между островом Принца Уэльского и полуостровом Кейп-Йорк, Торрес повернул на северо-запад и снова вышел к новогвинейским берегам. Точнее, к берегу острова Фредерик-Хендрик, юго-восточную оконечность которого корабли обогнули, видимо, в конце октября. От острова Фредерик-Хендрик Торрес прошел к полуострову Бомбарай, «подбородку» новогвинейской «птичьей головы», и затем, обойдя эту птичью голову, через Молукки направился к Маниле, куда прибыл весной 1607 г. Из Манилы в июле того же года Торрес и Прадо-и-Товар отправили в Испанию отчеты о своем плавании и несколько карт новооткрытых земель.

Трудно сказать, открыл ли Торрес Австралию, но, что совершенно несомненно, он был первым европейцем, прошедшим через пролив, отделяющий пятый материк от Новой Гвинеи и справедливо названный впоследствии его именем. Торрес установил, что Новая Гвинея не часть Южного материка, а огромный остров, омываемый морем, в котором рассеяно множество островов. Удивительнее всего, что об этом выдающемся открытии мир узнал лишь полтора с лишним столетия спустя. Отчеты Торреса и Прадо-и-Товара так надежно были упрятаны в тайные испанские архивы, что пролив между Австралией и

* Такой маршрут намечает по данным Торреса и Прадо-и-Товара Х. Стивенс, издатель материалов экспедиции Торреса (33). Однако некоторые австралийские авторы (А. Хинкс, Г. Инглтон, Э. Шарп) оспаривают выводы Стивенса и полагают, что Торрес, обойдя с запада рифы Уорриор, не дошел до острова Принца Уэльского и пролива Эндевор, а повернул на северо-запад у острова Банкса, форсировав проход между этим островом и соседним островом Малгрейв (29, 30, 35). Эти авторы обосновывают свои заключения всесторонним анализом навигационных и топографических условий Торрессова пролива. Трудно, однако, допустить, что Торрес ошибся на 1½—2°, определяя широту пункта, достигнутого им 3 октября 1606 г. А острова Малгрейв и Банкс лежат не на 11, а на 9° ю. ш.

Новой Гвинеей был «потерян» на долгие времена. В четвертой главе мы расскажем, при каких обстоятельствах стало известно об открытии Торреса.

Если к Торресу слава и признание пришли спустя сто шестьдесят лет после его открытия, то несуществующий Южный материк Кироса еще при жизни этого мученика ложной идеи был признан географической реальностью и сам Кирос стал кумиром всех географов и картографов XVII и первой половины XVIII в.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ В АВСТРАЛИИ И ОТКРЫТИЯ В ОКЕАНИИ. XVII В. — НАЧАЛО XVIII В.

Неведомый Южный материк и первые контуры Австралии

Мифический Южный материк появился на картах и глобусах задолго до Кираса. Часто идею Южного материка приписывают величайшему античному географу Клавдию Птолемею. Бесспорно, Птолемей стоял у ее «колыбели», но, строго говоря, в «создании» этой мифической южной суши он не повинен. В работе советского исследователя А. З. Алейнера (1) совершенно справедливо отмечается: «Нет основания приписывать Птолемею представление о большом материке, расположенном вокруг Южного полюса. Напротив, есть все основания приписывать Птолемею представление об обширном пространстве суши в умеренной зоне южного полушария, пределы которой в виде *Terra incognita*, замыкающей с юга Индийский океан, изображены на его карте». Точнее, не на «его карте», ибо до нас она не дошла, а на той карте, которую по птолемеевским данным составили издатели «Географии» Птолемея, вышедшей в 1477 г. в Болонье. На этой карте Южная Азия и Восточная Африка омываются внутренним Индийским морем, которое на юге замыкается Неизвестной землей (*Terra incognita*). Неизвестная земля на западе соединяется с Африкой, на востоке — с Землей синов. Южная рамка карты срезает эту землю и африканскую сушу примерно по 14° ю. ш.

Неизвестная земля Птолемея — географическая нелепость. После путешествия Марко Поло в Европе отлично знали, что Земля синов — Южный Китай — нигде на юге не смыкается с птолемеевской *Terra incognita*, а после плавания Васко да Гамы стало ясно, что южная оконечность Африки омывается морем. В конце XV и в самом начале XVI в. в южном полушарии эта суша совершенно исчезла с карт. Ее нет ни на глобусе Мартина Бехайма (1492), ни на португальских картах того времени. Однако в XVI и XVII вв. птолемеевская перемычка,

Карта Земли Помпония Мелы
Из книги Дж. О. Томсона «История древней географии»

сорванная с окраины Азиатского и Африканского материков, появилась снова. Картографы эпохи великих открытий после 1515 г. создали в южном полушарии Неведомый Южный материк; опирались они при этом даже не столько на Птолемея, сколько на античных географов Помпония Мелу и Макробия. У Мелы и Макробия в соответствии с теориями единого Мирового океана и разделения Земли на поясы северной ойкумены — Азии, Европе и Африке — противопоставлялась примерно равная ей по площади южная, пока еще неведомая суша. У Мелы она называлась Землей антихтонов (противоживущих), у Макробия — Землей антиподов. Сравнительно узкая полоса моря разделяла эти два массива земной суши. У Макробия материки-антиподы, равновеликие друг другу, подразделены были на симметричные зоны: жаркую, холодную и умеренную.

К началу XVI в., даже после открытий Васко да Гамы, Кабрала и Веспуччи, на карте мира в южном полушарии оставалось достаточно места для размещения Южного материка — гибрида птолемеевой Terra incognita и антихтонно-антиподной суши Мелы и Макробия. Если в Атлантике мореплаватели проникли до 52° ю. ш., то в Индийском океане они не заходили

Карта Земли Макробия
Из книги Дж. О. Томсона «История древней географии»

южнее 35-й параллели, а Тихий океан к тому времени был еще совершенно неизвестен. И немецкий картограф Иоганн Шенер вписал в 1515 г. в неведомую околополюсную часть южного полушария кольцеобразную землю со странным названием *Brasilia Regio* (страна Бразилия). Этот огромный «атолл» с лагуной у Южного полюса отделялся неширокими проливами от Африки и Южной Америки. В 1523 г. тот же Шенер, используя данные экспедиции Магеллана — Эль-Кано, создал в южном полушарии огромный материк. Он полагал, что открытая к югу от Магелланова пролива Огненная Земля является его неотъемлемой частью, и назвал эту австральную сушу *Terra Australis recentur inventa at nondum plena cognita* — «Южная земля, недавно открытая и еще полностью неизвестная».

Один из выступов шенеровской Южной земли на стыке Тихого и Индийского океанов на севере доходил до тех мест, где положено быть Австралии. В дальнейшем, вплоть до 1775 г.,

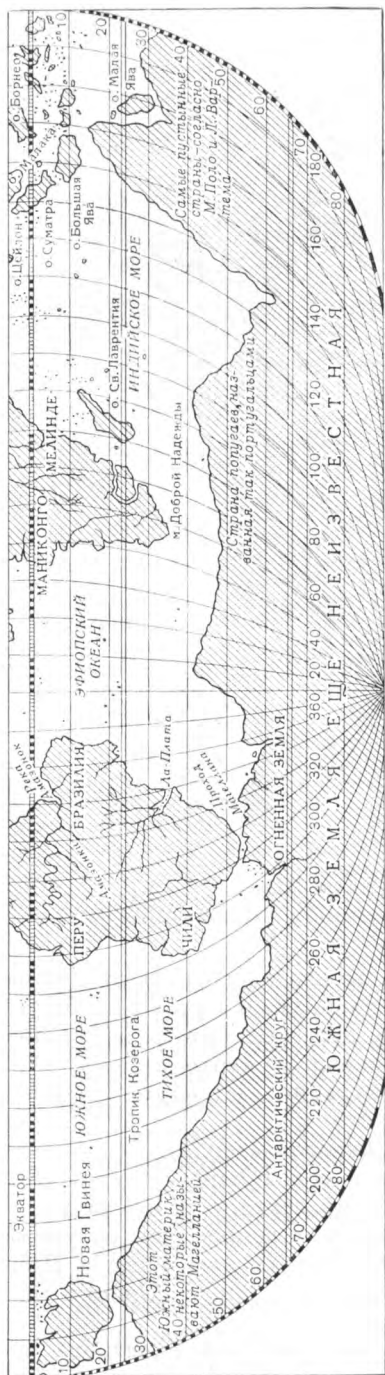
Южное полушарие на карте Шенера

Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

когда миф о Южном материке был окончательно развеян Джемсом Куком, на всех картах мира изображался этот континент, неизменно вытянутый к северу на рубежах Тихого и Индийского океанов. Его очертания менялись от карты к карте. Наглядное представление о его конфигурации дает карта Ортелия 1570 г. (см. стр. 106).

Оставляя в стороне те части Южного материка, которые наносились на карты непосредственно под Южной Америкой и Африкой, обратимся к тихоокеанскому сектору этого загадочного континента. Прежде всего возникает вопрос, чем руководствовались картографы XVI и XVII вв. (в том числе и Шенер), выдвигая далеко к северу береговую линию Южного материка под Малайским архипелагом?

Португальцы, которые пришли на Молуккские острова во втором десятилетии XVI в., получили от малайских мореходов

Южное полушарие на карте Ортелиуса 1570 г.
Из книги И. П. Матиевича «Очерки по истории географических открытий»

немало ценных географических сведений. Так, португалец Томе Пириш, аптекарь по профессии и полудипломат-полушпион по роду деятельности, автор великолепного описания стран Южной Азии, писал в 1514 г., что он видел малайские карты и много раз пользовался ими. Покоритель Малакки Афонсу Албукерки в 1512 г. послал королю Мануэлу копию «большой карты одного яванского кормчего, на которой... были показаны морские пути с прямыми курсами для кораблей... и удаленные от моря страны, граничащие с приморскими и друг с другом...» (сборник «*Alguns Documents*», Lisboa, 1892, стр. 261). Совершенно бесспорно, что португальский кормчий и картограф Родригеш, который участвовал в 1511—1512 гг. в экспедиции д'Абреу к Молуккским островам и прошел к ним вдоль северных берегов Малых Зондских островов, не мог бы без помощи малайских мореходов уже в 1514 г. дать великолепную карту всей Зондской островной цепочки, карту, на которой с исключительной точностью нанесены контуры островов Бали, Ломбока, Сумбавы и Флорес.

Правда, малайские мореплаватели свой родной архипелаг знали лучше,

чем земли и моря, лежащие к югу от Тимора и к западу от Молуккских островов. Но бесспорно, что Менезиш в 1526 г. открыл Новую Гвинею не без помощи молуккских моряков, и весьма возможно, что кое-какие сведения, пусть даже весьма смутные, касающиеся северных берегов Австралии, португальцы могли получить от жителей Тимора, Сулавеси и островов Буру и Амбоины*. Так или иначе, но уже в 20 и 30-х годах XVI в. у португальцев имелись некоторые сведения о землях, лежащих к югу и востоку от Малайского архипелага. Но какие именно, сказать трудно. В Португалии все данные о новооткрытых землях старательно засекречивались, а в 1755 г., когда тайны XVI в. перестали быть тайнами, большинство архивных материалов погибло во время лиссабонского землетрясения. Однако есть косвенные указания, свидетельствующие, что в Португалии около 1540 г. кое-что было известно об Австралии.

Имеется серия французских карт, составленных картографами дьеппской школы в начале 40-х годов XVI в. явно по португальским источникам. Дьеппский кормчий Жан Рос, или Роз, находясь на английской службе, составил в 1542 г. весьма любопытную карту, на которой под Цейлоном (Трапобаной) и Суматрой (Малой Явой) показан огромный выступ суши — The Lond of Java — Земля Ява. С истинной Явой этот полуостров, уходящий на юге примерно в шестидесятые широты**, ничего общего не имеет. На этой карте и на картах других дьеппских картографов многие названия явно португальского происхождения. Любопытно, что у северо-восточных берегов этой Большой Явы стоит отметка: «Coste dangereuse» — «Опасный берег»; участок этот как раз соответствует Большому Барьерному рифу, расположенному у северо-восточного побережья Австралии. Восточный берег Большой Явы на дьеппских картах и карте Роса тянется к юго-востоку и затем приблизительно у 45° ю. ш.

* Английский мореплаватель Мэтью Флиндерс в 1802 г. на берегах залива Карпентария встретил шесть малайских лодок с ловцами трепангов. «Макассарские туземцы, — говорит Флиндерс, — издавна ведут ловлю трепангов у островов, лежащих вблизи Явы... Лет двадцать назад одного рыбака северо-западные муссоны прибили к берегам Новой Голландии [Австралии], и, убедившись, что трепангов здесь много, его земляки стали посещать с тех пор эти места» (*M. Flinders. A voyage to Terra Australis*. II, стр. 230).

Малайские ловцы трепангов посещали берега полуострова Арнхемленд задолго до появления в Австралии европейцев. Об этом свидетельствуют остатки керамики, обнаруженные в последние годы в различных пунктах арнхемлендского побережья (журнал «*Asian Perspectives*» v. V, N 2, 1962).

** Конечно, о широте можно говорить лишь сугубо условно. В XVI в. далеко не на все карты наносилась градусная сетка, и, кроме того, в данном случае португальские или французские картографы, сводя исходные данные, не приводили их к единому масштабу.

образует острый выступ и поворачивает на юго-запад. Таким образом, конфигурация его сходна с очертаниями восточного побережья Австралии*.

Один из наиболее авторитетных историков австрало-океанийских открытий, Дж. Биглехол, отвергая возможность планомерной португальской экспансии в австралийские моря, считает, что отнюдь не следует исключать вероятность случайных посещений португальцами берегов Австралии. По мнению Биглехола, португальские карты первых десятилетий XVI в. — прототипы росовских — составлялись по данным, собранным у восточных кормчих (20, стр. XXXII—XXXIII).

Э. Шарп (35), анализируя дьеппские карты, обращает внимание на то, что на них нет названий, которые свидетельствовали бы о том, что их составители пользовались малайскими источниками или проводили опрос местных жителей. Он полагает, что составители и копиисты соединили воедино картографические материалы, относящиеся к западным берегам Явы и восточным берегам острова Сумба**, и этот комбинированный контур «привязали» к «воображаемому материку».

Думается, что прав Биглехол, хотя нельзя не признать, что его ссыла на «восточных кормчих» не подтверждается топонимикой карт. Вероятнее всего, португальцы до 1540 г. эпизодически посещали северные и северо-восточные берега Австралии. На то, что португальцам в XVI в. знаком был северный берег Австралии, указывает любопытнейшая находка в бухте Напир-Боум-Бей. В 1916 г. моряки с британского военного корабля «Инкаунтер» обнаружили здесь португальские карронады — маленькие пушки, отлитые в конце XV или в начале XVI в. Очевидно, в этой бухте потерпел крушение какой-то португальский корабль.

Обращает на себя внимание очень интересная карта Южного материка голландца Корнелиса Витфлита, приложенная к его трактату о Птолеме, вышедшему в свет в Лувене в 1597 г. (20, 35). Витфлит дает такое пояснение к этой карте: «Terra Australis — самая южная из всех земель. Она отделена от Новой Гвинеи узким проливом. До нынешних времен берега ее малоизвестны и [посещались] лишь от плаванья к плаванью, ибо путь

* Интересная деталь. В юго-восточной части Большой Явы показан Берег трав (Coste des herbaiges). В 1770 г. Кук в юго-восточной Австралии начал, ничего не ведая о картах Роса, один из заливов Ботанической бухтой (Ботани-Бей). Разумеется, в этом случае мы наталкиваемся на случайное совпадение. Но Г. Коллингридж (23) — автор сводных работ по истории Австралии, опираясь на черты разительного сходства в конфигурации Большой Явы и Австралии, высказал предположение, что в основе дьеппских карт лежат сведения о каких-то португальских открытиях, совершенных до 1540 г.

** В частности, «Опасный берег», по мнению Э. Шарпа, — это район мыса Нгару-Руху на острове Сумба, у которого много рифов и мелей.

к ней заброшен и редко эта страна посещается, разве только что моряками, которых прибывает к ней бурями. Terra Australis начинается на 2 или 3° от экватора, и так протяженна она, что если ее исследуют всю, то признают пятой частью света» (20, стр. XXXI).

Витфлит писал это за девять лет до плавания Торреса и за восемь лет до путешествия Вилема Янсзона, которому приписывают славу открытия Австралии. Витфлит продвигает северные берега Австралии на 7—8° к северу — ошибка очень серьезная даже для географа конца XVI в., но в его пояснении к карте Южной земли больше всего подкупает ссылка на случайные плаванья. Карронады в бухте Напир-Брум и «австралийские» детали на дьеппских картах подтверждают версию о случайных и, возможно, даже многократных плаваниях к берегам пятого материка, совершенных в XVI в. португальцами.

В итоге можно заключить, что к тому времени, когда Кирос взялся за поиски Южного материка, то есть к 1600 г., вполне реальный северный выступ неизвестного тогда континента наносился на карты по данным случайных португальских открытий или, если так можно выразиться, случайных португальских «касаний». И Кирос был прав, полагая, что где-то к юго-западу от островов Санта-Крус должна располагаться эта южная суша. Ошибался он в определении ее величины. Его Terra Australis была примерно в полтора — два раза больше реальной Австралии и кое-где доходила до студеных арктических широт. Однако даже сто пятьдесят лет спустя виднейшие географы века Кука и Лаперуза, Ломоносова и д'Аламбера заполняли пустоту южного полушария материком, который по площади не в два, а в двадцать пять раз превышал Австралию!

Кирос был прав, когда доказывал, что к его Южной земле легче и проще всего добраться, идя с востока. Кирос был прав, когда повернул от острова Таумако на юго-запад. Если бы его не околдовали пейзажи острова Эспириту-Санто (Южной Земли Святого духа), то на этом курсе он через Коралловое море дошел бы до восточных берегов Австралии и отдал якорь чуть южнее Большого Барьерного рифа.

И тем не менее ложное открытие Кироса оказало пагубное влияние на географическую мысль XVII и XVIII вв. Мемориалы Кироса получили широчайшую отласку еще при его жизни. Они были переведены на немецкий, французский, английский и голландский языки и повсеместно в Европе вызвали оживленные отклики. Южная Земля Святого духа положена была на карты мира и на них оставалась до тех пор, пока сперва Бугенвиль в 1768 г., а затем Кук в 1774 г. не доказали, что она представляет собой маленький остров в архипелаге, который Бугенвиль назвал Большими Кикладами и Кук — Новыми Гебридами.

Южная Земля Святого духа накрепко спаялась с Неведомым Южным материком, созданным картографами XVI в., и с 1611 г., когда в Германии появилось первое издание мемориалов Кироса, до 1768 г., то есть на протяжении ста пятидесяти семи лет, этот лжеконтинент вводил в заблуждение картографов и мореплавателей.

Голландское вторжение

Экспедиция Кироса и Торреса была лебединой песней испанских искателей новых земель и морей. На долгое время, вплоть до 70-х годов XVIII в., Испания выбывает из ожесточенного соревнования за дальнейший захват заморских территорий. В XVII и в первой половине XVIII в. на первое место в этой борьбе выдвигаются морские державы Европы — Голландия и Англия.

Судьбу Испании разделила и Португалия. В 1580—1581 гг. ее захватил испанский король Филипп II. На протяжении шестидесяти лет Португалия со всеми ее колониальными владениями и заморскими опорными базами в Азии, Африке и Южной Америке была прикована к испанской колеснице, которая медленно, но верно катилась к пропасти. Враги Испании оказались одновременно и врагами Португалии, причем наибольший урон в борьбе с могущественными соперниками понесла эта некогда великая держава, низведенная после 1580 г. на положение жалкого сателлита Мадрида и Эскуриала.

В конце XVI в. началось планомерное вторжение голландцев в португальские владения в Южной и Юго-Восточной Азии. К этому времени голландцы уже обладали неоспоримыми преимуществами, и не только в сравнении с португальцами. Они опередили на старте заморской экспансии англичан, их флот бороздил все моря и океаны земного шара. Голландцы издревле были отличными мореходами; школу навигационного искусства они прошли на сельдяных промыслах в бурных водах Атлантики. В XVI в. они стали комиссионерами и перевозчиками Европы и оттеснили на второй план своих ганзейских и британских конкурентов. По мере роста торговых оборотов и расширения сферы экономической экспансии они накопили огромный опыт и колоссальные капиталы. Голландские купцы и банкиры действовали не в одиночку. Они объединяли свои капиталы и основывали мощные торговые компании, с которыми не могли соперничать ни толстосумы из лондонского Сити, ни купцы ганзейских городов.

Одерживая победы на европейских рынках и биржах, голландцы не теряли из виду и рынки заморские. В последние го-

ды XVI в. они оседлали «португальский» морской путь в Азию и внезапно вторглись в Индию и на острова Малайского архипелага. Вторжение это, однако, было тщательно подготовлено. В 1592 г. в Амстердам возвратился голландский агент Ян Хейген ван Линсхотен. Четыре года провел он в Португалии, пять лет пробыл в столице Португальской Индии — Гоа. Линсхотен доставил в Голландию ценнейшие, и при этом архисекретнейшие, сведения о португальских базах в Юго-Восточной Азии. Он составил инвентарную опись богатств Ост-Индии, собрал чрезвычайно важные данные о торговле и навигации в Индийском океане. Линсхотен пришел к выводу, что позиции Португалии на Востоке значительно ослабли и что, используя голландские морские силы и капиталы, можно без труда вытеснить португальцев из их заморских владений. В качестве базы для боевых операций Линсхотен советовал избрать остров Яву, стратегическое положение которого португальцы явно недооценивали.

В 1595 г. на Яву была послана первая голландская экспедиция Корнелиса Хаутмана. За последующие шесть лет пятнадцать голландских флотилий прошли мимо мыса Доброй Надежды в моря Юго-Восточной Азии. Голландцы укрепились в Бантаме, султанате в западной части Явы, и оттуда проникли на Острова Пряностей — Молукки — в самое сердце португальской Ост-Индии.

Путь в Дальнюю Азию, проложенный за сто лет до этого Васко да Гамой, стал голландской морской дорогой. В самом конце XVI в. голландцы открыли в Индийском океане остров Святого Маврикия, который стал важным опорным пунктом на этой трассе. Они освоили и испанский морской путь в Азию через Магелланов пролив. Голландец Оливер Ван Норт через Магелланов пролив прошел к островам Малайского архипелага и возвратился в Европу, обогнув мыс Доброй Надежды. Это было третье по счету кругосветное плавание (после Магеллана — Эль-Кано и Дрейка) и первая кругосветная экспедиция, снаряженная голландцами.

Чтобы добиться дальнейших успехов, быстрых и решающих, голландские купцы решили объединиться и основать Ост-Индскую компанию для торговли с Востоком. Впрочем, не только для торговли: акционеры располагали капиталами, которые позволяли им содержать в Юго-Восточной Азии сильный флот и сильное войско и оплачивать целую армию торговых агентов, лазутчиков и шпионов. В 1602 г. был утвержден устав Объединенной Ост-Индской компании. Ей была предоставлена монополия на все виды торговли на пространстве между мысом Доброй Надежды и Магеллановым проливом. В этой обширной области компания могла действовать как суверенное государство. Ей разрешалось заключать договоры с местными властями,

строить форты и крепости, содержать вооруженные силы, назначать своих губернаторов и судей. В лоне компании воссоединились дочерние акционерные общества шести крупнейших торговых городов Нидерландов — Амстердама, Миддельбурга, Дельфта, Роттердама, Горна и Энкхейзена. Совет семнадцати директоров правил этой могущественной организацией.

Дело было поставлено на широкую ногу, основной капитал компании в десять раз превышал фонды учрежденной с теми же целями в 1600 г. британской Ост-Индской компании, и в год своего рождения этот штаб заморской экспансии уже овладел опорными базами на острове Тернате, островах Банда, в Бантаме, на Малаккском полуострове и в северо-западной Суматре. Были созданы базы на Сулавеси, в Индии, на северном берегу Явы. На восток потянулись флотилии боевых кораблей. Хотя компании и не удалось захватить Гоа и Малакку (Малаккой голландцы овладели лишь в 1641 г.), но в боевых операциях были фактически уничтожены португало-испанские морские силы, и в водах Юго-Восточной Азии голландцы добились решающего превосходства над своими противниками.

В 1619 г. яванский город Джакарта, переименованный колонизаторами в Батавию, стал резиденцией генерал-губернатора Нидерландской Ост-Индии и главным очагом безудержной голландской экспансии. В сфере этой экспансии в самом начале XVII в. оказались моря и земли, лежащие к югу и востоку от Явы.

Янсзон, Браувер и Хартог. Первые открытия на северных и западных берегах Австралии

Голландский мореплаватель Вилем Янсзон впервые появился на Яве в 1598 г. С 1598 по 1605 г. он несколько раз ходил из Голландии на острова Малайского архипелага; в качестве шкипера трехмачтового корабля Ост-Индской компании «Дейфкен» он участвовал в экспедиции адмирала ван дер Хагена, которая в феврале 1605 г. захватила остров Амбоину в Молуккском архипелаге. Ван дер Хаген в сентябре 1605 г. отправился в Нидерланды, оставив в Бантаме «Дейфкен» для рекогносцировочных плаваний с торговыми целями. К шкиперу Янсзону в Бантаме присоединился эмиссар компании Ян Лодевейк ван Россенхин*.

18 ноября 1605 г. «Дейфкен» вышел из Бантама к берегам Новой Гвиней. Рукописные карты, составленные в ходе экспе-

* На кораблях нидерландской Ост-Индской компании шкипер ведал только мореходной частью. Представителем фирмы и фактическим хозяином этих плавучих баз компании был особый агент-эмиссар.

диции на «Дейфкене», свидетельствуют, что Янсзон и Россенхин прошли к островам Банда, миновали острова Ару и от мыса Валс, юго-западной оконечности острова Фредерик-Хендрик, повернули на юго-восток. «Дейфкен» на этом курсе пересек Торресов пролив и достиг западного берега полуострова Кейп-Йорк близ устья реки Пеннафазер (на картах Янсзона она названа *R. met het bosch* — Река с кустарником).

Вдоль западного берега полуострова Кейп-Йорк Янсзон и Россенхин прошли около 200 миль и у мыса, который голландские мореплаватели называли мысом Поворота (Кервер, современное его название Керуир), на $13^{\circ} 45'$ ю. ш. 6 июня 1606 г. повернули на север. В устье реки Батавии у голландцев была стычка с австралийскими аборигенами.

Спустя почти сорок лет в инструкции, данной компанией Тасману, отмечалось, что «Дейфкен» «...посетил обширную, большей частью пустынную землю, в различных местах населенную черными свирепыми варварами, которые убили несколько моряков».

В инструкции, однако, не упоминалось о зверствах, учиненных голландцами в стране «черных варваров». Но голландский мореплаватель Ян Карстенс в 1623 г. писал, что «...черные люди, которых Янсзон видел на берегу между 13 и 11° ю. ш., имели кое-какое представление о мушкетах, ибо они помнили, сколь большой ущерб причинил им этот вид оружия в 1606 г., когда здесь высаживались моряки с «Дейфкена» (35, стр. 18).

Покинув устье реки Батавии, Янсзон и Россенхин в 30 милях к югу от крайней северной оконечности полуострова Кейп-Йорк повернули в открытое море. Пройдя вдоль западных берегов островов Уоллис и Ред-Уоллис, они высадились на острове Принца Уэльского (на карте Янсзона это остров Хоге Ейландт) и затем снова пересекли Торресов пролив к западу от островов Банкс и Малгрейв. Затем Янсзон и Россенхин вышли к южному берегу Новой Гвинеи и оттуда направились к Молуккским островам. У берегов острова Амбоина «Дейфкен» отдал якорь 4 марта 1607 г.

Английский агент в Бантаме Джон Сейриз донес в Лондон о «фламандском судне, отправленном ради открытий в Новую Гвинею; это судно возвратилось на острова Банда и открыло некий остров. Однако, когда на оный посланы были люди, дабы вступить в торговые отношения с язычниками (а язычники эти людоеды), те убили девять душ, так что моряки предпочли возвратиться, полагая, что там ничего толкового сделать не удастся». Янсзон и Россенхин понятия не имели, что Новая Гвинея отделяется от открытой ими земли проливом, и решили, что берег полуострова Кейп-Йорк — часть Новой Гвинеи, один из ее южных выступов.

Янсзон еще долгое время плавал в южноазиатских водах. К 1629 г. он дослужился до адмиральского чина. Умер он в Нидерландах. Имя Россенхина исчезает из документов Ост-Индской компании примерно в 1618 г. Спустя триста с лишним лет после открытий Янсзона в Голландии в секретных архивах Ост-Индской компании обнаружены были карты экспедиции на «Дейфкене». В 1933 г. они были опубликованы голландским исследователем Ф. Видером в многотомном сборнике «Monumenta Cartografica».

Янсзону заслуженно присваивается честь открытия Австралии. Даже если считать, что Торрес 3 октября 1606 г. видел австралийский берег, событие это произошло спустя четыре с лишним месяца после того, как «Дейфкен» вышел к западному берегу полуострова Кейп-Йорк.

Огромное практическое значение имело другое случайное открытие, совершенное в 1611 г. голландским мореплавателем Хендриком Браувером. До 1611 г. корабли нидерландской Ост-Индской компании переход от мыса Доброй Надежды к Яве совершали в тропических широтах Индийского океана в сезон юго-западных муссонов. Браувер прямо от мыса Доброй Надежды направился на восток. В тридцатых широтах в Индийском океане дуют устойчивые западные ветры, и на этих ветрах он прошел без всяких помех 4 тыс. миль, а затем в струе Западно-Австралийского течения взял курс на северо-восток и вышел к берегам Явы. При этом Браувер вдвое сократил время перехода через Индийский океан, и, что важнее всего, на его трассе мореплаватели могли, не считаясь с противными северо-восточными муссонами, которые в северной части Индийского океана дуют на протяжении нескольких месяцев, в любое время года совершать переходы к Яве при попутных западных ветрах.

В 1614 г. компания предприняла интересный опыт. Из Голландии на Яву послано было три корабля — два по старому маршруту, один по трассе Браувера. И если первый и второй корабли затратили на дорогу соответственно шестнадцать и восемнадцать месяцев, то третий пришел через полгода. В 1615 г. компания решила все корабли, идущие в Юго-Восточную Азию, направлять по брауверовскому маршруту.

Подчиняясь новым указаниям, шкипер Дирк Хартог (или Хартогсзон) повел свой корабль «Эндрахт» из Голландии к Яве по новому маршруту. Он вышел в путь в январе 1616 г., обогнул мыс Доброй Надежды и направился на восток, придерживаясь 34—33° ю. ш.; затем чуть восточнее тех мест, где на этот курс лег Браувер, повернул на северо-восток. В результате в двадцатых широтах он открыл неизвестную землю, которая располагалась в 5 тыс. миль от мыса Доброй Надежды. В 1697 г. голландский шкипер Виллем Фламинг нашел на берегу залива Шарк (25° 30' ю. ш.) в Западной Австралии оловянное блюдо

со следующей надписью: «25 октября 1616 г. сюда прибыл корабль «Эндрахт» из Амстердама. Торговый агент Гиллис Мьебе из Льежа, шкипер Дирк Хартог из Амстердама. 27-го того же месяца корабль ушел в Бантам. Помощник торгового агента Ян Стейн, помощник шкипера Питер Ледокер ван Бил» (28, стр. 83—86; 35, стр. 32). Таким образом, факт открытия был подтвержден совершенно бесспорно.

Новооткрытый берег получил название Земля Эндрахт. Судя по сообщениям голландского мореплавателя Фредерика Хаутмана, который принял у Хартога эстафету западноавстралийских открытий, Хартог вышел к побережью Австралии на 25° ю. ш. и до 22° ю. ш. все время следовал вдоль него. В нидерландской Ост-Индской компании значение открытия Хартога оценили очень быстро. Компании нужны были опорные базы на новом, брауверском участке великого морского пути в Азию, и в Амстердаме решено было обследовать новооткрытые берега.

От Хиллегома до Пола. Новые открытия на западных, северных и южных берегах Австралии

В мае 1618 г. Хевик ван Хиллегом, шкипер корабля «Зеволф», «прирезал» к Земле Эндрахт новый участок побережья. В рапорте Ост-Индской компании Хевик ван Хиллегом писал в июне 1618 г.: «11 мая [1618 г.] мы увидели землю в широте 21° 30' S. Это была плоская и длинная земля; она тянулась к северу и к югу, и за нею в том и в другом направлении видны были высокие холмы; мы не смогли пристать к берегу. Одному лишь богу известно, материк это или острова, но полагаю, судя по всему, что мы видели материк... Вы можете после того, как увидите эту землю на 21, 22 и 23°, взять курс на NNW и NtW и идти затем до западной оконечности Явы...» (35, стр. 35).

По всей вероятности, моряки с «Зеволфа» открыли участок побережья непосредственно к северу от Земли Эндрахт близ Северо-Западного мыса. От этого мыса западный берег Австралии резко поворачивает на северо-восток. Сам Северо-Западный мыс открыт был в июле — августе того же 1618 г. Ленертом Якобсзоном, который в 1606 г. плавал на «Дейфкене» с Янсзоном.

Если Хиллегом и Якобсзон «вытянули» Землю Эндрахт к северу, то Фредерик Хаутман и Якоб Эдел прирезали к ней весьма значительный участок на юге. Экспедиция Хаутмана и Эдела вышла из Голландии на Яву на двух кораблях — «Дордрехт» и «Амстердам». От мыса Доброй Надежды мореплаватели направились на запад, придерживаясь 35—37° ю. ш. Таким образом, они пересекли Индийский океан гораздо южнее своих предшественников и 19 июля 1619 г. неожиданно на 32° 30' ю. ш.

открыли землю. Австралийские географы полагают, что Хаутман и Эдел подошли к побережью на $32^{\circ} 20'$ ю. ш. — сразу же к югу от устья реки Суан, чуть южнее нынешнего центра Западной Австралии города Перт и его аванпорта гавани Фримантл.

«Мы решили, — пишет Хаутман, — приложить невозможнейшие усилия, дабы кое-что проведать о ней, ибо нам показалось, что это славная земля. Однако по причине сильного наката пристать к ней не смогли» (28, стр. 14; 35, стр. 39). До 2 августа Хаутман и Эдел шли на север вдоль берега и открыли участок протяженностью свыше 400 миль между $32^{\circ} 30'$ и $26^{\circ} 30'$ ю. ш. 19 августа Хаутман и Эдел пришли на Яву.

Если год назад Хиллегом еще сомневался, представляет ли открытая им земля материк, то Хаутман, приняв в расчет итоги всех открытий, совершенных с 1616 г., заявил, что «безусловно вся эта земля, замеченная прежде на 22° , 23° и 25° и нами прослеженная до 33° , есть материковый берег, который тянется без каких-либо перерывов» (28, стр. 16; 35, стр. 40).

Участок побережья, открытый экспедицией Хаутмана и Эдела, с 1627 г. на всех голландских картах получил название Эделсландт — Земля Эдела. Любопытно, что Эдел, обозревая на 27° ю. ш. красные прибрежные суглинки, высказал предположение, что породы эти золотоносны. Догадка эта не возбудила интереса у распорядителей компании. А между тем спустя 250 лет в Западной Австралии были открыты богатейшие золотые залежи.

В июле — августе 1618 г. участники экспедиции на «Дейфкен» Вилем Янсзон и его товарищ Ленерт Якобсзон, следуя от мыса Доброй Надежды на Яву, открыли небольшой участок западного побережья Австралии у Северо-Западного мыса. По всей вероятности, это были берега залива Эксмут, который положен был на карту лишь двести лет спустя Филиппом Паркером Кингом.

Важное открытие на берегах Австралии совершили в 1622 г. голландские моряки, чьи имена не сохранились в архивах компании. Известно лишь, что они вышли из Голландии 20 апреля 1621 г. на корабле «Лёвин». В марте 1622 г. они открыли на 35° ю. ш. юго-западную оконечность Австралийского материка, которая на карте 1627 г. картографа нидерландской Ост-Индской компании Хесселя Герритса показана как земля Лёвин. При этом открыт был не только мыс Лёвин (мыс Луин современных карт), но и участок берега к северу и к югу от него и установлено, что чуть южнее этого мыса берег поворачивает к юго-востоку. «Лёвин» явился в Батавию 15 мая 1622 г.

В начале июля того же года голландские власти в Батавии были обеспокоены чрезвычайным происшествием. Сорок пять англичан на двух шлюпках добрались до Батавии от каких-то скал близ Земли Эндрахт, где затонул их корабль. Рапорт англий-

ских командиров Томаса Брайта и Джона Брука был опубликован только в 1934 г. Из него явствует, что судно «Трайл» разбилось о рифы близ островов Монте-Белло севернее Северо-Западного мыса. Англичане не совершили новых открытий, но факт их появления в «голландских» водах, омывающих западные берега новооткрытой земли, воспринят был и в Батавии, и в Амстердаме с большой тревогой. Генерал-губернатор Ян Питерсзон Кун срочно разработал проект большой экспедиции, которая должна была обследовать эту землю, названную голландцами Зейдландтом (Южной землей). Видимо, не случайно экспедицию отправили в те места, где в 1606 г. уже побывал Янзон.

Янзон 1606 г.	Карстенс 1623 г.
Хартог 1616 г.	Колстерт 1623 г.
Хиллегом 1618 г.	Тейссен и Нейтс 1627 г.
Хаутман и Эдел 1619 г.	Де Витт 1628 г.
„Левин“ 1622 г.	Питерсзон 1636 г.
Брайт и Брук 1622 г.	Трагедия на „Батавии“ 1629 г.

Голландские открытия в Австралии до 1644 г.

Из книги А. Sharp «Discovery of Australia»

был высочайший хребт Новой Гвинеи — Снежные горы. До последнего времени одна из вершин этого хребта носила название Карстенс-Топпен (горы Карстенса). Дойдя до опасных мелей, Карстенс на $9^{\circ}6'$ ю. ш. повернул к югу и вышел к западному берегу полуострова Кейп-Йорк на $11^{\circ}45'$ ю. ш. Западный вход в пролив Торреса Карстенсу не удалось найти, хотя он пытался это сделать.

Неудача Карстенса имела весьма существенные последствия. Голландцы уверились, что южнее Новой Гвинеи нет пролива, и на картах XVII и первой половины XVIII в. Новая Гвинея и Австралия изображались как единый массив суши. Вдоль западного берега полуострова Кейп-Йорк (который сочтен был частью Новой Гвинеи) Карстенс продвинулся на юг гораздо дальше Янсона. Он дошел до $17^{\circ}8'$ ю. ш. и от устья реки, названной им рекой Штатов (современная Статен-Ривер, или Гилберт-Ривер), повернул на север.

В январе—мае 1623 г. экспедиция под командой Яна Карстенса на двух кораблях «Пера» и «Арнхем» прошла вдоль южного берега Новой Гвинеи к мысу Валс, обогнула его и двинулась вдоль новогвинейского побережья дальше на восток. Карстенс отметил, что в глубине Новой Гвинеи параллельно берегу тянется увенчанная снегами горная цепь. Это

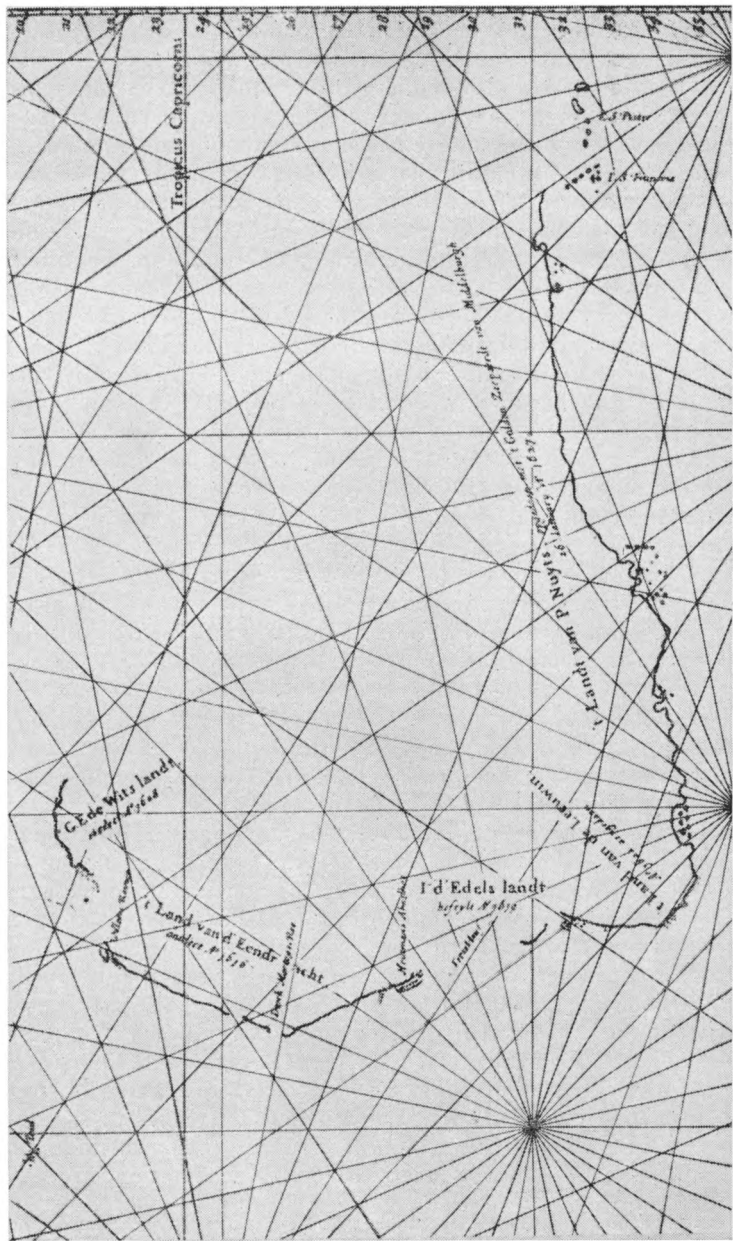
Участок австралийского берега между 13 и 17° 8' ю. ш. Карстенс описал таким образом: «Земля эта сухая и бедная, здесь нет никаких плодовых деревьев или растений, из которых человек может извлечь выгоду. Пресной воды мало, а там, где она есть, ее надо выбирать из копаных ям... Люди здесь варвары и тело и лицо мажут черной краской. Ходят они нагие, только на голове и на шее у них плетеные сетки, которыми они пользуются, добывая себе пропитание, а главная их пища (насколько мы могли убедиться) — это разные вонючие корни, которые они выкапывают из земли... Мы видели много различных хижин из сухой травы и немало собак, цапель, водяных курочек и другой дикой птицы, здесь очень вкусная рыба, которую ничего не стоит выловить неводом. Туземцам совершенно неведомо золото, серебро, олово, железо, свинец и медь, а также мускатные орехи, гвоздика и перец — все это мы им показывали, но они оставляли это без внимания... Оружием им служат щиты, копья и *salawaijen* (острога) длиной в 1½ сажени из легкого дерева или тростника, с наконечниками из рыбьих или человеческих костей, и метают они копья, используя специальное приспособление — кусок дерева длиной в 1½ сажени, к концу которого крепится крючок» * (35, стр. 51—52).

Вскоре шкипер корабля «Арнхем» Виллем ван Колстерт самовольно разлучился с Карстенсом и ушел на Молукки. По пути ван Колстерт открыл новые земли, — по-видимому, мыс Арнхем в северо-восточной части полуострова Арнхемленд. «Арнхем» прибыл на острова Банда 14 мая 1623 г., а 8 июня «Пера» отдала якорь у берегов Амбоины. Со времен Карстенса водное пространство между полуостровами Кейп-Йорк и Арнхемленд стало называться Карпентарией в честь генерал-губернатора Нидерландской Индии Питера Карпентьера.

В общем Карстенс и ван Колстерт разочаровали компанию. Земля Зейдландт не оправдала тех надежд, которые на нее возлагали в Батавии. Однако вести о новых открытиях подогревали интерес к огромной земле, лежащей так близко от голландских опорных пунктов на Яве. В 1627 г. совершенно было еще одно выдающееся открытие, на этот раз не на западном и северном, а на южном берегу Австралии, до той поры почти неизвестном.

22 мая 1626 г. из Голландии вышел корабль «Голден Зепа́рд», который повел на Яву шкипер Франс Тейссен. На этом корабле отправился в Ост-Индию один из «боссов» компании Питер Нейтс. 26 января 1627 г. с корабля замечена была земля — южный берег Австралии у мыса Луин. Нейтс и Тейссен прошли вдоль побережья 900 миль, и уже в 1628 г. Хессель Герритс на-

* На полуострове Кейп-Йорк проживает более ста племен австралийских аборигенов. Видимо, Карстенс описал здесь австралийцев группы внк, в которую входит несколько племен, говорящих на родственных диалектах. Копье-металки позволяли австралийцам бросать копье на расстояние 100—150 м.

Голландские открытия на западных и южных берегах Австралии. Фрагмент карты 1628 г. Хесселя Герритса.
Из книги А. Sharp «Discovery of Australia»

нес на карту значительный участок южного берега Австралии от мыса Луин до группы островов в Большом Австралийском заливе, которая носит ныне название архипелага Нейтса. Новоткрытая страна была названа Землей Нейтса.

Между 1622 и 1629 гг. в ходе нескольких экспедиций на карты был нанесен весь западный берег Австралии от мыса Луин до 21° ю. ш. В частности, в 1628 г. был открыт шкипером Герритом де Виттом участок западного берега на 21° ю. ш. (Земля де Витта на карте Хесселя Герритса).

Драматический исход одной экспедиции подробно описан в книгах Ост-Индской компании. 4 июня 1629 г. корабль «Батавия» примерно на 28° 30' ю. ш. у скал Хаутмана натолкнулся на рифы. Шкипер Франс Пелсарт, оставив семьдесят человек на поврежденном судне, перевез двести двадцать матросов и пассажиров на близлежащие безводные острова и на шлюпке добрался до Батавии, откуда на небольшом корабле он вышел к месту кораблекрушения. По пути он обследовал значительный участок западного берега Австралии. Между тем власть на «Батавии» захватил амстердамский аптекарь Иеремия Корнелис. Завладев ценным грузом, который хранился в трюме, он принял решение уйти на пиратский промысел в Индийский океан. Но «Батавия» прочно сидела на рифе, и в ожидании счастливой возможности Корнелис учинил дикую бойню. Он перебил около сотни умирающих от жажды людей, не щадя при этом ни женщин, ни детей. Лишь небольшая группа моряков спаслась от избиения, бежав на отдаленный островок.

Вероятно, Корнелису удалось бы захватить корабль, на котором из Батавии шел Пелсарт, но за несколько дней до прибытия этого судна он угодил в ловушку. Корнелис предложил шесть тысяч флоринов за голову предводителя группы беглецов. Голова была ему обещана, но, когда он тайком прибыл на островок, где находились беглецы, его немедленно схватили. Пелсарт, явившись к месту кораблекрушения, обезоружил и заковал в кандалы всех мятежников, а Корнелиса повесил на рее.

Участники экспедиции совершили зоологическое открытие: они встретили «странных тварей кошачьего рода, которые ходят только на задних ногах». То были австралийские кенгуру.

Пелсарт очень часто высаживался в различных местах побережья и отметил, что кое-где оно обитаемо. Но везде моряки видели лишь безводную пустыню — «очень дурную землю, сухую, без травы, без деревьев и листьев, всю испещренную высокими муравейниками, которые издали кажутся хижинами». Пелсарт открыл участок западного берега в пределах Земли Эдела.

В 1636 г. шкипер Геррит Пол и эмиссар компании Питер Питерсзон были посланы к северным берегам Зейдландта, чтобы обследовать земли, открытые командой «Арнхема» в 1623 г. Геррит Пол погиб на южном берегу Новой Гвинии в стычке с ме-

стными жителями. Питерсзон в июне 1636 г. открыл и описал участок берега протяженностью около 80 миль — северное побережье полуострова Арнхемленд и остров Мелвилл (этот остров Питерсзон считал частью материка).

Таким образом, с 1606 по 1636 г. голландские мореплаватели открыли почти все западное побережье Австралии, часть ее южного берега от мыса Луин до 133° в. д. и довольно значительные участки северного берега (западное побережье полуострова Кейп-Йорк и северное побережье полуострова Арнхемленд). На северном побережье Австралии остались, однако, два «белых пятна»: «зазор» между полуостровами Кейп-Йорк и Арнхемленд, образованный еще не обследованным заливом Карпентария (голландцы лишь предполагали, что это залив, так как им неизвестны были его южные берега), и северо-западное побережье между 20° ю. ш. и северо-западной частью Арнхемленда. Вся же внутренняя территория Австралии была сплошным «белым пятном», которое захватывало юго-западную часть Тихого океана, сливаясь с Южной Землей Святого духа, положенной на карты Кирсом.

Схаутен и Ле-Мер. Открытия в Центральной и Западной Океании

С голландскими открытиями в Зейдландте косвенно связана экспедиция, корабли которой прошли далеко от Австралии по маршруту Магеллана, Дрейка и Ван Норта.

В 1610 г. богатый амстердамский купец Исаак Ле-Мер, лютий враг нидерландской Ост-Индской компании, организовал товарищество на паях для торговли с Дальним Востоком и странами Южных морей. Исаак Ле-Мер стремился подорвать торговую монополию компании и утвердиться в сфере ее экспансии.

Сделать это было не легко, во-первых, потому, что компания располагала куда большими капиталами, чем Ле-Мер, и во-вторых, Генеральные штаты, утвердив устав акционерного общества Ле-Мера, не позволили судам этой новой компании пользоваться морским путем Голландия — мыс Доброй Надежды — Ява. Тем не менее Исаак Ле-Мер решил во чтобы то ни стало прорваться в Южные моря. Он вступил в соглашение с опытным мореплавателем Виллемом Схаутеном, который трижды ходил в Ост-Индию и приступил к подготовке экспедиции.

Схаутена, однако, Ост-Индия совершенно не интересовала. Он был горячим приверженцем Кирса и полагал, что следует как можно скорее вторично отыскать Южную Землю Святого духа и овладеть ее несметными богатствами. Кирс был рыцарем идеи, Схаутен — расчетливым и трезвым дельцом. Ему удалось убедить Исаака Ле-Мера, что главной целью экспедиции должен быть Южный материк.

В 1615 г. в голландском городе Горн снаряжены были два корабля: «Эндрахт» (220 т) и «Горн» (110 т). Экспедицию возглавил сын Исаака Ле-Мера, Якоб. Виллем Схаутен стал шкипером на «Эндрахте», а его брат Ян — командиром судна «Горн». В экспедиции участвовали восемьдесят семь человек, и только братьям Схаутенам и Якобу Ле-Меру ведомы были ее цели. Виллему Схаутену и Якобу Ле-Меру принадлежат краткие описания плавания, опубликованные соответственно в 1618 и в 1622 гг. (26).

Корабли вышли в плавание в конце мая 1615 г., зашли по пути в Сьерра-Леоне, где за дрянные ножи и дешевые бусы удалось приобрести двадцать пять тысяч лимонов (эти лимоны спасли судовые команды от цинги). 7 декабря корабли прибыли в гавань Пуэрто-Десеадо на патагонском берегу, где экспедицию постигла большая беда — сгорел корабль «Горн».

Покинув эту бухту 16 января 1616 г., «Эндрахт» взял курс к Огненной Земле. Виллем Схаутен полагал, что южнее Магелланова пролива есть еще один проход в Тихий океан, и «Эндрахт», пройдя мимо восточного горла Магелланова пролива, направился на юго-восток вдоль берега Огненной Земли. 24 января корабль вошел в широкий пролив. По правому борту была Огненная Земля, по левому — гористый берег, который тянулся к югу на много миль. Схаутен решил, что это гористое побережье — часть Южного материка и назвал новооткрытую землю Землей Штатов. Выйдя из пролива, который отделял Землю Штатов от Огненной Земли, «Эндрахт» вступил в Тихий океан, и 29 января 1616 г. мореплаватели проследовали мимо самой южной оконечности Огненноземельского архипелага, которую они называли мысом Горн.

Таким образом, в конце января 1616 г. Схаутен и Ле-Мер совершили три открытия. Они обнаружили новый пролив, соединяющий Атлантический и Тихий океаны, нанесли на карту Землю Штатов и открыли мыс Горн. Для них наибольшее значение имело второе открытие. А между тем Земля Штатов, как это выяснилось впоследствии, была вовсе не частью Южного

Якоб Ле-Мер

материка, а небольшим островом, лежащим к востоку от Огненной Земли. На современных картах он носит название острова Эстадос (испанское *эстадос* соответствует голландскому *статен* — штаты).

Новооткрытый пролив, который затем получил название пролива Ле-Мера, оказался более коротким и удобным проходом в Тихий океан, чем Магелланов пролив, и в дальнейшем подавляющее большинство кораблей проходило через него к мысу Горн.

От мыса Горн «Эндрахт» направился к островам Хуан-Фернандес; покинув эти острова 3 марта 1616 г., Схаутен и Ле-Мер

Виллем Схаутен

взяли курс на северо-запад и, дойдя до 15° ю. ш., повернули на запад. В середине марта умер Ян Схаутен, шкипер «Горна». 10 апреля «Эндрахт» вошел в воды архипелага Туамоту. За последующие восемь дней Виллем Схаутен и Ле-Мер пересекли северную часть архипелага Туамоту (они шли на $4-5^{\circ}$ севернее маршрута Кироса) и открыли четыре острова, которым дали название Хонден, Зондер Грондт, Ватерланд и Флиген. Возможно, это атоллы Пукапука, Такароа-Такапото и Рангироа.

На острове Зондер Грондт (вероятно, это был двойной атолл Такароа-Та-

копото) голландцы оставили после себя недобрую память. Когда островитяне, явившиеся на корабль, стали выдергивать гвозди, голландцы открыли огонь. Затем на берег высадился карательный отряд, и там учинена была кровавая экзекуция.

Покинув архипелаг Туамоту, Схаутен и Ле-Мер направились на запад. Они прошли южнее островов Общества и островов Самоа и 9 мая вступили в воды островов Тонга. Однако главные острова этого архипелага остались далеко к югу, и экспедиция открыла лишь два самых северных островка — Тафахи и Ниуатобутабу. Здесь голландцы увидели великолепные тонганские двойные каноэ и встретили красивых, прекрасно сложенных людей, которые охотно снабжали гостей кокосовыми орехами, ямсом, бананами и пресной водой. На острове Ниуатобутабу произошла стычка с островитянами, причины которой не вполне

ясны. Вину за нее голландцы возложили на местного вождя, и остров, где произошла жестокая драка, назвали Веррадерс Эй-ландт (Островом Предателей).

14 мая 1616 г. экспедиция покинула острова Тонга и 19 мая на полпути между Самоа и Фиджи у западных рубежей Полинезии открыла два высоких острова, которые названы были островами Хорн (так называются они и сейчас). Островитяне приветливо встретили голландцев. За дюжину старых гвоздей, бусы и три медных бадейки моряки получили много свиней и плодов. На берегу голландцев развлекали музыкой и танцами, и они наблюдали за церемонией приготовления кавы — напитка из перцевого корня.

Острова Хорн лежат в 1200 милях к востоку от острова Эспириту-Санто — Южной Земли Святого духа Кироса. Однако Схаутен решил идти не к этой земле, а к Новой Гвинее и взял курс на северо-запад.

«Эндрахт» прошел восточнее Соломоновых островов и 20 июня моряки открыли атолл (по всей вероятности, в группе Палау), а 22—25 июня — группу островов, которую назвали островами Маркен и Груне Эйланден. Скорее всего это атолл Тауу и острова Грин-Айлендс. За этими островами показалась большая земля, которую голландцы сочли Новой Гвинеей. На самом деле это был остров Новая Ирландия. Пройдя затем вдоль северного побережья острова Новая Ирландия, Лавонгая (Новый Ганновер) и островов Адмиралтейства, где 3—4 июля 1616 г. открыта была группа мелких островов к юго-востоку от острова Манус, Схаутен и Ле-Мер направились к Молуккским островам и Яве. 28 октября они прибыли в Батавию, где «Эндрахт» был конфискован по приказу генерал-губернатора. Ле-Мера и Схаутена на корабле компании доставили в Голландию, где затем организаторам экспедиции не без труда удалось добиться, чтобы компания возвратила им конфискованный в Батавии корабль.

В результате экспедиции Схаутена и Ле-Мера открыт был новый путь из Атлантического океана в Тихий мимо мыса Горн. Гипотеза Кироса приняла новую форму: выступом Южного материка стали отныне считать не только Южную Землю Святого духа, но и Землю Штатов, расположенную на рубеже Атлантики и Тихого океана.

Тасман. Первая экспедиция. «Кругоавстралийское» плавание и открытие Новой Зеландии

Экспедиция Геррита Пола и Питера Питерсзона была организована новым генерал-губернатором Нидерландской Ост-Индии Антонием Ван Дименом, который от имени всемогущей ком-

пании правил с 1636 по 1645 г. Ван Димен — фигура колоритная и зловещая. Свою карьеру он начал мелким писцом и постепенно, прибегая к всевозможным средствам, дозволенным и недозволенным, занял видное положение в административном аппарате компании и стал правой рукой генерал-губернатора Яна Питерсзона Куна.

Однажды Кун получил из Голландии приказ немедленно выслать на родину проходимца, скрывающегося под именем Ван Димена. Далее разъяснялось, что этот человек проник на службу компании, присвоив не только чужое имя, но и чужие деньги и что в Амстердаме его уже несколько лет тщетно разыскивают кредиторы. Кун спрятал этот приказ под сукно и, умирая, указал на Ван Димена как наиболее способного своего преемника. Компания не сразу последовала совету Куна. Кун умер в 1629 г., а Ван Димен назначен был генерал-губернатором только в 1636 г. И вскоре все семнадцать директоров компании должным образом оценили нового ост-индского наместника.

Ван Димен выбил португальцев из Малакки, отобрал у них Цейлон, овладел островом Тайвань, основал в воротах Японии, в нагасакской гавани, на островке Десима, опорную базу компании, укрепил голландские позиции в Индии. Ван Димен жестоко подавил восстания против голландского ига на островах Малайского архипелага. Он свирепо расправлялся с конкурентами — англичанами, португальцами и своими собственными соотечественниками, если они представляли интересы враждебных компании торговых домов. Голландская или, точнее говоря, «компанейская» монополия на торговлю пряностями была обеспечена, дивиденды пайщиков компании феноменально возрастали за счет беспощадного ограбления народов Юго-Восточной Азии.

Ван Димен был сторонником широчайшей военной и торговой экспансии. Объектами ее были Япония, Китай, Малайский архипелаг и острова Океании. Для осуществления своих планов Ван Димен посылал во все стороны отлично организованные экспедиции, во главе которых ставил наиболее опытных и даровитых моряков. Одним из таких лоцманов голландской экспансии был Абель Тасман. Он родился в 1603 г. в окрестностях Гронингена в бедной семье, самоучкой освоил грамоту и, как многие его земляки, связал свою судьбу с морем. В 1633 г. он появился в Батавии и на небольшом судне Ост-Индской компании обошел многие острова Малайского архипелага. В 1636 г. Тасман возвратился в Голландию, но спустя два года вновь оказался на Яве. Здесь в 1639 г. Ван Димен организовал экспедицию в северную часть Тихого океана. Во главе ее стал опытный мореплаватель Маттис Кваст. Шкипером на второй корабль был назначен Тасман.

Кваст и Тасман должны были отыскать таинственные острова, якобы открытые испанцами к востоку от Японии; эти острова на некоторых испанских картах носили заманчивые названия «Рико де оро» и «Рико де плата» («богатые золотом» и «богатые серебром»).

Экспедиция не оправдала надежд Ван Димена, но она обследовала японские воды и достигла Курильских островов. В ходе этого плавания Тасман зарекомендовал себя как блестящий кормчий и превосходный командир. Цинга погубила почти всю команду, но он сумел провести корабль от берегов Японии к Яве, выдержав по пути жестокие атаки тайфунов.

Ван Димен проявлял немалый интерес к Зейдландту, и его не разочаровали неудачи экспедиции Геррита Пола. В 1641 г. он решил послать к этой земле новую экспедицию и командиром ее назначил Тасмана. Тасману надлежало выяснить, представляет ли собой земля Зейдландт часть Южного материка, установить, сколь далеко она заходит на юг, и проведать пути, ведущие от нее на восток, в еще неведомые моря западной части Тихого океана.

Диспозицию этого морского похода разработал один из наиболее сведущих моряков Ост-Индской компании — Франс Вискер, который стал затем кормчим новой экспедиции. В январе 1642 г. Вискер представил Ван Димену «Записку относительно открытия Зейдландта». Вискер наметил такой план экспедиции: корабли должны из Батавии направиться при попутных муссонах к острову Маврикия и оттуда проследовать на юг, а затем в сороковых или пятидесятых широтах — на восток. Следуя все время к востоку при попутных западных ветрах, они смогли бы на очень высоких широтах «подсечь» южные выступы Зейдландта. В том случае, если бы эту землю не удалось встретить, нужно было взять курс на север; на этом отрезке пути они, по мнению Вискера, либо встретили бы Южный материк, либо прошли к восточным берегам Новой Гвинеи. Это был блестящий проект, и, к сожалению, Тасман осуществил его полностью. Почему к сожалению, мы убедимся чуть позже.

Тасмана снабдили подробной инструкцией, в которой были подытожены результаты всех плаваний, совершенных в водах Зейдландта и западной части Тихого океана. Эта инструкция сохранилась, уцелели и подневные записи Тасмана, которые позволяют восстановить весь маршрут экспедиции (31). Компания выделила ему два судна: небольшой боевой корабль «Хемскерк» и быстроходный флейт (грузовое судно) «Зехайн». В экспедиции приняли участие сто человек.

Корабли вышли из Батавии 14 августа 1642 г. и 5 сентября прибыли на остров Маврикий. 8 октября покинули остров и направились на юг, а затем на юго-юго-восток. 6 ноября достигли 49° 4' ю. ш., но продвинуться дальше на юг не смогли из-за

шторма. Вискер предложил плыть до 150° в. д., придерживаясь 44° ю. ш., а затем вдоль 44° ю. ш. пройти на восток до 160° в. д. Под южными берегами Австралии Тасман прошел, таким образом, на $8-10^{\circ}$ южнее маршрута Нейтса, оставив Австралийский материк далеко к северу. Он следовал на восток на расстоянии $400-600$ миль от южного побережья Австралии и на $44^{\circ}15'$ ю. ш. и $147^{\circ}3'$ в. д. отметил в своем дневнике: «... все время волнение идет от юго-запада, и, хотя каждодневно мы видели плавающие водоросли, можно предположить, что на юге нет большой земли...» Это был абсолютно правильный вывод: ближайшая земля к югу от маршрута Тасмана — Антарктида — лежит южнее Южного полярного круга.

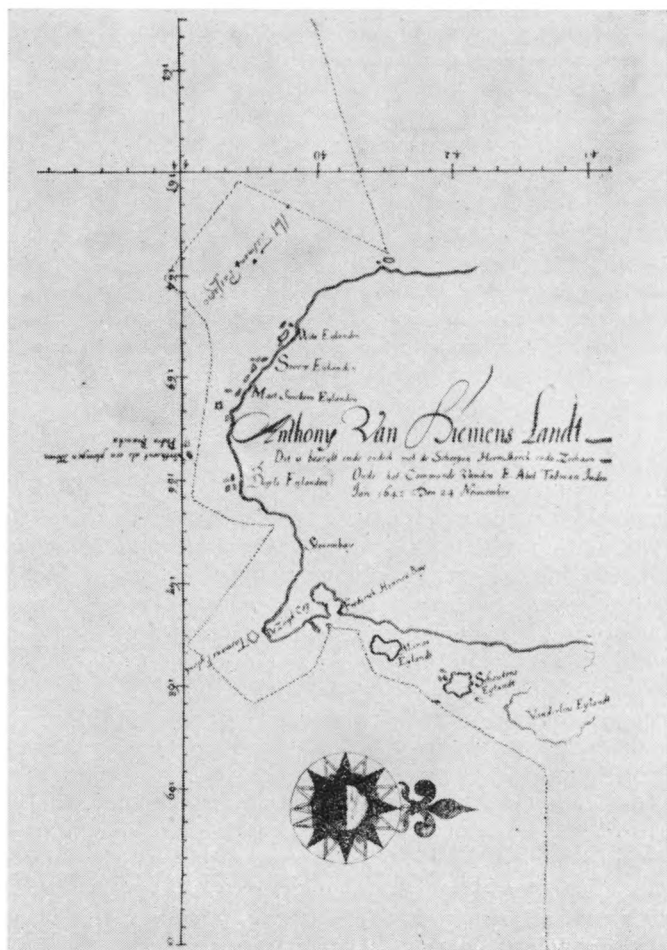
24 ноября 1642 г. заметили очень высокий берег. Это было юго-западное побережье Тасмании, острова, который Тасман считал частью Зейдландта и назвал Вандименовой Землей. Какой именно участок побережья увидели голландские моряки в этот день, установить нелегко, ибо карты Вискера и другого участника экспедиции Гилсманса значительно отличаются друг от друга. Тасманийский географ Дж. Уокер полагает, что это был гористый берег севернее бухты Макуори-Харбор.

Корабли шли в тумане на юго-восток и обогнули самую южную оконечность Вандименовой Земли — Юго-Восточный мыс. На юго-восточном берегу Вандименовой Земли вошли в залив, названный Тасманом Стормбай; обогнув затем извилистый и длинный полуостров Тасмана, 1 декабря корабли отдали якорь у северо-восточной оконечности полуострова Фрейсине близ островка Грин-Айленд.

2 декабря Вискер высадился на берегу Вандименовой Земли. «На нашей шлюпке, — пишет Тасман, — было четверо мушкетеров и шестеро гребцов, и у каждого была пика и оружие у пояса... Затем моряки принесли разную зелень (они видели ее в изобилии); кое-какие разновидности похожи были на те, что растут на мысе Доброй Надежды... Они прошли на веслах целых четыре мили до высокого мыса, где на ровных участках росла всяческая зелень, не посаженная человеком, а сущая от бога, и были тут в изобилии плодовые деревья, и в широких долинах много ручьев, до которых, однако, трудно добраться, так что можно наполнить водой лишь фляжку.

До моряков донеслись какие-то звуки, нечто вроде игры на рожке или ударов маленького гонга, причем шум этот раздавался неподалеку. Но им не удалось никого увидеть. Они заметили два дерева толщиной в $2-2\frac{1}{2}$ сажени и высотой $60-65$ футов, причем стволы были изрезаны острыми камнями и кора кое-где содрана и сделано это было для того, чтобы добраться до птичьих гнезд. Расстояние между зарубками футов пять, следовательно, можно предположить, что здешние люди очень высокие. Видели следы каких-то животных, подобные отпечаткам

когтей тигра; [матросы] принесли экскременты четвероногого зверя (так они полагали) и немного прекрасной смолы, которая высачивалась из этих деревьев и имела аромат гумилака... У берегов мыса было много цапель и диких гусей...

Фрагмент карты Тасмана. Вандименова Земля (Тасмания)
Из книги А. Sharp «Discovery of Australia»

Земля везде покрыта лесом, и всюду легко можно пройти через этот лес, и видимость повсеместно хорошая, поэтому всегда здесь можно заметить и людей, и диких зверей; наблюдению не мешают густые заросли, так что землю эту легко обследовать. Кое-где моряки видели деревья с глубоко выжженными

на высоте одного фута углублениями; в некоторых местах земля, обожженная кострами, была тверда как кремнь...» (15, стр. 23—36; 35, стр. 76—77).

Экспедиции не удалось встретиться с аборигенами Тасмании. Правда, Вискер и его люди совершили важное ботаническое открытие: высокие, могучие деревья с ароматной смолой были одной из разновидностей эвкалипта.

Покинув место стоянки, корабли двинулись дальше на север и 4 декабря миновали остров, который назван был островом Марии в честь дочери Ван Димена. Пройдя мимо островов Схаутена и полуострова Фрейсине (Тасман решил, что это остров), корабли 5 декабря достигли 41°34' ю. ш. Берег поворачивал к северо-западу, и в этом направлении корабли не могли продвинуться из-за противных ветров. Поэтому решено было покинуть прибрежные воды и идти на восток.

Тасман на своей карте соединил берег Вандименовой Земли с Землей Нейтса, открытой на юге Австралии в 1627 г. Таким образом, Тасмания стала выступом Австралийского материка, и в таком виде ее показывали на всех картах вплоть до начала XIX в.

За время с 5 по 13 декабря 1642 г. экспедиция пересекла море, отделяющее Тасманию и Австралию от Новой Зеландии. В полдень 13 декабря Тасман и его спутники открыли новозеландскую землю — мыс на северо-западной оконечности Южного острова Новой Зеландии, названный впоследствии Куком мысом Феруэлл. Обогнув этот мыс, Тасман вошел в пролив, разделяющий Южный и Северный острова (современный пролив Кука). На южном берегу этого пролива в глубокой бухте 18 декабря корабли отдали якорь.

Здесь состоялась встреча с маори, которые вышли к кораблям на быстрых каноэ. Сперва все шло хорошо. Статные, разрисованные узорами люди с кожей желтоватого цвета вели себя мирно (все они были вооружены палицами и копьями). Каноэ подошли очень близко к кораблям, и моряки вступили в беседу с островитянами. У Тасмана были записаны ходовые обороты речи на языках Новой Гвинеи, но эти диалекты новозеландцам были так же непонятны, как голландский язык. Внезапно мир был нарушен. Маори захватили шлюпку, посланную с «Хемскерка» на «Зехайн». В этой шлюпке находились боцман и шесть матросов. Боцману и двоим матросам удалось добраться вплавь до «Хемскерка», но четверых моряков маори убили; их тела и шлюпку они увели с собой. Тасман всю вину за эту стычку возлагает на местных жителей. Однако не было случая, чтобы маори без веских и уважительных причин совершали нападение на чужеземцев. Весьма вероятно, что боцман и его команда обидели островитян, после чего те взялись за оружие. Тасман назвал залив, где произошло это прискорбное собы-

тие, бухтой Убийц. Покинув бухту, он направился на восток, но вскоре противные восточные ветры заставили его лечь в дрейф.

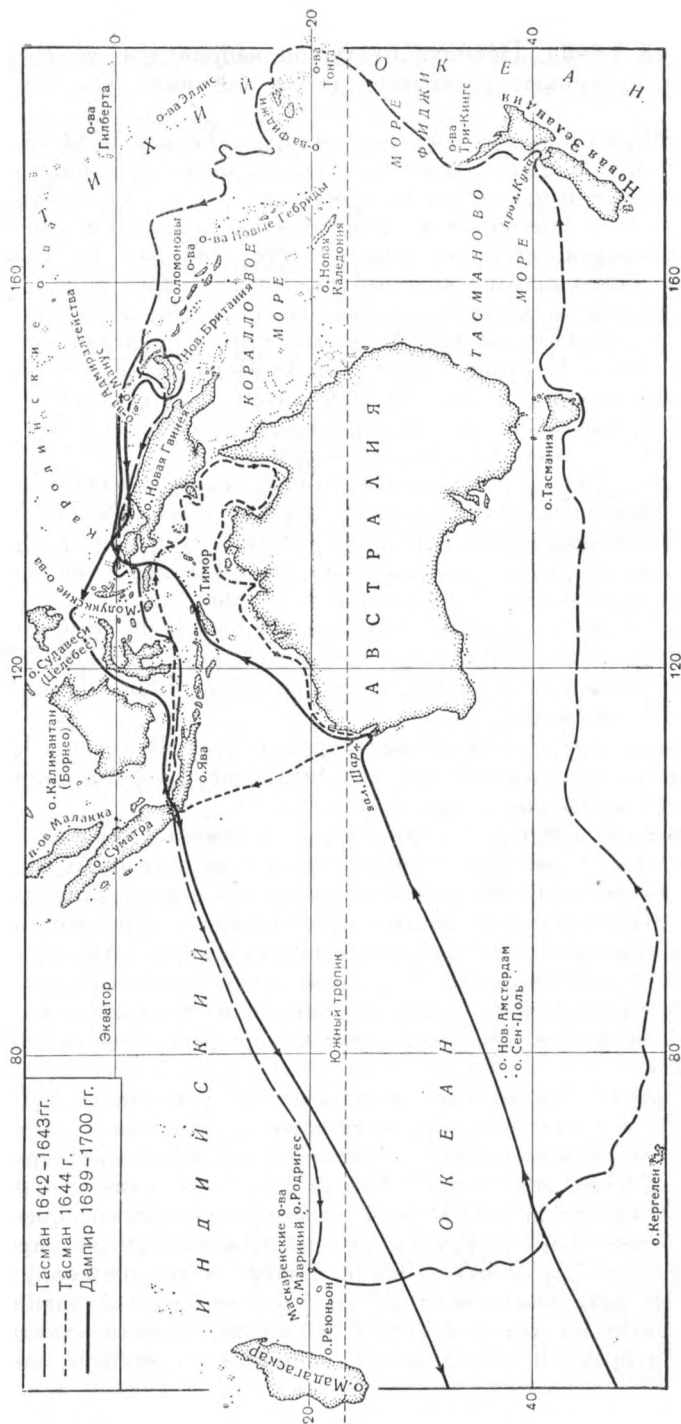
24 декабря состоялся совет командиров. Тасман полагал, что на востоке может быть обнаружен проход, но его спутники считали, что корабли находятся не в проливе, а в широком заливе, который глубоко врезается в новооткрытую землю. Решено было направиться к северному берегу этого «залива». Поскольку Тасман не нашел проход, который разделяет надвое Новую Зеландию, он решил, что это единый массив суши, и назвал его Землей Штатов (Статенландт), считая, что он представляет собой часть Земли Штатов Схаутена и Ле-Мера. Пройдя к северному берегу пролива Кука, Тасман затем повернул на запад, обошел юго-западную оконечность Северного острова и проследовал вдоль его западного берега на север.

4 января 1643 г. он открыл крайнюю северо-западную оконечность Новой Зеландии, которую назвал мысом Марии Ван Димен. Противные ветры помешали ему обогнуть мыс и обследовать северный берег Северного острова. На карту он нанес лишь западный берег Земли Штатов. Только через сто двадцать семь лет было установлено истинное очертание этой земли и доказано, что она представляет собой не часть Южного материка, а двойной остров, который по площади лишь немногим больше Великобритании.

Открыв 5 января небольшой островок Трех Волхвов (Трингс современных карт) близ новозеландского берега, Тасман направился на северо-восток.

19 января корабли вступили в воды архипелага Тонга. Тасману посчастливилось здесь больше, чем Схаутену и Ле-Меру. Те лишь «задели» самые северные островки этого архипелага, а Тасман открыл главные тонганские острова — Тонгатабу, Эуа и Намуку (он назвал их соответственно островами Амстердам, Миддельбург и Роттердам). Это было очень важное открытие: до сих пор испанцы и голландцы в западной Полинезии встречали лишь мелкие острова, лежащие на периферии этой обширной области.

На островах Тонга Тасман пробыл до 1 февраля 1643 г. Приветливо и сердечно приняли островитяне Тасмана. За мелкие гвозди моряки выменяли у тонганцев множество кокосовых орехов, а местные вожди преподнесли в подарок свиней и разные плоды (впоследствии в знак теплого, радужного приема, оказанного местными жителями, Джеймс Кук назвал этот архипелаг островами Дружбы). Тасман пробыл здесь одиннадцать дней, но, не зная языка местных жителей, не смог сколько-нибудь обстоятельно ознакомиться с их хозяйственным укладом, обычаями и нравами. Он обратил внимание на высокое море-

Маршруты Тасмана и Дампира

Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

ходное искусство тонганцев и их великолепные двойные каноэ и отметил, что земля на островах превосходно возделана.

От островов Тонга Тасман направился на северо-запад. 6 февраля он открыл острова Фиджи, но туманы и скверная погода не позволяли обследовать этот обширный архипелаг. Следуя далее на северо-запад, Тасман прошел далеко к востоку от островов Банкс и Санта-Крус. Соломоновы острова остались к западу от его маршрута; 22 марта он дошел до большого атолла, которому дал название Онтонг-Джава*.

Далее Тасман по маршруту Схаутена и Ле-Мера направился вдоль северных берегов Новой Ирландии (которую он считал частью Новой Гвинеи) и Новой Гвинеи к Молуккским островам и к Яве и 14 июня 1643 г. прибыл в Батавию.

Известный историк и географ Дж. Бейкер справедливо назвал это плавание Тасмана блестящей неудачей. И действительно, если в навигационном отношении маршрут, намеченный Висхером, был исключительно удачным, то в чисто географическом смысле он не мог себя оправдать. Кругоавстралийское кольцо описано было чересчур большим радиусом: внутри этого кольца оказались Австралия с Тасманией и Новая Гвинея.

Новой Зеландии Тасман лишь коснулся и, не обследовав, принял ее за западный выступ Земли Штатов Схаутена и Ле-Мера. Однако, пройдя от Новой Зеландии через острова Тонга и Фиджи к Новой Гвинее, он «отключил» от мифического Южного материка австралийско-новогвинейскую сушу. Поскольку Южная Земля Святого духа Кироса также оказалась к западу от трассы, проложенной Тасманом в Тихом океане, картографам пришлось и ее «отключить» от этого материка и присоединить к Зейдландту. Эта появившаяся на картах вполне реальная суша с новогвинейским «привеском», Вандименовой Землей и Южной Землей Святого духа, получила название Новой Голландии (на картах XVII и первой половины XVIII в. вся ее восточная половина показывалась как сплошное «белое пятно»).

Тасмановой гипотезе о единой Земле Штатов очень скоро был нанесен жестокий удар. Хендрик Браувер, который в 1611 г. нашел новый морской путь в Индию, в 1643 г. побывал на Земле Штатов, открытой в свое время Схаутеном и Ле-Мером к востоку от Огненной Земли, и доказал, что эта «Земля» всего лишь небольшой остров. Тогда границы мифического Южного материка в районе мыса Горн географы сдвинули к югу, но Тасманова Земля Штатов так и осталась одним из его выступов. Во избежание путаницы в 50-х годах XVII в. эта земля названа была Новой Зеландией.

* Хотя честь открытия Онтонг-Джавы приписывается Тасману, но весьма вероятно, что этот атолл посещали его предшественники — Мендандья, Схаутен и Ле-Мер.

Экспедиция Тасмана 1642—1643 гг. была одним из наиболее выдающихся заморских предприятий XVII в. Тасман открыл Вандименову Землю (Тасманию), Новую Зеландию и острова Тонга и Фиджи. Он «отделил» от Южного материка новоголландскую сушу, открыл новый морской путь из Индийского океана в Тихий в полосе устойчивых западных ветров сороковых широт; он справедливо предположил, что океан, омывающий с юга Австралию, захватывает обширное пространство в сороковых и пятидесятых широтах. Современники не использовали этих важных открытий Тасмана, но зато их должным образом оценил Джеймс Кук; успехами своих первых двух плаваний он во многом обязан Тасману.

Тасман. Вторая экспедиция. Новые открытия на северных берегах Австралии

Сразу же после возвращения Тасмана из кругоавстралийского плавания Ван Димен решил снова послать его к берегам Зейдландта. Дело в том, что ни Янсзону, ни Карстенсу, ни Герриту Полу не удалось проникнуть в залив Карпентария. Поэтому неясно было, представляет ли этот обширный водный бассейн залив, или в самой южной своей части он переходит в пролив, ведущий к Земле Нейтса. Тасману вменялось в обязанность обследовать берег Новой Гвинеи к югу от 17° ю. ш. и установить, соединяется ли он с землей, известной под названием Зейдландт.

На современных картах только кончик «хвоста» Новой Гвинеи доходит до 10° ю. ш. Однако Ван Димен, как и все люди того времени, полагал, что восточный берег Карпентарии, обследованный в 1623 г. Карстенсом вплоть до 17° ю. ш., представляет собой часть Новой Гвинеи.

В начале 1644 г. в Батавии снаряжены были три небольших корабля и подобрана команда из ста десяти человек. Главным кормчим экспедиции назначен был Франс Висхер. Записи участников этого плавания не сохранились, но маршрут экспедиции показан на «карте Бонапарта», которая хранится в Митчелловской библиотеке в Сиднее (называется она так потому, что попала в Австралию из личных архивов одного из родственников Наполеона). Карта составлена по данным Тасмана, и на ней имеются его собственноручные пометки.

Результаты этого плавания превзошли все ожидания. Тасман прошел вдоль западного берега полуострова Кейп-Йорк, затем вдоль южного берега залива Карпентария и открыл близ него ряд мелких островов. Держась все время близко от берега, он обследовал западный берег залива Карпентария, проследовал потом вдоль северного побережья полуострова Арnhemленд,

форсировал пролив Дандас между полуостровом Кобург и островом Мелвилл и вошел в залив, которому он присвоил имя Ван Димена. Не заходя в глубь этого залива, Тасман снова вышел в открытое море, обогнул с севера острова Мелвилл и Батерст (острова эти он принял за часть материка) и пошел на юго-запад вдоль еще не обследованного северо-западного побережья Австралии. Порой из-за рифов и мелких островков Тасману приходилось держаться на значительном удалении от берега, но он установил, что нигде в нем нет широких разрывов, и прошел вдоль него вплоть до мест к югу от 21° ю. ш., которые были уже обследованы в 20-х годах XVII в. От Северо-Западного мыса Тасман направился к Яве и прибыл в Батавию в начале августа 1644 г.

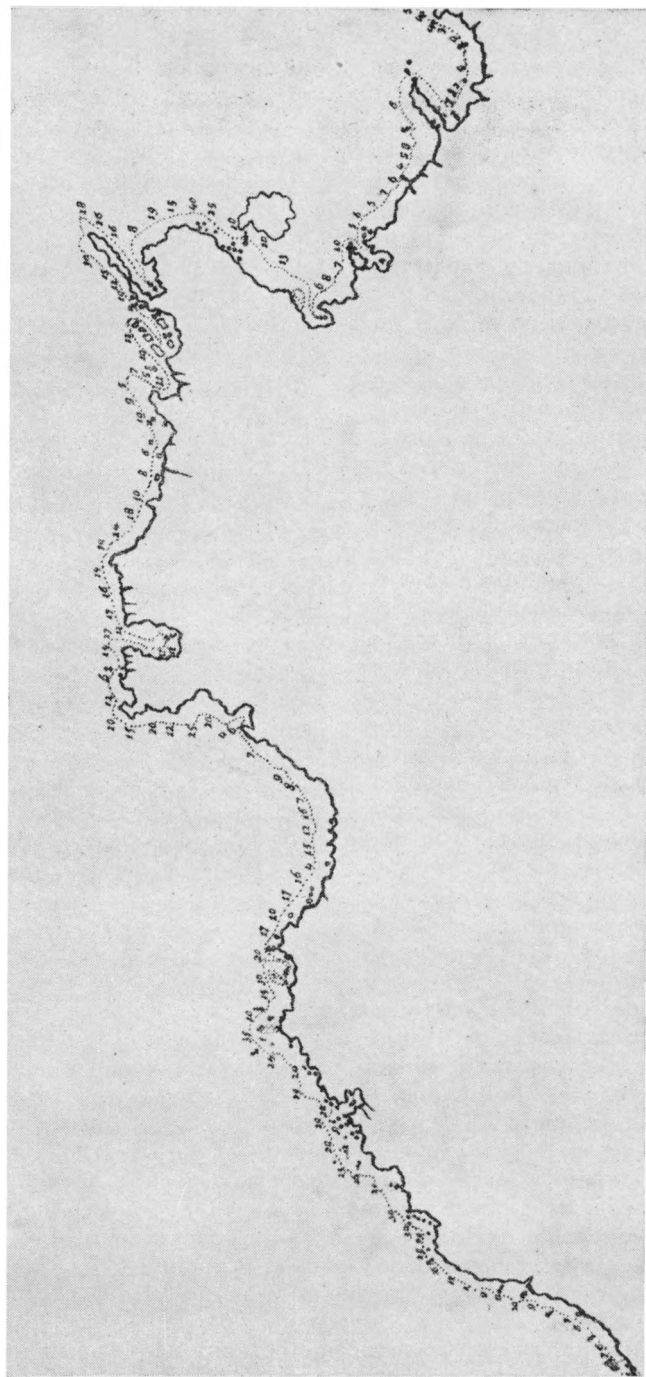
Таким образом, Тасман стер с карты большие «белые пятна» в районе залива Карпентария и северо-западного побережья Австралии. Западная часть материка приняла после этого плавания контуры, которые мы видим и на современных картах. Северный берег Австралии на карте Тасмана получил лишь общие очертания, и только кропотливые исследования, проведенные почти два века спустя, позволили уточнить его данные и положить на карту ряд заливов, мысов и островов в этой части материка.

Но именно Тасман выявил, что линия берега тянется непрерывно от Северо-Западного мыса до залива Карпентария.

Однако итоги обеих экспедиций Тасмана горько разочаровали Ост-Индскую компанию. Тасман не нашел ни золота, ни пряностей — он обследовал пустынные берега пустынных земель. Компанию же интересовали источники быстрой и легкой наживы. Из Голландии в ответ на письмо Ван Димена, в котором он излагал программу поисков драгоценных металлов в Зейдландте, пришел такой ответ: «Золото и серебро, которое наивыгоднейшим образом может быть использовано компанией, уже найдено. Мы имеем в виду нашу торговлю со всей Индией и особенно с Тайванем и Японией, торговлю, которая будет развиваться и впредь, ежели господь не оставит нас своими милостями».

Абель Тасман

Фрагмент карты Тасмана. Северные берега Австралии
Из книги *A. Sharp «Discovery of Australia»*

За пятьдесят лет компания захватила столько богатых земель на азиатском Востоке, что теперь больше всего она была озабочена тем, как бы удержать за собой эти дальние владения. Пути, проведенные Тасманом, не сулили ей никаких выгод, ведь и так она держала в своих цепких руках морскую дорогу, ведущую в Ост-Индию мимо мыса Доброй Надежды. А чтобы этими новыми путями не овладели конкуренты, компания сочла за благо закрыть их и одновременно прекратить дальнейшие поиски в Зейдландте. «Желательно, — писали в Батавию из Амстердама, — чтобы земля эта так и оставалась неведомой и необследованной, дабы не привлекать внимания иноземцев к путям, пользуясь коими они могут повредить интересам компании...»

В апреле 1645 г. умер Ван Димен, и новая тенденция в морской политике компании окончательно восторжествовала. Тасман в сущности остался не у дел. Он впал в немилость, принимал участие в мелких экспедициях, затем в 1651 г. был восстановлен в правах, но бросил службу в компании и на свой страх и риск несколько лет вел торговые операции на островах Малайского архипелага. Умер он в 1659 г.

Во второй половине XVII в. голландцы совершили ряд второстепенных открытий на западных берегах Австралии.

В 1656 г. два корабля Ост-Индской компании «Витте Валк» и «Гуде Хоп» в поисках потерпевшего крушение у западного побережья Австралии судна «Вергулден Драк» обследовали участок берега между рекой Суон и скалами Хаутмана. Этот же участок западного побережья в 1657 и 1658 гг. снова был детально обследован двумя экспедициями, посланными из Батавии на поиски корабля «Вергулден Драк».

В 1658 г. шкипера Якоба Питерсзона Перебома (корабль «Элбург») на пути от мыса Доброй Надежды в Батавию задержали противные ветры, и он был вынужден отдать якорь в южной части западного побережья Австралии, по всей вероятности на берегах залива Географа. Здесь он обнаружил недавно покинутые стоянки аборигенов (35).

С середины XVII в. намечаются явные признаки упадка голландской колониальной империи. На морских путях, ведущих в Дальнюю Азию, Голландию начинает теснить Англия, и английские корабли в конце XVII в. вторгаются в Южные моря.

Дампир. Пират-натуралист на берегах Австралии

На рубеже XVII и XVIII вв. у берегов Новой Голландии появился британский пират Уильям Дампир. Впрочем, Дампир был не просто пиратом. Плавая под черным флагом, он три-

дцать лет вел во всех морях и океанах земного шара любопытнейшие наблюдения — метеорологические и этнографические, ботанические и зоологические. Его труды, появившиеся в 1697—1699 гг. на свет в Лондоне, вызвали сенсацию в ученом мире и ввели его в Британскую академию наук — Королевское общество.

Биография Дампира могла бы дать Стивенсону, Хаггарду и Саббатини материал для целой серии увлекательных романов пиратского жанра.

Он родился в глухой сомерсетширской деревушке в 1652 г. Рано лишился родителей, бросил школу и ушел в море. Плавал у берегов Ньюфаундленда, ходил в Ост-Индию, побывал на Ямайке, два года рубил лес в Кампече на берегах Юкатана. В 1678 г. он возвратился в Англию, женился, приобрел небольшое поместье, но вскоре снова отправился в дальние края. Примкнув на Ямайке к шайке буканьеров — пиратов, которые грабили города и селения в испанских колониях, он через Панамский перешеек перебрался на Тихоокеанское побережье и в 1680 г. принял участие в нескольких налетах на перуанские гавани. Затем опять возвратился в карибские воды, на пиратском корабле капитана Джона Кука прошел в Гвинею, а оттуда мимо мыса Горн в Тихий океан. Здесь он участвовал в нападении на испанские корабли, которые везли золото из Кальеа в Панаму, затем ограбил несколько мексиканских городов и с другим пиратским вожаком, Сваном, совершил переход к острову Минданао. Там взбунтовавшаяся команда высадила Свана, и новый капитан Рид повел корабль к берегам Новой Голландии. В 1688 г. Рид и Дампир совершили высадку на ее западном берегу, близ мыса Левек.

Из Новой Голландии корабль направился в Индийский океан. На Никобарских островах команда корабля бросила Дампира, и он на рыбацьем каноэ добрался до Суматры и занялся там торговлей. Купцом он был добхим и, разорившись, нанялся канониром в британский форт на острове Бенкулен. Там он, однако, не ужилсЯ и в 1691 г. возвратился в Англию.

В Лондоне Дампир обработал дневники, которые непрерывно вел с 1674 г., и в 1697 г. опубликовал первый том своего труда «Плавание вокруг света». Два года спустя вышел второй том, одна из частей которого носила название «Рассуждение о пассатах, бризах, штормах, временах года, приливах и течениях жаркого пояса всего света». Спустя сто с лишним лет английский историк тихоокеанских открытий адмирал Барни так оценил трактат: «...нелегко назвать имя мореплавателя или путешественника, который дал бы миру более полезные сведения, которому в такой мере были бы обязаны негодянты и моряки и который подобного рода сведения изложил бы в столь ясной манере и столь четким стилем». (*Burney J. Discoveries in the South Sea. London, 1803, v. 1, p. 187*).

Недавно, в 1956 г., английским автором сводного труда по истории мореплавания Е. Тейлор было отмечено, что приложенная к «Рассуждению» карта ветровой циркуляции явилась первоосновой для всех последующих карт такого характера и что в схемы Дампира внесены были впоследствии лишь сравнительно небольшие изменения. Дампир привел очень интересные данные о величинах магнитного склонения в различных пунктах Мирового океана, о солености морских вод, о связи между господствующими течениями и ветрами. Английские ученые не без основания считают Дампира и его современника Эдмонда Галлея отцами океанографии.

Небывалым успехом «Плавание вокруг света» обязано было, однако, не этой чисто «академической» главе, а описаниям дальних заморских стран, описаниям ярким и точным, живым и увлекательным. До 1727 г. «Плавание вокруг света» издано было в Англии семь раз и переведено на голландский, французский и немецкий языки. Это был истинный бестселлер XVIII в. (25).

Труд Дампира нашел признание не только в ученых кругах Лондона, но и в Британском адмиралтействе. Решено было послать к берегам Новой Голландии экспедицию и во главе ее поставить пирата, только что торжественно принятого в Королевское общество.

На корабле «Робак» водоизмещением 290 т Дампир 14 января 1699 г. вышел в путь. Корабль оказался плохим, команда отвратительной, и плавание это было сплошным мучением. Дампир хотел пройти к берегам Новой Голландии в обход мыса Горн, но по пути он справедливо решил, что в июне — июле, в разгар зимы, не имеет смысла забираться в столь высокие широты, и от Баии повернул к мысу Доброй Надежды. 31 июля 1699 г. Дампир вышел к западному берегу Австралии у 28° ю. ш. и направился вдоль побережья на север. Он обследовал обширный залив, названный им заливом Шарк, открыл на 20°32' ю. ш. группу островов — архипелаг Дампира и в бухте Робак на 18°21' ю. ш. в поисках пресной воды высадился на берег. Кроме песчаных холмов, чахлого кустарника, мух и скелетов динго, он здесь ничего не нашел, вода же оказалась солоноватой.

Команда роптала (все запасы воды иссякли), и Дампир вынужден был повести корабль на остров Тимор. Оттуда он прошел к северным берегам Новой Гвинеи. Проследовав через открытый им пролив между северо-западным выступом Новой Гвинеи и островом Вайгео, он направился на восток, уклонившись от Новой Гвинеи к северу, и в конце февраля открыл два острова, названные им Маттиас и Шкуоли. Это острова Муссау и Эмирау, лежащие к северу от острова Лавонгай. Далее Дампир направился вдоль северного берега Новой Ирландии и, обогнув ее с востока, открыл «залив» Сент-Джордж, который, как это выяснилось почти семьдесят лет спустя, был проливом,

отделяющим Новую Ирландию от расположенного южнее острова Новая Британия (ныне носит название Сент-Джорджес-Чаннел). Вдоль восточного берега Новой Британии Дампир проследовал до самой южной ее оконечности и вошел в пролив (пролив Дампир), который отделяет Новую Британию от острова Умбой, расположенного близ берега Новой Гвинеи.

Всю совокупность островов к северу от этого пролива (архипелаг Бисмарка) Дампир принял за единый остров, который назвал Новой Британией. Ему, однако, удалось частично исправить ошибку Схаутена и Ле-Мера, а также Тасмана, которые, проследовав вдоль северных берегов Новой Ирландии и Лавонга, решили, что эти острова — часть Новой Гвинеи.

От берегов Новой Британии Дампир проследовал на запад, дошел до Батавии и оттуда направился вокруг мыса Доброй Надежды в Англию. Но 22 февраля 1701 г. у острова Вознесения «Робак» потерпел крушение. Дампир потерял все свое имущество, но спас дневники и австралийский гербарий. Команда пять недель просидела на этом пустынном острове, питаясь черепахами и прогорклым рисом, пока наконец попутный английский корабль не взял ее на борт.

В Лондоне Дампир был отдан под суд за жестокое обращение с матросами и гибель экспедиционного судна. Весьма вероятно, что Дампир часто «перегибал палку», но следует иметь в виду, что корабельная команда состояла из «морских шакалов» и «морских гиен», подобранных в портовых кабаках Лондона, Бристоля и Портсмута, и что помощник Дампира лейтенант Фишер, джентльмен по происхождению, завистник и клеветник по натуре, постарался очернить перед судом своего командира.

Приговор суда оказался довольно мягким: Дампиру не разрешалось в дальнейшем служить на кораблях флота ее величества королевы Анны. На его счастье, началась война за испанское наследство. Дампир легко выхлопотал себе каперское свидетельство, снарядил два корабля и в 1703 г. отправился в Тихий океан на пиратский промысел. На острове Хуан-Фернандес Дампир высадил за какие-то провинности парусного мастера Александра Селкирка. История пребывания Селкирка на необитаемом острове легла в основу знаменитой книги Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». Впрочем, Дампир «породил» не только Робинзона, но и Пятницу. Есть основания полагать, что прототипом верного товарища Робинзона был островитянин, привезенный Дампиром в Англию и хорошо известный Даниэлю Дефо.

Возвратившись из пиратской экспедиции в Тихий океан, Дампир выпустил в 1707 г. в свет книгу о плавании на «Робаке» («Путешествие в Новую Голландию»). В 1708—1711 гг. он в качестве кормчего принял участие в пиратской экспедиции Вудса Роджерса, которая сняла с необитаемого острова Сел-

кирка. В северной части Тихого океана Вудс Роджерс захватил испанский галион, шедший из Манилы в Акапулько. Добыча, взятая на «испанце», была огромной, и, по самой скромной оценке, стоимость ее превышала двести тысяч фунтов. При дележе ее возникли споры. Тяжба не прекратилась и после возвращения в Англию. Дампир умер в 1712 (или 1715 г.), так и не получив своей «законной» доли.

В историю открытия и исследования Австралии Дампир вошел не столько своими открытиями, сколько чрезвычайно интересными описаниями западного побережья Австралии. Он первый доставил в Европу образцы австралийской флоры, положив, таким образом, начало исследованиям растительного мира пятого материка. Дампир так описал австралийских аборигенов: «...обитатели этой страны, — отмечал он, — самые обездоленные на свете люди. Ходмады [готтентоты] Мономатапы хотя и жалкие люди, но, право же, они кажутся истинными джентльменами, если сравнить их достатки с достатками [здешних жителей]. У них нет домов и утвари, нет овец, птицы, плодов земных... Они рослые, крепкие телом, круглоголовые, с выступающими надбровьями... носы же у них большие и по форме напоминают бутылку, лица длинные и очень непривлекательные. Ложем им служит земля, покрывалом — небо. Единственный вид пищи у них — это один из видов мелкой рыбы... Ловить крупную рыбу они не могут, ибо у них нет надлежащих снастей. Они собирают также моллюсков, улиток и другие раковины» (25, в. 1, стр. 462—472). Дампир отмечает, что у аборигенов есть деревянные, обожженные на огне копья и деревянные мечи, по форме напоминающие кривую абордажную саблю. Быть может, он видел бумеранги? Некоторое сходство с кривой саблей это метательное оружие действительно имеет, и не все их виды обладают удивительным свойством возвращаться к тому месту, откуда их метнула рука охотника.

Дампиру принадлежит честь вторичного (после Пелсарта) открытия кенгуру. Однако вопреки своему обыкновению он дал весьма сбивчивое описание этого животного, уделив внимание главным образом вкусовым качествам мяса кенгуру. Зато очень обстоятельно и точно он описал птиц Новой Голландии, тем самым положив начало орнитологическим исследованиям в этой части света.

Вейланд. Открытие залива Гелвинк

Вести о плавании Дампира в новогвинейских водах вызвали смятение в Голландии. Переоценивая возможности своих британских конкурентов, Совет семнадцати — «мозговой трест» Нидерландской Ост-Индской компании — направил в Батавию

приказ об организации специальной экспедиции в Новую Гвинею. Совет семнадцати особо отметил, что на эту землю «...наша нация имеет особые виды» и что нужно срочно предупредить англичан на подступах к Новой Гвинее.

22 января 1705 г. из Батавии вышла флотилия в составе трех кораблей: «Гелвинк», «Кранфогел» и «Новая Гвинея». Во главе экспедиции поставлен был капитан Якоб Вейланд. В инструкции, врученной Вейланду, указывалось: «Домогательства, шпионство и литературные упражнения Вильяма Дампира... побудили компанию возложить на Вас данную миссию» (*Vichmann A. Nova Guinea. Entdeckungsgeschichte. Leiden, 1909, v. 1*).

Вейланд направился к западным берегам Новой Гвинеи. Он прошел через пролив, отделяющий Новую Гвинею от острова Салавати (пролив Селе), и затем вдоль северного побережья полуострова Вогелкоп направился на восток. В апреле 1705 г. Вейланд вошел в огромный залив и, обойдя его, установил, что крайняя западная часть Новой Гвинеи — полуостров Вогелкоп — отделяется этим заливом от основного массива острова. Вейланд составил детальную карту вновь открытого залива и нанес на нее десятки островов, в частности большой остров Япен (Лонге Ланд на его карте). Залив был назван в честь Яна Гелвинка, одного из руководителей Ост-Индской компании.

Основным документом экспедиции Вейланда долгое время была карта голландца Николая Стрейка, лишь в 1866 г. в Голландии была опубликована карта самого Вейланда, датированная 1714 г.

Открытие залива Гелвинк не имело непосредственных практических последствий, поскольку Ост-Индская компания воздержалась от дальнейших попыток проникновения на Новую Гвинею. Однако в дальнейшем французские и английские мореплаватели по достоинству оценили это важное открытие. В конце XVIII и в XIX вв. залив Гелвинк с его многочисленными островами и удобными якорными стоянками на восточном и западном берегах не раз привлекал внимание мореплавателей, посещавших новогвинейские воды.

Роггевен. Открытие загадочного острова Пасхи

С именем Якоба Роггевена связаны последние выдающиеся открытия голландцев в Тихом океане.

Якоб Роггевен родился в городе Миддельбурге в 1659 г. Его отец, Арент Роггевен, был человеком изобретательным, пылким и неуживчивым. С скромному месту школьного учителя он предпочел профессию коммивояжера, затем занялся дегустацией вин

и крепких напитков и на склоне лет увлекся проектами экспедиций к Южному материку.

Такого рода проектов в архивах Ост-Индской компании скопилось великое множество. Некто Жан Пьер Пюрри настойчиво советовал компании взяться за колонизацию южного берега Новой Голландии и завершить обследования, начатые Нейтсом. Пюрри советовал перебросить на пустынные новоголландские берега несколько тысяч рабов с острова Явы и начать на этих многообещающих землях разработку золота и серебра. Другие прожектеры рекомендовали организовать экспедицию для поисков Земли Святого духа и Южного материка.

Однако компания решительно отвергала эти предложения. Она охотно закрыла бы все пути, ведущие в Новую Голландию и в южную часть Тихого океана, тогда ключами к этим землям и морям не завладели бы ее конкуренты и соперники, тогда можно было бы не опасаться вторжения англичан и французов в голландскую сферу заморской экспансии.

Аренд Роггевен, отлично понимая, что его проекты не встретят сочувствия в Ост-Индской компании, обратился к конкурирующей фирме. С 1621 г. в Голландии существовала Вест-Индская компания, которая вела торговлю с Америкой. В 1676 г. он подал директорам этой компании записку, по содержанию напоминающую пыльные мемориалы Кироса. Роггевен-старший доказывал, что в Голландии совершенно недооценивают западный путь в Дальнюю Азию, ведущий через Магелланов пролив и пролив Ле-Мера. А между тем, следуя этим путем, можно не только проникнуть с тыла во владения Ост-Индской компании, но и открыть Южный материк. Он считал, что этот материк должен находиться в Тихом океане всего лишь в 15° к югу от тропика Козерога. Подобно Киросу Аренд Роггевен красочно и ярко описывал мифические богатства этого мифического материка.

Вест-Индская компания охотно послала бы экспедицию в Южные моря, но она очень боялась своей ост-индской соперницы и дала миддельбургскому дегустатору весьма уклончивый ответ. Умирая, Аренд Роггевен завещал свои проекты сыну.

Якоб Роггевен в 1716 или 1717 г. обратился в Вест-Индскую компанию, и к его проектам отнеслись весьма серьезно: у Якоба Роггевена за плечами был большой опыт. Девять лет он провел в Ост-Индии — был советником судебной палаты в Батавии. Он приобрел опыт вождения кораблей и проведал пути, ведущие из гаваней Явы и Молуккских островов в Новую Голландию.

В 1721 г. Вест-Индская компания снарядила экспедицию. Роггевен получил три корабля: «Аренд», «Тинховен» и «Африканске Галей». Флотилия имела семьдесят пушек, и в команде ее числилось двести двадцать три матроса и солдата.

21 августа 1721 г. корабли вышли из голландской гавани Тексель и взяли курс на мыс Горн. 14 января 1722 г. Роггевен

обогнул мыс Горн. Он дошел почти до 61° ю. ш. В этих студеных водах флотилия три недели боролась с противными западными ветрами. Все время с юга шли огромные айсберги, и Роггевен предположил, что где-то вблизи находится берег Южного материка, причем материк этот, очевидно, простирается до самого полюса: «...такие массы льда, — писал он, — могут дать только земли, где царит «всеобщий холод»». Роггевен был недалек от истины. Земля Грейама — длинный выступ Антарктиды — находилась всего в 5—6° к юго-востоку от его маршрута. Войдя в Тихий океан, Роггевен направился к островам Хуан-Фернандес. Их он покинул 17 марта 1722 г. и взял курс на северо-запад.

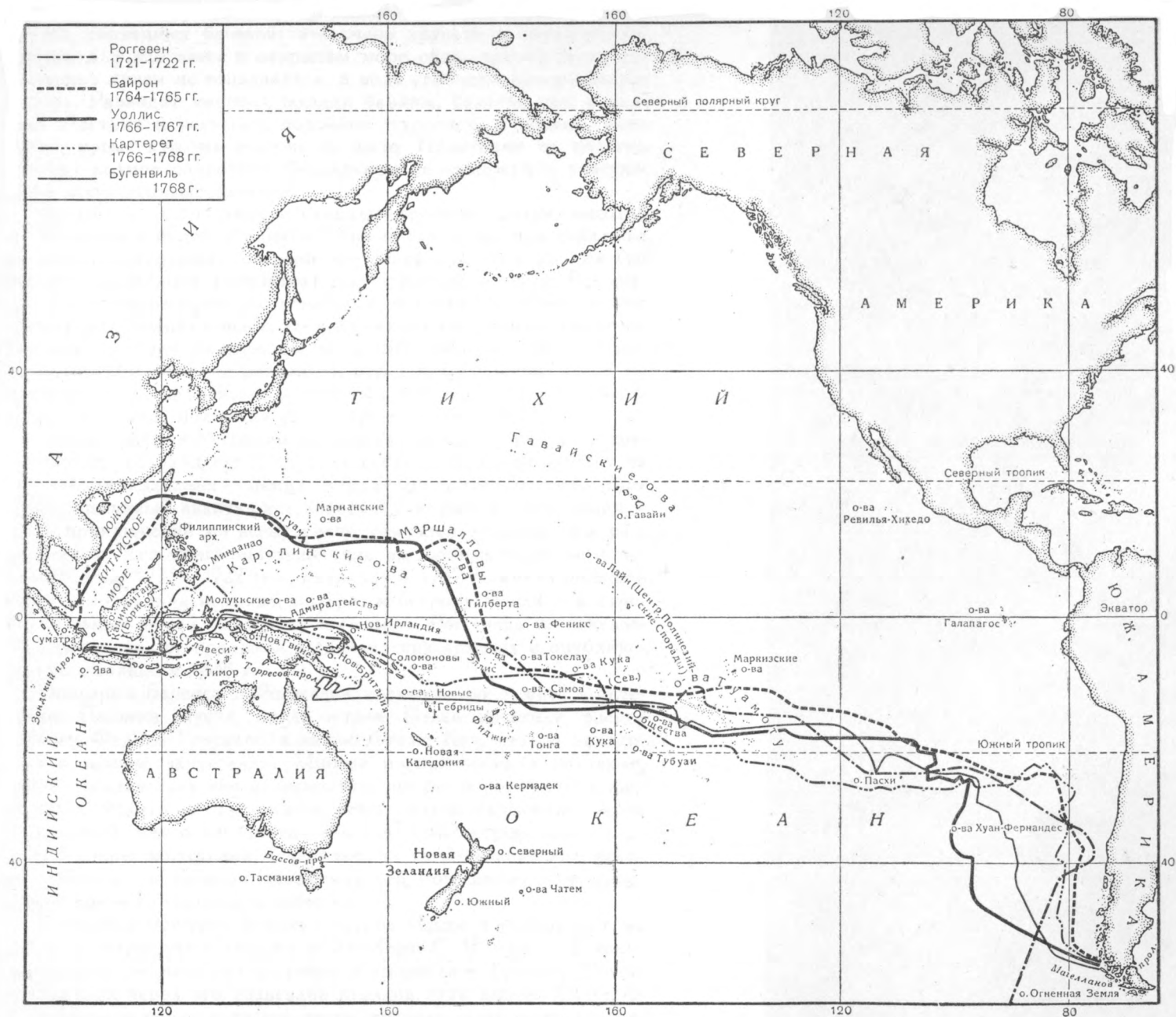
В 1687 г. приятель Дампира, английский пират Эдвард Девис, в 500 лигах от чилийской гавани Копиапо обнаружил на 27° ю. ш. небольшой песчаный остров, и в 50 милях к западу от него — гористую землю. Однако он не дошел до этой «гористой земли». Открытие это весьма сбивчиво описано было судовым лекарем Лайонелом Уофером * Дампиром, которому Девис рассказал о своих приключениях *.

Роггевен, желая проверить сообщения Уофера и Дампира, направился к 27° ю. ш. 6 апреля 1722 г. корабли подошли к высокому и густонаселенному острову. Был день пасхи, и Роггевен назвал новооткрытую землю Пасх Эйландт — остров Пасхи. При высадке моряки и солдаты открыли огонь по островитянам; за этой зверской расправой последовал грабёж.

Островитяне, по словам Роггевена и его спутников, — рослые, с крепкими мускулами; кожа у них не очень темная, бледно-желтая и серовато-бурая, но различить цвет ее можно только у молодых островитян. У пожилых и у именитых особ тело покрыто темно-синими узорами. У всех великолепные снежно-белые зубы, и даже старцы щелкают орехи с очень твердой скорлупой. Бороды и волосы у большинства островитян довольно короткие, но у некоторых волосы длинные, они свешиваются на спину или уложены пучком на затылке. В ушах у многих очень крупные серьги, настолько тяжелые, что растянутые ими мочки доходят до плеч. Они носят одежду из нетканой материи, очень похожую на хлопчатую [несомненно, это тапа], окрашенную желтой и темно-розовой краской. Пустые тыквы — единственный вид их посуды.

Хижины на острове представляют собой каркасы из жердей, прикрытые травой, входные отверстия у них очень низкие, пол покрыт циновками. Около каждой хижины лежат большие отполированные камни, — видимо, на них в часы досуга рассажив-

* Возможно, что гористая земля была островом Пасхи. Но ближайший к острову Пасхи песчаный и плоский остров Сала-и-Гомес лежит не в 50, а в 200 милях к востоку, и поэтому открытие Девиса признается сомнительным.

Маршруты Роггевена, Байрона, Уоллиса, Картерета и Бугенвиля
 Из книги Джамса Кука «Плавание на «Индевер» в 1768—1771 гг.»

ваются обитатели этих жилищ. Каноз сбиты из мелких кусков дерева, связанных бечевой; это очень хрупкие и непригодные для плавания в открытом море суда, причем щели совершенно ничем не конопатятся, и вода свободно просачивается внутрь. Разводят местные жители бананы, бататы, ямс, сахарный тростник и растения, подобные турнепсу. Никакой живности, кроме кур, на острове не было. Плантации на пологих склонах холмов разделены бороздками на квадратные участки, чаще всего занятые бататом.

Больше всего голландцев удивили огромные статуи, высотой до 30 футов и более. Их было очень много, и все они стояли на каменных платформах, островитяне воздавали этим идолам (по мнению голландцев, глиняным) всевозможные почести. Все статуи были задрапированы длинными полосами материи, и эти драпировки свешивались с плеч до самого пьедестала. На головах статуй были водружены корзины, наполненные белыми камнями. Островитяне разводили перед ними костры. Сидя на корточках со склоненными головами, они помывали сложенными ладонями, поднимая руки горé и опуская их.

Об экспедиции Роггевена и таинственном острове Пасхи современники голландского мореплавателя узнали от одного из участников плавания — немца Карла-Фридриха Беренса. Этот предприимчивый авантюрист, который скитался в поисках наживы и приключений по всему свету, оказался незаурядным рассказчиком. Его книга «Путешествие по южным странам и вокруг света в 1721—1722 гг.», изданная в 1737 г., имела большой успех и возбудила немалый интерес к острову Пасхи и к странам Южных морей. Дневнику же самого Роггевена не повезло. Он свыше ста лет пролежал в голландских архивах и опубликован был только в 1838 г.

Описания Беренса и Роггевена чрезвычайно важны и интересны. Полвека спустя, когда остров Пасхи посетили сперва испанец Фелипе Гонсалес, а затем Джеймс Кук, статуи находились в полном запустении. Многие из них лежали на земле, причем создавалось впечатление, что они были сброшены с пьедесталов. Никто не поклонялся этим идолам (каменным, а не глиняным!), никто не заботился о них. Сам остров являл картину полного запустения. Очевидно, за те пятьдесят лет, которые истекли со времени посещения его Роггевеном, там произошли какие-то серьезные события.

13 апреля Роггевен покинул остров Пасхи и направился на запад по маршруту Схаутена и Ле-Мера. С 18 мая по 2 июня экспедиция открывала ряд островов в архипелаге Туамоту. Роггевен прошел через это созвездие атоллов чуть южнее Схаутена и Ле-Мера и попал в ту его часть, которая гуще всего «засеяна» островами и пересекается 15-й параллелью.

У острова Схаделайк (это был атолл Такапото, у которого в 1616 г., видимо, побывали Схаутен и Ле-Мер) затонул корабль «Африканске Галей». Команда была спасена, но в дальнейшем оставшиеся корабли не раз подвергались смертельным опасностям в водах архипелага Туамоту, особенно в той его части, которую Роггевен назвал Лабиринтом (см. карту на стр. 174).

Роггевен открыл семь крупных атоллов и множество мелких островков и рифов. Перечислим здесь атоллы большой семерки:

Дата открытия	Название, данное Роггевеном	Современное название
18 мая 1722 г.	Бедриглайк	Тикей (?)
19 » »	Схаделайк	Такапото
25 » »	Дагенрад	Манихи (?) Ахе (?)
27 » »	Авондстонд	Апатаки
28 » »	Мердер Зорг	Аругуа
30 » »	Гуте Вервахтинг	Рангироа (?)
2 июня »	Верквикинг	Макатеа

6 июня корабли подошли к двум высоким цветущим островам, высадиться на которые не удалось. Роггевен ошибочно принял их за острова архипелага Тонга, которые открыли Схаутен и Ле-Мер. На самом деле в этот день корабли находились далеко к востоку от архипелага Тонга, в водах островов Общества, и голландцы приметили острова Борабора и Маупити, лежащие к северу от Таити. Пройдя мимо этих островов на запад, Роггевен спустя несколько дней вступил в воды архипелага Самоа. 15 июня были открыты острова Мануа, Тутуила и Уполу (западное Самоа) (Роггевен назвал их соответственно островами Бауман, Тинхофен и Гронинген).

От Самоа Роггевен прошел к Новой Гвинее и вдоль ее северного берега направился в Батавию. В Батавии Ост-Индская компания немедленно конфисковала оба корабля. Участники экспедиции на положении арестантов доставлены были в Голландию, где Роггевен втянулся в тяжбу с Ост-Индской компанией. Он умер в 1729 г., вконец разоренный.

Самым существенным его открытием был затерянный в восточной части Тихого океана остров Рапануи (Пасхи).

Голландские и испанские открытия в Микронезии в XVII в. и начале XVIII в.

В 1623 г. голландская эскадра (так называемая флотилия Нассау) вышла в Тихий океан и направилась к западным берегам испанской Америки. Командир этой флотилии адмирал Ген

Хюго Схапенхам намерен был повторить рейд Дрейка и разграбить испанские гавани в Перу и Мексике. Атаковав ряд гаваней и кораблей на Тихоокеанском побережье Америки, Схапенхам в конце 1624 г. от берегов Мексики прошел к острову Гуам. Флотилию возглавлял корабль «Эндрахт».

11 февраля 1625 г. Схапенхам покинул остров Гуам и направился к Молуккам. 14 февраля на $10^{\circ}30'$ с. ш. был открыт неизвестный остров, а 15 февраля флотилия подошла к высокому обитаемому острову значительных размеров. В судовом журнале «Эндрахта» записано, что этот остров находится на $9^{\circ}45'$ с. ш., имеет в ширину примерно 4 голландские мили, то есть около 30 км, густо населен и отлично возделан; у берега его моряки заметили каноэ, которыми управляли люди с длинными черными волосами, очень похожие на обитателей Гуама. Северо-восточную оконечность острова окаймляла гряда рифов. Положение первого из открытых Схапенхамом островов определить трудно: это может быть и остров Улити, и остров Фейс, но несомненно, что большой высокий остров, открытый 15 февраля 1625 г., — это Яп, один из наиболее крупных островов в западной части Каролинского архипелага (Яп — гористый остров, и к северо-востоку от него действительно имеется рифовая гряда).

Схапенхаму по праву можно присвоить честь открытия острова Яп, хотя не исключена возможность, что на Япе побывали еще в 20-х годах XVI в. португальцы и что мимо него прошел двадцать лет спустя Вильялобос (см. главу 2). Извлечения из судовых журналов «Эндрахта» были опубликованы в 1626 г. в Амстердаме (34, стр. 79—80).

На протяжении второй половины XVI в. и в XVII в. воды северной Микронезии не раз посещали испанцы. В ходе этих экспедиций открыты были все острова Марианской группы. Когда именно были совершены эти открытия, сказать трудно. Известно, что к 1600 г. испанцам были хорошо знакомы лишь три острова этого архипелага: Гуам, Рота и Мауг. В 1602 и 1638 гг. в результате кораблекрушений испанские мореплаватели побывали на острове Сайпан. В 1668 г. Испания официально ввела в свое владение весь архипелаг, и именно с этого времени он получил название Марианских островов.

Во второй половине XVII в. появились детальные описания Марианских островов, составленные испанскими миссионерами. Наиболее основательным был трактат об этих островах миссионера Луиса де Моралеса. К 1680 г. описаны были острова Гуам, Рота, Тиниан, Сайпан, Фаральон-де-Мединилья, Анатахан, Саригуан, Гугуан, Аламаган, Паган, Агрихан, Асунсьон и Фаральон-де-Пахарос (34, стр. 86—87).

Внедрение испанцев на Марианские острова сопровождалось массовым истреблением коренных жителей. поголовно уничто-

жена была народность чаморро; многие острова совершенно опустели.

В XVII и в начале XVIII в. испанские мореплаватели совершили ряд открытий в центральной и западной частях Каролинских островов. В 1686 г. испанские мореплаватели назвали один из островов в западных Каролинах (какой именно, установить невозможно) Каролинским в честь испанского короля Карла II. В XVIII в. это название присвоено было всему архипелагу в целом. В 1696 г. Хуан Родригес, штурман одного испанского корабля, открыл в центральной части Каролинского архипелага атолл Фараулеп (34, стр. 90—91).

В 1710 г. испанский корабль под командой Франсиско Падильи со штурманом Хосе Сомерой был отправлен из Манилы в западную часть Каролинского архипелага. В Маниле имелись смутные сведения о каких-то неведомых островах в этой части Каролинской гряды. На $5^{\circ}30'$ с. ш. Падилья открыл два обитаемых острова, которые местные жители называли островами Сонсорол. Очень возможно, что Падилья и Сомера не первыми посетили эти острова и что на них еще в XVI в. побывал Эспиноса (см. главу 2). На Сонсороле Падилья получил сведения, что в 50 лигах (300 км) к северо-северо-востоку лежит большой остров Панлок. Покинув 9 декабря 1710 г. Сонсорол и взяв курс в соответствии в этими указаниями, Падилья на третий день открыл на $7^{\circ}14'$ с. ш. большой остров. К кораблю подошли шесть больших каноэ, и между испанскими моряками и островитянами произошла стычка, которая, по всей вероятности, воспрепятствовала высадке на берег. Близ открытого 11 декабря острова расположен был другой, довольно значительный и обитаемый остров. Проследовав через пролив между этими островами, Падилья возвратился на Сонсорол. Он открыл, таким образом, большую группу островов Палау, расположенную между $6^{\circ}40'$ и $8^{\circ}20'$ с. ш.

Плавание к островам Палау описано штурманом Хосе Сомерой, дневники которого использовал автор сводной работы по истории открытий в Южных морях Дж. Барни (34, стр. 94—95).

Двумя годами позже испанский капитан Бернард де Эги открыл южнее Гуама атолл Улити к северо-востоку от островов Палау.

К середине XVIII в. испанцам известны были уже почти все острова в западной части Каролинского архипелага. Однако их географическое положение, как правило, определялось весьма неточно, из-за чего испанскими картами XVIII в. пользоваться было невозможно. Только на рубеже XVIII и XIX вв. и в первые десятилетия XIX в. началась «привязка» этих островов к карте.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОТКРЫТИЯ В ОКЕАНИИ В XVIII В. ЮЖНЫЙ МАТЕРИК ИСЧЕЗАЕТ С КАРТЫ

Англо-французское соперничество в Южных морях

Рейды пиратов Дрейка в XVI в. и Дампира на рубеже XVII и XVIII вв. были первыми вылазками, предпринятыми англичанами в Южные моря. Однако до середины XVIII в. неуловимый Южный материк и реальные пути через южную часть Тихого океана, проложенные испанскими и голландскими мореплавателями, имели для Англии и для ее главной соперницы Франции третьестепенное значение. К Южным морям и в Лондоне, и в Париже определенный интерес проявился лишь в 30-х и 40-х годах XVIII в.

В 1738 г. французский мореплаватель Жан Батист Буве де Лозье отправился на поиски Южного материка в южную часть Атлантики. 1 января 1739 г. он открыл там на 54° ю. ш. высокую землю, к которой не мог подойти из-за льдов. Буве решил, что подошел к выступу Южного материка, и назвал открытую им землю мысом Сирконсисьон. В действительности это был вовсе не мыс, а ничтожный островок, и, что самое любопытное, вторично его удалось найти только в 1898 г. Но «открытие» Буве европейские географы расценили как еще одно веское доказательство существования Южного материка.

В 40-х годах XVIII в. английский адмирал Джордж Ансон совершил кругосветное плавание с чисто военными целями. Шла англо-испанская война, и Ансон и в Атлантике, и в Тихом океане топил и грабил испанские корабли и одновременно вел поиски удобных баз на главных морских путях. Возвратившись в Англию, он разработал план захвата Фолклендских островов, важной позиции на подступах к Магелланову проливу и мысу Горн*.

* Одновременно в Англии был проявлен большой интерес и к северной части Тихого океана. В 1745 г. была объявлена премия в размере двадцать тысяч фунтов стерлингов за открытие Северо-Западного прохода. Если

Но до Семилетней войны Тихий океан еще не рассматривался как будущее Британское море и вопрос об овладении сквозными путями, ведущими от мыса Горн к Южной Азии, не ставился в порядок дня. Положение резко изменилось после Семилетней войны.

Единственной державой, которая приобрела в ходе Семилетней войны осязаемые выгоды, была Англия. Разгромив свою вековую соперницу Францию, она отняла у нее Канаду, прочно утвердилась в Индии, где французы утратили почти все свои позиции, закрепились на Средиземном море и в Вест-Индии. Британская Ост-Индская компания, наемные войска которой одержали решительные победы в Индии, превратилась, по словам Маркса, в годы Семилетней войны «из коммерческой силы в силу военную и территориальную. Именно тогда было положено основание нынешнему владычеству Англии на Востоке» *. Британский флот добился абсолютного превосходства в морях Нового и Старого Света.

Мощь Англии измерялась, однако, не только числом линейных кораблей. Промышленный переворот, который привел к созданию новых форм производства (к переходу английского капитализма от мануфактурной к машинной стадии), особенно бурным темпом шел в 60-х и 70-х годах XVIII в.

Но путь к дальнейшим территориальным захватам в заморских землях по-прежнему преграждала Франция, которая отнюдь не собиралась покорно смириться с положением второстепенной державы. Восстанавливался французский флот, усиливались французские базы в Вест-Индии и на островах Индийского океана; французы активно поддерживали главного врага Англии в Индии — правителя Майсура Хайдер-Али; союзницей Франции была Испания с ее необъятными владениями в Новом Свете.

Первый министр Людовика XV Шуазель наметил сразу же после Семилетней войны программу «холодной войны» против Англии. «Франция, — говорил он, — не пожалеет усилий, чтобы утвердиться в любых морях, где подобные попытки предпринимают англичане... Она никогда не допустит основания Англией новых колоний в любой части света» (*Doubigny Choiseul et la France d'outré-mer. Paris, 1892*). Англо-французская борьба велась теперь не только в обеих Индиях — то есть на Антильских островах и в Индостане — и не только на старом португальском морском пути в Индию, но и в Южных морях.

Однако гораздо большее значение державы-соперницы придавали не транстихоокеанскому пути, а воображаемому

учесть, что до Лондона к тому времени дошли сведения о результатах экспедиции 1741 г. Беринга — Чирикova, то подобная активность легко может найти объяснение.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX. М., 1958, стр. 152.

Южному материку. Прежде чем овладеть этим несуществующим материком, северные границы которого на картах XVIII в. доходили в Тихом океане до 30°, а в Атлантическом и Индийском океанах соответственно до 50° и 40° ю. ш., надо было найти его. И поиски Южного материка как раз в 60-х годах XVIII в. приняли весьма лихорадочный характер, и их с равной энергией вели французские и английские мореплаватели; в результате в Южном Тихом океане возник новый фронт «холодной войны».

Британское адмиралтейство в 1763—1766 гг. разработало планы захвата Фолклендских островов, обладание которыми обеспечивало контроль над Магеллановым проливом и трассой, проходящей вокруг мыса Горн. С этой целью в 1764 г. в Южные моря была послана экспедиция под командой коммодора Джона Байрона, деда знаменитого поэта и участника плаванья Ансона.

В Англии уже было известно, что французы серьезно заинтересовались Фолклендскими островами. Еще в 1763 г. француз Луи Антуан Бугенвиль вывез из Канады на Фолклендские острова группу переселенцев, которые обосновались в январе 1764 г. на острове Восточный Фолкленд. На Фолклендские острова претендовала и союзница Франции Испания. Байрон, который еще не знал, что Бугенвиль опередил его на Фолклендских островах, должен был овладеть ими и затем выйти в Тихий океан.

Байрон. Начало английской экспансии в Тихом океане

Байрон отправился в путь на двух кораблях «Дельфин» и «Томар» в конце июня 1764 г. Он высадился в январе 1765 г. на острове Западный Фолкленд, ввел его во владение британской короны и направился к Магелланову проливу. Пройдя в середине февраля 1765 г. этот пролив, он вышел в Тихий океан.

До 180-го меридиана Байрон следовал несколько севернее маршрута Роггевена. Однако в архипелаге Туамоту он кое-где шел буквально по следам Роггевена. На рифах атолла Такапото (Байрон назвал его островом Кинг-Джордж) он нашел остатки вельбота с затонувшего здесь корабля «Африканске Галей». Байрон вторично открыл атолл Манихи (Принс-оф-Уэлс) и, вероятно, первым побывал на атоллах Напука и Тепото, которые он назвал островами Дисаппойнтмент (Разочарования) (см. карту на стр. 174).

Открыв 21 июня 1765 г. острова северной группы Кука (острова Дейнджер; возможно, острова эти были в 1595 г. уже открыты Менданьей), Байрон прошел к северо-западу и

открыл самый северный остров в группе Токелау — остров Атафу, или Дюк-оф-Йорк.

Взяв на 6° ю. ш. и 180° курс на северо-северо-запад, Байрон прошел к востоку от островов Гилберта (где он открыл лишь один остров, который ныне носит название Нукунау) и Маршалловых островов. Примерно на 175° в. д. и на 8° с. ш. он повернул на запад, достиг Марианских островов и затем, пройдя между Лусоном и Тайванем, проследовал через Южно-Китайское море к островам Малайского архипелага, а оттуда мимо мыса Доброй Надежды прошел в Англию.

Плавание Байрона в чисто географическом отношении дало сравнительно немного. Но этот сквозной рейд через Тихий океан, совершенный в чрезвычайно сжатые сроки, весьма обнадежил Британское адмиралтейство. Решено было немедленно отправить большую экспедицию по маршруту Байрона.

Уоллис и Картерет. Открытие острова Таити

В 1766 г. в Тихий океан была направлена экспедиция капитана Сэмуэла Уоллиса, в распоряжение которого были предоставлены два корабля: «Дельфин» и «Сваллоу». Командиром «Сваллоу» был назначен капитан Филипп Картерет. В секретных инструкциях Уоллису вменялось в обязанность отыскать Южный материк и ввести его во владение британской короны.

Уоллис имел опыт плаваний в Атлантическом океане. Картерет участвовал в экспедиции Байрона в качестве одного из его помощников. Оба командира вполне отвечали целям экспедиции, чего, однако, нельзя сказать о шлюпе «Сваллоу» — ветхом судне, которое никак не могло угнаться за «Дельфином». Уоллис и Картерет покинули Плимут в августе 1766 г. и 17 декабря дошли до Магелланова пролива, но из-за противных ветров задержались в нем до 11 апреля 1767 г. У западного выхода из пролива решено было плыть дальше раздельно. Требование секретной инструкции при выходе из Магелланова пролива держаться как можно более к югу оказалось, как этого и следовало ожидать, невыполнимым, и Уоллис, пройдя на северо-запад около 800 миль, направился на север примерно вдоль 95° з. д. Повернув затем к востоку от острова Пасхи на северо-запад, он до 130° з. д. шел вдоль 20 — 19° ю. ш. на запад. Это была трасса, весьма выгодная для открытий. 6—13 июня 1767 г. Уоллис вступил в центральную часть архипелага Туамоту, где открыл пять островов (Пинаки, Нукутаваке, Параоа, Мануханги и Ненгоненго; он дал им соответственно названия Уитсандей, Куин Шарлотт, Эгмонт, Глостер, Кемберленд), затем дошел до островов Общества и 17 июня открыл остров, названный им Осна-

бург (Мехетиа). 18 июня он увидел берега Таити, а 23 июня вошел в бухту Матаваи на северо-западном берегу этого острова, которую назвал гаванью Порт-Ройял. Это было самое значительное открытие, совершенное в Океании после Тасмана. Разумеется, остров Таити был объявлен владением британской короны.

Таитяне радушно встретили чужеземных гостей, но эти первые контакты с европейскими «цивилизаторами» оказались весьма пагубными для островитян. Европейцы занесли на Таити болезни, в частности венерические.

Открыв атоллы Увеа западнее островов Гилберта и атоллы Ронгерик и Ронгелап в Маршалловом архипелаге, Уоллис через Батавию и Капстадт (так в то время назывался город Кейптаун, который в XVII в. был голландской опорной базой на южной оконечности Африки) проследовал в Англию, куда прибыл 20 мая 1768 г.

Картерет от Магелланова пролива направился на север, прошел мимо острова Хуан-Фернандес и на 25° ю. ш. повернул на запад. Он шел южнее всех мореплавателей XVI и XVII вв. и оставил к северу от себя остров Пасхи и архипелаг Туамоту. 2 июля 1767 г. на 25° ю. ш. и 130° з. д. он открыл одинокий островок, названный по имени матроса, который первым его заметил, островом Питкэрн. Через тридцать с лишним лет на этот остров высадилась мятежная команда английского брига «Баунти», которой уже не суждено было возвратиться на родину...

На самой южной окраине Туамоту Картерет открыл группу островов Дьюк-оф-Глостер. От 165° з. д. Картерет, корабль которого находился в очень скверном состоянии, вынужден был отклониться к северу. 12 августа 1767 г. он открыл остров Ваникоро в группе Санта-Крус, а спустя восемь дней вступил в воды Соломоновых островов, «утерянных» испанцами после первого плавания Менданьи. Здесь он вторично открыл остров Ндаи, на котором в 1595 г. погиб Менданья, и остров Малаиту, положил на карту небольшие острова Манаобу, Килинаилау и Бука (на картах Картерета острова Гоуер, Симпсон, Найн-Айлендс, Уинченсли).

Далее Картерет направился к Новой Гвинее, севернее ее прошел через пролив Сент-Джордж (который Дампир счел заливом) и установил, что Новая Британия состоит из двух островов. Северному острову он дал название Новой Ирландии. Он открыл пролив Байрона, отделяющий Новую Ирландию от острова Лавонгай (Картерет назвал остров Лавонгай Новым Ганновером). Вторично открыв острова Ниниго, на которых уже в XVI в. побывали либо Сааведра, либо Ортис де Ретес, Картерет направился сперва к острову Минданао, а затем к Сулавеси. Там он пробыл полгода, с декабря 1767 по май 1768 г.,

и еще три месяца находился в Батавии, где ремонтировался корабль. Только 20 мая 1769 г., ровно год спустя после возвращения «Дельфина», Картерет прибыл в Англию.

Записки одного из участников экспедиции Уоллиса были изданы в 1948 г. (34 а).

Уоллис и Картерет, сами того не подозревая, были участниками решающего сражения англо-французской «холодной войны», которое разыгралось на Тихом океане в 1767—1769 гг.

Бугенвиль. Открытия в архипелаге Туамоту и в морях Меланезии

Одновременно с Уоллисом и Картеретом в Тихий океан вторгся французский мореплаватель Луи Антуан де Бугенвиль (о нем уже упоминалось ранее в связи с англо-французской борьбой за Фолклендские острова). Бугенвиль в 1765 г. вынужден был эвакуировать основанную им на этих островах колонию.

Он возвратился во Францию как раз в то время, когда в Париже приступили к разработке проектов широкой экспансии в Тихом океане. Франция с 1733 г. была теснейшим образом связана с Испанией, и обе эти державы вели и в Европе, и за ее пределами совместную борьбу с Англией. Шуазель, потерпев поражение при попытке овладеть Фолклендскими островами, совместно с Бугенвилем наметил такой план вторжения в Тихий океан, который сулил Франции значительные преимущества. Решено было использовать базы в испанских колониях в Америке, и Бугенвиль отправился в Испанию для соответствующих дипломатических переговоров. Весной 1766 г. он заручился в Мадриде необходимой поддержкой и сразу же приступил к снаряжению экспедиции.

Экспедиция эта должна была обследовать моря и земли между западными берегами Южной Америки и Ост-Индией, найти там надежные опорные базы и отыскать неуловимую Южную Землю Святого духа, опередив во всех этих поисках британских конкурентов.

Бугенвиль не был моряком по профессии. В юности он изучал юридические науки и одновременно под руководством знаменитого французского математика д'Аламбера осваивал точные науки. В 1752 г. в возрасте двадцати трех лет он завершил «Трактат об интегральном исчислении», который получил высокую оценку в ученом мире. В следующем, 1753 г. он сменил мантию адвоката на мундир королевского мушкетера. Подобно Арамису он был мушкетером-дипломатом и в 1755 г. накануне Семилетней войны появился в Лондоне в качестве секретаря французского посольства. В Англии его математические труды

получили столь высокую оценку, что Королевское общество приняло его в свои ряды. В годы Семилетней войны Бугенвиль отлично зарекомендовал себя на полях сражений в Канаде. Солдат и ученый, дипломат и юрист, он придал своей экспедиции в Южные моря характер широко задуманного научного предприятия. В ее состав вошел выдающийся ботаник Филибер Коммерсон. Намечен был план исследований магнитных явлений, приливных течений и ветров. В ходе экспедиции нужно было составить серию точных карт Магелланова пролива и ряда тихоокеанских островов. Бугенвиль описал свое плавание в книге «Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль», которая заслуженно признается одним из наиболее выдающихся произведений географической литературы XVIII в. *

Бугенвиль вышел из Сен-Мало в ноябре 1766 г. на фрегате «Будёз». Он прибыл в Буэнос-Айрес и оттуда с двумя испанскими судами направился к Фолклендским островам. Затем проследовал в Рио-де-Жанейро, где его ждало транспортное судно «Этуаль». В июле 1767 г. Бугенвиль покинул Рио-де-Жанейро и в январе 1768 г. через Магелланов пролив проследовал в Тихий океан.

По тому же пути, что и Уоллис, Бугенвиль прошел через архипелаг Туамоту, где с 22 марта по 26 марта 1768 г. открыл атоллы Вахитахи, Акиаки, Хикуэру и Хараики (острова Катр Фокардин, Лансье и Арф на картах Бугенвиля). 2 апреля Бугенвиль ввел свои корабли в бухту, расположенную на северо-восточном берегу Таити, а 15 апреля он отправился в дальнейший путь, предварительно объявив остров французским владением. Этот акт он, однако, совершил на девять месяцев позже Уоллиса. Он взял с собой таитянина Ахутору, брата местного вождя, который побывал затем во Франции и умер на обратном пути к берегам своей родины.

Луи Антуан де Бугенвиль

* В 1961 г. этот труд был впервые издан на русском языке (2).

На Бугенвиля и его спутников остров Таити произвел потрясающее впечатление. Коммерсон, современник и единомышленник Жан-Жака Руссо, писал: «Остров этот предстал предо мною в таком свете, что я назвал его Утопией или Страной счастливых, то есть так, как окрестил свою идеальную республику Томас Мор... Рожденные под прекраснейшим небом, вскормленные плодами несметно богатой земли, которая щедра, даже не будучи возделанной, управляемые скорее отцами семейства, чем королями, жители этой страны знают одного только бога, и имя ему Любовь» (19, стр. CLXXIII).

Бугенвиль гораздо суше и трезвее оценил уклад жизни этой «Страны счастливых». «Различие в рангах, в общественном положении и жестокое неравенство, — писал он, — глубоко укоренились на Таити» (2, стр. 185). Но его, так же как и Коммерсона, очаровала красота этого утопающего в зелени острова, «прелесть которого художнику никогда не удастся передать кистью». Жилища и каноэ таитян, их мореходные навыки вызвали у Бугенвиля искреннее восхищение.

Следуя от Таити на запад, Бугенвиль попал на острова Мануа и Тутуила в архипелаге Самоа, открытом в 1722 г. Роггевеном. Покинув Самоа (Бугенвиль назвал эти острова архипелагом Мореплавателей), экспедиция направилась на запад по маршруту Кироса и открыла 22—23 мая 1768 г. восточнее Земли Святого духа Кироса четыре небольших острова: Меро-Лава, Аоба. Пентекост и Маэво (они соответственно получили название Пик-Этуаль, Омор, Пентекост и Лепре). Три дня спустя корабли подошли к гористой земле, которую Бугенвиль справедливо счел Землей Святого духа. Но по ряду признаков можно было заключить, что она представляет собой не часть материка, а остров. Всю совокупность островов, открытых 22—27 мая на 14—15° ю. ш. и 168—169° в. д., Бугенвиль назвал архипелагом Больших Киклад. «Мы, — писал Бугенвиль, — конечно, имели все основания полагать, что южная часть Земли Святого духа есть не что иное, как архипелаг Больших Киклад (или Циклад), который Кирос принял за материк и описал в романтическом духе» (2, стр. 205).

Чтобы удостовериться в островном положении Земли Святого духа, Бугенвиль направился на запад вдоль 15° ю. ш. Оказалось, что к западу от Больших Киклад простирается открытое море. Бугенвиль шел в этих водах с 29 мая по 6 июня. Однако на 150° в. д. дальнейшее продвижение на запад оказалось невозможным из-за мелей. Бугенвиль подошел к банке, лежащей близ внешней стороны Большого Барьерного рифа. Он назвал ее мелью Диана. От этой банки Бугенвиль направился на север к Новой Гвинее. Хотя он не мог пробиться через Большой Барьерный риф и, следовательно, не дошел до восточных берегов Новой Голландии, в результате его от-

крытия стало очевидно, что эта огромная земля простирается на восток отнюдь не так далеко, как то представлялось ранее географам. Обойдя юго-восточную оконечность Новой Гвинеи, Бугенвиль к востоку от нее открыл густую россыпь мелких островков и атоллов, которую назвал в честь Людовика XV архипелагом Луизиада. К северо-востоку от них он отыскал открытые Менданьей Соломоновы острова. Это было очень существенное открытие. Бугенвиль и Картерет положили на карту мира острова, споры о которых велись географами два столетия. Это вторичное открытие было одним из наиболее выдающихся достижений обеих экспедиций — французской и английской. Бугенвиль прошел между двумя островами этого архипелага — Бугенвиль и Шуазель, через пролив, впоследствии названный его именем, и, обогнув Новую Ирландию, вышел в середине августа 1768 г. к северному берегу Новой Гвинеи на 141° в. д. Затем он направился к острову Буру (Молуккские острова), где дал отдых команде. 28 сентября он прибыл в Батавию, а затем направился к острову Маврикия и, следуя мимо мыса Доброй Надежды, 16 марта 1769 г. возвратился во Францию. В Атлантическом океане суда экспедиции нагнали корабль Картерета, но, только возвратившись на родину, Бугенвиль узнал, что в морях, омывающих Новую Гвинею, он во многих местах шел по следам своего английского соперника.

Корабли Бугенвиля были первыми французскими судами, совершившими кругосветное плавание. Следует отметить, что по своим результатам французская экспедиция превосходит все три британских кругосветных плавания — Байрона, Уоллиса и Картерета, предпринятые в 1764—1769 гг. Бугенвиль открыл ряд островов в архипелаге Туамоту, вторично (вслед за Роггевеном) совершил открытие островов Самоа, открыл архипелаг Больших Киклад, который, как вскоре выяснилось, был частью большого архипелага Новых Гебрид, и подорвал концепцию киросского Южного материка. Он открыл к западу от Новых Гебрид мель Диану и архипелаг Луизиада, острова Бугенвиль, Бука и Шуазель в группе Соломоновых островов, честь вторичного открытия которых он разделяет с Картеретом. Он обследовал берег Новой Британии и впервые положил на карту ряд островов в Новогвинейском море, в частности острова Ниниго, которые впервые открыты были, видимо, Ортисом де Ретесом в 1545 г. Бугенвиль вышел в плавание, полностью разделяя взгляды сторонников теории Южного материка. Но по возвращении во Францию он нанес жестокий удар умозрительным географам. «География, — писал он, — наука фактов. Дух системы, не выходящий из стен кабинета, не может ничего дать, не впадая в грубейшие ошибки...» «Я, — говорил он, — путешественник и моряк, то есть лгун и глупец в глазах той клики

ленивых и надменных писателей, которые в тиши своих кабинетов бесконечно философствуют о мире и его обитателях и упорно пытаются подчинить природу своим вымыслам» (2, стр. 31).

«Теория равновесия» и мифический Южный материк

Оценивая ход открытий в Тихом океане, легко установить весьма любопытную закономерность. Все мореплаватели, которые следовали через Магелланов пролив или в обход мыса Горн, совершали переходы через Тихий океан в сравнительно узкой полосе, которая протягивалась на север между 80 и 100° з. д. до 25° ю. ш. — южной границы восточных пассатов, а затем пересекала всю Восточную и Центральную Океанию в интервале между 8 и 25° ю. ш. Только от 180-го меридиана маршруты мореплавателей расходились либо к северо-северо-западу, к Марианским островам, либо к западу с отклонением на север, к Новогвинейскому морю, омывающему северные берега Новой Гвиней. О причинах этого постоянства сквозных тихоокеанских плаваний мы упомянули, говоря о пути, избранном Магелланом.

Поскольку западные ветры высоких широт южного полушария не позволяли мореплавателям после выхода в Тихий океан проникать далеко на юг, огромное пространство между мысом Горн и Новой Зеландией к югу от трассы Картерета оставалось «белым пятном». Кроме того, несмотря на огромные успехи точных и естественных наук в первой половине XVIII в., идея Южного материка получила в это время не только всеобщее признание, но и строгое теоретическое обоснование. Сторонниками ее оказались многие выдающиеся и передовые ученые, и их авторитет оказывал огромное влияние на организаторов и участников тихоокеанских плаваний. Древние теории Помпония Мелы и Макробия обрели «строго научную» оболочку.

В середине XVIII в. известный французский математик и астроном Пьер Луи Мопертюи развил теорию равновесия материковых масс, согласно которой их площадь в северном и южном полушарии должна быть примерно одинаковой. Но так как лежащие к югу от экватора части Южной Америки и Африки по размеру своему не могли сравниться с колоссальными материками северного полушария, Мопертюи для создания равновесия нуждался в равновеликой суше в южном полушарии. Таким массивом суши и был, по его мнению, Южный материк. Мопертюи указывал, что площадь этого материка равна 10 млн. кв. лиг, то есть 180 млн. кв. км. Напомним, что территория Австралии составляет всего лишь 7704 тыс., а Антарктиды 13 176 тыс. кв. км. Аналогичные идеи развивал соотечественник Мопертюи президент Дижонского пар-

ламенты (так назывались во Франции до революции 1789 г. судебные учреждения) Шарль де Бросс, один из крупнейших французских географов XVIII в. Де Бросс, анализируя результаты плаваний XVI, XVII и первой половины XVIII в., охотно признавал, что большинство мысов, берегов и островов, открытых в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах, действительно не связаны с Южным материком. Но, опираясь на теорию равновесия, он утверждал, что к югу от Старого Света на пространстве 8—10 млн. кв. лиг должен быть массив суши, равный по площади всей Азии. Подобно Мопертюи де Бросс считал, что этот массив, несомненно, населен и что ради блага науки и процветания французской державы следует как можно скорее приступить к его освоению. Де Бросс полагал, что Южная Земля Святого духа Кираса — это восточная часть Новой Голландии, небольшого по сравнению с Южным материком и не связанного с ним массива суши. Идеи Мопертюи и де Бросса целиком разделял виднейший французский натуралист Жорж-Луи Бюффон (13, 19).

В Англии видный историк, географ и публицист Джон Кемпбелл был пламенным пропагандистом теории Южного материка. «Из данных путешествий Тасмана, — писал Кемпбелл, — непереложно явствует, что Новая Гвинея, Карпентария, Новая Голландия, Земля Антония Ван Димена и земли, открытые Кирасом, образуют единый материк, от которого Новая Зеландия, видимо, отделена проливом. И должно быть, она [Новая Зеландия] есть часть другого материка... который достигает 44° ю. ш. и протягивается по долготе от 122 до 188°, образуя очень большую землю» (19, LXXIV). Но его интересовал не столько этот материк, границы которого он так точно обозначил, сколько Новоголландская суша; будучи ярким противником системы торговых монополий, и в частности Ост-Индской компании, он видел в этом малом Южном материке благодарный объект для «вольной» колонизации. Кемпбелл возбудил в Англии огромный интерес к Тихому океану.

Особое место в ряду сторонников и пропагандистов теории Южного материка занимает Александр Дальримпль. Работая в качестве гидрографа Ост-Индской компании в Мадрасе, Дальримпль около 1764 г. ознакомился с бумагами одного умершего там моряка, Уильяма Робертса. Робертс в 1762 г. участвовал в десантных операциях британского флота, в результате которых была взята Манила, центр филиппинской колонии Испании. В документах Робертса Дальримпль нашел копию памятной записки испанского адвоката Арриаса, жившего в начале XVII в. в Сантьяго (Чили). Записка была адресована королю Филиппу III и содержала подробное описание плавания Торреса, о котором до тех пор решительно ничего не было известно. В 1767 г., возвратившись в Англию, Дальримпль написал

небольшой памфлет: «Сообщение об открытиях, совершенных в Южном Тихом океане до 1764 г.», в котором развивал свои мысли о Южном материке и привел данные о плавании Торреса и об открытии им пролива между Новой Гвинеей и Новой Голландией (13, 19).

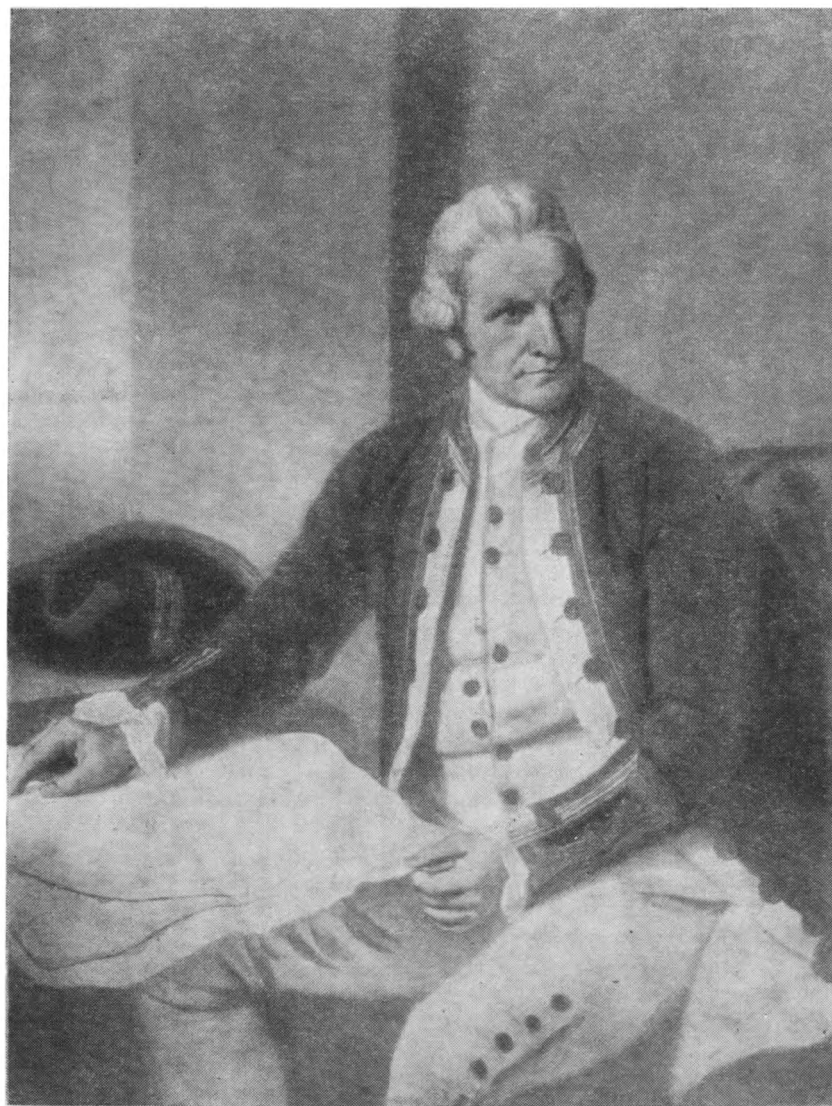
Дальримплэ считал, что Южный материк простирается от Новой Зеландии на западе до 80° з. д. на востоке, что на 40° ю. ш. составляет 4596 географических, или 5323 статутных, миль. «Материк этот, — писал Дальримплэ, — больше всей цивилизованной части Азии от Турции до восточной оконечности Китая» (19, стр. СII). Дальримплэ рассчитал, что на этом материке проживает пятьдесят миллионов жителей, в двадцать пять раз больше, чем в американских колониях. Следовательно, захватив столь населенные земли, Англия компенсирует возможную утрату американских владений, в которых в ту пору уже назревало восстание против британского господства. Дальримплэ для доказательства своих гипотез весьма ловко комбинировал данные открытий Тасмана, Роггевена и других испанских, английских и голландских мореплавателей, которые якобы открывали те или иные земли, по всем признакам являвшиеся частями Южного материка.

Таким образом, к концу 60-х годов XVIII в. карта южного полушария с гигантским Южным материком и с его спутником Новой Голландией (восточные берега ее нанесены были на 2 тыс. км восточнее их истинных пределов) давала совершенно ложные представления о географии южной половины земного шара. Многочисленные же тихоокеанские экспедиции, трассы которых неизменно проходили в пределах узкой S-образной полосы, не могли ни подтвердить, ни опровергнуть эти положения. Вместе с тем в Англии и во Франции считали необходимым как можно скорее прибрать к рукам вероятный Южный материк и действительные или возможные морские пути в южном полушарии.

В этой обстановке и зародился проект первой экспедиции Джемса Кука, мореплавателя, которому суждено было совершить переворот в географических представлениях о морях и землях южного полушария. Первая экспедиция Кука была ответом на кругосветный поход Бугенвиля, и от результатов бескровного сражения этих мореплавателей зависел исход первой фазы англо-французского поединка в Южных морях.

Кук. Первое плавание. Открытие восточного побережья Австралии

Джемс Кук родился 27 октября 1728 г. в семье батрака-поденщика в йоркширской деревушке Грейт-Мортон. Семнадцати лет он поступил приказчиком в бакалейную лавку в при-

Джемс Кук

морском поселке Стейтс. Здесь он пробыл немногим более года и в июле 1746 г. поступил учеником к судовладельцу Джону Уокеру из йоркширского порта Уитби. Суда Уокера перевозили нортумберлендский уголь из Уитби в Лондон, и Кук был определен на корабль-угольщик «Фрилав». Уитби славился судами этого типа, очень прочными, обладающими небольшой осадкой и легкими в управлении. Угольщики курсировали в мелких водах у восточных берегов Англии, и вождение их было подлинным искусством. Служба на «Фрилаве» была поэтому трудной, но хорошей школой для Кука. Спустя два года хозяева перевели Кука на корабль «Три Бразерс», на котором Кук плавал в Голландию и Норвегию. Затем Кук служил на судне другой фирмы «обученным матросом» (able seaman) и побывал в портах Балтики (в частности, в Санкт-Петербурге), а с 1752 г. был принят помощником штурмана на один из кораблей фирмы Уокер.

Хотя формально Семилетняя война началась в 1756 г., летом 1755 г. уже развернулись боевые действия на море, и английские и французские каперы вышли на охоту за торговыми кораблями. Молодых моряков торгового флота записывали на военно-морскую службу в принудительном порядке, и, быть может желая избежать насильственной вербовки, Кук, находясь в июле 1755 г. в Лондоне, поступил добровольцем на военный флот. Первоначально он был зачислен «обученным матросом» на шестидесятипушечный корабль «Игл», стоявший в Портсмуте, а летом 1757 г. он был назначен штурманом на шестидесятичетырехпушечный корабль «Пемброк».

«Пемброк» в 1758 г. в составе большой флотилии, на которой направлялись в Канаду английские экспедиционные части, совершил переход через Атлантический океан. В следующем, 1759 г. Кук блестяще провел в очень трудных условиях работы по промеру фарватера реки Св. Лаврентия; во многом эти работы обеспечили успех наступательных операций британского флота, благодаря которым была взята столица Канады Квебек. После падения Квебека Кук был назначен в сентябре 1759 г. на корабль «Нортумберленд» — флагман флотилии контр-адмирала Александра Коковилла. Всю зиму 1759/60 г. судно простояло в порту Галифакс, где в часы досуга Кук основательно изучил математику и астрономию. Осенью 1762 г. Кук блестяще выполнил задание по топографической съемке бухты Пласеншия на Ньюфаундленде и обследовал западное побережье острова.

В 1763 г. по окончании Семилетней войны Кук руководил работами по съемке побережья островов Сен-Пьер и Микелон, близ южного побережья Ньюфаундленда. В 1764 г. он был назначен командиром корабля «Гренвилл». На «Гренвилле» Кук провел работы по съемке различных участков побережья Нью-

фаундленда. В 1765 г. он на короткое время был откомандирован в Вест-Индию, где составил лоции Гондурасского залива.

В 1766 г. Кук на острове Бургео у юго-западной оконечности Ньюфаундленда провел наблюдение солнечного затмения. Имя Кука было уже известно и адмиралтейству, и Королевскому обществу, и поэтому его кандидатура на пост командира экспедиционного корабля, выдвинутая в конце марта или в начале апреля 1768 г., была одобрена Советом адмиралтейства.

Вот, собственно, все, что известно о Джемсе Куке до того момента, когда он стал капитаном «Индевра». Эти сухие и отрывочные биографические данные достаточны для послужного списка, но не могут дать сколько-нибудь отчетливого представления о личных качествах знаменитого мореплавателя. «Знания, опыт, проницательность, — писал его соратник капитан Джемс Кинг, — помогли ему так всесторонне овладеть своей профессией, что величайшие препятствия преодолевались и самые трудные плавания стали легкими и почти безопасными под его руководством». Эти знания, опыт и проницательность Кук приобрел, «протаскивая себя» (это его собственное выражение) через все стадии морской службы. Бесспорно, «угольщики» Джона Уокера и плавание у берегов Ньюфаундленда, Новой Шотландии и Гондураса были превосходной школой, а тяжелые на руку йоркширские боцманы отличными учителями.

Но не только опыт, знания и суровая закалка «низовой» службы завоевали Куку безграничное доверие его спутников. Гораздо большую роль сыграли не благоприобретенные качества Кука, а его природные дарования. Кук обладал ясным и независимым умом, и это позволяло ему не поддаваться гипнозу авторитетов и традиционных теорий. Вместе с тем он никогда не оказывался в плену фактов и, анализируя их с холодной настойчивостью, приходил к простым и здравым выводам. Отличительными чертами его характера были спокойное мужество, твердость и необыкновенная работоспособность. «Скрытая» энергия Кука заражала всех его подчиненных.

Формальным поводом для снаряжения новой английской экспедиции в Южные моря было редкое в астрономических летописях событие — прохождение Венеры через солнечный диск, которое можно было наблюдать у Северного полярного круга и в тропических широтах южного полушария 3 июня 1769 г. Для астрономов наблюдение за прохождением Венеры имеет огромное значение. Отмечая в различных пунктах земного шара моменты контакта планеты и солнечного диска, они получают данные, которые позволяют определить расстояние от Земли до Солнца. Для адмиралтейства, весьма мало интересовавшегося столь отвлеченными материями, это астрономическое событие было удобным предлогом для новой вылазки в Тихий океан.

В марте 1768 г. началось комплектование экспедиции, и в йоркширском порту Уитби был приобретен корабль «Индевр».

20 мая возвратился Уоллис. Он немедленно передал адмиралтейству отчет о своем плавании. Как только стало известно об открытии им острова Таити, адмиралтейство избрало этот остров опорным пунктом для астрономических наблюдений.

Куку вручено было две инструкции. Вторая инструкция сверхсекретная. В ней указывался тот маршрут, которым экспедиция должна была следовать в Тихом океане после окончания астрономических наблюдений на Таити. Кук должен был вести поиски Южного материка между островом Таити и 40° ю. ш. Инструкция рекомендовала, в случае если материк не удастся обнаружить, направиться к Новой Зеландии, обследовать ее, положить на карту берега этой земли и затем возвратиться в Англию, обогнув либо мыс Доброй Надежды, либо мыс Горн (5, стр. 55).

Помимо географических указаний инструкция содержала требования политического характера. Нужно было вводить с согласия (1) туземцев все новооткрытые земли во владения Великобритании, повсеместно составлять «инвентарные описи» богатств этих земель — лесов, руд, драгоценных камней, плодов и семян — и попутно приобретать местных жителей к цивилизации, «вручая им в дар безделушки, каковые могут быть у них в цене, и привлекая их к торговле». Все необитаемые земли нужно было немедленно вводить «во владения его величества в качестве первооткрывателей и первовладельцев, устанавливая при этом необходимые надписи и знаки».

Корабль «Индевр», на котором отправлялась экспедиция, был сооружен в 1764 г. в доках Уитби, приморского городка в Йоркшире, где началась «морская жизнь» Кука. Тоннаж «Индевра» составлял всего лишь 375 т, длина по килю не превышала 35 м, наибольшая ширина была 9 м с лишним. Для сравнения напомним, что водоизмещение флагмана первой флотилии Колумба «Санта-Марини» было 120 т при длине по килю 18,5 м и ширине 7,8 м.

На «Индевре» было девяносто восемь человек. Руководителем ее научной части стал молодой натуралист Джозеф Бенкс. В состав экспедиции включены были шведский ботаник Даниэль Соландер, астроном Чарлз Грин и художник Сидней Паркинсон.

Кук вышел из Плимута 26 августа 1768 г., 13 ноября «Индевр» отдал якорь в Рио-де-Жанейро и вышел оттуда 7 декабря. 11 января 1769 г. Кук достиг побережья Огненной Земли, прошел проливом Ле-Мер и 25 января 1769 г. миновал мыс Горн. В начале апреля он вступил в воды архипелага Туамоту. 4 апреля «Индевр» прошел мимо островов Вахитахи (Лагун-Айленд в дневнике Кука) и Акиаки (Трум-Кеп у Кука, Будаур

у Бугенвиля), 6 апреля замечен был остров Хао (Боу у Кука), 7 апреля корабль проследовал мимо острова Рейтору (Берд-Айленд у Кука). Все эти острова были уже открыты до Кука, так как примерно вдоль 18° ю. ш. на участке от 139 до 140° з. д. проходили трассы маршрутов Уоллиса и Бугенвиля. В этих же широтах проследовал в начале 1606 г. на пути к Южной Земле Святого духа Кирос.

10 апреля Кук достиг архипелага Общества и прошел мимо острова Мехетиа, открытого в 1767 г. Уоллисом. 13 апреля показались берега острова Таити. В тот же день Кук ввел «Индевр» в гавань Матаваи. 3 июня были проведены наблюдения за прохождением Венеры через солнечный диск и затем обследованы на шлюпках берега Таити.

В июле, то есть в середине зимы, было преждевременно приступить к выполнению второй части программы — рейсу в более высокие широты южного полушария, поэтому Кук решил предварительно обследовать острова, лежащие к западу от Таити. Весь архипелаг, в центре которого расположен остров Таити, он назвал островами Общества.

Выйдя из бухты Матаваи 13 июля, Кук с 16 июля по 9 августа обошел всю группу Подветренных островов архипелага Общества (острова Хуахине, Раиатеа, Тахоа, Борабора). 9 августа Кук покинул остров Раиатеа (Ульетеа его дневников) и направился на юго-запад в точном соответствии с требованиями секретной инструкции адмиралтейства.

В плавании у островов Общества неоценимую помощь оказал Куку уроженец острова Раиатеа молодой жрец Тупиа, изъявивший желание сопровождать гостей в Англию. Тупиа, хранивший в памяти сведения о многих, в ту пору еще не известных европейцам островах Океании, оказался истинной находкой для Кука; несомненно, что составленная Тупиа карта во многом определила программу исследований Океании, осуществленную Куком во втором плавании. Опираясь на мнение Тупиа, Кук полагал, что между островами Общества и Новой Зеландией нет и не может быть никаких признаков большой земли. И действительно, на пути от Раиатеа до восточного берега Новой Зеландии Кук не встретил примет, указывающих на близость этого мифического континента. Только в начале октября появились наземные птицы — вестники суши, но совсем не той, о которой грезил Мопертью и Дальримплем. 7 октября мальчик-слуга Ник Юнг заметил высокую землю. Это была Новая Зеландия — берег глубокого залива острова. 8—11 октября Кук обследовал этот залив и назвал его бухтой Поверти (Бедности), поскольку морякам здесь ничего не удалось приобрести; 11 октября Кук вывел «Индевр» в море и направился вдоль берега большого залива (названного им заливом Хаукс) на юг.

Пройдя еще немного к югу, 16 октября у мыса Тернегейн (мыс Поворота) Кук повернул к северу и до середины января шел вдоль берегов Северного острова Новой Зеландии против хода часовой стрелки. С 17 по 30 октября он обследовал северо-восточное побережье этого острова, с 30 октября по 30 декабря его северный берег, а в конце декабря и в начале января — западный. С 4 по 15 ноября «Индевр» находился на северном берегу Северного острова в бухте Меркьюри (названной так Куком потому, что 9 ноября здесь проведены были наблюдения за прохождением Меркурия через солнечный диск). Кук ближе ознакомился с хозяйственным укладом коренных жителей Северного острова, с устройством их укрепленных селений — *па*. Здесь лейтенант Джон Гор застрелил островитянина, когда тот отказался дать местную ткань в обмен на таитянскую, причем это преступление осталось безнаказанным. В бухте Меркьюри Кук, как и на Таити, произвел церемонию ввода во владение британской короны новооткрытых земель; лицемерная оговорка инструкции, которая рекомендовала совершать этот акт с согласия туземцев, естественно, не была принята во внимание.

19 ноября Кук вошел в залив Хаураки и обследовал впадающую в него реку, названную им Темзой. 30 декабря он прошел мимо крайней северо-западной оконечности Северного острова — мыса Мария Ван Димен, открытого в 1643 г. Тасманом, и направился на юг вдоль западного берега Северного острова по маршруту Тасмана. Обогнув юго-западную оконечность острова (возвышавшуюся здесь гору — 2517 м — он назвал Маунт-Эгмонт), Кук попал в обширный залив — так определил это водное пространство Тасман. Однако, не полагаясь на показания Тасмана, он углубился в воды этого «залива» и нашел неширокий проход на восток, в ту часть океана, которая омывает восточное побережье Новой Зеландии. Открыв этот проход (ныне пролив Кука), он доказал, что северная часть Новой Зеландии — остров.

8 февраля Кук вышел из пролива и, совершив короткую разведку в северном направлении, повернул к югу. С 9 февраля по 1 апреля он обогнул Южный остров Новой Зеландии и таким образом установил, что Новая Зеландия не часть Южной материка и не единый массив суши, а два больших острова.

За шесть месяцев Кук, большей частью держась близ берега, прошел 2400 миль и составил карту Новой Зеландии. Адмирал Уортон, в 1893 г. впервые издавший дневник первого плавания Кука, справедливо отметил: «...всякий, кому ведомо; сколь трудно плавание вдоль берега, будет изумлен точностью, с которой нанесены контуры Новой Зеландии... Не было случая, чтобы так верно был положен на карту берег земли первым ее исследователем...» К этому следует добавить, что Кук не только

верно нанес очертания береговой линии обоих островов Новой Зеландии, но и высказал ряд ценных соображений о морских течениях близ побережья и об элементах орографии и гидрографии Южного острова.

Бряд ли можно вменить Куку в вину две географические погрешности: он принял полуостров Бенкс на восточном берегу Южного острова за остров и остров Стьюарт, расположенный к югу от Южного острова, счел частью последнего. Вскоре эти ошибки были исправлены другими мореплавателями (см. главу 8).

1 апреля 1770 г., обойдя Южный остров, Кук в сущности выполнил требования обеих инструкций. Он мог со спокойной совестью, не обременяя себя заботами о поисках новых земель, направиться в Англию либо в обход мыса Доброй Надежды, либо по старому своему маршруту в обход мыса Горн. На совете, созванном 31 марта, Кук решительно отверг вариант пути вокруг мыса Горн, поскольку надвигалась зима и переход через Тихий океан в высоких широтах был сопряжен с огромными трудностями. Он не хотел идти к мысу Доброй Надежды отчасти по тем же причинам, но особенно потому, «что нечего было надеяться совершить сколько-нибудь значительные открытия на пути туда» (5, стр. 272). Не зная истинного положения восточных берегов Новой Голландии, Кук тем не менее выдвинул предложение направиться на запад и, дойдя до Новой Голландии, проследовать вдоль ее восточного берега на север, в моря, омывающие Новую Гвинею, а оттуда взять курс на Батавию — Кейптаун.

Это было чрезвычайно смелое предложение, и, приняв его, офицеры «Индевра», сами того не подозревая, вынесли решение огромной важности, ибо самым значительным деянием первой экспедиции Кука было открытие восточного побережья Австралии.

1 апреля от мыса Феруэлл, крайней северо-западной оконечности Южного острова Новой Зеландии, Кук взял курс на северо-запад и 19 апреля на $37^{\circ}48'$ ю. ш. и $149^{\circ}17'$ в. д. достиг восточного берега Новой Голландии. Мыс, замеченный на этом берегу, был назван в честь первого помощника капитана мысом Хикс (это одно из немногих названий, данных Куком, не сохранившихся до нашего времени. Современное его название мыс Эверард).

Кук, имевший при себе английский перевод краткого извлечения из дневника Тасмана, сразу установил, что 19 апреля «Индевр» находился севернее того участка побережья Вандименовой Земли (Тасмании), который был открыт Тасманом в 1642 г. Правда, ни в первом, ни во втором плавании ему не удалось установить, что Вандименова Земля отделена от Новой Голландии проливом; однако он был убежден, что мыс Хикс

лежит севернее того острова или той части Новоголландской Земли, которую Тасман назвал в честь Ван Димена.

20 апреля в разрыве берега открылся широкий залив, куда Кук ввел «Индевр». Это была бухта Ботани-Бей, где экспедиция пробыла до 6 мая. Здесь Кук 28 апреля впервые встретил австралийских аборигенов, уровень развития которых был намного ниже, чем у таитян и новозеландцев. Бенкс и Соландер собрали много образцов неизвестных в Европе растений, и этому обстоятельству бухта обязана своим названием. Семнадцать лет спустя в бухте Ботани-Бей было основано первое европейское поселение в Австралии, вскоре перенесенное на 8 км к северу в бухту Порт-Джексон, где ныне находится город Сидней. 6 мая Кук направился дальше на север, открыл в тот же день бухту Порт-Джексон и проследовал вдоль берега Новой Голландии на север.

В конце мая Кук вступил в чрезвычайно опасную для мореплавателей полосу коралловых рифов и мелей, рассеянных между северо-восточным побережьем Австралии и Большим Барьерным рифом — гигантской коралловой грядой, протянувшейся на 2000 км параллельно побережью. Сперва Кук шел проливом Каприкорн — относительно свободным от мелей проходом между Большим Барьерным рифом и берегом. Но к северу от этого пролива берег и Большой Барьерный риф сближаются, и здесь начинается один из самых опасных на земном шаре участков морского бездорожья. За мысом, которому Кук дал образное название мыса Трибьюлейшн (мыс Невзгод, или Треволнений), «Индевр» 11 июня около 11 часов вечера внезапно наскочил на коралловый риф. Только спустя сутки, полностью разгрузив корабль, удалось снять судно с рифа, но повреждения были настолько велики, что без заделки огромной пробоины в днище нечего было и думать о продолжении плавания. В трудные минуты команда и ее капитан действовали с большим мужеством. Кое-как, используя подручные средства, удалось отремонтировать корабль, причем на это ушло почти два месяца. Только 4 августа «Индевр» снялся с якоря и вышел в путь (предварительно Кук зашел 14 июня в устье небольшой реки — реки Индевр в дневнике Кука, Кук-Харбор современных карт).

На вынужденной двухмесячной стоянке участники экспедиции встретились с австралийскими аборигенами. Здесь же произошло близкое знакомство со своеобразным животным миром Австралии. Хотя Пелсарт и Дампир задолго до Кука открыли австралийских кенгуру, только после первого плавания Кука ученые Европы по чучелу и скелету этого животного ознакомились с любопытнейшим представителем фауны пятого материка.

Покинув устье реки Индевр, корабль оказался в лабиринте рифов и мелей. Приходилось продвигаться с величайшей осто-

рожностью. 50 миль до внешней гряды Барьерного рифа прошли за девять дней, и только 13 августа «Индевр» был введен в узкий канал этой гряды (проход Кука). Однако 16 августа мореплаватели снова подверглись смертельной опасности: течение понесло корабль на буруны, у которых с шумом разбивались высокие волны. Героические усилия команды спасли корабль в самый последний момент, когда он находился всего лишь в 80—100 м от бурунов.

Пройдя через рифы каналом, названным проходом Провидения (Провиденшл-Чаннел), Кук проследовал вдоль северного участка восточного берега Новой Голландии и 21 августа обошел самую северную оконечность Австралийского материка, которую он назвал мысом Йорк.

Этот мыс открыл еще в 1606 г. Янзон, и честь его открытия не может быть приписана Куку. Но, вступив в Торресов пролив, Кук раз и навсегда положил конец спорам по поводу прохода, отделяющего Новую Голландию от Новой Гвинеи. Напомним, что за два года до Кука Бугенвилю не удалось обнаружить проход между Австралией и Новой Гвинеей, а без «визы» Кука ученые вряд ли приняли бы в расчет сообщение об открытии этого прохода Торресом, которое было опубликовано спустя сто шестьдесят три года после плавания Торреса.

21 августа Кук подошел в восточной части Торрессова пролива к группе островов, которые он назвал островами Йорк. Эти острова еще в 1606 г. были открыты Янсоном (острова Маунт-Адольфус современных карт). На следующий день Кук высадился на небольшом острове Поссешен и торжественно ввел во владение Великобритании все открытое им побережье Новой Голландии, которое назвал Новым Южным Уэлсом (в настоящее время так называется только южная часть восточной Австралии). Следуя вдоль южного берега мимо островов, которым Кук дал название Принс-оф-Уэлс, экспедиция прошла через пролив Индевр (Эндевор) в Арафурское море.

Кук направился к Новой Гвинее и 29 августа достиг ее южного берега. Следуя далее к югу от островов Ару и Танимбар, Кук 10 сентября дошел до острова Тимор и 10 октября привел «Индевр» в Батавию. 26 декабря экспедиция, покинув Батавию, направилась к Кейптауну.

В Батавии, когда казалось, что самая трудная часть пути уже позади, на команду обрушились несчастья. Истомленные двухлетним плаванием, моряки почти поголовно были поражены тяжелой тропической лихорадкой, первой жертвой которой оказался Тупиа. Затем на корабле разразилась тяжелая эпидемия, которая унесла много людей при переходе от берегов Явы к Кейптауну. Только за одну «черную неделю» (25 января—1 февраля 1771 г.) на «Индевре» умерло от дизентерии семь человек. Истомленный болезнью, экипаж с огромным трудом

провел корабль через Индийский океан. В Кейптаун «Индевр» прибыл 14 марта. Здесь впервые Кук узнал о посещении Бугенвилем острова Таити в 1768 г. 11 апреля Кук вышел из Кейптауна и 13 июля прибыл в Даунс. Кругосветное плавание, которое продолжалось (с момента выхода из Плимута) два года десять месяцев и семнадцать дней, было успешно завершено.

Существенное различие между маршрутом первого плавания Кука и тихоокеанскими трассами, проложенными его предшественниками и современниками, заключалось в том, что Кук от островов центральной Полинезии направился не на север, а на юго-запад и от Таити совершил переход к Новой Зеландии. До Кука только Тасман плавал в сороковых и тридцатых широтах этой части Тихого океана, но он, следуя от западных берегов Новой Зеландии, вышел к островам Полинезии гораздо западнее Таити, в области островов Тонга и Фиджи. Обойдя Новую Зеландию, Кук не только доказал, что она состоит из двух островов, но и исправил ошибку Тасмана, считавшего ее частью Южного материка. Кук открыл восточное побережье Австралии; это был весьма значительный вклад в географическую науку. После первой экспедиции Кука на картах мира Новая Голландия приобрела истинные очертания: контур ее, в котором до той поры зияла на востоке огромная брешь, замкнулся.

Еще Бугенвиль доказал, что Земля Святого духа Кироса — это не восточная часть Австралийского материка, а группа островов, отделенных от Австралии широким Коралловым морем. В этом море Кук обследовал и нанес на карту внутреннюю западную дугу Большого Барьерного рифа.

Однако всем этим географические результаты первого плавания Кука далеко не исчерпываются. Обследовав моря, омывающие Новую Зеландию и восточные берега Австралии, подытожив все данные о течениях и ветрах в этих водах и в юго-восточной части Тихого океана, Кук убедился, что маршруты Байрона, Уоллиса и Картерета и их предшественников были намечены неудачно. Он прямо говорил: «Я считаю положительно невозможным, чтобы человек, который по своей воле отправляется на поиски Южного материка, придерживался того же пути через эти моря, каким шли мореплаватели до сих пор, преследуя ту же цель, что и он [Ле-Мер]. Поступив так, мореплаватель должен заведомо обречь себя на неудачу, постигшую всех его предшественников» (5, стр. 285—286).

Не случайно во втором плавании Кук шел в высоких широтах южного полушария не с востока на запад, а с запада на восток, как раз в том направлении, в котором в этой части Атлантического, Индийского и Тихого океанов постоянно циркулируют воздушные массы, порождающие океаническое течение Западных Ветров. Именно этот новый маршрут обеспечил

Куку успех его второго плавания и определил дальнейший ход открытий в Южных морях высоких широт.

Что касается тропической и субтропической Океании, то здесь главным «открытием» Кука был Тупиа с его картой островов Полинезии. В сопровождении Тупиа Кук обследовал острова Общества, открытие которых лишь начато было Уоллисом, и нанес на карту главные острова подветренной группы этого архипелага — Хуахине, Раниатеа, Борабора и Тахоа.

После первого плавания Кука возможная северная граница Южного материка опустилась в центральной части Тихого океана к 40° ю. ш.

Трудно переоценить значение исследовательских работ, выполненных Бенксом, Соландером и Паркинсоном. Бенкс и Соландер открыли десятки новых эндемичных видов растений и животных. Зарисовки Сиднея Паркинсона и образцы флоры из гербария Соландера и Бенкса в течение многих десятилетий сохраняли для европейских ботаников первостепенный интерес*. Огромное значение имели этнографические наблюдения, проведенные Куком и его спутниками на островах Общества и в Новой Зеландии.

Географически Австралию открыл не Кук, но именно он открыл и Австралию, и Новую Зеландию для европейской колонизации. Вести о зеленых берегах бухты Ботани-Бей возбудили в Англии огромный интерес к Новой Голландии. В 1788 г. началась колонизация юго-восточной Австралии, и сперва бухта Ботани-Бей, а затем соседняя бухта Порт-Джексон стали очагами британской экспансии на пятом материке. Таковы исторические последствия первого плавания Кука.

Как это ни странно, но дневники первого кругосветного плавания Кука увидели свет лишь сто с лишним лет спустя после завершения этой экспедиции, а первое подлинно научное их издание, осуществленное новозеландским географом и историком Джоном Биглехолом, появилось лишь в 1955 г. (19). В русском переводе дневники первого путешествия Кука изданы были в 1960 г. (5).

Кук. Второе плавание. Южный материк исчезает с карты

Итоги экспедиции Кука не вполне удовлетворили Британское адмиралтейство, и это недовольство Дальримпль усиленно подогревал, утверждая, что к югу от Новой Зеландии и Новой Голландии лежат обширные земли, которые не удалось обнару-

* В 1954 г. вышла в свет работа выдающегося американского ученого Э. Мериалла «The Botany of Cook's voyages», в которой дана оценка замечательных ботанических исследований, проведенных участниками экспедиций Кука.

жить Куку. Кроме того, в адмиралтействе имелись сведения, что в 1769—1771 гг. французы направили в Южные моря три экспедиции. Поэтому было решено как можно скорее послать туда новую экспедицию и командиром ее назначить Кука. Кук возвратился из первого плавания в июле 1771 г., а 28 ноября того же года он уже получил назначение и приступил к снаряжению своей второй экспедиции. На этот раз в плавание отправлялись два корабля: суда-угольщики «Резолюшн» и «Адвенчер». Кук сам подобрал команды кораблей. В эту экспедицию были взяты наиболее способные матросы и офицеры, принимавшие участие в первом плавании, и состав экипажей был гораздо лучше, чем на «Индевре». Командиром «Резолюшн» был Кук, а его помощниками — Кларк и Пикерсгилл, которые прошли великолепную школу на «Индевре». На «Адвенчер» назначен был участник плавания Уоллиса капитан Тобайас Фюрно, который оказался довольно посредственным мореходом.

По числу участников вторая экспедиция вдвое превышала первую. На «Резолюшн» было сто одиннадцать человек, на «Адвенчере» — восемьдесят один. В экспедиции принял участие немецкий ученый Йоганн Рейнгольд Форстер. С ним на «Резолюшн» явился его восемнадцатилетний сын Георг, впоследствии один из наиболее выдающихся европейских натуралистов; этот юноша, только что окончивший санкт-петербургскую гимназию (отец его долгое время работал в России), проявил себя в плавании как выдающийся исследователь. В экспедиции принимали также участие астрономы Уильям Уолс и Уильям Бейли.

Инструкция адмиралтейства вменяла Куку в обязанность сперва направиться в Южную Атлантику на поиски мыса Сирконсисьон, открытого в 1739 г. Буве, который полагал, что земля эта — выступ Южного материка. В случае если мыс Сирконсисьон оказался бы только островом или если бы его не удалось обнаружить, Куку надлежало держать курс на юг и в дальнейших поисках материка пробиваться к Южному полюсу, а затем направиться, придерживаясь высоких широт, на восток в неизведанные части южного полушария. Обойдя таким образом земной шар, он должен был возвратиться в Англию вокруг мыса Доброй Надежды. Поскольку экспедиция была рассчитана не на один год, Куку рекомендовалось на зиму спускаться в более низкие широты и в заранее намеченных пунктах останавливаться на срок, достаточный для ремонта судов и отдыха команды. Разумеется, инструкция требовала, чтобы все новооткрытые земли вводились во владение британской короны.

Таким образом, адмиралтейство все еще надеялось, что Южный материк удастся открыть в пятидесятых широтах Атлантического, Индийского и Тихого океанов.

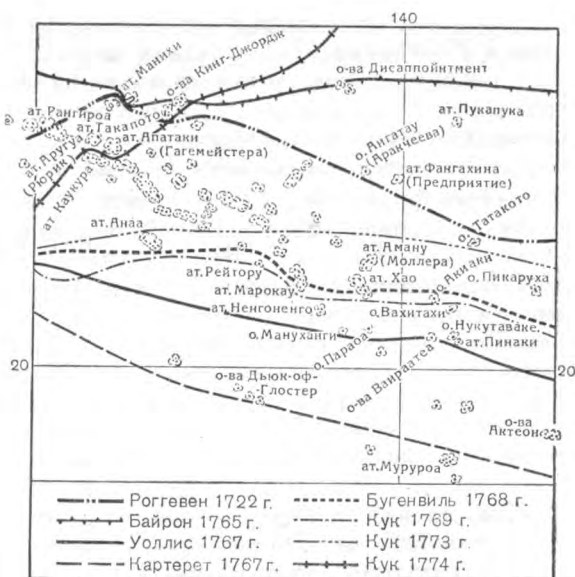
13 июля 1772 г. корабли вышли из Плимутского рейда в открытое море, а 29 октября 1772 г. отдали якорь в Кейптауне. 22 ноября Кук покинул Кейптаун и направился на поиски мыса Сирконсиссон.

После тщетных поисков в пятидесятых широтах Кук прошел на юг, впервые в истории мореплавания 17 января 1773 г. пересек Южный полярный круг, повернул на север, обследовав воды Индийского океана, и направился к Новой Зеландии. По пути корабли разлучились. Капитан Фюрно провел «Адвенчер» вдоль берегов Вандименовой Земли. Пролив, отделяющий ее от Австралии, он счел заливом, а поэтому и саму Вандименову Землю он, как и Тасман, показал на карте как часть Австралийского материка. Не совершив сколько-нибудь значительных открытий, Фюрно дошел до берегов пролива Королевы Шарлотты (ныне пролив Кука; Новая Зеландия), где корабли экспедиции должны были встретиться, в случае если им пришлось бы разлучиться.

26 марта Кук, пройдя с момента выхода из Кейптауна за сто семнадцать дней 3660 лиг (13 тыс. миль), ввел «Резолюшн» в бухту Даски на западном берегу Южного острова Новой Зеландии. Здесь он пробыл до 11 мая, затем обогнул с севера Южный остров и вошел 18 мая в пролив Королевы Шарлотты, где встретился с капитаном Фюрно.

Проще всего было от берегов Новой Зеландии отправиться к месту зимней стоянки — острову Таити, взяв курс на северо-восток. Однако Кук решил направиться сперва на восток вдоль 41—46° ю. ш. и затем уж примерно на 140° з. д. повернуть на север. Ведь именно эта часть Тихого океана еще не была обследована в первом плавании. «Следует признать, — писал Кук, — что зима — сезон мало благоприятный для открытий. Однако я не мог терять времени, так как опасался, что в течение одного лета мне не удастся обследовать южную часть Тихого океана... Даже если бы мне ничего не удалось открыть, я все же надеялся доказать потомству, что в этих морях возможно плавать и осуществлять открытия даже во время глубокой зимы» (6, стр. 170). От берегов Новой Зеландии оба корабля направились, придерживаясь сороковых широт, на восток. С 7 по 17 июля Кук прошел в этом направлении свыше 5 тыс. миль, а затем повернул на северо-запад, прошел близ острова Питкэрн и, посетив в архипелаге Туамоту несколько атоллов, уже ранее открытых Бугенвилем, и открыв атоллы Текоото и Мотутунга, 16 августа прибыл на Таити.

21 августа он записал в своем дневнике: «Поскольку в предыдущем плавании я, как и теперь, пересекал этот океан на пространстве от 40° S и выше, то могу составить суждение... что Южного материка не существует» (6, стр. 182—183).

Маршруты мореплавателей XVIII в. в архипелаге
Туамоту

Зима была на исходе, когда Кук дошел до Таити, и экспедиция пробыла на островах Общества недолго. На острове Хуахине капитан Фюрно взял в Англию юношу, по имени Омаи, а Кук на соседнем острове Раиатеа «завербовал» сверстника Омаи — Ойидиди, который совершил затем круготихоокеанский вояж и в 1774 г. был возвращен на родные острова. Впрочем, оба этих юноши не могли заменить покойного Тупиа, и их сведения о географии Океании были весьма смутны. Однако у Кука была карта, составленная Тупиа, которая сулила новые открытия в водах Полинезии.

17 сентября корабли покинули острова Общества. За лето Кук рассчитывал пройти как можно дальше к югу, но прежде он желал обследовать открытые Тасманом острова Тонга, лежащие к западу от Таити, и снова посетить Новую Зеландию.

На пути к островам Тонга 22 сентября 1773 г. Кук открыл небольшой архипелаг, названный им островами Херви (острова Мануаэ, Те-Ду). На этих необитаемых коралловых островах он решил не задерживаться и проследовал мимо них далее на запад. На островах группы Тонга — Тонгатабу (Амстердаме) и Эуа (Мидельбурге) Кук пробыл с 1 по 7 октября, а затем совершил переход от островов Тонга к Северному острову Новой Зеландии. У восточного входа в пролив Королевы Шарлотты

30 октября корабли экспедиции снова разлучились, на этот раз окончательно.

В бухте Шип-Ков, в проливе Королевы Шарлотты, Кук до 24 ноября ждал «Адвенчер». Затем он вывел «Резолюшн» в открытое море и взял курс на юг*.

Начался второй поход в полярные широты. Кук шел на юго-восток до 24 декабря. «Резолюшн», вторично перейдя Южный полярный круг, дошел до 67° ю. ш. и $138^{\circ}15'$ з. д. Попав во льды и отступив к северу, Кук 11 января 1774 г. снова ринулся на юг. Он шел теперь на юго-восток, и 26 января «Резолюшн» в третий раз на $109^{\circ}31'$ з. д. пересек Южный полярный круг. При свежем северо-восточном ветре Кук до 30 января продвигался к юго-юго-востоку; все чаще и чаще встречались ледяные острова, а в 4 часа утра 30 января на юге замечен был сплошной ледяной барьер. В этот момент «Резолюшн» находился на $71^{\circ}10'$ ю. ш. и $106^{\circ}54'$ з. д. Это был самый южный пункт, которого удалось достичь Куку. Он был 30 января всего лишь в 200 км от материка Антарктиды (полуострова Терстон, вдающегося в море Амундсена).

Моря высоких широт Южного полушария в результате почти двухлетнего плавания были пройдены вдоль и поперек, но никаких признаков Южного материка не удалось обнаружить ни в Индийском, ни в Тихом океанах. Кук мог смело взять курс на мыс Доброй Надежды и в апреле возвратиться в Кейптаун, чтобы оттуда следовать к берегам Англии. Однако 6 февраля 1774 г. он принял решение во что бы то ни стало снова обследовать всю южную часть Тихого океана.

И у ледяного барьера Антарктиды Кук, у которого остался один-единственный корабль, намечает дополнительную программу исследований, которых хватило бы на две тихоокеанские экспедиции. Он решает направиться на север к острову Пасхи, оттуда пройти в тропики, добраться до «остатков» Южной Земли Святого духа Кироса, или Больших Кикладских островов Бугенвиля. Ведь Бугенвиль полностью не опроверг Кироса, который полагал, будто рядом с его Южной землей лежит еще какая-то земля, а следовательно, в этой части Тихого океана остались «белые пятна», которые все еще в глазах сторонников умозрительной географии казались фрагментами пресловутого Южного материка.

От Больших Киклад проще всего направиться к острову Ява, путь туда короткий и совсем недавно пройден Бугенвилем.

* «Адвенчер» был задержан противными ветрами у входа в пролив Кука и только 30 ноября добрался до бухты Шип-Ков. 18 декабря на корабль не возвратилась шлюпка, посланная накануне под командой мидшипмена Рау на берег с десятью моряками. Было установлено, что все десять моряков убиты островитянами. Кук уже в третьем плавании узнал от местных жителей, что ссора с островитянами была вызвана моряками.

Из Батавии же в Лондон ведет торная морская дорога. Но ведь к этому времени снова наступит лето и возможна будет еще одна вылазка в высокие широты. Поэтому не к Яве, а к мысу Горн, а оттуда в холодные моря Южной Атлантики должен будет направиться «Резолюшн», хотя путь от Больших Киклад до Батавии длиной 60° по долготе, а от Южной Атлантики острова эти лежат на расстоянии $170\text{--}200^\circ$. Никто еще не пересекал Тихий океан между Новой Зеландией и мысом Горн? Тем лучше, надо проложить эту трассу, надо проверить, действительно ли попутные западные течения благоприятны для плавания по этому еще никем не разведанному маршруту.

6 февраля 1774 г. Кук отметил в своем дневнике: «Этот замысел казался мне обширным, но я полагал, что осуществить его мне удастся. Когда я сообщил о своем плане офицерам... то с удовлетворением отметил, что они приняли его с радостью... необходимо упомянуть о том, что матросы... отнюдь не желали, чтобы путешествие наше закончилось...» (6, стр. 289).

Итак, план дальнейших исследований в Южных морях был принят, и 7 февраля 1774 г. Кук взял курс на север. Он был убежден, что таинственная Земля Девиса, которую искали в юго-восточной части Тихого океана, — это остров Пасхи, открытый Роггевеном в апреле 1722 г., и, чтобы окончательно убедиться, правильно ли его предположение, решил обследовать этот одинокий, затерянный в океане островок.

11 марта с грот-мачты замечен был остров Пасхи. В подзорную трубу видны были стоящие на берегу гигантские статуи, которые до наших дней приводят в изумление всех исследователей этой загадочной земли. «Резолюшн» находился на $27^\circ 10'$ ю. ш. и $109^\circ 26'$ з. д.

Кук и его спутники оставили очень подробные описания этого загадочного острова, который явно оскудел за те полвека, которые прошли со времени плавания Роггевена. 16 марта Кук от острова Пасхи направился на северо-запад к Маркизским островам. 6 апреля «Резолюшн» вошел в воды этого архипелага, посетил острова, открытые в 1595 г. Менданьей, и очень обстоятельно описал их обитателей.

11 апреля Кук направился к берегам Таити. На пути к Таити 17—20 апреля он обследовал несколько атоллов архипелага Туамоту, уже ранее открытых Байроном, и открыл группу мелких островков (острова Арутуа, Каукура, Тоау) на $15^\circ 30'$ ю. ш. и $146^\circ 30'$ з. д., которую он назвал в честь своего покровителя островами Паллисера. 22 апреля «Резолюшн» отдал якорь в гавани Матаваи.

Началась вторая «зимовка» экспедиции. Подробное описание острова Таити Кук ввел в раздел дневников, где речь идет именно об этой стоянке на острове (апрель — май 1774 г.). Это описание чрезвычайно интересно прежде всего потому, что дает

представление о хозяйстве, культуре, обычаях и нравах таитян на той стадии их исторического бытия, когда тлетворное влияние европейских колонизаторов было еще совершенно ничтожным.

Кук не искал необходимые ему для сравнительной оценки эталоны в произведениях Томаса Мора и Жан-Жака Руссо, но охотно сопоставлял общественный уклад Таити с социальным строем своей родины. Ему не могло прийти в голову, что путешествие в Океанию было экскурсией в иную историческую формацию, которая в Йоркшире или Нортумберленде безвозвратно ушла в прошлое в эпоху британских походов Юлия Цезаря. Поэтому то, что не укладывалось в привычные для англичанина XVIII в. рамки, казалось ему аномалией, вопиющим нарушением «извечных» законов, господствующих в благоустроенном европейском обществе. Таитяне не знали моногамного брака, и Куку казалось, что поведение их легкомысленно. На многих островах Океании не было собственности на землю, и это поразительное обстоятельство совершенно не укладывалось в сознании Кука. Местных вождей он называл королями, таитянских раатира — феодалами. Но его зоркий глаз подметил все особенности полинезийского хозяйства. Описания тропических культур, способов постройки жилищ, приготовления пищи, конструкций одинарных и двойных каноэ так же точны, как карты островов Южных морей, которые приложены к его отчетам.

Отличительной чертой Кука, рационалиста до мозга костей, было презрение ко всем религиям и ко всем служителям религиозных культов. Английский священник и таитянский жрец вызывали в его душе одинаковые эмоции. Поэтому его весьма мало интересовала религия островитян и он не пытался разобраться в ее сущности, хотя он и привел кое-какие любопытные сведения о святилищах (*мараи*) и похоронных обрядах островитян.

Кук и Георг Форстер, наблюдая маневры таитянского флота, в которых участвовало свыше двухсот боевых каноэ (на них было девять тысяч воинов и гребцов), пришли к заключению, что Таити — один из наиболее населенных островов Тихого океана. По подсчетам Кука, на Таити в 1774 г. проживало двести четыре тысячи жителей (Форстер указывает меньшую цифру — сто сорок две тысячи). Даже если допустить, что Кук и Форстер вдвое или втрое преувеличили численность населения острова (что маловероятно), окажется, что Таити в 70-х годах XVIII в. был густонаселенным островом. А спустя сорок лет, когда европейская цивилизация пустила на острове глубокие корни, там оставалось только ничтожно малое число коренных жителей... * «Прогресс» поистине убийственный, и начало

* О. Е. Коцебу в 1824 г. писал, что численность коренного населения Таити не превышает восьми тысяч (О. Е. Коцебу. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1959, стр. 92).

ему было положено в ту пору, когда Уоллис, Бугенвиль и Кук открывали для британских и французских колонизаторов до того еще неизвестные острова Полинезии. Кук в 1773 г. писал, что сифилис, занесенный европейцами, стал истинным бедствием для островитян. В его записках часто упоминается о репрессиях, которые обрушивались на целые округа в тех случаях, когда исчезало какое-нибудь корабельное имущество. В 1773 и 1774 гг. офицеры и матросы так же нагло вели себя по отношению к островитянам, как и в 1769 г. И то обстоятельство, что Таити, Раниатеа, Хуахине, острова Тонга и Новая Зеландия стали постоянными базами британских экспедиций, во многом предредило дальнейший ход колонизации этих земель.

14 мая Кук вышел из бухты Матаваи. Посетив Хуахине и Раниатеа, где экспедиция пробыла до начала июня, Кук 2 июня направился к бывшей Земле Святого духа Кироса. По пути он снова побывал на островах Тонга и 17 июля дошел до искомой земли.

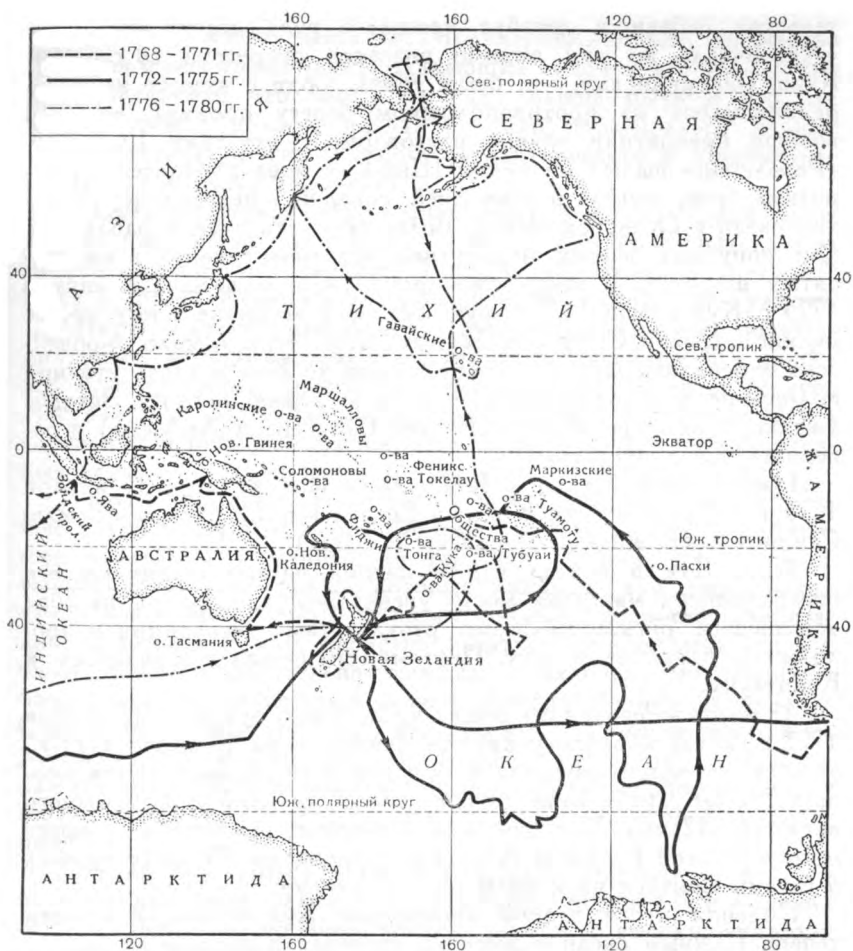
Архипелаг, к которому подошел Кук, образует прерывистую, вытянутую с севера на юг цепь островов, которая протягивается вдоль 167—171° в. д., между 14 и 20° ю. ш. Бугенвиль обследовал только северные острова этой группы. Кук прошел вдоль всего архипелага и открыл ряд островов в его средней и южной частях (острова Малекула, Амбрим, Эпи, Шеперд, Эфате, Эрроманга, Анива, Танна, Анейтьюм). Весь этот архипелаг Кук назвал Новыми Гебридами.

Кук и Георг Форстер дали очень интересное описание обитателей Новых Гебрид, отметив, в частности, что говорят они на многочисленных языках, совершенно несходных с полинезийскими.

20 августа Кук вышел в открытое море и направился на юго-запад. Корабль шел в водах, которые до той поры не посещал ни один европейский мореплаватель. 4 сентября, когда «Резолюшн» был на 20° ю. ш. и 165° в. д., на юго-юго-западе показалась земля. 5 сентября на рассвете открылся на горизонте берег. То был неизвестный остров, который Кук назвал Новой Каледонией. К кораблю подошли каное. И по внешности, и по языку эти люди напоминали новогеебридцев. Впоследствии было установлено, что подобно своим северным соседям с островов Новогеебридского архипелага они относились к меланезийской группе.

Остров этот, узкий и длинный, окаймлен полосой рифов, и Кук тщетно пытался обойти его вокруг. После Новой Зеландии это самый большой остров в Океании. По площади (18,6 тыс. кв. км) Новая Каледония лишь немногим меньше Сицилии.

После открытия южной группы Новых Гебрид и Новой Каледонии Земля Святого духа окончательно исчезла с карт. Теперь никто уже не мог отрицать, что между Австралией и

Маршруты первого, второго и третьего плаваний Джемса Кука

островами Полинезии простирается сплошное водное пространство, кое-где усеянное группами окруженных рифами островов.

Наступала весна, следовательно, приближалось время нового шторма холодных морей. И от берегов Новой Каледонии 3 октября 1774 г. Кук отправился к Новой Зеландии, чтобы оттуда, совершив переход через весь Тихий океан, обследовать «целинные» моря к югу и к юго-востоку от мыса Горн.

10 октября на пути к Новой Зеландии на 29° ю. ш. и $168^{\circ}16'$ в. д. открыт был скалистый необитаемый остров Норфолк. 19 октября «Резолюшн» вошел в бухту Шип-Ков в проливе Королевы Шарлотты. Островитянам известны были все обстоя-

тельства гибели в декабре прошлого года десяти моряков с «Адвенчера», но они, видимо опасаясь репрессий со стороны Кука, сообщили ему, что были убиты люди с чужого корабля, разбившегося на противоположном берегу пролива, а затем вообще прекратили всякие разговоры на эту тему. 10 ноября «Резолюшн» вышел из бухты Шип-Ков и за поразительно короткий срок, тридцать семь дней, совершил переход через Тихий океан к Огненной Земле. Большую часть пути корабль шел при попутных ветрах и попутном западном течении в пятидесятых широтах. В конце декабря 1774 г. и в начале января 1775 г. Кук обогнул Огненную Землю и лежащие к югу от нее мелкие островки. Со времен Схаутена и Ле-Мера немало европейских мореплавателей посетило эти места, но Кук и здесь уточнил положение ряда островов и береговую линию острова Эстадос (жалкого останца Земли Штатов Схаутена и Ле-Мера) и совершил новые открытия.

Направившись далее в Южную Атлантику, Кук 15 января 1775 г. открыл остров Южную Георгию и 31 января «Землю Сандвича» (Южные Сандвичевы острова).

Хотя Кук и считал, что в южной части Атлантического океана поиски материка могут увенчаться успехом, он не считал возможным рисковать всеми результатами экспедиции и продолжать плавание к югу. Поэтому он решил направиться к Кейптауну.

19 марта «Резолюшн» вошел в Столовую бухту. С 22 ноября 1772 г., когда корабли покинули Кейптаун, по 19 марта 1775 г., то есть в течение двух лет и четырех месяцев экспедиция прошла 20 тыс. лиг — путь, почти равный тройной длине земного экватора. 12 мая Кук покинул Кейптаун. Посетив по дороге остров Святой Елены и Азорские острова, он 30 июля прибыл в гавань Спитхед на южном берегу Англии.

Подводя итоги второй экспедиции Кук писал: «Я обошел теперь Южный океан в высоких широтах и пересек его таким образом, что не осталось пространства, где мог бы находиться материк, кроме как вблизи полюса, в местах, недоступных для мореплавания. Дважды посетив тропические моря Тихого океана, я не только уточнил некоторые прежние открытия, но сделал много новых...

Таким образом, я льщу себя надеждой, что задачи моего путешествия во всех отношениях выполнены полностью; южное полушарие достаточно обследовано, и положен конец дальнейшим поискам, проводившимся ради Южного материка, который на протяжении почти двух прошедших столетий неоднократно привлекал внимание морских держав и во все времена привлекал внимание географов. Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или земля значительных размеров. Напротив, я держусь мнения, что такая земля там есть, и, ве-

роятно, мы видели часть ее. Чрезмерные холода, множество островов и обширные массы плавающих льдов — все это служит доказательством, что земля на юге должна быть и что эта Южная земля должна находиться или простирается дальше всего к северу против Южного Атлантического и Индийского океанов...» (6, стр. 536—537).

В Океании открыто было множество островов: Новая Каледония, южная группа Новых Гебрид, остров Норфолк, ряд мелких островов в архипелаге Тонга, в южной группе островов Кука (острова Херви) и в западной части архипелага Туамоту.

Открыты были новые морские пути в водах южного полушария; после второй экспедиции Кука стало очевидно, что наиболее благоприятная трасса для сквозных плаваний от берегов Австралии к Магелланову проливу и мысу Горн проходит в сороковых и пятидесятых широтах, в полосе постоянных западных ветров и устойчивого течения, ими вызванного.

Вторая экспедиция Кука внесла огромный вклад в естественные науки. Иоганн и Георг Форстер, используя свои собственные коллекции и ценнейший гербарий Бенкса и Соландера, выпустили в свет труды, которые открыли для европейской науки новый мир. Флора островов Океании, восточной Австралии, Огненной Земли, несметно богатая эндемичными видами, была теперь основательно изучена, и дальнейшему развитию ботаники был дан мощный толчок. Ламарк, Кювье, Жофруа де Сент-Илер в своих работах использовали огромные материалы зоологических наблюдений спутников Кука, а геология, которая в конце XVIII в. завоевала себе самостоятельное место под солнцем, многим была обязана участникам его второй экспедиции*.

Однако Кук допустил в своих оценках результатов второго путешествия один весьма существенный просчет. Он объявил бесполезными дальнейшие поиски земель в высоких широтах южного полушария. Пессимистический прогноз Кука оказал психологическое влияние на мореплавателей следующего поколения и отвратил их от поисков земель в полярных широтах южного полушария.

Дневники второго путешествия Кука изданы были Британским адмиралтейством в 1777 г. Издание это считалось вполне надежным, но совсем недавно Джон Биглехол, о котором уже упоминалось в связи с его работой над дневниками первого плавания Кука, доказал, что «адмиралтейская версия» не соответствует оригиналу. Биглехол в 1961 г. выпустил в свет крити-

* Вторая экспедиция Кука ознаменовалась, кроме того, победой над самым лютым врагом мореплавателей — цингой. Изменив рацион питания экипажа, Кук поборол цингу. За все время плавания он не потерял от этой болезни ни одного человека.

ческое издание дневников второго плавания (20). Русский перевод этой книги опубликован был в 1964 г. (6).

Подробная история восстановления подлинного текста дневников первого и второго плаваний Кука изложена в книге автора этих строк (11).

Кук. Третье плавание. Открытие Гавайских островов

В третьем и последнем плавании Кука корабли пересекли Южные моря лишь «транзитом», по пути в северную часть Тихого океана. Эту экспедицию адмиралтейство направило в воды, которые до той поры посещали только русские мореплаватели. В третьей экспедиции участвовали два корабля: «Резолюшн» и «Дискавери». Командиром «Дискавери» был назначен Кларк, помощник Кука во второй экспедиции. Помощниками Кука были лейтенанты Джон Гор (участник первого плавания) и Джемс Кинг. С третьей экспедицией возвращался на Таити юный Омаи, вывезенный оттуда в 1773 г. На «Резолюшн» числилось сто двенадцать, на «Дискавери» — восемьдесят восемь человек. Все научные исследования были возложены на хирурга Уильяма Андерсона, натуралиста сведущего, однако не обладавшего познаниями Бенкса, Соландера и Форстеров. Астроном Бейли (участник второго плавания) и художник Вебер также вошли в состав экспедиции.

«Резолюшн» покинул Плимут 12 июля, «Дискавери» несколько позже, и оба корабля встретились в Кейптауне. 30 ноября 1776 г. они вышли из Кейптауна и направились на юго-восток, а 26 января 1777 г. корабли отдали якорь в бухте Адвенчер на юго-восточном берегу Вандименовой Земли. Спустя два дня состоялась первая встреча с островитянами. Не было, вероятно, на земном шаре племени со столь примитивным хозяйственным укладом, как тасманийцы. Они были совершенно голые (хотя климат Тасмании не столь уж теплый), темнокожие, жестковолосые (7). Тасманийцы добывали огонь трением, пользовались грубыми каменными рубилами и в поисках дикорастущих плодов и моллюсков бродили по острову.

30 января корабли вышли из бухты и 12 февраля прибыли в гавань Шип-Ков в проливе Королевы Шарлотты. Эта новозеландская бухта стала, так же как и бухта Матаван на Таити, постоянной базой экспедиций Кука. 25 февраля «Резолюшн» и «Дискавери» взяли курс на северо-восток. 29 марта на 20° ю. ш. был открыт небольшой остров Мангаиа, населенный полинезийцами, которые отлично понимали таитянина Омаи. 1 апреля был открыт обитаемый островок Атиу и атолл Такутеа в южной группе островов Кука.

Любопытно, что на острове Атиу, удаленном от Таити на 1000 км, Омаи встретил трех своих соотечественников. Эти люди

рассказали ему, что каноэ, на котором они плыли с Таити на остров Раиатеа, бурей отнесло в открытое море. Много дней каноэ носилось по воле волн. Ни воды, ни пищи не было, люди умирали от жажды и голода, и в конце концов в живых осталось только четверо мужчин. Каноэ опрокинулось, и эти несчастные, уцепившись за него, еще несколько дней пробыли в море и были спасены жителями Атиу. Троицким уцелевшим таитянам так пришлось по душе новые места, что они забыли о своей родине. Прожили они на Атиу больше двенадцати лет и не желали возвратиться на родину с кораблями экспедиции.

«Выводы из вышеизложенной истории [то есть из описания приключений этих таитян] очевидны, — писал Кук. — Они лучше, чем тысяча умозрительных догадок, объясняют, как начали заселяться различные части земного шара, и в частности острова Южного моря, особенно те, что лежат далеко от обитаемых континентов или друг от друга» (21, v. I, p. 306).

Достаточно бросить взгляд на карту Океании с ее бесчисленными островами и архипелагами, достаточно вспомнить, что на пространстве от острова Пасхи до архипелага Тонга и Новой Зеландии все местные жители говорят на языке одной семьи, строят одинаковые каноэ и жилища, передают из поколения в поколение одни и те же предания и легенды, чтобы оценить всю глубину заключения Кука.

От острова Такутеа Кук направился к островам Тонга.

На острове Намуке островитянин Финоу посоветовал Куку сперва отправиться не к центральному острову группы Тонга — Тонгатабу (Амстердам), уже хорошо известному мореплавателям, а к расположенным на северо-востоке, в двух днях пути, островам Хаапай, которых еще не посещали европейцы. Финоу вызвался быть лоцманом, и 16 мая корабли приблизились к этим мелким коралловым островкам группы Тонга. Здесь моряки встретили исключительно дружелюбный прием и местный вождь показал гостям соревнования по борьбе и кулачному бою; мастерами полинезийского бокса оказались не только мужчины, но и женщины. Кука поразили чрезвычайно грациозные танцы, сопровождавшиеся чудесными хоровыми песнями. От островов Хапай Кук направился на Тонгатабу и на Эуа, и здесь участники экспедиции пробыли пять недель, пользуясь исключительным гостеприимством местных вождей. На островах Тонга было немало мореходов, которые отлично знали географию этой части Океании, и Кук с их слов записал названия девяти семи островов, рассеянных на огромном пространстве между островами Общества и Новыми Гебридами. Местные жители весьма обстоятельно описали острова Фиджи, лежащие к северо-западу от архипелага Тонга.

17 июля 1777 г. корабли направились к Таити. По пути 8 августа был открыт остров Тубуаи. Пробыв на островах

Общества более трех месяцев, Кук 8 декабря 1777 г. направился на север и вскоре вступил в воды той приэкваториальной части Тихого океана, которая лежала к северу от сквозных трасс европейских мореплавателей XVII и XVIII вв. Тупия и другие мореходы с островов Общества утверждали, что к северу от Таити есть много островов, и вскоре эти сведения подтвердились. В ночь с 22 на 23 декабря корабли пересекли экватор, а на следующий день был открыт небольшой остров, который называли островом Рождества. Этот остров лежит в Центральных Полинезийских Спорадах — цепи атоллов, которая протягивается с юга на север от 10° ю. ш. до 7° с. ш. Курс «Резолюшн» и «Дискавери» проходил почти перпендикулярно этой цепи, и поэтому Кук открыл в ней только этот остров (правда, остров Рождества самый крупный в гряде Центральных Полинезийских Спорад). Остров оказался необитаемым; на прибрежных песках нежилась множество огромных черепах. 2 января 1778 г. Кук взял курс на северо-северо-запад. 18 января на горизонте показались Гавайские острова.

«Утром 19 января мы увидели, — пишет Кук, — несколько каноэ, которые направлялись к кораблям... в каждом из них сидело от трех до шести туземцев, и, когда каноэ приблизились, мы были приятно удивлены, услышав, что туземцы говорят на языке Таити и других островов, которые мы недавно посетили... Кожа у жителей этого острова коричневая, и при среднем росте они отличались крепким сложением... У них были красные, черные и белые одежды и.... никакого оружия, если не считать маленьких камней, да и те они выбросили, когда поняли, что в камнях этих нет никакой нужды... Никогда еще в прежних и нынешних плаваниях я не встречал туземцев, которые, поднявшись на корабль, столь всему удивлялись бы. Их глаза непрерывно перебегали с одного предмета на другой, и дикость взглядов и жестов свидетельствовала, что им совершенно неизвестно все, что они видят, и это нам решительно доказывало, что их никогда не посещали европейцы и что им не знакомы наши товары, за исключением железа; о последнем, однако, им, бесспорно, было известно либо понаслышке, либо по той малости, которая попала к ним в очень давние времена... спрашивая, они называли его *хамаите*. Это название, вероятно, относилось к какому-то инструменту, который изготовлялся из железа... ибо часто [другим] словом тое они называли топор или, вернее, что-то вроде тесла и на вопрос, что такое железо... отвечали: «Мы не знаем, что это такое, нам оно известно лишь как *хамаите* и тое». Когда мы показали им несколько бусинок, они сперва спросили: «Что это такое?», а затем: «Едят ли их?» Но когда мы объяснили, что их надо носить в ушах, они вернули их нам как вещь им бесполезную. Они остались одинаково равнодушными и к зеркалу, которое было им предложено... и все

время настойчиво стремились получить побольше хамаите, или тое» (21, v. II, р. 411—412).

Судя по приведенной выше записи, гавайцам известно было железо; более того, спутники Кука нашли на Гавайях три больших судовых гвоздя и обломки широких ножей. Значит ли это, что европейцы посещали Гавайские острова до Кука?

Гавайские предания свидетельствуют, что в XVI—XVII вв. дважды или трижды море выбрасывало на берег лодки и плоты с какими-то чужеземцами. Версия об открытии Гавайских островов в 1555 г. Джованни Гаэтано, одним из участников экспедиции Вильялобоса, источниками не подтверждается. Какие-то острова Ла Меса, Лос Мохос и Ла Десграсьяда показаны были на 18—19° с. ш. на одной испанской карте, найденной в 1743 г. Ансоном на корабле, который он захватил близ Манилы. Но на этой карте все три острова находятся куда ближе к берегам Америки, чем Гавайи.

Шведский исследователь Э. Дальгрэн и новозеландский историк Э. Шарп (соответственно в 1916 и в 1960 гг.) пришли к выводу, что испанцы до Кука не посещали Гавайских островов. Высказывалось предположение, что железные изделия, обнаруженные спутниками Кука, могли иметь не европейское, а японское происхождение. Японские рыболовные суда порой по воле течений и ветров действительно заносило на Гавайи. Все же, однако, вероятность ранних испано-гавайских контактов не исключена. Случай с Торресовым проливом показывает, что плоды очень важных открытий бесследно исчезали в тайных испанских архивах; вполне возможно, что донесения об открытии Гавайев разделили судьбу записок участников экспедиции Торреса, с той только разницей, что записки участников экспедиции Торреса в конце концов все же увидели свет.

Гавайские острова лежат не так уж далеко к северу от трассы Мексика — Марианские острова — Филиппины, «столбовой дороги», по которой шли в Манилу после открытий Урданеты испанские галионы, и вполне возможно, что ветры могли пригнать к Гавайям сбившиеся с курса корабли или шлюпки с судов, затонувших в сильные штормы.

Кук пробыл на этих островах (он назвал их Сандвичевыми) очень недолго, всего лишь тринадцать дней, и не видел главного острова — Гавайи, на котором год спустя суждено ему было сложить голову. Однако за эти две недели он не только тщательно обследовал центральные Гавайские, или Сандвичевы, острова (Оаху, Кауаи, Ниихау, Лехуа и Каула — Кук назвал их соответственно Воаху, Атуи, Онехеоу, Орехоуа и Тахароа), но и подробно описал их. Двенадцатая глава его дневника, где содержатся эти описания, поныне считается одним из наиболее ценных источников по гавайской этнографии. Правда, Кук на Гавайях встретился с культурой, во многом чрезвычайно сход-

ной с таитянской; здесь, так же как и на островах Общества, возделывали бататы, таро и ямс, изготавливали материю из луба бумажно-шелковичного дерева, разводили свиней и птиц тех же разновидностей, что и на Таити. Но кое в чем обитатели этих островов опередили своих южных родичей. «Все изделия ремесла у этого народа, — писал Кук, — свидетельствуют о необычайной степени его искусства и изобретательности; ...глядя на местную ткань, можно подумать, что туземцы заимствовали образцы из тех торгующих шелком и бархатом магазинов, в которых собраны самые изящные изделия Китая и Европы, но здешние образцы совершенно оригинальны...» (21, в. II, р. 482). Деревянная посуда, циновки, рыболовные принадлежности приносили Кука и его спутников в восторг, и он говорил, что многие местные изделия не смог бы создать самый искусный европейский мастер, «даже если он соединил бы теоретические познания с разнообразием и совершенством своего инструмента».

2 февраля 1778 г. корабли экспедиции покинули гостеприимные Сандвичевы острова и направились в северную часть Тихого океана к берегам Америки. На Гавайские острова корабли пришли снова на зимовку в конце ноября 1778 г.

На этот раз были открыты восточные острова этой группы. Сперва Кук обследовал берега острова Мауи, а 2 декабря направился к соседнему, самому большому острову Сандвичевой группы — острову Гавайи. Еще издали моряки увидели убеленную снегами вершину высочайшего вулкана Океании — Мауна-Кеа. Кук обошел остров по ходу часовой стрелки, и 17 января 1779 г. оба корабля отдали якорь в бухте Кеалаекекуа, лежащей на западном побережье. 17 января помечена последняя запись в дневнике командира экспедиции. 14 февраля Кук погиб на берегу бухты Кеалаекекуа...

Когда в бухту вошли огромные корабли, по всему острову разнеслась весть о возвращении бога Лоно. Островитяне верили, что с пришествием этого доброго бога снова настанет на земле золотой век, и, когда бог в образе капитана британского флота Джемса Кука сошел на берег, ему были оказаны великие почести.

Надо отметить, что богом Лоно Кука признали в первую очередь жрецы и вожди. «Второе пришествие» Лоно сулило им реальные выгоды, ибо с помощью неожиданных и негаданных гостей они надеялись укрепить свою власть над низшими кастами.

Но Кук не оправдал их ожиданий и, нуждаясь в свежих съестных припасах, быстро довел до оскудения и местных вождей, и многих знатных островитян.

4 февраля корабли покинули остров. Однако спустя несколько дней противные ветры заставили Кука возвратиться в бухту Кеалаекекуа.

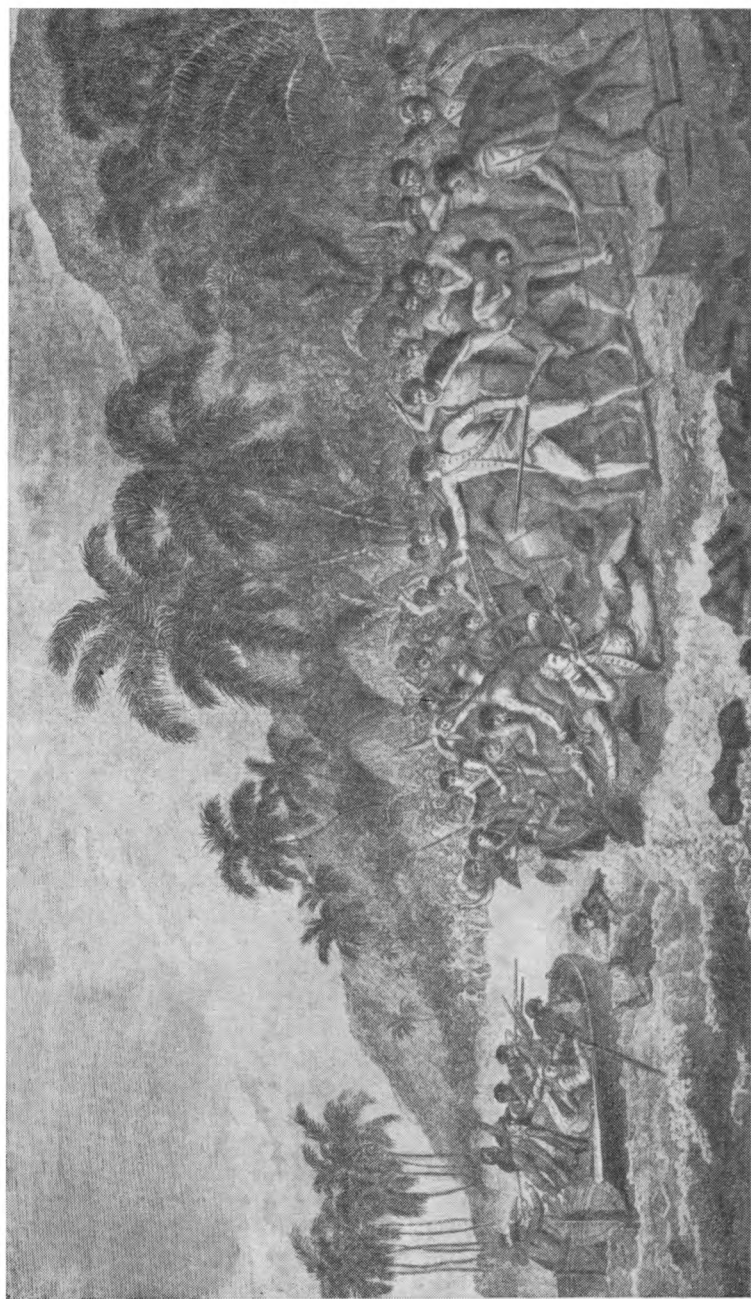
«11 февраля, став на якорь, — пишет капитан Кинг, — мы были очень удивлены тем, как нас встретили туземцы. Эта встреча сильно отличалась от оказанной нам при первом посещении здешней бухты: ни криков, ни суматохи, ни смутнения, лишь пустынный залив, да изредка плывущие вдоль берега каноэ». Посланные на берег моряки, вернувшись, сообщили, что вожди наложили на берега бухты табу; о причинах этого запрета строились различные предположения. «Однако, — продолжает Кинг, — каковы бы ни были наши догадки, все шло своим обычным спокойным чередом до второй половины дня 13 февраля» (21, v. III, p. 515).

13 февраля после полудня и вечером на берегу произошли стычки с островитянами, и Кук приказал на случай новых столкновений зарядить мушкеты пулями.

Рано утром 14 февраля островитяне похитили шлюпку, которая стояла на якоре близ «Дискавери». Кук решил немедленно высадить на берег десант морской пехоты и задержать в качестве заложников нескольких знатных островитян, одновременно он дал приказ задерживать и уничтожать все каноэ, которые покажутся в бухте. Для ловли этих каноэ спущены были шлюпки с вооруженными матросами и солдатами морской пехоты. Эти шлюпки размещены были цепью поперек бухты.

Между семью и восемью часами утра Кук, взяв с собой лейтенанта Филлипса и девять солдат морской пехоты, в шлюпке отбыл на берег. Он направился к селению, где находился местный главный вождь. В селении его приняли с обычными знаками уважения. «Народ, — пишет Кинг, — пал ниц перед ним и принес свои обычные дары — маленьких свиней» (21, v. III, p. 525). Кук потребовал, чтобы его проводили к дому вождя. Вождь, человек весьма преклонных лет, вежливо принял гостя и охотно согласился отправиться на корабль. Двое его сыновей уже были посажены к тому времени в шлюпку. Вождь под конвоем направился к берегу; причем к этому шествию постепенно присоединялось все больше и больше островитян.

На берегу произошла тягостная сцена. Приближенные вождя умоляли его остаться на месте. Островитянин Калемаку, который был очевидцем этих событий, утверждал в беседе с О. Е. Коцебу, что Кук схватил старого вождя за руку, желая увести его силой. За несколько минут до этого со шлюпок, которые патрулировали бухту, была открыта стрельба по нескольким каноэ. Раненый выстрелом из мушкета островитянин прибежал к тому месту, где находился вождь, как раз в тот момент, когда Кук от уговоров перешел к действию, и пал перед вождем на колени, умоляя его не уходить на корабль. При виде своего окровавленного соплеменника толпа пришла в ярость и набросилась на отряд, сопровождавший вождя.

Гибель Кука

Рис. Вебера; из книги James Cook «A voyage to the Pacific ocean...»

Помощник Кука Джеймс Кинг приводит иную версию. По его словам, Кук, видя, что вождя не удастся взять без кровопролития, покинул своего пленника и уже без него направился вдоль берега к шлюпке. В это время со шлюпок, находящихся в бухте, раздался залп по нескольким каноэ, причем убит был один вождь высокого ранга. Весть о гибели этого вождя вызвала среди туземцев сильное волнение. Женщины и дети были удалены, и мужчины вступили в бой.

Кук выстрелил из своей двустволки, заряженной пулями, и убил одного из туземцев. За этим немедленно последовала атака камнями, на которую солдаты морской пехоты и матросы из шлюпок ответили ружейным огнем. «Островитяне, — говорит Кинг, — против всех ожиданий выдержали огонь с величайшей твердостью и, прежде чем солдаты морской пехоты перезарядили ружья, бросились на них со страшным криком. За этим последовала сцена крайнего ужаса и смятения.

Четверо солдат морской пехоты были убиты среди скал при отступлении и пали жертвой свирепого врага, еще трое были опасно ранены. Лейтенанту нанесли между плечами удар копьем, но он спасся, убив туземца, который только что его ранил и собирался повторить удар. Наш несчастный командир, когда его последний раз видели, стоял у самой воды и кричал людям в шлюпках, приказывая им прекратить огонь. Если это так (те, кто присутствовал при этом, считают, что солдаты морской пехоты стали стрелять без его приказаний и что капитан Кук хотел прекратить кровопролитие), то гуманность командира должна была оказаться губительной для него: замечено было, что, пока он стоял лицом к туземцам, никто не осмеливался его тронуть, но, как только он повернулся, чтобы отдать приказ людям в шлюпках, приказ не стрелять, его ранили в спину, и он упал лицом в воду. И тогда, заметив, что он упал, островитяне подняли громкий крик, сразу же вытащили тело на берег, окружили его и, вырывая друг у друга ножи, буруеваемые диким желанием, принялись терзать его труп. Так пал наш великий и славный командир» (21, в. III, р. 528—529).

Смертельно больной капитан Кларк повел карабли к Камчатке. Кларк умер в Петропавловске, и лейтенант Кинг из русских вод отправился к берегам Англии.

Открытие Гавайских островов было главным достижением третьей экспедиции Кука.

В историю открытий и исследований Океании и Австралии Кук внес наиболее значительный вклад. Умозрительной географии, которая опиралась на метафизические костыли и подпорки, нанесен был смертельный удар: с карты мира был сведен легендарный Южный материк, и на ней проступили реальные очертания восточной половины Австралийского континента, Новой Зеландии и контуры главных островных созвездий Океании.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ОКЕАНИИ И НА БЕРЕГАХ АВСТРАЛИИ И ТАСМАНИИ. КОНЕЦ XVIII В. — НАЧАЛО XIX В.

Открытия в Океании

По следам Кука в Тихий океан ринулось множество мореплавателей, и за последнюю четверть XVIII в. и первые годы XIX в. в водах Океании и Австралии побывало больше кораблей, чем за предыдущие два с половиной столетия.

Обстановка в Европе чрезвычайно накалилась после того, как в 1776 г. вспыхнуло восстание в тринадцати американских колониях Англии, а в 1778 г. началась «горячая война», в которой американские повстанцы в союзе с Францией и Испанией одержали верх над Англией. В годы этой войны в Тихом океане шла борьба за овладение главными морскими путями, борьба, в которой Англия благодаря Куку значительно упредила своих соперников.

Но испанцам и французам также удалось совершить в Океании ряд существенных открытий.

В 70-х годах XVIII в. Испания на короткое время пробудилась от полуторавековой спячки и предприняла попытку вторжения в Океанию. Вице-король Перу Мануэль де Амад организовал несколько экспедиций в Южные моря. Испанские власти стремились закрепиться на острове Таити и приобрести опорные пункты в водах восточной и центральной Полинезии. Ветеран морских сражений Семилетней войны капитан Доминго де Боенечеа в 1772 г. на двух кораблях — «Агила» и «Санта-Мария Магдалена» — посетил Таити. В 1774 г. он снова посетил этот остров; здесь Боенечеа умер, и корабли экспедиции привел в Кальеа его помощник Томас Гаянгос.

В 1775 г. «Агила» снова совершила переход из Перу на Таити под командой капитана Каэтано Лангары. Участники этих экспедиций оставили чрезвычайно интересные и ценные описания острова Таити (на записки одного из офицеров корабля «Агила», Хосе Андиа-и-Варелы, мы уже ссылались в

главе 1). Испанские мореплаватели посетили в архипелаге Туамоту атоллы Татакото, Тауере, Текокото, Хикуэру, Хараики, Аману, Анаа, Таханае, Такапото и Мотутунга.

Атоллы Аману и Анаа открыл еще в 1606 г. Кирос (Анаа вторично был открыт Куком в 1769 г.), Такапото в 1722 г. — Роггевеном. Атоллы Хикуэру и Хараики открыты были в 1768 г. Бугенвилем, Текокото и Мотутунга в 1773 г. — Куком. Таким образом, далеко не все острова, которые посетили испанцы в 1772—1775 гг., были открыты ими впервые. Но бесспорно, им принадлежит приоритет в открытии Аустральных (Южных) островов — небольшой островной группы к югу от архипелага Туамоту.

Томас Гаянгос и Андиа-и-Варела в феврале 1775 г. посетили в этой группе остров Раивавае (Гаянгос назвал его островом Санта-Роса). Андиа-и-Варела в своем дневнике подробно описал обитателей этого острова, рослых и статных людей в одеждах из разноцветной тапы, с которыми удалось установить контакт через толмачей-таитян. Материалы экспедиций Боенчеа, Андриа-и-Варелы и Гаянгоса изданы в 1913—1918 гг. (22)

В 1773 г. испанский капитан Фелипе Томпсон, следуя из Манилы в Калифорнию, открыл в западной части Каролинского архипелага риф Элен и в восточной его части атоллы Нгатик и Оролук.

Война, вспыхнувшая в Европе и в Северной Америке, и грозное восстание вождя перуанских индейцев Хосе Габриеля Кондорканки против испанских колонизаторов сорвали планы экспансии в Океании, разработанные в Мадриде и Лиме. Случайные открытия капитана Антонио Маурелье, совершенные в западной Океании в 1780—1781 гг., были в сущности последней вспышкой этого запоздалого испанского экспансионизма.

Маурелье, опытный мореплаватель, получил в 1780 г. приказ срочно доставить секретные бумаги из Манилы в Мексику. На корабле «Принсеса» он в неблагоприятное время года вышел в путь; ему не удалось пройти к Америке трассой Урданеты, и он решил пробиться в Акапулько южным путем. Следуя вдоль северных берегов Новой Гвиней, он посетил архипелаг Адмиралтейства и Западные острова, описал уже открытые острова Ниниго, Манус и Хермит (на которых, возможно, побывали в XVI в. Сааведра и Ортис де Ретес), вторично открыл острова Эмирау и Муссау, у которых побывал уже Дампир, и в феврале 1781 г. открыл группу островов Вавау в архипелаге Тонга. В том же архипелаге Маурелье в апреле 1781 г. открыл остров Току; проследовав далее на восток, он открыл острова Наномана и Нанумеа в архипелаге Эллис.

Французы в 70-х годах XVIII в. проявили большую активность в южной части Индийского океана, но значительно отстали от англичан и от испанцев в Тихом океане. Здесь лишь

две французские экспедиции — Сюрвиля в 1769—1770 гг. и Марион-Дюфрена в 1771—1772 гг. — побывали в водах, уже неоднократно посещавшихся европейскими мореплавателями.

Жан Франсуа Мариа де Сюрвиль, следуя в Перу из французского порта в Индии Пондишерри, посетил Соломоновы острова и западный берег Северного острова Новой Зеландии, где он побывал в декабре 1769 г.

Никола Томас Марион-Дюфрен на свой собственный счет отправился с острова Маврикия в Тихий океан. Корабли Марион-Дюфрена «Маскарен» и «Маркиз де Кастри» в апреле 1772 г. достигли Новой Зеландии и совершенно случайно пристали к берегу как раз в том месте, где побывал Сюрвиль, 8 июня того же года Дюфрен и шестнадцать матросов были убиты в отместку за кровавую расправу, учиненную Сюрвилем (Сюрвиль у берегов полуострова Окленд за похищенный ялик дотла сжег маорийское селение, где накануне французы встретили очень теплый прием).

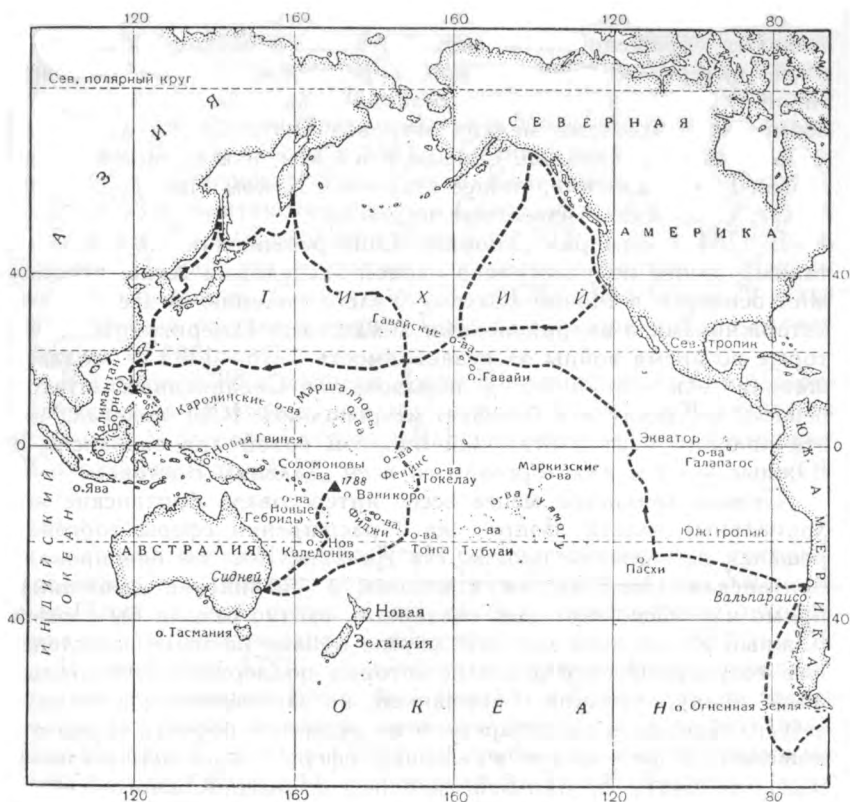
Капитан Дюклесмер, новый командир экспедиции, дотла сжег три маорийских селения и истребил несколько сот мирных жителей. Это происшествие на долгие годы восстановило против французов все население Северного острова. Дюклесмер, покинув 14 июля Новую Зеландию, посетил затем центральные и северные острова архипелага Тонга.

Значительно большее значение имела экспедиция выдающегося французского мореплавателя Жана Франсуа Лаперуза, предпринятая в 1786—1788 гг.

Лаперуз на двух кораблях, «Буссоль» и «Астролябия», с экипажем в двести двадцать три человека в конце 1785 г. покинул Францию и в обход мыса Горн направился в Тихий океан. Он посетил остров Пасхи, оттуда прошел к Гавайским островам, а затем направился в северную часть Тихого океана. Осуществив у берегов Аляски, Камчатки и Сахалина обширные исследования, Лаперуз снова отправился в Южные моря и в декабре 1787 г. побывал на островах Самоа. Пользуясь картой Бугенвиля, он детально обследовал этот архипелаг и открыл остров Савайи, самый западный из самоанских островов, и два островка — Маноно и Аполима, лежащие в проливе, которые разделяют острова Савайи и Уполу.

Далее Лаперуз направился к берегам Нового Южного Уэльса и из Порт-Джексона (нынешний Сидней) в феврале 1788 г. послал в Париж донесение, в котором кратко описал свое плавание и сообщил, что он намерен посетить острова Санта-Крус и оттуда направиться в обход Новой Голландии к острову Маврикию.

Донесение это было последней весточкой экспедиции Лаперуза. Корабли ее пропали без вести, и только сорок лет спустя капитан Питер Диллон установил, что «Астролябия» потерпела

Маршрут Лаперуза

Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

кораблекрушение у берегов острова Ваникоро и что ее команда погибла. Предполагалось, что затонул и флагманский корабль «Бусоль», но следы его не удавалось обнаружить. Лишь в 1964 г. французская экспедиция у юго-западной оконечности острова Ваникоро обнаружила остатки «Бусоли», причем выяснилось, что судно это сразу же погрузилось в море на глубину 1500—2000 м. Таким образом, останки Лаперуза покоятся на дне глубокой впадины и там же захоронены дневники, которые он вел в последние месяцы плавания (11а).

Те описания Лаперуза, которые, по счастью, дошли до Европы, справедливо считаются одним из ценнейших источников по этнографии Океании. Лаперуз, так же как Бугенвиль и Кук, был отличным исследователем и вдумчивым наблюдателем, и он собрал ценные сведения об острове Пасхи, Гавайях и островах Самоа.

В Англии, после отделения от нее американских колоний и тяжелых поражений, понесенных в войне с Францией и Испанией, интерес к Южным морям разгорелся с еще большей силой. Утрату американских колоний нельзя было, разумеется, возместить захватами мелких островов Океании или диких земель Новой Голландии. Однако и в Сити, и в адмиралтействе Новая Голландия или, точнее открытый Куком Новый Южный Уэльс, возбуждали известные надежды.

В 1784 г. адмирал Джордж Юнг, развивая план, разработанный одним из участников первой экспедиции Кука, предложил основать в Новом Южном Уэльсе колонию и заселить ее каторжниками и американскими лоялистами (американцами, которые во время войны за независимость 1776—1783 гг. поддерживали Англию и после образования Соединенных штатов бежали в Канаду и в бывшую метрополию). Юнг полагал, что эта колония явится отличной опорной базой для экспансии в Южные моря и для торговли со всем Дальним Востоком.

Судьба лоялистов менее всего интересовала британские колониальные власти. Вопрос же о расширении сферы торговли решался не слишком просто. На Дальнем Востоке оперировала британская Ост-Индская компания, и английские сановники, прямо или косвенно с нею связанные, охотно отдали бы Новый Южный Уэльс этой могучей фирме, однако не менее влиятельные государственные деятели, которые поддерживали торговые дома, конкурирующие с компанией, не заинтересованы были в ее усилении, но в то же время и не решались портить с нею отношений. В результате в высших сферах пришли к заключению, что бухту Ботани-Бей на берегу Нового Южного Уэльса следует использовать для организации каторжной колонии. Капитан Артур Филлип назначен был ее губернатором, и в мае 1787 г. флотилия под его командой вышла из Портсмута. Филлип вез в Австралию семьсот тридцать шесть каторжников. 26 января 1788 г. он высадился в бухте Порт-Джексон, в нескольких милях от того места, где вскоре возник город Сидней. Порт-Джексон стал важной якорной стоянкой и базой для экспедиций на острова Океании.

В том же 1788 г. два британских моряка, капитаны Гилберт и Маршалл, отправились из Порт-Джексона в Китай. В 1789 г. Гилберт опубликовал в Лондоне отчет о своем плавании из Нового Южного Уэльса в Гуанчжоу (Кантон).

Из этого отчета явствовало, что оба капитана открыли 18—22 июня 1788 г. семь островов между экватором и 4° с. ш. на 174—176° в. д., а 24—29 июня им встретилось множество островов на 6—10° с. ш. и 171—172° в. д. К первой группе относились острова Абемама, Куриа, Маяна, Тарава, Абаянг и Макин. В честь капитана Гилберта они получили название островов Гилберта, хотя часть из них, вероятно, открыта была Эрнандо

де Грихальвой еще в 1537 г. Во вторую группу входили атоллы Мили, Арно, Маджуро, Малоэлап, Эрикуб и Вотье — южные острова архипелага, который получил название Маршаллового. И здесь до Гилберта и Маршалла побывали испанцы. Мы уже отмечали, что атоллы Эрикуб, Вотье и Малоэлап открыты были, вероятно, Вильялобосом в 1543 г. Гилберт на первом этапе своего плавания открыл близ Новой Каледонии остров Матью.

В 1788 г. британский капитан Север, идя на корабле «Леди Пенрин» из Порт-Джексона в Китай, на $30^{\circ}9'$ ю. ш. и $170^{\circ}41'$ з. д. открыл 31 мая два пустынных островка — Кертис и Маколи в группе Кермадек. Севернее островов Общества Север 29 июля того же года открыл в группе Северных островов Кука остров Пенрин (Тонгареву).

В августе 1788 г. капитан Джон Шортленд на пути из Порт-Джексона в Батавию открыл остров Россел в архипелаге Луизиана и острова Гатукаи и Вангуну в группе Нью-Джорджия (Соломоновы острова).

История мятежа на «Баунти», британском корабле, который крейсировал в Южных морях под командой капитана Уильяма Блая, еще долгое время будет увлекать воображение авторов приключенческих романов и повестей.

В сентябре 1787 г. лейтенант Уильям Блай, участник третьей экспедиции Кука, был послан в Южные моря, чтобы взять на Таити саженцы хлебного дерева и доставить их в Вест-Индию. В октябре 1788 г. он прибыл на Таити, открыв по пути острова Баунти к юго-востоку от Новой Зеландии, и на Таити целых пять месяцев моряки вели погрузку саженцев. В апреле 1789 г. «Баунти» зашел на острова Тонга и оттуда направился в Вест-Индию.

Блай был свирепым и беспощадным командиром. За любые провинности он жестоко наказывал матросов, и экипаж люто возненавидел его. Расправа с штурманом Флетчером переполнила чашу терпения, и 28 апреля 1789 г., ночью, заговорщики схватили Блая, посадили его и восемнадцать офицеров и матросов на баркас, а сами на «Баунти» отправились к острову Таити. Там они взяли на борт шесть таитян и двенадцать таитянок и двинулись дальше на поиски безопасного убежища. На Таити, однако, часть мятежников осталась. Это были люди, которые лишь пассивно участвовали в заговоре против Блая, и они надеялись, что к ним британский морской трибунал отнесется с должным снисхождением.

Экипаж «Баунти» долго странствовал в водах Полинезии и в конце концов высадился на необитаемом острове Питкэрн. В жестоких усобицах погибли все таитяне и большинство англичан. К 1800 г. в живых остался лишь один мужчина —

Александр Смит, принявший имя Джона Адамса. Адамс в качестве вождя-патриарха много лет правил общиной, состоящей из его жен, сыновей, дочерей, внуков и внучек. О поселении на Питкэрне в Европе узнали только после того, как этот остров посетил в 1808 г. американское судно «Топаз».

Английское правительство «простило» Адамса и приняло под свое покровительство эту странную колонию. Потомки Адамса населяют сейчас не только остров Питкэрн, но и остров Норфолк, куда двести питкэрнцев переселились в 1856 г.

Блай и его восемнадцать спутников остались в открытом море, в 30 милях от острова Тофуа. У них не было ни карты, ни огнестрельного оружия, вода и продовольствие оставлены им были в обрез. На Тофуа, ближайшем из островов Тонга, им высадиться не удалось: островитяне встретили их чрезвычайно враждебно. Блай не решился поэтому идти к другим тонганским островам и направился через Торресов пролив к Тимору.

По пути к Торресову проливу Блай открыл 4—7 мая 1789 г. острова Янгасу, Моте, Нгау, Наираи, Вити-Леву, Коро и Ясаву в группе Фиджи, а 14—15 мая — острова Мотта, Саддл-Айленд, Риф-Айленд и Ватганай в группе островов Банкса. Однако моряки нигде не высаживались, опасаясь островитян. На тридцать второй день плавания совершенно изнуренная команда баркаса достигла Торрессова пролива, и на одном островке, откуда на следующий день моряков изгнали местные жители, им удалось добыть различные плоды и пресную воду. Испытав всевозможные лишения, Блай и его спутники прошли через Торресов пролив и добрались до Тимора. В 1790 г. Блай возвратился в Англию.

На поиски мятежников немедленно был послан корабль «Пандора» под командованием капитана Эдуарда Эдвардса (1791 г.). Эдвардс шел к Таити через архипелаг Туамоту, открыл к югу от этого архипелага остров Дюси и в пределах Туамоту положил на карту острова Марутеа и Туреиа; на Таити он поймал нескольких мятежников с «Баунти» и отправился на запад. Любопытно, что Эдвардс вскоре «потерял» пленных мятежников. Мятежники плыли на небольшом судне, которое собственными руками построили на Таити, и командовал ими унтер-офицер с «Пандоры» Оливер. Восточнее острова Самоа Оливер разлучился с Эдвардсом и догнал его только у берегов Явы.

От Таити Эдвардс направился через Торресов пролив в Батавию и по пути открыл остров Нукунону (12 июня 1791 г.) в группе Токелау, острова Ротуму, Фатаку и Ануту (8—12 августа того же года) к северу от Фиджи.

Даже активное участие «мятежников» в этом беспрецедентном переходе через Тихий океан не смягчило британский суд.

Английские морские законы знали только одно наказание за бунт на корабле — петлю, и виселицы избежали лишь немногие из пленников Эдвардса.

В 1791 г. очень существенное открытие совершено было Джозефом Ингреэмом, капитаном американского корабля «Хоуп». В апреле этого года он открыл северную группу Маркизских островов, которые в 1595 г. не обнаружил Менданья. Это были острова Хуа-Пу, Уа-Нука, Нукухива и Моту-Оа (Ингреэм соответственно назвал их островами Адамс, Вашингтон, Федерал-Айленд и Франклин) и маленькие островки Енао (Нокс) и Хатуту (Хенкок-Айленд) в 60 милях к северо-северо-западу от Нукухивы.

В том же 1791 г., но на два месяца позже, эти острова посетил капитан французского корабля «Солид» Этьен Маршан, который открыл остров Моту-Оа, не замеченный Ингреэмом.

Выдающийся британский мореплаватель Джордж Ванкувер в декабре 1791 г. открыл остров Рапу в группе Аустралийных, или Южных, островов. Участник его экспедиции капитан Вильям Роберт Браутон открыл в ноябре 1791 г. острова Тенерс и Чатем соответственно к югу и к востоку от Новой Зеландии. Острова Чатем (небольшой архипелаг, состоящий из трех островов) оказались обитаемыми, на них было свыше тысячи жителей, по облику сходных с маори Южного острова Новой Зеландии. Называли они себя мариори или майориори.

К 1791 г. относится также открытие английским капитаном Джоном Хантером крупного изолированного атолла Стюарт, лежащего к востоку от Соломоновых островов.

В 1792 г. в Тихом океане снова появился Блай, на этот раз во главе экспедиции, посланной на острова Фиджи. Хотя острова Фиджи были открыты Тасманом еще в 1643 г., европейские мореплаватели либо оставляли их в стороне, либо проходили через них, не совершая высадку. Блай в августе 1792 г. положил на карту большинство островов архипелага Фиджи и подробно описал обитателей островов Лакемба и Нгау.

Острова Фиджи населены меланезийцами, и первое, что бросилось в глаза Блаю, был темный цвет их кожи. Однако Блай решил, что краска эта искусственная. Его ввело в заблуждение то обстоятельство, что в некоторых каноэ, подходивших к кораблям, сидели люди «еще более светлые, чем таитяне». Вероятно, это были выходцы с островов Тонга, которых много было на островах Фиджи.

Блай отметил, что архипелаг Фиджи очень густо населен и что земли здесь превосходно возделаны. Он очень высоко оценил мореходные качества фиджийских каноэ.

В 1791—1793 гг. в Южных морях побывала экспедиция французского мореплавателя Антуана д'Антркасто, посланная на поиски Лаперуза. Д'Антркасто узнал в Кейптауне, будто

английский капитан Хантер с борта своего корабля приметил на одном из островов Адмиралтейства людей во французских мундирах. Д'Антркасто направился к островам Адмиралтейства. По пути он обследовал берега Вандименовой Земли и открыл в апреле — мае 1792 г. в ее юго-восточной части обширный залив Решерш и остров Бруни. Пройдя вдоль берегов Новой Каледонии, он направился к Соломоновым островам, а оттуда через пролив, отделяющий Новую Ирландию от Новой Британии, прошел в Новогвинейское море. На островах Адмиралтейства никаких следов Лаперуза найти не удалось. Д'Антркасто, дав команде отдых на острове Амбоина, проследовал в Индийский океан, а затем обогнул с запада Австралию. От мыса Луин д'Антркасто в декабре 1792 г. прошел вдоль берега, в 1627 г. открытого Нейтсом, и открыл небольшой архипелаг (острова Решерш). 18 января 1793 г. д'Антркасто подошел к берегам Вандименовой Земли и, снова посетив залив Решерш, обследовал залив Сторм, в глубине его открыл устье реки Деруэнт. Проследовав вдоль восточного берега Вандименовой Земли к Новой Зеландии и островам Тонга, д'Антркасто 15 марта 1793 г. открыл остров Л'Эсперанс и Рауль в архипелаге Кермадек, который назван был в честь командира одного из его кораблей Юона де Кермадека. От островов Тонга он направился к Новым Гебридам и Новой Каледонии и в апреле 1793 г. открыл остров Ботан-Бопре (он назвал его в честь гидрографа экспедиции Ш. Ботан-Бопре) к северу от группы Лояли и остров Юон к северо-западу от Новой Каледонии.

Побывав на островах Санта-Крус, д'Антркасто прошел мимо острова Ваникоро, у которого разбились корабли Лаперуза; он предпринял безуспешные поиски Лаперуза в архипелаге Луи-зиада, где открыл острова Ренар и Масима и оттуда прошел к Новой Гвинее, открыв в июне 1793 г. архипелаг Тробриан и северо-восточный выступ Новой Гвинеи, названный полуостровом Юон. У берегов Новой Гвинеи д'Антркасто тяжело заболел и в июле 1793 г. скончался на острове Вайгео. Экспедиция без командира проследовала к Молуккам, и здесь корабли задержаны были голландцами, поскольку к этому времени Голландия объявила войну революционной Франции. Участники экспедиции пробыли в плену девять лет и только в 1802 г. возвратились на родину.

В Каролинском и Маршалловом архипелагах в 90-х годах XVIII в. открыт был ряд островов. Трудно, однако, сказать, были ли многие из этих открытий «первичными», поскольку еще с XVI в. в водах обоих архипелагов побывали Сааведра, Грихальва и Вильялобос. Но мы уже отмечали, что в XVI в. координаты определялись весьма неточно и установить «приоритет» испанских мореплавателей дается далеко не всегда.

В 1793 г. британский мореплаватель Масгрейв открыл в Каролинах атоллы Пингелап и Нгатик, его соотечественник капитан Томас Деннеш в 1797 г. положил на карту острова Аилингапалап, Наму, Либ и Кили в Маршалловом архипелаге. В западных Каролинах в том же 1797 г. острова Сатавал, Ламотрек, Элато и Ифалик открыл капитан Джеймс Уилсон, который на корабле «Дафф» доставил на Таити первую группу миссионеров. В 1799 и в 1801 гг. в этой же части Каролинского архипелага острова Пулусук, Пулуват и Онон открыл испанский мореплаватель Хуан Ибарогонтия.

В июне 1798 г. капитан американского торгового корабля «Бетси» Эдмунд Фаннинг к северо-западу от Маркизских островов открыл острова Фаннинг и Вашингтон и риф Кингмен. Все эти острова расположены в цепи Центральных Полинезийских Спорад, открытие которых часто приписывается Фаннингу. Фактически же начало открытиям в этой островной гряде положено Куком, открывшим в декабре 1777 г. остров Рождества в центре длинной цепи Спорад (36, стр. 182). В том же 1798 г. капитан британского корабля «Хантер» Ферн открыл к западу от архипелага Гилберта остров Науру. В 1800 г. капитан британского корабля «Рилайнс» Г. Уотерхауз открыл острова Антиподов к югу от Новой Зеландии. В 1802 г. капитан Саул открыл в северной части островной цепи Центральных Полинезийских Спорад остров, который он по своему кораблю назвал Пальмира.

Открытия в Австралии.

Флиндерс, его современники и преемники

С тех пор как возникла британская колония в Порт-Джексоне, начались сперва эпизодические, а затем все более и более планомерные обследования берегов Новой Голландии. Первый вклад в эти исследования внесли беглые каторжники. В марте 1791 г. предприимчивый каторжник Уильям Брайант бежал со своей супругой, двумя детьми и восемью товарищами из Порт-Джексона на парусном боте. Брайант решил проследовать вдоль восточного берега материка к Торресовому проливу и затем пройти к Тимору. Ему удалось добраться до Тимора, но голландские власти выдали всех беглецов англичанам. Солдат с британского сторожевого корабля сохранил карту, составленную Брайантом, и дневники этого плавания, которые вела его жена и каторжники Джеймс Батчер и Джеймс Мартин. Брайанту удалось найти довольно безопасный проход между материком и Большим Барьерным рифом к северу от реки Индевр, и он во многих местах уточнил карту Кука.

В 1791 г. Джон Ванкувер, обогнув мыс Луин, прошел вдоль уже открытого в 1627 г. Нейтсом южного берега Новой Голлан-

дии на участке от 115°32' до 122°8' в. д. Ванкувер открыл здесь мысы Чатем, Хау, бухту Кинг-Джордж и скалистый островок Терминейшен в архипелаге Решерш. Ванкувер, таким образом, уточнил положение береговой линии этого участка южноавстралийского берега, о котором, с тех пор как его по данным Нейтса положил на карту Хессель Герритс, не было никаких сведений. Ванкувер побывал на южном берегу Новой Голландии на год раньше д'Антркасто. Оба этих выдающихся мореплавателя совершили вторичное открытие южного берега Новой Голландии и тем самым внесли значительный вклад в историю исследования берегов этого материка.

И Ванкувер и д'Антркасто полагали, что Вандименова Земля — это часть Новой Голландии, и не обследовали северные берега Тасмании, омываемые водами тогда еще не известного Бассова пролива. Предыстория открытия этого пролива весьма драматична.

В феврале 1797 г. английское торговое судно «Сидни-Ков» на пути из Бенгалии в Порт-Джексон вошло в пролив, отделяющий Тасманию от острова Кейп-Баррен, и потерпело крушение у западных берегов островов Фюрно. Помощник капитана Хью Томпсон с шестнадцатью матросами отправился на баркасе в Порт-Джексон за помощью. Томпсон прошел через устье Бассова пролива (не подозревая о его существовании) и достиг новоголландского берега западнее мыса Эверард. Здесь баркас был разбит, и моряки отправились в Порт-Джексон пешком вдоль берега. Поход этот продолжался сорок шесть дней, и в пути Томпсон погиб в стычке с аборигенами.

Когда измученные спутники Томпсона добрались до Порт-Джексона, по всей каторжной колонии распространилась весть о гибели где-то у берегов Новой Голландии богатого торгового судна «Сидни-Ков». В начале октября 1797 г. четырнадцать каторжников похитили шлюпку в порт-джексонской гавани и отправились на поиски «Сидни-Ков». Обогнув мыс Эверард, они заметили, что берег резко поворачивает на запад. Они дошли до мыса Вильсонс-Промонтори, крайней юго-восточной оконечности материка; дальше линия берега уходила на северо-запад, и они высадились на одном необитаемом островке. Здесь семеро беглецов, бросив своих спящих товарищей, на шлюпке направились обратно в Порт-Джексон, чтобы сдатьсь на милость властей каторжной колонии.

Этих незадачливых искателей добычи по пути встретил гидрограф Джордж Басс, посланный губернатором колонии на обследование юго-восточных берегов Новой Голландии. Басс до прибытия в Порт-Джексон, куда он попал в 1795 г., был помощником судового лекаря. В Новой Голландии он сменил скальпель на бусоль и занялся гидрографическими работами. Басс взял двух каторжников на борт своего вельбота и, узнав,

что у юго-восточного берега Новой Голландии нет никакой перемычки, ведущей к Вандименовой Земле, прошел вдоль этих берегов и достиг залива Уэстерн-Порт. Таким образом, он обошел выступ юго-восточного берега Новой Голландии и убедился, что к югу от него простирается открытое море. Однако Басс все же не мог с уверенностью утверждать, что Вандименова Земля не соединяется с Новой Голландией. Западнее Уэстерн-Порта берег материка был еще не обследован и здесь мог находиться перешеек, ведущий к Вандименовой Земле.

В следующем, 1798 г. было окончательно доказано, что между Новой Голландией и Вандименовой Землей имеется широкий проход, который назван был в честь Басса Бассовым проливом. Открытие это совершил Мэтью Флиндерс, неутомимый исследователь и талантливый гидрограф. Австралийские географы оценивают работы Флиндерса столь же высоко, как исследования и открытия Кука.

Флиндерсу было всего лишь двадцать один год, когда в 1795 г. он прибыл в Порт-Джексон. Ему поручили обследование берегов Нового Южного Уэльса, и в 1797 г. он вместе с Бассом совершил плавание, в котором приняли участие беглые каторжники. В феврале 1798 г. Флиндерс на корабле «Френсис» отправился к полуострову Вильсонс-Промонтори и оттуда через Бассов пролив прошел к островам, лежащим у северной оконечности Вандименовой Земли. Он открыл группу островов Кент и остров Пирамид. В том же 1798 г. на корабле «Норфолк» Флиндерс отправился к берегам Вандименовой Земли. В этом плавании он обошел вокруг Вандименовой Земли, положив на карту еще никому не ведомый северный берег острова. Он открыл остров Уотерхаус и архипелаг Хантер близ северных берегов Тасмании, бухту Порт-Далримпл — эстуарий крупнейшей на этом острове реки Теймар, и 9 декабря 1798 г. обошел северо-западную оконечность Тасмании. Флиндерс отметил в своем дневнике: «Ныне мы совершенно убеждены, что между Вандименовой Землей и Новым Южным Уэльсом действительно существует пролив и что этот пролив мы действительно прошли в эти дни» (37, стр. 213). Далее Флиндерс обследовал весь западный берег Тасмании и ряд бухт на ее восточном побережье. Результатом этого замечательного плавания была карта, на которой Тасмания впервые показана была как остров.

В 1799 г. Флиндерс на том же «Норфолке» обследовал участок восточного побережья Австралии и нанес на карту залив Херви, который глубоко врежется в сушу севернее современного Брисбена.

В конце 1800 и начале 1801 г. важные открытия совершены были в восточной части южного берега Новой Голландии. В декабре 1800 г. капитан корабля «Леди Нельсон» Джеймс

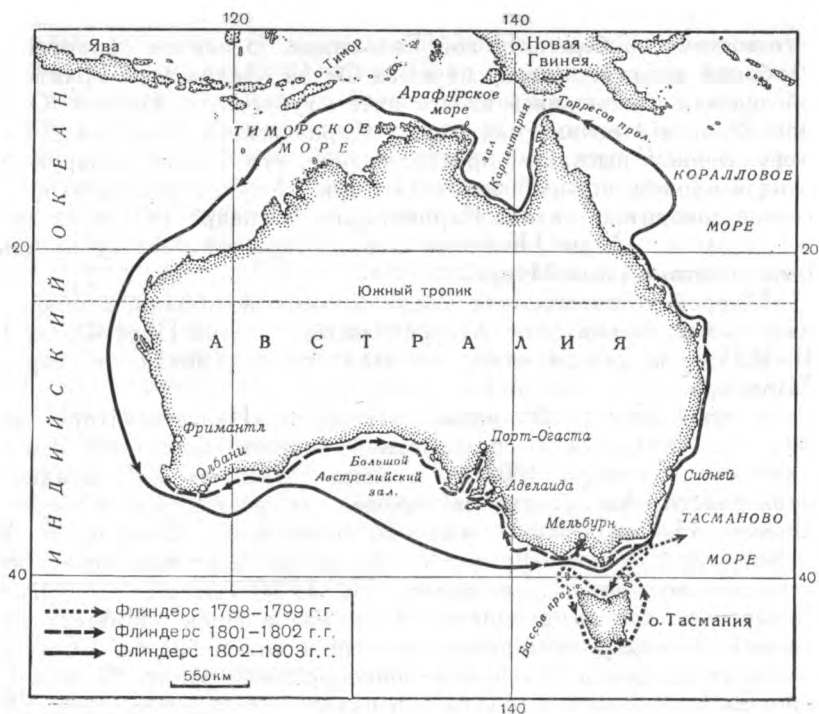
Грант на пути из Англии в Порт-Джексон открыл участок юго-восточного берега Новой Голландии. Здесь он обнаружил глубокий залив к востоку от мыса Отуэй. Залив этот Грант не обследовал, и, ссылаясь на его отчет, губернатор Нового Южного Уэльса в письме президенту Королевского общества Джозефу Бенксу высказал предположение, что Грант обнаружил вход в пролив, который пересекает всю Новую Голландию и на севере доходит до залива Карпентария. В январе 1801 г. на том же корабле «Леди Нельсон» к новооткрытому берегу послан был капитан Джон Муррей.

Муррей установил, что Грант открыл не пролив, а обширный залив. Залив этот Муррей назвал бухтой Порт-Филлип. В 1835 г. на северном берегу этой бухты основан был город Мельбурн.

В июле 1801 г. Флиндерс на корабле «Инвестигейтор» вышел из Англии для обследования берегов Австралии. Высадившись 6 декабря 1801 г. у мыса Луин, на юго-западной оконечности Австралии, он прошел на восток вдоль берега Земли Нейтса, ранее уже обследованной Ванкувером и д'Антркасто, и вошел в воды, омывающие еще неизвестные берега юго-восточной Австралии. На $35^{\circ}50'$ ю. ш., за мысом Катастроф (здесь разбилась одна из шлюпок «Инвестигейтора»), Флиндерс обнаружил разрыв в линии берега, который оказался входом в большой воронкообразный залив. Флиндерс прошел в глубь этого залива (он назвал его заливом Спенсер), нанес на карту его западный и восточный берега и открыл за узким и длинным полуостровом Йорк еще один залив, который назван был заливом Сент-Винсент. Эти открытия имели огромное значение. На южном берегу Австралии были обнаружены глубоко вдающиеся в сушу заливы с обширными и удобными гаванями. В заливе Сент-Винсент тридцать два года спустя был основан город Аделаида — столица Южной Австралии и один из крупнейших портов пятого материка.

Флиндерс установил, что берега заливов Спенсер и Сент-Винсент обитаемы. Он описал аборигенов, живущих по берегам залива Спенсер, сходных с обитателями Нового Южного Уэльса. Кое-где на побережье встречались эвкалиптовые и казуариновые леса, пресную воду легко было добыть из неглубоких колодезев, климат казался превосходным, и моряков совершенно не беспокоили насекомые, столь обильные на западных берегах Австралии. Очень часто попадались кенгуру и великолепные черные лебеди. У берегов материка Флиндерс открыл множество островов (острова Инвестигейтор, Грин, Пирсон, Уорд и др.) и положил на карту северный берег большого острова Кенгуру.

От залива Энкауинтер (бухты Встречи — здесь Флиндерс встретил французский корабль «Географ» под командой Ни-

Маршруты Флиндерса

Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

кола Бодена) «Инвестигейтор» направился в Порт-Джесон, куда прибыл 9 мая 1802 г. 22 июля того же года Флиндерс вышел из Порт-Джесона и обследовал все восточное побережье Австралии вплоть до мыса Йорк, нанес на карту Большой Барьерный риф, а затем прошел в залив Карпентария и в самой глубине его открыл группы островов Уэльсли и Сэр-Эдуард-Пелью. Флиндерс окончательно доказал, что Карпентария — это залив, глубоко врезаемый в материк. Флиндерс открыл в Торресовом проливе проход, расположенный севернее острова Принца Уэльского; проход этот оказался безопаснее пролива Индевр (Эндевор), которым в 1770 г. Кук проследовал из Кораллового моря к берегам Новой Гвинеи.

Флиндерсу было двадцать восемь лет, когда он завершил работы этой экспедиции. Но в дальнейшем судьба не баловала его. Со всеми своими материалами он в июле 1803 г. отправился из Порт-Джесона в Англию. Корабль, на котором Флиндерс плыл в качестве пассажира, разбился у Большого Барьерного рифа. Флиндерс прошел на шлюпке 800 миль, добрался до

Порт-Джексона, снарядил там судно и спас затем всех потерпевших кораблекрушение.

На пути в Европу в декабре 1803 г. он зашел на остров Маврикия — французскую колонию в Индийском океане, не ведая о том, что наполеоновская Франция после кратковременного мира вступила в войну с Англией. Флиндерс был арестован, и все его бумаги французские власти конфисковали. Он протомился на Маврикии шесть с половиной лет и в конце 1810 г. возвратился в Англию. Французы не только продержали Флиндерса в долголетнем плену, но и без его ведома использовали конфискованные материалы последней экспедиции.

В 1812 г. Флиндерс провел весьма удачное исследование влияния судового железа на показания компаса. Итогом всей его деятельности явился четырехтомный труд «Путешествие к Terra Australis» (25). Флиндерс умер в день выхода в свет этой книги, 14 июля 1814 г.

В 800-х годах в морях и океанах Старого и Нового Света шла ожесточенная борьба между Англией и наполеоновской Францией. Правда, Тихий океан и австралийские воды не стали театром боевых действий, но у берегов Австралии разыгралось бескровное сражение между английскими и французскими мореплавателями.

В 1800 г. Наполеон Бонапарт, в то время первый консул, послал к австралийским берегам флотилию под командой капитана Никола Бодена. Это была научная экспедиция, предпринятая отнюдь не с чисто академическими целями. Франция стремилась упредить Англию на морских путях южного полушария, а открытия Басса и Флиндерса, которые нашли проход между Новой Голландией и Вандименовой Землей и тем самым проложили кратчайший путь от мыса Доброй Надежды в Океанию, в немалой степени подогрели интерес первого консула к Южным морям.

Флотилия Бодена в составе кораблей «Географ» и «Натуралист» была отлично снаряжена. В экспедиции принимали участие натуралист Франсуа Перон и моряк с энциклопедическим образованием Луи Клод Фрейсине, впоследствии один из виднейших исследователей Океании.

В мае 1801 г. флотилия отдала якорь на новоголландских берегах, на южном участке западного побережья материка. Здесь был открыт залив Географа и мыс Натуралиста. Затем корабли направились на север к заливу Шарк, в глубине которого был открыт полуостров Перон. Обследовав залив и открыв два прохода, ведущие в него, — проливы Географа и Натуралиста, корабли направились дальше на север. В туманную погоду суда разлучились, и Боден на «Географе» направился в Тиморское море. На новоголландских его берегах он открыл обширный залив Жозеф-Бонапарта и острова Перонс близ побережья

Арихемленда. Затем Боден прошел к Тимору, где корабли флотилии снова соединились. Дав командам отдых, Боден в конце 1801 г. прошел к Тасмании. В январе 1802 г. экспедиция обследовала восточные берега этого острова и положила их на карту.

От восточного побережья Тасмании Боден прошел через Бассов пролив к берегам Новой Голландии. Он проследовал в бухту Порт-Филлип и далее направился вдоль берега материка, последовательно обогнув мысы Отуэй, Нельсон, Бриджутер и Банкаса. За мысом Банкаса Боден открыл и положил на карту еще никем не обследованный участок побережья протяженностью около 200 миль. Ряд мысов и бухт носят на этом берегу названия, данные Боденом (мыс Бюффон, мыс Джаффа, заливы Риволи и Гишен и т. д.). В заливе Энкауинтер Боден встретил Флиндерса; между руководителями английской и французской экспедиций состоялась беседа, причем от Перона Флиндерс получил довольно обстоятельные сведения об открытиях, только что совершенных французами на южном берегу материка.

Боден прошел затем к острову Кенгуру и обследовал его северный берег. На «Географе» к этому времени началась эпидемия цинги, и Боден направился в Порт-Джексона. В конце 1802 г. Боден отправил во Францию корабль «Натуралист» с материалами экспедиции, а сам на «Географе» и на небольшом судне «Казуарина», приобретенном в Порт-Джексона (командиром «Казуарины» назначен был Луи Клод Фрейсине), снова отправился к южным берегам материка.

Бодену посчастливилось избрать Порт-Джексона своей временной базой как раз в то время, когда англо-французская война была прервана короткой «амьенской паузой». Военные действия между Англией и Францией возобновились в 1803 г., когда корабли Бодена уже покинули Порт-Джексона. Боден и Фрейсине обогнули Тасманию, затем провели обследование южных и западных берегов острова Кенгуру и вдоль западных берегов материка прошли к острову Маврикия, куда прибыли в июле 1803 г. В сентябре 1803 г. Боден умер на Маврикии, и во Францию отчеты экспедиции доставил Фрейсине.

Результаты ботанических и зоологических исследований экспедиции были опубликованы Пероном в 1807 г., а в 1815 г. Фрейсине опубликовал обстоятельное описание географических работ, проведенных экспедицией в 1801—1803 гг. (25а). В результате четырехкратных плаваний Флиндерса и исследований, предпринятых экспедицией Бодена, контуры австралийского материка и Тасмании приобрели почти тот облик, который они имеют на современных картах, и в сфере колонизации оказалось южное побережье материка. Однако «белые пятна» все же не исчезли с берегов Австралии.

Открытия, совершенные в 1818—1822 гг. Филиппом Паркером Кингом на северных берегах Австралии, имели весьма большое значение на завершающем этапе исследований береговой линии этого материка. В 1817 г. Британское адмиралтейство поручило капитану Филиппу Паркеру Кингу обследовать северное побережье Австралии, и в первую очередь его западную часть — от залива Карпентария до Северо-Западного мыса. В 1818—1822 гг. Кинг совершил четыре плавания в североавстралийские воды. Первые три экспедиции предприняты были на небольшом судне «Мермейд», последняя — на бриге «Батерст». Исходным пунктом всех экспедиций был Порт-Джексон. В работах экспедиций принимал участие ботаник Ален Каннигхем, уже известный своими исследованиями в горах Нового Южного Уэльса.

По существу до Кинга все сведения о северном берегу Австралии, на участке от залива Карпентария до Северо-Западного мыса, основывались на картах второго плавания Тасмана, очень скудных данных голландских экспедиций 1648, 1678 и 1705 гг., записках Дампира, который посетил северо-западное побережье Новой Голландии в 1699 г., и отрывочных сведениях об этом же берегу в отчетах экспедиции Бодена.

На карте Тасмана была показана сплошная и слабо извилистая линия берега, но, после того как Боден открыл глубокий залив Жозеф-Бонапарта, контуры эти явно нуждались в уточнении. И в результате четырехлетних исследований Кинг показал, что и северо-западный берег Австралии и берега Арnhemленда изрезаны многочисленными заливами и бухтами и что близ них имеется немало островов, отделенных от материка проливами, о существовании которых не подозревали ни Тасман, ни Дампир, ни Боден. Кинг положил на карту острова Гоулберн и Крокер у центрального участка arnhemлендского берега и большие острова Мелвилл и Батерст, отделенные от северо-западного побережья Арnhemленда проливом Кларенс. На южном берегу этого пролива он обнаружил обширный залив, который в 1839 г. получил название Порт-Дарвин. Кинг открыл и обследовал большой залив Эксмут, врезающийся в берег сразу же за Северо-Западным мысом. Он нанес на карту заливы Брансуик, Йорк и Адмиралтейства на северо-западном берегу материка и открыл за Землей Дампира большой залив, впоследствии названный его именем, с обширной бухтой Дизастер-Бей на западном берегу.

Последние значительные открытия на берегах Австралии были совершены в 1839 г. Джоном Уикемом на корабле «Бигль». На «Бигле» великий натуралист Чарлз Дарвин в 1831—1835 гг. совершил свое знаменитое кругосветное плавание. В 1838—1839 гг. в новом плавании «Бигля» дневник иссле-

дований вел Джон Лорт Стокс, автор опубликованной в 1846 г. книги «Открытия в Австралии» (38). Уикем обследовал в марте 1839 г. обнаруженный Кингом залив с бухтой Дизастер-Бей, присвоив ему имя Кинга, и открыл устье большой реки Фицрой, впадающей в этот залив. В сентябре 1839 г. Уикем вошел в залив, названный им Порт-Дарвин, и установил, что эта бухта — одна из лучших гаваней Австралии. Уикем обследовал эстуарии рек Виктории и Фицморис и залив Куинс-Чаннел, куда впадает река Виктория.

После 1839 г. гидрографы внесли много поправок в карты Флиндерса, Бодена, Кинга и Уикема, но с Уикемом по существу закончилась эпоха открытий на австралийских берегах.

Происхождение названия Австралия. Современное название пятого материка связано с именем Флиндерса. В своей книге «Путешествие к Terra Australis» он писал: «...не будь я скован названием Terra Australis, я заменил бы его другим термином — Австралия». А сводную карту, приложенную к этой книге, Флиндерс озаглавил: «Генеральная карта Terra Australis, или Австралии». После выхода в свет книги Флиндерса название Австралия стало быстро входить в обиход. Губернатор Нового Южного Уэльса Макуори с 1817 г. начал применять этот термин в официальной переписке, а с 1824 г. название Австралия окончательно вытеснило с карт старое обозначение — Новая Голландия (Australian Encyclopedia, v. I, 1958, p. 310—311).

Отдавая должное Флиндерсу, за которым следует признать право приоритета на новое название пятого материка, нельзя, однако, не отметить, что задолго до Флиндерса почти таким же образом окрестил свой мифический материк Кирос (Tierra Austral del Espiritu Santo). Если не принимать во внимание смутных географических «озарений» Витфлита (см. стр. 108, 109), то надо признать, что по отношению к собственно австралийской территории термин Австралия впервые был использован Хесселем Герритсом в 20-х гг. XVII в. Этот выдающийся голландский картограф назвал огромную и еще совершенно не обследованную землю Australia incognita. Голландцы, однако, предпочли названия Зейдландт и Новая Голландия.

Термин Австралия сразу же получил признание в мировой географической литературе — прежде всего потому, что он указывал на принадлежность пятого материка южному полушарию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОТКРЫТИЯ РУССКИХ В ОКЕАНИИ. XIX В.

Крузенштерн и Лисянский. Первое русское кругосветное плавание

Первая русская кругосветная экспедиция ставила целью связать морским путем Русскую Америку с портами Балтики. Путь из Европейской России в Охотск, ведущий через необозримое пространство Сибири, был чрезвычайно длинным и неудобным. «Великое отдаление, — писал Крузенштерн, — и чрезвычайные в перевозе некоторых вещей затруднения, к чему употреблялось ежегодно более 4000 лошадей, возвысили цены на все, даже и в Охотске, до крайности. Так, например: пуд ржаной муки стоил там и во время дешевизны, когда в восточной Европейской России продавался по 40 или 50 копеек, 8 рублей, штоф горячего вина 20, а нередко 40 и 50 рублей. Часто случалось, что по перевозе оных уже через великое расстояние были на дороге разграбляемы и в Охотск доходила малая токмо часть. Перевоз якорей и канатов казался совсем невозможным, но необходимость в оных заставляла прибегать к средствам, наносившим нередко вредные последствия.

Канаты разрубали на куски в 7—8 сажений и по доставлении в Охотск опять соединяли и скрепляли. Якоря перевозили также кусками, которые потом сковывали вместе. Сколь труден и дорог был перевоз до Охотска, но из него на [Алеутские] острова и в Америку был столь же мало удобен и безопасен. Крайне худое построение судов, малосведение большей части управлявших оными и опасное в таком состоянии плавание по бурному восточному океану были главнейшими причинами, что суда с самыми нужнейшими и сделавшимися столь дорогими грузами погибали почти ежегодно. Итак, чтоб производить сию торговлю с большею выгодною и чтобы впоследствии оную усилить, необходимость требовала отправлять корабли из Балтийского моря около мыса Горн или мыса Доброй Надежды к

северо-западному берегу Америки. В 1803 г. сделан был первый опыт в таковом преднамерении» (11, стр. XVI—XVII).

Однако это «преднамерение» впервые проявилось задолго до 1803 г. Еще в 1732 г. президент Адмиралтейств-Коллегии Н. Ф. Головин и адмирал Сандерс предлагали Вторую Камчатскую экспедицию снабдить кораблями, которые из Балтики прошли бы к Охотску вокруг мыса Горн. В 1764 г. разрабатывался план посылки двух кораблей в воды Алеутских островов тем же путем. В 1785 г. к берегам северо-западной Америки намечено

было послать четыре военных корабля под командованием Г. И. Муловского. Однако этот план был сорван русско-шведской войной, в одном из сражений которой погиб Г. И. Муловский.

В 80-х и 90-х годах XVIII в. сфера проникновения русских в Тихий океан стала быстро расширяться и охватила берега залива Аляска и острова архипелага Александра. В 1799 г. основано было постоянное поселение на острове Ситха, которое вскоре сделалось основной базой Российско-Американской компании, учрежденной в том же году.

Прямая морская связь

между Балтикой и северо-западными берегами Северной Америки стала куда более необходимой, чем два-три десятилетия назад, и в 1803 г. в воды «Восточного океана» направлена была экспедиция под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна.

Крузенштерн родился 8 сентября 1770 г. близ Ревеля (Таллина), окончил Морской корпус в Кронштадте и в восемнадцать лет принял участие в морских боях со шведами. Крузенштерн служил мичманом на корабле Г. И. Муловского и от него узнал о проекте кругосветной экспедиции, не осуществленном из-за русско-шведской войны. В 1793 г. Крузенштерн направлен был в Англию, затем побывал в Канаде, Вест-Индии, Индии и Китае. Возвратившись в 1799 г. в Россию, Крузенштерн подал Павлу I две записки, в которых развивал планы морских сношений с Камчаткой и Русской Америкой. Записки эти положены

И. Ф. Крузенштерн

были под сукно, и только после воцарения Александра I делу был дан ход. Были снаряжены два корабля: «Надежда» и «Нева» водоизмещением соответственно 450 и 375 т. Командиром «Невы» был назначен друг и сверстник Крузенштерна Юрий Федорович Лисянский, который участвовал в русско-шведской войне и подобно Крузенштерну прошел в Англии великолепную практическую школу. В состав экспедиции вошли натуралисты И. К. Горнер, Г. И. Лангсдорф и В. Г. Тилеэиус.

7 августа 1803 г. корабли покинули Кронштадт и направились к мысу Горн, который обогнули в феврале 1804 г. Войдя в Тихий океан, «Надежда» и «Нева» направились раздельными маршрутами к Маркизским островам. Лисянский по пути зашел на остров Пасхи, где команду «Невы» исключительно тепло приняли островитяне.

Крузенштерн и Лисянский встретились затем на стоянке у острова Нукухива. Оба мореплавателя обследовали всю северную часть Маркизского архипелага, открытую в 1791 г. Ингрезом. Острова эти на свою карту Крузенштерн нанес под названием Вашингтоновых, отметив при этом, что «хотя и справедливо, что, чем менее будет разных названий на картах и более островов, известных под одним именем, тем лучший порядок и удобность в землеописании соблюдается, но неужели не заслуживает исключения имя Вашингтона, которое всякую карту украшать долженствует?»

Лисянский и Крузенштерн очень подробно описали остров Нукухива и его обитателей. Большое внимание они уделили семейному укладу островитян, их обычаям, постройкам, одежде, оружию, видам пищи и мореходным средствам.

От Маркизских островов экспедиция направилась к Гавайям, куда прибыла 8 июня 1804 г. Крузенштерн и Лисянский посетили Гавайские острова в ту пору, когда они уже были вовлечены в сферу колониальной экспансии, и в те годы, когда Камеамеа объединял под своей властью весь архипелаг, сокрушая непокорных вождей. Этого гавайского Петра Первого русские моряки воочию не видели. Им пришлось удовлетвориться

Ю. Ф. Лисянский

встречей с гавайским Лефортом — англичанином Джоном Юнгом, богатейшим колонистом и главным советником короля Камеамеа. В бухте Кеалакеуа, где погиб Кук, русские гости осмотрели королевский «дворец» — шесть больших хижин на каменных площадках, королевскую «божницу» — обнесенный палисадом храм, перед которым стояли идолы и жертвенник, «весьма похожий, — как пишет Лисянский, — на рыбную сушильню». Посетив главный остров Гавайи, корабли отправились на остров Кауаи, где правил вождь Каумуалии, враг короля Камеамеа. От берегов острова Кауаи Крузенштерн пошел на Петропавловск, а Лисянский направился к Ново-Архангельску — городу, основанному Барановым на острове Ситха.

Посетив Русскую Америку, осенью 1805 г. Лисянский направился к Аомыню (Макао) — месту встречи с Крузенштерном. По пути 15 октября 1805 г. он открыл на $26^{\circ}2'48''$ с. ш. и $173^{\circ}42'30''$ з. д. необитаемый остров, окруженный рифами, который назван был островом Лисянского. Птицы, гнездившиеся на берегах острова, и многочисленные тюлени не обращали на людей никакого внимания. Остров был совершенно безводным, и, кроме травы, на нем ничего не росло. Но на берегу Лисянский нашел десять больших бревен — плавник, принесенный из дальней земли, скорее всего от берегов Америки (17).

Крузенштерн, побывав на Камчатке, отправился в Нагасаки, куда он должен был доставить русского посла Резанова. Японцы, однако, не приняли Резанова, и Крузенштерн отвез его в Петропавловск, по пути обследовав западный вход в Сангарский пролив, западный берег острова Хоккайдо и воды Южного Сахалина. Летом 1805 г. Крузенштерн положил на карту северный и восточный берега Сахалина, который он, так же как и Лаперуз, счел полуостровом. Снова возвратившись в Петропавловск, Крузенштерн осенью 1805 г. направился в Балтику. По пути он посетил Макао и Гуанчжоу и вместе с Лисянским 5 августа 1806 г. прибыл в Кронштадт.

Историографами первого русского кругосветного плавания были его руководители И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский (11. 17). Первые издания их трудов вышли в свет в 1809—1812 гг. Первая русская кругосветная экспедиция внесла большой вклад в изучение островов и морей Океании. Огромное значение имели океанографические работы, проведенные в Тихом океане. Экспедиция вела систематические наблюдения над течениями, соленостью и плотностью воды, приливами и отливами. Пользуясь максимально-минимальным термометром Сикса, участники экспедиции собрали ценные данные о распределении температур в верхних слоях Мирового океана. Установлено было, что воды Атлантического океана имеют большую соленость, чем воды Тихого океана, и что в приэкваториальных широтах поверхностные воды содержат больше солей, чем воды

низких широт (6, 11). После возвращения из кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерн долгие годы вел неутомимые поиски в морях Тихого океана, не покидая Петербурга. Он собирал решительно все данные о старых и новых тихоокеанских экспедициях, и плодом этих исследований явился поистине замечательный «Атлас Южного моря», изданный им в 1823—1826 гг. К этому атласу Крузенштерн приложил двухтомную объяснительную записку («Собрание сочинений, служащих разбором... Атласа Южного моря») (12), в которой подверг критической оценке все известные в то время источники по истории открытий в Тихом океане. В 1836 г. Крузенштерн опубликовал не менее ценное дополнение к этому труду (13). Сводки по истории тихоокеанских открытий выходили в свет до этих работ Крузенштерна, и имена Дальримпла, Барни, Эрроусмита были хорошо известны всем географам, но по полноте охвата материала труд Крузенштерна оставил позади все работы английских гидрографов и картографов. Крузенштерн, составляя атлас, провел колоссальную работу. Исходные данные, которыми он пользовался, были весьма неточны и сбивчивы. Ведь до Кука ни один мореплаватель не пользовался хронометром, и ошибки при определении долготы новооткрытых земель исключали возможность точной привязки их к карте. При этом в таких островных «галактиках», как архипелаг Туамоту или Каролинские и Маршалловы острова, рассеяно великое множество атоллов сходного облика, и установить, какой именно из них открыт тем или иным мореплавателем, удавалось только после кропотливого перекрестного изучения разновозрастных и разнохарактерных данных. Атлас Крузенштерна был удостоен полной Демидовской премии и получил исключительно лестные отзывы виднейших русских географов и мореплавателей XIX в. — академика К. М. Бэра, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангеля.

В 20-х и начале 30-х годов XIX в. большинство материалов ранних испанских плаваний еще не было опубликовано, и естественно, что Крузенштерн не мог учесть те сведения, которые появились в печати лишь во второй половине XIX в. Тем не менее и по сей день труд выдающегося русского мореплавателя дает ценнейшие путеводные указания историкам океанских открытий.

Коцебу. Экспедиция на «Рюрик». Открытия в Микронезии

«Надежда» и «Нева» были истинными плавучими академиями, и экспедиция И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского открыла эпоху русских кругосветных плаваний, которые оказали огромное влияние на ход географических открытий в Тихом океане.

О. Е. Коцебу

Между Русской Америкой и Балтикой в первой половине XIX в. установились постоянные морские связи, и обе великие морские дороги — путь в обход мыса Доброй Надежды и путь мимо мыса Горн — стали трассами русских кругосветных и «полукругосветных» плаваний. С 1803 по 1866 г. предпринято было сорок пять таких экспедиций, из них двадцать восемь кругосветных (6, 7, 8).

Первое после Крузенштерна и Лисянского открытие в Океании связано с именем выдающегося мореплавателя Михаила Петровича Лазарева. Назначенный в двадцатипятилетнем возрасте коман-

диром корабля «Суворов» Российско-Американской компании, М. П. Лазарев вышел в октябре 1813 г. из Кронштадта, обогнул мыс Доброй Надежды, дошел до Австралии и, следуя из Порт-Джексона к Гавайским островам, в конце сентября 1814 г. открыл под $13^{\circ}10'$ ю. ш. и $163^{\circ}10'$ з. д. группу из пяти мелких необитаемых коралловых островков, которая получила название острова Суворова. Это был изолированный атолл в северной группе островов Кука, до той поры неизвестный мореплавателям.

М. П. Лазарев шел через Южные моря транзитом, целью его экспедиции была Русская Америка. Но в 1815 г. в Океанию была послана специальная экспедиция для исследования морей и земель этой части земного шара, организованная на частные средства графа Н. П. Румянцева, государственного деятеля и мецената. Во главе этой экспедиции поставлен был участник кругосветного плавания Крузенштерна лейтенант Отто Евстафьевич Коцебу.

Экспедиции Коцебу поручалось, во-первых, отыскать западное начало Северо-Западного прохода, ради чего надлежало обследовать моря, омывающие северные берега Аляски, в которых после Кука никто еще не плавал, во-вторых, уточнить положение ряда островов в тропической части Тихого океана и,

в-третьих, провести в ходе плавания различные научные наблюдения. Специально для экспедиции построен был небольшой (180 т) бриг «Рюрик». Старшим офицером был назначен Г. С. Шишмарев. И О. Е. Коцебу и Г. С. Шишмарев были отличными моряками с опытом дальних плаваний, моряками-исследователями, великолепно подготовленными для руководства научной экспедицией в тропических и полярных морях.

В Копенгагене О. Е. Коцебу взял на борт натуралиста Альберта (или Адальберта) Шамиссо. Сын французского эмигранта Шамиссо с детских лет жил в Пруссии и прошел курс естественных наук в Берлинском университете. К 1815 г. он приобрел широкую известность как автор замечательной поэмы в прозе «Петер Шлемиль», в которой описывалась трагическая судьба человека, продавшего свою тень*.

Этот франко-немецкий поэт-натуралист в ходе экспедиции не только вел ботанические и зоологические наблюдения, но и неутомимо собирал сведения о языках, культуре и обычаях народов Океании, причем, обладая феноменальными лингвистическими способностями, он очень быстро овладевал живой речью островитян. Помимо Шамиссо в работах экспедиции принимали участие натуралист И. И. Эшшольц и художник Л. А. Хорис.

«Рюрик» вышел из Кронштадта 30 июля (по новому стилю) 1815 г. и проследовал к берегам Чили в обход мыса Горн. 12 февраля 1816 г. О. Е. Коцебу ввел корабль в чилийскую гавань Консепсьон и 8 марта вышел оттуда в открытый океан в поисках мифической Земли Девиса. 28 марта «Рюрик» отдал якорь у берегов острова Пасхи.

Местные жители встретили мореплавателей с крайним недоверием, причины которого Коцебу узнал впоследствии на Гавайях. За одиннадцать лет до визита «Рюрика» американское китобойное судно «Нэнси» явилось на остров Пасхи. Капитан этого судна, Крозер, силой захватил свыше двух десятков островитян и заковал их в цепи. Он намерен был перевезти пленников на острова Хуан-Фернандес. Три дня спустя после ухода с острова Пасхи оковы были сняты; тогда все пленники-мужчины бросились в море, надеясь вплавь добраться до родного острова. Крозер оставил их на произвол судьбы, а взятых в плен женщин перебрросил на далекие острова Хуан-Фернандес. Естественно, что после этого злодеяния жители острова Пасхи стали проявлять весьма неприязненное отношение ко всем чужеземным гостям.

Вступив в начале апреля 1816 г. в воды архипелага Туамоту, Коцебу 16 апреля подошел на $15^{\circ}11'$ ю. ш. и $138^{\circ}47'7''$ з. д. к

* А. Шамиссо впоследствии перевел на немецкий язык поэму Рыльева «Войнаровский» и в одном из своих поэтических произведений описал декабриста Александра Бестужева и его мытарства в сибирской ссылке.

ато́ллу, который он с некоторыми колебаниями считал островом Хонден (местное название Пукапука), ровно за двести лет до этого открытым Схаутеном и Ле-Мером. Этот остров Коцебу назвал Сомнительным. 20 апреля открыт был на $14^{\circ}57'20''$ ю. ш. и $144^{\circ}20'30''$ з. д. остров, названный в честь Н. П. Румянцева. Это был атолл Тикеи, у которого, возможно, побывал Роггевен в мае 1722 г. 22 апреля на $14^{\circ}41'$ ю. ш. и $144^{\circ}59'20''$ з. д. был замечен атолл, который Коцебу в честь своего прежнего начальника адмирала Спиридова назвал островом Спиридова. То был атолл Такапото, у берегов которого в мае 1722 г. Роггевен потерял корабль «Африканске Галее» и который в 1765 г. Байрон назвал островом Кинг-Джордж.

Посетив открытые в 1773 г. Куком острова Паллисера, Коцебу 23 апреля открыл цепь коралловых островков, которую он назвал цепью Рюрика ($15^{\circ}11'—15^{\circ}30'$ ю. ш. и $146^{\circ}32'—146^{\circ}50'$ з. д.). Это была гряда атоллов Арутуа, до плавания Коцебу не нанесенная ни на одну карту. 25 апреля была открыта группа соединенных рифами коралловых островков (центр ее находился на $15^{\circ}0'$ ю. ш. и $148^{\circ}41'$ з. д.), которую Коцебу назвал островом Крузенштерна. Остров Крузенштерна (местное его название Тикахау) впервые был открыт Коцебу. Покинув архипелаг Туамоту, Коцебу направился на запад, прошел 30 апреля мимо группы островов Пенрин, открытой Севером в 1788 г. Здесь состоялась встреча с островитянами (Коцебу подробно описал их внешний вид и нравы).

Затем Коцебу направился к Маршалловым островам. В ту пору этот обширный архипелаг был еще мало обследован. Сбивчивые данные испанских мореплавателей XVI в. в начале XIX в. неведомы были географам, а на карте Эрроусмита острова, в свое время открытые Маршаллом и Деннетом, были положены весьма неточно. Коцебу прошел через этот архипелаг в самой западной его части и открыл здесь 21 мая 1816 г. две группы атоллов, которые получили название островов Кутузова (местное название Утирик) и Суворова (местное название Така). Атоллы были обитаемы. Хотя, по всей вероятности, острова эти видел Сааведра (о чем Коцебу не мог знать, ибо описания участников экспедиции Сааведры опубликованы были только во второй половине XIX в.), честь открытия их по праву принадлежит рюриковцам: именно они первые положили на карту эти коралловые островки, лежащие на северо-западной окраине Маршаллова архипелага.

Затем Коцебу направился к берегам Камчатки. Обследовав берега Берингова пролива и Алеутские острова, осенью 1816 г. он прошел в Сан-Франциско, а оттуда снова повел «Рюрик» в Южные моря.

Второй рейс Коцебу в воды Океании далеко превзошел по своему значению его первое плавание. Сперва Коцебу посетил

Гавайские острова, где пробыл со 2 ноября по 14 декабря 1816 г. На Гавайях русские моряки были тепло приняты королем Камеамеа в его «Соломенном дворце».

Покинув Гавайские острова, Коцебу направился к Маршалловым островам и в январе и феврале 1817 г. открыл и положил на карту цепь островов Радак в юго-западной части этого архипелага.

Первым был открыт в день Нового года остров Меджит (Коцебу назвал его островом Нового Года). Затем, следуя к югу, 4 января Коцебу открыл группу атоллов, названную им островами Румянцева (местное название Вотье). На этом коралловом кольце, состоящем из шестидесяти пяти островков, экспедиция пробыла больше месяца.

Островитяне, которые, к счастью для себя, не испытали еще «прелестей» общения с британскими, испанскими и американскими мореплавателями, с необыкновенным радушием встретили русских гостей. И местный вождь Рарик, и пожилой островитянин Лагедиак, который добровольно принял на себя обязанности гида, и друг лейтенанта Шишмарева Лангин сообщили морякам множество ценнейших сведений о соседних островах.

«Я упросил, — пишет Коцебу, — Лагедиака начертить и другую группу островов, именуемую им Эрекуп (Эрикуб); он сделал круг, состоящий из семнадцати островов, и обозначил несколько проходов под ветром, потом указал на О и объяснил, что если отплыть отсюда с восходом солнца, то к заходу уже можно там быть» (9, стр. 169). Этот же островитянин на прибрежном песке составил из камней наглядную схему всей западной части Маршаллова архипелага и указал, под каким румбом лежат ближние и дальние острова цепи Радак.

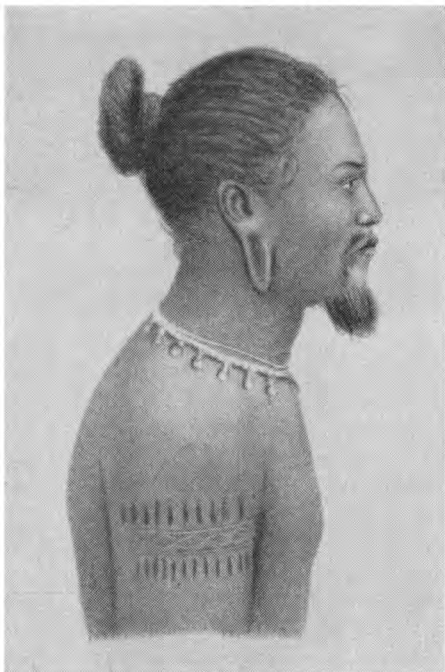
Опираясь на полученные опросные сведения, Коцебу решил обследовать соседние группы островов. 7 февраля 1817 г. он покинул кольцо Вотье и направился на юг. В тот же день открыта была группа атоллов Эрикуб, названная островами Чичагова, а 10 февраля «Рюрик» подошел к атоллам Кавен, или Малолап (Коцебу назвал эту группу островами Аракчеева), лежащим к юго-востоку от Эрикуба, где островитяне чрезвычайно гостеприимно встретили русских мореплавателей. Вождь острова Кавен Лабелеа, общительный и добродушный гигант, посоветовал Коцебу отправиться на лежащий сразу же к югу остров Аур, куда «Рюрик» и прибыл 24 февраля. На Ауре состоялась знаменательная встреча с уроженцем Каролинских островов — Каду. Этот тридцатилетний островитянин оказал экспедиции столь же большие услуги, как в свое время Тупиа Куку и его спутникам.

«Каду, — пишет Коцебу, — родился на острове Улле (Улеи), принадлежащем Каролинским островам, отдаленным отсюда по

крайней мере на 1500 английских миль к W. Он оставил Улле с Эдоком и двумя другими дикарями на снабженной парусом лодке, намереваясь заняться рыбной ловлей у одного отдаленного острова; жестокий шторм занес этих несчастных в неизвестные места; они целых восемь месяцев блуждали по морю и наконец в самом жалком положении привалили к о. Аур. Самое замечательное в этом путешествии то, что оно совершено против NO пассата и поэтому должно обратить на себя особое внимание тех, которые полагают, что заселение островов Южного моря шло от W к O. Каду рассказывал, что они все время шли под парусами, как только позволял ветер, и лавировали против NO пассата, полагая, что на-

ходятся под ветром своего острова; поэтому понятно, что они этим способом прибыли к Ауру. Время они исчисляли по луне, связывая при каждом новолунии узел на назначенной для того веревке. Так как море изобилует рыбой, а у них имелись нужные для рыбной ловли снасти, то они менее страдали от голода, чем от жажды; хотя они не упускали ни одного случая собрать про запас дождевую воду, однако часто терпели недостаток в пресной воде. В таких случаях посылали Каду, как искусного водолаза, с кокосовой скорлупой, имевшей малое отверстие, на глубину моря, где вода менее солоная; но если это средство и смягчало нужду в воде, то, вероятно, было причиной крайнего истощения людей.

Когда они увидели о. Аур, то вид берега уже не радовал их — до такой степени притупились их чувства. Давно уже не имели они паруса, лодка была предоставлена на произвол ветра и валов, и они спокойно ожидали смерти, когда жители Аура поспешили на нескольких лодках на помощь несчастным и перетаскивали умирающих на берег. В это время «тамона» [вождя] на

Каду

Из книги О. Е. Коцебу «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... на корабле «Рюрик»; рис. А. А. Хориса

острове не было, имевшиеся у несчастных железные предметы искусили спасителей, которые собрались их умертвить, чтобы разделить между собой добычу, но в это время подоспел «тамон» о. Аура — Тигедиен и спас им жизнь. Впоследствии Каду предложил своему избавителю все свое богатство, но этот последний великодушно отказался принять его и взял только какую-то малость, а своим подданным угрожал смертью, если они причинят какую-либо обиду этим бедным чужестранцам.

Каду со своими товарищами поселился в жилище Тигедиена, который по-отечески заботился о нем и полюбил его за природный ум и доброту сердца. По его исчислению, прошло уже три-четыре года со времени его прибытия сюда. Когда наш корабль прибыл сюда, то здешние жители поспешно призвали Каду, занимавшегося в лесу, ибо от него, как от человека, много путешествовавшего и умного, они ожидали получить объяснение этого чудесного явления. Он уже прежде рассказывал им о кораблях, которые хотя и бывали у Улле, но ему были известны только по слухам; он даже назвал двух людей — Луи и Мармола, пришедших с большого острова Британии. Будучи настроен в пользу белых людей, он уговаривал островитян отправиться на корабль, чему они сначала противились, поскольку верили, что белые люди едят черных.

Для нас осталось загадкой, откуда взялось такое мнение, так как, кроме древнего предания, что в незапамятные времена мимо группы Кавен прошел большой корабль, они не имели никакого понятия о европейских кораблях, за исключением того, что им сообщил Каду. Наконец его обещание наместить для них железа побудило их отправиться на корабль, а он, как читатель уже известно, остался у нас» (9, стр. 189—190).

Каду изъявил желание принять участие в плавании и в дальнейшем сопровождал Коцебу в рейсе на Алеутские острова и затем возвратился на Маршаллов архипелаг. Он очень быстро обучился русскому языку, и с его помощью Шамиссо освоил различные микронезийские диалекты.

Присвоив атоллу Аур название острова маркиза де Траверсе, Коцебу 28 февраля направился к северу и прошел мимо атоллов Вотье к группе атоллов Аилук, которая на карте Коцебу получила название островов Крузенштерна. На этих островах престарелый вождь Лангемуи объяснил Коцебу, что к западу от островной цепи Радак протягивается цепь островов Ралик, состоящая из девяти больших групп и трех отдельно лежащих островов. Лангемуи называл цепью Ралик скопление островов в западной части Маршаллова архипелага, к которой относятся группы атоллов Аилингине, Вото и Кваджелейн.

Поскольку близилось лето, сезон, благоприятный для плавания в северотихоокеанских водах, Коцебу решил отложить до

осени обследование цепи Ралик и в середине марта направился к Уналашке. Из Уналашки 18 августа 1817 г. Коцебу снова вернулся на юг, вторично посетил в конце сентября и начале октября Гавайские острова и 30 октября 1817 г. привел «Рюрик» к группе Вотье. В ноябре 1817 г. Коцебу прошел через Маршаллов архипелаг с востока на запад и составил опись группы атоллов Ликиеп (названной островами графа Гейдена). Поскольку корабль нуждался в ремонте, Коцебу не стал разыскивать острова цепи Ралик и направился через Гуам в Манилу, куда прибыл 16 декабря 1817 г. В августе 1818 г. Коцебу возвратился в Кронштадт.

В исследование Микронезии Коцебу и его спутники внесли ценнейший вклад, и по своему значению плавание на «Рюрике» смело можно сравнить с полинезийскими походами Кука. В сущности только после экспедиции на «Рюрике» восточные группы Маршалловых островов были точно привязаны к карте и выяснилось их взаимное положение в коралловом лабиринте этого архипелага.

Совершенно справедливо И. Ф. Крузенштерн писал в 1823 г.: Коцебу «неоспоримо принадлежит честь, что он первый познакомил нас с их [Маршалловых островов] истинным положением, чего, к сожалению, не сделали его предшественники» (12).

Но этим далеко не исчерпываются итоги экспедиции. Коцебу и Шамиссо дали первое научное описание Маршалловых островов и их обитателей, описание, основанное на длительных и всесторонних наблюдениях. Оба они были основоположниками микронезийской этнографии, и их данные о хозяйственном укладе, обычаях, языках, религии и общественном строе островитян Маршаллова архипелага сохраняют свое значение до наших дней.

Шамиссо на основании сравнительного анализа языков народов Маршалловых, Каролинских, Марианских островов и островов Полинезии пришел к выводу о тесном родстве всех народов Океании и подкрепил весьма основательными аргументами гипотезы Бугенвиля и Кука об азиатском происхождении океанийцев. На материалах экспедиции Шамиссо совершил биологическое открытие, получившее высокую оценку Чарлза Дарвина, — обнаружил чередование поколений у морских животных сальп. Следует отметить, что Дарвин обратил особое внимание и на некоторые геологические наблюдения Коцебу, и в частности на его гипотезу образования коралловых рифов и островов.

Экспедиция провела разнообразные океанографические исследования; свойства морской воды изучались на глубинах до 900 м. Астроном и физик И. К. Горнер, который в 1803—1806 гг. принимал участие в первом русском кругосветном плавании, обработал океанографические материалы экспедиции,

В. М. Головнин

гешествия» (9, 23) и в «Зоологическом атласе» (1829 г.), составленном по сборам 1815—1818 и 1823—1826 гг. И. И. Эшшольцем.

собранные на различных широтах, особое внимание уделив распределению температур и показателей плотности поверхностных вод.

Результаты плодотворных работ экспедиции отражены в книге Коцебу «Путешествие в Южный океан... на «Рюрик»», ч. I—III, впервые вышедшей в свет в Петербурге в 1822—1823 гг. и частично переизданной в 1948 г. (9), в многочисленных трудах А. Шамиссо, опубликованных в 1819—1837 гг. в Германии на латинском и немецком языках и в 1823 г. в России, а также в III томе «Пу-

Головнин. Плавание на «Диане» и «Камчатке»

Василий Михайлович Головнин, моряк «с молодых ногтей» (в четырнадцатилетнем возрасте он уже участвовал в морских сражениях со шведами) и один из просвещеннейших русских мореплавателей XIX в., в 1807—1809 гг. на шлюпе «Диана» прошел из Кронштадта к берегам Камчатки. Почти год, с апреля 1808 по май 1809 г., он пробыл в Южной Африке в плену у англичан (как раз в это время Россия, связанная с Наполеоном Тильзитским договором, вела «полувойну» с Англией). Выведя тайком из гавани «Диану», Головнин бежал на восток, к берегам Тасмании, обогнул ее и, побывав затем на новогеебридском острове Танна, прошел оттуда в Петропавловск.

Хотя в южной части Тихого океана Головнин не совершил новых открытий, он во многом дополнил сведения о Новых Гебридах, которые содержались в дневниках второго плавания Кука. Дальнейшие планы экспедиции были нарушены неожиданным происшествием. На Курильском острове Кунашир его взяли в плен японцы, и на этот раз его неволя длилась почти

два года. Только в 1814 г. он через Сибирь добрался до Петербурга. Дневники путешествия на «Диане» неоднократно издавались (4).

Три года спустя Головин на шлюпе «Камчатка» отправился во второе плавание, которое продолжалось с 1817 по 1819 г. На этот раз он направился в Тихий океан в обход мыса Горн и по пути в Петропавловск зашел на Гавайские и Марианские острова. Головин уточнил положение острова Гуам, который оказался на 58 миль западнее, чем полагали английские картографы. Блестящее описание государства короля Камеамеа, данное Головинным, — один из наиболее ценных источников по истории Гавайев XIX в. (4а).

Понафидин. Открытие островов Бородино

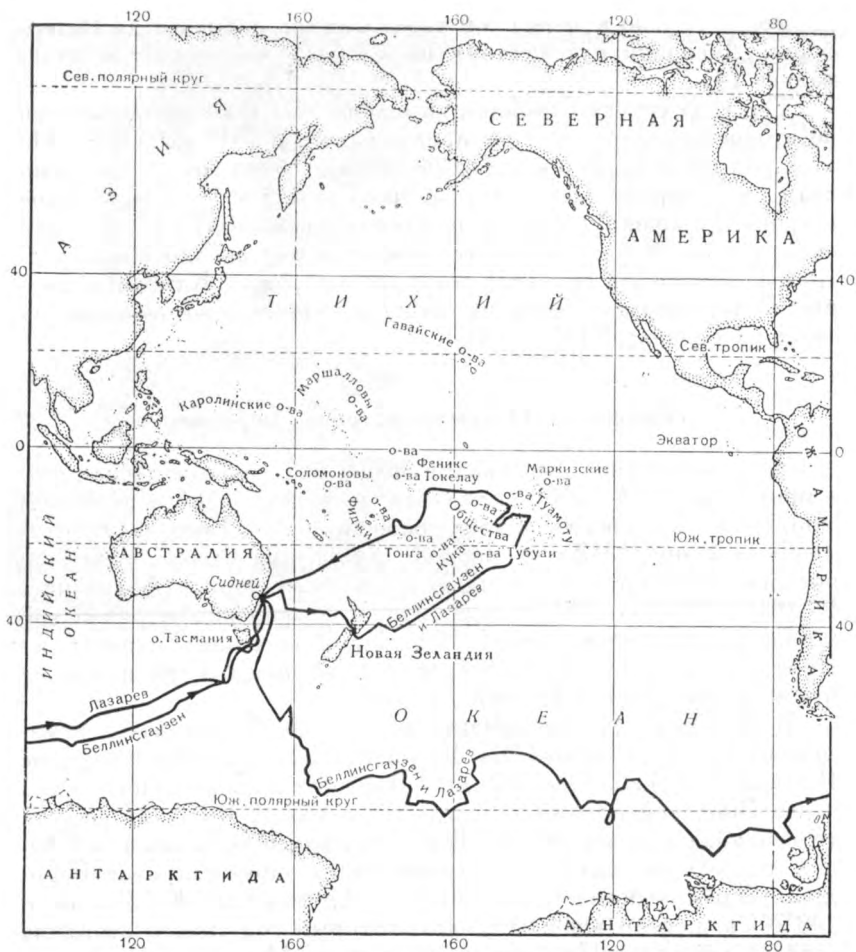
Захар Иванович Понафидин флотскую службу начал мичманом и в 1806—1808 гг. плавал в Эгейском и Средиземном морях. Он участвовал в трех сражениях с турками, в Отечественную войну 1812 г. с честью служил на боевых кораблях, которые крейсировали в водах Северного моря и Атлантики. В 1816—1818 гг., командуя судном Российско-Американской компании «Суворов», З. И. Понафидин совершил переход из Кронштадта в Новоархангельск вокруг мыса Горн и тем же путем возвратился в Балтийское море.

В 1819 г. З. И. Понафидин на корабле «Бородино» водоизмещением 600 т вышел из Кронштадта в плавание к берегам Русской Америки. Обогнув мыс Доброй Надежды, Понафидин через Зондский пролив проследовал в Тихий океан. 27 августа (8 сентября старого стиля) 1820 г. он на $25^{\circ}56'$ с. ш. и $130^{\circ}15'$ в. д. открыл два острова, получившие название островов Бородино. Тремя днями ранее был обнаружен на $30^{\circ}32'$ с. ш. и $140^{\circ}24'$ в. д. небольшой островок, который год спустя вторично открыл лейтенант Повалишин на пути из Манилы в Камчатку. Островок этот назван был в честь Понафидина.

Беллинсгаузен и Лазарев. Открытие островов Россиян

Успехи первых русских кругосветных экспедиций вызвали большой интерес к водам высоких широт, и в частности к морям Антарктики. В 1818 г. в Петербурге была начата подготовка большой экспедиции в моря дальнего юга и дальнего севера. Виднейшие русские мореплаватели Г. А. Сарычев, И. Ф. Крузенштерн, О. Е. Коцебу принимали участие в разработке планов этой экспедиции.

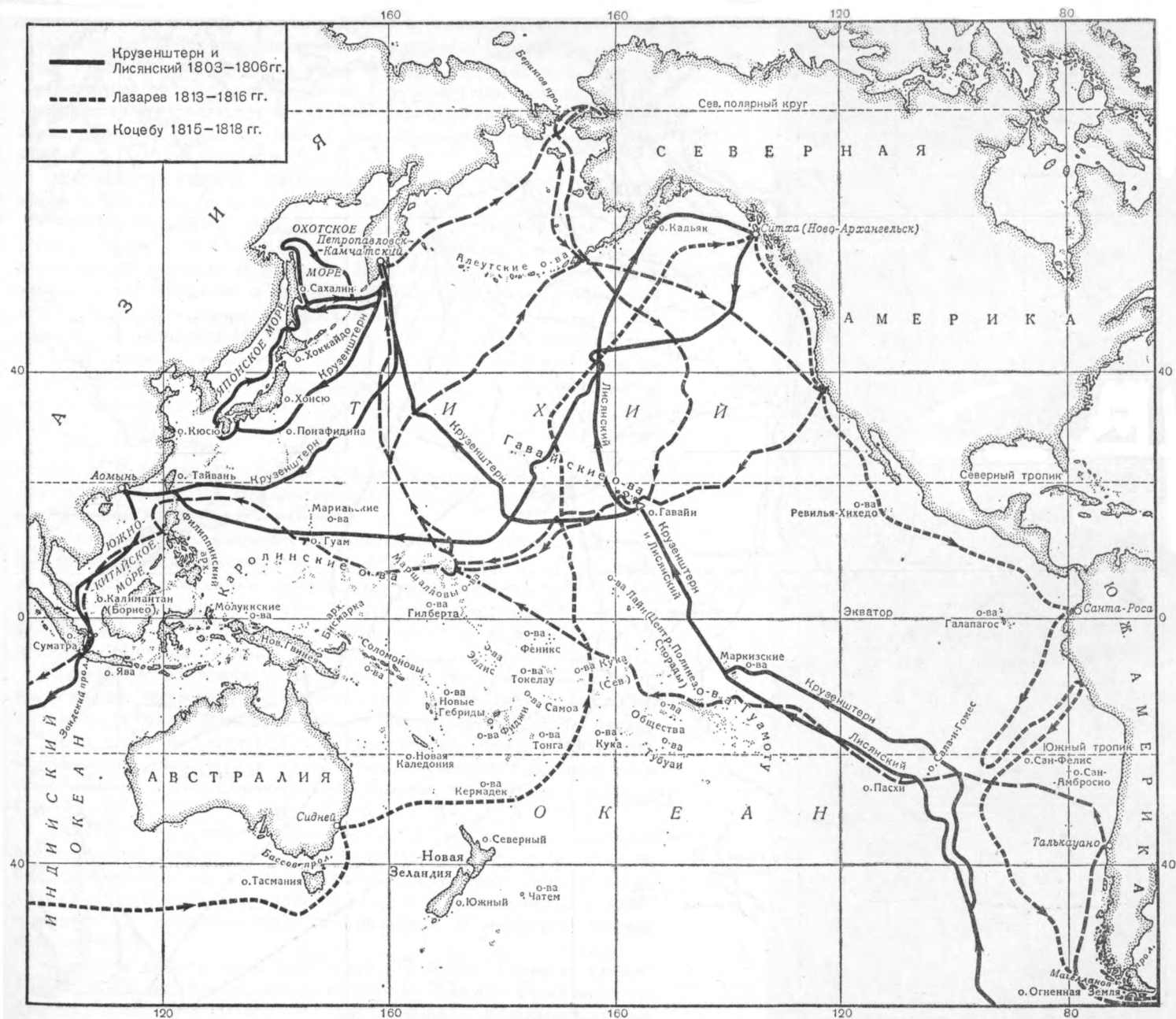
По мысли И. Ф. Крузенштерна, надлежало направить две группы кораблей: одну к Северному, другую к Южному полюсу.

Маршрут Беллинсгаузена и Лазарева

Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

Касаясь южной экспедиции, Крузенштерн писал: «Сия экспедиция кроме главной ее цели — изведать страны Южного полюса должна особенно иметь в предмете проверить все неверное в южной половине Великого океана и пополнить все находящиеся в оной недостатки, дабы она могла быть признана, так сказать, заключительным путешествием в этом море». Записка Крузенштерна датирована 31 марта (12 апреля нового стиля) 1819 г., а в июле корабли экспедиции уже вышли в плавание.

Маршруты Крузенштерна и Лисянского, Лазарева, Коцебу
Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

Во главе экспедиции назначен был Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, который, будучи мичманом, совершил кругосветное плавание на крузенштерновской «Надежде». Крузенштерн высоко ценил Беллинсгаузена как сведущего моряка и отличного гидрографа. «Наш флот, — писал Крузенштерн, — конечно, богат предприимчивыми и искусными офицерами, однако из всех оных, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравниться с Беллинсгаузеном».

В плавание вышли два корабля: шлюпы «Восток» и «Мирный» водоизмещением соответственно 900 и 530 т. Командиром «Мирного» назначен был М. П. Лазарев, который, как говорилось выше, в 1813—1814 гг. успешно совершил кругосветное плавание на корабле «Суворов». Всего на обоих кораблях было шестнадцать офицеров и сто восемьдесят девять унтер-офицеров и матросов. В историю великих открытий этой экспедиции вошли имена офицеров И. И. Завадовского, П. М. Новосильского, К. П. Торсона (декабрист Торсон в 1826 г. был осужден на долговременную каторгу и скончался в Сибири). В научных работах экспедиции принимали участие профессор Казанского университета астроном И. М. Симонов и художник П. Н. Михайлов. Интересно отметить, что в плавание отправилась «морская молодежь». Самым «старым» участником экспедиции был ее руководитель Ф. Ф. Беллинсгаузен, которому в 1819 г. исполнился сорок один год.

Беллинсгаузену вменялось в обязанность от «Земли Сандвича» (Южных Сандвичевых островов) «спуститься к югу и... продолжать свои изыскания до отдаленнейшей широты, какой только он может достигнуть; употребить всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли...» (2, стр. 32).

Завершив плавание в высоких широтах к апрелю 1820 г., экспедиция должна была за зимний сезон (май—сентябрь) обследовать малоизвестную юго-восточную часть Тихого океана и затем снова направиться в антарктические воды к «отдаленнейшим широтам», чтобы обойти околополюсное пространство и снова выйти, с противоположной стороны, к меридиану «Земли Сандвича»

Особые инструкции предписывали проведение научных исследований разного рода (наблюдение за маятником, измерение температур воды на различных глубинах, исследование льдов, определение направления ветров шарами-зондами, этнографические, зоологические, ботанические и минералогические наблюдения).

Корабли вышли из Кронштадта 17 июля (нового стиля) 1819 г. и 27 декабря подошли к острову Южная Георгия. Следующее далее на юго-восток, корабли миновали Южные Сандвичевы острова и 23 января 1820 г. на 3° з. д. пересекли Южный

полярный круг, а 27 января 1820 г. (28 января по среднеастрономическому времени) участники экспедиции открыли на 64°23' ю. ш. и 2°35' з. д. ледяной материк Антарктиду. К ледяной кромке шестого материка «Восток» и «Мирный» подошли затем дважды.

27 февраля 1820 г. ввиду наступления осени Беллинсгаузен принял решение направиться на север, к Порт-Джексону (Сиднею), и 11 апреля оба корабля вошли в эту гавань. Выйдя 8 мая 1820 г. из Порт-Джексона, Беллинсгаузен через пролив Кука, разделяющий Северный и Южный острова Новой Зеландии, проследовал к юго-восточной окраине архипелага Туамоту. 14 июля в долготу 142°31' он повернул на север, а 18 июля, войдя в самую «густую» часть этого архипелага, корабли взяли курс на запад, к острову Таити.

Через архипелаг Туамоту Беллинсгаузен шел, придерживаясь примерно 16° ю. ш. Это была чрезвычайно выгодная для открытий трасса, которая проходила севернее маршрутов Кироса, Уоллиса, Картерета, Бугенвиля и Кука. Только испанские мореплаватели Боенчеа и Андриа-и-Варела в 1772 и в 1774 гг. заходили в эти воды, и в тех же широтах побывал в 1816 г. Коцебу, но ни испанцы, ни Коцебу не пересекали «насквозь» центральную и западную части архипелага Туамоту.

С 20 июля по 30 июля 1820 г. Беллинсгаузен и Лазарев открыли и описали тринадцать атоллов на обширном участке между 140°40' и 146°16' з. д. Вот итоги этих открытий.

Дата открытия	Название, данное Беллинсгаузену	Местное название	Координаты	
			широта (южн.)	долгота (зап.)
20 июля 1820 г.	о. Моллера	Аману	17°49'40"	140°40'
22 » » »	» Аракчева	Ангатау	15°51'	140°49'
24 » » »	» Волконского	Такуме	15°47'	142°11'
24 » » »	» Барклай-де-Толли	Рароиа	15°58'	142°12'
25 » » »	» Нигиру	Нихиру	16°43'	142°45'
26 » » »	» Ермолова	Тазнга	16°22'	143°06'
27 » » »	» Кутузова	Макемо	16°37'	143°35'
27 » » »	» Раевского	Тепото	16°43'	144°11'
27 » » »	» Остен-Сакена	Катиу	16°29'	144°18'
28 » » »	» Чичагова	Таханса	16°50'	144°53'
29 » » »	» Витгенштейна	Факарава	16°21'	145°33'
29 » » »	» Милорадовича	Фаанте	16°47'	145°13'
30 » » »	» Грейга	Ниау	16°11'	146°16'

Приоритет открытия этих островов, бесспорно, принадлежит Беллинсгаузену; исключение составляет лишь атолл Аману, названный Беллинсгаузену островом Моллера, который был

Ф. Ф. Беллинсгаузен

находятся четыре острова Пализера и хотя они обреты Куком, но как после описаны лейтенантом Коцебу и нами и определено их настоящее протажение и вид, я почитаю приличным всю гряду назвать островами Россиян» (2, стр. 270).

Современники, которые недооценивали значения великих открытий Беллинсгаузена и Лазарева в Антарктике, считали, что «обретение» островов Россиян — главное достижение экспедиции. С этим мнением согласиться, разумеется, нельзя, но бесспорно, открытие этого «архипелага в архипелаге» следует считать выдающимся достижением русских мореплавателей.

Пройдя через архипелаг Туамоту, Беллинсгаузен 3 августа ввел корабли в бухту Матаваи на Танти. На этом острове, где «королем» Помаре правили в то время британские миссионеры, русские мореплаватели пробыли до 18 августа. Затем Беллинсгаузен направился снова к архипелагу Туамоту, чтобы посетить открытый в 1816 г. Коцебу остров Крузенштерна.

Побывав на острове Крузенштерна, Беллинсгаузен 11 августа 1820 г. открыл к востоку от него на $14^{\circ}56'20''$ ю. ш. и $148^{\circ}38'30''$ з. д. небольшой остров, названный островом Лазарева (местное название Матахива). В тот же день корабли покинули воды архипелага Туамоту и направились на север, а затем на северо-северо-запад (точнее на $NWtW^{1/2}W$). 15 августа на $10^{\circ}5'50''$ ю. ш. и $152^{\circ}60'50''$ з. д. был открыт уединенный необитаемый остров, который по флагманскому кораблю назван был островом Восток. Следуя далее на запад, Беллинсгаузен на $10^{\circ}2'25''$ ю. ш. и $161^{\circ}02'18''$ з. д. открыл довольно большой и густонаселенный остров, у берегов которого оба корабля встретила флотилия каноэ; местные жители по облику напоминали таитян.

Островитяне явно не были знакомы с европейцами и не имели ни малейшего представления об огнестрельном оружии. Поскольку они проявляли недружественные намерения, Беллинсгаузен, не желая доводить дело до стычки, проследовал мимо острова, названного им островом великого князя Александра.

Это был остров Ракаханга, самый значительный в северной группе островов Кука. До Беллинсгаузена его, возможно, видел в 1606 г. Кирос, но на картах он появился только после экспедиции Беллинсгаузена.

Затем Беллинсгаузен направился на юго-запад и, пройдя острова Вавау, 31 августа открыл на 21° ю. ш. и $178^{\circ}40'$ з. д. и $178^{\circ}46'$ з. д. два небольших острова, названных в честь астронома Симонова и художника Михайлова. Это были острова Тувана-Ира и Тувана-Итоло, лежащие на юго-восточной окраине архипелага Фиджи. 1 сентября показался еще один обитаемый остров, и на берегах его совершена была высадка. Остров этот носил название Оно. Европейцы только однажды посещали его при обстоятельствах весьма необычных: в 1789 г. на пути от острова Таити к острову Питкэрн здесь побывали мятежники с корабля «Баунти». «Король» острова Оно — Фио и его подданные исключительно радушно встретили русских гостей. Многие черты самобытной культуры сохранились еще у островитян в неприкосновенности. Беллинсгаузен пишет, что местные жители «веселого нрава, откровенны, честны, доверчивы и скоро располагаются к дружеству» (2, стр. 321). Русских мореплавателей очаровали пейзажи этого благодатного и сплошь возделанного острова.

М. П. Лазарев

4 сентября 1820 г. корабли направились к Порт-Джексону, куда прибыли 21 сентября. Пробыв в этой гавани до 11 ноября 1820 г., «Восток» и «Мирный» вышли во второе антарктическое плавание.

С конца ноября 1820 г. до середины января 1821 г. Беллинсгаузен и Лазарев сделали четыре «покушения», то есть четыре раза от разных пунктов направлялись к югу, пытаясь добраться до Южного материка. 22 января 1821 г. экспедиция достигла самой южной точки на своем пути — $69^{\circ}53'$ ю. ш. и $92^{\circ}19'$ з. д. В тот же день открыт был на $68^{\circ}57'$ ю. ш. и $90^{\circ}46'$ з. д. остров, названный именем Петра I, а 29 января открыт был на $68^{\circ}43'$ ю. ш. и $73^{\circ}10'$ з. д. гористый уча-

сток побережья, получивший название Земли (Берега) Александра I *.

Затем экспедиция направилась к Южным Шетландским островам и оттуда через Рио-де-Жанейро и Лиссабон — в Россию. 5 августа 1821 г. корабли прибыли в Кронштадт. Экспедиция пробыла в плавании семьсот пятьдесят один день и прошла около 49 тыс. морских миль — путь, который по протяженности почти в два с половиной раза превышает длину экватора.

В результате этого замечательного плавания был открыт шестой материк — Антарктида, открыты и положены на карту острова Россиян, Восток, Симонова, Михайлова и Оно. Уточнено положение множества важных для навигации пунктов на берегах Австралии, Новой Зеландии и на различных островах Океании; нанесены на карту Южные Шетландские острова. Проведены обширные океанографические исследования и собраны данные, проливающие свет на природу океанских течений, образование морских льдов и коралловых островов. Особенно интересны те выводы, к которым вслед за Коцебу пришел Беллинсгаузен, стремясь разрешить загадку коралловых островов. За много лет до Чарлза Дарвина Беллинсгаузен выдвинул гипотезу о росте коралловых сооружений по мере медленного опускания океанического дна. «Коралловые острова и мели, — писал Беллинсгаузен, — тихо воздвигнуты малыми черепокожными в течение многих веков. Положение сих островов ясно доказывает направление и изгибы подводных хребтов, которые им служат основанием» (2, стр. 270).

Существенны были и этнографические наблюдения экспедиции, особенно данные, собранные И. М. Симоновым (21).

Основной источник, в котором изложен ход плавания и описаны все открытые экспедицией земли, — это записки Ф. Ф. Беллинсгаузена, впервые увидевшие свет в 1831 г. и переизданные в 1949 и 1960 гг. (2). Кроме того, это великое плавание описали участники его М. П. Лазарев (14), И. М. Симонов, П. М. Новосильский (19) и матрос Егор Киселев (21). Частично эти труды были опубликованы в период с 1822 по 1854 г., но записки матроса Егора Киселева и извлечение из дневника И. М. Симонова вышли в свет лишь в 1949—1951 гг. (21).

* Спустя сто двадцать пять лет американская экспедиция Финна Ронне установила, что Земля Александра I — это часть большого острова, отделенного от Антарктиды узким проливом, причем не исключена возможность, что под сплошными льдами, которыми забит этот пролив, имеется перешеек, связывающий Землю Александра I с материком.

Васильев и Шишмарев. Плавание на «Открытии» и «Благонамеренном»

В 1818—1822 гг. была предпринята для исследования Северного морского пути экспедиция на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» под командой Михаила Николаевича Васильева и Глеба Семеновича Шишмарева. Эта экспедиция провела весьма существенные исследования в Беринговом море, у северных берегов Аляски и на западном побережье Северной Америки и только «транзитом» прошла через моря Океании. Корабли вышли в плавание в июле 1819 г. и, обогнув мыс Доброй Надежды, в марте 1820 г. прибыли в Сидней, где за время стоянки были совершены экскурсии в глубь страны.

Врач экспедиции Ф. Штейн собрал в Австралии богатую геологическую коллекцию. Из Сиднея Васильев и Шишмарев направились в Берингово море. В Океании курс кораблей проходил через острова группы Эллис, открытые в 1819 г. Де Пейстером, и Маршалловы острова. В дальнейшем корабли экспедиции несколько раз заходили на Гавайские острова. Неполные материалы этой экспедиции были изданы в 1950 г. (6 а).

Коцебу. Плавание на «Предприятии». Новые открытия в Микронезии

В 1823—1826 гг. О. Е. Коцебу совершил второе кругосветное плавание. На этот раз уже не граф Н. П. Румянцев, а Российско-Американская компания посылала экспедицию в далекий Восточный океан. Специально построенный для этой экспедиции шлюп «Предприятие» должен был доставить различные грузы на Камчатку, а затем экспедиция намерена была обследовать воды Берингова пролива и Аляски и тропические моря Океании.

Для ведения всевозможных научных исследований на «Предприятии» были взяты участник плавания на «Рюрик» профессор анатомии Дерптского университета И. И. Эшшольц, двадцатидвухлетний студент-физик этого же университета Э. Х. Ленц и студент-геолог Дерптского университета Э. К. Гофман. Астрономической частью экспедиции ведал молодой астроном В. Прейс (в прошлом ткач); так же как и прославленный английский астроном Гершель, Прейс самоучкой освоил звездную науку, и имя его к 1823 г. уже было известно и в России, и за ее пределами. Имя Ленца говорит само за себя. Знаменитый закон Джоуля-Ленца известен всем, кто держал в руках элементарный учебник физики, а на трудах этого великого ученого воспитывались многие поколения русских физиков. Офицеры «Предприятия» Н. П. Римский-Корсаков, Л. Л. Гейден, Т. В. Кордюков, А. А. Моллер и П. А. Моллер впоследствии заняли видное положение в русском флоте.

Экспедиция покинула Кронштадт 9 августа (нового стиля) 1823 г. Обогнув мыс Горн, Коцебу 28 января 1824 г. прибыл в чилийский порт Консепсьон и оттуда направился к архипелагу Туамоту, где уточнил положение островов, открытых им в 1816 и Беллинсгаузеном в 1820 г. В этом архипелаге Коцебу 14 марта 1824 г. открыл на $15^{\circ}58'$ ю. ш. и $140^{\circ}11'30''$ з. д. обитаемый атолл, который назван был островом Предприятие (местное название Фангахина).

26 марта 1824 г. корабль отдал якорь у берегов Таити. На Таити Коцебу пробыл всего лишь десять дней, но за это время составил вполне определенное представление об английских «отцах-миссионерах», которые камнем висели на шее таитянского народа.

«После многих, — пишет Коцебу, — бесплодных попыток, которые предпринимались с 1797 г., английским миссионерам удалось наконец распространить среди таитян то, что они называют христианством, и даже обратить в свою веру короля Тайо [Ту], спокойно и мирно управлявшего обоими полуостровами. Но тем самым в пороховую бочку была брошена искра, вызвавшая ужасный взрыв. Новая религия была введена силой. Марай [таитянские святилища], как и все то, что могло напоминать о доколе почитавшихся божествах, были внезапно разрушены по приказу короля. Были убиты все те, кто не хотел сразу переходить в новую веру. Религиозное рвение породило тигриную ярость в сердцах прежде столь кротких людей...» (10, стр. 88). И далее Коцебу говорит: «...учение миссионеров не есть подлинное христианство... Религия, запрещающая любое невинное удовольствие, убивающая дух и отнимающая все силы почти непрерывным повторением предписанных молитв, является клеветой на божественного творца христианства...» (10, стр. 92).

В весьма саркастических тонах Коцебу рисует проповедника-ханжу Уилсона и его собратьев, беспощадных эксплуататоров. «Каждый миссионер, — отмечает Коцебу, — владеет земельным участком, который обрабатывается туземцами и с избытком снабжает его всевозможной провизией» (10, стр. 85). С глубокой горечью Коцебу описал церковь, где чужим богам молились женщины в белых и полосатых мужских рубашках, с головами, наголо остриженными «в соответствии с модой, введенной миссионерами». Остров, который спутники Бугенвиля и Кука называли земным раем, превратился в тюрьму. Навсегда замолкли флейты, суровыми карами миссионеры искоренили песни и танцы, всякие заботы о теле миссионеры расценивали как проявление суетных и греховных помыслов...

Покинув в конце марта Таити, Коцебу направился к островам Самоа. По пути 7 апреля 1824 г. открыта была на $15^{\circ}48'$ ю. ш. и $154^{\circ}30'$ з. д. группа коралловых островков, которую Коцебу назвал островом Беллинсгаузена (местное название Моту-Оне).

На острове Вотье местные жители радостно встретили русских моряков. Старые друзья Рарик и Лагедиак устроили в честь гостей пир и снабдили команду корабля всем необходимым. Каду находился на острове Аур, и Коцебу не удалось с ним встретиться, но он приобрел много новых друзей за время восьмидневной стоянки.

Коцебу не прошел к цепи Ралик и направился через Петропавловск в Ситху, куда прибыл 10 августа 1824 г. Выйдя 10 сентября из Ситхи, Коцебу проследовал в Сан-Франциско, а оттуда на Гавайские острова. Камеамеа, мудрого короля Гавайев, уже не было на свете, и положение на островах резко изменилось к худшему. На Гавайях осели миссионеры и всевозможные добытчики, которые оказывали пагубное влияние на местных жителей и беззастенчиво их грабили. Коцебу встретился на острове Гавайи с хранителем местных легенд Каланимоку, очевидцем гибели Кука, и записал с его слов рассказ об этом трагическом событии, который во многом не совпадает с версией спутника Кука — Кинга.

31 января 1825 г. Коцебу вышел из Гонолулу и снова направился в Ситху. Оттуда он опять прошел к Гавайям и затем проследовал к Маршалловым островам. 18 октября 1825 г. Коцебу подошел к островам цепи Ралик, до которых ему не удалось добраться ни в 1817 г., ни весной 1824 г. Здесь он составил опись групп атоллов Ронгелап и Бикини, которые соответственно названы были островами Римского-Корсакова и Эшшольца. Следуя далее на запад, Коцебу 19 октября прибыл на остров Гуам и оттуда через Манилу и Зондский пролив направился в Россию. 22 июля 1826 г. «Предприятие» отдало якорь в Кронштадте.

По своему научному значению второе плавание Коцебу не уступает первому. Э. Ленцем проведены были океанографические исследования по очень широкой программе (15). Он пользовался для взятия проб воды батометром собственной конструкции, и это дало ему возможность получить весьма ценные данные о температуре и солености глубинных вод Мирового океана. Удалось установить наличие холодных ($2-3^{\circ}$) слоев на значительных глубинах. Оценивая результаты этих наблюдений, виднейший русский географ и океанолог Ю. М. Шокальский писал, что «труды Коцебу и Ленца в 1823—1826 гг. представляют во многих отношениях не только важный вклад в науку, но и действительное начало точных наблюдений в океанографии, чем русский флот и русская наука может гордиться» (22).

И. Эшшольц провел серию новых зоологических наблюдений. Собраны были ценные этнографические данные на Таити, островах Самоа, на Гавайях и Маршалловых островах, и на карте мира появились новооткрытые острова Предприятия, Беллинсгаузена, Римского-Корсакова и Эшшольца.

Ф. П. Литке

История экспедиции на «Предприятии» изложена в записках О. Е. Коцебу, которые им были изданы в двух вариантах: сокращенном на русском языке и более полном на немецком языке соответственно в 1828 и в 1830 гг. Полное немецкое издание вышло в свет в русском переводе в 1959 г. (10).

Литке. Открытия на Каролинских островах

В 1826—1829 гг. земной шар обошла экспедиция М. Н. Станюковича и Ф. П. Литке. Экспедиция эта была послана на двух кораблях в северную часть Тихого океана для описи берегов Америки и Азии. Работы проводились в Тихом

океане раздельно, и наиболее существенные открытия в Океании совершил Ф. П. Литке, командир шлюпа «Сенявин»*.

Федор Петрович Литке — моряк-исследователь, учредитель и президент Русского географического общества, которое основано было в 1845 г. Он принимал участие в качестве мичмана во втором кругосветном плавании В. М. Головнина, а в 1821—1824 гг. совершил четырехкратное плавание в Северный Ледовитый океан и описал берега Новой Земли и Белого моря.

Литке включил в состав новой экспедиции видных ученых: участника плавания на «Предприятии» физика Э. Ленца, геолога А. Ф. Постельса, ботаника и зоолога К. Г. Мертенса, орнитолога Китлица. Это была одна из наиболее успешных научных экспедиций первой половины XIX в., которая внесла значительный вклад в исследования северных и южных морей Тихого океана и берегов Камчатки, Чукотки и островов Берингова моря.

* М. Н. Станюкович плавал на корабле «Моллер» в тех же водах, что и Литке, но по несколько иным маршрутам. В декабре 1827 и январе 1828 г. Станюкович обследовал северную часть Гавайского архипелага. Он прошел из Гонолулу на северо-запад свыше 1500 миль, положил на карту и точно определил координаты восьми островов Гавайской группы в интервале между 22° и $25^{\circ}30'$ с. ш. и на $25^{\circ}45'59''$ с. ш. открыл остров, названный им в честь адмирала Моллера. М. Н. Станюкович завершил обследование Гавайской островной цепи и уточнил положение островов в ее северо-западной части.

Зимой 1827/28 г. Литке от берегов Камчатки прошел в Каролинский архипелаг и оттуда через Гуам и Бонинские острова возвратился в Петропавловск. От Петропавловска к Каролинам Литке шел, «располагая путь так, чтобы осмотреть те места, в которых недавно стали опять означать острова, давно уже с карт исчезнувшие, но в новейшее время будто бы отысканные неизвестными мореходцами, наипаче американскими». Эти мифические острова (Колумнас, Рико-де-Оро, Декстера, св. Варфоломея) перекочевали на карты XIX в. с испанских карт XVI, XVII и XVIII столетий, в частности с той карты, которую адмирал Ансон захватил на испанском корабле в 1743 г. Разумеется, ни одного из этих островов Литке найти не удалось. В декабре 1827 г. он вошел в восточную часть Каролинского архипелага. «...Мы находились в таком месте, где пересечение путей капитанов Томпсона, Ибарогонтия, Дюперре и некоторых других не оставляло, кажется, места и самому незначительному острову» * (18, ч. II, стр. 2).

Действительно, в этих водах, исхоженных испанцами еще в XVI и XVII вв. и обследованных Томпсоном, Ибарогонтией и Дюперре, казалось бы, надеяться на новые открытия было совершенно бесполезно. Тем более удивились все участники экспедиции, когда утром 14 января 1828 г. они увидели пред собой высокий остров там, где полагали встретить открытое море. Это был остров Понапе (Пыйнипет записок Литке). Опись этого острова и лежащих к западу от него двух групп низких атоллов (в совокупности вся эта группа была названа островами Сенявина) продолжалась до 7 января. Таким образом, Литке и его спутники открыли один из крупнейших островов Каролинского архипелага — высокий обитаемый остров Понапе ** и два атолла — Пакин и Ант. Сам Литке так оценивал характер этого неожиданного открытия: «От случайного открытия должно различать отыскание, на расчетах и соображениях основанное. В сем смы-

* Об открытиях Фелипе Томпсона и Хуана Ибарогонтия см. стр. 191 и 200. Французский мореплаватель Луи Изидор Дюперре в 1823 и 1824 гг. открыл в восточной части Каролинского архипелага атолла Мокил и Лосап-Нама.

** Был ли остров Понапе тем островом с людьми «в камзолах из пальмовых листьев», который за триста лет до Литке посетил Сааведра? На стр. 68 уже отмечалось, что Сааведра вряд ли побывал у берегов этого острова, — во всяком случае, честь его открытия следует присвоить Литке. Нельзя не согласиться при этом с И. Ф. Крузенштерном, который, оценивая итоги открытий в Каролинском архипелаге, писал в 1836 г.: «Все, что мы до сего времени [то есть до плавания Литке] знали о Каролинских островах, было сообщено мореплавателями, которые, проходя сим архипелагом от севера к югу и обратно, видели острова и назначили географическое оных положение по большей частью весьма неосновательно» (13, стр. 127). Этот грех целиком относится и к Сааведре. Только после плавания Литке остров Понапе впервые положен был на карту, и при этом с поразительной точностью, и в лоции Тихого океана вошло описание его берегов, данное выдающимся русским мореплавателем.

сле Колумб отыскал, а не открыл Америку, Кук отыскал, а не открыл острова Маркиза Мендозы, Новые Гебриды и множество других; но важнейшее из обретений его: острова Сандвича, суть его открытия... и самый последний из всех Каролинских островов был одним из последних в очереди открытий» (18, ч. II, стр. 2—3). Литке усиленно искал в восточных Каролинах острова, открытые Масгрейвом. Но и у Эрроусмита, и у Крузенштерна координаты этих островов даны были неточно, и в тех местах, где эти авторы показали «Масгрейвские острова», их не оказалось. Но все же один из островов, атолл Нгатики, Литке нашел 24 января (нового стиля) 1828 г.

Обследовав затем атоллы центральной части Каролинского архипелага, где экспедиция шла по следам Дюперре, Литке направился на Гуам, куда прибыл 29 февраля 1828 г. Выйдя 20 марта в море, Литке снова пошел к Каролинским островам и составил опись атоллов в западной части этого архипелага (острова Фараулеп, Ифалик, Олимарао, Элато, Сатавал и др.). Эти острова описал в 1797 г. капитан Джеймс Уилсон, и Литке уточнил их координаты, опираясь при своих нелегких поисках на довольно сбивчивые данные Уилсона. Пройдя затем к группе атоллов Уолеап, также открытой Уилсоном, Литке направился к Бонинским островам, куда прибыл 25 апреля 1828 г.

Научные итоги экспедиции Литке были огромны. Океанология, ботаника, зоология, этнография обогатились новыми и чрезвычайно ценными данными о Тихом океане и его землях. Литке и Ленц изучили течения в северной части Тихого океана, и Литке подробно описал Экваториальное противотечение, на которое обратил в свое время внимание Крузенштерн.

Ленц по данным экспедиций 1823—1826 и 1826—1829 гг. создал теорию глубинной циркуляции Мирового океана. Он высказал предположение, что теплые воды расходятся по поверхности океанов от экватора к полюсам и на смену им поднимаются на поверхность глубинные холодные воды, которые в свою очередь проходят через экваториальную «грелку» и уходят на юг и на север в студеные широты земного шара. Ленц полагал, что по обе стороны экватора располагаются полосы вод с наибольшей соленостью и плотностью, разделенные экваториальной зоной пониженной солености.

К. Г. Мертенс и А. Ф. Постельс собрали уникальные ботанические коллекции: они привезли в Петербург огромное количество морских водорослей, и эти сборы позже были обработаны академиком Ф. Рупрехтом. Не менее ценной была и собранная ими коллекция морских беспозвоночных животных. К. Г. Мертенс был одним из создателей новой науки — этноботаники, науки, которая позволяла объяснить, каким образом человек изменял и приспособлял к своим нуждам растительный мир океанийских островов.

Большой вклад участники экспедиции внесли в этнографию Микронезии, собрав новые данные о хозяйственном укладе, быте, языке и обычаях обитателей этой части Океании. Экспонаты ценнейшей этнографической коллекции, собранной экспедицией Литке, ныне хранятся в Этнографическом музее Академии наук СССР в Ленинграде. Основной источник по истории этой экспедиции — книга самого Ф. П. Литке, изданная в 1834—1836 и в 1948 гг. К запискам Ф. П. Литке в первом издании приложена работа А. Постельса «Геогностические замечания» и Китлица «Обозрение зоологических занятий экспедиции» (18).

Экспедиции Гагемейстера, Хромченко, Шанца и Бессарабского и последние русские открытия в Океании

Почти одновременно с Ф. П. Литке в водах Океании совершил существенные открытия капитан-лейтенант Леонтий Андрианович Гагемейстер. Гагемейстер в 1806—1807 гг. плывал на «Неве» из Кронштадта в Кадьяк, а в 1816—1819 гг. обошел вокруг света на корабле «Кутузов». По возвращении из путешествия он вышел в отставку, но в 1828 г. снова отправился в плавание в качестве командира шлюпа «Кроткий». Гагемейстер должен был доставить всевозможный морской припас в Ново-Архангельск и по пути обследовать ряд островов в Океании.

Обогнув мыс Доброй Надежды, Гагемейстер в конце марта 1829 г. прибыл в Сидней. Оттуда он направился к острову Ротума, лежащему к северу от Фиджи, затем проследовал к северо-северо-западу и 28 мая 1829 г. вторично открыл на $0^{\circ}45'$ ю. ш. и $169^{\circ}35'$ в. д. остров Ошен. Далее Гагемейстер направился к Маршалловым островам и на 8° — 9° с. ш. и 167° — $167^{\circ}30'$ в. д. открыл две большие группы атоллов, которые он назвал островами князя Меншикова, в честь А. С. Меншикова, начальника Главного морского штаба. Это была группа атоллов Кваджелейн, которую, возможно, видели в XVI в. испанцы Вильялобос и Арельяно. Но на карту впервые положил всю эту группу Гагемейстер.

Посетив затем Петропавловск и Ново-Архангельск, Гагемейстер на пути к мысу Горн обследовал острова Туамоту и зашел на Таити. Здесь в начале февраля 1830 г. «Кроткий» едва не погиб во время страшной бури, которая сопровождалась, по-видимому, сильными цунами. Гагемейстер отметил, что часть мыса Венус, у которого в бухте Матаваи стоял его корабль, была смыта в море. От Таити Гагемейстер прошел, минуя мыс Горн, в Атлантику и в сентябре 1830 г. возвратился в Кронштадт.

Не меньшее значение имели плаванья капитан-лейтенанта Василия Степановича Хромченко. Хромченко в юные годы прошел великолепную школу на «Рюрике», где он был штурман-

ским помощником. В 1820—1825 гг. Хромченко плавал в северной части Тихого океана на кораблях Российско-Американской компании, а в 1826 г. возвратился в Петербург.

В 1828—1830 гг. он совершил кругосветное плавание на корабле «Елена». Выйдя в августе 1828 г. из Кронштадта, Хромченко обогнул мыс Доброй Надежды и, побывав на восточных берегах Австралии, направился к Маршалловым островам. Здесь в мае 1829 г. он обследовал группы атоллов Мили, Маджуро, Эрикуб и Ликиеп и нанес их на карту. Прибыв в июле 1829 г. в Ново-Архангельск, Хромченко в сентябре того же года отправился в обратный путь мимо мыса Горн и в июле 1830 г. вернулся в Кронштадт. За двадцать три месяца трудного плавания Хромченко не потерял ни одного человека, а «Елена» возвратилась в балтийские воды без единой поломки.

В 1831—1833 гг. Хромченко совершил еще одно кругосветное плавание на военном транспорте «Америка» примерно по тому же маршруту, что и три года назад. На этот раз он провел обследование островов Гилберта и, направившись к Маршалловым островам, занялся съемкой атоллов цепи Ралик, в частности посетил острова князя Меншикова (Кваджелейн), открытые Гагемейстером. «По описаниям капитана Хромченко, — отмечал в 1836 г. Крузенштерн, — в сей гряде на пространстве в шестидесяти миль более сорока островов, соединенных коральным рифом» (13, 30—31).

В картографию Океании В. С. Хромченко внес очень большой вклад, и его работы получили весьма высокую оценку Крузенштерна.

Значительное открытие на Маршалловых островах совершено было на том же транспорте «Америка» капитаном-лейтенантом Иваном Ивановичем Шанцем. Шанц в августе 1834 г. вышел из Кронштадта с грузами для селений Российско-Американской компании. Он обогнул мыс Доброй Надежды и вдоль берегов Тасмании и Нового Южного Уэльса прошел к Маршалловым островам. 11 июня 1835 г. в северо-западной части этого архипелага, на $10^{\circ}5'$ с. ш. и $166^{\circ}4'10''$ в. д., он открыл тринадцать островков. Острова эти составляли большой атолл Вото, быть может впервые обнаруженный Вильялобосом и Легаспи.

Пройдя от Маршалловых островов к Камчатке и Ситхе, Шанц затем через Гавайи и острова Общества проследовал к мысу Горн и в июле 1836 г. возвратился в Кронштадт.

В 1852—1853 гг. на транспорте «Двина» совершил переход из Кронштадта на Камчатку капитан-лейтенант Петр Николаевич Бессарабский. В Маршалловых островах Бессарабский открыл атолл Лаэ, состоящий из шестнадцати мелких островков. Группу эту он назвал островами Константина. Это было, отмечает Н. Н. Зубов (7), последнее русское открытие в водах Океании. В 50-х и 60-х годах число экспедиций в тихоокеанские

воды резко сокращается, а после продажи Аляски Соединенным Штатам (1867 г.) прерывается связь между Балтикой и гаванями бывшей Русской Америки.

Во второй половине XIX в. русские мореплаватели проводили в Океании различные гидрографические исследования. Так, в 1871 г. капитан парового корвета «Витязь» Павел Николаевич Назимов, высадив на северо-восточном берегу Новой Гвинеи Н. Н. Миклухо-Маклая, обследовал залив Астролябия. Широкий проход между Берегом Миклухо-Маклая и островами Лонг-Айленд и Умбой назван был проливом Витязь.

В 1872—1873 гг. гидрографические работы в Новогвинейском море были проведены М. Кумани на клиппере «Изумруд». В 1883 г. по настоянию Н. Н. Миклухо-Маклая капитан корабля «Скобелев» Вадим Васильевич Благодарев вновь обследовал залив Астролябия и острова, лежащие близ его берегов. Самый крупный из этих островов назван был островом Скобелева, а проход между Новогвинейским берегом и островом Каркар — проливом Изумруд.

Итоги русских открытий в Океании

Русские мореплаватели пришли в Океанию позже испанцев, англичан, голландцев и французов, но за первые три десятилетия XIX в. они совершили географические подвиги, которые вошли в летопись исследования этой части земного шара наравне с великими плаваниями Тасмана и Кука. За это время русскими мореплавателями открыто было свыше пятидесяти островов в архипелагах Туамоту, Маршалловом, Фиджи, в Каролинских островах, в северной группе Кука, между Гавайями и Японией, к югу от Тасмании.

Еще большее значение, чем эти новые открытия, имела та поистине титаническая работа, которую русские моряки провели в Тихом океане, уточняя положение уже ранее известных островов и важных в навигационном отношении пунктов. Достаточно сравнить «Атлас Южного моря» Крузенштерна с картами Дальримпла, Барни, Эрроусмита, чтобы убедиться, сколь велик был этот вклад, внесенный русскими мореходами в географию и навигацию. Ведь в начале XIX в. почти все открытые к тому времени острова Океании по существу не имели «адреса». Координаты их, особенно долготы, даны были на картах с огромными погрешностями, и порой легче было открыть новый остров, чем отыскать какой-нибудь атолл, уже «обретенный» в XVI, XVII или XVIII в. Не случайно столько времени и сил ушло на поиски островов, открытых Сааведрой, Вильялобосом, Схаутеном и Ле-Мером, Роггевеном и Байроном. После же того как на карты, составленные Коцебу, Беллинсгаузеном, Гагемейстером,

Хромченко и Крузенштерном, легли накрепко привязанные к координатной сети сотни отмелей, рифов, атоллов и островов, многие географические загадки были окончательно разгаданы и четко определились контуры океанийских островных сгустков. Значение этой огромной кропотливой работы неустанно подчеркивал зачинатель русских исследований в Океании И. Ф. Крузенштерн, но, к сожалению, она до сих пор не получила должной оценки даже в наших отечественных специальных трудах.

Русские мореплаватели и ученые, и в первую очередь участники экспедиций Коцебу, Беллинсгаузена и Лазарева и Литке, провели многообразные научные исследования в Океании. Эстафета научных открытий перешла от соратников Бугенвиля и Кука к Шамиссо, Симонову, Ленцу, Эшшольцу, Постельсу и к руководителям русских морских экспедиций. Эту эстафету от «Рюрика», «Востока», «Мирного», «Предприятия» и «Сенявина» принял затем на корабль «Бигль» молодой Дарвин.

Русские мореплаватели собрали неоценимые сведения по этнографии Океании, и в первую очередь Микронезии, о народах которой до экспедиций Коцебу в Европе имелись лишь весьма туманные представления.

Наконец, русские мореплаватели развеяли миф о недоступности Антарктического материка и через Тихий, Индийский и Атлантический океаны протянули сквозные трассы к его ледовой кромке.

Не следует забывать, что все это было совершено в исключительно короткий срок, на временном отрезке, в которыйместила жизнь одного поколения русских мореходов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ОКЕАНИИ. XIX В.

Вторжение колонизаторов на острова Южных морей

На рубеже XVIII и XIX вв. началось вторжение европейских колонизаторов в Океанию и Австралию. В Южные моря устремились английские миссионеры и американские китобои; британские, французские и испанские корабли (военные и торговые) появились на морских дорогах Океании. В Порт-Джеконе возникло каторжное поселение, которое стало ядром английской колонии на пятом материке.

На острове Таити в 1797 г. «угнездились» миссионеры-евангелисты из Лондонского миссионерского общества, и они подготовили прямое вторжение европейских колонизаторов на острова Южных морей.

Во второй половине XVIII в. британские евангелисты развили бурную миссионерскую деятельность. Противники господствующей англиканской церкви, проповедники суровой пуританской морали, евангелисты были предприимчивыми дельцами, и незримые нити связывали их общины не только с лондонским Сити, но и с теми правительственными ведомствами, которые определяли основные направления в торговой и колониальной политике Британской империи. «Скрытый союз евангелистов с правящими классами, — пишет историк тихоокеанских миссий К. Мартин, — был существенным элементом британской политики» (19, стр. 4).

В 90-х годах XVIII в. евангелисты приобрели в Англии огромное влияние. Лондонское миссионерское общество и Церковное миссионерское общество, основанные соответственно в 1795 и в 1799 гг., разработали широкие планы евангелической деятельности в заморских землях. Печатный орган евангелистов «Эванджеликел Мэгэзин» успешно вел в Англии пропаганду в пользу миссионерской экспансии в Индию и на острова Южных

морей. Добровольные пожертвования стекались в кассы миссионерских обществ, которые нашли поддержку в ведомстве колоний.

В эти годы обстановка в Европе была чрезвычайно сложной. Англия с 1793 по 1815 г. вела непрерывные войны сперва с революционной, а затем с наполеоновской Францией, и в этих условиях «частная» экспансия миссионерских обществ, экспансия, проводимая за их счет и их собственными силами, была чрезвычайно выгодна британским правящим кругам.

Евангелисты обратили внимание на острова Океании еще в 80-х годах XVIII в. Один из виднейших религиозных деятелей, доктор Хевис, в 1787 г. писал: «Чтение описаний разных путешествий в Южные моря, и особенно на Таити, пробудило во мне пламенное желание послать миссии на этот остров и на другие южные острова». В 1796 г. Лондонское миссионерское общество решило отправить экспедицию на Таити. Туда послан был корабль «Дафф» под командой капитана Джемса Уилсона. 4 марта 1797 г. «Дафф» отдал якорь в бухте Матаваи. На Таити за тридцать лет, которые истекли со времени открытия этого острова Уоллисом, побывало немало европейцев. Но глубоких корней в таитянскую почву эти незваные гости не пустили. До 1797 г. здесь не было ни европейских колоний, ни европейских поселений, и миссионеры застали в бухте Матаваи лишь двух шведов с корабля, разбившегося у таитянских берегов.

«Дафф» выгрузил на берег тридцать миссионеров. В большинстве своем это были фарисеи и фанатики, которые считали, что таитяне, страстные любители песен и плясок, люди веселые и жизнерадостные, обречены на погибель и что спасти их можно, лишь навязав им правила пуританского благочестия и прикрыв их наготу одеждой из манчестерских тканей.

Но эти заядлые ханжи одновременно были и людьми бизнеса. Миссионерское общество жалованья им не платило, и они отнюдь не считали зазорным заниматься торговлей. Таити часто посещали китобойные и торговые суда. Моряки нуждались в съестных припасах, и миссионеры очень быстро оценили, сколь выгодно быть торговыми посредниками между островитянами и судовыми командами.

С давних пор на Таити шла междоусобная борьба, и островитяне охотно покупали мушкеты и порох. Миссионеры поощряли эту торговлю и требовали от губернатора Порт-Джексона, чтобы он в обмен на свиней присылал им с попутными кораблями побольше пороха. Недаром один из наиболее советливых миссионеров писал: «Мы — банда священнослужителей-барышников». Взяв в свои руки торговые дела, миссионеры в то же время приобрели огромное влияние на местных вождей, и в частности на «короля» Таити Помаре I и его преемников.

Итоги деятельности миссионеров оказались весьма плачевными. За первые три десятилетия XIX в. до основания расшатаан был весь общественный уклад на островах Общества. Островитянам были навязаны нормы и обычаи, чуждые их нравам и природным склонностям, их самобытная культура была растоптана. Миссионеры открыли «зеленую улицу» рыцарям чистогана, которые превратили острова вечной весны в заповедное поле легкой наживы. Смертоносные болезни и спиртные напитки, импортированные из Европы за эти три десятилетия, погубили ^{7/10} населения Таити.

Миссионерский центр на Таити протянул свои щупальца и на другие острова Океании. Евангелисты обосновались на Южных островах Кука, на Самоа и на атоллах Туамоту. На Новых Гебридах, куда миссионеры также пытались проникнуть, они, однако, потерпели неудачу: на острове Эрроманга местные жители убили одного из наиболее энергичных миссионеров — Джона Уильямса (об Уильямсе см. стр. 257).

В 30-х годах XIX в. на Таити началась борьба между миссионерами-евангелистами и миссионерами-католиками, агентами французского колониализма. Евангелисты изгнали своих соперников, но это была пиррова победа. Франция получила предлог для вмешательства в таитянские дела, и в 1842 г. французский адмирал Абель Дюпети-Туар, посланный в Тихий океан для захвата Маркизских островов (которыми ему удалось без труда овладеть), утвердился на Таити, а в ноябре 1843 г. над островом был установлен французский протекторат; после четырехлетнего сопротивления таитяне вынуждены были признать новых угнетателей.

На Фиджи в 1804 г. было обнаружено ценное сандаловое дерево, и на эти острова устремились искатели легкой наживы: беглые каторжники и дезертиры с торговых кораблей, китобои, миссионеры и агенты торговых компаний обосновались на островах Левуке, Лау и Вануа-Леву. В 40-х и 50-х годах на Фиджи действовал американский консул-резидент Джон Уильямс. Когда на «помощь» Уильямсу пришли американские боевые корабли, британские агенты-миссионеры убедили вождей отдаться под покровительство Англии, и в 1858 г. острова Фиджи стали британским протекторатом.

Миссионеры проникли на острова Тонга, но этот архипелаг, однако, в первой половине XIX в. оставался вне сферы активной экспансии европейских колонизаторов.

Гавайи были вовлечены в эту сферу сразу же после их открытия. Лейтенант Кинг, который после гибели Кука повел «Резолюшн» и «Дискавери» из Петропавловска в Англию, по пути зашел в Гуанчжоу. Там китайские купцы мгновенно раскупили меха, приобретенные участниками экспедиции в Северо-Западной Америке. В результате после возвращения Кинга в

Англию разработаны были планы «пушного треугольника». Американские меха стали доставлять в Китай через промежуточную базу на Гавайях.

Однако у англичан сразу же появились сильные конкуренты-американцы. В августе 1784 г. в Гуанчжоу отдал якорь американский корабль «Эмпресс оф Чайна» и затем вереницы американских кораблей с грузами пушнины в трюмах потянулись через Тихий океан в гавани Китая.

В 1786 г. в Бостоне была основана компания для торговли мехами с Дальним Востоком. Поскольку большинство американских кораблей, которые вели в Тихом океане торговлю пушниной, принадлежало этой компании, всех американских моряков стали называть в Китае и на Гавайях бостонцами. Бостонцы уже в 90-х годах XVIII в. прочно обосновались на Гавайских островах. Здесь они обнаружили сандаловое дерево, на которое в Китае был огромный спрос. Таким образом, к мехам прибавился новый объект прибыльного бизнеса.

Бостонцы творили чудовищные бесчинства на Гавайях. В 1790 г. капитан Меткаф расстрелял из пушек толпу островитян, явившихся к кораблю для менового торга. Это был далеко не единичный случай кровавой расплаты с гавайцами (6, 7). Истребляя островитян, бостонцы одновременно обратили Гавайские острова в «малую Африку»; отсюда они вывозили партии рабов в испанские колонии на Филиппинах и Марианских островах. Бостонцы поддерживали межплеменные усобицы на Гавайях, снабжая порохом и оружием «воюющие стороны». Более того, они всемерно разжигали страсти, чтобы взвинтить цены на оружие.

Торговля спиртом на Гавайях процветала в такой же степени, как и торговля мушкетами и порохом, и приводила к столь же пагубным для островитян последствиям. Правда, в конце XVIII в. и в первые годы XIX в. один из вождей острова Гавайи, Камеамеа, покорил, не без помощи европейских наемников, весь Гавайский архипелаг и, применившись к новым условиям, обуздал наиболее ретивых иноземных добытчиков. Но тесные контакты с американцами и европейцами вызвали на Гавайях те же последствия, что и на Танти. Скрепки старого уклада распались. Русский мореплаватель Ю. Ф. Лисянский, посетивший Гавайи в 1804 г., писал: «...можно наверное предположить, что сандвичане [гавайцы] в короткое время преобразятся «совершенно» (Ю. Ф. Лисянский. Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947, стр. 132). Старый общественный строй, подточенный изнутри и испытавший сокрушительные удары извне, со стороны «пионеров» колониального разбоя, обречен был на гибель.

После смерти Камеамеа на Гавайских островах утвердились американские миссионеры. В 1810 г. в Бостоне был создан Аме-

риканский совет по делам иностранных миссий. Это был орган миссионеров-конгрегационалистов — пуритан весьма крайнего толка. Конгрегационалисты были тесно связаны с экспортными фирмами и китобойными компаниями Новой Англии, и естественно, что Гавайи оказались в сфере интересов этой секты пуританских бизнесменов. В октябре 1819 г. совет отправил в Гонолулу специальную миссию и во главе ее поставил весьма энергичного деятеля Хайрама Бингхема. К 1825 г. американская миссия приобрела на Гавайях огромную власть. Бингхем говорит Коцебу, «вмешивается во все внутренние дела, от него исходят все новые предписания... Особое внимание привлекают торговые дела, в которых он весьма заинтересован... приходится глубоко сожалеть, что духовное и телесное благополучие этого добродушного народа оказалось в неумелых руках столь бездарного сумасброла» (О. Е. Коцебу. Новое путешествие вокруг света. М., 1959, стр. 266). Спустя несколько лет один американец отмечал, что Бингхем и К^о — фокусники, которые из-за занавеса приводят в движение правителей-марионеток. Миссионеры с изуверством фанатиков ополчились на местные обычаи. Насаждая чуждые жизнерадостным островитянам нормы поведения, обязывая их соблюдать draconовские правила сектантской дисциплины, миссионеры прибирали в то же время к рукам все естественные богатства Гавайев. Миссионеры были той «пятой колонной», которая подготовила захват Гавайских островов Соединенными Штатами.

К середине XIX в., как метко замечает финский ученый Коскинен (17), на Таити, Гавайях, островах Тонга, Самоа и Фиджи возникли «протестантские королевства», а на Мангареве и Увеа — «католические теократии». Лондонские, бостонские и парижские миссионеры были апостолами и лоцманами колониализма, и именно они наложили его тяжелое иго на таитян и гавайцев, тонганцев и фиджийцев. Когда эти лазутчики и резиденты империалистических держав завершили свою работу, началась «тотальная» колониальная экспансия в Южные моря, и Англия, Франция, Германия, Япония и США разделили между собой архипелаги и острова Океании.

Англия в ходе жестокой тридцатилетней войны овладела к началу 70-х годов всей Новой Зеландией, окончательно обосновалась на островах Фиджи (1874 г.), установила протекторат над островами Тонга (1900 г.), приобрела большую часть Соломоновых островов (1893—1900 гг.), захватила юго-восточную часть Новой Гвинеи (1884—1885 гг.), острова Кука (1888 г.), Токелау (1889 г.) и Гилберта (1892 г.), разделила с Францией Новые Гебриды (1887 г.).

Франция, прибрав к рукам в начале 40-х годов XIX в. Таити и Маркизские острова, захватила Новую Каледонию

(1851 г.), архипелаг Туамоту, Подветренные острова архипелага Общества (70—80 годы); французская сфера колониальной экспансии охватила, таким образом, почти всю центральную Полинезию.

Германия опоздала к разделу океанийского пирога, но с конца 70-х годов германские колонизаторы предприняли попытки наверстать упущенное и в конечном счете преуспели в этом, а кое-где им удалось даже опередить британских и французских захватчиков. Немцы в 1884—1885 гг. захватили северо-восточную часть Новой Гвинеи и все архипелаги Новогвинейского моря, лежащие к северу от аннексированной ими части острова, а также часть Соломоновых островов и Маршалловы острова. В 1899 г. Германия овладела западной частью архипелага Самоа и купила у Испании Марианские и Каролинские острова.

США, которые фактически хозяйничали на Гавайях с начала XIX в., формально аннексировали эти острова в 1898 г., а в 1899—1900 гг. «полюбовно» разделили с Германией острова Самоа. В 1898 г. американцы захватили у Испании самый крупный остров Марианского архипелага — Гуам. Остров Пасхи в 1882 г. достался Чили.

Япония вышла на старт колониальной экспансии в 90-х годах XIX в., овладев в 1894 г. Тайванем и Пескадорскими островами. В Океании японцы утвердились после первой мировой войны; к ним перешли немецкие колонии в Микронезии — Марианские острова (за исключением Гуама) и Каролины.

В ходе Версальского передела колоний северо-восточная Новая Гвинея и немецкие Соломоновы острова достались Австралии в качестве подмандатной территории. Новая Зеландия приобрела мандат на бывшее германское Самоа. После второй мировой войны США обосновались на Каролинских, Марианских и Маршалловых островах.

Колонизаторы, прибрав к рукам острова Океании, создали там различные системы эксплуатации коренного населения. Почти на всех крупных островах Полинезии возникло плантационное хозяйство; европейские и американские плантаторы захватили под выгодные для экспортной торговой монокультуры лучшие земли. Кокосовая пальма — в прошлом кормилица островитян — стала объектом большого бизнеса, поскольку полинезийская копра всегда находила спрос на мировом рынке.

Плантации требовали рабочих рук, и при этом рук дешевых. Правительственные чиновники и плантаторы в погоне за даровой рабочей силой ринулись на густонаселенные острова Меланезии. С 70-х годов XIX в. Соломоновы острова и Новая Гвинея, Новые Гебриды и острова Банка, архипелаг Санта-Крус и Бисмарка становятся заповедным полем охоты на людей.

В конце XIX и начале XX в. эти охотничьи операции достигли такого размаха, что некоторые меланезийские острова совершенно опустели.

Обзор последних западноевропейских и американских открытий

С ранним этапом колониальной экспансии в Океании тесно связаны и последние открытия в этой части света. В первой половине XIX в. в водах Тихого океана побывало множество западноевропейских и американских мореплавателей — шкиперов торговых кораблей и китобойных судов и руководителей исследовательских экспедиций.

Чаще всего в Океанию наведывались капитаны торговых кораблей, главным образом английских. Весьма проворными оказались и американские китобои. Из Нантакета, главной базы американских китобоев, ежегодно вокруг мыса Горн и мыса Доброй Надежды в Южные моря отправлялись десятки кораблей. Этот морской промысел, воспетый Эдгаром По и Германом Мелвиллом, был очень выгодным бизнесом, причем нантакетские Ахавы не только промышляли ворванью и китовым усом, но и занимались работорговлей. С «подвигами» одного из таких китобоев-работорговцев, капитана Крозера, мы уже имели возможность ознакомиться по дневникам О. Е. Коцебу. Гораздо реже на морских путях Океании появлялись суда, посланные в эту часть света для географических исследований.

Список мореплавателей, чьи имена вошли в первой половине XIX в. в летопись океанийских открытий, весьма обширен (см. табл. на стр. 248—249).

От Фрейсине до Дарвина и Уилкса

В числе океанийских первооткрывателей начала XIX в. особое место занимают руководители тихоокеанских экспедиций французы Фрейсине, Дюперре и Дюмон-Дюрвиль, англичане Бичи, Диллон и Фицрой и американец Уилкс.

Луи Клод Фрейсине, французский военный моряк, в 1801—1803 гг. участвовал в гидрографических работах экспедиции Бодена. В 1817—1820 гг. он на корабле «Урани» предпринял кругосветное плавание, главной целью которого были работы по изучению земного магнетизма. В Океании Фрейсине посетил Гавайи, архипелаги Самоа и Тонга и Марианские острова. Фрейсине привез на родину богатейшие коллекции и собрал обширный материал по физической географии и этнографии Океании. Фрейсине выпустил в свет двухтомное описание своего путешествия (16).

**Открытия западноевропейских и американских мореплавателей
в Океании (1804—1860 гг.)**
(по A. Sharp „Discovery of the Pacific Islands“. Oxford, 1960)

Имя открывателя	Страна	Название корабля	Открытые острова	Год открытия
Болл, Сэмюэл	США	«Мария»	о-ва Фаю и Пикелот (западная часть Каролинского архипелага)	1804
Кэри, Джемс	США	«Роз»	о. Тамана (архипелаг Гилберга)	1804
Крозер	США	«Нэнси»	о. Кусаие (восточная часть Каролинского архипелага)	1804
Монтеверде, Хуан Баутиста	Испания	«Ла-Пала»	атолл Нукуоро (Каролинский архипелаг)	1806
Бристоу, Абрахам	Англия	«Оушн»	о-ва Окленд (к югу от Новой Зеландии)	1806
Джонстон, Чарлз Джемс	Англия	«Корнуоллис»	атолл Джонстон (к юго-западу от Гавайских о-вов)	1807
Петтерсон	Англия	«Элизабет»	о. Арораи (архипелаг Гилберга)	1809
Хассельборо, Фредерик	Англия	«Персевранс»	о-ва Кэмпбелл и Макуори (к югу от Новой Зеландии)	1810
Генри	Англия	?	о. Риматара (Аустральные о-ва)	1811
Лафлан, Дэвид	Англия	«Мэри»	о. Нада (острова Луизиада)	1812
Гендерсон	Англия	«Геркулес»	о-ва Оэно и Гендерсон (к юго-востоку от архипелага Туамоту)	1819
Фрейсине, Луи Клод	Франция	«Урани»	атолл Роз (Самоа)	1819
Де Пейстер	Англия	«Ребекка»	о-ва Фунафути и Нукуфетау (архипелаг Эллиса); название дано Де Пейстером	1819
Баррет, Джордж	США	«Индепенденс»	о. Нуку-Лангаи (архипелаг Эллис)	1821
Аллен, Джозеф	США	«Мэро»	о. Гарднер (северо-западная часть Гавайского архипелага)	1820
Браун	Англия	«Элиза Френсис»	о. Джарвис (центральная часть Тихого океана)	1821
		«Абгаррис»	о. Абгарис (к югу от Каролинского архипелага)	1822
Патриксон	Англия	«Гуд-Хоуп»	о. Манихики (архипелаг Кука)	1822

Имя открывателя	Страна	Название корабля	Открытые острова	Год открытия
Дюперре, Луи Изидор	Франция	«Кокий»	атолл Реао, Туамоту, о. Мараке, архипелаг Гилберта, о-ва Мокил и Лосап-Нама (Каролинский архипелаг)	1823—1824
Уильямс, Джон (миссионер) и Диббс Джон (капитан)	Англия	«Индевр»	о-ва Митиеро и Мауке (архипелаг Кука)	1823
Старбек, Обид	США	«Херо»	о. Старбак (центральная часть Тихого океана)	1823
Холл, Джон	Англия	«Леди Блеквуд»	о-ва Холл (в 22 милях к северу от о-вов Трук)	1824
Джой Джордж	США	«Бостон»	атолл Эбон (Маршалловы острова)	1824
Гарнер, Джордж	США	«Мария»	о. Мария (Австральные о-ва)	1824
Курцен и Эг	Голландия	«Мария Рогерсберген» и «Поллукс»	о. Нуи (архипелаг Эллис)	1825
Ансон-Байрон, Джордж	Англия	«Блонд»	о. Малден (в центральной части Тихого океана)	1825
Тромелен (Франция) и почти одновременно американские китобои			о-ва Феникс	1825
Бичи, Фредерик Уильям	Англия	«Блоссом»	о-ва Ванавана, Фангатауфа и Ахунуи (архипелаг Туамоту)	1826
Дюмон-Дюрвиль, Жюль Себастьян Сезар	Франция	«Астролэбия»	о-ва Моала, Тотоа и Матуку (архипелаг Фиджи)	1827
Мэси, Ричард	США	«Харвест»	атолл Намолук (восточная часть Каролинских островов)	1827
Рул, Джордж	США	?	атолл Нассау (северная группа Кука)	1828
Айрлед	Англия	«Адемар»	атолл Рарака (архипелаг Туамоту)	1831
Фицрой, Роберт	Англия	«Бигль»	атоллы Тапаро и Кауэхи (архипелаг Туамоту), о-ва Торрес	1835
Элфингтон Эрскин, Джон Брукс	Англия США	«Хавина» «Гамбия»	о. Мидуэй (к северу от Гавайев)	1850 1859

Луи Изидор Дюперре

Ученик Фрейсине и участник экспедиции на «Урани» Луи Изидор Дюперре в 1822—1825 гг. совершил на корабле «Кокий» кругосветное плавание и два года провел в океанийских водах. Опытный гидрограф и картограф, Дюперре составил карты архипелагов Туамоту, Гилберта, Фиджи и Каролинских островов, которые получили высокую оценку «патриарха» океанийской картографии И. Ф. Крузенштерна. Дюперре провел ряд ценных океанографических наблюдений, значительно дополнив материалы по земному магнетизму и по мор-

ским течениям, собранным Фрейсине. Итоги работ экспедиции были подведены в записках Дюперре, вышедших в свет в 1826 г. (13), которыми на протяжении многих десятилетий пользовались исследователи морей Океании.

Жюль Себастьян Сезар Дюмон-Дюрвиль, друг и соратник Дюперре, был не только выдающимся мореплавателем, но и ученым-энциклопедистом. Отличный энтомолог и ботаник, он был одновременно лингвистом-полиглотом, этнографом, физиком и историком. В 1819—1820 гг. Дюмон-Дюрвиль плавал в водах Черного и Эгейского морей, и его имя оказалось теснейшим образом связанным с одним великим, хотя отнюдь не географическим, открытием. Он приобрел статую Венеры, найденную греческим крестьянином на острове Милос, благодаря чему знаменитая Венера Милосская переселилась с родного острова в залы Лувра. В 1822 г. Дюперре взял Дюмон-Дюрвиля в кругосветное плавание. Дюмон-Дюрвиль превратил корабль «Кокий» в зооботанический музей и за годы плавания собрал коллекцию, в которой насчитывалось одиннадцать тысяч насекомых (в том числе триста совершенно новых видов) и огромный гербарий.

По возвращении во Францию Дюмон-Дюрвиль организовал новую экспедицию в Южные моря. Переименовав прославленный корабль «Кокий» в «Астролябию», Дюмон-Дюрвиль в апреле 1826 г. покинул Тулон и, обогнув мыс Доброй Надежды, направился в Тихий океан. Он прошел Бассовым про-

ливом к Новой Зеландии и далее к островам Тонга и Фиджи. Опись островов, составленную Дюмон-Дюрвилем на этом этапе плавания, высоко оценил И. Ф. Крузенштерн, который в 30-х годах XIX в. использовал данные Дюмон-Дюрвиля для уточнения своего «Атласа южного моря». Дюмон-Дюрвиль посетил также Новые Гебриды, острова Лоялти, Новую Каледонию и Новую Британию. От Новой Британии он прошел к Молуккским островам вдоль северных берегов Новой Гвинеи и положил на карту свыше 2 тыс. км береговой линии этого острова на участке от пролива Дампира до залива Гелвинк.

От острова Амбоины Дюмон-Дюрвиль направился в Тасманию. В тасманийской столице Хобарте он узнал потрясающую весть. Год назад, в мае 1826 г., на острове Ваникоро, в архипелаге Санта-Крус, английский капитан Питер Диллон нашел следы экспедиции Лаперуза, которую мореплаватели искали в водах Океании сорок лет.

История этого открытия весьма увлекательна, и нам придется на время покинуть Дюмон-Дюрвиля в Тасмании и уделить несколько слов капитану Диллону. В 1813 г. Диллон подобрал на островах Фиджи трех европейцев: двух мужчин и одну женщину. По просьбе одного из спасенных, пруссака Мартина Бушарта, Диллон высадил это трио на острове Тикопиа, где их радушно встретили местные жители. Спустя тринадцать лет по пути из Вальпараисо в Пондишери Диллон побывал на Тикопии, желая проведать этих добровольных робинзонов, и нашел их в добром здравии. Канонир с корабля Диллона купил у Бушарта серебряную шпагу, которую Бушарт в свою очередь приобрел у одного из островитян. Диллон заинтересовался шпагой и обнаружил на ней инициалы Лаперуза. При дальнейших расспросах выяснилось, что на Тикопии есть много топоров и ножей французской выделки, что здесь в ходу фарфоровые чайные чашки. При этом островитяне утверждали, что все иноземные изделия они приобрели у жителей соседнего острова Ваникоро. Оказалось, что на Ваникоро долгое время жили потерпевшие кораблекрушение участники экспедиции Лаперуза и что последний из них умер за три года до появления Диллона в этих водах.

Диллон, придя в Пондишери, снарядил судно для дальнейших поисков пропавшей экспедиции и в июле 1827 г. снова посетил Ваникоро, где нашел бронзовые пушки с лаперузовской «Астролябии».

Вскоре на Ваникоро прибыл и Дюмон-Дюрвиль, которому удалось не только отыскать остова «Астролябии», но и множество вещественных следов экспедиции. Дюмон-Дюрвиль воздвиг на острове памятник Лаперузу. В апреле 1828 г. он отправился во Францию. Он прошел через Каролинский архипелаг к Сулавеси и, минуя мыс Доброй Надежды, возвратился в

Жюль Сезар Дюмон-Дюрвиль

Марсель в марте 1829 г. Коллекции, которые привез на этот раз Дюмон-Дюрвиль, по объему превзошли его сборы 1822—1825 гг. Гербарий Дюмон-Дюрвиля насчитывал свыше семи тысяч видов! Всемирную известность приобрел его труд о кругосветном путешествии 1826—1829 гг. (11).

Дюмон-Дюрвиль окончательно ввел в географическую литературу трехчленное деление Океании.

27 декабря 1831 г. на заседании Парижского Географического общества он внес предложение о подразделении Океании

на Полинезию, Микронезию и Меланезию. Он руководствовался при этом преимущественно этнографическими соображениями. «Наша система разделения, — отмечал он, — имеет в сравнении со всеми ранее предложенными то преимущество, что она не только не произвольна, но и основана на верных предположениях, естественных и отвечающих характеру расселения народов Океании» (11. v. I, p. 10). До Дюмон-Дюрвиля сходную, но гораздо более сложную и произвольную схему разработал в середине XVIII в. Шарль де Бросс.

В 1837—1840 гг. Дюмон-Дюрвиль совершил второе самостоятельное кругосветное плавание на двух кораблях: «Астролябия» и «Зеле». На этот раз главным объектом экспедиции была не Океания, а Антарктика, хотя существенные открытия Дюмон-Дюрвиль совершил и на берегах Новой Гвинеи (см. главу IX). В этом плавании он открыл остров Жуэнвиль, отделенный узким проливом от Земли Грейама, и участки побережья Антарктиды: Землю Адели и Землю Клері соответственно на 140 и 135° в. д. Работу над материалами этой экспедиции ему не удалось довести до конца. В мае 1842 г. Дюмон-Дюрвиль, его жена Адель, в честь которой названа была часть Антарктиды, и его сын погибли при железнодорожной катастрофе близ Парижа. Труд о второй кругосветной экспедиции Дюмон-Дюрвиля вышел в свет после смерти этого выдающегося мореплавателя (12).

Фредерик Уильям Бичи

156° з. д., но был остановлен льдами. Из северных морей Бичи прошел в южную часть Тихого океана и детально обследовал в 1826 г. архипелаг Туамоту. На пути к островам Туамоту он зашел на остров Пасхи. Местные жители, которым памятен был пиратский набег капитана Крозера, встретили «Блоссом» крайне враждебно. Бичи открыл по ним огонь и покинул берега острова. В январе 1826 г. Бичи открыл в архипелаге Туамоту атоллы Ванавана, Фангатауфа и Ахунуи. Бичи, так же как Дюперре и русские мореплаватели, осуществил в Тихом океане огромную

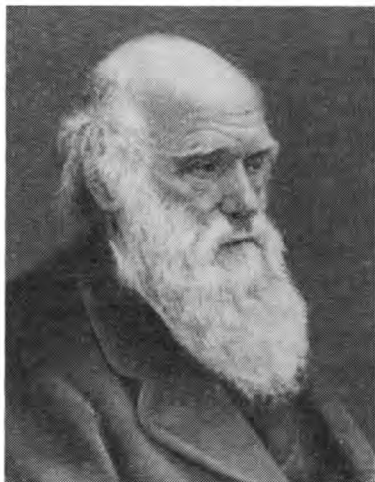
работу по «привязке» к карте ранее открытых островов и внес много ценных поправок в географию Океании. Так же как и работа Дюперре, книга Бичи, посвященная его исследованиям в Тихом океане, долгое время играла роль лоции для мореплавателей, посещающих океанийские воды (8). О его работах с большим уважением отзывался И. Ф. Крузенштерн, а в британских ученых кругах деятельность Бичи нашла весьма высокое, хотя и изрядно запоздалое, признание; в 1855 г., за год до смерти, Бичи избран был президентом Королевского географического общества.

Капитан Роберт Фицрой в 1828—1830 гг. провел на бриге «Бигль» съемку берегов Огненной Земли и Патагонии. Вскоре после возвращения в Англию он возглавил кругосветную экспедицию, которая 27 декабря 1831 г. на «Бигле» вышла в плавание из Плимута. Сверх штата в эту экспедицию был определен двадцатидвухлетний натуралист Чарлз Дарвин. В 1831 г. никто не подозревал, что именно благодаря его участию экспедиция на «Бигле» войдет в историю мировой науки как одно из наиболее значительных научных предприятий XIX в.

«Бигль» в 1832—1835 гг. крейсировал в южноамериканских водах и 20 октября 1835 г., покинув Галапагосские острова, отправился к берегам Новой Зеландии и Австралии. Через архипелаг Туамоту Фицрой прошел к Таити, а оттуда просле-

довал к Северному острову Новой Зеландии. 30 декабря 1835 г. «Бигль» прибыл в Сидней, откуда спустя месяц направился к берегам Тасмании и Южной Австралии. 2 октября 1836 г. экспедиция возвратилась в Англию.

Фицрой совершил в Океании весьма скромные открытия: ему удалось лишь впервые положить на карту два небольших атолла (Таиаро и Кауэхи) в архипелаге Туамоту. Но огромное значение имели работы, проведенные в ходе транстихоокеанского плавания Дарвином. Располагая трудами Коцебу и Шамиссо, опираясь на наблюдения этих неутомимых исследователей, Дарвин разработал

Чарлз Дарвин

свою замечательную теорию происхождения коралловых островов, которая была встречена в штыки его современниками и получила признание и подтверждение много лет спустя.

Дарвин высказал предположение, что рост коралловых островов происходит в процессе постепенного опускания вулканических островов. «...Атоллы, — писал он, — приблизительные контуры карты погрузившихся островов, над которыми они стоят». Поскольку коралловые сооружения быстро растут на внешнем крае, Дарвин пришел к заключению, что сперва возникает барьерный риф, отделенный от вулканического острова лагуной, а затем при дальнейшем и полном погружении острова на его месте остается лагуна, окаймленная атоллом, причем лагуна постепенно заполняется продуктами разрушения окружающих рифов.

Книга «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»» (2) — путевые записки Дарвина, вышедшая в свет в 1839 г., многократно переиздавалась и на родине великого ученого, и за ее пределами (в частности, в Советском Союзе). На ней воспитывались поколения географов и естествоиспытателей, и главы ее, посвященные Океании и Австралии, вошли в золотой фонд научной литературы, посвященной этой части света. В истории геологических наук очень важной вехой явился труд Дарвина «Строение и распределение коралловых рифов», основанный главным образом на океанийских наблюдениях автора и капитана Фицроя.

Американская экспедиция Чарлза Уилкса послана была в Южные моря в 1838 г. и пробыла там четыре года. Экспедиционная флотилия состояла из шести кораблей во главе с флагманом военным шлюпом «Винсенс», который по емкости втрое превосходил знаменитый корабль «Бигль». В штатах этой экспедиции состояли видные американские ученые: филолог Хорас Хел, ботаник Уильям Рич, геолог Джемс Дана.

В 1839 г. Уилкс посетил острова Туамоту и Самоа, в 1840 г. — архипелаги Фиджи и Гавайи*. Уилкс обследовал острова северной Полинезии и присвоил уже открытому ранее архипелагу, расположенному к востоку от группы Эллис, название островов Феникс. Плавающая академия Уилкса внесла много нового в науку. Очень важное открытие совершил Хорас Хел. Он изучил генеалогические предания полинезийцев и, анализируя географические данные, содержащиеся в них, пришел к выводу, что полинезийцы переселялись на острова Океании из Азии, причем пути их миграции от Малайского архипелага шли вдоль северного берега Новой Гвинеи и далее к Фиджи и Самоа через цепочку островов Меланезии. Океанийские материалы позволили другому консультанту Уилкса, Джемсу Дана, разработать новую теорию происхождения коралловых островов и изучить состав различных горных пород на вулканических островах Океании. Уилкс и его сотрудники выпустили в свет многотомный отчет о работах экспедиции (22).

Роль миссионеров, европейских поселенцев и коренных жителей в исследовании Океании

В открытиях и исследованиях Океании известную роль сыграли также миссионеры. Не так уж много было среди них людей любознательных и сведущих, но немногочисленные миссионеры-исследователи провели весьма ценные наблюдения на островах Южных морей в первой половине XIX в.

Наибольший интерес представляют работы миссионера Уильяса Эллиса. Вступив в Лондонское миссионерское общество, Эллис в 1816 г. в двадцатидвухлетнем возрасте отправился на остров Эймео (острова Общества). В 1817 г. Эллис

* Весьма значительные открытия Уилкс совершил в Антарктике. Корабли Уилкса в 1840 г. вдоль ледяного барьера Антарктиды прошли интервал от 100 до 160° в. д. Уилкс был убежден, что он крейсирует у кромки великой антарктической суши, и, хотя явных признаков берега ему и его спутникам далеко не всегда удавалось обнаружить, на карту смело наносилась сплошная линия берега. За эти «картографические дерзости» Уилкса поносили очень видные исследователи Антарктики, и в частности англичанин Джемс Росс. Однако, как это ни странно, но Уилкс оказался прав. Действительно, в южной части Индийского океана линия берега проходит примерно там (порой чуть южнее), где ее нанес Уилкс, и в честь него этот сектор антарктического побережья назван Землей Уилкса.

перебрался на соседний остров Хуахине, побывал затем на Таити и около трех лет провел на Гавайских островах. В 1825 г. он возвратился в Англию и там опубликовал чрезвычайно интересный многотомный труд «Полинезийские исследования» (14). «Полинезийские исследования» — это этнографическая энциклопедия стран Южных морей. Эллис, отлично владея языками народов островов Общества и Гавайского архипелага, собрал множество чрезвычайно важных сведений об общественном устройстве, быте, обычаях и религии полинезийцев. И что крайне существенно — сбором этих данных он занимался в ту пору, когда еще сохранялись многие особенности старого уклада. Поэтому «Полинезийские исследования» и по сей день — ценнейшее справочное издание по этнографии Полинезии.

Миссионер Джон Уильямс, в прошлом торговец скобяными изделиями, лет шесть провел на островах Общества, а затем отправился к южной группе островов Кука. В этом архипелаге совместно с капитаном Джоном Диббсом он в 1823 г. открыл острова Митиеро и Мауке и был одним из первых европейцев, посетивших остров Раротонга. Изучив местный язык, весьма сходный с таитянским, Уильямс перевел на него Евангелие (чем вряд ли осчастливил островитян). С помощью местных жителей он построил на Раротонге довольно большое судно и на нем совершил переход от островов Кука к острову Раиатеа, посетив по пути острова Самоа. Возвратившись в Англию, Уильямс издал там очень интересный труд «Повествование о миссионерских предприятиях» (1837 г.). В 1838 г. он возвратился в Океанию и в ноябре 1839 г. был убит островитянами на новогейбридском острове Эрроманга.

Существенные географические сведения собрали также миссионеры Оноре Лаваль (острова Мангарева), Ширли Бейкер (Тонга), Джордж Тарнер (Самоа), Хайрам Бингхем младший и Шелдон Диббл (Гавайи, вторая половина XIX в.) (21).

В изучение Океании много ценного внесли «случайные люди», которые в силу обстоятельств оседали на долгое время в Южных морях.

В 1806 г. на островах Тонга британское китобойное судно «Порт-о-Пренс» было захвачено местными жителями. Островитяне оставили в живых лишь несколько моряков: на «Порт-о-Пренсе» были взяты пушки, и тонганским вождям нужны были канониры. Один из пленников, юный моряк Уильям Маринер, очень быстро изучил тонганский язык и, будучи весьма любознательным человеком, собрал сведения о местных обычаях. В 1810 г. он на китобойном судне возвратился в Англию и продиктовал своему другу Джону Мартину повествование о тонганском плене. Книга Маринера — Мартина (18), изданная в 1818 г., — бесценный источник по этнографии островов Тонга.

И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский на острове Нукухива получили очень ценные сведения от англичанина Робертса, который до прихода русских кораблей семь лет прожил на острове (он был высажен взбунтовавшимися матросами одного торгового корабля). Информатором русских мореплавателей на Нукухиве был также беглый моряк француз.

На острове Ротума толмачом французскому исследователю Дюмон-Дюрвилю служил английский офицер Юнг, который прожил несколько десятков лет среди «дикарей» и горячо любил своих новых земляков. Русские мореплаватели узнали о многих особенностях быта и общественного строя обитателей Гавайских островов от людей, которые, по тем или иным причинам покинув Европу и США, нашли пристанище у короля Камеамеа. К числу таких «гавайзированных» европейцев относился испанец дон Франсиско де Паула-и-Марин, который прожил на Гавайях тридцать шесть лет.

Но разумеется, куда большее значение имели не эти пришельцы из чужого мира, а местные знатоки океанийских древностей и океанийской современности. Мы уже упоминали о ратейце Тупиа и микронезийце Каду: первый снабдил Кука, а второй — Коцебу важными географическими сведениями. Но если Тупиа и Каду выступали преимущественно в роли географов, то другие океанийские мудрецы зарекомендовали себя как выдающиеся историки и бытописатели.

Один из местных вождей на острове Раротонга, Те Арики Тарааре, записал предания жителей родного острова и в конце XIX в. вручил эти записи известному этнографу Перси Смиту. Новозеландские жрецы и вожди поведали запечатленную в генеалогических преданиях историю маорийского народа исследователям их острова Уильяму Коллензо и Ричарду Тейлору. Жрец Те Маторахана продиктовал чрезвычайно интересные исторические сведения, которые были опубликованы в «Журнале Полинезийского Общества», издающемся в Новой Зеландии. Именами туземных информаторов полны труды антропологов, историков и этнографов, которые работали на Таити, Гавайях, островах Фиджи, Тонга, Самоа, в Новой Каледонии и в Новой Зеландии. Именно эти информаторы европейских и американских исследователей снабдили последних тем материалом, на котором выросла вся океанистика.

Впрочем, маори, таитяне и гавайцы выдвинули из своей среды не только «лоцманов», но и «капитанов» от науки, о чем свидетельствуют блестящие труды Те Ранги Хироа — потомка новозеландского вождя Ихироа. Перу Те Ранги Хироа, в частности, принадлежит очень интересная работа по истории этнографических и антропологических исследований в Тихом океане (21).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ. XIX В.

Колониальная экспансия в Новой Зеландии

В орбиту колониальной экспансии Новая Зеландия воевлечена была позже Австралии, Таити и Гавайских островов.

В 1808 г. «папа» австралийских евангелистов капеллан Сэмюэл Марсден направил на Северный остров первую миссию. В 1814 г. он высадился в бухте Бей-оф-Айлендс и за два железных топора приобрел участок земли, который стал опорной базой миссионеров-евангелистов. Эти братья-стяжатели за последующие четверть века за топоры, гвозди, шерстяные одеяла и дешевые бусы «скупили» 386 875 $\frac{3}{4}$ акра (96 680 га) земли. Они были весьма предприимчивыми бизнесменами и никуда не годными «ловцами душ». За те же двадцать пять лет им удалось окрестить всего лишь сто пятьдесят одного маори!

Как и на Таити, миссионеры усиленно разжигали в Новой Зеландии межплеменные войны; при поддержке миссионеров вождь племени нгапухов Хонги-Хика совершил в 1820 г. вояж в Лондон, где раздобыл огнестрельное оружие, которое затем использовано было в кровавых усобицах, охвативших весь Северный остров. Миссионеры были теснейшим образом связаны с Сиднеем и Лондоном и регулярно поставляли туда сообщения о маорийских делах.

В начале 30-х годов XIX в. в британском ведомстве колоний было решено прибрать к рукам Новую Зеландию. В 1833 г. на Северном острове утвердился британский резидент, который завязал сношения с вождями племен. Он сколотил конфедерацию вождей, которая, однако, никакой реальной властью не обладала.

В 1835 г. в новозеландские дела вмешалась Франция. Предлог для вмешательства нашелся весьма благовидный. В свое время французский авантюрист Тьерри за шестьдесят топоров

купил на Северном острове 40 тыс. акров земли. В 1835 г. Тьерри провозгласил себя «вождем всей Новой Зеландии», и, поскольку ни маорийские племена, ни британский резидент не признавали его прав, он отдался под высокую руку короля Франции Луи-Филиппа.

Положение на острове усложнилось еще и тем, что видный английский общественный деятель Гиббон Уэкфилд без разрешения британского правительства основал в 1839 г. на Северном острове колонию, куда доставил из Англии несколько сот поселенцев.

Британскому резиденту приказано было «мирным» путем добиться от вождей уступки всех прав суверенитета ее величеству королеве Виктории. В феврале 1840 г. в селении Ваитанги пятьдесят подкупленных резидентом вождей подписали договор, согласно которому королеве Англии «абсолютно и без ограничений были переданы все права и вся полнота власти, коими вожди пользовались прежде на собственных территориях как единоличные суверены». К октябрю 1840 г. удалось собрать еще четыреста пятьдесят подписей, но от этого кабальное соглашение не приобрело большей силы. Маори, возмущенные предательством кучки вождей и вероломной политикой британских колонизаторов, вступили в борьбу за свои земли. Началась тридцатилетняя война, в ходе которой значительная часть новозеландского народа была истреблена.

Своего апогея эта борьба достигла в 1857 г., когда маорийские вожди избрали королем Новой Зеландии энергичного вождя племени нгати-хауа Вирему Тамихану, который принял титул Потатау I (1).

«Страна короля» — внутренняя горная область Северного острова — стала очагом освободительной войны, в которой порой маори удавалось одерживать победы над англичанами. Силы, однако, были неравные. К 70-м годам в Новую Зеландию уже переселилось свыше ста тысяч колонистов; британские войска вооружены были куда лучше, чем маорийские ополчения, и, кроме того, англичанам удалось разжечь усобицы в новозеландском стане.

Многолетняя война окончилась поражением маори. Однако британские власти вынуждены были пойти на уступки и признать за «туземцами» избирательные права. «Страна короля» сохранила свою независимость. Но после окончания войны положение коренного населения отнюдь не улучшилось. Англичане упразднили общинную собственность, и началась лихорадочная скупка маорийских земель. К 1891 г. на Северном острове у маори осталось только $\frac{2}{5}$ прежних земель; на Южном острове $\frac{9}{10}$ всех земельных угодий перешло к британским колонистам. В год, когда Кук высадился на берегах Новой

Зеландии, на обоих островах проживало свыше двухсот тысяч человек. Через сто двадцать лет в Новой Зеландии сохранилось лишь сорок тысяч ее коренных обитателей.

Открытия в прибрежных областях Новой Зеландии

В последние два десятилетия XVIII в. и в первой четверти XIX в. берега Новой Зеландии лишь изредка посещались европейскими и американскими кораблями, преимущественно китобойными. Об этом двойном острове известно было в сущности так же мало, как и во времена Кука. Внутренние области Новой Зеландии по-прежнему оставались неисследованными.

В начале XIX в. совершены были довольно значительные открытия на берегах Южного острова. В 1804 г. американский китобой О. Смит установил, что крайняя южная оконечность Южного острова совсем не мыс, как это полагал Кук, а остров, отделенный от новозеландской земли довольно широким проливом. Желая сохранить втайне от конкурентов это открытие, Смит так надежно упрятал составленную им карту южных берегов Новой Зеландии, что найти ее удалось только в 1938 г. (7). Обнаруженный Смитом проход вторично открыла в 1809 г. британская экспедиция на кораблях «Гouverneur Блай» и «Пегас» (пролив Фово). В конце того же 1809 г. капитан «Пегаса» Уильям Стюарт положил на карту остров, лежащий к югу от пролива Фово. Назван этот остров был в честь Стюарта. Одновременно установлено было, что «остров» Банка у восточных берегов Южного острова представляет собой большой полуостров, связанный с новозеландским «материком» низким перешейком.

Вслед за китобоями и купцами на берега Новой Зеландии пришли миссионеры. Мы уже отмечали, при каких обстоятельствах они обосновались в 1814 г. на берегах залива Бей-оф-Айлендс. Миссионеры очень желали прибрать к рукам всех «дикарей» Новой Зеландии, но маори столь неохотно приобщались к «христианской цивилизации», что долгое время евангелические апостолы вынуждены были отсиживать в заливе Бей-оф-Айлендс. Первые рекогносцировки в соседние области они предприняли лишь в 1819 г.

Жюль Сезар Дюмон-Дюрвиль (см. стр. 250—252) в 1827 г. описал значительный участок северо-западного берега Южного острова и собрал обширную коллекцию образцов экзотической новозеландской флоры. Но и он ограничился обследованием лишь прибрежной полосы.

Интерес, и при этом весьма корыстный, к внутренним областям Новой Зеландии проявился в 30-х и 40-х годах XIX в., когда началась колонизация обоих островов. В 1831 г. возникли

торговые фактории в устье реки Темзы, в бухте Поверти и на реке Уанкато, и, таким образом, очаги дальнейшей экспансии одновременно появились на северном, восточном и южном берегах Северного острова. Западный его берег в 1831—1837 гг. обследовал предприимчивый купец Дж. Полак. Полак был первым европейцем, которому довелось увидеть кости моа, гигантской птицы, истребленной в Новой Зеландии за два-три столетия до Тасмана и Кука. От маори Полак получил сведения о горячих источниках и больших озерах Роторуа и Таупо, лежащих в глубине Северного острова (8, стр. 31).

Открытия и исследования на Северном острове

В 1839 г. на берегах пролива Кука с корабля «Тори» высадились первые колонисты из партии Гиббона Уэкфилда (см. стр. 260). Они обосновались в глубокой бухте Порт-Николсон, где возникло поселение Веллингтон. Из Веллингтона в 1839 г. колонист Бидуилл совершил экскурсию на озеро Таупо и к горячим ключам в южной части вулканического плато. Геолог Эрнст Диффенбах в декабре 1839 г. взобрался на высочайшую вершину Северного острова — гору Эгмонт, которая в отличие от труднодоступных пиков Южного острова расположена очень удобно — на широком выступе берега.

В 1839—1844 гг. прибрежные земли обоих островов стали объектом бурной экспансии. Поселения Окленд на северо-западе Северного острова, Нью-Плимут на его западном берегу, Нельсон на северном берегу Южного острова наряду с Веллингтоном и старыми базами миссионеров и купцов стали очагами этой экспансии и исходными пунктами для экспедиций, прощупывающих пути в неведомые внутренние области. Штурм этих областей начался в 40-х годах.

Землемеры компании Уэкфилда в 1840 г. приступили к обследованию южной части Северного острова. Годом позже созданная по распоряжению британских колониальных властей картографическая служба начала планомерную съемку всей территории этого острова.

Первые маршрутные исследования на Северном острове провел молодой миссионер Уильям Коллензо. Художник по профессии, он в 1834 г. покинул Англию и несколько лет провел в миссии Бей-оф-Айлендс. Здесь он изучил маорийский язык и с австралийским ботаником Алленом Кanningхемом совершил в 1838 г. несколько экскурсий. В 1841 г. Коллензо встретился в миссии с участником антарктической экспедиции Джемса Росса Джозефом Хукером, впоследствии одним из наиболее выдающихся ботаников Европы. В течение полувека Коллензо был постоянным корреспондентом Хукера. Знамени-

тый новозеландский гербарий ботанического сада Кью в Лондоне неизменно пополнялся ценными сборами Коллензо, а сам Хукер в работах по описанию растительного царства Новой Зеландии широко использовал богатейшие материалы своего заокеанского коллеги.

В первое свое большое путешествие по Северному острову Коллензо вышел в 1841 г. Из залива Айлендс он на корабле отправился в бухту Хокса в восточной части Северного берега, а оттуда пешком прошел вдоль восточного берега к бухте Поверти. Из бухты Поверти он направился в глубь страны, к озерам Таравера и Ротоити, окруженным горячими ключами; затем по реке Уаикато спустился к западному берегу и от Окленда прошел по морю к заливу Айлендс. В пути Коллензо собрал около тысячи образцов флоры, и Хукер, которому он переслал свою коллекцию, отметил, что почти две трети образцов — это разновидности, ранее неизвестные ботаникам.

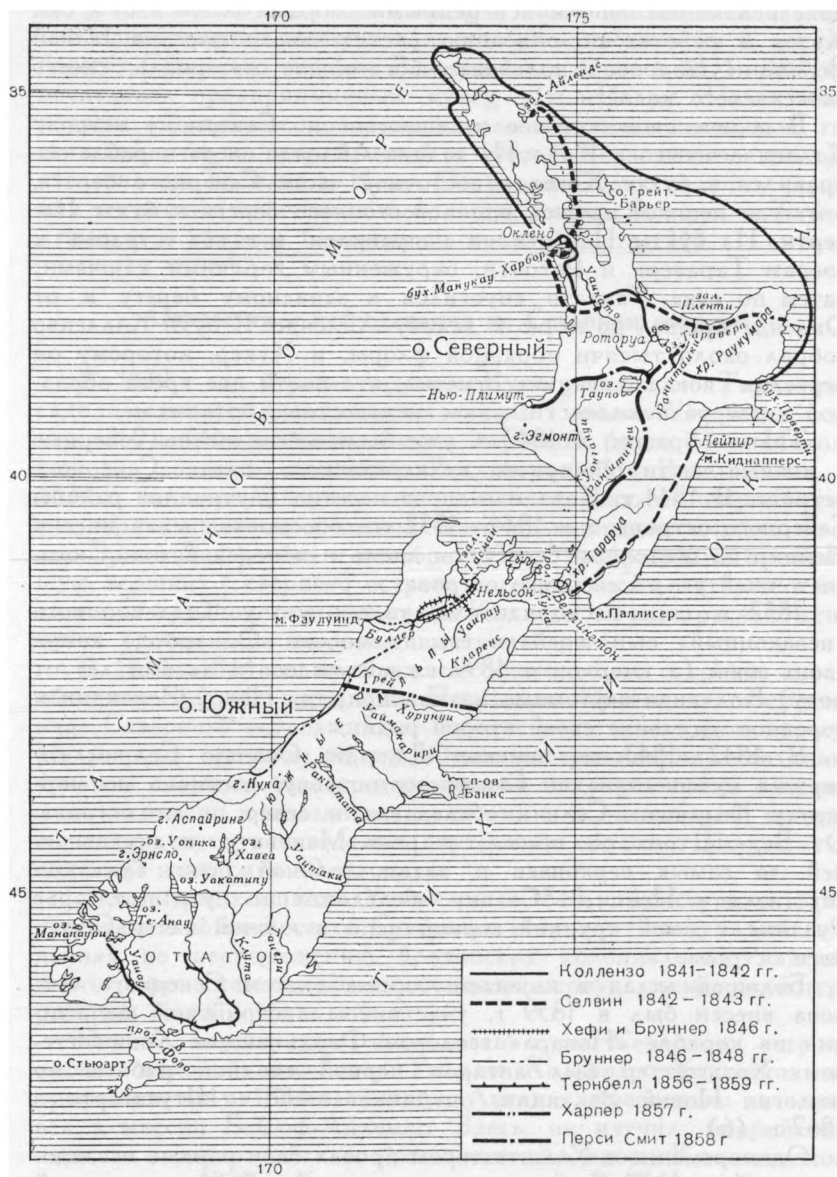
Таким образом, к 1842 г. уже были обследованы северные и южные части обширного вулканического плато Северного острова. В 1844 г. Коллензо снова посетил внутренние районы Северного острова, а в 1844—1852 гг., обосновавшись в миссии Нейпир на восточном берегу, он вдоль и поперек исходил юго-восточный угол Северного острова.

1852 г. отцы-распорядители, узнав, что у Коллензо есть «незаконный» сын, изгнали его из миссии. Однако до конца своих дней (а умер он в 1899 г., восьмидесяти восьми лет от роду) Коллензо неутомимо изучал природу Новой Зеландии и коренное население своей второй родины.

В 1842—1843 гг. епископ Джордж Огастас Селвин совершил путешествие по Северному острову, частично по маршруту Коллензо. Селвин обследовал и север, и юг острова. От Веллингтона он прошел к реке Манавату, поднялся по ней до самых верховьев и затем долиной реки Тукитуки спустился к Нейпиру. Селвин обследовал по пути предгорье Руахине — самой крупной горной цепи в южной части Северного острова.

Большой вклад в изучение горных систем Северного острова внесен был в 1859 г. участником австрийской экспедиции на корабле «Новара» геологом Фердинандом Хохштеттером. Хохштеттер был автором первой сводной работы по геологии Новой Зеландии, опубликованной в Штуттгарте в 1867 г. (6).

Одновременно с Хохштеттером провел свои первые исследования природы Северного острова крупнейший новозеландский ученый Стефенсон Перси Смит. В 1858 г., восемнадцати лет от роду, он совершил восхождение на гору Эгмонт и путешествие в глубь острова. Перси Смит обследовал центральное вулканическое плато с озером Таупо в его средней части, прошел к

Маршруты путешествий по Новой Зеландии

северу до устья реки Рангитаики и, кроме того, совершил переход от озера Таупо к озеру Таравера, на берегах которого в 1841 г. побывал Коллензо. Перси Смит отлично знал ряд маорийских диалектов и на протяжении многих лет (он умер в 1922 г.) изучал новозеландские предания. Он был отцом новозеландской этнографии и одним из крупнейших океанистов конца XIX и начала XX в.

После окончания тридцатилетних маорийских войн, в 70-х и 80-х годах XIX в., вся территория Северного острова была детально обследована, и в настоящее время эта часть Новой Зеландии изучена столь же обстоятельно, как любая из западноевропейских стран.

Открытия и исследования на Южном острове

В 40-х годах XIX в. начались также исследования внутренних областей Южного острова. Природа Южного острова куда суровее, чем Северного, и, кроме того, большая часть его территории занята высокими горами.

Исполинская цепь Южных, или Новозеландских, Альп — становой хребет Южного острова — захватывает всю его центральную и западную часть. Острые, обрывистые пики, вздымающиеся на высоту до 4000 м, колоссальные ледники, глубокие ущелья, межгорные котловины с огромными озерами — таков рельеф этого сурового края. На юге Южные Альпы смыкаются с высоким плато Отаго. Плато это расчленено глубокими депрессиями, крутосклонные хребты пересекают его из конца в конец, и берега здесь изрезаны ветвистыми бухтами, порой на десятки километров врезанными в гористую сушу. Лишь вдоль восточного побережья тянутся широкие кентерберийские равнины, и именно здесь в 40-х годах XIX в. осели колонисты. К концу 40-х годов они продвинулись до крайней южной оконечности острова и обосновались также на нижних уступах плато Отаго. В 1841 г. на восточных берегах предварительную рекогносцировку провели капитан Даниэлл и геодезист Дуппа, а год спустя капитан У. Смит обследовал берега пролива Фово. Но эти исследователи не заходили в глубь острова.

Первые попытки проложить сквозной путь с востока на запад через Южный остров были предприняты в его северной части. Картограф и чертежник компании Уэкфилда Чарлз Хефи и землемер Томас Бруннер в 1846 г. совершили два похода из селения Нельсон к западному берегу. В обоих экспедициях проводником был маори Кеху; и Хефи и Бруннер своими успехами обязаны Кеху в такой же мере, как их соотечественник Хиллари шерпу Тенсингу. Путешественники прошли из Нель-

сона к реке Буллер, берущей начало на северном отроге Альп, хребте Спенсер, и затем вдоль восточного склона прибрежного хребта Папароа добрались до устья реки Ахаура. Тем же путем они возвратились в Нельсон.

В конце 1846 г. Бруннер и Кеху снова отправились в путешествие. Из Нельсона они дошли до реки Буллер, спустились к западному берегу и вдоль крутого, обрывающегося в море склона хребта Папароа проследовали на юг до прибрежного плато Тититера. На обратном пути Бруннер и Кеху обогнули хребет Папароа с востока; поднявшись по реке Грей, они вышли на водораздельное плато, пересекли реку Буллер и возвратились в Нельсон. Это путешествие продолжалось свыше полутора лет. «По общему мнению, — пишет издательница записок новозеландских путешественников XIX в. Ненси Тейлор, — это была самая значительная из всех исследовательских экспедиций, совершенных в Новой Зеландии. Ни один европеец столь долго не странствовал по таким труднодоступным и скудным землям, к тому же вечно орошаемым обильными дождями» (8, стр. 48). Бруннеру неделями приходилось питаться корнями съедобных папоротников и моллюсками.

Бруннер основательно разочаровал колонистов: после его путешествия выяснилось, что западный берег Южного острова непригоден для заселения и что с востока, из Нельсона и кентерберийских равнин, очень трудно пробиться к немногочисленным удобным гаваням западного побережья.

В 1847—1851 гг. экспедиция капитана Р. Стокса провела на корабле «Эйгерон» детальную съемку берегов Южного острова. В этой экспедиции приняли участие геолог Г. Форбс, ботаник Лайелл и геодезист Дж. Гамильтон. В конце 1849 г. Гамильтон в сопровождении четырех маори обследовал хребет Кайкоура, к северу от кентерберийских равнин. В этой экспедиции принял участие известный исследователь Австралии Джон Эйр (в 1846 г. он был назначен правителем Новой Зеландии). От местных жителей Гамильтон узнал, что Южные Альпы проходимы в ряде мест, и в частности в верховьях большой реки Хурунуи, орошающей кентерберийские равнины.

Поиски проходов, ведущих из кентерберийских равнин к западному и южному берегу, не без успеха вел в 50-х годах некто Маккензи, овцекрад по профессии. Он, в частности, нашел удобный путь, которым не раз перегонял похищенных овец из Кентерберии в глухие долины Отаго. Карьера Маккензи, однако, прервалась после того, как его сперва посадили на пять лет в тюрьму, а затем выслали из Новой Зеландии.

В 1856—1859 гг. землемер и геодезист Джон Тернбелл провел съемки на плато Отаго и положил на карту южные отроги Южных Альп.

В 1861—1862 гг. в Отаго найдено было золото, и сразу же в южные и юго-западные области Южного острова ринулись искатели легкой наживы. Начались усиленные поиски проходов к западному берегу. Еще до «золотой лихорадки», в 1857 г., Леонард Харпер пересек Южный остров по маршруту река Хуруну — проход Харпера — река Тарамакау, причем путь ему указали маорийские землепроходцы — вождь Тарапухи и его брат Таинуи, «щедро» вознагражденные за свои услуги глиняной трубкой и старой курткой.

В разгар золотого бума удалось отыскать еще несколько проходов в Южных Альпах. Здесь наибольших успехов добился путешественник А. Баррингтон. Из устья реки Дарт, впадающей в пролив Фово, он прошел на север, пересек хребет Гумбольдта, дошел до озера Алебастр, лежащего в межгорной котловине на водоразделе речных систем западного и восточного склонов Южных Альп, и затем спустился к Тасманову морю по рекам Пайк и Гордж. Баррингтон обследовал совершенно неведомую горную страну в юго-западной части Южного острова (8).

Систематические исследования Южных Альп были организованы в 60-х годах XIX в. геологом Джемсом Хектором, который в 1865 г. возглавил геологическую службу Новой Зеландии. Хектор и его сотрудники начали штурм главного водораздела — центрального участка Южных Альп с высочайшими новозеландскими вершинами: пиком Кука (3764 м), Аспайринг (3035 м), Энслоу (2819 м).

Ближайший соотатник Хектора австриец Иоганн Фридрих Хааст провел в 1861—1863 гг. первые исследования знаменитых южноальпийских ледников. Он описал огромные ледники Форбса, Тасмана и Хукера и открыл ледник Франца-Иосифа — один из крупнейших в Новой Зеландии (4). Работы эти были продолжены в 1867—1870 гг. Э. Сили и Р. Ленденфельдом.

В 80-х годах географ Фердинанд Мюллер обследовал один из самых труднодоступных участков гористого западного берега Южного острова между заливами Джексон и Мартинс.

С 1868 по 1903 г. в Южных Альпах работал неугомонный исследователь и выдающийся «горолаз» Чарлз Эдуард Дуглас, который совершил восхождение на многие вершины и побывал на больших озерах Те-Анау, Уоника и других, расположенных в самом сердце южноальпийского высокогорья (8).

Однако не Дугласу, а Файфу и Грехему выпала в 1894 г. честь первыми взобраться на высочайшую вершину Новой Зеландии — гору Кука. Годом позже географ Э. Фицджеральд первым пересек главный водораздел в его самой широкой центральной части. Фицджеральд опубликовал работу, в которой

описал свои нелегкие походы в самые труднодоступные области Южного острова (3).

Большие исследования в Южных Альпах ведутся вплоть до настоящего времени, причем до сих пор в этой горной стране имеются «белые пятна». Одно из таких «пятен» — национальный заповедник Фьорленд; его обрывистые пики и многочисленные озера недоступны даже самым отважным альпинистам. Охотники маори утверждают, что в неосвоенных уголках Южного острова сохранились птицы моа, главная зоологическая достопримечательность древней Новой Зеландии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ. XIX—XX ВВ.

Трудный остров

Новая Гвинея открыта была за восемьдесят лет до Австралии и на сто шестнадцать лет раньше Новой Зеландии. Однако вплоть до конца XIX в. этот огромный остров был сплошным «белым пятном». Колоссальные горные цепи, пересекающие с запада на восток всю Новую Гвинею, только на рубеже XIX и XX вв. впервые положены были на карту. При этом следует отметить, что, во-первых, Новая Гвинея лежит у порога Азии, на бойких морских путях, ведущих из Старого Света в Австралию, Полинезию и к тихоокеанским берегам Америки, и, во-вторых, Новую Гвинею неоднократно посещали европейские и американские корабли. По подсчетам географа Артура Вихманна (19), только за время с 1828 по 1902 г. на этот остров и в омывающие его моря было совершенно семьсот восемьдесят семь путешествий.

Новогвинейский парадокс, однако, легко объясним. Новая Гвинея — это полюс недоступности тропической зоны. Природные условия отнюдь не благоприятствуют исследованию и освоению таких труднодоступных областей, как Амазония, бассейн Конго и внутренние районы Суматры и Калимантана, однако в Новой Гвинее неблагоприятные факторы сочетаются самым неблагоприятным образом. Рифы, мели, мангровые заросли у берегов. Вязкие болота и непроходимые чащобы в полосе прибрежных низменностей. Дремучие многоярусные тропические леса на склонах великих хребтов, расчлененное бездонными ущельями высокогорье в самом сердце острова и увенчанные снегами четырех- и пяти тысячники с ледниками, обрывами немыслимой высоты и гигантскими осыпями на склонах. Таковы картины Новой Гвинеи. Отроги бесконечных хребтов, лесные массивы, болота разделяют остров на сотни изолированных «отсеков». Огромные реки, по длине превосходящие Дон и Рейн, в низовьях своих образуют лабиринты

протоков, рукавов, стариц, растекаются в дождливый сезон на необозримую ширину.

Речные долины и прибрежные низменности — истинный рай для насекомых, которые не дают человеку покоя ни днем ни ночью и являются возбудителями смертельно опасных тропических болезней. К этому перечню бед и зол следует добавить тропические ливни и тропический зной, сырую мглу тропических лесов, густо перевитых цепкими и колючими лианами, и ядовитых змей, которыми кишат новогвинейские джунгли.

Следует также отметить, что пионеры колониальной экспансии внушили коренным жителям Новой Гвинеи вполне оправданную ненависть к чужеземным пришельцам, в силу чего исследователи этого острова далеко не всегда могли рассчитывать на дружественный прием в папуасских селениях.

Открытия Мак-Клура, Дюмон-Дюрвиля и Колфа. Авантюра в заливе Тритон

В конце XVIII в. д'Антркасто и английский мореплаватель Мак-Клур внесли некоторые уточнения в контуры береговой линии Новой Гвинеи. Мак-Клур в 1791 г. на кораблях Ост-Индской компании «Пантера» и «Индевр» прошел вдоль юго-западных берегов Новой Гвинеи и открыл огромный залив — глубокую выемку, отделяющую «голову» острова — полуостров Вогелкоп от его «зоба» — полуострова Бомбараи (залив Мак-Клура современных карт).

В 1827 г. Дюмон-Дюрвиль, один из наиболее выдающихся французских мореплавателей XIX в., прошел с востока на запад вдоль северных берегов Новой Гвинеи. На 5° ю. ш. и 146° в. д. он открыл обширный залив Астролябия, названный так по экспедиционному кораблю. Следуя далее вдоль берега, Дюмон-Дюрвиль положил на карту высокие горные цепи, которые тянутся параллельно побережью, — хребет Торричелли и горы Эйри (горы Бевани на современной карте). На 2°35' ю. ш. и 140°45' в. д. Дюмон-Дюрвиль открыл большой залив Гумбольдта. Обогнув самый северный выступ этой части новогвинейского берега — мыс Дюрвиль, французский мореплаватель вошел в залив Гелвинк и затем вдоль северного побережья Вогелкопа прошел к Молуккским островам.

В 20-х годах XIX в. большой интерес к Новой Гвинее проявили голландцы. Голландцы, правда, опасались, что их вторжение в Новую Гвинею может вызвать недовольство у полунезависимых правителей Мисола, Серама, Тернате и других островов Молуккского архипелага. Молуккские купцы издавна вели торговлю с Ирианом — западной частью Новой Гвинеи,

и, нарушив их интересы, голландцы ослабили бы свои позиции на Островах Пряностей.

Однако и в Гааге, и в Батавии еще большее беспокойство вызывали англичане, которые к тому времени прочно утвердились на северных берегах Австралии. Смутные опасения сменялись опасениями явными в 1825 г., спустя год после того, как в Лондоне был подписан англо-голландский договор о сферах влияния в морях Дальнего Востока. В июле 1825 г. в молуккских водах капитан голландского корабля «Даурга» Д. Колф подобрал двух английских матросов с британского корабля. Матросы эти сообщили, что англичане намерены в скором времени захватить всю южную часть Новой Гвинеи.

Голландский губернатор Молуккских островов направил Д. Колфа в новогвинейские воды для предварительных рекогносцировок, а о сообщении английских матросов послал рапорты в Батавию. Колф в апреле — мае 1826 г. прошел вдоль юго-западных берегов Новой Гвинеи. В северной части «полуострова» Фредерик-Хендрик (этот выступ новогвинейской суши на всех картах того времени наносился как полуостров) Колф открыл широкий проход. Не осмеливаясь нарушить «картографические традиции», Колф счел этот проход устьем реки, которую он назвал рекой Даурга. Лишь девять лет спустя командир голландского корабля «Пестильон» М. Лангенберг установил, что эта «река» представляет собой извилистый сквозной проход, отделяющий от Новой Гвинеи остров Фредерик-Хендрик (19, v. II, part. I, p. 31—32).

Колф шел вблизи берегов и 16 мая 1826 г. отметил в своем дневнике, что в глубине Новой Гвинеи видны огромные горы. Это были Снежные горы с высочайшей вершиной Новой Гвинеи горой Карстенс-Топпен (5030 м), впервые замеченные в 1623 г. Карстенсом. До этого хребта голландцы дошли лишь спустя несколько десятилетий. 19 мая на одном из прибрежных островков в стычке с папуасами был ранен матрос, и в отместку Колф дотла сжег селение, где произошла эта стычка, и вырубил все кокосовые пальмы на «репрессированном» острове. В августе 1826 г. Колф возвратился на Молуккские острова. Его отчеты немедленно были отосланы в Батавию.

Генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индии Л. Дюбус решил взять под контроль весь юго-западный берег Новой Гвинеи. В 1828 г. официально объявлено было, что вся западная часть острова входит в сферу интересов нидерландской короны. Одновременно Дюбус послал в Новую Гвинею экспедицию, которая должна была на берегах, обследованных Колфом, основать укрепленную факторию. Экспедиция на двух кораблях — «Тритон» и «Ирис» — под командой правительственного эmissара А. Ван Делдена в июле 1828 г. вошла в новогвинейские воды. На западном берегу обширного залива, названного по

флагманскому кораблю заливом Тритон, основан был форт Дюбус и в нем оставлено полторы сотни солдат. Выполнив эту миссию, корабли возвратились в свои порты. В состав экспедиции включена была группа натуралистов. Однако по злосчастному стечению обстоятельств из шести ученых пятеро умерли вскоре после возвращения экспедиции на Яву, и большая часть собранных материалов осталась необработанной.

Судьба вновь основанной колонии была столь же плачевной. Прежде всего на гарнизон ее обрушились всевозможные тропические недуги. Когда в июле 1829 г. в Дюбус пришел из Амбоины корабль «Ирис», ни коменданта, ни офицеров уже не было в живых. Вновь назначенный комендант умер вскоре после того, как «Ирис» ушел на Молукки. Местные жители, возмущенные наглым поведением разнузданной солдатни, вступили в борьбу с голландцами.

Уроженец Серама толмач Манли Йедди бежал из форта и примкнул к повстанцам. Дважды в 1829 г. папуасы штурмовали блокгаузы форта Дюбус. Атаки эти были отбиты, но к 1830 г. положение в колонии ухудшилось. В январе 1830 г. в гарнизоне насчитывалось свыше восьмидесяти больных; на ногах было лишь двадцать семь солдат; двадцать солдат и три офицера умерли в конце 1829 г.

В июле 1830 г. форт Дюбус посетил итальянский путешественник граф Карло Видуа, который описал берег залива Тритон. Очерк Видуа был единственным вкладом в географию Новой Гвинеи, связанным с колонией Дюбус. Колонистам было не до географии. Новые пополнения быстро гибли от малярии, бери-бери и кровавых поносов, папуасы блокировали со всех сторон форт, так что свежие припасы приходилось доставлять с Молуккских островов.

В 1836 г. корабль «Диана», посланный из Батавии, снял колонистов с берегов залива Тритон. Трое офицеров, семьдесят семь солдат и тридцать женщин и детей вывезены были на Молуккские острова. Голландцы получили суровый урок. Настолько суровый, что следующую попытку основать колонию в Новой Гвинее они предприняли лишь шестьдесят два года спустя (19, v. II, part. I, p. 2—12, 14, 20—22).

Снова Дюмон-Дюрвиль. Открытия Блеквуда и Оуэна Стенли на юго-восточных берегах Новой Гвинеи

В 1839 и 1840 гг. берега Новой Гвинеи дважды посетил Дюмон-Дюрвиль. В марте — апреле 1839 г. он прошел с запада на восток вдоль юго-западного берега острова. Дюмон-Дюрвиль в начале марта 1839 г., следуя в непосредственной близости от берега, видел в глубине острова высокие горы, которые

он назвал хребтом Шарля Луи. Это был один из острогов Снежных гор. Дюмон-Дюрвиль в конце марта посетил залив Тритон. Развалины форта Дюбус уже поглотили буйные джунгли, и только одинокое апельсиновое дерево и жалкие остатки разрушенных зданий напоминали о незадачливых голландских колонистах.

В 1840 г. Дюмон-Дюрвиль обследовал южную часть архипелага Луизиада и затем, находясь в восточной части залива Папуа, положил на карту горы Астролябии (Ганаи). В северной части Торрессова пролива он открыл на $9^{\circ}47'$ ю. ш. и $142^{\circ}59'$ в. д. проход Мове.

В начале 40-х годов англичане приступили к съемкам юго-восточных берегов Новой Гвинеи. Британское адмиралтейство после работ Филиппа Паркера Кинга и Уикема оценило стратегическое и транспортное значение Торрессова пролива, и, кроме того, «ничейные» земли восточной половины Новой Гвинеи, расположенные в непосредственной близости от Австралии, возбуждали в Лондоне немалый интерес.

В 1843—1845 гг. капитан Ф. Блеквуд (он в 1833 г. уже бывал в новогвинейских водах) на кораблях «Флай» и «Брамбл» обследовал северную часть Кораллового моря и Торрессов пролив. В ходе этой экспедиции положены на карту восточные цепочки Большого Барьерного рифа и рифовые гроздья Торрессова пролива. Открыты были новые проходы в Большом Барьерном рифе и Северо-Восточный проход, ведущий из залива Папуа в Торрессов пролив. Участник экспедиции геолог Джозеф Бити Джакс провел весьма ценные наблюдения на островах Кораллового моря и Торрессова пролива, на полуострове Кейп-Йорк и на некоторых участках юго-восточного побережья Новой Гвинеи.

В ходе экспедиции Блеквуд положил на карту побережье залива Папуа. На $8^{\circ}30'$ ю. ш. и $143^{\circ}30'$ в. д. он обнаружил в линии берега широкий разрыв и предположил, что в этом месте в море впадает большая река. Это было очень важное открытие. Блеквуд обнаружил устье величайшей новогвинейской реки, которая по его флагманскому кораблю названа рекой Флай. Открыто было также устье большой реки Турама (19, в. II, part. I, p. 58—64).

В 1846 г. капитан Чарлз Юл на кораблях «Брамбл» и «Кеслри» направился из Сиднея в залив Папуа и обследовал его берега. Юл формально ввел во владение британской короны южный берег Новой Гвинеи.

В 1846 г. из Англии была отправлена в новогвинейские воды экспедиция под командой капитана Оуэна Стенли на кораблях «Ратлснейк» и «Брамбл». Оуэну Стенли Южные моря были хорошо известны; в 1841 г. на корабле «Бритомарт» он обследовал воды Торрессова пролива и Тиморского моря.

Подобно Флиндерсу и Филиппу Паркеру Кингу Оуэн Стенли был отличным гидрографом. Следует, впрочем, отметить, что Адмиралтейство посылало эту экспедицию на Новую Гвинею отнюдь не для научных исследований. Сотрудник экспедиции натуралист Джон Мак-Гилливри содержался за счет богатого мецената лорда Дерби, а коллега Мак-Гилливри, Томас Генри Хексли, зачислен был в штат на должность лекарского помощника. Этот младший лекарь спустя три с лишним десятилетия стал президентом Королевского общества. Для Хексли, в будущем выдающегося биолога, «Ратлснейк» был такой же школой, как «Бигль» для его учителя и друга — Чарлза Дарвина.

В 1848 г. Оуэн Стенли из Сиднея направился в Коралловое море и Торресов пролив. Возвратившись в Сидней, Оуэн Стенли в 1849 г. снова пошел в плавание. Вдоль Большого Барьерного рифа он проследовал к архипелагу Луизиада и в июне 1849 г. положил на карту остров Тагула с горой Ратлснейк (Риу) высотой 806 м и острова Пана-Виуа, Бобо-Ама, Багаман, Пана-Роа, Утиан и Пана-Сиа.

11 августа Оуэн Стенли подошел к высокому берегу Новой Гвинеи. Это была южная оконечность «хвоста» огромного острова — мыс Брумер. Далее Оуэн Стенли двинулся на запад и северо-запад. С борта отчетливо видна была непрерывная цепь высоких гор, которая была названа хребтом Оуэн-Стенли. На карту нанесены были вершины Томпсон, Симпсон, Дейман (Каова-Горо), Саклинг, Кларенс, Браун, Обри и пик Оуэн-Стенли (4100 м). Обследовав ряд бухт и мысов в заливе Папуа и хребет Астролябии, открытый в 1840 г. Дюмон-Дюрвилем, экспедиция возвратилась в начале 1850 г. в Сидней. В марте 1850 г. Оуэн Стенли умер, и его помощник Чарлз Юл отправился в Англию, где издал в 1852 г. отчет об этой экспедиции (15).

Мак-Гилливри и Хексли опубликовали несколько ценных работ о фауне и флоре архипелага Луизиада и Новой Гвинеи. Перу Мак-Гилливри принадлежит серия статей о языках коренных жителей полуострова Кейп-Йорк, архипелага Луизиада и юго-восточного побережья Новой Гвинеи (19, v. I, part. I, p. 69—74).

Открытия и исследования на северо-западных берегах Новой Гвинеи

В 1847—1848 гг. на островах Вудларк и Рук в заливе Гелвинк обосновались голландские миссионеры, но они удержались здесь недолго. Зато весьма основательно укоренились в этих же местах немецкие миссионеры. В 1855 г. они основали свою миссию в бухте Доре на западном берегу залива Гелвинк.

В 1858 г. миссию Доре посетил замечательный английский натуралист, друг и соратник Дарвина Альфред Уоллес. Он провел четыре месяца в бухте Доре и ее окрестностях, изучая животный и растительный мир северо-западной Новой Гвинеи. «Нигде, — писал Уоллес, — не испытывал я таких бед и лишений, никогда так не страдал от бесконечных ливней, недостатка здоровой пищи, вредоносных муравьев и мух. Но как описать тот восторг, который испытывает натуралист, если он не считается со всеми этими невзгодами» (19, v. II, part. I, p. 110—111). Уоллес потрясен был красотой новогвинейских лесов и в последующих своих трудах широко использовал новогвинейские наблюдения. Он снова посетил бухту Доре в 1860 г.

В 1863—1865 гг. на Vogelkop по поручению Лейденского университета работал голландский зоолог Х. Бернштейн, который внес наряду с Уоллесом значительный вклад в изучение животного мира Новой Гвинеи.

В 1866 г. на Новой Гвинее появился первый лазутчик немецкого колониализма, агент гамбургского торгового дома Годафруа Альфред Тетенс. На бриге «Веста» он прибыл на Vogelkop и водрузил на берегу одной из бухт флаг вольного города Гамбурга. «В этот момент, — пишет Артур Вихмани, — он возмечтал о Земле Тетенса, но тут явились вооруженные туземцы, и флаг вместе с его хозяином пал в грязь» (19, v. II, part. I, p. 127—129). Тетенс, однако, не ограничился водружением гамбургского флага. Он в поте лица собирал всевозможные сведения о Новой Гвинее, в первую очередь интересуясь папуасами. Разумеется, интересы эти были отнюдь не чисто этнографические...

В конце 60-х годов Бисмарк завершал планы создания Германской империи, и, хотя в Берлине пока еще не думали о Новой Гвинее — на очереди стоял захват Шлезвига и Эльзаса, — заморские немцы уже нащупывали почву для внедрения в страны Южных морей. В октябре 1866 г. группа немцев направила из Брисбена письмо в прусское министерство торговли. Авторы письма советовали аннексировать Новую Гвинею и ряд тихоокеанских островов. «Расходы на предприятие такого рода, — писали они, — с лихвой окупятся за счет барышей с этих колоний» (19, v. II, p. I).

В 1869 г. один немецкий пастор с тем же предложением обратился к выдающемуся географу Августу Петерманну. Адресат выбран был неудачно: Петерманн ответил предприимчивому пастору, что немцы менее всего должны заботиться о приобретении колоний, гораздо лучше будет, если они приложат все свои силы для разрешения насущных вопросов географии (19, v. II, part. I, p. 130—131).

В 1872 г. впервые ступил на новогвинейскую землю итальянский путешественник Луиджи Мария Альбертис. Этот

неутомимый исследователь в прошлом был активным борцом за независимость Италии и под знаменами Гарибальди сражался в 1860 г. в Сицилии. В 1872 г. Альбертис и его друг ботаник Одоардо Беккари прибыли в миссию Доре и обследовали горную местность на западном берегу залива Гелвинк.

В 1873 г. австрийский натуралист Адольф Бернхард Мейер, следуя примеру Альбертиса, приступил к исследованию внутренних областей Новой Гвинеи. Мейер первым пересек Новую Гвинею, правда в самом узком ее месте. От залива Гелвинк он прошел к заливу Мак-Клур, «форсировав» перешеек, соединяющий Вогелкоп с основным новогвинейским массивом. Мейер детально обследовал восточные берега залива Мак-Клур, а на Вогелкопе положил на карту хребет Арфак, достигающий высоты почти 3 км.

Джон Морсби. Начало британских захватов

В 1872—1874 гг. английский мореплаватель капитан Джон Морсби трижды посетил Новую Гвинею. Первое его плавание на пароходе «Базилик» предпринято было из Сиднея в Торресов пролив в 1872 г. В 1873 г. Морсби из Сиднея отправился в залив Папуа. На $9^{\circ}30'$ ю. ш. и $147^{\circ}10'$ в. д. он положил на карту бухту Порт-Морсби (название дано было в честь отца руководителя экспедиции адмирала Ферфакса Морсби), в которой вскоре была основана первая английская опорная база на территории Новой Гвинеи. В феврале 1873 г., когда «Базилик» отдал якорь в этой бухте, на берегах ее стояло большое папуасское селение, в котором насчитывалось около восьмисот жителей. От Порт-Морсби Морсби направился на юго-восток вдоль побережья залива Папуа, уточняя данные съемок Оуэна Стенли. На $10^{\circ}30'$ ю. ш. и $150^{\circ}30'$ в. д. обследована была группа островов Виктории. После возвращения в Сидней Морсби в 1874 г. направился в третье новогвинейское плавание, на этот раз к северо-восточным берегам острова. Он детально обследовал и нанес на карту участок побережья от восточной оконечности Новой Гвинеи до $147^{\circ}40'$ в. д. и исправил карты, составленные по материалам Дюмон-Дюрвиля. Морсби, в частности, открыл заливы Коллингвуд и Дайк-Акленд и вулкан Трафальгар (1549 м).

После трехкратных рейсов Морсби «хвост» Новой Гвинеи получил на картах очертания, близкие к современным. Отчеты Морсби были изданы в 1876 г. (13).

Морсби разведал пути для вторжения на юго-восточные берега Новой Гвинеи, и уже в 1874—1875 гг. и в Лондоне, и в Сиднее намечены были планы захвата новогвинейских земель. В одном из таких планов приведен был точный расчет издер-

жек, связанных с овладением юго-восточной частью острова, и барышей, которые за короткий срок должны были покрыть этот расход. Но между метрополией и австралийскими колониальными властями завязался спор: Сидней, Мельбурн и Брисбен желали нести расходы лишь в том случае, если британская корона передаст им Новую Гвинею для дальнейшей эксплуатации.

Пока шли эти споры, в Лондоне возникла «Компания по колонизации Новой Гвинеи». Компания эта интересовалась не столько землями Новой Гвинеи, сколько ее обитателями. Разработан был план «вербовки» (то есть фактически захвата в рабство) жителей прибрежных местностей для снабжения даровой рабочей силой плантаторов Квинсленда и океанийских островов.

С 1875 г. на островах Торрессова пролива и берегах залива Папуа активную деятельность развили английские миссионеры на плавучей базе-корабле «Элленгауэн». Глава этого предприятия Сэмюэл Макфарлан и миссионер Джемс Чалмерс основали миссию на островах Торрессова пролива и в бухте Порт-Морсби, которая стала опорным пунктом британских и австралийских колонизаторов. В 1878 г. все острова Торрессова пролива были аннексированы властями Квинсленда (19, v. II, part. I, p. 132, 246—247).

Миклухо-Маклай

Истинное открытие народов Новой Гвинеи началось в 70-х годах XIX в., и оно теснейшим образом связано с именем великого русского путешественника гуманиста Николая Николаевича Миклухо-Маклая. «Самое характерное для Миклухо-Маклая, — пишут его биографы Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев, — это поразительное сочетание в его лице черт смелого путешественника, неутомимого исследователя-энтузиаста, широко эрудированного ученого, прогрессивного мыслителя-гуманиста, энергичного общественного деятеля, борца за права угнетенных колониальных народов. Подобные качества порознь не составляют особой редкости, но сочетание всех их в одном лице — явление совершенно исключительное. Поставив главной задачей своей жизни изучение народов Тихого океана, в особенности папуасов и близких к ним темнокожих племен, Миклухо-Маклай, однако, никогда не смотрел на них только как на объект научного наблюдения. Он видел в них живых людей, людей иной культуры и иного уровня развития, чем народы Европы, но людей, имеющих свои неотъемлемые права на существование и развитие. И он никогда не устал защищать их права всеми доступными ему средствами» (6, т. II, стр. 683—684).

В наши дни, когда газеты каждый день приносят вести о бесчинствах расистов в Алабаме, Гарлеме и городах и селениях Южной Африки, особенно значительными кажутся требования Миклухо-Маклая «признать за представителями этих [угнетенных] рас права людей, согласиться, что истребление темных рас не что иное, как применение грубой силы, и что каждый честный человек должен восстать против злоупотребления ею».

Н. Н. Миклухо-Маклай родился в 1846 г. в Новгородской губернии. В 1863 г. он поступил вольнослушателем в С.-Петербургский университет и в начале 1864 г. был исключен из него за участие в студенческих сходках. Миклухо-Маклай уехал в Германию, где в Лейпциге и Иене прошел курс медицины и зоологии. В 1866—1869 гг. Миклухо-Маклай побывал на Канарских островах, в Скандинавии, на Сицилии и на берегах Красного моря; возвратившись в 1869 г. в Россию, он в следующем году отправился на корвете «Витязь» в Новую Гвинею.

В статье «Почему я выбрал Новую Гвинею?» (она была опубликована посмертно) Миклухо-Маклай писал, что именно на этом малоизученном острове первобытные люди менее всего затронуты влиянием цивилизации и это открывает исключительные возможности для антропологических и этнографических исследований (6, т. I, стр. 1—11).

И вот 20 сентября 1871 г. Миклухо-Маклай высадился на берегу залива Астролябия, близ селения Бонга, на северо-восточном берегу Новой Гвинеи. Племена и селения были здесь разобщены и постоянно враждовали друг с другом; каждый чужеземец, будь он белый или черный, считался нежелательным гостем. Вражду, недоверие, подозрительность Миклухо-Маклай преодолел благодаря своей выдержке, мужеству, воле и исключительно гуманному отношению к островитянам.

«Папуасы разных береговых и горных деревень, — писал Миклухо-Маклай, — почти ежедневно посещали мою хижину, так как молва о моем пребывании распространялась все далее и далее... Незнакомые с огнестрельным оружием, которое я им до того времени не показывал, чтобы не увеличить их подозрительности и не отстранить их еще больше от себя, и, предполагая большие сокровища в моей хижине, они стали угрожать убить меня... Я принимал их угрозы в шутку или не обращал на них внимания... Не раз потешались они, пуская стрелы так, что последние очень близко пролетали около моего лица и груди, приставляли свои тяжелые копья вокруг головы и шеи и даже подчас без церемоний совали острие копий мне в рот или разжимали им зубы. Я отправлялся всюду невооруженный, и индифферентное молчание и полное равнодушие к окружающим были ответом на все эти любезности папуасов...» (6, т. I, стр. 317—318). «Я скоро понял, — говорил впоследствии Мик-

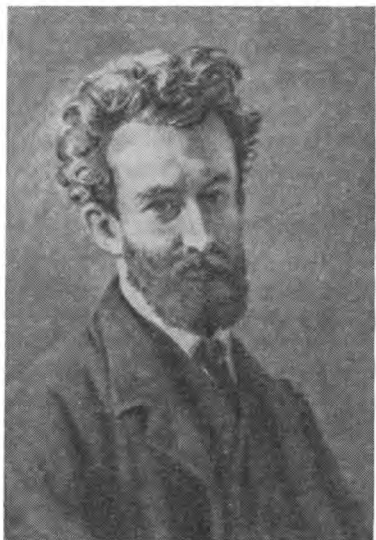
лухо-Маклай, — что моя крайняя беспомощность в виду сотен, даже тысяч, людей была моим главным оружием».

Это была мужественная и активная беспомощность. Ведь Миклухо-Маклай не избегал общения с папуасами — напротив, он входил в их хижины, лечил их, беседовал с ними (местный язык он освоил очень быстро), давал им всяческие советы, очень полезные и нужные. И спустя несколько месяцев Миклухо-Маклая горячо полюбили жители ближних и дальних селений. Он всюду стал желанным гостем, а это дало ему возможность беспрепятственно вести различные этнографические и антропологические наблюдения. В результате Миклухо-Маклай ознакомился с бытом, обычаями, хозяйством, материальной культурой и повседневным жизненным укладом папуасов. Опираясь на эти бесценные наблюдения, Миклухо-Маклай совершил величайшее открытие — открыл народ Новой Гвинеи. Его же предшественники наносили на карты лишь контуры огромного острова, который в сущности оставался до 1871 г. «страной в себе», «почти-материком», населенным никому не ведомыми племенами.

В декабре 1872 г. в залив Астролябия зашел русский клипер «Изумруд», и на нем Миклухо-Маклай обошел Молуккские, Зондские и Филиппинские острова. Это путешествие продолжалось свыше года. В 1874 г. Миклухо-Маклай снова отправился на Новую Гвинею, на этот раз на берег Папуа-Ковнай, в западной части острова. Возвратившись в конце июля 1874 г. в столицу Нидерландской Ост-Индии Батавию, Миклухо-Маклай направил резкий меморандум генерал-губернатору, обличая голландские власти в прямом попустительстве разбоем и работорговле.

Весь 1875 г. Миклухо-Маклай провел на островах Малайского архипелага и на Малаккском полуострове, а в 1876—1877 гг. он совершил путешествие в западную Микронезию и северную Меланезию, посетив острова Палау, Яп и архипелаг Адмиралтейства, и второй раз побывал на Береге Маклая, где прожил на этот раз четырнадцать с половиной месяцев (с 27 июня 1876 по 10 ноября 1877 г.).

Старые друзья папуасы с исключительным радушием принимали Миклухо-Маклая, и с их помощью он детально обследовал значительный участок северо-восточного берега Новой Гвинеи. На случайно зашедшей в залив Астролябия английской шхуне Миклухо-Маклай в ноябре 1877 г. отправился в Сингапур. На прощание он созвал папуасов из всех окрестных деревень и предупредил их, что, «вероятно, другие люди, такие же белые, как и я, с такими же волосами и в такой же одежде придут к ним на таких же кораблях... но очень вероятно, это будут совершенно иные люди, чем Маклай». Он рекомендовал им соблюдать меры предосторожности при общении с белыми

Н. Н. Миклухо-Маклай

людьми и разъяснил им, что люди эти могут оказаться работоторговцами и пиратами.

Пробыв полгода в Сингапуре, Миклухо-Маклай возвратился в Россию, а в конце 1878 г. отправился в Сидней, где прожил четыре года. Живя в Сиднее, Миклухо-Маклай дважды посетил южный берег Новой Гвинеи и совершил на шхуне «Сэди Ф. Келлер» путешествие по Меланезии (по маршруту Новая Каледония — Новые Гебриды — острова Банка — острова Адмиралтейства — острова Тробриан — Соломоновы острова). И снова он поднял голос протеста против гнусной системы работорговли, которая с ведома британских властей процветала в Западной Океании.

В 1882 г. Миклухо-Маклай возвратился в Россию и совершил затем поездку по Европе, а в начале 1883 г. опять отправился в Океанию. Он посетил в марте 1883 г. Берег Маклая в третий и последний раз и в июне этого же года прибыл в Сидней. Почти три года провел он затем в Сиднее, и это были весьма нелегкие годы.

Уже на Береге Маклая он мог убедиться, что пророчество его сбывается. Деревня Бонгу лежала в развалинах, следы опустошения явственно были видны повсеместно на побережье. Здесь побывал британский комиссионер западной части Тихого океана — Ромильи; он прибыл на Берег Маклая для «охоты на черных птиц». Черными птицами агенты плантаторов называли папуасов и меланезийцев, ловля которых была в те годы весьма прибыльным промыслом. Ромильи назвался братом Маклая и, завоевав доверие простодушных папуасов, захватил большую партию рабов.

Но «визит» Ромильи был лишь предвестием грядущих бед. В 1884 г. восточную часть Новой Гвинеи «полюбовно» разделили два хищника: Германия и Англия. Немцы закрепили за собой северо-восточную, англичане — юго-восточную четверть острова.

Напрасно Миклухо-Маклай писал английскому премьеру Гладстону, что «германский флаг в Тихом океане прикрывает самые бессовестные несправедливости: кражи и обман, рабо-

торговлю и грабеж». Напрасно посылал он протесты Бисмарку, напрасно 9 января 1885 г. он из Мельбурна отправил Бисмарку телеграмму: «Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию». Напрасно в тот же день он послал вторую телеграмму Александру III, умоляя русского царя заступиться за папуасов. Напрасно он направил третью телеграмму русскому министру иностранных дел Гирсу с просьбой признать «независимость Берега Маклая». В Берлине уже печатали карты, на которых «немецкая» Новая Гвинея была показана как «Земля кайзера Вильгельма». Немецкие агенты, и в первую очередь Отто Финш (о нем см. стр. 287—288), явившиеся на Берег Маклая по следам великого русского путешественника, подготовили этот захват.

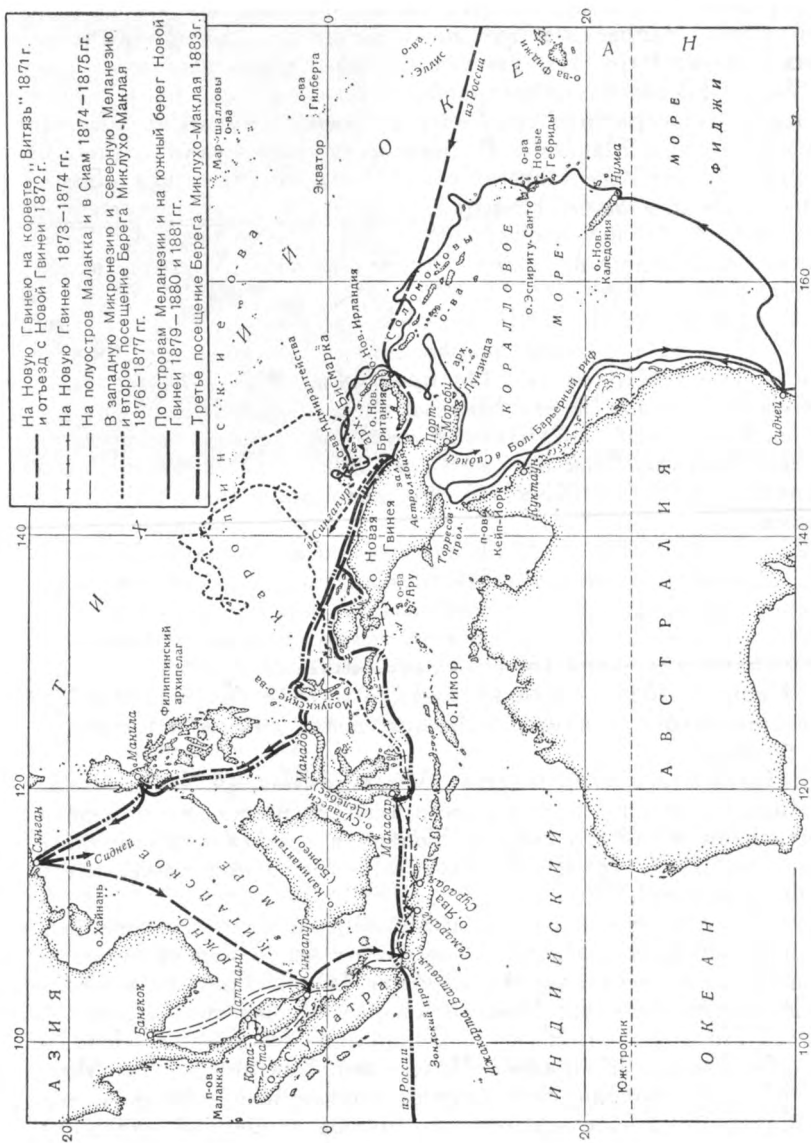
В феврале 1886 г. Миклухо-Маклай покинул Австралию. Из Одессы он сразу же направился в Ливадию, где добился приема у Александра III. Он предложил царю основать русское поселение на Береге Маклая. Александр III поручил новогвинейское дело специальной комиссии; комиссия отвергла проект Миклухо-Маклая, а 9 декабря царь изъявил свою высочайшую волю: «Считать это дело конченным. Миклухо-Маклаю отказать».

25 сентября 1886 г. Л. Н. Толстой писал Миклухо-Маклаю: «Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой» (6, т. IV, стр. 465).

14 апреля 1888 г. великий русский путешественник скончался в Петербурге, в клинике Виллие, после долгой и мучительной болезни.

Великий научный подвиг Миклухо-Маклая не получил должной оценки ни при жизни путешественника, ни в первые десятилетия после его смерти. Только в советское время было издано собрание трудов Миклухо-Маклая и подведены итоги его исследований.

Вклад Миклухо-Маклая в антропологию и этнографию был огромным. Выдающееся значение имеют не только его поистине пионерские исследования народов Новой Гвинеи: в своих путешествиях Миклухо-Маклай собрал множество данных о народах Индонезии и Малайи, Филиппин, Австралии, Меланезии, Микронезии и западной Полинезии. Как антрополог Миклухо-Маклай проявил себя борцом против всех «теорий», постулирующих расовое неравенство, против концепций «низших» и «высших» рас. Он первым описал папуасов как определенный антропологический тип; папуасы, говорит Миклухо-Маклай, — это смышленные и изобретательные люди, которые в силу определенных географических и исторических условий в неприкосновенности сохранили те формы жизненного уклада и хо-

Маршруты путешествий Миклухо-Маклая

Из «Атласа истории географических открытий и исследований», 1959 г.

зяйственной деятельности, через которые европейцы прошли несколько тысяч лет назад. Миклухо-Маклай показал, что папуасы такие же полноценные и полноправные представители человеческого рода, как англичане или немцы.

Миклухо-Маклай привез на родину богатые коллекции, которые ныне хранятся в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде.

Н. Н. Миклухо-Маклай положил начало углубленным исследованиям народов Новой Гвинеи и Меланезии. Дальнейший ход этих исследований Новой Гвинеи был, однако, не слишком быстрым. Колониальные власти — нидерландские, германские и австрало-британские, захватив прибрежные области Новой Гвинеи, мало интересовались ее внутренними горными районами.

1874—1914 гг. Новые открытия и исследования

Юго-восточная Новая Гвинея. В 1875—1877 гг., в ту пору, когда Миклухо-Маклай путешествовал по Микронезии, Альбертис и Беккари снова посетили Новую Гвинею, на этот раз юго-восточную часть острова. На корабле «Нева» итальянские путешественники дважды, в 1876 и 1877 гг., поднимались вверх по реке Флай. Они открыли ряд притоков этой реки, и в частности самый крупный из них, который десять лет спустя был назван рекой Стрикленд.

По мере того как «Нева» поднималась вверх по течению, болотистые низины с рощицами саговых пальм и ярко-зелеными пятнами лугов с высокой, в рост человека, травой аланг-аланг сменялись эвкалиптовыми лесами, а затем густой горно-тропической чащей. В верховьях реки Флай путешественники с борта «Невы» увидели исполинскую горную гряду, которую они называли хребтом Виктора-Эммануила. «Да, — писал Альбертис, — я увидел горы в глубине Новой Гвинеи, но эти папуасские Альпы находились на расстоянии 40—50 миль. И хоть я видел обетованную землю, путь в нее был для меня заказан» (8). Путешественники не решились предпринять дальних вылазок к предгорьям гигантского хребта Виктора-Эммануила.

Реки кишели гребнистыми крокодилами, в лесах встречались многоцветные райские птицы, попугаи, древесные сумчатые животные. Альбертис и Беккари проникли в сердце гигантского острова.

Альбертис полагал, что с папуасами следует говорить на языке пушек. В первом плавании по реке Флай он «в превентивных целях» обстреливал папуасские селения картечью и то и дело взрывал динамитные патроны. И когда «Нева» вторично вошла в реку, путешественников встретили тучи дрови-

ков и стрел. Папуасов Альбертис не запугал, но он их ожесточил и превратил в заклятых врагов.

Географические результаты обеих экспедиций, и особенно первой, были весьма значительны. Альбертис и Беккари выявили картину зональности новогвинейской флоры и установили, что непрерывная цепь могучих горных хребтов протягивается в центральной части острова, образуя водораздел между речными системами юга и севера острова. Труд Альбертиса «Новая Гвинея» (8) вышел в свет в Лондоне в 1880 г.

В 80-х и 90-х годах предприняты были многочисленные экспедиции в бассейны рек, впадающих в залив Папуа и во внутренние области «хвоста» Новой Гвинеи — Юго-Восточного полуострова. В 1885 г. в Сиднее была организована большая научная экспедиция. Ее передвижной базой был паровой катер «Бонито». Во главе экспедиции стал географ Генри Чарлз Эвиррилл. Участники экспедиции поднялись по реке Флай и вошли в самый значительный ее левый приток — реку Стрикленд.

В 1886 г. английский геолог Генри Форбс из Порта-Морсби прошел в центральную часть хребта Оуэн-Стенли, открыл ряд его отрогов и обследовал разветвленную речную сеть этой области.

В 1887 г. австралийский путешественник Теодор Бивен обследовал устья рек Кикори и Пулари (устье Пулари обнаружил еще в 1883 г. Чалмерс, а в низовьях Кикори побывал в 1845 г. Блеквуд, который открыл несколько рукавов в ее дельте). Бивен положил на карту хребет Альберт. Годом позже приступил к исследованию прибрежных и внутренних областей юго-восточной Новой Гвинеи Уильям Мак-Грегор, медик по образованию, назначенный квинслендским правительством губернатором этой части острова.

У Мак-Грегора была постоянная плавучая база, корабль «Мери Инглэнд», на котором он в 90-х годах совершил ряд путешествий в заливе Папуа, в воды архипелага Луизиада и архипелага Тробриан. Нередко Мак-Грегор поднимался на водораздельные высоты Юго-Восточного полуострова.

В 1889 г. он по реке Ванана дошел до ее истоков, а затем совершил восхождение на гору Виктория — высочайший пик хребта Оуэн-Стенли (4100 м). В 1889—1890 гг. Мак-Грегор прошел около тысячи километров вверх по реке Флай, затем по ее верхнему притоку реке Палмер, а спустя три года обследовал низовья рек Кикори и Турама, впадающих в залив Папуа. В 1895 г. он побывал в центральной части Юго-Восточного полуострова и открыл реку Муса, текущую с северных склонов хребта Оуэн-Стенли в залив Дайк-Акленд.

Мак-Грегор дважды, в 1896 и 1897 гг., сперва с севера на юг, а затем с юга на север пересекал Юго-Восточный полуостров. Он вел в ходе своих поездок геологические, ботаниче-

ские и этнографические наблюдения. Однако его путешествия были прежде всего инспекционными рейдами. Мак-Грегор разрабатывал методы наиболее эффективной системы эксплуатации коренного населения и «освоения» естественных богатств и новообретенной колонии *. Мак-Грегор опирался на миссионеров и поощрял их деятельность. В 1890 г. он разделил сферы влияния миссионеров различных толков, выделив южный берег колонии Лондонскому миссионерскому обществу, а Юго-Восточный полуостров уэслианцам; католикам он отвел остров Юл. Миссионерские станции вскоре возникли в различных пунктах новогвинейского побережья.

Мак-Грегор был автором ряда работ по географии юго-восточной Новой Гвинеи; наиболее ценный его труд «Британская Новая Гвинея» (12) был опубликован в 1897 г.

В 1897 г. итальянец Амадео Джульянетти открыл к востоку от реки Ванапа боковые отроги хребта Оуэн-Стенли. В 900-х годах новозеландец Чарлз Монктон прошел через Юго-Восточный полуостров от устья реки Вария до залива Папуа. В 1910—1911 гг. австралийский путешественник Майлз Стенифорд Смит обследовал район к западу от реки Кикори. Смит организовал большую экспедицию. Завербовано было более пятидесяти носильщиков, и для охраны пяти европейцев было взято двадцать пять туземных солдат. Ему не удалось пробраться в верховья реки Стрикленд, но в бассейне Кикори он обнаружил многочисленные поселения, в которых жило более пятидесяти тысяч папуасов. Стенифорд Смит и его группа прошли пешком через джунгли около 600 км и потеряли одиннадцать человек.

* Мак-Грегор составил кодекс правил, регулирующих «использование труда туземцев». Это был устав, который допускал применение разнообразных форм принудительного труда. Разумеется, предусмотренные этим кодексом «ограничения» игнорировались плантаторами и охотниками на «черных птиц». Как раз в 90-х годах эти «охотничьи» набеги привели к тому, что многие прибрежные местности на юге Новой Гвинеи совершенно обезлюдели. Преемник Мак-Грегора Р. Хант в порядке отместки за убийство папуасами миссионера Чалмерса (1901 г.) учинил кровавую бойню. «Я, — заявил он, — вполне удовлетворен своими действиями и полагаю, что это последняя расправа». Но сменивший Ханта губернатор Кристофер Робинсон отнюдь не считал завершенным дело «умиротворения туземцев». В 1904 г. он пригласил для менового торгова папуасов к месту стоянки «Мери Ингленд» и расстрелял десятки безоружных людей. Дело приняло столь шумную огласку, что Робинсона пришлось отозвать, и он «с горя» застрелился.

В тех местах, где была учинена эта гнусная расправа, впоследствии был воздвигнут памятник со следующей надписью:

«Памяти Кристофера Робинсона, даровитого (!) правителя, праведного (!!) судьи, достойного (!!!) человека.

Умер 20 июня 1904 г.

Он желал превратить Новую Гвинею в страну, удобную для белых людей» (17, стр. 110).

Эта чудовищная эпитафия вряд ли нуждается в комментариях.

Этнографические исследования преимущественно в полосе южного побережья, на Юго-Восточном полуострове и на островах Торресова пролива вели в 90-х и 900-х годах главным образом миссионеры. Весьма существенный вклад в этнографию Австралии внесен был английскими учеными Альфредом Хеддоном и Уильямом Риверсом, которые в 1898 г. возглавили организованную Кембриджским университетом экспедицию в Торресов пролив. Они установили, что у обитателей островов этого пролива сочетаются элементы папуасской и австралийской культур.

В 1910—1912 гг. этнограф Гуннар Ландтман детально обследовал группу племен киван, живущих в болотистой дельте реки Флай.

В 1913 г. Г. Дж. Райан пересек юго-восточную часть Новой Гвинеи и из бассейна реки Кикори прошел в долину реки Раму, берущей начало на северных склонах хребта Бисмарка.

Северо-восточная Новая Гвинея. В 80-х годах кипучую деятельность развили немецкие колонизаторы на северо-востоке. Наиболее типичным представителем новой поросли ученых — агентов германского колониализма был Отто Финш. Финш, весьма сведущий зоолог и этнограф, неутомимый путешественник, исходивший Балканские страны и Сибирь, Туркестан и Китай, в 1876 г. предпринял вояж в Микронезию, Австралию, Новую Зеландию и Новую Гвинею. Он привез в Германию не только богатые этнографические коллекции, но и разработанные им планы вторжения в северо-восточную часть Новой Гвинеи и на острова, лежащие у ее берегов. В 1884 г. в Германии создан был «Консорциум для подготовки и основания компании Южных морей» — организация, которая должна была подготовить захват Новой Гвинеи. Сфера этого захвата была заранее намечена Финшем.

В июне 1884 г. Финш покинул Берлин и отправился в Австралию. Из Сиднея на корабле «Самоа» он отправился к островам архипелага Бисмарка, посетил факторию, основанную в 1881 г. агентом гамбургской фирмы Годафруа Теодором Клейншмидтом на островке Миоко, и 11 сентября 1884 г. высадился в заливе Астролябия близ селения Бунгу. Отсюда он отправился на восток вдоль побережья. Берег Маклая он окрестил Землей кайзера Вильгельма, а многочисленные острова и бухты (многие из них были до Финша положены на карту французскими и английскими мореплавателями и русскими экспедициями на кораблях «Витязь» и «Изумруд») назвал в честь родичей канцлера Бисмарка и августейших особ дома Гогенцоллернов.

Горы, названные Миклухо-Маклаем хребтом Гунтова-Мана, он переименовал в гряду Ханеманн, а исполинскую горную цепь, которая тянулась далеко в глубь острова, назвал хребтом Би-

смарка. Финш открыл устье реки Сепик — второй по величине водной артерии Новой Гвинеи; ей было дано название реки императрицы Августы. В июне 1885 г. Финш закончил обследование северо-восточного берега. Он вывез в Европу ценнейшие зоологические и этнографические коллекции. Финш расчистил путь в Новую Гвинею немецким колонизаторам, а их вторжение на землю Миклухо-Маклая положило предел великим начинаниям русского ученого.

В 1885 г. была основана Немецкая новогвинейская компания, которая немедленно приступила к «освоению» Земли кайзера Вильгельма. «Туземцами прибрежной области, — пишет современный австралийский автор Гейвин Соутер (11), — управляли с хладнокровной жестокостью... Карательные экспедиции снаряжались по любому поводу... Когда в бухте Юон был убит один немецкий охотник за райскими птицами, каратели сожгли «провинившееся» селение и перебили сорок человек».

В 80-х и 90-х годах компания направила в Новую Гвинею ряд экспедиций. Не меньшую активность развили и частные предприниматели, особенно гамбургские фирмы, и колониальное ведомство германской империи.

В 1886 г. вице-адмирал Георг Шлейниц, в прошлом командир океанографического судна «Газелле», на котором в 1875—1876 гг. были проведены обширные исследования в новогвинейских водах и в Тихом океане, совершил путешествие в Новую Гвинею. Шлейниц положил на карту устье реки Сепик, второй по величине на Новой Гвинее, и к востоку от нее открыл устьевой участок другой большой реки, которую назвал Оттилиен-Флюс. В том же 1886 г. экспедиция на корабле «Самоа» поднялась по реке Сепик на 65 км. В 1887 г. географ и астроном Карл Шрадер прошел свыше 600 км вверх по течению этой реки. В низовьях она в дождливый сезон растекалась на необозримую ширину, заливая лесистые и болотистые равнины, в среднем течении была проходима для кораблей с небольшой осадкой. Таким образом, удалось обнаружить удобный путь во внутренние области северо-восточной Новой Гвинеи. В 1887 г. корреспондент «Кёльнише Цейтунг» Гуго Цейлер от залива Астролябия направился в глубь страны к лесистым горам Финистерре, поднялся на высоту 1500 м и нанес на карту значительный участок хребта Бисмарка.

В 1896—1898 гг. географы Эрнст Таппенбах и Карл Лаутербах обследовали долину реки Раму и доказали, что открытая Шлейницем река Оттилиен-Флюс — это нижний участок реки Раму. В верховьях Раму они дошли до предгорий высокого хребта Хаген. Лаутербах установил, что хребет Бисмарка местами вздымается на высоту более 4300 м.

Еще в 1886 г. Шрадер по поручению Новогвинейской компании обследовал полуостров Юон на крайнем северо-востоке ост-

рова и открыл высокий хребет (горы Сарувагед современных карт). В 1907—1909 гг. сперва Дамкеллер и Фрейлих, а затем Р. Нейгаусс, путешествуя в этой части Новой Гвинеи, обследовали реку Маркем, впадающую в залив Юон.

В 1910—1913 гг. в ходе демаркации германских и голландских владений немецкие геодезисты поднялись в верховья реки Сепик и обследовали (хотя и весьма бегло) горные хребты, разделяющие бассейны рек Сепик и Флай. В эти же годы в бассейне реки Сепик работала научная экспедиция Бернана.

Западный Ириан. В Западном Ириане до конца XIX в. никаких исследований в глубине страны не предпринималось, если не считать вылазок миссионеров, чьей базой была бухта Доре. Наиболее значительные исследования, преимущественно этнографические, в 60—80-х годах провел на берегах залива Гелвинк миссионер Ян Хассельт. В 1896—1897 гг. в горах Вогелкопа побывала экспедиция Э. Вразы, и в 1903 г. обширные исследования были предприняты к западу от залива Гелвинк комплексной голландской экспедицией. В работах этой экспедиции участвовал Артур Вихмани, автор исключительно ценной сводной работы по истории открытий и исследований в Новой Гвинее (19).

В первые годы XX в. начинается серия исследований на южных берегах Западного Ириана, где голландцы в 1902 г. основали свою базу Мерауке. В 1904 г. Р. Мейс исследовал бассейн большой реки Дигул, но его попытки пробраться долиной этой реки к Снежным горам успехом не увенчались. Только в 1909 г. Хендрик Лоренц достиг линии вечных снегов примерно на высоте 4000 м. Он же определил высоту ряда гор этой исполинской цепи, в частности пика Вильгельмины (4790 м). На этот пик в 1913 г. совершил восхождение капитан Хедерске. До расположенного восточнее пика Юлиана-Топ (4700 м) добрался по реке Дигул путешественник Вейерманн.

На северных берегах Западного Ириана в 1907—1915 гг. партии военных топографов обследовали низовья многочисленных рек. В 1909—1910 гг. с севера, по реке Мамберамо, попытался добраться до Снежных гор Хедерхе. Он открыл большой левый приток этой реки Виллиген и питающие Виллиген горные реки Руффар и Дален. До Снежных гор Хедерхе, однако, добраться не смог.

В 1910 г. на южных склонах горы Голиаф голландский врач Кок обнаружил в густых горных лесах низкорослых людей — новогвинейских пигмеев. О карликах, живущих где-то в глубине острова, уже кое-что было известно миссионерам из бухты Доре, но Кок первый встретился с ними лицом к лицу.

В 1911 г. английский географ Ф. Уоллостон, известный своими исследованиями в Гималаях, предпринял попытку взять с юга вершины высочайшей новогвинейской гряды Карстенс-Топ-

пен, но потерпел неудачу. В 1913 г. он достиг гребня южной стены этого горного узла и обследовал большой ледник на склоне Карстенс-Топпен. На склонах горы Тапиро, одной из вершин Снежных гор, Уоллостон описал еще одно племя пигмеев (пигмеев тапиро), незадолго до него открытое капитаном Раулингом.

Одновременно с Уоллостоном были проведены (И. де Вальсом, У. Гудефлоу, капитаном Я. Опперманном и лейтенантом Струве) исследования в северной части Западного Ириана. Здесь обследованы были главные водные пути, ведущие к внутренним хребтам, — долины Мамберамы. Иденбурга и Руффары. Однако и на юге, и на севере, и в центральной части Западного Ириана огромные территории оставались совершенно необследованными.

1914—1965 гг. «Белые пятна» все еще не исчезают

Восточная Новая Гвинея. В ходе первой мировой войны Германия потеряла все свои колонии, и в частности северо-восточную Новую Гвинею. Англо-австралийские войска захватили архипелаг Бисмарка и главные немецкие опорные пункты на Новой Гвинее, но в глубь острова не проникали. Этим обстоятельством воспользовался немецкий офицер капитан Германи Детцнер. Детцнер бежал в высокогорную область, лежащую на водоразделе рек Маркем и Раму, прошел через перевалы хребта Хаген и открыл в долинах, прорезающих эту горную цепь, никому не ведомые племена. Лишь в 1918 г. он возвратился в прибрежное селение Моробе и сдался в плен австралийцам.

В 1920 г. северо-восточная Новая Гвинея стала подмандатным владением Австралии. Таким образом, под власть Австралии перешла вся восточная половина острова. Горнопромышленные компании и плантаторы, применяя старую систему «контрактации» коренных жителей, прочно утвердились в прибрежных областях. Обширные пространства в глубине этой части Новой Гвинеи оставались, однако, необследованными.

По долинам многочисленных рек сюда лишь изредка проникали колониальные патрули и агенты золотопромышленных компаний. Австралийский летчик Френк Гэрли, в прошлом участник антарктической экспедиции Шеклтона, первый предпринял попытку применить самолет для обследований труднодоступных областей Новой Гвинеи. В 1921 г. на гидроплане Гэрли облетал острова Торрессова пролива и побережье залива Папуа. Однако в глубь острова он совершил путешествие не на самолете, а на баркасе, поднявшись в 1923 г. по реке Флай до озера Муррей. Увлекательная книга Гэрли о его путешествиях по Новой Гвинее дважды издавалась в Советском Союзе (4).

В 1925 г. было открыто золото в долине Булоло, к югу от реки Маркем. В связи с этим в горную область, расположенную к западу от залива Юон, устремились партии золотоискателей. Одна из фирм в 1926 г. организовала аэрорекогносцировки глубинных областей Новой Гвинеи, пригласив опытного летчика Парда Мастара. С 1927 г. в Новой Гвинее стал работать летчик Рэй Перерс, который в середине 30-х годов совместно со своим братом Келвином Перерсом провел рекогносцировки в бассейне реки Сепик.

Большой вклад в исследования внутренних областей острова внесли путешественники Чарлз Кариус и Ивен Чемпьюн. Чарлз Кариус, в прошлом артиллерист, участник первой мировой войны, с 1920 г. служил в патрульных отрядах на территории Папуа. В 1926 г. он разработал план пересечения Новой Гвинеи в самом широком ее месте. Кариус решил подняться по реке Флай до водораздельных хребтов, отделяющих ее бассейн от бассейна реки Сепик, и по этой последней спуститься к морю. Первый участок — река Флай — был уже к этому времени основательно освоен. Но о белых известняковых грядках, которые тянулись в ее верховьях, примыкая к хребту Виктора-Эммануила, имелись лишь отрывочные сведения, о самом же хребте и его северных предгорьях Кариус имел весьма смутное представление. Первая попытка путешественников окончилась неудачно, но зато их вторая экспедиция, предпринятая в 1927—1928 гг., увенчалась успехом.

Наиболее труден был путь через известняковый барьер. «Дорога, — писал Чемпьюн, — с каждой милей становилась все хуже и хуже. Приходилось перебираться через известняковые гряды, острые как лезвие бритвы; то и дело путь преграждали трещины глубиной 20—30 футов, через которые приходилось переходить по гнилым стволам, и на таких мостах, покрытых скользким мхом, каждый неверный шаг грозил падением в бездну» (17, стр. 147). Преодолев известняковое плато и переселившись через горы Виктора-Эммануила, Кариус и Чемпьюн в декабре 1927 г. вышли на реку Сепик. Сбив плоты, они опустились по ней к устью. Все путешествие заняло у них свыше четырех месяцев. Подробно оно описано в книге Чемпьюна, к которой приложена карта водораздельной области, составленная автором (10).

Не менее значительным было путешествие офицера патрульной службы Джека Хайдса, совершенное в 1935 г. Хайдсу, уроженцу Порт-Морсби, новогвинейские условия были отлично известны. Он решил предпринять поход в междуречье Стрикленда и Кикори, в район огромного «белого пятна», где до и после Стенифорда Смита не бывал ни один европеец.

Хайдс и его помощник Джим О'Мали поднялись по реке Стрикленд до ее верховьев и открыли довольно значительную

реку Рентул, впадающую в Стрикленд с востока. По Рентулу Хайдс поднялся до известнякового плато. «Поверхность этого плато, — писал Хайдс, — подобна была дну Кораллового моря. Повсюду вздымались белые утесы и гривки, на каждом шагу встречались карстовые воронки; пористая известняковая кора жадно поглощала воду, нигде не было ни источников, ни открытых водотоков» (17, стр. 148).

Далее, ближе к водораздельному хребту, Хайдс вступил в густонаселенную область, о которой ни малейшего представления не имели географы и этнографы. Хайдс и О'Малли прошли вдоль новооткрытого ими хребта (названного в честь Чемпиона горами Чемпион), открыли ряд рек и ручьев, питающих верховья рек Кикори и Пурари, и долины, населенные неизвестными племенами. В 1937 г. Хайдс отправился вверх по реке Стрикленд на поиски золота. В пути он заболел бери-бери и умер вскоре после возвращения в возрасте тридцати двух лет.

Хайдс подобрался с юга к самому труднодоступному району восточной Новой Гвинеи — ее «крыше», а еще в 1933 г. с севера сюда же проникли золотоискатели братья Майкл и Ден Леги, которые на реке Ваги открыли группу племен, живущих в многочисленных селениях.

«Крыша» эта представляет собой водораздел рек Сепик — Раму — Маркем, орошающих северо-восточную часть острова, и рек Пурари — Кикори — Стрикленд — Флай, впадающих в залив Папуа. Австралийские географы называют этот район новогвинейскими нагорьями. Новогвинейские нагорья пересечены высокими хребтами (горы Шрадер, хребет Бисмарка, горы Хаген, Центральный хребет и горы Виктора-Эммануила) и прорезаны межгорными долинами, в которых протекают реки Тари, Менди, Лаи, Ваги, Джими, Чимбу, Асаро, Ламари — верхние притоки главных водных артерий восточной Новой Гвинеи.

Австралийские колониальные власти до сих пор считают новогвинейские нагорья «неконтролируемыми» территориями. Фактически же «опека» над ними осуществляется военными патрулями — малочисленными командами, которые время от времени посещают поселения в межгорных долинах. Благодаря авиации новогвинейские нагорья положены были на карты еще в 30-х и 40-х годах, но с «птичьего полета» немыслимы ни этнографические, ни ботанические, ни геологические исследования. По справедливому замечанию одного американского географа, некоторые внутренние долины Новой Гвинеи столь же труднодоступны, как лунные кратеры.

В долину Менди Чемпион и Адамсон проникли в 1936—1939 гг., а в 1937 г. братья Леги с севера добрались до горы Гилуве (4140 м) — одной из высочайших вершин на южных скатах новогвинейской «крыши». В 1938—1939 гг. Дж. Тейлор из долины реки Сепик прошел к горам Хаген.

В 30-х годах первые этнографические исследования в области нагорий проведены были американцами Е. Чиннери и Р. Форчуном, а также экспедицией Американского музея естественной истории, во главе которой стоял зоолог Ричард Арчболд. Экспедиция эта располагала самолетами и радиопередатчиками и дважды, в 1933—1934 и 1936—1937 гг., посетила восточную Новую Гвинею, а в 1938 г. проникла во внутренние районы Западного Ириана. Труды этой экспедиции вышли в свет в 1942 г. (9).

Дальнейшие исследования прервала вторая мировая война. Японцы в январе 1942 г. захватили порт Рабаул (Новая Британия) и затем вторглись на Новую Гвинею. Они овладели ее северо-восточным побережьем, поднялись вверх по реке Сепик на 400 км и от залива Юон продвинулись в глубь страны, пытаясь форсировать перевалы хребта Оуэн-Стенли и овладеть гаванью Порт-Морсби. С 1944 г. австралийские войска и корабли и десантные части американского флота перешли в наступление. Японцы вынуждены были оставить Новую Гвинею.

После окончания войны в нагорьях восточной Новой Гвинеи совершены были новые открытия, правда скорее этнографические, чем географические.

В долине реки Тари, самого верхнего притока реки Кикори, и в долине реки Менди, относящихся к бассейну реки Пурари, открыты были племена, суммарная численность которых превышает сто шестьдесят тысяч. В середине 50-х годов в Телефомине, межгорной впадине к югу от гряды Виктора-Эммануила, обнаружены были поселения, о которых неведомо было колониальным властям. Эти «островки» неолита в 1957 г. посетил американский орнитолог Е. Гиллиард, который очень живо описал обитателей Телефомина и телефоминца Фемсепе — «натуралиста каменного века», великолепного путеводителя по животному и растительному царству новогвинейского высокогорья.

В 1961 г. французский путешественник Пьер Пейяр (16) прошел через самые труднодоступные части восточноновогвинейских нагорий от долины Менди к реке Сепик, по пути посетив племена, обитающие в долинах Ваги и Джими и лишь недавно открытые исследователями Новой Гвинеи.

За последние пятнадцать лет на нагорьях восточной Новой Гвинеи проведены были многочисленные археологические и этнографические исследования преимущественно австралийскими, новозеландскими и американскими учеными.

Особенно большое значение имели работы австралийского археолога и антрополога Мервина Меджитта и его соотечественницы Мери Рей, новозеландского археолога Сьюзен Балмер и американских антропологов Джемса Уотсона и Роналда Берншта. Мервин Меджитт опубликовал ряд работ о племенах в западной части нагорья, и в частности о группе папуасов маэ-энга,

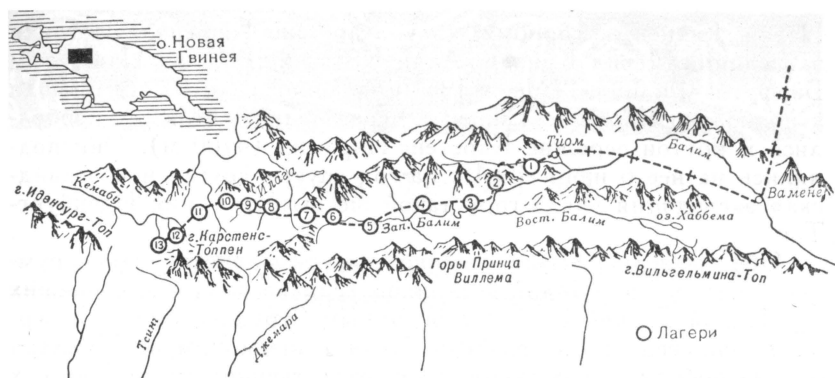
обитающих в долинах рек Ваги и Тари. Мери Рей изучила группу племен кума к югу от реки Ваги, а Сьюзен Балмер в 1959—1960 гг. провела весьма важные археологические исследования в различных районах нагорий и совместно со своим мужем антропологом Ралфом Балмером опубликовала работу о последовательной смене доисторических культур в этой части Новой Гвинеи.

Итоги исследований последних лет подведены в специальном выпуске журнала «American Anthropologist», вышедшем в свет в 1964 г. (14). К этому выпуску приложена очень интересная карта, составленная австро-австралийским лингвистом С. Вурмом, в которой показаны ареалы распространения пятидесяти языков обитателей восточноновогвинейских нагорий.

Однако в восточной Новой Гвинее все еще сохраняются «белые пятна» и совсем недавно в нашей прессе появилось сообщение о новом открытии в самом сердце этой огромной территории. Приведем полностью это сообщение («Известия» № 15 057 от 24 ноября 1965 г.): «Австралийский патруль обнаружил на Новой Гвинее неизвестное до сих пор племя, которое живет в условиях каменного века. В племени всего 264 человека. Как у мужчин, так и у женщин светлая кожа, а носы и уши украшены бамбуковыми палочками и перьями казуаров. Племя обитает в пяти деревнях, в каждой из которых одно или два укрепленных жилища и несколько маленьких хижин. Аборигены встретили патруль настороженно. Вскоре недоверие исчезло, и они вели себя очень дружелюбно, сообщают австралийские газеты».

Западный Ириан. В 1920—1921 гг. была обследована долина реки Сварт, где были открыты племена пигмеев тиморино, ранее неизвестные этнографам. Работы в этой части Западного Ириана сперва вел капитан А. ван Оверем, а затем капитан Я. Кремер, у которого было около восьмисот носильщиков. Кремер из долины Сварта проник в долину реки Балим, лежащую в самом сердце Западного Ириана, и в декабре 1921 г. совершил восхождение на вершину Вильгельмина-Топ. Пять лет спустя группа голландских географов поднялась по реке Руффар до самых ее истоков и положила на карту участок северного склона Снежных гор. В 30-х годах голландские колониальные власти приступили к аэрофотосъемкам территории Западного Ириана. В ходе этих воздушных рекогносцировок в 1936 г. открыто было в восточной части Западного Ириана большое горное озеро Виссел.

В 1938—1939 гг. третья экспедиция Ричарда Арчболда проникла в долину реки Балим и открыла группу папуасских племен. Шестьдесят тысяч человек жили здесь, не ведая о внешнем мире; люди эти возделывали на склонах гор сладкий картофель, не имели представления о железе и меди и пользовались камен-

Маршрут новозеландской экспедиции на Новой Гвинее в 1961 г.
Из книги F. Temple, *Nawok!*

ными орудиями; они не знали одежды и спасались от ночных холодов, натирая тело жиром.

В 1939 г. центральную часть западноирианского нагорья обследовала экспедиция Нидерландского географического общества, которая побывала в междуречье Сварта и Иденбурга. Однако в долины этого нагорья голландцы не решались проникнуть вплоть до конца 50-х годов, когда к северу от реки Балим был основан военный пост в селении Бокондини*.

В 1959 г. комплексная экспедиция Нидерландского географического общества детально обследовала район хребта Стар на границе Западного Ириана и территории Папуа. Экспедиция располагала вертолетами, и пятнадцать ее сотрудников совершили из базы на реке Сибил ряд вылетов в межгорные долины и обследовали верховье реки Дигул. Здесь в глубоких ущельях и на уступах карстовых плато этнографом экспедиции Яном Паувером изучены были малоизвестные племена, во многом сходные с обитателями Телефомина и долины Тари. В том же 1959 г. взят был пик Юлиана-Топ (4700 м).

В 1961 г. группа новозеландских и австралийских альпинистов предприняла успешный поход к «полюсу недоступности»

* Любопытно, что голландских чиновников и солдат опередили миссионеры, которые «угнездились» в Бокондини в 1956 г. и годом позже основали к западу от этого пункта, в верховьях реки Сварт, станцию Карубага. Еще в 1951 г. индонезиец миссионер Франсис Титеалье от озера Виссел прошел к верховьям реки Балим и открыл по пути довольно густонаселенную долину Илаги, где два года спустя возникла миссионерская станция. В 1952 г. Титеалье и голландский инспектор Роберт Майер-Раннефт из долины Илаги прошли в балимскую долину. К 1962 г. в западноирианских нагорьях насчитывалось уже двенадцать миссионерских станций, которые охранялись голландскими патрулями. В 1961 г. местные жители восстали против голландцев и подверглись жестоким репрессиям со стороны патрульных команд.

Новой Гвинеи — горному узлу Карстенс-Топпен. Участники экспедиции Дэвид Куппер, Линн Крауфорд, Колин Патт, Тим Барфут и Филипп Темпл в 1961 г. долиной реки Балим прошли к подножию Карстенс-Топпен и через ледники и осыпи пробрались к крутой вершине Карстенс-Пирамид (4700 м). Они поднялись на нее 6 июня 1961 г., а год спустя другая новозеландская экспедиция взяла гору такой же высоты — пик Иденбург-Топ.

Обе эти вершины значительно ниже гималайских, каракорумских, памирских и андийских пиков. Однако штурм высочайших гор Новой Гвинеи связан с огромными трудностями, и совершенно справедливо победитель Джомолунгмы Эдмунд Хиллари оценил победы, одержанные его соотечественниками в Снежных горах, как великий географический подвиг. Филипп Темпл, самый младший участник обеих этих экспедиций, в своей книге живо и ярко описал трудные походы на «крышу крыш» Новой Гвинеи (18).

В 1962 г. после упорной борьбы с голландскими колонизаторами Западный Ириан воссоединился с Индонезией. Советский журналист О. Скалкин, недавно побывавший в долине Балим, в самом сердце освобожденной от голландского ига страны, писал в марте 1965 г.: «Около полутора веков господствовали на этой земле голландцы, а первая школа появилась только год назад, после того как в долину Балим пришли индонезийцы... Впервые в долине Балим появились недавно больница и местное самоуправление, осуществляемое с участием представителей народа дани» *.

Можно не сомневаться, что последние «белые пятна» на карте Западного Ириана сотрут молодые ученые-ирианцы.

* «Правда», 18 марта 1965 г.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОТКРЫТИЯ ВО ВНУТРЕННЕЙ АВСТРАЛИИ И ТАСМАНИИ. XIX—XX ВВ.

От Порт-Джексона до Голубых гор

Каторжная колония, основанная в 1788 г. на безлюдных берегах Нового Южного Уэльса, долгие годы влачила жалкое существование, и ни в Лондоне, ни в Порт-Джексоне никто не рассматривал ее как стартовую площадку для экспансии в глубинные области пятого материка. Колония эта пополнялась за счет жертв суровых английских законов. Кормилась она припасами, доставлявшимися из метрополии. Порт-Джексон был тюрьмой в тюрьме, каторжным лагерем, который стерегли не только красные мундиры, но и суровые пустоши еще неведомой страны.

Даже страшная Ньюгетская тюрьма заключенным казалась раем в сравнении с мучительной морской дорогой в Новый Южный Уэльс и порт-джексонской каторгой. В 1790 г. из тысячи семнадцати каторжников, отправленных из Англии в Новый Южный Уэльс, двести шестьдесят семь умерли в пути. Те, которым удалось выжить, казались живыми скелетами. Очевидец высадки каторжной партии писал, что большинство этих людей «не в состоянии не только передвигаться, но даже изменить положение тела»*. Однако путь из Англии в Порт-Джексон был лишь первым кругом каторжного ада. Еще бóльшие муки эти подневольные колонисты испытывали, изнывая на бессмысленных каторжных работах в чужом и дальнем краю.

Земли вокруг было сколько угодно, но все попытки расчислить ее и вспахать без рабочего скота и орудий, руками истощенных колодников оказывались тщетными. Казна еженедельно отпускала каждому каторжанину два фунта тухлой свинины, два с половиной фунта муки, фунт рису и фунт гороху. Рыхлить не-

* A. C. L. Shaw. History of Australia. London, 1961, p. 40—41.

Вид на Порт-Джексон в 1811 г.
Из книги А. Shaw «History of Australia»

податливую землю, валить лес и корчевать пни каторжники были не в состоянии.

Поселенцы, отбывшие срок каторги, находились не в лучшем положении. Скверная лошадь в 1800 г. стоила в Порт-Джексоне сто фунтов (за эту цену в Лондоне можно было приобрести скаковую лошадь), корова продавалась за восемьдесят фунтов, плуг ценился буквально на вес золота, и естественно, что в таких условиях поднимать австралийскую целину бывшие каторжники, чей заработок составлял полфунта в неделю, не имели никакой возможности. В 1810 г. вновь назначенный губернатор Лахлан Макуори «застал колонию погруженной в младенческое бессилие и испытывающей всяческие лишения и горести. В глубь страны проникали разве что миль за сорок от Сиднея; земледелие находилось в жалком состоянии, равно как и торговля, о доходах не могло быть и речи; колонии все время угрожал голод... население было задавлено бедностью»*.

Не мудрено, что в первые десятилетия существования колонии внутренние области Австралии были сплошным «белым пятном».

На картах благодаря работам д'Антркасто, Флиндерса и других гидрографов уже четко проступили контуры береговой линии материка, но о Голубых горах и Австралийских Альпах—

* А. G. L. Shaw, H. D. Nicolson. An introduction to Australian history. Sydney, 1962, p. 15, 21.

Партия каторжников в окрестностях Сиднея
Из «Journals of Lachlan Mackquarie»

становом хребте Австралии, — лежащих в нескольких десятках миль от Порт-Джексона, колонисты имели лишь самые смутные и туманные представления.

Несколько попыток (не слишком, впрочем, энергичных) обследовать Голубые горы, предпринятых еще в 90-х годах XVIII в., почти не расширили географический кругозор колонистов. Была открыта река Хоксбери к северу от Порт-Джексона. Общий вывод исследователей оказался неутешительным. Страна между Голубыми горами и океаном описывалась ими «как негостеприимная земля, суровая, безводная и безлесная».

О внутренней Австралии строились различные гипотезы. Флиндерс, например, полагал, что, возможно, в центре материка располагается огромное озеро, подобное Каспийскому морю, соединенное проходами с еще не обследованными заливами на южных и северных берегах материка.

Первая попытка проникнуть в глубь Австралии была предпринята в 1813 г. экспедицией английских колонистов: Грегори Блексленда, Уильяма Лаусона и Уильяма Чарлза Уинтворта.

11 мая 1813 г. экспедиция вышла из фермы Блексленда, расположенной близ Порт-Джексона (Сиднея), и, не без труда продвигаясь через заросли кустарников на запад, дошла спустя неделю до второй гряды Голубых гор. «С вершины одной из гор этой гряды, — писал Блексленд, — открывался прекрасный вид на обширную страну, уходящую далеко на запад и юго-запад. Путь к ней, однако, преграждал непроходимый каменный барьер» (9, стр. 33). Через узкий проход в последней, третьей,

гряде путешественники вышли на беспредельные равнины. «Мы шли, — отмечал Блексленд, — через лесистую, отлично орошаемую местность; кое-где попадались большие лужайки, поросшие высокой и сочной травой... Земли эти могут на тридцать лет обеспечить колонию всем необходимым» (9, стр. 36—38).

Блексленда привели в восторг пастбищные угодья по ту сторону Голубых гор. Поиски богатых пастбищ были основной задачей экспедиции, и участники ее куда меньшее значение придавали главному достижению этого похода — открытию пути во внутренние области Австралии.

В 1813—1815 гг. область к западу от Голубых гор обследовал землемер Джордж Эванс. Он открыл верховья двух рек: Макуори и Лахлан (обе они названы в честь губернатора Нового Южного Уэльса Лахлана Макуори), которые, стекая с Голубых гор, уходили далеко на запад. Неподалеку от истоков реки Макуори основан был в 1815 г. город Батерст, который стал главной базой для овцеводов, осваивающих новооткрытые земли. (Маршруты первых исследователей внутренней Австралии см. на карте на стр. 307).

В связи с открытием рек возникла серьезная географическая проблема: ведь эти реки могли впадать в какое-то озеро, расположенное во внутреннем районе, и в равной степени уместно было допустить, что они, пересекая континент, вливаются где-то далеко на юге или на севере в моря, омывающие Австралию.

В 1817 г. за Голубые горы направилась новая экспедиция. Ее возглавил генеральный землемер Нового Южного Уэльса Джон Оксли, помощниками его были Джордж Эванс и ботаник Аллен Каннингхем, который впоследствии провел ряд весьма важных исследований в различных областях Австралии. Оксли проследил реки Лахлан и Макуори до того места, где они впадали в обширные болота. «Я полагаю, — писал Оксли, — что река [Макуори] собирает все воды, стекающие с западных склонов Голубых гор, и питает эти бесконечные болота» (9, стр. 58). Оксли и его спутникам не удалось установить, как далеко на запад простираются эти болота. Поэтому не удалось и проследить нижние участки новооткрытых рек. В 1818 г. Оксли вторично посетил бассейн реки Макуори и прошел по ней свыше 200 км. Снова его остановили болота, и он повернул на восток, открыл реку Каслрей, прошел через перевалы хребта Арбатнотр и к востоку от него открыл травянистую равнину Ливерпул и реку Намои, текущую на запад. Через главную гряду Голубых гор Оксли вышел к побережью в районе бухты Порт-Макуори и оттуда вдоль берега проследовал в Порт-Стивенс — бухту, лежащую несколько севернее Сиднея.

В 1823 г. Аллен Каннингхем прошел от Батерста к равнине Ливерпул через перевал Пандора. К этому времени выяснилось, что несколько параллельных горных гряд отделяют прибрежные

области Нового Южного Уэльса от равнин внутренней Австралии. На картах явственно обозначились контуры Водораздельного хребта, северные ветви которого впоследствии были продолжены в Квинсленде.

Каннингхем четыре года спустя прошел вдоль западных склонов Водораздельного хребта от равнин Ливерпул на север и близ нынешней границы Нового Южного Уэльса и Квинсленда открыл обширную равнину Дарлинг-Даунс с прекрасными пастбищными угодьями. С вершины горы Думареск Каннингхему открылся вид на значительный участок восточного берега Австралии, в частности на залив Мортон. Каннингхем на западных склонах Водораздельного хребта открыл эвкалиптовые и казуариновые леса. Он положил на карту реки Гуайдир и Макинтайр, которые, как это впоследствии выяснилось, были притоками реки Дарлинг.

Вести о колоссальных пастбищных угодьях, открытых за Водораздельным хребтом, возбудили в Англии большой интерес к Новому Южному Уэльсу. Для скотоводства, и в первую очередь овцеводства, эти земли являли исключительно благоприятные возможности. Но разумеется, осваивать их трудом колодников было невозможно. Только вольные поселенцы, и при этом достаточно зажиточные, могли приступить к колонизации этих обширных земель.

Началась «земельная лихорадка». Предприимчивые дельцы за бесценок приобретали огромные участки, все дальше и дальше к западу, к югу и к северу продвигались партии изыскателей. К 1825 г. появились уже поселения близ озера Джордж на плато Монаро, примерно в том месте, где ныне стоит австралийская столица Канберра. Началось также продвижение к югу и к юго-востоку от Сиднея.

В 1824 г. колонисты Гамильтон Юм и Уильям Ховелл, отправившись в путь из поселения, лежащего близ озера Джордж, пересекли реку Маррамбиджи и открыли 16 ноября 1824 г. одну из важнейших речных артерий Австралии — Муррей. «Вскоре после рассвета, — писал Юм, — мы прошли три с половиной мили и внезапно очутились на берегу большой реки, которую называли рекой Юма*. Это очень красивая река шириной не менее восьмидесяти ярдов и, по-видимому, очень глубокая. Скорость ее течения около трех миль в час, и, несмотря на быстроту течения, вода светлая и прозрачная» (9, стр. 71—72). Следуя далее к югу, путешественники вышли к западному рукаву залива Порт-Филлип. Юм и Ховелл на пути к заливу Порт-Филлип открыли самые высокие гряды Водораздельного хребта и называли эти горы Австралийскими Альпами.

* В 1829 г. Чарлз Стерт переименовал эту реку, дав ей название Муррей в честь Джорджа Муррея, статс-секретаря ведомства колоний.

Ховелл весьма лестным образом описал открытые им на юге материка земли. «Никогда еще, — писал Ховелл, — мне не приходилось встречать лучших пастбищ для овец». Вскоре предпринимчивый делец Джон Бетман основал компанию «Порт-Филлип Ассошиэйшн» для освоения этой территории. В 1835 г. в губине залива Порт-Филлип был заложен город Мельбурн, вскоре ставший вторым по значению центром Австралии.

Между тем загадка рек, стекающих с западных склонов Водораздельного хребта, и после путешествия Юма и Ховелла оставалась неразгаданной. Ховелл предполагал, что эти реки впадают в большое озеро, которое либо на северо-востоке, либо на юго-западе соединяется с океаном, но гипотеза эта была ошибочна.

Стерт. Открытие реки Дарлинг

За разрешение этой проблемы взялся по поручению колониальных властей офицер Чарлз Стерт, с чьим именем связаны первые значительные открытия во внутренней Австралии.

Стерт родился в Индии в 1795 г. В 1813 г. он вступил в армию, принимал участие в походах против Наполеона и затем служил в Канаде и в Ирландии. В 1826 г. он прибыл в Австралию; губернатор Нового Южного Уэльса Ролф Дарлинг, оценив выдающиеся способности молодого офицера, назначил его начальником экспедиции, которая должна была обследовать внутренние области, открытые Оксли и Юмом. Стерт отлично подготовился к этой экспедиции, изучил все материалы, собранные его предшественниками, и в 1828 г. отправился в свой первый поход. Год этот был на редкость засушливый, и Стерт надеялся, что болота, которые в свое время остановили Оксли, пересохли и он легко проследит направление таинственных рек.

Действительно, Стерт, которого сопровождал Юм, без труда прошел вдоль почти пересохшего русла реки Макуори и легко преодолел болота, в которых увяз одиннадцать лет назад Оксли. Затем путешественники разделились и поодиночке направились на север в поисках удобных путей. Соединившись, Стерт и Юм 1 января 1829 г. открыли реку Боган, которая текла на северо-северо-запад параллельно реке Макуори, и спустились по ней до места ее впадения в большую реку. В честь губернатора Нового Южного Уэльса Стерт назвал эту новооткрытую водную артерию рекой Дарлинг.

Истомленные жаждой, спутники Стерта кинулись к реке. «Никогда, — пишет Стерт, — не забуду я возгласов изумления, которые вырвались у них, и глубокого разочарования на их лицах... Кубок радости выпал из наших рук, едва мы поднесли его к устам...» Вода оказалась соленой. Река протекала через солон-

чаковую пустыню, только кое-где сохранились тронутые желтизной участки с травой. Страшная засуха убивала все живое.

«Я, — пишет Стерт, — видел, как останавливали свой бег реки и исчезала из них вода... Почти все растительное царство уничтожалось... Увядали деревья, и многие из них увядали на-смерть. Эму [австралийские страусы], задыхаясь и вытянув шеи, напрасно искали воду в пересохших руслах, а туземные собаки, столь истощенные, что они уже не могли держаться на ногах, казалось, молились, чтобы милосердная рука лишила их жизни» (19).

Однако Стерт убежден был, что эта безрадостная местность отнюдь не сплошная пустыня. Ведь там и здесь он встречал аборигенов, а берега реки Дарлинг хранили следы бывших половодий. «Мы полагаем, — писал Стерт, — что засухи в Новом Южном Уэльсе — это явление сезонное» (19).

Стерт возвратился в Сидней и в следующем, 1829 г. снова отправился в путь, на этот раз на юго-запад. 1829 год был дождливым, и по реке Маррамбиджи Стерт за неделю спустился до того места, где она впадала в Юма-Муррей. Вниз по Муррею Стерт и его спутники плыли восемь дней, встречая повсеместно аборигенов, которые только однажды проявили недоброжелательное отношение к путешественникам. На участке, где Муррей резко изгибался к западу, на 34° ю. ш. и 142° в. д., Стерт 23 января 1830 г. обнаружил, что справа, с севера, в эту реку впадает та самая река Дарлинг, до которой он добрался в прошлом году. И к величайшему его удивлению, вода в Дарлинге была не соленой, а пресной.

Следуя далее по течению Муррея, Стерт вышел к тому месту, где река впадала в обширный лиман — озеро Алесандрину; за этим лиманом простиралась бухта Энкауинтер, которую открыл Флиндерс.

Но пройти из Муррея в море было почти невозможно. В устье реки обнажались песчаные отмели, очень узкий и извилистый канал доступен был лишь небольшим судам, и то только в тихую летнюю погоду.

Стерт направился в обратный путь вверх по течению Муррея и Маррамбиджи; 1700 миль он и его спутники прошли на веслах, преодолевая сильное течение. Обратная дорога отняла у них три с лишним месяца, и только в мае 1830 г. изыскатели возвратились в Сидней. Стерт был обескуражен итогами этого путешествия. «Если бы окружающая местность соответствовала этой достойной реке!.. Но, увы, мы вынуждены считаться с тем, что земли вдоль ее берегов, по мере того как мы шли вниз, становились все более бесплодными и негостеприимными. Если исключить аллювиальные низинки, которые иногда встречаются на берегах, можно смело сказать, что река Муррей протекает через пустынную и песчаную страну» (6, 9, 19). Не оправда-

лись и надежды, что река Муррей без помех впадает в открытое море.

Однако значение экспедиций 1828 и 1829—1830 гг. было огромно. Стерту удалось раскрыть тайны речной сети юго-восточной Австралии. Он доказал, что с западных склонов Австралийских Альп текут реки-хамелеоны, полноводные в дождливые годы и сезоны и нацело исчезающие в засуху. Он обследовал территорию, по площади вдвое превышающую Англию, и установил, что значительная ее часть вполне пригодна для заселения. (Маршруты путешествий Стерта и других исследователей на юго-востоке Австралии см. на стр. 323).

Стерт опубликовал в 1833 г. двухтомный отчет о своих путешествиях в бассейне Муррея (19). Эта превосходная книга и по сей день читается как увлекательный роман.

Горькие последствия первых открытий

Открытие новых земель, благоприятные возможности для бесперебойного развития на них скотоводства, освоение ряда участков вдоль восточного и южного побережья материка — все эти факторы, ускоряя темп колонизации страны, подорвали основы режима каторжной колонии с ее подконвойными рабочими командами и тюремными порядками. Если в 1821 г. Австралия вывезла в Англию только сто семьдесят тысяч фунтов шерсти, то девять лет спустя экспорт шерсти уже возрос до двух миллионов фунтов, а к 1850 г. составил тридцать девять миллионов фунтов.

Сквоттер — вольный колонист-скотовод — стал в Австралии центральной фигурой, а Сидней и более юные города сделались крупными торговыми центрами с экспортными конторами, биржами и банками. Хотя вплоть до 1839 г. в Австралию непрерывно шли транспорты с каторжниками, но уже в 30-х годах вольная иммиграция значительно превысила подневольную. Если в 1828 г. в Новом Южном Уэльсе каторжники составляли 46% населения, то к 1840 г. удельный вес их снизился до 29%. Даже в Тасмании, которая с 1803 г. была «филиалом» австралийской каторжной колонии и куда вольные иммигранты ехали неохотно, в 1840 г. насчитывалось только 38% ссыльных.

И если Новый Южный Уэльс все еще официально считался каторжной колонией, то в других частях материка одно за другим возникали фактически независимые от Сиднея поселения, которые быстро становились центрами новых колоний. Такими центрами были Мельбурн, основанный в 1835 г., Аделаида, появившаяся на свет годом позже, и Перт, заложенный в устье реки Эйвон в 1829 г. (эти три города — столицы современных штатов Виктория, Южная Австралия и Западная Австралия).

Для австралийских аборигенов все эти перемены были чреватые величайшими бедствиями.

Вольные сквоттеры, которые оседали за Водораздельным хребтом, в долине Муррея и на южных берегах Австралии, были куда злее и опаснее каторжников, сидящих за частоколом порт-джексонского острога. Захватывая в поисках пастбищ охотничьи угодья аборигенов, пришельцы оттесняли их все дальше и дальше в глубь материка. «Аборигены Австралии еще не достигли той сравнительно высокой стадии хозяйственного развития, когда их можно было бы с выгодой эксплуатировать. Поэтому они не были нужны австралийским колонистам и превратились в «избыточное население» на собственной родине, как только туда проник капитал и капиталистические отношения. Началось зверское истребление австралийцев, фактически объявленных вне закона. Колонисты в виде развлечения охотились на них, пристреливая из ружей.

Овцы скоро стали постоянным поводом для конфликтов. Для аборигенов, никогда не знавших скотоводства и не понимавших, что такое частная собственность, это была законная охотничья добыча. Но за каждого барана колонисты жестоко отплачивали: они снаряжали карательные отряды, убивали в джунглях первых встречных австралийцев.

Коренному населению в этих условиях не оставалось ничего другого, как покидать свои исконные территории, на которых тысячелетиями жили и умирали их предки, и уходить в пустыню. Попытки остаться на своих землях ничего хорошего не сулили: колонизаторы систематически уничтожали местных жителей. Они пускали в ход неизвестное австралийцам огнестрельное оружие, а кроме того, не брезгали и такими бесчестными способами в неравной борьбе, как разбрасывание отравленной пищи, которую голодные «дикари» поедали, погибая затем в мучениях. «Культурные» колонисты нередко устраивали настоящие облавы, нападая на беззащитные стойбища и убивая всех без различия пола и возраста.

Колониальная администрация нашла еще один способ истребления аборигенов: создание «туземной полиции». Последняя была организована в 1837 г. в Виктории в виде опыта и пополнялась путем подкупа, обмана и спаивания коренных жителей. Используя межплеменную рознь, администрация направляла полицейские отряды в отдаленные местности, поручая им действовать среди враждебных племен. Поощряемая белой администрацией, «туземная полиция» творила всевозможные бесчинства. В 1839 г. «полиция» была распущена, но в 1842 г. вновь создана и просуществовала до 1853 г.» (3, стр. 49—50).

Сами колонисты, однако, не уступали по части зверств и жестокости «туземной полиции». В 1879 г. Н. Н. Миклухо-Маклай, живший в это время в Сиднее, писал: «В северной

Австралии, где туземцы еще довольно многочисленны, в возмездие за убитую лошадь или корову белые колонисты собираются партиями на охоту за людьми и убивают сколько удастся черных, не думая о том, что, оттесняя с каждым днем туземцев из более плодородных местностей, они ставят их в положение или голодать, или убивать скот белых взамен растений и животных, уничтоженных или ставших редкими вследствие овцеводства и плантаций у белых» *.

«Здесь уместно привести случай, известный в истории под названием Фрэзерской резни. Осенью 1857 г. двое англичан с Фрэзер-Харм (Квинсленд) приехали в соседнюю туземную деревню Кунгарри. Мужское население было на охоте. Англичане выгнали из шалашей всех женщин, выбрали двух девушек и изнасиловали их. В ту же ночь аборигены убили на Фрэзер-Харм одного из насильников и еще нескольких англичан. Тогда со всех концов стали стекаться к Фрэзер-Харм «белые мстители». Они перебили всех жителей Кунгарри и соседних деревень, всего около двух тысяч человек. Остается добавить, что Фрэзерской резней называется эта история не потому, что англичане убили несколько тысяч аборигенов, а потому, что погибло несколько англичан» (3, стр. 50).

Известный шведский путешественник, автор превосходных книг об островах Океании и австралийском материке Бенгт Даниельсон в своих путевых очерках привел не менее потрясающие примеры из практики колонизаторов. Вот один из таких примеров: «Некий антрополог, посетивший Австралию в 80-х годах прошлого века... спросил одного овцевода, не знает ли он места захоронения аборигенов. «А сколько человек вам надо?» — в свою очередь спросил фермер. «Возможно больше». Фермер кивнул, взял свою винтовку и сел на коня. Антрополог заподозрил неладное и деликатно осведомился, где находятся черепа. На это фермер бодро ответил, что черепа пока находятся на плечах туземцев, но все будет в порядке: он достаточно меткий стрелок. И овцевод был очень удивлен, что антрополога такой способ не устраивает» (2, стр. 65).

Не удивительно, что к концу XIX в. была истреблена подавляющая часть австралийских аборигенов.

Открытия Митчелла на юго-востоке Австралии

Быстрый темп колонизации способствовал и интенсивным поискам новых земель внутри страны. Эти поиски велись и властями новых колоний, и сквоттерами, и всевозможными искателями приключений. Но в эту эпоху, в 20-х и 30-х годах

* Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II. М. — Л., 1950, стр. 442.

Первые открытия
во внутренней Австралии.
Из *Australian Encyclopedia*. 1958 г.

XIX в., в анналах австралийских открытий появляются и новые имена путешественников-профессионалов.

В 1831 г. совершил свою первую вылазку в верховья реки Дарлинг Томас Митчелл. Митчелл родился в Шотландии в 1792 г. В юности в качестве военного топографа он участвовал в испанских походах Веллингтона. В 1827 г. он прибыл в Сидней и вскоре стал начальником топографической службы Нового Южного Уэльса. Митчелл был превосходным картографом и разносторонне образованным человеком (ему принадлежит перевод на английский язык поэмы «Лузиады» великого португальского поэта Камоэнса), но характером он обладал весьма неуживчивым. Работать с ним было нелегко, а к своим коллегам, прославленным исследователям Стерту и Лейхгардту, он относился очень подозрительно и, будучи главой топографической службы, далеко не всегда оказывал им ту поддержку, на которую эти путешественники по праву могли рассчитывать.

Первая экспедиция Митчелла была неудачной. Он отправился на поиски большой реки, текущей с западных склонов Голубых гор на северо-запад (об этой реке он дознался у одного

беглого каторжника). Но реки, текущей на северо-запад, Митчелл не нашел; он с трудом добрал до верховьев Дарлинга. Здесь несколько участников экспедиции погибло в стычке с аборигенами, после чего Митчелл вынужден был возвратиться в Сидней. Митчелл после этого путешествия пришел к весьма важному выводу. Он высказал твердую уверенность, что «любая текущая [с Водораздельного хребта] в северо-западном направлении река должна заходить намного севернее 29° ю. ш. Все же реки к югу от этой параллели... целиком принадлежат бассейну Дарлинга». В справедливости этого утверждения легко убедиться, взглянув на современную карту Австралии. Все реки, истоки которых лежат на западном склоне Водораздельного хребта в интервале между 25 и 33° ю. ш., впадают в Дарлинг — водную артерию, которая течет на юго-запад и в свою очередь является притоком Муррея, впадающего в залив Энкауинтер на южном берегу Австралии.

В 1835 г. Митчелл, следуя по маршруту Стерта, спустился по реке Боган до места ее впадения в Дарлинг. На этот раз вода в Дарлинге оказалась пресной. По Дарлингу Митчелл спустился вниз примерно на 500 км и, не считая нужным проводить обследование ее нижнего участка, направился в обратный путь к Сиднею. Митчелл подтвердил выводы Стерта, который доказал, что Дарлинг впадает в Муррей, но уже в следующем году подверг сомнению и заключения Стерта, и свои прежние выводы.

Полагая, что Стерт принял за Дарлинг реку Лахлан, Митчелл в 1836 г. проследил эту последнюю до ее впадения в Маррамбиджи и затем по Маррамбиджи, снова по следам Стерта, дошел до места ее слияния с рекой Муррей. По Муррею Митчелл спустился к месту впадения в него реки Дарлинг. Затем Митчелл поднялся по Дарлингу до верховьев, где эта река представляет собой цепь мелких озер и луж. «Стоя на противоположном, или правом, берегу этой безнадёжной реки, — писал он, — я решил, что дальше идти нет смысла».

Митчелл спустился к Муррею, а затем по его левому притоку, названному им рекой Лоддон, направился на юг. Он вышел на водораздельное плато, открыл здесь реку Виммеру и реку Гленелг, впадающую в море западнее Мельбурна. «Наконец-то, — писал Митчелл, — мы открыли страну, которая завтра же может принять в свое лоно цивилизованного человека. Быть может, ее судьба — стать частью великой империи. В ней не слишком много леса, но все же его достаточно для любых целей, почвы изобильны, климат умеренный. Ее прорезают могучие реки и орошает множество ручьев» (9, стр. 139). Новооткрытые земли на юго-востоке материка Митчелл назвал Счастливой Австралией.

В результате этого путешествия обследована была вся внутренняя часть той юго-восточной колонии, которая несколько лет

спустя получила название Виктории. Любопытно, что Митчелл близ устья реки Гленелг, в бухте Портленд, обнаружил большую овцеводческую ферму, основанную переселенцами из Тасмании. Ферма эта находилась в той части побережья, которая считалась совершенно необитаемой.

Географические итоги третьего путешествия Митчелла были весьма внушительными. Митчелл окончательно доказал, что Дарлинг впадает в Муррей, и обследовал южную часть бассейна этой реки. Обратный маршрут Митчелла от бухты Портленд к Сиднею — так называемая линия Митчелла — стал трассой сквозной скотопроегонной дороги, связавшей богатейшие угодья юго-восточной Австралии. Митчелл опубликовал очень интересные отчеты о своих экспедициях (14).

Эйр. Открытия в Южной Австралии

После основания Аделаиды в Южную Австралию хлынули переселенцы из Нового Южного Уэльса и английские эмигранты.

К 1840 г. в Южной Австралии осело уже более десяти тысяч колонистов. Еще не обследованные земли стали объектом безудержной спекуляции. Удачливые дельцы скупили свыше 100 тыс. га земли, неимущие же переселенцы остались на мели. Начались лихорадочные поиски новых земель, в которых деятельное участие принял овцевод Джон Эдвард Эйр.

Эйр родился в Англии в семье священника. В 1832 г. он эмигрировал в Австралию, где занялся разведением овец. Сперва он перегонял скот из Нового Южного Уэльса в Порт-Филлип, а в 1838 г. переехал в Южную Австралию. В 250 км к северу от Аделаиды он основал большую овцеводческую ферму, которая стала опорной базой для его первых рекогносцировок во внутренние области Южной Австралии. В 1839 г. он открыл реку Браутон, впадающую в залив Спенсер, и к северу от нее невысокий хребт Флиндерс. Эта горная гряда протягивается с юга на север. С одной из ее вершин, позже получившей название Маунт-Эйр, Эйр далеко на западе увидел очень большое озеро Торренс.

Затем Эйр обследовал значительный участок побережья Южной Австралии между заливом Спенсер и бухтой Стрики-Бей. На обратном пути он пересек полуостров Линкольн (полуостров Эйр современных карт), вышел к заливу Спенсер и оттуда проследовал в Аделаиду.

В 1840 г. овцеводы Южной Австралии собрали значительную сумму денег и предложили Эйру организовать экспедицию для поисков новых пастбищных земель. Эйр сразу же предупредил пайщиков, что к северу и западу от Аделаиды искать

пастбищные угодья бесполезно. При этом он, однако, выдвинул другую, не менее важную задачу: по его мнению, именно в этих направлениях следовало вести поиски сквозных путей к западным и северным берегам Австралии. В июне 1840 г. Эйр покинул Аделаиду и направился вдоль хребта Флиндерс. Однако дальнейший путь ему преградили соленые озера и болота. Эйр решил, что открытое им к западу от гор Флиндерс озеро Торренс омывает предгорья хребта не только на западе, но и на севере, но он ошибся. Восемнадцать лет спустя выяснилось, что к северу или, точнее, к северо-западу от хребта Флиндерс лежит не связанное с озером Торренс озеро Эйр, которое порой почти совершенно пересыхает, а порой широко разливается, захватывая низины у подошвы этой горной гряды.

Впоследствии выяснилось также, что путь от южных берегов Австралии к ее центру проходит через широкий перешеек между озерами Торренс и Эйр.

Эйр, полагая, что дорога на север закрыта, от вершины Хоплесс (Безнадежной) повернул на юг. Он принял решение возвратиться к южному берегу и оттуда направиться вдоль побережья Большого Австралийского залива к западным берегам Австралии.

Морем мимо этого безрадостного побережья Эйр уже прошел в 1840 г., когда на корабле перевез партию овец из Аделаиды в гавань Олбани в бухте Кинг-Джордж.

Из бухты Фаулерс-Бей Эйр 25 февраля 1841 г. отправился на запад. Он взял с собой своего старого товарища Джемса Бакстера и трех аборигенов — уроженцев Западной Австралии. Один из них, Вайли, внушал Эйру особое доверие. Это был смывленный, веселый и отважный юноша, и в ходе экспедиции ему предстояло сыграть выдающуюся роль. «Теперь, — писал Эйр накануне выхода в путешествие, — все мосты сожжены. Мы должны идти вперед, и только вперед, и достичь бухты Кинг-Джордж. Кинг-Джордж или гибель, другого выхода нет». Эйр взял с собой одиннадцать вьючных лошадей и небольшой табун овец, которые служили экспедиции «живым припасом».

Фаулерс-Бей лежит на $132^{\circ}30'$ в. д., а бухта Кинг-Джордж на 118° в. д. $14,5^{\circ}$ по долготе — это примерно 1600 км, если путь прямой как стрела. Но прямым он не был. Предстояло пройти свыше 3 тыс. км.

Кругом, насколько хватал глаз, простиралась унылая равнина, кое-где поросшая чахлым кустарником. Порой Эйр и его спутники шли у самого берега, но здесь лошади вязли в сыпучих дюнных песках. В конце марта иссякли запасы воды; путешественники утоляли жажду утренней росой, которую все трое аборигенов собирали весьма хитроумным способом. «День ото дня наши надежды на успех уменьшались, — писал Эйр. —

Часть лошадей околела, а те, что выжили, являли ужасный вид. Мы настолько ослабли и так утомились, что казалось уже невозможным идти дальше, а ведь предстояло еще преодолеть тысячу с лишним миль» (9, стр. 190—191).

В конце апреля произошли трагические события. Двое аборигенов убили Бакстера и бежали, захватив с собой запасы провианта. К тому времени овец уже не осталось, и Эйр шел дальше на запад с верным своим товарищем Вайли, изнемогая от жажды и голода. Так шли они весь май. Лишь 30 мая встретилось «очень красивое озеро умеренной величины с пресной водой... Это был первый водоем, который мы встретили на нашем пути от бухты Фаулерс-Бей на расстоянии около 1700 миль» (9, стр. 199). 2 июня Эйр с высокой скалы увидел в море корабль. На судне заметили сигналы путешественников, и вскоре Эйр и Вайли взяты были на борт. Их спасло французское китобойное судно «Миссисипи». Капитан «Миссисипи» готов был доставить путешественников в любой порт Южной Австралии, но Эйр твердо решил во что бы то ни стало дойти до бухты Кинг-Джордж посуху.

14 июня Эйр и Вайли отправились в путь и в июле добрались до Олбани. Эйр прошел бесплодной прибрежной равниной 3500 км. Эту равнину он назвал Нулларбор («нет деревьев»)*. После этого путешествия выяснилось, что в Большой Австралийский залив не впадает ни одна сколько-нибудь значительная река. Небольшие реки Эйр пересек лишь на последнем этапе своего пути, между бухтами Эсперанс и Кинг-Джордж.

Искатели пастбищ были разочарованы итогами путешествия Эйра. Зато географы справедливо оценили его поход как одно из наиболее выдающихся деяний в истории австралийских открытий. Эйр подробно описал свое путешествие в книге, которая неоднократно переиздавалась в Англии и Австралии (7).

В 1846 г. исследования, начатые Эйром в районе озера Торренс, продолжил молодой географ Джон Хоррок. В разгар работ Хоррок по неосторожности разрядил в себя ружье, и после его смерти экспедиция сразу же возвратилась в Аделаиду.

В 1858 г. В. Бебидж обогнул с запада озеро Торренс и обнаружил, что к северу от него лежит большое озеро Эйр. В том же 1858 г. Джон Макдуал Стюарт (см. стр. 327) совершил путешествие по кольцевому маршруту, обошел вокруг озера Торренс и положил на карту расположенное к юго-востоку от него озеро Гэрднер.

* Название это латинское, но соотечественники Эйра переделали его в соответствии с правилами английской фонетики: Нулларбор превратился в Налларбор, или Нэлларбор.

Открытия в Западной Австралии

К тому времени, когда Эйр совершил свой переход через равнину Налларбор, в Западной Австралии была обследована довольно широкая полоса от бухты Кинг-Джордж до устья реки Эйвон. В долину реки Эйвон в марте 1827 г. совершил путешествие капитан Джемс Стирлинг. В 1827 г. майор Эдмунд Локьер открыл реку Калган, впадающую в бухту Кинг-Джордж, а год спустя капитан Джон Уэкфилд открыл к северу от этой бухты хребет Стёрлинг. В 1829 г. офицер Уильям Престон и врач Александр Колли обследовали побережье залива Географа и открыли реки Престон и Колли. В 1831 г. капитан Баннистер пересек юго-западный выступ Австралийского материка и пришел к выводу, что прибрежные земли здесь во многих местах вполне пригодны для колонизации.

На западных и северо-западных берегах Западной Австралии наиболее значительные открытия совершил в 1837—1839 гг. Джордж Грей. Подобно Митчеллу и Стерту Грей был офицером. В Австралию он прибыл в 1836 г. для изысканий на ее северо-западных берегах. В 1837 г. Грей высадился в бухте Коллиер на крайнем северо-западе Западной Австралии и предпринял попытку продвинуться в глубь материка по реке Принс-Реджент. К югу от этой реки Грей открыл реку Гленелг (и эта река, и река Гленелг, открытая Митчеллом в юго-восточной Австралии, названы были в честь британского министра колоний).

Грей побывал, таким образом, на западной окраине плато Кимберли. Он убедился, что в ряде мест земли здесь пригодны для пастбищ и что в глубь страны можно проникнуть, хотя и с большим трудом, следуя вверх по течению реки Гленелг и Принс-Реджент.

Однако Грею пришлось прервать путешествие: в стычке с аборигенами он был тяжело ранен стрелой. Грей в апреле 1838 г. покинул берега Австралии и отправился на остров Маврикий. В сентябре 1838 г. он вернулся в Австралию. Грей высадился в Фримантле и совершил из Перта две вылазки в глубь страны.

В 1839 г. он снарядил экспедицию в залив Шарк, желая обследовать внутренние области в этой части Западной Австралии. Грей высадился на безводном островке Дорр, и здесь его постигла первая неудача. Во время сильного шторма погибли почти все запасы провианта. Тем не менее Грей отправился на побережье материка и открыл большую реку Гаскойн, впадающую в залив Шарк. «Тому, кто не видел подобных рек, очень трудно дать представление о ее истинном облике. Она разветвляется на множество рукавов, разделенных узкими перемычками, которые в пору паводка становятся островами.

Главное русло в среднем имеет около 270 ярдов (250 м); оба берега высотой примерно 15 футов, а дно сложено красным пористым песком, который жадно впитывает воду и не поглощает ее лишь в том случае, если оказывается полностью насыщенным влагой... Это глубокое русло было, однако, совершенно сухим и являло крайне безотрадный вид... Случайно нам удалось найти в русле ямы глубиной от 8 до 12 футов, на дне которых была вода. Эти ямы окаймлены полосками зелени, в которую вкраплены чайные деревья. На берегах часто попадался плавник на значительной высоте над руслом, и эти мертвые деревья указывали на то, что во время паводков в узком речном русле бывает быстрое и сильное течение» (9, стр. 169).

Таким образом, река Гаскойн с ее временным водотоком и совершенно пересыхающим руслом оказалась «родной сестрой» столь же странных рек, впадающих в Муррей и в бессточные впадины центральной Австралии.

В обратный путь Грей направился морем на трех вельботах. На полпути в одной из бухт эти суденышки погибли. Грей прошел пешком вдоль берега свыше 600 км и с трудом добрался до Перта. По пути он открыл реки Мёрчисон, Гриноу и Ирвин и холмистую гряду Виктория.

В 30-х годах в районе Перта и на крайнем юго-западе Западной Австралии провел маршрутные обследования начальник топографической службы Западной Австралии Джон Ро, открывший к востоку от истоков реки Эйвон соленые болота Браун. Ро в начале 1848 г. предпринял путешествие вдоль южного побережья Западной Австралии; он обследовал хребет Рассел и намерен был идти дальше, но к этому времени запасы воды и продовольствия иссякли, и Ро вынужден был возвратиться в Олбани; однако он собрал очень ценные данные о полезных ископаемых и растительном и животном мире этой части Западной Австралии.

Новый этап в исследованиях Западной Австралии, который начался во второй половине 40-х годов XIX в., связан с именами братьев Грегори, неутомимых путешественников и выдающихся географов. Два брата Грегори, Огастас и Френсис, родились в Англии (Огастас в 1819 г., Френсис в 1821 г.), но выросли в Западной Австралии*. В 1841 г. они стали сотрудниками местной топографической службы, а в 1846 г. снарядили свою первую экспедицию и обследовали район побережья к северу от Перта; за сорок семь дней братья Грегори прошли около 1500 км и на реке Ирвин открыли угольные залежи.

В конце 1848 г. Огастас Грегори обследовал реку Мерчисон и ее притоки, открыв в этой части Западной Австралии ценные

* Третий брат, Чарльз, также принимал участие в «семейных» экспедициях, но играл второстепенную роль, и имя его не вошло в историю австралийских открытий.

пастбищные земли. Френсис Грегори в 1858 г. провел рекогносцировочные обследования в долине реки Гаскойн. В 1861 г. он в течение четырех месяцев вел съемки на северо-западном берегу Австралии и открыл реки Ашбертон, Фортескью, Де-Грей и Оковер. К югу от реки Фортескью Ф. Грегори открыл в июне 1861 г. хребет Хамерсли — пустынное плато с высокими останцовыми горами; гора Брус в этом хребте высочайшая в Западной Австралии (1226 м). Ф. Грегори обнаружил пригодные для заселения земли в долинах новооткрытых рек и пастбищные угодья на водораздельных участках. За исследования, проведенные в 1861 г., Ф. Грегори был удостоен в 1863 г. золотой медали Королевского географического общества.

Весьма интересной была экспедиция, предпринятая в 1854 г. Робертом Остином, который прошел от Перта к заливу Шарк по новому маршруту. Трасса Остина проходила в 200—250 милях от берега Индийского океана.

Остин открыл большое озеро, которое носит его имя, и хребет Магнет. Хотя явных признаков золота в районе хребта Магнет Остин не обнаружил, но он высказал предположение, что местность близ гор Магнет, по всей вероятности, окажется самой золотоносной в мире. Остин оказался прав: в 80-х и в начале 90-х годов во внутренних районах Западной Австралии были открыты богатейшие месторождения — Маргарет к востоку от Остина и Калгурли и Кулгарди к юго-западу от гор Магнет.

Павел Стшелецкий. Открытия в Австралийских Альпах

В Австралийские Альпы, высочайшие горные гряды Водораздельного хребта, впервые в 1824 г. проникли Юм и Ховелл. В 1839 г. эту область посетил путешественник Энкус Макмиллан, но первым исследователем Австралийских Альп был выдающийся польский натуралист Павел Стшелецкий.

Павел Эдмонд Стшелецкий родился в местечке Глушино под Познанью в 1796 или 1797 г. в семье захудалого шляхтича. Он учился в Варшаве, состоял затем на военной службе, вышел в отставку и некоторое время управлял имениями князя Сапеги. Во время польского восстания 1830—1831 гг. Стшелецкий эмигрировал в Англию; спустя четыре года он отправился за океан, побывал в Соединенных Штатах и Южной Америке, затем путешествовал по островам Океании и в апреле 1839 г. прибыл в Сидней. Странствуя по Америке и Океании, Стшелецкий вел геологические наблюдения, и такого же рода исследованиями он занялся в Новом Южном Уэльсе. В конце 1839 г. Стшелецкий обнаружил в окрестностях Батерста явные признаки золота. Стшелецкий полагал, что золотоносные формации широко раз-

виты в горных районах юго-восточной Австралии. Он подготовил к печати сообщение о своих гипотезах и открытиях, но губернатор Нового Южного Уэльса Джордж Гиппс засекретил это сообщение, опасаясь, что оно возбудит опасные страсти в Сиднее.

Спустя десять лет прогнозы Стшелецкого полностью оправдались, и «золотая лихорадка» захлестнула юго-восточные провинции Австралии. Австралийские историки считают, что честь открытия золотых залежей пятого материка по праву принадлежит Стшелецкому*.

Запрет Гиппса не слишком обескуражил Стшелецкого, и в декабре 1839 г. он разработал план путешествия по маршруту Сидней — Австралийские Альпы — Порт-Филип. В начале 1840 г. Стшелецкий покинул Сидней и со своим спутником Джемсом Мак-Артуром направился на юго-запад. Дойдя до берегов Маррамбиджи, Стшелецкий поднялся долиной этой реки до ее истоков и 15 февраля 1840 г. взобрался на высочайшую вершину Австралии, которую он в честь великого борца за свободу Польши Тадеуша Косцюшко назвал горой Косцюшко. Стшелецкий обследовал центральную часть главного хребта Австралийских Альп и направился на юг в горную область Гипсленд. Гипсленд соседствует с прибрежной низменностью залива Порт-Филип, в которой лежит город Мельбурн, однако от нее это прорезанное бесчисленными реками плато отделяется высокими горами.

До Стшелецкого в Гипсленде уже побывал Э. Макмиллан, но польский путешественник первый подробно описал эту труднодоступную область. Через Гипсленд Стшелецкий шел двадцать два дня. Это был очень тяжелый путь. Приходилось перебираться через капризные горные реки и преодолевать колючий скрэб — густые заросли низкорослых кустарников. На последнем этапе иссякли запасы провианта, лошади выбились из сил и их пришлось бросить. Стшелецкий вынужден был оставить в горах свои коллекции.

12 мая 1840 г. Стшелецкий вышел к бухте Уэстерн-Порт, расположенной к востоку от залива Порт-Филип, и спустя две недели добрался до Мельбурна. С июня 1840 по ноябрь 1842 г. он путешествовал по Тасмании, которую исходил вдоль и поперек, а затем отправился в Англию. В Лондоне он в 1845 г. опубликовал капитальный труд «Физическое описание Нового Южного Уэльса и Вандименовой Земли», удостоенный медали Королевского географического общества. Это была первая сводная работа по геологии восточной Австралии и Тасмании. Стшелецкий на основании своих собственных наблюдений и данных,

* Имеются, правда, сведения, будто еще в 1823 г. некто Мак-Брайн нашел где-то в Новом Южном Уэльсе признаки золота, но данные эти весьма смутны и требуют основательной проверки.

опубликованных его предшественниками, разработал схему геологической истории австрало-тасманийской области, обратив особое внимание на древность слагающих ее комплексов горных пород.

В 1846—1850 гг. основательные исследования в Австралийских Альпах предпринял географ Томас Таунсенд. В честь Таунсенда названа вторая по высоте вершина этой горной цепи и всего Водораздельного хребта (ее высота 2219 м).

В австралийской литературе до сих пор идут споры о приоритете Стшелеского и Таунсенда в различных открытиях в Австралийских Альпах. По материалам этих исследователей очень трудно установить, кто из них первый побывал на тех или иных вершинах. Несомненно, однако, что оба они внесли большой вклад в изучение самой высокогорной области Австралийского материка.

Снова Стерт. Открытия в центральной Австралии

В начале 40-х годов неутомимый исследователь Австралии Чарлз Стерт разработал план путешествия в центральную Австралию. Он исходил из предположения, что в этой части материка есть пресная вода; к этому выводу Стерт пришел, наблюдая за птицами, которые в летнее время совершали перелеты из южных районов Австралии к северу, в сторону ее центральных областей. Стерт считал, что где-то в срединной части материка, чуть к северу от Южного тропика, лежат плодородные земли и имеется большое внутреннее озеро.

В начале 1844 г. Стерт приступил к организации экспедиции и блестяще подготовился к трудному путешествию. В путь вышло двенадцать человек на трех фургонах. Взято было две сотни овец, одиннадцать лошадей, тридцать быков, много съестных припасов и воды.

Стерт не воспользовался маршрутом, по которому Эйр прошел от залива Спенсер к озеру Эйр, и в августе 1844 г., выйдя из Аделаиды, направился на северо-восток в бассейн Муррея. Поднявшись вверх по реке Дарлинг до озера Менинди (32°30' ю. ш.), он повернул на северо-запад, пересек хребет Барьерный, где спустя сорок лет обнаружено было величайшее в мире месторождение свинцово-цинковых руд Брокен-Хилл, и вдоль его западных склонов пошел на север. Началась совершенно бесплодная пустыня, усеянная обломками кварца и гранита, «мостовая гигантов», которая уходила на север, насколько хватал глаз. Воды не было, стоял невыносимый зной, и поэтому не удалось обследовать большое соленое озеро Фром, которое было открыто помощником Стерта Пулом. Следуя далее на северо-запад, экспедиция примерно на современной границе Нового

Южного Уэльса и Квинсленда достигла «классической» песчаной пустыни с грядами совершенно голых барханов. В этой части внутренней Австралии Стерт открыл гряду холмов, простирающихся на десятки миль в северо-восточном направлении, и назвал ее хребтом Грей. Наиболее высокие вершины были названы в честь участников экспедиции горами Браун, Стерт и Пул. В январе 1845 г. был обнаружен оазис с пресной водой в местности Роки-Глен, и там экспедиция пробыла почти полгода.

«Жара, — пишет Стерт, — была ужасающей. Термометр порой показывал в тени 132° F (55° C), а средняя температура за три месяца была 103° F (39° C), почва накалялась на глубину 3—4 футов... Трескались роговые рукоятки наших инструментов и гребни, свинцовый грифель выпадал из карандашей, волосы у нас и шерсть у овец больше не росли, гвозди становились хрупкими, как стекло. Мука усохла так, что потеряла 8% своего прежнего веса, то же в еще большей степени произошло и с другими припасами. Писать и рисовать было трудно, ибо чернила и краски высыхали на кончике пера или кисти почти мгновенно». Из этого знойного оазиса предприняты были вылазки к северу, западу и востоку, но пустыня отбрасывала разведчиков: «...смерть царила вокруг нас, — пишет Стерт, — нигде не встречали мы ни одного живого существа, ничто живое не обитало в этой сухой пустыне, ее бежали даже муравьи, даже мухи».

В самый разгар жаркой зимы, в конце июля, прошел дождь, и экспедиция оторвалась от оазиса и двинулась дальше на северо-запад. Дошли до русла крика — пересыхающей реки, течение которой терялось в песках. В честь Павла Стшелецкого Стерт назвал эту слепую речку Стшелецки-Крик. Удалось проследить, что она соединяется на севере с периодически пересыхающей рекой Куперс-Крик, честь открытия которой принадлежит Стерту.

Дальше к западу и к северу простиралась выжженная солнцем равнина — Каменная пустыня Стерта. Угловатые, ребристые осколки камней покрыты были бурой коркой — пустынным загаром; местами пустыню пересекали песчаные гряды, и «она уходила в самое сердце материка, и конца ей не было нигде». 8 сентября 1845 г. экспедиция достигла самого северного пункта — $24^{\circ}40'$ ю. ш. Полтора года назад Стерт всех убеждал, что где-то у Южного тропика лежат благодатные земли, орошаемые пресным морем. Не было, однако, на 24-й параллели ни этих земель, ни этих вод, и во все стороны тянулась безжизненная пустыня. Экспедиция достигла сердца Австралии, она проникла к центру материка.

«Не хватало пищи, иссякла вода... С вершины песчаного холма мы заметили, что гряды песка протягивались параллельно друг другу к северу за линию горизонта, и казалось, что им нет конца. На востоке и на западе они сменяли друг друга,

как волны на поверхности моря. Мой спутник, а он привык к подобным пейзажам, невольно вскрикнул, наблюдая это зрелище: «Праведное небо! Не дай бог кому-нибудь снова попасть в эту страну» (9, стр. 305).

Экспедиция отправилась в обратный путь. Люди страдали от жажды. Их валила с ног жестокая цинга. В середине ноября они добрались до оазиса Роки-Глен, а затем преодолели еще 270 миль и вышли к берегам Дарлингга. 19 января 1846 г. Стерт и его спутники возвратились в Аделаиду.

«Я, — писал он, — приподнял темный занавес, который нависает над внутренней Австралией... я дошел до огромной речной системы, которая орошает эту местность, и до ее «отдушин» — соленых озер в сердце материка».

Рейд Стерта во внутреннюю Австралию был великим географическим подвигом, но итоги этой экспедиции вызвали в Аделаиде, Мельбурне и Сиднее глубокое разочарование. Стало совершенно очевидно, что в центральной части материка нет ни пресных озер, ни земель, пригодных для пастбищ. Стерт открыл огромную пустыню, знойную, как Сахара, но еще более бесплодную, еще более недоступную. Наравне с дневниками его первого путешествия записки об этой экспедиции, изданные Стертом в 1849 г. (20), по праву могут быть признаны одним из лучших произведений географической литературы XIX в.

Лейхгардт. Открытия в тропической Австралии

С именем немецкого исследователя Людвиг Лейхгардта связаны яркие и трагические страницы в летописи австралийских открытий.

Лейхгардт родился в 1813 г. Он изучал медицину и естественные науки в Геттингене и Берлине, но его ученая карьера внезапно оборвалась в конце 30-х годов. Не желая отбывать военную службу в войсках прусского короля, Лейхгардт покинул Германию. В 1841 г. он переселился в Австралию и два года спустя совершил свое первое путешествие вдоль берегов Нового Южного Уэльса. В 1844 г. он возглавил снаряженную на частные средства экспедицию, которая должна была из Брисбена пройти через всю северо-восточную Австралию к гавани Порт-Эссингтон на берегу Арнхемленда и по пути обследовать южное побережье залива Карпентария.

Лейхгардт вышел из Брисбена в августе 1844 г. и сперва направился на равнину Дарлинг-Даунс, где завершилось снаряжение экспедиции. Из селения Джимбур, расположенного на северных рубежах этой равнины, Лейхгардт 1 октября 1844 г. отправился в поход. В экспедиции насчитывалось восемь участников, и весьма важную роль играл в ней английский ботаник Джон

Гилберт. Двое аборигенов, Гарри Браун и Чарли Фишер, были взяты в качестве «подсобной силы».

Лейхгардт продвигался на север вдоль восточных предгорий Водораздельного хребта, форсируя многочисленные реки, текущие в сторону Тихого океана. Все участники экспедиции шли пешком: лошади и быки до предела были навьючены всевозможным грузом. Все лето — от начала октября до конца апреля — экспедиция продвигалась через типичные для австралийских тропиков негустые леса с панданусами, чайными и железными деревьями, араукариями, казауринами и акациями с серебристой листвой. В межгорных долинах встречались великолепные травянистые луга; экспедиция проникла в благодатный край — северо-восточный Квинсленд — с обильными водами, отличными лесами и тучными пастбищными угодьями.

Сперва открыты были реки Доусон, Макензи, Айзекс — притоки многоводной реки Фицрой, впадающей в Тихий океан у самого Южного тропика*. Связь рек Доусон, Макензи и Айзекс с рекой Фицрой Лейхгардту выявить не удалось, поскольку Фицрой осталась к востоку от трассы экспедиции.

Затем по реке Саттор Лейхгардт прошел до места, где она впадает в реку Бёрдекин, и поднялся по реке Бёрдекин до плато Атертон. Экспедиция пересекла это плато и открыла истоки реки Линд, которая текла на северо-запад к заливу Карпентария. С середины мая начался второй этап путешествия. Экспедиция шла теперь вдоль юго-восточных и южных берегов залива Карпентария, пересекла в низовьях полноводные реки Гилберт, Флиндерс, Альберт (впоследствии река Альберт переименована была О. Грегори в реку Лейхгардт, или Лайхгарт), Уинтворт, Мак-Артур и Ропер.

Этот второй этап начался при весьма печальных обстоятельствах. 29 мая в стычке с аборигенами погиб Гилберт, который руководил основными исследовательскими работами экспедиции. Трудности, и немалые, встретились и в дальнейшем, но Лейхгардт и его спутников отнюдь не разочаровали прибрежные равнины у залива Карпентария. Попадались пустынные и бесплодные пространства, но на высоких слабохолмистых равнинах серебристые леса с акациями, миртами, чайными деревьями перемежались с сочными лугами.

17 декабря 1845 г. экспедиция прибыла в Порт-Эссингтон. За четырнадцать месяцев и семнадцать дней Лейхгардт и его спутники прошли около 4,5 тыс. км и пересекли весь северо-восток Австралии. Семь участников экспедиции морем возвратились в Сидней, куда прибыли 25 марта 1846 г.

«Нас, пришельцев с того света, — писал Лейхгардт, — встречал весь город, и казалось, что все сиднейцы обезумели от ра-

* Большинство рек было названо именами участников экспедиции.

дости» (9). Лейхгардта чествовали как национального героя. В Сиднее и Брисбене стали разрабатывать планы экспедиций в новооткрытые «обетованные» земли.

В декабре 1846 г. Лейхгардт отправился во второе путешествие. От равнины Дарлинг-Даунс он прошел на север около 500 км, но затем по причинам не вполне ясным вынужден был возвратиться в Сидней. Участники этой экспедиции всячески поносили Лейхгардта, обвиняя его в заносчивости; по Сиднею ходили слухи, будто по вине Лейхгардта экспедиция осталась без провианта и медикаментов. Лейхгардт решил взять реванш и в начале 1848 г. приступил к организации третьей экспедиции. Замысел ее был грандиозным. Лейхгардт намерен был пересечь весь Австралийский материк с востока на запад.

Старт похода был дан на скотоводческой ферме Макферсон, расположенной на одном из притоков реки Кондамайн. В начале апреля 1848 г. Лейхгардт и шесть его спутников направились на север с караваном, в котором насчитывалось семьдесят семь лошадей и быков.

Экспедиция эта исчезла бесследно. Много лет велись упорные поиски, но никаких следов Лейхгардта обнаружить не удалось.

Митчелл и Кеннеди. Открытия в западном Квинсленде и на полуострове Кейп-Йорк

Почти одновременно с Лейхгардтом Митчелл отправился в новое путешествие. Хотя в свое время он высказал предположение, что все реки, истоки которых лежат на западных склонах Водораздельного хребта южнее 29° ю. ш., являются притоками Дарлинга, но его не оставляла надежда, что к северу от этой параллели внутренние области Австралии пересекает большая река, которая течет на северо-запад и впадает в залив Карпентария. Поиски этой реки он и решил предпринять к западу от Водораздельного хребта.

16 декабря 1845 г. Митчелл вышел в путь из фермы Борн, расположенной близ Батерста, и направился на север. Экспедиция была организована на широкую ногу. В ее состав входило тридцать человек, для перевозки грузов взято было восемьдесят быков и семнадцать лошадей, в фургонах везли две разобранные на части железные шлюпки. Помощником Митчелла был двадцатисемилетний офицер топографической службы Эдмонд Кеннеди. Большую помощь Митчеллу оказал абориген Юрони, проводник экспедиции.

Форсировав реки Макуори и Каслрей, Митчелл прошел к реке Балонн — притоку Дарлинга. На реке Балонн его настиг курьер из Сиднея, который привез газеты с сообщениями об открытиях Лейхгардта.

В одной из газет писалось, что после открытий Лейхгардта кажутся ничтожными все свершения сэра Томаса Митчелла. Крайне раздраженный этими сообщениями Митчелл решил форсированным маршем идти на север. В долине реки Мараноа, где были открыты прекрасные пастбищные угодья, Митчелл оставил большую часть снаряжения и налегке направился на север. Он вступил в тропический пояс, но это были сухие тропики западного Квинсленда с зарослями колючего скрэба на унылых плоских равнинах.

Митчелл дошел до большой реки Уоррего, которая текла, однако, к юго-западу и явно относилась к бассейну Дарлинга. Но 15 ноября 1845 г. Митчелл открыл довольно большую реку, текущую не в сторону Дарлинга, а на северо-запад. Он назвал ее рекой Викторией в честь английской королевы; затем Митчелл поспешил вернуться в Сидней. Лавры Лейхгардта не давали ему покоя. «Моя затаенная мечта, — писал Митчелл, — наконец сбылась» (15). Теперь Митчелл был убежден, что он отыскал реку, текущую из внутренней Австралии в залив Карпентария. Однако вскоре его постигло разочарование: Кеннеди, которому поручено было проследить курс новооткрытой реки Виктории, прибыл в Сидней и сообщил, что эта река в верхнем своем участке действительно течет на северо-запад, но затем резко поворачивает к юго-западу*.

Дневник экспедиции 1845—1846 гг. Митчелл опубликовал в 1848 г. (15). (Маршруты путешествий по восточной Австралии см. на стр. 329).

Кеннеди в 1848 г. отправился на полуостров Кейп-Йорк в путешествие, которое окончилось трагически. Экспедиция шла вдоль восточного берега полуострова, конечной ее целью была его крайняя северная оконечность. В пути в стычках с аборигенами погибла большая часть спутников Кеннеди. 11 декабря 1848 г., в день, когда путешественники были у самой цели, на них напали аборигены. Кеннеди был убит. Его дневники сохранил участник экспедиции, юноша-абориген Джеки-Джеки, в честь которого названа одна из рек в северной части полуострова Кейп-Йорк.

На полуострове Кейп-Йорк исследования возобновились шестнадцать лет спустя. В 1864 г. на северной оконечности полуострова была основана фактория Сомерсет. Комендантом ее назначен был Джон Джардин. Своим двум сыновьям, двадцатидвухлетнему Франку и двадцатилетнему Александру, он приказал перегнать по суше из гавани Рокгемптон лошадей, быков и овец. 11 ноября 1864 г. братья Джардин вышли из Рокгемп-

* В 1858 г. О. Грегори доказал, что река Виктория (Грегори оставил ее туземное название Барку) представляет собой верхний участок реки Куперс-Крик, открытой Стертом в 1845 г., которая исчезает в пустынях центральной Австралии.

тона, пересекли полуостров Кейп-Йорк у его основания и, следуя вдоль прибрежной низменности залива Карпентария, направились на север. Они форсировали реки Митчелл, Колмен, Холройд и Арчер и упорно продвигались вперед, несмотря на нехватку припасов.

К середине марта 1865 г. братья Джардин потеряли три четверти лошадей и утратили надежду на благополучный исход путешествия. 20 марта им встретились аборигены. Темнокожие воины окружили отряд и бросились к путешественникам с возгласами «Алико, Франко, табак!» Это был условный пароль, известный лишь отцу и сыновьям Джардинам. Аборигенов выслал на поиски экспедиции Джон Джардин, и они провели путешественников в Сомерсет.

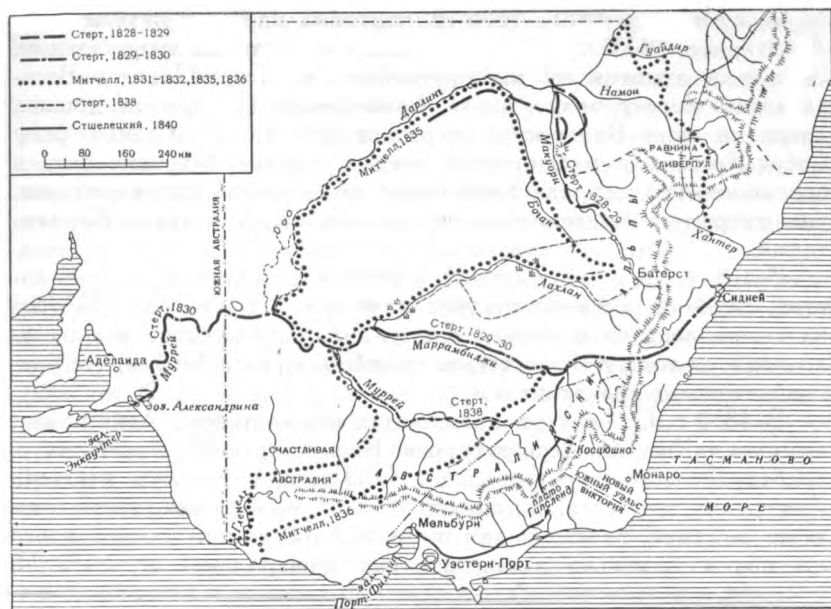
Весьма успешными были исследования, предпринятые на полуострове Кейп-Йорк У. Ханном. Ханн прошел вдоль берегов залива Карпентария до 14° ю. ш. и обследовал долины рек Лейхгардт, Линд, Гилберт. На реке Палмер он обнаружил золото и во многих местах выявил богатые пастбищные угодья.

Золотая лихорадка и лихорадка открытий

В середине XIX в. в Австралии произошли события, которые возбудили в то время страсти во всем мире. Золотоискатель из Нового Южного Уэльса Эдуард Харгревс, потерпевший неудачу в разгар калифорнийской «золотой лихорадки» 1848—1849 гг., возвратился в январе 1851 г. в Сидней, одержимый навязчивой идеей. Он был убежден, что где-то на юго-востоке Австралии есть золото. В своих прежних скитаниях по этому краю он встречал точно такие же золотоносные горные породы, которые в 1848 г. прославили Калифорию.

И действительно, Харгревс нашел золото на австралийском юго-востоке, а спустя несколько месяцев в селения Балларат и Бендиго, расположенные к северу от Мельбурна, из Европы и Америки устремились десятки тысяч добытчиков. В Австралии повторилась калифорнийская история 1848 г., и за первые восемнадцать месяцев золотого бума 1851—1852 гг. в Виктории осело сто тысяч эмигрантов-золотоискателей. За десять лет, с 1850 по 1860 г., население Австралии выросло почти втрое и перевалило за миллион.

Когда стих золотой ажиотаж, масса неудачников эмигрантов в поисках пропитания устремилась во внутренние области Виктории, Нового Южного Уэльса, Южной Австралии и Квинсленда. Золотая лихорадка сменилась лихорадкой земельной. За эти же десять лет площадь возделанных земель возросла в два с лишним раза, поголовье скота увеличилось почти в той же пропорции.

Открытия в Юго-Восточной Австралии

Из *Australian Encyclopedia*. 1958

Уже не правительственные землемеры и не пионеры-одиночки, а целые армии искателей новых земель перевалили через Австралийские Альпы в долины Муррея и Дарлинга, вторглись на сухие равнины Квинсленда. Десятки новых поселений были основаны на восточных и южных берегах страны, шупальца дорог протянулись из Мельбурна, Сиднея, Брисбена и Аделаиды в глубь материка.

Однако к исходу 50-х годов значительная часть Австралии все еще оставалась неисследованной, а ее внутренняя область обозначалась сплошным «белым пятном», которое только на юго-востоке пресекалось извилистой линией — трассой похода Стерта.

Эти глубинные области пятого материка, пустынные и безводные, не привлекали внимания колонистов, и в 50-х и 60-х годах туда проникали лишь путешественники-исследователи.

«Белое пятно» в центре Австралии в конце 50-х и начале 60-х годов стало объектом новых открытий, которые приковали к пятому матерiku взоры всех географов земного шара. Одной из побудительных причин этих новых экспедиций были поиски Лейхгардта. С этой целью отправился во внутренние области Северной Австралии О. Грегори.

О. Грегори в 1855—1856 гг. повторил маршрут путешествия Лейхгардта 1845 г., следуя, однако, в обратном направлении. Исходным пунктом его маршрута был мыс Пирс-Пойнт на юго-западном берегу полуострова Арнхемленд. Оттуда он прошел вверх по реке Виктории, открыл к югу от ее истоков реку Стёрт-Крик и затем, пройдя южнее залива Карпентария к основанию полуострова Кейп-Йорк, положил на карту ряд рек, уже открытых Лейхгардтом, которые впадают в залив Карпентария.

Вверх по реке Гилберт О. Грегори направился на юго-восток, затем пересек Квинсленд и вышел к бухте Порт-Кёртис на северо-восточном берегу Австралии. Путешествие это заняло полтора года и было весьма успешным, хотя Лейхгардта Грегори найти не удалось.

В 1858 г. О. Грегори предпринял новые поиски Лейхгардта, которые он вел по маршруту: река Барку — река Куперс-Крик — хребет Флиндерса — Аделаида. О. Грегори удалось пересечь Австралийский материк, однако не по самым длинным его осям и не в самой тяжелой для путешествия части. Трасса этого маршрута задевала лишь окраину центральноавстралийской пустыни, где уже побывали Стерт, Митчелл и, возможно, Лейхгардт. О. Грегори окончательно разгадал географическую загадку, с которой так не посчастливилось Митчеллу. После путешествия О. Грегори было твердо установлено, что в центральной Австралии существует огромная бессточная впадина, дренирующая реку Барку и ряд водотоков, стекающих с северо-западных склонов Водораздельного хребта в интервале 25—20° ю. ш.

С юга на север. Гибельная удача Берка

С юга на север весь Австралийский материк впервые удалось пересечь Роберту О'Харре Берку, и трагический финал его экспедиции возбудил в самом начале 60-х годов всеобщий интерес к жестоким центральноавстралийским пустыням.

Берк в отличие от Стерта, Митчелла и братьев Грегори не принадлежал к числу путешественников-исследователей. Это был искатель приключений, кондотьер XIX в. Он родился в Ирландии в 1821 г., получил образование в Бельгии, некоторое время служил в австралийской армии, затем возвратился в Ирландию и там состоял в рядах конной полиции. В начале 50-х годов он появился в Мельбурне, где получил пост инспектора полиции.

В 1858 г. законодательное собрание провинции Виктория и группа частных лиц решили организовать трансавстралийскую экспедицию. Экспедиция эта должна была пересечь материк с

юга на север от Аделаиды до залива Карпентария и примерно тем же путем возвратиться к южным берегам Австралии.

Во главе экспедиции назначен был Берк, его помощником стал двадцатисемилетний мельбурнский землемер и топограф У. Уиллс. Поскольку намечалось двойное пересечение материка, сперва с юга на север, а затем с севера на юг, решено было организовать промежуточные базы. Берк закупил в Афганистане для экспедиции верблюдов — животных, которые еще не использовались при исследовании австралийских пустынь.

Экспедиция в октябре 1860 г. отправилась в далекий путь от озера Менинди, близ реки Дарлинг. До реки Куперс-Крик Берк шел по маршруту Стерта. Оставив несколько участников экспедиции на базах, Берк и Уиллс с двумя спутниками, Греем и Джоном Кингом, и караваном из шести верблюдов прошли к реке Барку, затем они пересекли обширную пустыню к северу от этой реки, перевалили через невысокие горы Мак-Кинли и добрались до текущей в залив Карпентария реки Флиндерс. Они спустились по этой реке почти до самого ее устья, но до моря не дошли и в феврале 1861 г. отправились в обратный путь. Припасы и вода иссякали с каждым днем, путешественники изнывали от невероятной жары, многомесячное путешествие изнурило их до крайности. Снова они вступили в безводные каменистые пустыни на водоразделе рек Флиндерс и Барку.

17 апреля умер Грей. 21 апреля Берк, Уиллс и Кинг подошли наконец к тому месту на реке Куперс-Крик (27°40' ю. ш., 140°30' в. д.), где несколько месяцев назад основана была самая северная база и оставлены люди. Но путешественников ожидало величайшее разочарование. За сутки до их прихода люди с базы ушли на юг, полагая, что Берк погиб в пустыне. «Верные товарищи» Берка оставили на том месте, где была база, записку и ничтожное количество провизии.

Уиллс записал 21 апреля: «Трудно представить себе, как опечалены и разочарованы мы были, обнаружив, что база покинута. После тягостного четырехмесячного перехода и лишений, которые мы испытали за это время, мы истомлены вконец. Ноги у нас почти парализованы, так что каждый ярд пути причиняет невыносимые страдания» (6а, стр. 25). До следующей базы, озера Менинди, было несколько сот мучительно длинных миль безводной пустыни. Оставшихся двух верблюдов пристрелили, но мяса хватило ненадолго. До конца июня путешественники шли к югу, точнее, не шли, а ползли, умирая от голода и жажды. Несколько раз их выручали аборигены, но и у них припасов было в обрез.

Первым в конце июня пал Уиллс. До последнего момента он вел дневник, и эти краткие записи дают представление о невероятных лишениях, которые испытали участники экспедиции на последнем этапе своего путешествия. Днем позже Уиллса умер

Берк. Умирая, Берк отметил в своей записной книжке: «Кинг вел себя благородно, и надеюсь, что, если он останется в живых, его вознаградят по заслугам. Он оставался со мной до последней возможности и покинул меня по моему приказу; я приказал ему оставить мое тело непогребенным и перед уходом вложить мне в руки пистолет» (6а, стр. 33).

Полумертвого Кинга подобрали в низовьях Куперс-Крика аборигены, которые отнесли к нему с исключительным вниманием. В сентябре 1861 г. они передали его партии А. Хоута, высланной на поиски путешественников (6а).

«Берк и Уилас, — пишет автор «Истории географических открытий и исследований» Дж. Бейкер, — не могут претендовать на место в первом ряду исследователей. Своей славой они обязаны скорее трагической смерти, чем достижениям в области географии» (1, стр. 500). Оценка жестокая и несправедливая. Бесспорно, что двойное пересечение Австралийского материка — это огромное достижение в области географии и все ошибки Берка и его четырех спутников искупает их нестигаемое мужество и воля к победе.

Поисковые партии А. Хоута, У. Ландсборо, Дж. Мак-Кинли, посланные по следам Берка, внесли немалый вклад в историю австралийских открытий.

А. Хоут обследовал низовья Куперс-Крика, другие отряды основательно исследовали северо-восточную Австралию. В ходе этих исследований положены были на карту почти все реки, текущие из внутренних областей материка в юго-восточный угол залива Карпентария. В бассейнах рек Альберт, Гилберт, Олбани, Флиндерс и Томсон найдены были пригодные для пастбищ угодья, правда, пригодные в хорошие годы и во влажные сезоны.

Уильям Ландсборо, который в поисках Берка прошел от залива Карпентария на юг долиной реки Грегори, открыл обширное холмистое нагорье, которое он в честь губернатора провинции Виктория, Генри Баркли, назвал плато Баркли. В пределах этого плато, равного по площади трем Швейцариям, Натаниэл Бьюкенен в 1877 г. выявил колоссальные пастбищные угодья (в настоящее время плато Баркли — главный район овцеводства Северной Австралии).

Джон Мак-Кинли отправился на поиски Берка из Аделаиды в августе 1861 г., дошел до Куперс-Крика, где узнал от аборигенов, где похоронен Грей. Далее он направился на север, открыл реку Дайамантина и по реке Лейхгардт предпринял попытку спуститься в мае 1862 г. к заливу Карпентария. Однако к морю он не мог пробиться через густые мангровые заросли. Мак-Кинли повернул на восток, и свыше 1200 км его истощенная долгими переходами партия шла до первых населенных пунктов Квинсленда по старому маршруту Лейхгардта.

Стюарт. Штурм великой пустыни

После Берка основная задача исследований материка свелась к освоению центральной Австралии. Огромное «белое пятно» в 1860 г. занимало на карте Австралии почти всю ее территорию между 120-м и 140-м меридианами. В этой части материка, по площади равной двенадцати Великобританиям, лишь юго-восточный угол между озером Эйр и Аделаидой и узкие полосы южного и северного побережий были обследованы к тому моменту, когда эстафета центральноавстралийских открытий перешла к одному из наиболее выдающихся исследователей этого материка — Джону Макдуалу Стюарту.

Стюарт родился в Англии в 1818 г. (или в 1815?) и в двадцатилетнем возрасте переселился в Австралию. Он был участником той экспедиции Стерта, которая проникла в сердце пятого материка, исполняя в ней обязанности драфтсмена — картографа, чертежника и рисовальщика.

В 1858—1859 гг. Стюарт совершил три путешествия в район озер Торренс и Эйр. В третьем путешествии в ноябре 1859 г. его поразила тяжелая глазная болезнь, и в дневнике своем он отметил, что почти совершенно лишился зрения. Однако, несмотря на это, он в январе 1860 г. направился на север, желая пересечь центральноавстралийскую пустыню. 13 апреля 1860 г. он дошел до высокой горной цепи, которая протягивалась в широтном направлении через центральную часть пустыни. Стюарт назвал этот хребет горами Макдоннелла (в честь губернатора Южной Австралии). Стюарт перевалил эти горы и 22 апреля вышел к пункту, который оказался географическим центром пятого материка. В 2½ милях к северо-западу от этого пункта открыт был высокий пик, который ныне носит название Сентрал-Маунт-Стюарт. Пройдя еще 150 миль к северу, Стюарт вынужден был у ручья Атак-Крик повернуть обратно и в октябре 1860 г. добрался до Аделаиды.

Парламент выделил две с половиной тысячи фунтов стерлингов для новой трансавстралийской экспедиции, и полуслепой Стюарт в конце ноября 1860 г. снова отправился по старому своему маршруту. На этот раз он зашел на север на 100 миль дальше. Севернее Атак-Крика Стюарт вступил в поросшую сухим кустарником пустыню. «Эти «леса», — писал он, — худшая преграда, чем любое внутреннее море или сплошная горная стена».

В сентябре 1861 г. Стюарт возвратился в Аделаиду. Истощенный, крайне измученный глазной болезнью, он сразу же приступил к подготовке третьей экспедиции. 26 октября 1861 г. Стюарт покинул Аделаиду и направился на север. На этот раз ему удалось пересечь весь Австралийский материк из конца в конец. Пройдя центральноавстралийскую пустыню, Стюарт

вышел к верховьям реки Адилейд, пересекающей северо-западную часть полуострова Архемленд, и 24 июля 1862 г. добрался до устья этой реки.

«Таким образом, — писал он, — мне удалось добиться великой цели, стоявшей перед нашей экспедицией, и провести за собой целым и невредимым весь отряд, являющийся живым свидетелем нашего успеха». Прибрежная часть Архемленда после пустынной центральной части материка показалась Стюарту обетованной землей. «Мы прошли, — говорит он, — по чудеснейшей на свете местности, прекрасной до самого моря... Если эта область будет заселена, то она превратится в одну из самых цветущих колоний Британии, в которой можно будет разводить любые сельскохозяйственные культуры. Что за страна для хлопка!» (9, стр. 33).

Пройдя с юга на север через всю Австралию, Стюарт решил возвратиться в Аделаиду тем же путем, то есть повторно пересечь весь материк. 26 июля 1862 г. он отправился в обратный путь. Спустя две недели ему пришлось оставить часть лошадей, дальше предельно истощенные животные идти не могли. В конце августа Стюарт настолько обессилел, что потерял всякую надежду живым возвратиться в Аделаиду.

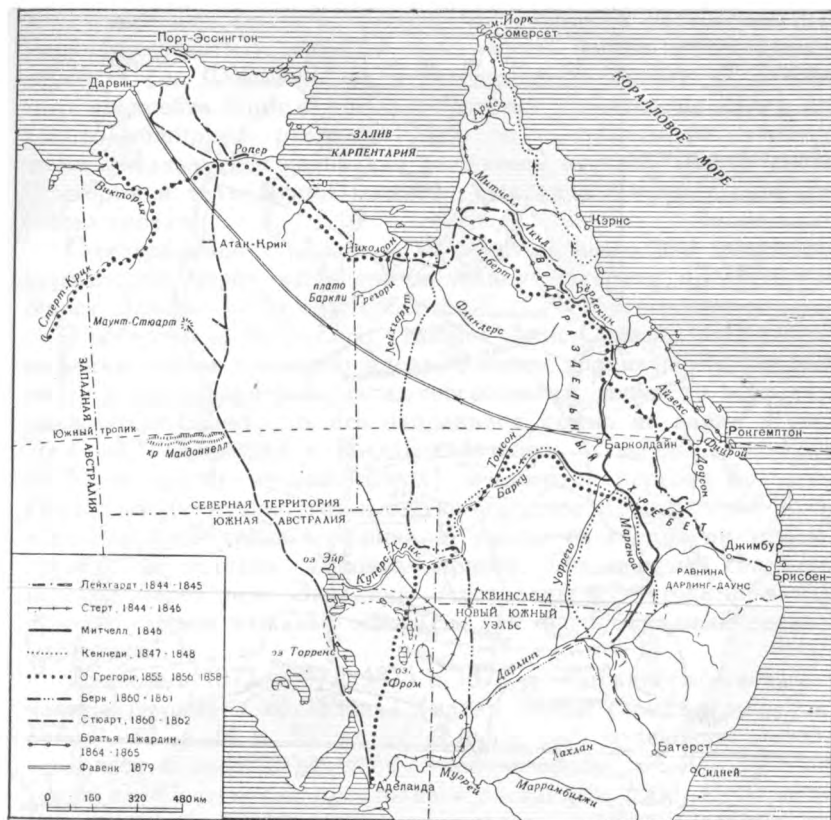
Несколько позже он занес в свой дневник: «Я теперь живой скелет». Он едва мог разглядеть собственную руку, зрение почти совершенно отказало ему. И тем не менее 26 ноября 1862 г. он привел своих вконец измученных спутников к базе у горы Маунт-Маргарет и 18 декабря того же года возвратился в Аделаиду.

Имя Стюарта сразу же приобрело всемирную известность, и его двойное пересечение Австралии справедливо оценено было как величайший географический подвиг.

Стюарт победил пустыню, но он возвратился в Аделаиду совершенным инвалидом. В 1864 г. он уехал в Англию и в июне 1866 г. скончался в Лондоне. Дневники его изданы были в 1864 г. (18).

Открытия в западных пустынях

Берк и Стюарт опрокинули барьеры, воздвигнутые природой вокруг центральноавстралийской пустыни. Если прежде подавляющее большинство путешественников ограничивалось исследованиями по периферии центральной Австралии, то после Стюарта многие его последователи стали пересекать внутренние области материка. Обычно пересечения эти совершались в широтном направлении. Меридиональный маршрут Стюарта в начале 70-х годов XIX в. стал трассой трансавстралийской телеграфной линии, а промежуточные станции, расположенные на этой линии, — исходными базами для экспедиций в глубь ма-

Открытия в Восточной Австралии

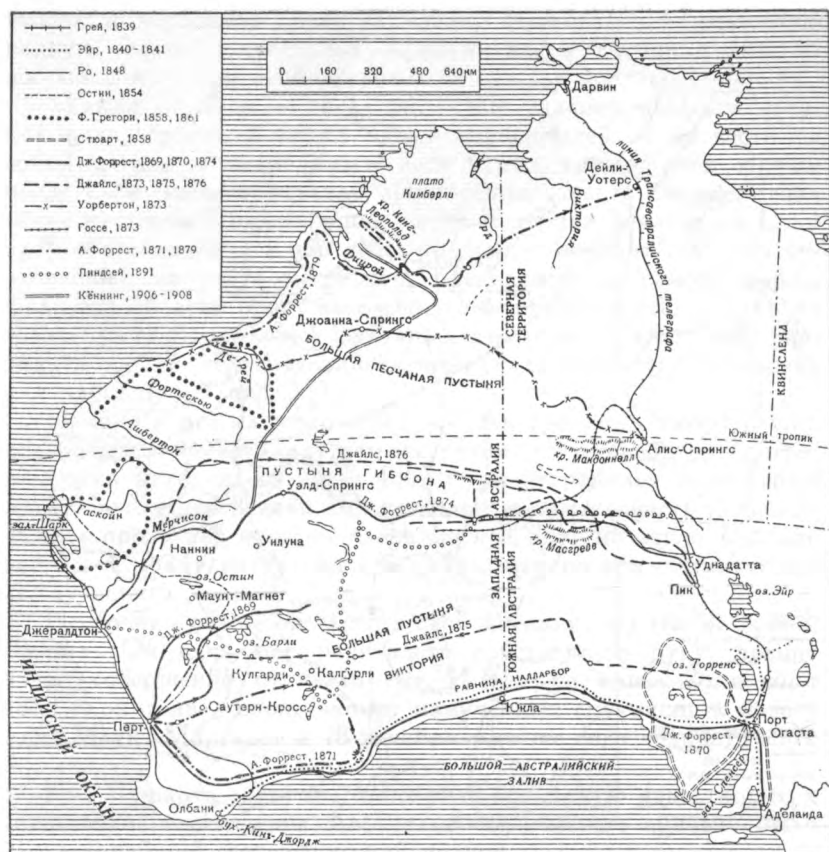
Карта составлена по картографическим материалам *Australian Encyclopedia*. 1958
 Не показаны маршруты экспедиций, направленных на поиски Берка

терика. Эта линия, сданная в эксплуатацию в 1872 г., от Порт-Огасты, гавани, лежащей в глубине южноавстралийского залива Спенсер, вела к западному берегу озера Эйр и затем примерно вдоль 134-го меридиана пересекала центральную Австралию; на севере ее конечным пунктом был Дарвин.

Выдающихся успехов в исследовании Западной Австралии добился молодой географ Джон Форрест. Первую свою экспедицию он возглавил в 1869 г. и обследовал обширный район на юго-западной окраине центральноавстралийской пустыни.

В 1870 г. по маршруту Эйра он проследовал из Перта в Аделаиду вдоль побережья Большого Австралийского залива.

В 1874 г. Форрест прошел с запада на восток от реки Мерчисон к станции Пик трансавстралийской телеграфной линии, примерно вдоль 24—27° ю. ш. Форрест совершенно случайно

Открытия в Западной и Южной Австралии

Карта составлена по картографическим материалам *Australian Encyclopedia*. 1958
 Не показаны маршруты Стирлинга, Уокфилда и Престона в пределах юго-западного
 выступа Западной Австралии

избрал наиболее выгодный для путешествия путь. Маршрут его проходил между Большой пустыней Виктория и пустыней Гибсона — через местность, где довольно часто встречаются источники, пересыхающие в сухой сезон года.

В долине реки Мерчисон Форрест обнаружил довольно сносные пастбищные угодья; зато земли, лежащие на восточном участке его трассы, близ гор Масгрейв и верховьев реки Алберга, он счел непригодными для колонизации. Форрест первым пересек западную часть материка с запада на восток.

В 1879 г. брат Джона Форреста Александр Форрест, который в 1871 г. совершил путешествие в район к востоку от Пер-

та, пересек всю северо-западную Австралию от устья реки Де-Грей до трансавстралийской телеграфной линии и обследовал верховья рек Фицрой, Орд и Виктория. К востоку от открытого им хребта Кинг Леопольд Форрест положил на карту довольно обширную равнину Николсон с отличными пастбищными землями. В совершенно безводной пустыне между рекой Виктория и телеграфной линией Александр Форрест едва избежал гибели.

Одновременно с Джоном Форрестом несколько широтных пересечений через западную половину материка предприняли Эрнст Джайлс и Питер Уорбертон.

Уорбертон в 1873 г. со станции Алис-Спрингс направился на запад, сперва примерно вдоль Южного тропика и гор Макдоннелл, затем повернул на запад-северо-запад, дошел до верховьев реки Стерт-Крик и от нее направился прямо на запад к реке Де-Грей, впадающей в Индийский океан, и вышел к морю у $20^{\circ}30'$ ю. ш. (у залива Никол). Уорбертон пересек Большую Песчаную пустыню, занимающую огромное пространство в северо-западной части материка. В самом ее сердце он открыл группу источников Джоана-Спрингс. Он первым совершил переход через всю Западную Австралию с востока на запад, причем самым тяжким оказался для него западный отрезок маршрута.

Джайлс в 1872—1873, 1875 и 1876 гг. трижды пересекал эту часть материка и обследовал (вдоль линий своих маршрутов) район между 24 и 30° ю. ш. Джайлс был путешественником-«скоростником» и пересечения свои совершал в очень быстром темпе, порой за месяц преодолевая дистанцию 2000—2500 миль. Столь стремительного темпа ему удалось добиться главным образом благодаря тому, что он по примеру Берка ввел в практику австралийских путешественников верблужий транспорт. В 1872 г. Джайлс обследовал верховья «слепой» реки Финке и открыл большое озеро Амадеус, «дьявольскую смесь грязи и рапы». В 1874 г. он открыл к югу от озера Амадеус большую горную гряду, которую в честь известного немецкого географа Августа Петерманна назвал хребтом Петерманна. В 1875 г. Джайлс примерно вдоль 30° ю. ш. пересек от линии трансавстралийского телеграфа к Индийскому океану Большую пустыню Виктория.

Вот как Джайлс описывал эту пустыню в своем дневнике путешествия 1875 г.: «... Хотя мы теперь шли по равнине, кругозор наш был предельно ограничен, так как везде местность пересекали бесконечные увалы... Область, через которую мы шли, была совершенно безводна, и за десять дней пути мы не заметили ни одного места, где можно было бы отыскать воду. Край этот абсолютно необитаемый. Здесь нет ни людей, ни зверей, не видно ни малейших следов сумчатых животных, эму и диких

собак. Видимо, мы проникли в земли, неведомые человеку и от веку забытые богом» (10, в. II, р. 191). В 1876 г. он прошел к верховьям реки Ашбертон, у 24° ю. ш. повернул к центру материка, пересек пустыню Гибсона и вышел к телеграфной линии. Подобно Стерту Джайлс был мастером слова, и его книга «Австралия, дважды пересеченная», вышедшая в свет в 1889 г., приобрела огромную популярность и на пятом материке, и за его пределами.

В результате путешествий Форреста, Уорбертона и Джайлса обе великие пустыни в западной половине Австралии — Большая пустыня Виктория и Большая Песчаная пустыня — были положены на карту. Однако между линиями маршрутов этих путешественников оставались еще «белые пятна», которые не скоро удалось свести с карты Австралии.

В 1873 г. Уильям Госсе обследовал западную окраину пустыни Гибсон и район между хребтами Масгрейв и Макдонелл. В 1878 г. Эрнст Фавенк проследовал от Барколдайна, пункта, расположенного к северу от реки Барку, к станции трансавстралийского телеграфа Дейли-Уотерс, а от нее к Дарвину. Таким образом, Фавенк пересек всю центральную часть Северной Австралии.

Открытие «Подземного моря»

В самом начале XIX в. Флиндерс высказал предположение, что в центре Австралии расположено огромное внутреннее море, или озеро. Стерт, Митчелл, Берк и Стюарт опровергли эту заманчивую гипотезу и доказали, что вся внутренняя Австралия занята пустынями. И действительно, в центре материка нет морей и озер каспийского или даже ладожского масштаба.

Однако еще в начале 70-х годов XIX в. некоторые австралийские географы пришли к заключению, что во внутренних областях Австралии могут быть обширные артезианские бассейны. Казалось странным, что обильные осадки, выпадающие в районе Водораздельного хребта, питают на его западных склонах лишь маломощные реки. Обнаружены были толщи пористых пород, слагающих некоторые западные цепи этого хребта.

Сама центральноавстралийская равнина — гигантская чаша, дно которой кое-где ниже уровня моря, — казалась идеальным подземным водосбором. Очень основательный труд, посвященный проблеме подземного стока, представил в 1878 г. в Южно-австралийское философское общество географ Т. Раулинсон. «В недрах центральной Австралии, — писал он, — должна быть вода, иначе совершенно непонятно, куда пропадают атмосферные и речные воды краевых горных цепей» (5).

В том же 1878 г. на скотоводческой станции Каллара, в северо-западной части Нового Южного Уэльса, из скважины выр-

вался фонтан артезианской воды. Овцеводы и инженеры-изыскатели заложили в соседних районах юго-западного Квинсленда ряд скважин, и почти все они дали воду. К 1893 г. в Квинсленде было пробурено свыше пятисот скважин и четко определелись контуры огромного артезианского бассейна.

Профессор Ролф Тат в 1879 г. приступил к поискам артезианских вод в Южной Австралии и два года спустя получил отличную воду из скважин, заложенных близ озера Эйр. В конце XIX и в первой четверти XX в. открыты были крупные артезианские бассейны в районе Юклы (на равнине Налларбор), на берегах залива Спенсер, близ озера Торренс, в окрестностях Перта и к северу от этого города, а также на северо-западе Западной Австралии — к югу от реки Фицрой.

К настоящему времени в Австралии выявлено одиннадцать артезианских бассейнов, и общая их площадь равна половине Западной Европы. В пределах одного лишь Большого артезианского бассейна Квинсленда можно «разместить» три Франции. В 1958 г. восемь тысяч глубоких скважин (их суммарная глубина составляет 1500 км) выкачивали из этих естественных резервуаров свыше полутора миллиардов литров воды в сутки.

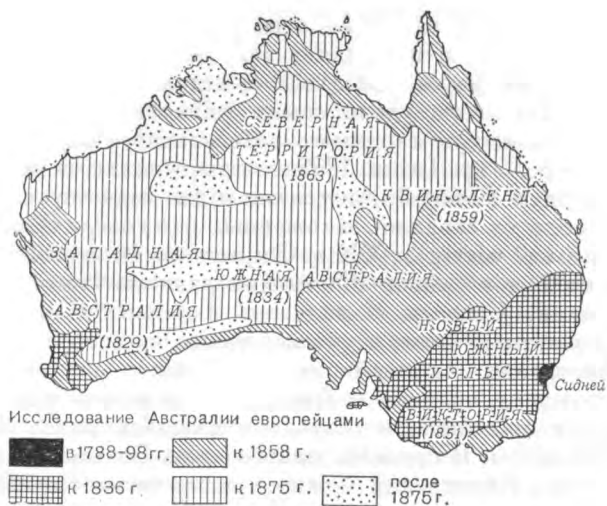
В экономике Южной и Западной Австралии, Северной территории и Квинсленда артезианские воды играют огромную роль. Артезианские скважины питают города, железные дороги, заправочные и ремонтные станции автомобильных дорог, овцеводческие фермы. Без подземных вод жизнь в сухой степи Налларбор или на равнинах западного Квинсленда была бы совершенно невозможна. Бесспорно, эти неисчерпаемые подземные водохранилища принесли Австралии куда больше пользы, чем золотые россыпи Балларата и Калгурли...

Последние открытия

В начале 90-х годов XIX в. Западную Австралию охватила «золотая лихорадка».

Первое значительное золотonosное месторождение было обнаружено в 1873 г. близ Олбани, но истинный бум был вызван открытием золота во внутренних районах Западной Австралии. В 1885 г. открыто было месторождение Кимберли, в 1887 г. — месторождение Йилгрэн, на котором вырос город золотонискателей Саутерн-Кросс. Однако эти золотonosные залежи не шли ни в какое сравнение с богатым месторождением Кулгарди, открытым старателями Уильямом Фордом и Артуром Бейли в 1892 г.

Золотonosный район Кулгарди охватывал значительную территорию в южной части Западной Австралии. Сюда сперва из Саутерн-Кросса, а затем из Перта, Аделаиды, Мельбурна и Сиднея хлынула масса искателей наживы. К середине 1893 г. в

Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

поселке Калгурли насчитывалось уже свыше двух тысяч золотоискателей (5, т. IV, стр. 325). В том же 1893 г. к северо-западу от Кулгарди было открыто крупное месторождение Сиберна. Люди хлынули в эту пустынную местность, не позаботившись о запасах воды и провианта, и в результате многие из них умерли от жажды и голода.

Между 1893 и 1895 гг. к северу от Кулгарди открыты были богатые месторождения Ист-Мерчисон и Маунт-Маргарет.

«Золотая лихорадка» стихла лишь к концу 90-х годов; за десятилетие, с 1890 по 1900 г., в Западной Австралии добыто было свыше 300 тыс. кг золота. За это же время население Западной Австралии выросло почти в четыре раза (5, т. IX, стр. 256). Золотой бум вызвал «цепную реакцию»: одновременно с золотоискателями в Западную Австралию устремились сквоттеры и фермеры, и за те же десять лет площадь пахотных земель возросла с 70 до 201 тыс. акров.

Естественно, что золотая и земельная лихорадки повлекли за собой и новые рекогносцировки, и исследования во внутренних районах Западной Австралии. И если прежде исходным пунктом для путешествий в глубь страны был Перт, то теперь опорными базами могли уже явиться города Калгурли и Голден-Майл, расположенные в центре нового золотоносного района (Калгурли был соединен железнодорожной линией с Пертом в 1891—1892 гг.).

Штурм западноавстралийских пустынь возобновился в 1891 г., когда в Большую пустыню Виктория отправилась экспе-

диция Дэвида Линдсея. Линдсей от пункта, лежащего на линии трансавстралийского телеграфа на 26° ю. ш., направился на запад примерно по маршруту Форреста (1874 г.). У 128° в. д. он повернул на юго-запад, пересек в этом направлении Большую пустыню Виктория и от селения Калгурли направился на северо-запад к Индийскому океану. Таким образом Линдсей «соединил» маршруты Форреста (1874 г.) и Джайлса (1875 г.) и рассек «белое пятно» в самом центре Большой пустыни Виктория.

В 1896 г. топограф Лоренс Уэлс обследовал Большую Песчаную пустыню между 122° и 124° в. д. и 26° и 22° ю. ш. Уэлс шел с юга на север мимо источников Джоана-Спрингс к реке Фицрой, он потерял в пустыне двух своих сотрудников, тщетные поиски которых в северной части Большой Песчаной пустыни были предприняты в 1897 г. Г. Флетчером. Уэлс прошел через самую безводную часть Большой Песчаной пустыни. В 1896 г. С. Хьюббе пересек Южную и Западную Австралию на участке от Уднадатты до золотых приисков Маунт-Магнет и обследовал южные предгорья хребтов Масгрейв и Петерманна.

В том же 1896 г. Дэвид Карнеги прошел через Большую Песчаную пустыню почти параллельно маршруту Уэлса от селения Дойлс-Уэлл в золотоносном районе Ист-Мёрчисон к реке Стерт-Крик и возвратился, следуя несколько восточнее, через озеро Макдональд.

В самом начале XX в. путешествие по Австралии совершил русский ученый-естествоиспытатель и географ Александр Леонидович Яценко. Хотя новых открытий на пятом материке Яценко и не совершил и маршруты его путешествия проходили по обжитым областям Южной Австралии, Виктории, Нового Южного Уэльса и Квинсленда, но его этнографические и зоологические наблюдения, бесспорно, весьма интересны. Дневники А. Л. Яценко пролежали в рукописи свыше столетия и увидели свет лишь в 1958 г. (4).

А. Л. Яценко родился в 1868 г., окончил Петербургский университет и еще студентом участвовал в экспедициях в Среднюю Азию. В 90-х годах он с успехом занимался разработкой методики преподавания зоологии и географии и преподавал эти дисциплины в различных учебных заведениях.

Поездку в Австралию Яценко предпринял в 1903 г. на свой собственный счет в каникулярное время. Путешествие по Австралии он начал с города Фримантл, куда прибыл 2 июля 1903 г. Побывав в Перте, Яценко морем направился в Аделаиду и оттуда совершил экскурсию к низовьям Куперс-Крика к миссии Киллалпанина, расположенной к северо-востоку от станции Херголт-Спрингс. Здесь Яценко изучал быт аборигенов и вел различные зоологические наблюдения.

Возвратившись в Аделаиду, Яценко затем направился в Мельбурн, но не морем, а сперва вверх по Муррею и потом от

селения Милдсора по суше. Таким образом, в пределах провинции Виктория Ященко почти повторил маршрут Митчелла 1836 г. В конце августа 1903 г. Ященко прибыл в Мельбурн. Из Мельбурна он через Сидней отправился к Брисбену. Из Брисбена Ященко морем направился в порт Кэрнс в северной части Квинсленда. Возвратившись оттуда в Брисбен, он 7 октября покинул Австралию и отправился в Ванкувер.

Книга Ященко «Путешествие по Австралии» дает очень яркое представление об Австралии начала нашего века. Написана она вдумчивым наблюдателем; особенно интересны живые зарисовки ландшафта австралийской полупустыни со скудной растительностью и сухими реками. С большой теплотой и сочувствием Ященко, верный последователь Миклухо-Маклая, описал тяжелую жизнь южноавстралийских аборигенов.

Обширная этнографическая коллекция, собранная Ященко в Австралии, хранится в настоящее время в Этнографическом музее Академии наук СССР в Ленинграде.

В 1906—1908 гг. Альфред Кёнинг почти повторил маршруты Уэлса и Карнеги. Кёнинг не только путешествовал по пустыням Австралии, но и в меру своих возможностей стремился освоить их. С 1906 по 1929 г. он провел в пустынях западной половины Австралии огромную работу по устройству и оборудованию колодцев и каптажу источников. Он проложил через Большую Песчаную пустыню скотопрогонную дорогу, которая соединила пастбищные угодья района Кимберли с гаванями на берегу Индийского океана. В 1908—1909 гг. С. Уэстон обследовал очень плохо изученную область между Стерт-Крик и хребтами центральной Австралии и обнаружил там покрытые лесами и кустарниками земли с густой травой.

В 1926 г. Дональд Маккей приступил к серии исследований центральной Австралии, желая «убрать с карты «белое пятно» в юго-западном углу Северной Австралии и проверить координаты хребтов и гор, которые прежние путешественники видели только издали». Маккей обследовал местность между Уднадаттой и хребтом Петерманн и убедился, что для скотоводства этот район абсолютно непригоден.

Последние открытия в центральной Австралии совершили в 30-х годах XX в. Дональд Маккей и Сесил Мадиген. Маккей в ходе исследований, предпринятых в 1931, 1933, 1935 и 1937 гг., открыл озеро к северо-западу от хребта Макдоннелл, названное его именем. Мадиген в 1937 и 1939 гг. обследовал почти совершенно до него не изученную пустыню Симпсон на границе Квинсленда, Северной территории и Южной Австралии — безводную область, которая справедливо была названа мертвым сердцем Австралийского материка.

В настоящее время Австралия в целом изучена настолько обстоятельно, что «белых пятен» на ее территории уже нет.

Открытия во внутренних областях Тасмании

Тасмания — сравнительно небольшой остров, она вдвое меньше Северного острова Новой Зеландии, но ее внутренние области гористы и местами, особенно на юго-западе, труднодоступны. Поэтому период открытий в этих областях затянулся на много десятилетий.

В самом начале XIX в. в Тасмании основана была каторжная колония. Первая партия каторжников была доставлена сюда в 1803 г., а в 1804 г. в эстуарии реки Деруэнт возник город-тюрьма Хобарт. Одновременно на северном побережье было основано другое каторжное поселение — Порт-Далримпл, а спустя несколько лет южнее Порт-Далримпла, на берегу реки Теймар, заложен был третий каторжный лагерь — Лонсетон.

Условия, в которых оказались в Тасмании подневольные колонисты, были еще более тяжелыми, чем в Порт-Джексо́не. Приток свободных переселенцев начался лишь в 20-х годах XIX в., и в эти же годы весь остров стал ареной истребительных походов против тасманийских аборигенов. В 20-х годах XIX в. британские колонизаторы начали так называемую «черную войну» против тасманийцев. Это была серия истребительных походов против людей, о которых Кук за тридцать лет до появления на острове цивилизаторов из каторжной колонии говорил как о добрых, веселых и лишенных недоверчивости к чужеземцам созданиях.

Один англичанин, проживший в Тасмании сорок лет, в 1859 г. писал: «...охота за черными была любимым спортом колонистов. Выбирали день и приглашали соседей с их семьями на пикник... после обеда джентльмены брали ружья и собак и в сопровождении двух-трех слуг отправлялись в лес искать черных... Иногда им удавалось подстрелить женщину или одного-двух мужчин» (3, стр. 272—273). «Охота за черными» велась повсеместно, и уже к середине 30-х годов XIX в. большая часть тасманийцев была истреблена.

«28 декабря 1834 г., — пишет Элизе Реклю, — последние туземцы, преследуемые, как дикие звери, были захвачены на оконечности одного возвышенного мыса, и это событие праздновалось с триумфом. Счастливый охотник Робинсон получил в награду от правительства имение в 400 га и значительную сумму денег; кроме того, публичная подписка дала ему около двухсот тысяч франков. Пленных сначала переводили с островка на островок, а потом всех тасманийцев загнали в болотистую долину острова Флиндерс (а осталось их не более двухсот). Им давали съестные припасы и уроки катехизиса. В течение десяти лет более трех четвертей ссыльных вымерли». В итоге сорокалетней «черной войны» к 1861 г. в Тасмании осталось только восемнадцать аборигенов (в 1815 г. их было около пяти тысяч).

В 1876 г. умерла последняя тасманийка, Труганина, прозванная англичанами Лалла Рук.

По свидетельству английских официальных документов, остров был совершенно «очищен от туземцев, если не считать ничтожного количества европеизированных метисов англо-тасманийского происхождения» (3, стр. 274).

До 1817 г. внутренние области Тасмании оставались сплошным «белым пятном». Лишь в окрестностях Хобарта велись кое-какие экспедиционные работы. В 1804 г. берега эстуария реки Деруэнт обследовали ботаник Роберт Браун и минералог А. Хемфри. В 1807 г. лейтенант Томас Лейкок совершил переход из Порт-Далримпла в Хобарт, а в 1815—1816 гг. офицер Джеймс Келли обошел вокруг острова на шлюпке и положил на карту ряд бухт и мысов. Келли открыл на западном берегу Тасмании глубоко вдающийся в сушу залив Макуори и устье реки Гордон, впадающей в этот залив.

В 1817 г. новый губернатор Тасмании, Сорелл, приступил к поискам пригодных для овцеводства земель. С этой целью в глубь острова была послана экспедиция Джона Бомонта.

Бомонт поднялся по реке Деруэнт до большого озера Грейт-Лейк, лежащего в самом центре Тасмании, и открыл обширное плато, орошаемое северными притоками Деруэнта, реками Шеннон, Оуз и Ди. Бомонт дал весьма не лестную оценку обследованной им области и не обнаружил в ней пастбищных угодий.

В 20-х годах XIX в. известные исследователи Нового Южного Уэльса Джон Оксли и Джон Эванс обследовали западное побережье Тасмании и положили на карту залив Макуори. Одновременно капитан Джон Ролланд обследовал северо-западное побережье Тасмании и выявил там удобные для заселения земли. К этому времени обследован был тасманийский водораздельный хребет — цепи сравнительно невысоких (до 1200 м) гор в восточной части острова.

В 1824 г. участник экспедиции Оксли и Эванса Джеймс Хоббс отправился из Хобарта на шлюпке к южным берегам острова. Хобарт и его отряд — двенадцать каторжников — высадились у Южного мыса и попытались по суше пройти к Юго-Западному мысу; однако им не удалось пробиться через непроходимый скрэб, и, обогнув на шлюпке Юго-Западный мыс, они доплыли до залива Макуори, открыв в этой части острова хребет Агилар. В северной части западного побережья Хоббс открыл реку Паймен и затем, обогнув Тасманию с севера, возвратился в Хобарт.

В 1826 г. учреждена была земельная комиссия. Главная ее задача состояла в том, чтобы обеспечить землей вольных колонистов, число которых непрерывно возрастало, и для этой цели в различные места послано было несколько экспедиций. Изыска-

тели Александр Голди и Джозеф Фосси в конце 1826 г. открыли на крайнем северо-западе Тасмании полноводные реки Артур и Дак. В 1827 г. Генри Хейллер поднялся по реке Артур до ее истоков и обследовал к востоку от этой реки горный хребет с вершиной Барн-Блафф (1559 м). Хейллер вдоль северного берега прошел к селению Лонсетон на реке Теймар и открыл плодородную равнину Мидлсекс.

В 1828—1829 гг. Хейллер и Фосси совершили путешествие в бассейн реки Паймен, открыли в средней его части хребты Блок и Чартер и положили на карту реки Макинтош и Мерчисон, верхние притоки реки Паймен. Таким образом эти исследователи проникли в один из наиболее гористых районов острова.

В 1826 г. Йорген Йоргенсон поднялся по северным притокам реки Деруэнт до центрального плато, открыл озеро Сент-Клэр к западу от Грейт-Лейк и далее проследовал на северо-запад к северному побережью острова.

В 1821 г. в Тасмании была организована топографическая служба, и пять лет спустя ее начальник Томас Скорт составил «Военную карту Тасмании».

В 1832 г. Уильям Шарленд предпринял основательное обследование центрального нагорья. Работы эти были продолжены Джорджем Франклендом, который в 1835 г. установил, что река Деруэнт берет начало в озере Сент-Клэр. В юго-западной части острова он положил на карту реку Гордон, устьевой участок которой открыт был в 1815 г., и открыл хребет Франкленд.

В 1837 г. губернатором Тасмании назначен был прославленный полярный исследователь Джон Франклин, который оставался на этом посту до 1843 г. При нем были проведены обширные исследования во внутренних областях острова и в прибрежных районах. В этих исследованиях принял участие Павел Стшелецкий, который с 1840 по 1842 г. жил и работал в Тасмании.

Фактически к 1843 г. период открытий в Тасмании был в основном завершен. В конце 40-х годов под руководством начальника топографической службы Джемса Спректа начались работы по сплошной крупномасштабной съемке территории острова, а в 60-х годах детальное геологическое обследование Тасмании предпринял геолог Чарлз Гулд. К северу от залива Макуори он открыл высокий хребет с пиками Маунт-Лайселл, Седжвик и Джакс и межгорную долину Линда. В 70-х годах на юго-западе и на западе острова были открыты крупные месторождения олова (в верховьях реки Артур), золота и редких металлов (в горах западного побережья).

Последнее географическое открытие в Тасмании совершено было путешественником Томасом Муром в 1878 г., который положил на карту до той поры неведомое горное озеро Маргарет в западной Тасмании.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОТКРЫТИЯ ПОСЛЕ ОТКРЫТИЙ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТИХОГО ОКЕАНА

Начало больших исследований

Представьте себе, говорил лет пятнадцать назад один американский геолог, что земная суша изучалась бы такими же способами, как океанское дно. В этом случае летчики, курсируя в небе над сплошной облачной пеленой, время от времени опускали бы лот на невидимую поверхность материков, а затем по этим редким и случайным отсчетам «глубин» географы нанесли бы на карту горы и низменности. Несомненно, такие методы съемки привели бы к чудовищным последствиям. Через редкую сеть замеров «земных глубин» свободно могли ускользнуть такие «детали» рельефа нашей планеты, как Альпы и Кавказ.

Однако именно таким способом до 30-х годов нынешнего столетия изучалось дно океанов. Лот — свинцовый груз, закрепленный на длинном тросе, был единственным прибором, которым прощупывалось дно, и, чем глубже оно было, тем мучительнее становилась работа гидрографа и океанолога. До середины XIX в. лотом удавалось промерить лишь участки морского мелководья. «Потолок» или, точнее, «пол» лота во времена Кука и Дюмон-Дюрвиля не превышал 500, от силы 1000 морских саженей. Правда, предпринимались попытки измерить лотом и большие глубины, но в этих случаях моряки обычно попадали впросак. Очень трудно было уловить тот момент, когда груз касался дна: трос сматывался с барабана лебедки и после того, как лот ложился на дно. Не мудрено, что американцы Денхем и Паркер «открыли» глубины 14 и даже 15 тыс. м! Однако в 1854 г. американец Брукс усовершенствовал лот, а в 1870 г. знаменитый английский физик Уильям Томсон (впоследствии лорд Кельвин) заменил толстые тросы стальными фортепьянными струнами высокой прочности; лотом и лебедкой новой конструкции (также усовершенствован-

ной У. Томсоном) моряки стали пользоваться для измерения больших глубин, хотя на каждый замер приходилось тратить бездну времени и нервов. Э. Х. Ленц еще в 20-х годах усовершенствовал батометр — прибор для взятия проб воды на разных глубинах, но техника исследования океанических вод на большой глубине в XIX и начале XX в. была еще крайне несовершенна. Тем не менее во второй половине XIX в. начался штурм океанов и морей, и океанологи повсюду, и в частности в Тихом океане, стали совершать выдающиеся открытия.

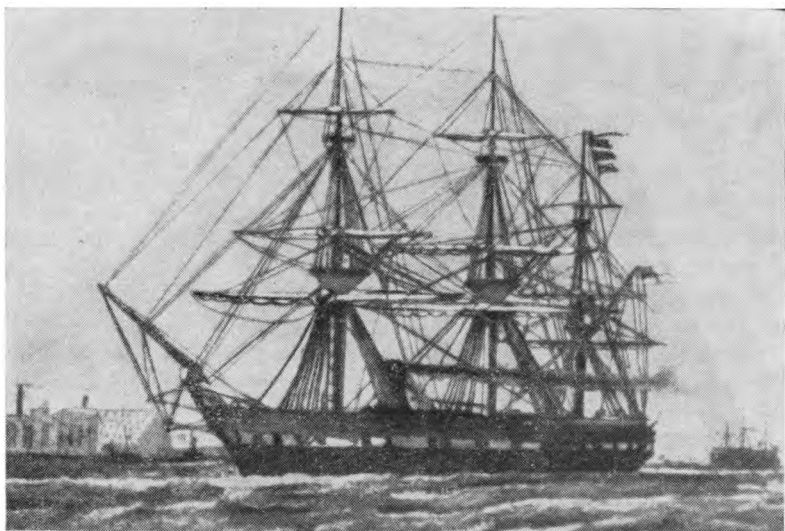
К этому времени, главным образом благодаря исследованиям, проведенным экспедициями Кука, Коцебу, Головнина, Беллинсгаузена и Лазарева, Литке, Фрейсине, Дюперре, Дюмон-Дюрвиля и Уилкса, удалось нанести на карты главные поверхностные течения Тихого океана. Были собраны ценные данные о температуре и солености верхней толщи тихоокеанских вод. Удалось промерить глубины в прибрежных водах многих островов Океании, положено было начало изучению фауны и флоры морских вод.

«Наутилус», идеальное судно для глубинных океанологических исследований, чудо-корабль таинственного капитана Немо, к сожалению, был лишь порождением пламенной фантазии Жюль Верна. В реальных же земных морях океанологам приходилось работать на судах, которые по конструкции своей не слишком отличались от куковского «Индевра» и лаперузовской «Астролябии».

А между тем в третьей четверти XIX в. была поставлена ответственная задача — выяснить рельеф тихоокеанского дна, изучить глубинные воды, составить представление об их режиме, температуре, плотности и об их «биологическом содержимом».

Первая специальная океанографическая экспедиция была снаряжена в Австрии, стране, которая отнюдь не пользовалась репутацией владычицы морей. Австрийский корабль «Новара» в 1857—1860 гг. совершил кругосветное плавание под командой капитана Вюллерсторфа-Урбера. Научной частью экспедиции руководил венский геолог Фердинанд Хохштеттер. Обойдя мыс Доброй Надежды, «Новара» пересекла Индийский океан, вышла к островам Малайского архипелага, посетила китайские моря и затем вокруг Австралии направилась к Новой Зеландии. Через Океанию экспедиция возвратилась в Европу в обход мыса Горн.

Океанографическое оборудование «Новары» было крайне несовершенным, и поэтому значительный вклад в изучение Тихого океана экспедиция внести не могла. Наибольших успехов экспедиция достигла не на море, а на суше. Очерк геологического строения Новой Зеландии, данный Хохштеттером, считается классической работой, и на него неизменно ссылаются все современные исследователи этого острова.

Британское экспедиционное судно «Челленджер I»

Крутой перелом в океанологических исследованиях произошел в 70-х годах XIX в. Три экспедиции (английская на корабле «Челленджер», американская на «Тускароре» и германская на «Газелле») посетили в эти годы Тихий океан и совершили ряд выдающихся открытий. Наибольшее значение имела английская экспедиция на «Челленджере».

«Челленджер» — парусно-паровой военный корабль (корвет) водоизмещением 2300 т — был снабжен паровым двигателем мощностью 1200 л. с. и отлично оборудован наилучшими приборами для океанографических исследований; на нем была паровая лебедка мощностью 18 л. с. Во главе этой экспедиции стоял мореплаватель Джордж Нэрс, участник ряда плаваний в арктические моря; научными работами ведали натуралисты Уайвилл Томсон (умерший в 1882 г. на начальном этапе работ над материалами экспедиции) и Джон Меррей. В обработке коллекций «Челленджера» принимали участие выдающийся немецкий зоолог Эрнст Геккель и геолог А. Ренар.

7 декабря 1872 г. «Челленджер» вышел из устья Темзы и пробыл в плавании до 26 мая 1876 г. Почти весь 1873 г. посвящен был обследованию северной и южной половин Атлантического океана. В конце 1873 г. «Челленджер» от Кейптауна в высоких широтах прошел к Мельбурну и оттуда в начале 1874 г. через Бассов пролив проследовал в Океанию. Пройдя через пролив Кука (между Северным и Южным островами Новой

Зеландии), он направился по маршруту: острова Кермадек — Тонга — Фиджи — Коралловое море — Торресов пролив — Молуккские острова — Филиппины — Южно-Китайское море. В 1875 г. от Гонконга «Челленджер» вдоль берегов Филиппин прошел к островам Адмиралтейства, а оттуда двинулся прямо на север, через Каролинский архипелаг в Йоконгаму. «Челленджер» прошел на восток до 150° з. д., а затем повернул к югу, зашел на Гавайские острова и от Гавайев через Таити и архипелаг Тубуаи пересек океан в интервале между 20° с. ш. и 40° ю. ш.; у 40° ю. ш. и 135° з. д. «Челленджер» круто повернул на восток и пошел к Вальпараисо. В январе 1876 г. корабль через Магелланов пролив вышел в Атлантический океан. Всего было пройдено 68 900 морских миль — расстояние, более чем втрое превышающее длину земного экватора.

Наблюдения были проведены на трехстах шестидесяти двух станциях. В пятидесяти пунктах Тихого океана с «Челленджера» были замерены глубины, превышающие 2000 морских саженей (3600 м). «Челленджер» нащупал глубочайший на земном шаре желоб между Каролинскими и Марианскими островами — 4475 морских саженей (8145 м) (в 1957 г. океанографы «Витязя» обнаружили здесь глубины свыше 11 000 м).

Со дна Мирового океана было взято тысяча двести проб осадков. Челленджеровцы собрали богатейшие коллекции морских животных, обитающих не только в поверхностных водах, но и на различных глубинах. Обработка материалов, собранных в этом плавании, продолжалась около двадцати лет силами семидесяти шести ученых; итогам плавания посвящена серия специальных трудов, состоящая из пятидесяти двух томов. В Эдинбурге было воздвигнуто особое хранилище-музей (Челленджер-оффис) для материалов экспедиции.

В результате работ экспедиции на «Челленджере» было установлено:

1. Дно Мирового океана (и, следовательно, Тихого океана) весьма неровно. Участки поднятий чередуются со впадинами различной глубины и различного протяжения.

2. Вдали от берегов, в глубоких частях дна океана сложено красными тонкоотмученными глинами и органогенными илами, состоящими из мельчайших скелетных обломков радиолярий, глобигерин и птеропод.

3. На глубине более 150—200 м температура океанских вод не зависит от сезонных колебаний в земной атмосфере и оказывается более или менее постоянной в любых частях Мирового океана.

4. Помимо поверхностных течений существуют еще и глубинные течения. Признаки таких течений удалось обнаружить на глубине от 350 до 550 м.

5. Поверхностные свободноплавающие (планктонные) и при-

крепленные (бентальные) морские организмы обитают на глубинах до 100—180 м. Глубже начинается царство животных, приспособленных к жизни в темноте и к колоссальным давлениям.

Кроме того, экспедиция уточнила карту морских течений и магнитных склонений и изучила физические (плотность, температуру, прозрачность) и химические (соленость) свойства воды в различных частях Мирового океана. Были исследованы коралловые острова, открыто множество новых видов морской фауны и флоры. Глубже тысячи метров описано и открыто более тысячи пятисот видов животных.

В 1873—1876 гг. в связи с изысканиями по проектируемой трассе подводного кабеля Сан-Франциско — Йокогама в северную часть Тихого океана было послано океанографическое судно американского флота «Тускарора» под командой капитана Джорджа Белкнепа. Сперва «Тускарора» прошла вдоль Алеутской и Курильской гряд (к востоку от Курильских островов и японской островной гряды была открыта впадина с глубинами свыше 8000 м), затем в средних широтах пересекла Тихий океан.

На «Тускароре» удалось провести больше промеров глубин, чем на «Челленджере», но программа американской экспедиции была куда уже, и итоги ее оказались менее значительными. Важнейшим результатом экспедиции было появление на карте глубоководной впадины Тускарора в северо-западной части Тихого океана.

Обширные исследования в Тихом океане провела в 1875—1876 гг. германская экспедиция Георга Шлейница на корвете «Газелле». Шлейниц в 1874 г. прошел от берегов Германии к мысу Доброй Надежды и далее к Малайскому архипелагу и к северным берегам Новой Гвинеи. В 1875 г. он провел гидрографическую съемку на островах архипелага Бисмарка и у Соломоновых островов, а затем через Коралловое море последовал к Новой Зеландии и островам Фиджи и Самоа. В начале 1876 г. «Газелле» совершила переход через Тихий океан от Самоа к Магелланову проливу, и на заключительном этапе плавания были проведены основательные океанографические работы в центральной части Атлантики. Экспедиция Шлейница собрала обширные материалы по Новогвинейскому, Коралловому и Тасманову морям и юго-восточной части Тихого океана.

В эти же годы очень интересные океанографические исследования были проведены русскими моряками в северо-западной части Тихого океана.

«... Немногие знают, — пишет участник многих походов советского исследовательского судна «Витязь» геолог Г. Б. Удинцев, — что одним из первых исследователей больших глубин в Тихом океане был русский моряк К. С. Старицкий, осуществив-

ший в период с 1865 по 1871 г. первые, хотя и немногочисленные, измерения глубин с помощью глубоководного лота в дальневосточных морях и северо-западной части Тихого океана на корветах «Аскольд» и «Варяг». Работы Старицкого были продолжены его учеником и помощником Онанцевичем. Интересно отметить, что внимание русских ученых к изучению глубин Тихого океана уже в этот период было настолько серьезным, что именно русскому академику М. А. Рыкачеву принадлежит первое обобщение результатов работ экспедиций на «Челленджере», «Тускароре» и «Газелле». На основании этих данных М. А. Рыкачев составил в 1881 г. одну из первых карт глубин Мирового океана и показал на ней важнейшие особенности рельефа дна Тихого океана» (28, стр. 61).

Адмирал С. О. Макаров

Особое место в исследовании Тихого океана занимает экспедиция замечательного русского мореплавателя Степана Осиповича Макарова на корвете «Витязь». Кругосветное плавание на «Витязе» — судне, специально приспособленном для океанографических исследований, осуществлено было в 1886—1889 гг. Программа исследований предусматривала наблюдение за температурой воды и ее плотностью на различных глубинах (в основном до 400 м) и скоростью течений. Экспедиция провела исследования на двести шестьдесят одной станции.

В Тихом океане С. О. Макаров очень детально обследовал воды Японского, Охотского и Восточно-Китайского морей. В изучение северной половины Тихого океана (а географически к ней относится и часть Океании) С. О. Макаров внес большой вклад. Он дал общую картину круговорота вод в этом огромном бассейне. Серия карт, составленных С. О. Макаровым, позволила дать наглядное представление о температурном режиме и удельном весе поверхностных вод северной части Тихого океана.

В 1895—1896 гг. в Западной Океании новые большие глубины были открыты экспедицией на английском военно-гидрографическом судне «Пенгуин». К востоку от островов Кермадек эта экспедиция обнаружила глубочайшую впадину южной Пацифики — желоб Кермадек — глубиной 5155 морских саже-

ней (9390 м) (в 1958 г. экспедиция на «Витязе» выявила здесь глубины свыше 10 тыс. м).

Американская экспедиция, которая на корабле «Нерон» в 1899 г. вела изыскания под линию транстихоокеанского телеграфа, в Марианском желобе выявила впадину глубиной 9420 м, а спустя тринадцать лет этот «рекорд» был побит экспедицией на германском корабле «Планета», которая обнаружила глубину 9800 м близ берегов острова Минданао. На «Планете» и на другом германском корабле — «Эди Стефан» были проведены обширные океанографические и геологические наблюдения, результаты которых опубликовал немецкий геолог К. Андре.

С 1888 по 1920 г. в Тихом океане крейсировал специальный корабль американской комиссии по рыболовству «Альбатрос». В 1899—1900 и 1904—1905 гг. руководителем научных работ на «Альбатросе» был выдающийся американский натуралист, швейцарец родом, Александр Агассиз. Он провел исследования донных осадков и фауны в различных частях Тихого океана.

Несмотря на значительные успехи в изучении Тихого океана, достигнутые до первой мировой войны, рельеф его дна был изучен куда хуже обращенного к Земле лунного полушария. Довольно отчетливо, правда, обозначались на карте глубокие впадины вдоль внешнего края островных вулканических дуг, окаймляющих берега Восточной Азии, были открыты глубокие депрессии к северу от Новой Зеландии и в центральной Пацифике, но большая часть тихоокеанского дна все еще оставалась неисследованной, и также были не исследованы глубинные воды. Несовершенная техника драгирования не позволяла проникнуть в океанские бездны.

Существенные сдвиги в океанологических исследованиях наметились лишь после первой мировой войны. Прогресс в этих исследованиях был вызван новыми методами зондирования дна. В ходе первой мировой войны появились усовершенствованные эхолоты (приборы для определения глубин), конструкция которых в последующие годы непрерывно улучшалась. Уже в конце 20-х годов нынешнего века широкое применение получили эхолоты с самописцами — приборы, ведущие непрерывную запись глубин. Таким образом, океанографы стали получать вместо «точечных» промеров сплошные профили тех участков дна, над которыми шло судно. Работа ускориалась во много раз. Ведь на «Челленджере» или «Тускароре», чтобы измерить лотом Брукса глубину порядка 4—5 тыс. м, приходилось часами вертеть ворот лебедки. Теперь звуковой сигнал доходил до дна и, отражаясь от него, поступал на корабль за несколько секунд.

В 1925—1928 гг. эхолоты применили немецкие океанологи на специальном судне «Метеор». Преимущество эхолота наглядно было проиллюстрировано в ходе этой экспедиции. Если в 1874—1876 гг. на «Челленджере» удалось сделать только

триста шестьдесят два промера дна, то за то же время на «Метеоре» выполнено шестьдесят семь тысяч зондировок эхолотом.

В 1927 г. в Тихом океане промеры глубин вела немецкая экспедиция на корабле «Эмден». «Эмден» прощупал глубоководные желоба у Филиппинских и Марианских островов.

В 1928—1929 гг. океанолог Р. Флемминг и геолог П. Д. Траск на корабле «Карнеги» Американского нефтяного института предприняли сбор донных проб в различных морях, и в частности в Тихом океане; попутно они измеряли глубины по профилям («Карнеги» в ноябре 1929 г. сгорел). Полученные в ходе этой экспедиции очень интересные данные о красных глинах, залегающих на дне глубоких впадин, спустя несколько лет были опубликованы молодым американским ученым Роджером Ревеллом, который в 50-х годах стал одним из ведущих исследователей Тихого океана.

С 1923 по 1938 г. с японских кораблей «Синтоку-Мару», «Менсю», «Киото», «Иеддо» были засняты обширные участки дна в западной и центральной частях Тихого океана.

Данные всех океанологических экспедиций 20-х и 30-х годов «настолько расширили представления о рельефе дна Тихого океана, что дали возможность составить первые детальные батиметрические карты, на которых расплывчатые контуры форм подводного рельефа стали постепенно сменяться сложной картиной расчлененной поверхности дна» (28, стр. 62).

Появились обзорные карты дна Тихого океана. С 1922 по 1938 г. американская гидрографическая служба составила три такие карты, а японцы на свои карты положили ряд участков тихоокеанского дна в западной, северо-западной и центральной частях Тихого океана.

Очень важные работы провели в 30-х годах нынешнего столетия англичане на корабле «Дискавери II» в южных частях Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Корабль «Дискавери II», снаряженный в 1929 г., совершил за десять лет тринадцать плаваний под руководством океанологов и геофизиков Д. Дикона, Н. Макинтоша и Х. Хердмана. В водах Тихого океана «Дискавери II» выполнил множество часто пересекающихся промерных галсов. Были собраны также многочисленные данные по солености и температуре поверхностных и глубинных вод.

Большие открытия последних лет

Вторая мировая война вызвала капитальные изменения в технике подводных исследований. Потребности ведения боевых операций на воде и под водой, операций беспрецедентного размаха, определили и бурный темп развития средств опознавания

на дальней дистанции кораблей противника и методов зондирования морского дна.

Сперва в навигации и в морской разведке, а затем в океанологических исследованиях нашли применение радиоакустические методы (радар, софар, шоран). Накануне войны и в военные годы появились новые типы драг, новые приборы для взятия длинных колонок грунта, новые конструкции дночерпателей, измерителей скорости течений, приборов для подводной фотосъемки. Были сконструированы фотокамеры с автоматическими затворами и автоматическими приспособлениями для перемотки пленок. Все эти приборы были приняты на вооружение океанологами, и в послевоенные годы на базе новой техники исследования морей и океанов стали проводиться в больших масштабах и в очень быстром темпе.

В Тихом океане за последние двадцать лет было проведено во много раз больше исследований, чем за весь XIX в. и четыре первых десятилетия XX в.

В 1947—1948 гг. в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах работала шведская экспедиция на корабле «Альбатрос» во главе с видным шведским океанологом Гансом Петтерсеном (39, 40). Шведы собрали столь обильную «жатву» в этих трех океанах, что до сих пор, спустя семнадцать лет, еще не завершили обработки собранных в плавании материалов.

В самом ходе исследований им удалось совершить ряд важных научных открытий. Доказано было, что жизнь существует на глубине 7600 м (вскоре советские океанологи понизили эту границу до 8000 м, а ныне установлено, что жизнь есть и на глубине 11 000 м). Выяснилось, что на дне Тихого океана миллиметровый слой глубоководных красных глин образуется за тысячу лет и что в глубоководных желобах дно нарастает в сто раз медленнее, чем в Средиземном море. Была измерена радиоактивность океанических вод различных глубин и содержание радиоактивных элементов в донных осадках. Было установлено, что у самого дна повсеместно циркулируют течения.

Оказалось, что на средних глубинах дно океана неровно и бугристо, на нем множество западин и рытвин.

В 1951—1952 гг. кругосветное плавание совершила датская океанологическая экспедиция на судне «Галатhea». Корабль этот был одним из ветеранов британского военного-морского флота, и датчане перестроили и переоборудовали его капитальным образом. Возглавил экспедицию виднейший датский зоолог Антон Бруун, и в ее состав вошли ученые из различных стран мира: шведы и американцы, тайландцы и филиппинцы, южноафриканцы и англичане. «Галатhea» была снаряжена для исследований самых глубоких областей Мирового океана, причем главная задача экспедиции состояла в изучении биологии морских глубин.

Тихий океан «Галатея» прошла по маршруту: Новая Гвинея — Соломоновы острова — восточный берег Австралии — Тасмания — Новая Зеландия — острова Окленд — Тонга — Самоа — Гавайи — Калифорния — Мексика — Панама.

«Галатея» обследовала глубокие тихоокеанские депрессии — желобы Кермадек, Тонга и Филиппинский. Установлено было, что эти впадины представляют собой гигантские ступенчатые ущелья с очень узкой донной частью. В Филиппинском желобе в июле 1951 г. был опущен трал на глубину 10 189 м, и в этой впадине удалось поймать сто восемь животных — моллюсков, голотурий, актиний. Это было выдающееся открытие. Бруун и его коллеги подтвердили совершенное в 1949 г. советскими исследователями открытие ультраабиссальной фауны на глубине свыше 8 км (см. стр. 351) (34). Там же была взята проба грунта, и в донных отложениях зоологи нашли множество барофильных бактерий, живущих лишь при высоких давлениях.

Одновременно в 1950—1952 гг. Атлантический, Тихий, Индийский океаны обошло британское судно «Челленджер», но не знаменитый парусный «Челленджер», который в 70-х годах прошлого века открыл новую эпоху в океанологии, а паровое судно водоизмещением 1200 т, построенное в 1929 г. и уже зарекомендовавшее себя в плаваниях в водах Гренландии, Лабрадора и тропических морей Азии. «Челленджер II» был оборудован по последнему слову техники. Но на новом «Челленджере» «научная» часть в отличие от старого «Челленджера», «Альбатроса» и «Галатеи» состояла лишь из трех человек. Командиром корабля был капитан Г. Ричи.

Геолог Т. Гэскелл, участник этой экспедиции, сравнивая «Челленджер I» и «Челленджер II», писал: «...старый «Челленджер» XIX в. водоизмещением 2 тыс. т был гораздо больше, чем наше судно, и его лабораторные помещения были куда роскошнее... тем не менее за время нашего плавания было выполнено свыше 6500 измерений глубин, в то время как на старом «Челленджере» — лишь 250» (7).

В Тихом океане «Челленджер II» плавал по маршруту: Панама — Ванкувер — Гавайи — северо-западная часть Тихого океана — Япония — Соломоновы острова — Новая Каледония — Новая Зеландия — Фиджи — Гуам — Япония — Гонконг — Сингапур. Таким образом, «Челленджер II» обошел Тихий океан как раз в тех частях, где в дно врезаны глубочайшие желобы: Алеутский, Японский, Марианский, Тонга и Кермадек.

В Марианском желобе экспедиция открыла глубину 10 863 м. В 1957 г. в этих же местах «Витязь» обнаружил рекордную глубину 11 022 м; результаты обеих экспедиций — английской и советской — показывают, что к югу от острова Гуам, между Марианскими и Каролинскими островами, располагаются глубочайшие на земном шаре участки океанического дна.

В итоге исследований мощности донных отложений (исследования эти велись сейсмическими методами) было установлено, что под океанами земная кора имеет значительно меньшую толщину, чем под континентами. По данным Гэскелла, земная кора под Тихим океаном имеет мощность 10—12 км (ныне известны участки, где ее мощность не более 5 км), тогда как в Юго-Восточной Азии толщина ее доходит до 35—40 км. По материалам эхолотирования удалось выявить многочисленные подводные горы, возвышающиеся над дном на 2—3 тыс. м. В ряде случаев такие горы всего лишь на 30—50 м не достигают поверхности океана.

Сейсмические исследования атоллов подтвердили теорию Дарвина о коралловых сооружениях как надстройках, венчающих медленно опускающиеся вулканические конусы.

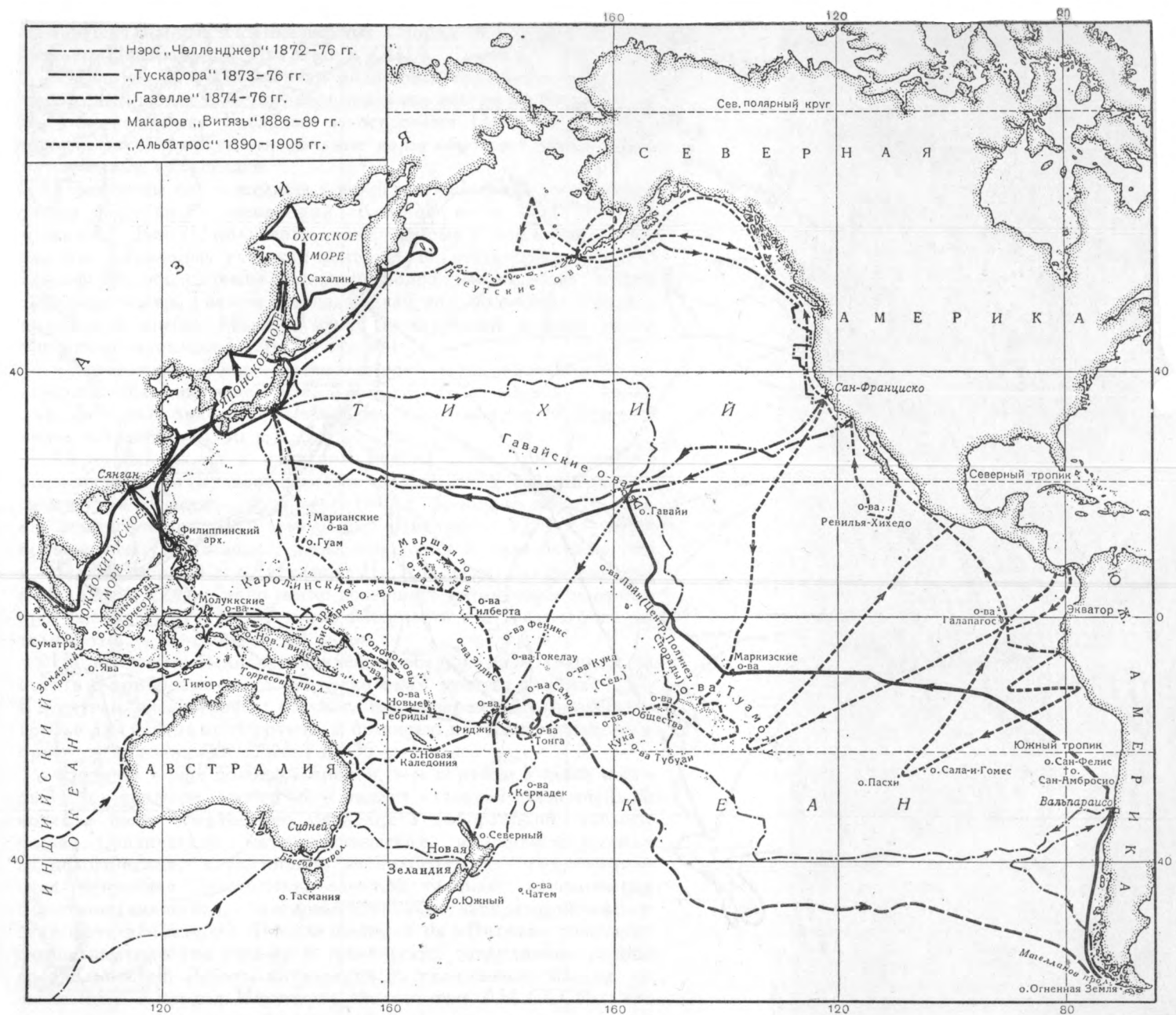
В США сразу же после второй мировой войны начались интенсивные исследования в Тихом океане. Специальными океанологическими исследованиями занялись крупные научно-исследовательские центры: Скриппсовский океанографический институт (Ла-Холья, Калифорния), Океанографический институт в Вудсхолле (Массачусетс), Ламонтская геологическая обсерватория Колумбийского университета, Лаборатория морской электроники флота США и береговая и геодезическая службы США.

Выдвинулась группа ученых-океанологов во главе с Р. Ревеллом, Ф. Шепардом, Р. Флемингом и Г. В. Менардом (Скриппсовский институт), М. Юингом и Х. Хизеном (Ламонтская обсерватория), Р. Дитцем и Е. Гамильтоном (Лаборатория электроники).

В Тихом океане основные работы вел и ведет Скриппсовский институт, сотрудники которого в 1950 г. приступили к сбору новых данных для составления детальной карты тихоокеанского дна. В Тихом океане исследовательские центры располагают значительным флотом. Океанографические суда совершают из года в год множество рейсов в разных частях Тихого океана, поэтому в американской практике, особенно в исследованиях Скриппсовского института, экспедиции называются не по кораблям, а имеют единовременные девизы.

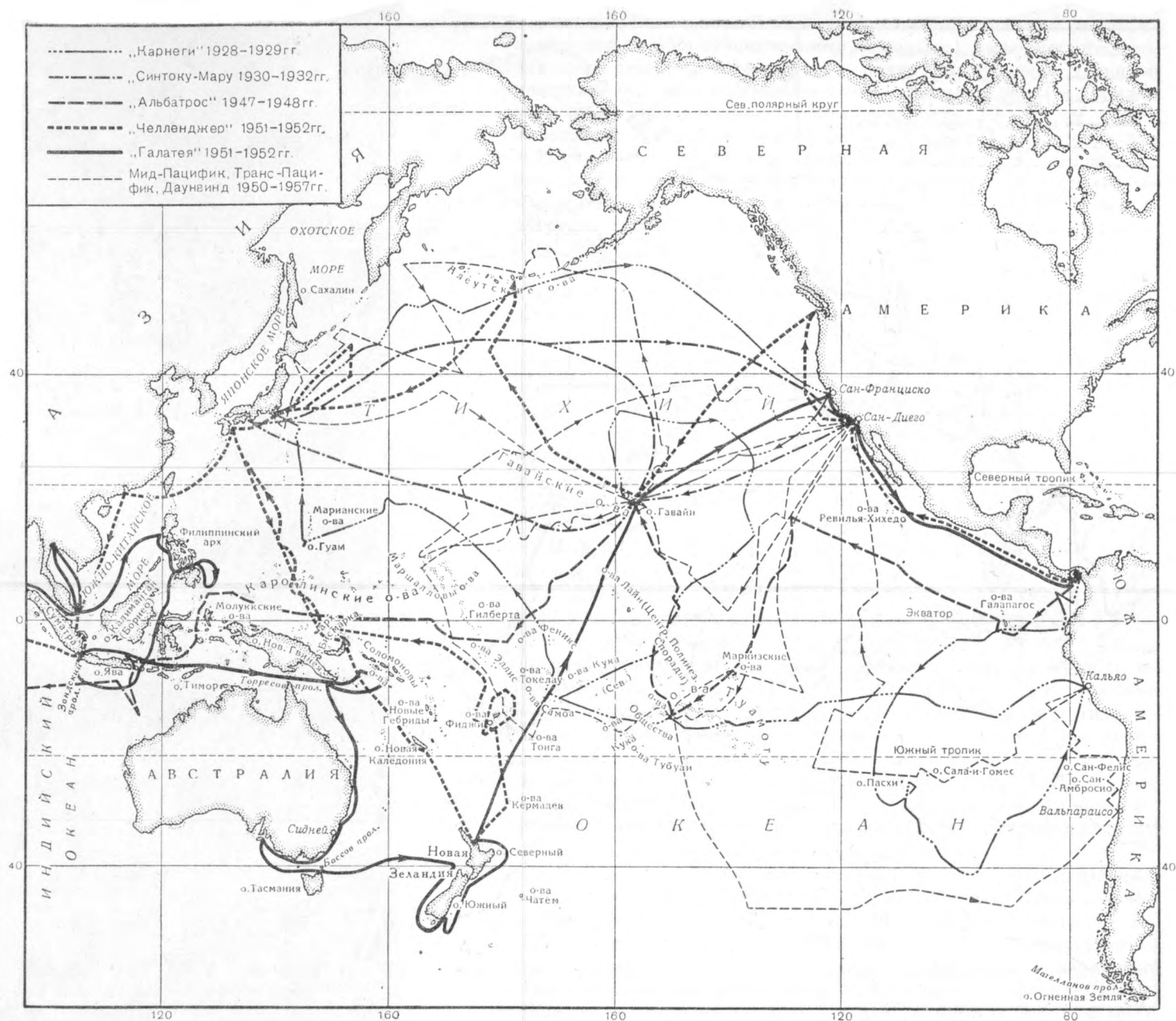
Так, на судах Скриппсовского института экспедиционные обследования, предпринятые в центральной части Тихого океана в 1950 г., проходили под девизом Мидпацифик, работы 1952—1953 гг. в южной экваториальной области осуществлялись экспедицией с девизом Каприкорн, а исследования по периферии Тихого океана, проведенные в 1953 г., носили название Транспацифик. Суда этого института к 1957 г. прошли 300 тыс. миль, зондируя дно эхолотами.

Американцы открыли серию глубоких подводных каньонов у западных берегов Северной Америки и грандиозные разломы,

Маршруты важнейших океанографических экспедиций конца XIX в. — начала XX в.

Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

Маршруты важнейших океанологических экспедиций первой половины XX в.
Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г.

которые секут дно океана на участке между островными гирляндами Центральных Полинезийских Спорад и Гавайев и побережьем Центральной Америки и США.

Обнаружены были десятки подводных гор; оказалось, что в некоторых частях океана, например в его северо-восточном углу, на участке между Гавайями и островами Палау и в районе южных островов Кука, подводные горы образуют грандиозные затопленные архипелаги.

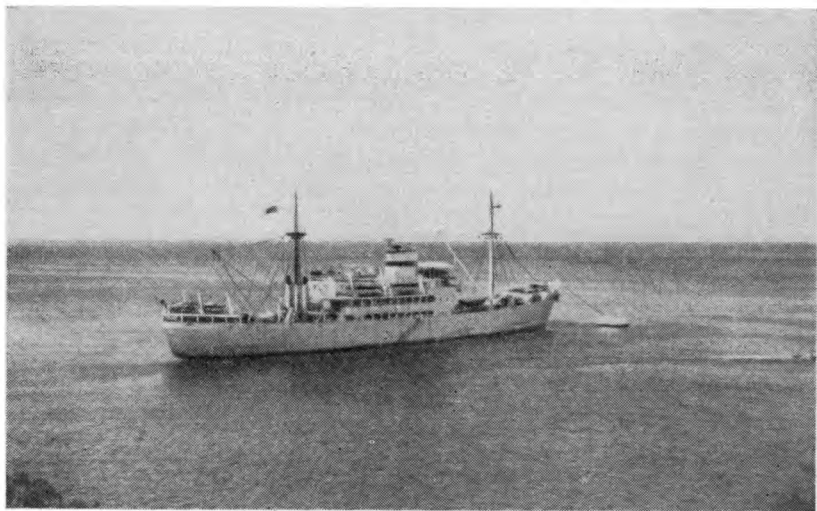
Промерены были желобы южной части Океании (очень интересны были итоги экспедиции «Каприкорн» в 1952—1953 гг. в желобе Тонга), получены новые данные о мощности земной коры на различных участках центральной, восточной и западной Пацифики, обследованы большие подводные хребты в центральной части Тихого океана (Гавайская подводная гряда и подводный хребет Маркус-Некер, выявленный в ходе многочисленных промеров) (20, 33, 36, 37).

Одновременно велись океанологические исследования на новозеландских, австралийских, французских и японских кораблях. Большое значение имела новозеландская экспедиция на судне «Лахлан» (1956 г.).

Огромный вклад в изучение Тихого океана был внесен в послевоенные годы экспедициями на советском океанографическом судне «Витязь», которое с 1949 г. бороздит моря и океаны земного шара. Водоизмещение «Витязя» — 5710 т — вдвое больше, чем у «Метеора», в два с половиной раза больше, чем у «Челленджера I» и «Дискавери II», и в десять раз больше, чем у «Карнеги» (24). Судно могло совершать автономные плавания протяженностью в 18 500 миль. Мощность его главного двигателя 3 тыс. л. с., скорость 14 узлов.

На «Витязе» были установлены лебедки, позволяющие работать с приборами весом до нескольких тонн на глубине 15 км. К услугам океанографов были самые совершенные приборы и трубки для взятия проб грунта, с помощью которых можно было брать со дна колонки длиной до 35 м.

«Витязь» с еще большим правом, чем корабли Уилкса и старый «Челленджер», может быть назван плавучей академией. На корабле было оборудовано пятнадцать лабораторий: геологическая, физическая, метеорологическая, микробиологическая, гидрологическая, планктонная, ихтиологическая, гидрохимическая, бентосная, изотопная, морской техники, акустическая, электромеханическая, экспериментальная лаборатория-мастерская, фотолaborатория. В исследованиях на «Витязе» участвуют свыше шестидесяти ученых и технических сотрудников разных специальностей. Работы витязевцев на протяжении многих лет печатаются в трудах Института океанологии АН СССР и выпуски этих трудов представляют собой сборники, целиком посвященные исследованиям «Витязя» и в Тихом океане (5, 12, 13).

«Витязь»

В 1949 г. экспедиция на «Витязе» под руководством Л. А. Зенкевича открыла в Курило-Камчатском желобе на глубинах свыше 8 км животных, относящихся к разным типам.

С 1949 по 1959 г. «Витязь» прошел 220 тыс. миль, из них около 200 тыс. миль с эхолотными промерами. За эти десять лет были выполнены тысячи глубоководных станций, причем сто станций пришлось на глубины свыше 6000 м.

До 1953 г. «Витязь» плавал в северо-западной части Тихого океана, в водах Японского, Охотского и Берингова морей и вдоль внешнего края Курильской островной гряды. Затем он перешел в центральную и южную части Тихого океана и в Индийский океан.

С 1956 г. всесторонние исследования в водах тихоокеанского сектора Антарктики начали проводить советские антарктические экспедиции на дизель-электроходе «Обь».

Океанологические исследования Международного геофизического года (1957—1959 гг.)

Большие успехи были достигнуты в океанологических исследованиях в ходе выполнения обширной программы Международного геофизического года (МГГ). В Тихом океане в соответствии с этой программой согласованные наблюдения вели австралийские, индонезийские, новозеландские, канадские, советские, американские, французские и японские экспедиции.

В южной части Тихого океана и в тихоокеанском секторе Антарктики в 1957—1959 гг. работали австралийские, новозеландские, советские и американские экспедиции.

Австралийцы на кораблях «Куинборо», «Куикматч», «Уаррего», «Дервент-Хантер», «Киста Дан» и «Тала Дан» вели исследования в юго-западной части Тихого океана и в Тасмановом море.

Новозеландские корабли «Индевр», «Пукаки», «Брау» и «Каньер» курсировали между Новой Зеландией и Антарктидой.

Советское судно «Обь» проводило обширные исследования (под руководством В. Г. Корта) в тихоокеанском секторе Антарктики во время третьего рейса судна в 1957—1958 гг.

В этих же водах работали американские экспедиции под девизами Дипфриз I, Дипфриз II и Дипфриз III на кораблях «Глэсфир», «Эдисто», «Арнеб», «Атка», «Норсуинд», «Стейтен-Айленд», «Вестуинд», «Бертон-Айленд».

В водах Океании, на западной периферии Тихого океана — у Филиппин и островов Рюкю, а также в восточной его части, между Калифорнией и Гавайями и Южной Америкой и островами Полинезии, вели исследования индонезийские, советские, американские, французские и японские экспедиции.

Индонезийская экспедиция на корабле «Самудера» работала в тропической части Тихого океана.

Советские экспедиции на «Витязе» в ходе 25, 26 и 27-го рейсов этого корабля (1957—1958 гг.) вели наблюдения в западной части Тихого океана и обследовали десять глубоководных желобов на всем пространстве от японской островной дуги до островов Тонга и Кермадек. Работами экспедиций руководили А. Д. Добровольский, В. Г. Богоров и Н. Н. Сысоев.

Американские экспедиции под девизами Даунвинд, Долдрамс и Дельфин на кораблях «Спенсер Ф. Берд», «Харайзн», «Вима» и «Хью М. Смит» работали в восточной части Тихого океана.

Эти экспедиции были организованы Скриппсовским институтом, Ламонтской обсерваторией и Тихоокеанской организацией по рыбохозяйственным исследованиям.

На французских кораблях «Орсом-3», «Лотос», «Астролябия», «Буссоль», «Тиар», «Баунти» и «Шуазель» проводились исследования в западной части Тихого океана, между Японией и Новой Каледонией. В этих же водах вели наблюдения японские экспедиции на кораблях «Кейтен-Мару», «Кагосима-Мару», «Такую» и «Сатума».

В ходе всесторонних исследований, осуществленных в период МГГ в южной и центральной частях Тихого океана, были совершены выдающиеся открытия в области физической океанографии и морской геологии.

Еще в 1952 г. было обнаружено Тихоокеанское экваториальное глубинное противотечение, или течение Кромвелла.

В 1957—1959 гг. в ходе работ ряда экспедиций, в частности советских (26-й и 27-й рейсы «Витязя»), американских и японских, удалось установить, что это течение, о существовании которого не подозревали океанографы XIX в. и первой половины XX в., идет под Южным Пассатным течением на восток и прослеживается от Новой Гвинеи до Галапагосских островов. Скорость его колеблется в пределах от 100 до 150 см/сек (в ядре течения), глубина варьирует от 40 до 200 м, а ширина доходит до 300 км. Эта «глубинная» океаническая река по мощности немногим уступает Гольфстриму и Куро시오.

В 1957—1958 гг. экспедиция на «Витязе», в которой работами по физической океанографии руководили А. Д. Добровольский и В. А. Бурков, открыла подобное же глубинное противотечение к северу от экватора, проходящее под Северным Пассатным течением.

Таким образом, выяснилось, что поверхностным пассатным течениям соответствуют глубинные противотечения, в которых воды циркулируют в противоположном направлении.

При исследовании поверхностных течений в экваториальной части Тихого океана было установлено, что их границы (фронты) из месяца в месяц и от сезона к сезону значительно перемещаются и что режим их весьма непостоянен (18, № 7, стр. 20—26).

Значительные поправки были внесены в данные о Межпассатном (Экваториальном) противотечении. До экспедиционных работ 1957—1959 гг. считалось, что течение это крайне неустойчиво. Исследования на «Витязе» в 1957—1958 гг. и наблюдения, проведенные на японских и американских кораблях, показали, что Межпассатное противотечение отличается постоянством и значительной силой и в циркуляции тихоокеанских вод тропического пояса оно играет очень большую роль.

Экспедиция на «Витязе», изучив условия циркуляции в глубоководных желобах, установила, что в этих частях океана происходит энергичный обмен между поверхностными и глубинными водами. Открытие это имеет весьма большое, и при этом чисто практическое, значение. До работ на «Витязе» американские атомники считали, что глубоководные желоба — идеальные места для захоронения радиоактивных осадков. Оказалось, однако, что использование этих океанических «рвов» в качестве свалки чревато гибельными последствиями и неизбежно вызовет заражение радиоактивными веществами поверхностных вод Мирового океана.

Большое значение имели биологические исследования, проведенные на «Витязе» под руководством Л. А. Зенкевича,

В. Г. Богорова и Т. С. Расса. Биологи «Витязя» твердо установили, что в тропических водах Тихого океана, в отличие от вод полярных и субполярных, глубинный планктон значительно беднее и по видовому составу, и по общей массе.

Между 20° с. ш. и 20° ю. ш. воды на глубинах 1000—3000 м в десятки раз беднее планктоном, чем в тридцатых — шестидесятых широтах обоих полушарий. Такая же закономерность была выявлена и в бентосе глубоководных желобов. В желобах Кермадек и Тонга биомасса бентоса оказалась в 50—260 раз меньше, чем в Курило-Камчатском желобе.

В Марианском желобе на глубинах свыше 10 тыс. м были обнаружены разнообразные морские животные, в частности актинии.

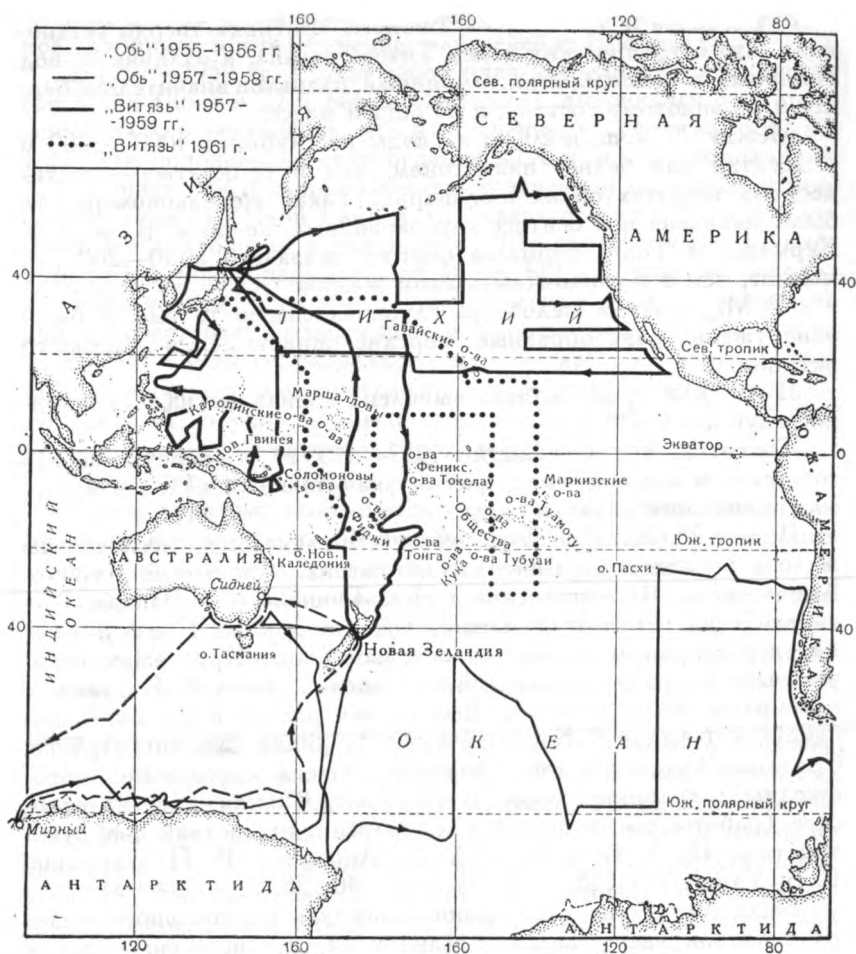
В мае 1958 г. здесь была выявлена донная фауна на рекордной глубине 10 700 м.

Тихоокеанские экспедиции 1957—1959 гг., и в первую очередь советские и американские, внесли значительный вклад в изучение подводного рельефа океана.

В ходе 25, 26, 27 и 29-го рейсов «Витязя» были исследованы желоба западной окраины Тихого океана: Алеутский, Курило-Камчатский, Филиппинский, Ново-Гвинейский, Западно-Меланезийский, Ново-Британский, Бугенвильский, Тонга и Кермадек и открыт к востоку от островов Санта-Крус ранее неизвестный Восточно-Меланезийский желоб (желоб Витязя) с глубинами свыше 6 тыс. м. Был изучен рельеф в областях поднятий дна («валов»): Каролинского, Эаурипик, Калингамаранги, Срединно-Тихоокеанского, Гавайского. Очень основательно «прощупаны» окраинные моря: Коралловое, Фиджи, Новокаледонское (работы по морфологии и геологии дна велись под руководством П. Л. Безрукова, А. П. Лисицина, В. П. Петелина, Г. Б. Удинцева) (18, № 7, стр. 39—40; 28, стр. 90—93).

Была составлена карта донных осадков центрального сектора западной части Тихого океана и на нее нанесены ареалы распространения красных абиссальных глин, радиоляриевых и диатомовых илов и известковых осадков. На этой карте полосы красных глин легли вдоль осевых зон глубоководных желобов. Подтвердились, таким образом, предположения, что красные абиссальные глины выстилают дно впадин Тихого океана с глубинами более 5000 м.

Еще до МГГ, в первом своем рейсе 1955—1956 гг., экспедиция на «Оби» получила ценные данные о рельефе дна и глубоководных осадках юго-западной части тихоокеанского сектора Антарктики. В 1957—1958 гг. в ходе третьего рейса «Оби» была детально обследована область между Антарктидой и Австралией и Новой Зеландией и изучена (но менее обстоятельно) центральная и восточная части тихоокеанского сектора Антарктики (работы под руководством А. В. Живаго) (7 а).

Маршруты плаваний советских океанологических судов «Витязь» и «Обь». Из «Атласа истории географических открытий и исследований». 1959 г. Маршрут «Витязя» 1961 г. нанесен по материалам Отдела морских экспедиционных работ АН СССР.

Было уточнено положение подводных возвышенностей, а также глубоких котловин: Австрало-Антарктической, Южно-Тихоокеанской, Беллинсгаузена; исследован рельеф Новозеландского подводного плато.

Выявилось, что на южной периферии Тихого океана дно формируется под воздействием активных процессов современного вулканизма и имеет весьма сложный рельеф (28, стр. 7—18).

Американские экспедиции детально обследовали Перуанско-Чилийский желоб и открытую в начале 50-х годов систему глубинных разломов в восточной части Тихого океана между калифорнийско-мексиканским побережьем Америки и островными цепочками Гавайев и Центральных Полинезийских Спорад.

В ходе работ советских и американских экспедиций была выявлена система океанических валов, располагающихся по краям ложа глубоководных желобов, а также на различных участках тихоокеанского дна.

К 1959 г. на основании исследований, проведенных до 1957 г. и в период МГГ, было установлено, что в пределах Тихого океана имеется не менее десяти тысяч подводных вулканических гор (18, №7, стр. 43), причем оказалось, что для этого океана чрезвычайно характерны обособленные вулканические конусы.

В 1960 г. американский океанолог Г. Менард на основе преимущественно американских данных, собранных в период МГГ, опубликовал обзорную батиметрическую карту Тихого океана в масштабе 1:20 000 000.

Батиметрические карты более крупных масштабов (1:3 500 000 и 1:8 000 000) были составлены в 1960—1961 гг. тем же Менардом для северо-восточной части Тихого океана и Б. Хейзенем и М. Тарп — для юго-восточной его части.

В Советском Союзе в эти же годы группа ученых-океанологов работала над составлением батиметрических карт масштабов 1:25 000 000, 1:10 000 000 и 1:5 000 000.

Исходными материалами для этих карт послужили не только результаты исследований, проводившихся в период МГГ, но и данные различных экспедиций, работавших в течение последних ста лет в Тихом океане.

Карта масштаба 1:25 000 000 была опубликована в 1963 г. (28). Пояснительный текст к карте сопровождается фрагментами карт масштабов 1:5 000 000 и 1:10 000 000 с сечением изобат через 500 м (28, стр. 81, 84—86). В пояснительном тексте дается анализ морфологии и структурных особенностей дна Тихого океана; общие выводы касаются двух важнейших морфологических провинций этого океана — подводных окраин материков и собственно ложа этого океана и отражают результаты новейших океанографических открытий.

Подводные окраины материков, захватывающие всю периферию Тихого океана, рассматриваются как переходная зона, в которой на ряде участков материковая отмель и материковый склон осложняются уступами, краевыми котловинами, горными хребтами типа островных дуг и глубоководными желобами.

«Собственно ложе Тихого океана также весьма неоднородно по морфологии. Рассматривать его как равнину можно лишь в самом первом приближении. Новые батиметрические карты показывают, что в действительности ложе Тихого океана имеет

весьма сложный рельеф, характер которого меняется от места к месту. Не только выдвинутое в океан звено островных дуг... в северном и южном полушарии... но и некоторые другие крупные поднятия и горные хребты делят ложе океана на ряд относительно равнинных областей... которые с некоторой долей условности можно назвать котловинами...» (28, стр. 94—95).

На новых батиметрических картах в периферических областях Тихого океана помимо глубоководных желобов отмечены краевые котловины (Филиппинская, Западно-Марианская, Западно- и Восточно-Каролинская, Меланезийская, Северо- и Южно-Фиджийская, Новокаледонская) и ряд валов, разделяющих эти обширные впадины.

В пределах ложа Тихого океана выделены системы подводных гряд (Гавайский подводный хребет, подводные горы Маркус-Некер и подводные гряды, протягивающиеся с северо-запада на юго-восток через центральную и восточную Полинезию) и обширных подводных поднятий.

Не только линейное расположение таких островных цепей, как Гавайи, Центральные Полинезийские Спорады, острова Гилберта, но и, казалось бы, совершенно беспорядочные группировки островов архипелага Туамоту определяются, как это установлено новейшими исследованиями, особенностями рельефа и конфигурации различных подводных гряд и поднятий. Скрытые в глубинах океана горные цепи и плато отделяют друг от друга котловины тихоокеанского ложа. Это Северо-восточная и Северо-западная котловины, расположенные между берегами Северной Америки и глубоководными желобами, окаймляющими островные дуги Курил, Японии и Марианского архипелага, Центральная котловина между подводной грядой Центральных Полинезийских Спорад и подводным хребтом, который образует островные цепочки Маршалловых островов и архипелага Гилберта, и Южная котловина, расположенная к востоку от желобов Тонга и Кермадек и обширного поднятия, увенчанного двумя островами Новой Зеландии.

Котловины тихоокеанского ложа представляют собой гигантские депрессии с глубинами порядка 5000—6000 м. Исследования экспедиции «Витязя», американских и японских экспедиций показали, что дно этих котловин осложнено многочисленными подводными холмами и долинами, узкими желобами, образовавшимися по линиям глубинных расколов ложа океана, и мелкими впадинами.

В итоге работ исследований, которые позволили создать новые батиметрические карты Тихого океана, «на смену прежним представлениям о бескрайних и лишенных сложного расчленения равнинах, о расплывчатых по форме амебообразных возвышенностях и беспорядочно разбросанных подводных горах пришла картина, достаточно ясная и закономерная, с множе-

ством четких и характерных черт рельефа, отражающих историю его развития и широкие связи с глубинным строением Земли и с процессами, протекающими в океане» (28, стр. 88).

Исследования 1960—1965 гг.

Важной вехой в истории океанологических исследований последних лет явился смелый эксперимент исследователя морских глубин швейцарца Жака Пиккара. Жак Пиккар, сын известного стратонавта и пионера глубоководных исследований в батискафах Огюста Пиккара, совместно с отцом в начале 50-х годов сконструировал батискаф «Триест».

В 1958 г. «Триест» был приобретен военно-морским ведомством США, и Жак Пиккар, который уже имел опыт погружений в этом батискафе, приступил к подготовке к спуску в величайшую океаническую бездну — Марианский желоб.

23 января 1960 г. Жак Пиккар и лейтенант американского военно-морского флота Дан Уолш погрузились на дно Марианского желоба на глубину 10 919 м.

Пиккар и Уолш, наблюдая через иллюминатор батискафа дно желоба в месте погружения, обнаружили на нем плоскую рыбу длиной около фута, с круглыми глазами в верхней части головы и небольшую красную креветку.

Таким образом, было подтверждено открытие экспедиции на «Витязе», установившей, что самая глубокая впадина на дне Мирового океана обитаема, и установлено, что жизнь в океане существует на наибольших глубинах, в вечной тьме и при давлении в 11 тыс. атмосфер.

Пиккар и Уолш отметили, что дно покрыто илом цвета слоновой кости и на нем имеются неровности, своим происхождением обязанные, возможно, живым существам (19, стр. 169).

Само погружение на глубину 11 км было справедливо оценено мировой прессой как выдающийся научный подвиг. Пиккар положил начало исследованиям, в которых человек получил возможность непосредственно наблюдать все, что происходит на дне глубочайших океанических впадин.

Погружение в глубь Марианского желоба описано в книге «Глубина семь миль», авторами которой являются Жак Пиккар и американский океанолог Роберт Дитц (19).

В мае 1960 г. Пиккар осуществил серию погружений на глубину до 6000 м, результаты которых освещены были в докладах Д. Уолша и американского океанолога Рехнитцера на X Тихоокеанском конгрессе в Гонолулу (1961 г.).

Интенсивные океанографические исследования продолжались по окончании работ МГГ во всех частях Тихого океана.

В 1961 г. «Витязь» в ходе своего 34-го рейса посетил центральную часть Тихого океана и обследовал, в частности, воды центральной и западной Полинезии, между Маркизскими островами и островами Фиджи. Ряд рейсов к западу от 160° з. д. совершили специальные суда «А. И. Воейков» и «Шокальский».

Одновременно американские океанографы вели исследования в центральной и восточной частях Тихого океана. В частности, Скриппсовский институт организовал ряд экспедиций под девизами Проа, Амфитрида, Истрей, Мусон, Луизиады на кораблях «Хорайзн», «Спенсер Ф. Берд», «Хью М. Смит» и на новом, спущенном со стапелей в 1960 г. корабле «Арго». В 1964 г. в рейсе «Арго» участвовали советские ученые, приглашенные Скриппсовским институтом для обмена опытом.

Продолжались работы в тихоокеанском секторе Антарктики на кораблях «Эдисто», «Стейтен-Айленд», «Глесьир», причем особенно детально было обследовано Новозеландское подводное плато и юго-западная часть Южной котловины.

Обширные исследования были проведены в северо-западной части Тихого океана японской глубоководной экспедицией на корабле «Риофу-Мару».

Предварительные итоги всех этих исследований оказались весьма значительными. Прежде всего следует отметить успехи советских и американских геофизиков. В ходе 34-го рейса «Витязя» удалось геофизическими методами установить наличие обширного «языка» мощных донных осадков в экваториальной части Тихого океана (работы Г. Б. Удинцева, устное сообщение). Американские исследователи, изучая тепловой поток Земли, установили, что величины его в ложе Тихого океана и на материках примерно равны, хотя на океаническом дне земная кора гораздо тоньше, чем на континентах. Эти наблюдения свидетельствуют, что основные источники тепловой энергии находятся не в коре, а в мантии Земли.

В результате работ американского магнитолога В. Вакье выявлены в зоне глубинных разломов северо-восточной Пацифики колоссальные горизонтальные смещения, природа которых, однако, пока еще не вполне ясна.

Геоморфологические, геологические и географические исследования 1960—1963 гг. наряду с материалами наблюдений 40-х и 50-х годов были положены в основу сводной работы Г. Менарда «Геология дна Тихого океана» (37), которая в русском переводе вышла в свет в начале 1966 г.

Материалы 34-го рейса «Витязя» (1961 г.) и данные других экспедиций, работавших в Тихом океане в 1960—1964 гг., позволили внести ряд корректив в советскую батиметрическую карту масштаба 1:10 000 000, составление которой завершено было в 1965 г.

ЛИТЕРАТУРА

Работы сводного характера

Список работ сводного характера охватывает важнейшие труды, в которых даются обзоры эпохи открытий в Австралии и Океании. Список открывается книгами Дж. Бейкера (1) и И. П. Магидовича (2). Австралии и Океании в этих сводках уделено сравнительно немного места, но зато изложение событий дается в тесной связи с общим ходом географических открытий XVI—XX вв. Труд А. Ф. Трешникова (5) вводит читателя в круг проблем, связанных с открытиями и исследованиями в той части света, которая близко соседствует с Австралией и южными областями Океании. Совершенно незаменимым пособием для эпохи доевропейских открытий в Океании является блестящая книга новозеландского ученого Те Ранги Хироа (4), дважды издававшаяся в русском переводе. В качестве справочника по вопросам австралийской и океанийской этнографии рекомендуется сводная работа «Народы Австралии и Океании» (3).

Из работ сводного характера на английском языке особого внимания заслуживают труд выдающегося новозеландского историка и географа Дж. Биглехола (6) и две книги новозеландского географа Эндрю Шарпа (7, 8).

Следует отметить, что в рамках этих обзорных работ не входят открытия и исследования во внутренней Австралии и во внутренних областях Новой Гвинеи и Новой Зеландии.

1. Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., ИЛ, 1950.
2. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., Учпедгиз, 1957.
3. Народы Австралии и Океании. М., Изд-во АН СССР, 1956.
4. Те Ранги Хироа (П. Бак), Мореплаватели солнечного восхода, изд. 2. М., Географгиз, 1959.
5. Трешников А. Ф. История открытия и исследования Антарктиды. М., Географгиз, 1963.
6. Beaglehole J. The Exploration of the Pacific. London, 1947.
7. Sharp A. The Discovery of Australia. London, 1963.
8. Sharp A. The Discovery of the Pacific Islands. London, 1960.
9. Wood C. A. The Discovery of Australia. London, 1922.
10. Te Rangi Hiroa. Explorers of the Pacific, Bernice Bishop Museum Publications. Honolulu, 43, 1953.

Введение и первая глава

Список литературы к введению книги и первой главе по объему значительно превышает библиографические приложения, данные ко всем прочим разделам книги. Подобная диспропорция объясняется тем, что в первой

главе затрагиваются наиболее сложные и спорные проблемы современной океанистики. Обширный список литературы позволит читателю выйти за рамки этой по необходимости весьма краткой главы и ознакомиться с кругом работ, освещающих общие и частичные аспекты этой интересной науки. В списке читатель найдет монографии и журнальные статьи, отражающие различные точки зрения на проблему происхождения народов Океании и на вопросы внутриокеанийских миграций.

1. Арутюнов С. А. Проблемы историко-культурных связей тихоокеанского бассейна. Тезисы VII Международного конгресса антропол. и этнограф. наук. М., 1964.
2. Бутинов Н. А. Короткоухие и длинноухие на острове Пасхи. «Советская этнография», 1960, № 1.
3. Бутинов Н. А. О теории белой расы и о плаваниях с запада на восток в Тихом океане. «Советская этнография», 1963, № 4.
4. Бутинов Н. А., Кнорозов Ю. В. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи. «Советская этнография», 1956, № 4.
5. Бутинов Н. А. Иероглифические тексты острова Пасхи (Рапа-Нуи). «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 3.
6. Виллис Уильям. На плоту через океан. М., Детгиз, 1959.
7. Войтов В. И. Морские пути в Полинезию. «Природа», 1965, № 2.
8. Дамм Ганс. Канака. М., «Наука», 1964.
9. Даниельсон Бенгт. Большой риск. Путешествие на «Таити-Нуи». М., «Московский рабочий», 1962.
10. Кабо В. Р. К проблеме этногенеза аборигенов Австралии. Тезисы VII Международного конгресса антропол. и этнограф. наук. М., 1964.
11. Кинжалов Р. В. О статье Т. Хейердала «Ответ «Советской этнографии»». «Советская этнография», 1963, № 4.
12. Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и Берингов пролив... на корабле «Рюрик». СПб., 1821, сокр. изд. М., Географгиз, 1948.
13. Кук Дж. Плавание на «Индевре». М., Географгиз, 1960.
14. Кук Дж. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг. М., «Мысль», 1964.
15. Народы Австралии и Океании. М., Изд-во АН СССР, 1956.
16. Свет Я. М. По следам путешественников и мореплавателей Востока. М., Географгиз, 1955.
- 16а. Томсон Дж. Древняя география. М., 1959.
17. Те Ранги Хироа (П. Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., Географгиз, 1959.
18. Тумаркин Д. Д. Рецензия на работу Р. Сатгса «Archaeology of Nuku Hiva». «Советская этнография», 1963, № 4.
19. Федорова И. К. О легендах, связанных с «Кохау ронго-ронго». Тезисы VII конгресса антропол. и этнограф. наук. М., 1964.
20. Хейердал Т. Путешествие на «Кон-Тики». Л., 1958.
21. Хейердал Т. Аку-Аку. Тайна острова Пасхи. М., «Молодая Гвардия», 1959.
22. Хейердал Т. Морские пути в Полинезию. «Изв. ВГО», т. 94, вып. 5, 1962; «Природа», 1963, № 1.
23. Хейердал Т. Ответ «Советской этнографии». «Советская этнография», 1963, № 4.
24. Archaeology of Easter Island; Norwegian archaeological expedition. Santa Fe, 1961, v. 1.
25. Bechtol Ch. Sailing characteristic of oceanic canoe. «Journal of Polynesian Society», 1962. v. 71, N 4.
26. Best E. Polynesian navigation. «Geogr. Review», 1918, N 5.
27. Best F. The astronomical knowledge of the maori. Wellington, 1922.
28. Best F. Polynesian voyagers, The Maori as a Deep-Sea navigator, explorer and colonizer. Wellington, 1923.

29. *Bisshop E.* Tahiti-Nui. London, 1959.
30. *Bisshop E.* Vers Nussantara, ou l'énigme polynésienne. Paris, 1963.
31. *Bret Hilder et all.* Polynesian navigation. «Journ. of Polynesian Society», 1962, v. 71, N 4.
32. *Corney W.* The quest and occupation on of Tahiti by emissaries of Spain... in the years 1772—1776. Hakluyt Society, 1913—1918, 2d series, v. 32, 36, 43.
33. *Frankel J. R.* Polynesian Migration voyages. American Anthropologist, v. 65, N 5.
34. *Friederici G.* Die vorkolumbischen Verbiedungen der Sudseevolker mit Amerika, Mitteil. d. Deutsch. Schutzgebieten, 1938, Bd. 36.
35. *Golson J. et all.* A Symposium on Andrew Sharp theory of accidental voyages, «Journ. of Polynesian Society», 1962, v. 71, N 3.
36. *Haddon A. C., Hornell J.* Canoes of Oceania. Honolulu, 1935—1938, v. I—III.
- 36a. *Hornell J.* South-American balsas, Mariner's Mirror, 1931, N 17.
37. *Heyerdahl Th.* The Kon-Tiki expedition. «Geographical Journal», 1950, N 3.
38. *Heyerdahl Th.* American Indians in the Pacific. Stockholm, 1952.
39. *Heyerdahl Th.* Guara sailing technique indigenous to South America. Actos del XXXIII Congreso de Americanistas. San-Jose, 1959, v. 1.
40. *Heyerdahl Th.* Merrill's reappraisal of ethnobotanical evidence for pre-historic contact between South America and Polynesia, Papers... XXXIV Intern. Congress of Americanists. Vienna, 1960.
41. *Heyerdahl Th., Skjövold A.* Arcaeological evidence of prespanish visits to the Galapagos islands, Mem. of the Society of American Archaeology, 1956, N 12.
42. *Höyer Otto.* Al-Asiaten under Segel im Indischen and Pazifischen Ozean durch Monsune und Passate. Braunschweig, 1961.
43. *Ibaro Grasso et all.* Historia de la navegación primitiva. Buenos Aires, 1949.
44. *Jonker F. P.* Heyerdahl's Kon-Tiki Theorie en de ethnobotanie. Amsterdam, 1960.
45. *Kosok P.* Transport in Peru, Proc. of XXX Congress of Americanists, 1953.
46. *Lloyd C.* Pacific horizons. London, 1946.
47. *Lothrop S. K.* Aboriginal navigation of the west coast of South America. «Journ. of Royal Anthropological Institut», 1932, v. 67.
48. *Merill E. D.* The Botany of Cook's voyages, Chronica botanica, 1954, v. 14, N 5/6.
49. *Merill E. D.* Review Thor Heyerdahl's American Indians in the South Pacific. «Nature», 1953, N 171.
50. *Pacific Islands Pilot.* Washington, 1928, v. I—II.
51. *Parsons G. S.* The settlement of Oceania; an examination on the accidental voyage theory. «Journ. of Polynesian Society», 1962, v. 71, N 3.
52. *Sharp A.* Ancient voyagers in the Pacific. London, 1957.
53. *Sharp A.* Polynesian navigation to distant islands. London, 1961.
- 53a. *Sharp A.* Ancient voyagers of Polinesia. Berkeley, 1964.
54. *Sinoto Yosihiko.* Chronology of Hawaiian fishhooks. «Journal of Polynesian Society», 1962, v. 71, N 4.
55. *Suggs R. C.* The Island civilisations of Polynesia, 1960, N. Y.
56. *Suggs R. C.* Methodological problems for «accidental voyagers», «Journ. of Polynesian Society», 1961, v. 70, N 4.
57. *Suggs R. C.* Archaeology of Nuku-Hiva... Anthropological Papers... Museum of Natural History, 1961, N 4.
58. *Suggs R. C.* Hidden Worlds of Polynesia, 1962. N. Y.
59. *Yen D. E.* Sweet Potato variation and its relation to Human migration in the Pacific, Abstracts of X-th Pacific Sciences Congress. Honolulu, 1961.

60. Специальный сборник статей, посвященных проблемам заселения Океании; *Current Anthropology*, 1964, v. 5, N 3; в нем статьи: *Kwang Chih Chang*. Prehistoric and early historic culture horizons and tradition in South China. *Solheim W. C.* Pottery and Malaya-Polynesian, *Grace G. B.* The linguistic evidence... Обширная дискуссия по спорным вопросам океанистики.

Главы вторая и третья

Вторая и третья главы посвящены европейским открытиям XVI — начала XVIII в. На русском языке краткие обзоры открытий этой эпохи даны в работах 5 и 6. Список источников — дневников и отчетов мореплавателей XVI — первой половины XVIII в., — изданных на русском языке, весьма невелик. По существу, он ограничивается двумя названиями: очень старым изданием дневников Ансона, путешественника мало примечательного (2), и книгой Антонио Пигафетты (7).

В числе обзорных работ зарубежных авторов по открытиям в Океании в этот период в первую очередь нужно отметить сводки Э. Шарпа (34) и Дж. Биглехола, особенно его введение к дневникам первого путешествия Кука (20). Ход первых открытий в Австралии достаточно подробно изложен в работах Коллингриджа (23), Вуда (38) и Шарпа (35). Образцовая работа Шарпа, вышедшая в свет в 1963 г., содержит данные о новейших исследованиях по истории австралийских открытий.

Касаясь источников, следует обратить внимание на два очень ценных собрания исторических документов, связанных с открытиями в Океании. Это испанские многотомные серии (21, 22), в которых содержатся многочисленные материалы, относящиеся к плаваниям Магеллана, Лоайсы, Сааведры, Вильялобоса, Урданеты, Менданы, Кироса и других испанских мореплавателей XVI и XVII вв. Правда, эти материалы подобраны очень странным образом (особенно в серии, которая дана под № 21), с нарушением и хронологической, и тематической последовательности, но нелегкая работа с этими изданиями окупается с лихвой. Из числа документов этих собраний в нашем списке приведены лишь те из них, которые связаны с экспедициями Сааведры и Вильялобоса.

На английском языке опубликовано очень много дневников первооткрывателей XVI и XVII вв., в том числе дневники участников экспедиций Магеллана (36), Менданы (27), Кироса (37), Торреса (33), Тасмана (15).

1. Алейнер А. Э. Географические представления об Антарктике с древнейших времен. «Изв. ВГО», 1949, т. 81, № 5.
2. Ансон Д. Путешествие около света... СПб., 1751, 1789.
3. Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., ИЛ, 1950.
4. Бугенвиль Л. А. Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль». М., Географиз, 1961.
5. Кук Дж. Плавание на «Индевре». Вступительная статья. М., Географиз, 1960.
6. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., Учпедгиз, 1957.
- 6а. Магидович И. П. История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., «Мысль», 1965.
7. Пигафетта Антонио. Путешествия Магеллана. М., Географиз, 1950.
8. Свет Я. М. По следам путешественников и мореплавателей востока. М., Географиз, 1955.
9. Свет Я. М. Фернандо Магеллан. М., Географиз, 1956.
10. Свет Я. М. Юбилей Тихого океана. «Природа», 1963, № 9.
11. Свет Я. М. Мореплаватель туманного Альбиона. М., Географиз, 1963.
12. Свет Я. М. Кругосветное путешествие пирата. «Вокруг света», 1963, № 1.

13. Цвейг Ст. Подвиг Магеллана. М., 1956.
14. Цвейг Ст. Америко. М., Географгиз, 1960.
15. Abel Tasman's Journal; ed. Heeres J. E. Amsterdam, 1898.
16. Arciniega R. Ulises de Américas. Buenos Aires, 1956.
17. Bayldon F. J. Voyage of Torres. «Journal and Proceedings of Royal Australian Historical Society», 1926, XI.
18. Beaglehole J. The Exploration of the Pacific. London, 1947.
19. Beaglehole J. The Discovery of New Zealand. Oxford, 1961, 2^d ed.
20. Beaglehole J. Introduction; Cook James, The Journals of captain James Cook, The voyage of Endeavour, 1768—1771. Cambridge, 1955.
21. Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones de América y Oceanía, sacados de los archivos del reino y muy especialmente del de Indias. Madrid, 1866—1870, v. V, XIV.
22. Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar. Madrid, 1886—1887, v. II, III.
23. Collingridge G. The Discovery of Australia. Sydney, 1895.
24. Dalrymple A. Historical collection of... voyages... in the South Pacific. London, 1770.
25. Dampier W. A collection of Voyages. London, 1729; 1939, v. I—III.
26. De ontdekingsreis van Jacob Le Mair, ed. W. Engebrecht, s'Gravenhagen, 1945.
27. The Discovery of Solomon Islands, Hakluyt Society. London, 1901, 2d series, v. VII.
28. Heeres J. E. Het Aandel der Nederlanders in de Ontdekking van Australië, 1606—1765. Leyden, 1899.
29. Hinks A. R. The Discovery of Torres Strait, «Geographical Journal». XCVIII, 1941.
30. Ingleton G. C., «Exploration by Sea»; Australian Encyclopedia. Sydney, 1958, v. III.
31. Meyjes R. P. De reizen van Abel Tasman en Franchois Jacobszoon Vischer... 1642—1643 en 1644, s'Gravenhagen, 1919.
32. Navarrete M. F. Colección de los viajes y descubrimientos que hicieron por mar los españoles desde fin del siglo XV... Madrid, 1837; 1845, v. IV, V.
33. New light on the Discovery of Australia, Hakluyt Society, 2d series, v. 64. London, 1930.
34. Sharp A. The Discovery of the Pacific Islands. London, 1960.
35. Sharp A. The Discovery of Australia. London, 1963.
36. Stanley. The first voyage round the world by Magellan. London, 1874.
37. The voyage of Pedro Fernandez de Quiros, Hakluyt Society, 2d series, v. VIII. London, 1904.
38. Wood G. A. The Discovery of Australia. London, 1922.

Главы четвертая и пятая

Четвертая и пятая главы книги посвящены эпохе наиболее значительных открытий в Южных морях земного шара. Центральная фигура этой эпохи — великий английский мореплаватель Джеймс Кук.

В советской географической литературе австрало-океанийские открытия второй половины XVIII в. отражены весьма широко. В последние годы в русских переводах вышли дневники плавания наиболее выдающегося предшественника Кука — Бугенвила (2) и дневники первого и второго путешествий Кука (5, 6). Необходимо отметить, что в основу русского перевода обеих работ Кука положены новейшие критические издания его дневников, подготовленные Дж. Биглахолом в ходе многолетнего изучения литературного наследства этого путешественника (19 и 20). Издания Биглахола гораздо полнее русских переводов; в них включены не только дневники Кука, но и записки

участников его плаваний 1768—1771 гг. и 1772—1775 гг.; кроме того, оба издания сопровождаются чрезвычайно ценными вступительными статьями и комментариями Дж. Биглехола. На его введение к дневникам первого путешествия Кука мы уже ссылались выше, как на наиболее содержательный обзор по эпохе первых европейских открытий в Океании. Добавим, что в этом обзоре читатель найдет исчерпывающее изложение всех вопросов, связанных с мифическим Южным материком и с картографическими заблуждениями географов XVII и XVIII вв.

Очень ценны трехтомное собрание, посвященное испанским плаваниям XVIII в. (22), и два источника по первым открытиям на Таити (17, 34 а).

В списке приведены дневники ряда мореплавателей второй половины XVIII и начала XIX в. (Блая, Д'Антраксто, Лаперуза, Флиндерса, Фрейсине-Бодена, Гилберта, Уилсона и др).

Историкам открытий небезынтересна будет сводка, составленная в начале XIX в. Дж. Барни. В ней содержится много сведений о второстепенных европейских открытиях XVI—XVIII вв. (16).

1. Бахта В. Аотеароа. М., «Мысль», 1965.
2. Бугенвиль Л.-А. Кругосветное путешествие на фрегате «Будёз» и транспорте «Этуаль» в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах. М., Географиз, 1961.
3. Бутинов Н. А. Маори (историко-этнографический очерк). Океанийский этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. 38. М., 1957.
4. Ванкувер Г. Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершенное в 1790, 1791, 1792, 1793, 1794 и 1795 годах. СПб., 1828—1833, ч. 1—6.
5. Кук Дж. Плавание на «Индевр». М., Географиз, 1960.
6. Кук Дж. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг. М., «Мысль», 1964.
7. Кук Дж. Путешествие в Северный Тихий океан... под начальством капитанов Кука, Кларка и Гора на судах «Резолюции и ДисCOVERи... СПб., 1805—1810, т. I—II.
8. Лаперуз Ж.-Ф. Путешествие в южном и северном Тихом океане в продолжение 1785, 1786, 1787 и 1788 годов. СПб., 1800.
9. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., Учпедгиз, 1957.
10. Народы Австралии и Океании. М., изд-во АН СССР, 1956.
11. Свет Я. М. Мореплаватель туманного Альбиона. М., 1963.
- 11а. Свет Я. М. Встреча с Лаперузом. «Природа», 1965, № 5.
12. Тумаркин Д. А. Вторжение колонизаторов в край вечной весны. М., «Наука», 1964.
13. Beaglehole J. The Exploration of the Pacific. London, 1947.
14. Beaglehole J. The Discovery of New Zealand. Oxford, 1961, 2^d ed.
15. Bligh W. A voyage to the South Sea. London, 1792.
16. Burney J. Discoveries in the South Sea. London, 1803—1817, v. I—V.
17. Carrington. Discoveries of Tahiti. Hakluyt Society. 1948, 2^d series, v. 96.
18. Collins D. An account of the British Colony in New South Wallis, London, 1798—1802, v. I—II.
19. Cook James. The Journals of captain James Cook; the voyage of Endeavour, 1768—1771. Cambridge, 1955.
20. Cook James. The Journals of captain James Cook; the voyage of the Resolution and Adventure, 1772—1775. Cambridge, 1961.
21. Cook James. A voyage to the Pacific ocean... London, 1784, v. I—III.
22. Corney W. The quest and occupation of Tahiti by emissaries of Spain in the years... 1772—1776. Hakluyt Society, 2^d series, v. 32, 36, 43. London, 1913—1918.
23. Dalrymple A. Historical Collection... of... voyages in the South Pacific. London, 1770.

- 23a. *Davies J.* The history of Tahitian mission, Hakluyt Society, 1961, 2^d series, v. 116.
24. *D'Entrecasteaux J.-A.-B.* Voyage de d'Entrecasteaux... envoyé à la recherche de la Perouse, I—II. Paris, 1808.
25. *Flinders M.* A voyage to Terra Australis. London, 1814, v. I—II.
- 25a. *Freginet L. C.* Voyage de découvertes aux terres australes. Paris, 1815.
26. *Gilbert T.* Voyage from New South Wallis to Canton. London, 1789.
27. *Henderson C. C.* The discoveries of the Fiji Islands. London, 1933.
28. *Koskinen A.* Missionary influences as a political factor in the Pacific-islands. Helsinki, 1953.
29. *La Perouse J. F. G.* Voyage de La Perouse autour du monde, 1797—1799, v. I—IV. Paris.
30. *Lee J.* Captain Bligh's second voyage. London, 1920.
31. *Marchand E.* Voyage autour du monde. Paris, 1798—1800.
32. *Martin J.* An account of natives of the Tongo islands. London, 1818, v. I—II.
33. *Martin K. L. P.* Missionaries and annexation in the Pacific. London, 1924.
34. A missionary voyage to the Southern Pacific, performed in the years 1796, 1797, 1798 in the ship Duff... by captain James Wilson. London, 1799.
- 34a. *Robertson G.* The discovery of Tahiti. Hakluyt Society, 2^d series, v. 98. London, 1948.
35. *Scott E.* Australian discovery by sea. London, 1929.
36. *Sharp A.* The Discovery of the Pacific Islands. London, 1960.
37. *Sharp A.* The Discovery of Australia. London, 1963.
38. *Stokes J. L.* Discoveries in Australia. London, 1846, v. I—II.
39. *Thomson.* Voyage of HMS Pandora. London, 1915.

Глава шестая

В списке литературы к шестой главе содержатся указания на обзорные работы и источники по истории русских открытий в Океании. Из обзорных работ в первую очередь заслуживают внимания труды Н. Н. Зубова (7), Н. А. Ивашинцева (8) и сборник «Русские мореплаватели» (20). В сборнике «Русские мореплаватели» содержатся подробные биографические сведения о всех руководителях русских кругосветных и полукругосветных экспедиций XIX в. Научным итогом этих экспедиций посвящены сборник «Тихий океан» (22), авторами которого были крупнейшие советские океанологи, и недавно вышедшая книга В. А. Есакова, А. Ф. Плахотника и А. И. Алексеева (6).

В списке приводятся ссылки на первоисточники — труды выдающихся русских мореплавателей первой половины XIX в. И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, О. Е. Коцебу, В. М. Головнина, Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, Ф. П. Литке.

В списке даны две работы И. Ф. Крузенштерна, которые явились итогом его плодотворных исследований источников по истории открытий в Океании (12, 13).

1. *Алейнер А. Э.* История картографии Антарктиды и ее современная картографическая изученность. Сборник «Антарктика». М., Географгиз, 1958.
2. *Беллинсгаузен Ф. Ф.* Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в 1819, 1820, 1821 годах. СПб., 1831, изд. 3. М., Географгиз, 1961.
3. *Берг Л. С.* Очерки по истории русских географических открытий, изд. 2. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1948.
4. *Головин В. М.* Путешествие на шлюпе «Диана»... в 1807—1811 гг. М., Географгиз, 1961.

- 4а. Головин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах. М., «Мысль», 1961.
5. Дивин В. А. О первых проектах русских кругосветных плаваний. Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 37. М., 1960.
6. Есаков В. А., Плехотников А. Ф., Алексеев А. И. Русские океанические и морские исследования XIX — начала XX в. М., «Наука», 1964.
- 6а. «Записки о плавании шлюпа «Благонамеренный»... в 1819, 1820, 1821 и 1822 гг., веденные ...лейтенантом А. П. Лазаревым, М., 1951.
7. Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., Географгиз, 1954.
8. Ивашинцев Н. А. Русские кругосветные путешествия. СПб., 1850. СПб., 1872.
9. Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле «Рюрик». СПб., 1821—1823, ч. I—III, сокр. изд. М., Географгиз, 1948.
10. Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света. М., Географгиз, 1959.
11. Круzenshtern И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 годах... на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб., 1809—1812, ч. 1—III; сокр. изд. М., Географгиз, 1950.
12. Круzenshtern И. Ф. Собрание сочинений, служащих разбором и объяснением Атласа Южных морей... СПб., 1823—1826, ч. 1—2.
13. Круzenshtern И. Ф. Дополнения к изданным в 1826—1827 гг. оснований, послуживших для составления Атласа Южного моря. СПб., 1836.
14. Лазарев М. П. Документы. М., Военно-морское изд-во. 1952, т. 1.
15. Ленц Э. Х. Избранные труды. М. — Л., изд-во АН СССР, 1950.
16. Липшиц Б. А. Этнографические исследования в русских кругосветных экспедициях 1-й половины XIX в. Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 30. М., 1956.
17. Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» с 1803—1806 гг. СПб., 1812; сокр. изд. М., Географгиз, 1947.
18. Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 гг. СПб., 1834—1836, ч. 1—3; сокр. изд. М., Географгиз, 1948.
19. Новосильский П. М. Южный полюс; из записок бывшего морского офицера. СПб., 1853.
20. Русские мореплаватели. М., Воениздат, 1953.
21. Русские открытия в Антарктиде. Сборник. М., Географгиз, 1951.
22. Тихий океан; Русские научные исследования. Л., АН СССР, 1926, т. III.
23. Шамиссо А. Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции; в кн. О. Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан... СПб., 1823, т. III.

Глава седьмая

Список литературы к седьмой главе содержит указания не только на источники, связанные с последними западноевропейскими и американскими открытиями в Океании, но и ссылки на работы, в которых отражен ход колониальных захватов в этой части света. В последние годы вышли интересные труды советских исследователей К. В. Малаховского и Д. Д. Тумаркина, посвященные истории колониальной экспедиции в Океании (3, 3а, 5, 6, 7). Этой проблематике посвящены также работы английского историка К. Л. П. Мартина (19) и финского исследователя А. Коскинена (17).

Касаясь источников по истории открытий XIX в., следует отметить, что на русском языке имеются лишь старый перевод Дюмон-Дюрвиля и многократно издававшееся «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль» Чарльза Дарвина (2).

Из числа источников, изданных на английском и французском языках, в списке упомянуты дневники обоих путешествий Дюмон-Дюрвиля (11, 12), Диллона (10), Дюперре (13), Фитцроя (15), Фрейсине (16), Бичи (8) и труды экспедиции Уилкса (22).

Обзор итогов открытий в Океании, совершенных в первой половине XIX в., дан в работе Э. Шарпа (20), на которую мы уже ссылались.

1. *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М., ИЛ, 1950.
2. *Дарвин Чарльз.* Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». М., Географгиз, 1953.
3. *Куропятник Г. П.* Захват Гавайских островов США. М., 1959.
- 3а. *Малаховский К. В.* Колониализм в Океании. М., «Наука», 1964.
4. *Народы Австралии и Океании.* М., изд-во АН СССР, 1956.
5. *Тумаркин Д. Д.* Роль американских миссионеров в разрушении самобытной культуры гавайского народа... Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. 80. М., 1962.
6. *Тумаркин Д. Д.* «Сандаловый бизнес» американских колонизаторов на Гавайских островах. «Страны Юго-Восточной Азии». М., 1959.
7. *Тумаркин Д. Д.* Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М., «Наука», 1964.
8. *Beechey F. W.* Narrative of a voyage to the Pacific and Bearing's Strait... in the years 1825, 1826, 1827, 1828. London, 1831, v. I—II.
9. *Darwin Ch.* Journal of researches into the natural history... of the countries visited during the voyage of HMS Beagle round the world. London, 1890, 1928.
10. *Dillon Peter.* Voyage aux îles de la Mer du Sud... Paris, 1830, v. I—II.
11. *Dumont d'Urville J. S. C.* Voyage de la corvette l'Astrolabe... Paris, 1830—1833, v. I—IV. Русский перевод: *Дюмон-Дюрвиль.* Путешествие вокруг света... ч. 1—2, СПб., 1836.
12. *Dumont d'Urville J. S. C.* Voyage sur Pôle Sud et dans l'Océanie sur les corvettes l'Astrolabe et Zelée exécuté par... l'année 1837—1840. Paris, 1843—1850, v. 1—II.
13. *Duperre L. J.* Mémoire sur les opérations géographiques... Paris, 1826.
14. *Ellis W.* Polynesian researches. London, 1836, v. I—VI.
15. *Fitz-Roy R.* Narrative of... voyages of HMS... Beagle... London, 1839, v. 1—III.
16. *Freycinet L. C.* Voyage autour du monde... exécuté sur les corvettes... de l'Uranie... pendant les années 1817, 1818, 1819 et 1820. Paris, 1839, v. I—II.
17. *Koskinen A.* Missionary influence as a political factor in the Pacific islands. Helsinki, 1953.
18. *Martin J.* An account of the natives of the Tonga islands. London, 1818, v. I—II.
19. *Martin K. L. P.* Missionaries and annexation in the Pacific. London, 1924.
20. *Sharp A.* The Discovery of the Pacific Islands. London, 1960.
21. *Te Rangi Hiroa.* Explorers in the Pacific. Bernice Bishop Museum Publications, 43. Honolulu, 1953.
22. *Wilkes Ch.* Narrative of the US exploring expedition. Philadelphia, 1845, v. 1—V.

Глава восьмая

В списке литературы к восьмой главе особого внимания заслуживают сводки по истории исследований обоих островов Новой Зеландии У. Мак-Климонта (7) и Ненси Тейлор (8).

Коренному населению Новой Зеландии и истории британской колониальной экспансии посвящены работы советских исследователей Н. А. Бутинова (2), А. И. Блинова (1) и В. Бахты (1а).

1. Блинов А. И. Маорийские войны 1843—1872 гг. Океанийский этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 38. М., 1957.
- 1а. Бахта В. Аотеароа. «Мысль» М., 1965.
2. Бутинов Н. А. Маори. Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 38. М., 1957.
3. Fitzgerald E. A. Climbs in the New-Zealand. Alps. N. Y., 1896.
4. Haast I. Geology of the provinces of Canterbury and Westland. Christchurch, 1879.
5. Harper A. P. Pioneer Work in the Alps of New-Zealand. London, 1896.
6. Hochstetter F. Newseeland. Stuttgart, 1867.
7. Mac Clymont W. G. The exploration of New-Zealand. London, 1959.
8. Taylor N. M. Early travellers of New-Zealand. Oxford, 1959.

Глава девятая

Ход открытий и исследований Новой Гвинеи изложен с исчерпывающей полнотой в двухтомной сводке (на немецком языке) А. Вихманна (19). К сожалению, в ней содержатся данные об открытиях, совершенных лишь до начала XX в. Сведения об исследованиях последних десятилетий имеются в работах Г. Саутера (11), П. Пейяра (16) и О. Рухена (17).

Новая Гвинея — это единственная земля в Океании, где до сих пор есть еще «белые пятна» и где значительные этнографические открытия совершаются и в наши дни. Итоги этих открытий подведены в сборнике «New Guinea; the central highlands», вышедшем в свет в 1964 г. в качестве специального добавления к американскому журналу «American Anthropologist» (14).

В списке литературы по Новой Гвинее даны ссылки на классические работы Н. Н. Миклухо-Маклая и на исследования, посвященные этому выдающемуся русскому путешественнику (3, 6, 7).

1. Бутинов Н. А. Западный Ириан. Этнографический очерк. «Советская этнография», 1957, № 4.
2. Бутинов Н. А. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи. Сборник «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов». Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. 80. М., 1962.
3. Бутинов Н. А. Миклухо-Маклай. Собр. соч. Миклухо-Маклая. М., изд-во АН СССР, 1953, т. IV.
4. Гэрли Ф. На гидроплане к людям каменного века. М., «Молодая гвардия», 1929, 1935.
5. Лундквист А. Дикари живут на западе. М., Географгиз, 1960.
6. Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч., т. I—V. М. — Л., изд-во АН СССР, 1950—1954.
7. Рогинский Я. Я., Токарев С. А. Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог. Собр. соч. Миклухо-Маклая. М. — Л., 1950, т. II.
8. D'Albertis O. New Guinea; what I did, and what I saw. London, 1880.
9. Archbold R., Rand A., Brass L. Results of Archbold expedition. Bulletin of Ann. Mus. of Natural History, 1942, 79.
10. Champion Ivan. Across New Guinea from the Fly to the Sepik, 1932.
11. Gavin Sauter. New Guinea; last unknown. Sydney, 1964.
12. Mac Gregor W. British New Guinea. London, 1897.
13. Moresby J. Discoveries and surveys in New Guinea. London, 1876.
14. New Guinea; the central highlands; American Anthropologist, 1964, v. 66, N 4.
15. [Owen Stanley]. Narrative of the voyage of HMS. Rattlesnake. London, 1852, I—II.

16. *Paillard P.* Seul à travers les territoires non contrôlés de la Nouvelle Guinée. Paris, 1962.
17. *Ruhen O.* Mountains in the clouds. London, 1963.
18. *Temple Ph.* Nawok; the new-zealand expedition to New Guinea's highest mountains. London, 1962.
19. *Vichmann A.* Entdeckungsgeschichte von New Guinea; Resultats de l'expédition scientifique néerlandaise à la Nouvelle Guinée en 1903. Leiden, 1909—1912, v. 1 — II.

Глава десятая

В списке литературы к десятой главе нет обзорных русских работ по истории открытий и исследований внутренних областей Австралии; краткие обзорные характеристики содержатся в книге Дж. Бейкера (1) и в работе И. П. Магидовича (2а).

Из обзорных работ на английском языке следует в первую очередь рекомендовать статью по истории исследований во внутренней Австралии из Австралийской энциклопедии (5). Это очень краткая, но весьма содержательная свodka, опубликованная к тому же сравнительно недавно (в 1958 г.).

В двух сборниках материалов по истории открытий внутренних областей Австралии — работа Ч. Баррета (6) и К. Фитцпатрика (9) — даны извлечения из дневников ряда наиболее выдающихся исследователей XIX в. (в частности, выдержки из дневников Стерта, Митчелла, Лейхгардта, Эйра, Берка и Стюарта).

Интересна свodka Е. Фавенка (8), однако сильно устаревшая. В списке приведены ссылки на издания дневников Джайлса (10), Лейхгардта (12), Митчелла (14, 15), Оксли (16), Стюарта (18) и Стерта (19).

Работы Э. Шарпа (17) и Г. Вуда (21) касаются лишь самого раннего периода австралийских открытий.

1. *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М., ИЛ, 1950.
2. *Даниельсон Бенгт.* Бумеранг. М., «Мысль», 1964.
- 2а. *Магидович И. П.* Очерки по истории географических открытий и исследований. М., Учпедгиз, 1957.
3. *Народы Австралии и Океании.* М., изд-во АН СССР, 1956.
4. *Яценко А. А.* Путешествие по Австралии. М., Географгиз, 1958.
5. *Australian Encyclopedia:* статьи *Exploration by sea*, *Exploration by land*. Sydney, 1958, v. III.
6. *Barret Ch.* Discovering Australia. Melbourne, 1944.
- 6а. *The Burke and Willis exploring expedition.* Melbourne, 1861.
7. *Eyre E. J.* Journals of expedition, v. I—II. Adelaide, 1964.
8. *Favenc E.* Explorers in Australia, 1788—1888. London, 1888.
9. *Fitzpatrick K.* Australian explorers. Sydney, 1958.
10. *Giles E.* Australia twice traversed. London, 1889.
11. *Lee L.* Early explorers in Australia. London, 1960.
12. *Leichardt L.* Scientific excursion in New Holland. 1842—1844. London, 1845.
13. *Life of sir Paul Edmund Stzelecki.* Sydney, 1943.
14. *Mitchell T. L.* Three expeditions into the interior of Eastern Australia... London, 1838.
15. *Mitchell T. L.* Journal of an expedition into the interior of tropical Australia... London, 1848.
16. *Oxley J.* Journals of two expeditions into the interior of New South Wales... 1817—1818. London, 1820.
17. *Sharp A.* The Discovery of Australia. London, 1963.
18. *Stuart J.* The Journal of John Mac Douall Stuart. London, 1864.

19. *Sturt Ch. M.* Two expeditions into the interior of Southern Australia during 1828, 1829, 1830 and 1831. I—II. London, 1833.
20. *Sturt Ch. M.* Narrative of an expedition into Central Australia, performed during the years 1844, 45, 46, 1 — II. London, 1849.
21. *Wood G. A.* The Discovery of Australia. London, 1922.

Глава одиннадцатая

Список литературы к одиннадцатой главе содержит ссылки на работы, связанные с океанологическими исследованиями в южной половине Тихого океана. В этот список включен ряд популярных работ (1, 7, 15, 16, 19, 20), причем некоторые из них принадлежат перу крупных исследователей (Т. Гэскелла, Е. М. Крепса, Ж. Пиккара). Ряд работ отражает ход и итоги исследований больших океанографических экспедиций, в частности экспедиций последнего десятилетия на корабле «Витязь» (2, 3, 4, 5, 6, 11, 12, 13, 18, 26, 27, 28, 29, 30).

1. *Бауэр Ганс.* Тайны морских глубин. М., Географгиз, 1959.
2. *Безруков П. Л.* Донные отложения Курило-Камчатской впадины. Труды Ин-та океанологии АН СССР, т. 12. М., 1955.
3. *Безруков П. Л.* Осадконакопление в западной части Тихого океана. Доклады на XXI междунар. геол. конгрессе. Проблема 10. «Морская геология». М., изд-во АН СССР, 1960.
4. *Безруков П. Л., Удинцев Г. Б.* Новые данные о геологическом строении дальневосточных морей. Доклады АН СССР, 1953, № 2, 91.
5. Биологические исследования «Витязя» в Тихом океане. Труды Ин-та океанологии АН СССР, т. 41. М., 1960.
6. *Бириштейн Я. А., Соколова М. Н., Удинцев Г. Б.* Траление на максимальных глубинах океана. «Природа», 1958, № 3.
7. *Гэскелл Т. Ф.* Под глубинами океанов. М., ИЛ, 1963.
- 7а. *Живаго А. В.* Морские геолого-геоморфологические исследования в южной части Тихого океана. Третья морская экспедиция на д/э «Обь». Труды САЭ, т. 19, стр. 206—219, 1961.
8. *Зенкевич Л. А.* Новейшие океанологические исследования в сев.-зап. части Тихого океана. Изд-во АН СССР, сер. геогр., 1956, № 4.
9. *Зенкевич Л. А.* Исследование мирового океана. М., «Знание», 1961.
10. *Зенкевич Л. А.* Биология морей СССР. М., изд-во АН СССР, 1963.
11. *Иванов А. В.* Погонофоры. Фауна СССР, нов. сер., 75. Изд-во АН СССР, 1960.
12. Исследования Курило-Камчатской впадины и сев.-зап. части Тихого океана. Труды Ин-та океанологии АН СССР, т. 27. М., 1958.
13. *Канаев В. Ф., Удинцев Г. Б.* Изучение подводного рельефа в океанографических экспедициях. Труды Ин-та океанологии АН СССР, т. 44. М., 1960.
14. *Кленова М. В.* Геология моря. М., Учпедгиз, 1948.
15. *Крепс Е. М.* На «Витязе» к островам Тихого океана. М., Географгиз, 1959.
16. *Крепс Е. М.* «Витязь» в Индийском океане. М., Географгиз, 1963.
17. *Макаров С. О.* «Витязь» и Тихий океан. СПб., 1894.
18. Океанологические исследования. Сборник статей, X раздел программы МГГ. М., 1960—1961, № 1, 2, 3.
19. *Пиккар Ж., Дитц Р.* Глубина семь миль. М., ИЛ, 1961.
20. *Райт Х.* В глубинах Тихого океана. М., ИЛ, 1961.
21. *Рыкачев М. А.* Новейшие исследования океанов. «Морской сборник», 1881, № 5.
22. *Старицкий К. С.* Несколько измерений больших глубин Охотского и Японского морей, Тихого и Индийского океанов. «Морской сборник», 1873, № 6.

23. *Старицкий К. С.* Гидрографическая командировка в Восточный океан в 1865—1871 годах. СПб., 1873.
24. *Сысов Н. Н.* Советское экспедиционное судно «Витязь». М., изд-во АН СССР, 1959.
25. Труды Советской Антарктической экспедиции. Третья морская экспедиция на д/э «Обь» 1957—1958. Л., «Морской транспорт», 1961.
26. *Удинцев Г. Б.* Рельеф Курило-Камчатской впадины. Труды Ин-та океанологии АН СССР, т. 12. М., 1955.
27. *Удинцев Г. Б.* Рельеф и тектоника западной части Тихого океана. Доклады на XXI междунар. геол. конгрессе. М., изд-во АН СССР, 1960.
28. *Удинцев Г. Б.* Новая батиметрическая карта Тихого океана. Сборник «Океанологические исследования» № 9. М., изд-во АН СССР, 1963.
29. *Удинцев Г. Б.* О рельефе дна западной части Тихого океана. Сборник «Океанологические исследования» № 2, X раздел программы МГГ. М., 1960.
30. Успехи в изучении океанских глубин. Сборник. М., изд-во АН СССР, 1959.
31. Тихий океан. Русские научные исследования. Л., 1926.
32. *Шепард Ф.* Земля под морем. М., «Мир», 1964.
33. *Шепард Ф.* Геология моря. М., ИЛ, 1951.
34. *Bruun A.* The abyssal fauna. «Nature», 1956, 177.
35. *Gaskell T., Ritchie C.* HMS Challenger's world voyage 1950—1952. London, 1954.
36. *Menard H.* Bathymetry of the Pacific Basin. La Jolla, 1960.
37. *Menard H.* Geology of the Pacific floor. New York — Toronto — London, 1964.
38. *Murray J. A.* Summary of the scientific results; Report of the scientific results of HMS Challenger 1872—1876. London, 1895.
39. *Pettersen H.* The ocean floor. London, 1954.
40. *Pettersen H.* Westward go with Albatross. N. Y., 1953.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Сокращения, принятые в указателе

Арх. — архипелаг
ат. — атолл
вулк. — вулкан
впад. — впадина
г. — гора
миф. *о-ва* — мифические острова
м. — мыс
п. — остров
обл. — область
о-ва — острова

оз. — озеро
п-ов. — полуостров
подв. котловина — подводная котловина
прол. — пролив
прох. — проход
пуст. — пустыня
р. — река
тер. — территория
хр. — хребет
шт. — штат

Абаянг, ат. 73, 194
 Абгарис, о. 248
 Абемама, ат. 194
 Авондстонд, ат. 146; см. Апатани
 Австралия 5—10, 18, 22—24, 41, 50—52, 58, 69, 84, 99, 100, 102, 104, 107—109, 112, 114, 116—122, 128, 130, 133—137, 139, 141, 158, 160, 168—171, 173, 178, 181, 189, 190, 194, 199, 200, 203, 205—208, 214, 230, 231, 238, 241, 246, 254, 255, 259, 266, 269, 271, 273, 281, 287, 290, 297—302, 304—329, 331—333, 335, 349, 355
 Западная Австралия 8, 23, 114, 117, 304, 310, 312—314, 330, 331, 333—335
 Северная Австралия 323, 326, 332, 336
 Южная Австралия 203, 255, 304, 309, 311, 322, 327, 330, 333, 335, 336
 Австралийские Альпы, горы 298, 301, 304, 314—316, 323

Австрало-Антарктическая подв. котловина 356
 Агилар, хр. 338
 Агрехан, о. 60, 71, 147
 Адамс, о. 197
 Адвенчер, бух. 182
 Аделанда 203, 304, 309, 310, 316, 318, 323—328, 329, 333, 335
 Адилейд, р. 328
 Адмиралтейства, зал. 207
 Адмиралтейства, о-ва 10, 27, 66, 68, 72, 125, 191, 199, 279, 280, 343
 Азия 8, 20, 25, 43, 44, 50, 51, 53, 54, 61, 64, 76, 97, 103, 110, 111, 116, 159, 160, 234, 256, 269, 349
 Восточная Азия 20, 61, 69, 346
 Юго-Восточная Азия 13, 22, 42—45, 48, 50, 52, 58, 111, 112, 126, 350
 Южная Азия 24, 69, 102, 106, 150
 Азорские о-ва 180
 Аилингина, ат. 65, 220

Аилингапалап, ат. 200
 Аилук, ат. 65, 75, 220
 Антутаки, о. 38
 Айзекс, р. 319
 Айлендс, зал. 263
 Акапулько (Мексика) 74, 75, 85, 98, 141, 191
 Акнаки, ат. 155, 164
 Актеон, о-ва 93
 Акул, о. 57
 Аламаган, о. 71, 147
 Алберга, р. 330
 Алебастр, оз. 267
 Александра, арх. 210
 Александра, о. 228; см. Ракаханга
 Александрина, оз. 303
 Алеутский желоб 349, 355
 Алеутские о-ва 209, 210, 217, 220, 344
 Алис-Спрингс 329
 Альберт, р. 319, 326; см. также Лайхарт
 Альберт, хр. 284
 Аляска, п-ов 192, 210, 214, 231, 239, 253
 Амадеус, оз. 331
 Амазония, обл. 269
 Аману, ат. 191, 226; см. Мол-лера
 Амбоина, о. 107, 112, 113, 119, 199, 251
 Амбрим, о. 178
 Америка 8, 43, 46, 54, 75, 85, 95, 143, 146, 147, 154, 185, 186, 191, 209, 210, 212, 234, 235, 269, 314, 357
 Северная Америка 45, 69, 74, 76, 191, 210, 231, 350, 358
 Северо-Западная Америка 48, 243
 Центральная Америка 69, 351
 Южная Америка 20—22, 42, 48, 54—56, 62, 69, 104, 105, 110, 154, 158, 314, 353
 Амстердам, о. 131, 174; см. Тонгатабу
 Амундсена, море 175
 Анаа, ат. 93, 191
 Анатахан, о. 147
 Ангатау, о. 37, 48, 57, 226
 Англия 34, 85, 87, 96, 110, 137—141, 149—154, 159, 160, 162, 164, 165, 167, 172, 174, 175, 180, 189, 190, 194, 196, 203—206, 210, 211, 222, 241—245, 255—257, 260, 262, 273, 274, 280, 297, 301, 304, 309, 311, 313—315, 328
 Анейтьюм, о. 178
 Анива, о. 178

Ант, ат. 235
 Антарктида, материк 18, 62, 85, 128, 144, 158, 175, 226, 230, 240, 252, 256, 353
 Антарктика 223, 228, 252, 256, 352, 353, 355, 360
 Антильские о-ва 54, 85, 150
 Антиподов, о-ва 200
 Ануту, о. 196
 Аоба, о. 156; см. Ороп
 Аомынь 212; см. Макао
 Апатаки, ат. 146
 Аполлма, о. 192
 Аракчеева, ат. 226, 227; см. также Ангатау
 Арафурское море 23, 24, 107, 169
 Арбатнотр, хр. 300
 Арно, ат. 195
 Арнхем, м. 119
 Арнхемленд, п-ов 51, 119, 122, 134, 205, 207, 318, 324, 328
 Ароран, о. 248
 Артур, р. 339
 Ару, о-ва 113
 Арутау, ат. 146, 176, 217
 Арф, о. 155
 Арфак, хр. 276
 Арчер, р. 322
 Асаро, р. 292
 Аспайринг, г. 267
 Астролябия, зал. 239, 270, 278, 279, 287, 288
 Астролябия (Ганан), хр. 273, 274
 Асунсьон, о. 147
 Атак-Крик, р. 327
 Атафу (Джук-офф-Йорк), о. 152
 Атертон, плато 319
 Атиу, о. 38, 182, 183
 Атлантический океан 56, 60, 62, 85, 96, 103, 110, 123, 125, 149, 151, 152, 159, 162, 170, 172, 212, 223, 237, 240, 341—343, 347—349
 Атиу, о. 185
 Аур, ат. 40, 41, 218—220, 233; см. Траверсе
 Аустральные (Южные) о-ва 34, 191, 197, 248
 Африка 8, 23, 54, 55, 97, 102—105, 110, 153, 158, 244, 253
 Восточная Африка 102, 278
 Южная Африка 222
 Ахаура, р. 266
 Ахе, ат. 146
 Ахунуи, ат. 249, 254
 Ачачумби, миф. о-ва 78
 Ашбертон, р. 314, 332

Багаман, о. 274
 Баия (Бразилия) 139
 Байрон, прол. 153
 Бали, о. 106
 Балим, р. 294—296
 Балларат 322, 333
 Балонн, р. 320
 Балтийское море 162, 209, 210,
 212, 214, 223, 239
 Банда, море 107
 Банда, о-ва 112, 113, 119
 Банкс, м. 206
 Банкс, о-ва 10, 11, 95, 100, 113,
 133, 196, 246, 280
 Бакс, п-ов 261
 Бантам, обл. 111, 112, 116
 Барколдайн 330
 Барклай-де-Толли, ат. 226; см.
 Рарона
 Барклан, плато 326
 Барку, р. (средн. теч. реки Ку-
 перс-Крик) 324, 325, 332
 Барн-Блафф, г. 339
 Барьерный, хр. 316
 Бассов прол. 52, 201, 202, 205,
 250, 251, 342
 Батавия (Джакарта) 34, 112
 117—119, 121, 125—127,
 133—135, 137, 141—143,
 146, 153, 154, 167, 169, 176
 195, 196, 271, 272, 279
 Батавия, р. 113
 Батерст 300, 314
 Батерст, о. (Тиморское море) 135
 207
 Бауман, о-ва 146; см. о-ва Мануа
 н Роз
 Бевани, горы 270
 Бедриглайк, о. 146; см. Тикен
 Бей-оф-Айлендс, 262
 Бей-оф-Айлендс, зал. 259, 261;
 см. Айлендс
 Беллинсгаузена, о. 232, 233; см.
 Моту-Оне
 Беллинсгаузена, котловина 356
 Белое море 234
 Белых Людей, о-ва 72
 Бельгия 324
 Бенгалия 201
 Бендиго 322
 Бенкулен, о. 138
 Бёрдекин, р. 319
 Берег Александра I 230; см. так-
 же Земля Александра I
 Берег Миклухо-Маклая 239, 279—
 281, 287
 Берингов прол. 217, 231, 253
 Берингово море 231, 234, 352
 Бикар, ат. 65

Бикини, ат. 65, 68, 233
 Бисмарка, арх. 10, 12, 25—27, 140,
 246, 287, 288, 290, 344
 Бисмарка, хр. 287, 288, 292
 Блок, хр. 339
 Бобо-Ама, о. 274
 Боган, р. 302, 308
 Бокондини 295
 Большая Песчаная пустыня 8, 331,
 335, 336
 Большая пустыня Виктория 8,
 330—332, 334, 335
 Большая Ява 107, 108
 Большие Киклады, арх. 109, 156,
 157, 175, 176; см. также Но-
 вые Гебриды
 Большой Австралийский зал. 8,
 121, 310, 311, 329
 Большой Артезианский бассейн
 333
 Большой Барьерный риф 19, 23,
 107, 109, 156, 168, 170, 200,
 204, 273, 274
 Бомбаран, п-ов 100, 270
 Бонга 278
 Бонинские о-ва 235, 236
 Борабора, о. 146, 165, 171
 Бородино, о-ва 223
 Ботан-Бопре, о. 199
 Ботаническая бухта (Ботани-Бей)
 108, 168, 171, 194
 Бразилия 53, 54, 62, 69
 Брансуик, зал. 207
 Браун, г. 274, 317
 Браутон, р. 309
 Бриджутер, м. 206
 Брисбен 202, 275, 277, 318, 320,
 323, 336
 Брокен-Хилл 316
 Брумер, м. 274
 Бруни, о. 199
 Брус, г. 314
 Бугенвиль, о. 157
 Бугенвильский желоб 355
 Будуар, о. 164; см. Акиаки
 Бука, о. 153, 157
 Буллер, р. 266
 Булоло, р. 291
 Бунгу 287
 Бургео, о. 163
 Буру, о. 107, 157
 Буэнос-Айрес 155
 Бюффон, м. 206
 Вавау, о-ва 39, 40, 191, 229
 Ваги, р. 292—294
 Вайгео, о. 139, 199
 Валс, м. 113, 118
 Вальпарансо 22, 77, 85, 251, 343

Ванавана, ат. 249, 254
 Ванапа, р. 284, 285
 Вангуну, о. 195
 Вандименова Земля 128—130,
 133, 134, 167, 173, 182, 199,
 201, 202, 205; см. также Та-
 смания
 Ваникоро, о. 153, 193, 199, 251
 Ванкувер 339, 346
 Вануа-Леву, о. 243
 Вария, р. 285
 Ватганаи, о. 196
 Ватерландт, о. 124
 Вахитахи, ат. 155, 164
 Вашингтон, о. 197, 200
 Вашингтоновы о-ва 211
 Великобритания 131, 164, 169,
 327
 Веллингтон 262, 263
 Берквинг, ат. 146; см. также
 Макатеа
 Беррадерс Эйландт (Остров Пре-
 дателей) 125; см. также Ниу-
 атоубуту и Тафахи
 Вест-Индия 150, 163, 195, 210
 Викториа-Эммануила, хр. 283,
 291—293
 Викториа, г. (хр. Оуэн-Стэнли)
 284
 Виктория, о-ва 276
 Виктория, р. 208, 324, 331
 Виктория, шт. 304, 305, 309, 322,
 324, 326, 335, 336
 Виллинген, р. 289
 Вильгельмина-Топ, г. 294
 Вильгельмины, г. 289
 Вильсонс-Промонтори, м. 201, 202
 Вильсонс-Промонтори, п-ов 202
 Винмера, р. 308
 Виссел, оз. 294
 Витгенштейна, ат. 226; см. Фака-
 рава
 Вити-Леву, о. 196
 Витязь, прол. 239
 Владивосток 60
 Воаху, о. 185
 Вогелкоп, п-ов 64, 142, 270, 275,
 276, 289
 Водораздельный хр. 7, 8, 301, 302,
 305, 308, 314, 316, 320, 324,
 332
 Вознесения, о. 140
 Волкано, о-ва 71
 Волконского, ат. 226; см. Такуме
 Волхвов, о-ва 66, 70
 Восток, о. 48, 57, 228, 230
 Восточно-Австралийское течение
 23, 52

Восточно-Каролинская котловина
 358
 Восточно-Китайское море 74, 345
 Восточно-Меланезийский желоб
 (желоб Витязя) 355
 Восточный Фолкленд, о. 151
 Вотто, ат. 75, 220, 238
 Вотье, ат. 57, 71, 195, 218, 220,
 221, 232
 Вудларк, о. 274
 Вудсхолл 349
 Вулкан, о. 99
 Гавайи, о. 185, 186, 212, 233
 Гавайская подводная гряда 351
 Гавайский вал 355
 Гавайский подводный хр. 358
 Гавайские о-ва, Гавайи 14—16, 29,
 34, 35, 38, 40, 41, 44—46,
 182, 184—186, 189, 192, 193,
 211, 214, 215, 218, 221, 223,
 231—234, 238, 239, 244,
 245, 247—249, 256—259, 343,
 349, 351, 353, 358
 Галапагосские о-ва 19, 22, 47,
 76—78, 254, 354
 Гарднер, оз. 311
 Гарднер, о. (Гавайские о-ва) 248
 Гаскойн, р. 312—314
 Гатукаи, о. 195
 Гауа, о. 95
 Гейдена, ат. 221
 Гелвинк, зал. 74, 141, 142, 251,
 270, 274, 276, 289
 Гендерсон, о. 248
 Географа, зал. 137, 205, 312
 Географа, прол. 205
 Германия 53, 222, 245, 246, 278,
 280, 287, 290, 318, 344
 Гибсона, пуст. 8, 330, 334
 Гилберта, о-ва 12, 13, 20, 36, 41,
 73, 152, 153, 194, 200, 238,
 245, 248—250, 358
 Гилберт-Ривер (Гилберт), р. 73,
 319, 322, 324
 Гилуве, г. 292
 Гипсленд, плато 315
 Гишен, зал. 206
 Гсиелг, р. 308, 309, 312
 Глостер, о. 152
 Гоа 111, 112
 Голден-Майл 334
 Голиаф, горы 289
 Голаандия 110—112, 114, 116,
 117, 119, 122, 125, 126, 135,
 138, 141, 142, 146, 162, 199
 Голубые горы 297—300, 307
 Гольфстрим, течение 74, 354
 Гондурас 138, 163

Гондурасский зал. 163
 Гонконг 343, 349
 Гонолулу 17, 233, 244, 359
 Гордж, р. 267
 Гордон, р. 338, 339
 Горн, м. 123—125, 133, 138, 139, 143, 144, 149—151, 158, 164, 167, 176, 179, 181, 192, 209—211, 214, 215, 223, 232, 237, 238, 247, 341
 Гоуер, о. 153
 Гоулберн, о-ва 207
 Грегори, р. 326
 Грей, р. 266, 312
 Грей, хр. 317
 Грейга, ат. 226; см. Ниау
 Грейт-Лейк, оз. 338, 339
 Гренландия, о. 349
 Грин, о. 203
 Грин-Айленд, о. 128
 Грин-Айлендс, о-ва 125
 Гроининген, о. 146; см. также Уполу
 Груне Эйленден, о-ва 125
 Гуадалканал, о. 81, 82, 86
 Гуайдир, р. 301
 Гуам, о. 57—60, 63, 64, 71, 75, 147, 148, 221, 233, 236, 246, 349
 Гуанчжоу (Кантон) 194, 212, 244
 Гуаяна 77
 Гугуан, о. 147
 Гумбольдта, зал. 270
 Гумбольдта, хр. 267
 Гунтова-Мана, хр. 287
 Гуте Вервахтинг, ат. 146; см. Рангирао

Дагенрад, ат. 146; см. также Манихи

Дайамантна, р. 326, 330
 Дайк-Акланд, зал. 276, 284
 Дак, р. 339
 Дален, р. 289
 Дальный Восток 54, 69, 70, 73, 85, 122, 194, 244, 271
 Дампир, арх. 139
 Дампир, прол. 140, 251
 Дандас, прол. 135
 Дарвин 329, 332
 Дарлинг, р. 8, 301—303, 307—309, 316, 318, 320, 321, 323, 325
 Дарлинг-Даунс, равнина 301, 318, 320
 Дарт, р. 267
 Дарьен 54
 Даски, бух. 173
 Даффа, о-ва 94
 Девы Марин, о. 95

Де-Грей, р. 331
 Дейман (Каова-Горо), г. 274
 Дейнджер, о-ва 151
 Декстера, миф. о-ва 235
 Деруэнт, р. (о. Тасмания) 199, 337—339
 Десена, о. 93, 227
 Джакс, г. 339
 Джарвис, о. 248
 Джаффа, м. 206
 Джексон, зал. 267
 Джими, р. 292, 293
 Джимбур 318
 Джоана-Спрингс, источник 335
 Джонстон, ат. 248
 Джордж, оз. 301
 Ди, р. 338
 Днана, мель 156, 157
 Дингул, р. 289, 295
 Дизастер-Бей, бух. 207, 208
 Дисаппойнтмент, о-ва 151
 Доброй Надежды, м. 53, 60, 62, 73, 85, 111, 114, 116, 117, 122, 128, 137, 139, 140, 152, 157, 164, 167, 172, 175, 205, 209, 214, 223, 231, 237, 238, 247, 250, 251, 341, 344
 Дойлс-Уэлл 335
 Доре, бух. 274, 275, 289
 Дарлинг-Даунс, равнина 301
 Дорр, о. 312
 Доусон, р. 319
 Дрейка, прол. 18
 Думареск, г. 301
 Дьюк-оф-Глостер, о-ва 153
 Дюбус, форт 272, 273
 Дюрвиль, м. 270
 Дюси, о. 196

Европа 5, 7, 8, 53, 58, 61, 73, 74, 86, 96, 97, 102, 103, 110, 141, 154, 168, 186, 190, 191, 193, 196, 205, 240, 242, 243, 258, 262, 280, 288, 322, 341

Енао (Нокс), о. 197
 Ермолова, ат. 226; см. Таэнга

Жозеф-Бонапарта, зал. 205, 207
 Жуэнвиль, о. 252

Западно-Австралийское течение 23, 114

Западно-Каролинская котловина 358

Западно-Марианская котловина 358

Западных Ветров, течение 18—23, 170

Западные о-ва 72, 191

Западный Ириан 270, 289, 290,
 293—296
 Западный Фолкленд, о. 151
 Зейдландт (Австралия) 118, 119,
 121, 122, 127, 128, 133—135,
 137
 Зеленого Мыса, о-ва 54
 Земля Аделн (Антарктида) 252
 Земля Александра I 229, 230
 Земля Антония Ван-Димена 159
 Земля Грейама, п-ов (Антарктида)
 144, 252
 Земля Дампнра, п-ов (Австралия)
 207
 Земля Девиса, миф. суша (Тихий
 океан) 176, 215
 Земля де Витта (Австралия) 121
 Земля кайзера Вильгельма 281,
 287
 Земля Клерн (Антарктида) 252
 Земля Нейтса 121, 130, 134, 203
 «Земля Сандвича» (Южные Санд-
 вичевы о-ва) 180, 225
 Земля Святого духа, миф. суша
 143, 156, 170, 178
 Земля синов (Китай) 102
 Земля Уилкса (Антарктида) 256
 Земля Штатов, о. 123, 125, 180;
 см. также Эстадос
 Земля Штатов, о-ва 131, 133; см.
 также Новая Зеландия
 Земля Эдела, Эделсландт (Австра-
 лия) 117, 121
 Земля Эндрихт (Австралия) 116,
 117
 Зондер Грондт, о. 124; см. Така-
 роа-Такапото
 Зондские о-ва (Большие и Малые
 Зондские о-ва) 106, 279
 Зондский прол. 223, 233
 Инденбург, о. 290, 295
 Инденбург-Топ, г. 296
 Иемо, ат. 75
 Изумруд, прол. 239
 Иисуса, о. 79
 Илага, р. 295
 Инвестигейтор, о-ва 203
 Индевр (Эндевор), прол. 169, 204
 Индевр, р. 168, 200; см. Кук-Хар-
 бор
 Индия 55, 61, 74, 111, 112, 126,
 133, 135, 150, 192, 210, 241,
 302
 Индийский океан 8, 19, 23, 24,
 60, 68, 102, 103—105, 111,
 114, 116, 121, 134, 138, 150,
 151, 159, 170, 172, 175, 181,
 191, 199, 205, 240, 256, 314,

331, 335, 336, 341, 347—349,
 352
 Индокитай, п-ов 13, 42, 43, 50
 Индонезия 9, 11, 13, 29, 43, 45,
 48, 50, 281, 296
 Индостан, п-ов 150
 Иокотама 343, 344
 Ирвин, р. 313
 Ирландия 96, 302, 324
 Испания 53—56, 60—62, 65, 69,
 70, 73, 76, 85—87, 91, 92, 95,
 98, 100, 110, 147, 150, 151,
 154, 159, 190, 194, 246
 Ист-Мерчисон 334
 Ифалик, ат. 200, 236
 Иилгрэн 333
 Йорк, зал. 207
 Йорк, м. 169, 204
 Йорк, п-ов 203
 Йорк, о-ва 169; см. Маунт-Адольт-
 фус
 Йоркшир 164, 177
 Кавен, ат. 218, 220
 Канки (Танти), о. 40
 Кайкоура, хр. 266
 Калган, р. 312
 Калгурли 314, 333—335
 Каллиманта, о. 59, 269
 Калинианлау, о. 153
 Калингамаранги, подв. вал 355
 Калифорния, п-ов 74, 82, 83, 191,
 322, 349, 353
 Кальяо 77—80, 82, 84, 85, 87, 92,
 138
 Камчатка, п-ов 189, 192, 210, 212,
 217, 222, 223, 231, 234, 238
 Канада 150, 151, 155, 162, 194,
 210, 302
 Канарские о-ва 278
 Канберра 301
 Канделярия, мель 80
 Кантаридес, о. 99
 Каприкорн, прол. 168
 Капстадт 153
 Карибское море 85, 92
 Каркар, о. 239
 Каролайн, ат. 48, 57, 94
 Каролинский подв. вал 355
 Каролинские о-ва 12, 13, 20, 40,
 60, 65, 66, 68, 71, 74, 147,
 148, 191, 198, 200, 213, 218,
 221, 234—236, 239, 246, 248—
 251, 343, 350
 Карпентария, зал. 8, 107, 119,
 122, 134, 135, 159, 203, 204,
 207, 308—322, 324—326
 Карстенс-Пирамид, г. 296

Карстенс-Топпен, г. (горы Карстена) 118, 271, 289, 290, 296
 Касарей, р. 300, 320
 Катастроф, м. 203
 Катиу, ат. 226
 Катр Фокардин, о. 155; см. также Вахитахи
 Кауан, о. 185, 212; см. Атуи
 Каукура, ат. 176
 Каула, о. 185; см. Тахарао
 Кауэхи, ат. 249, 255
 Кваджелейн, ат. 71, 220, 237; см. Меишикова
 Квебек 162
 Квинсленд, шт. 277, 301, 306, 317, 319—324, 326, 333, 335, 336
 Кеалакекуа, бух. 186, 212
 Кейп-Баррен, о. 201
 Кейп-Йорк, п-ов 51, 99, 100, 113, 114, 118, 119, 122, 134, 273, 274, 320—322, 324
 Кейптаун 153, 167, 169, 170, 173, 175, 180, 182, 199; см. также Капстадт
 Кемберленд, о. 152
 Кенгуру, о. 203, 206
 Кент, о-ва 202
 Кентерберри 266
 Кермадек, желоб 345, 349, 355, 358
 Кермадек, о-ва 195, 199, 342, 345, 349, 353
 Кёртис, о. (о-ва Кермадек) 195
 Керуир, м. 113
 Кикори, р. 99, 284, 285, 287, 291—293
 Кили, о. 200
 Килинанлау, о. 153
 Кимберли, плато 51, 312, 333, 336
 Кинг, зал. 207
 Кинг-Джордж, бух. 201, 310—312
 Кинг-Джордж, о. 151, 217
 Кингмен, риф (Тихий океан) 200
 Китай 42, 69, 126, 186, 194, 195, 210, 244, 287
 Кларенс, г. 274
 Кларенс, прол. 207
 Кобург, п-ов 135
 Колима, гавань 83
 Колли, р. 312
 Коллиер, бух. 312
 Колингвуд, зал. 276
 Колмен, р. 322
 Колумнас, миф. о-ва 235
 Коморские о-ва 29
 Конго, р. 269
 Кондамайн, р. 320
 Консепсьон (Чили) 215, 232
 Константина, о-ва 238

Коралловое море 23, 99, 109, 170, 204, 273, 274, 292, 343
 Коринто (Никарагуа) 84
 Коро, о. 196
 Королевы Шарлотты, прол. 173—175, 179, 182
 Косцюшко, г. 315
 Красивых Людей, о. 94
 Красное море 278
 Крокер, о. 207
 Кронштадт 210, 212, 214, 215, 221—223, 225, 230, 232, 233, 236, 238
 Крузенштерна, ат. 220; см. Аилук
 Крузенштерна, ат. 217, 227, 228; см. Тикахау
 Куба, о. 54, 74
 Куинс-Чаннел, зал. 208
 Куин Шарлотт, о. 152
 Кука, г. 267
 Кука, о-ва 14, 17, 29, 34, 36, 38, 245, 248, 249, 259, 351
 Кука, о-ва (Северные) 48, 89, 94, 151, 195, 214, 229, 239, 249
 Кука, о-ва (Южные) 24, 34, 181, 182, 243, 257
 Кука, прол. 130, 131, 166, 173, 226, 342
 Кука, проход 169
 Кук-Харбор, р. 168
 Кулгарди 314, 334
 Кунашир, о. 222
 Кунгарри 306
 Куперс-Крик, р. 317, 321, 324—326, 335
 Куриа, о. (арх. Гилберта) 41, 194
 Курило-Камчатский желоб 352, 355
 Курильские о-ва 127, 222, 344, 352, 358
 Куросио, течение 18, 45, 48, 354
 Кусаие, о. (Каролинские о-ва) 248
 Кутузова, ат. 226; см. Макемо
 Кутузова, ат. 217; см. Утирик
 Кэмпбелл, о. (Новая Зеландия) 248
 Кэрнс 336
 Ла-Барбада, о. 72
 Лабрадор, п-ов 349
 Лавонгай (Новый Ганновер), о. 125, 139, 140, 153
 Лагун-Айленд, ат. 164
 Ла Десграсьяда, миф. о. 185
 Лазарева, ат. 228; см. Матахива
 Лай, р. 292
 Лайхарта (Лейхардта), р. 319, 322, 326
 Ла-Каймана, о. 72

- Лаксмба, о. 197
 Ламари, р. 292
 Ла Меса, миф. о. 185
 Ламотрек, ат. 200
 Лансье, ат. 155
 Ла-Плата, р. 54, 55, 85
 Лау, о-ва 243
 Лахлан, р. 300, 308
 Лаэ, ат. 71, 238
 Левек, м. 138
 Левин, м. 117; см. также Луин
 Левуке, о. 243
 Ле-Мера, прол. 124, 143, 164
 Лепре, о. 156
 Лехуа, о. 185; см. Орехоуа
 Либ, о. 200
 Ливерпул, равнина 300, 301
 Ликиеп, ат. 221, 238; см. Гейдсена
 Лима 76—78, 89, 91, 92, 98, 191
 Линда, долина 339
 Линд, р. (Австралия) 319, 322
 Линкольн, п-ов 309; см. Эйр
 Лисянского, о. 212
 Лоддон, р. (бас. Муррея) 308
 Ломбок, о. 106
 Лонг-Айленд, о. 239
 Лонге Ланд, о. 142
 Лонсетон 337, 339
 Лосап-Нама, ат. 235, 249
 Лос-Мохос, миф. о. 185
 Лос-Хардинес, арх. 70
 Лоялти, о-ва 199, 251
 Луизиада, арх. 157, 195, 199, 248, 274, 284
 Луни, м. 117, 119, 121, 122, 199, 200, 203
 Лусон, о. 76, 152
 Л'Эсперанс, о. 199

 Маврикия, о. 127, 157, 192, 205, 206, 312
 Магдалена, о. 88, 89; см. Фату-Хива
 Магелланов прол. 56, 57, 61—63, 85, 104, 111, 123, 124, 149, 151—153, 155, 158, 181, 343—345
 Магнет, хр. 314
 Маграге, о. 60
 Маджуро, ат. 195, 238
 Мадрас 159
 Мадре-де-Дьос, бух. 89
 Мак-Артур, р. 319
 Макао 212; см. Аомынь
 Макатеа, ат. 146
 Макдональд, оз. 335
 Макдонелл, хр. 327, 331, 336
 Макемо, ат. 226, 227

 Макензи, р. 319
 Макин, ат. 194
 Макинтайр, р. 301
 Макинтош, р. 339
 Мак-Кинли, горы 325
 Мак-Клуэр, зал. 270, 276
 Маколи, о. 195
 Макуори, зал. 338, 339
 Макуори, о. 248
 Макуори, р. (бас. Дарлинига) 300, 302, 320
 Макуори-Харбор, бух. 128
 Малаита, о. 82, 153
 Малайский арх. 10, 13, 16, 20, 43, 54, 61, 84, 105, 107, 111, 112, 126, 137, 152, 256, 279, 281, 341, 344
 Малакка, п-ов 55, 56, 65, 106, 112, 126, 279
 Маландас, о. 99
 Малая Ява 107
 Малгрейв, о. 100, 113
 Малден, о. 249
 Малекула, о. 178
 Малоэлап (Кавен), ат. 195, 218
 Мамберамо, р. 289, 290
 Манавату, р. 263
 Манаоба, о. 153
 Мангаи, о. 38, 182
 Мангарева (Гамбье), о-ва 28, 38, 45, 48, 245, 257
 Манила 76, 91, 94, 99, 100, 141, 148, 159, 185, 191, 221, 223, 233
 Манихи, ат. 146, 151
 Манихики, о. 248
 Маино, о. 192
 Мануа, о-ва 146, 156
 Мануаэ, о. 174
 Манус, о. 125, 191
 Мануханги, о. 152
 Мао, о. 60
 Мараке, о. 73, 249
 Мараноа, р. 321
 Маргарет 314
 Маргарет, оз. (о. Тасмания) 339
 Марианский желоб 346, 349, 355, 359
 Марианские о-ва 12, 13, 35, 40, 41, 57, 58—60, 65, 66, 71, 147, 158, 185, 221, 223, 244, 246, 247, 343, 347, 349, 358
 Мария, о. (Австралийские о-ва) 249
 Мария-Ван-Димен, м. 131, 166
 Маркем, р. 289, 290—292
 Маркен, о. 125
 Маркиза Мендовы, о-ва 236; см. Маркизские о-ва

Маркизские о-ва 5, 14—17, 24, 29, 34, 38, 44, 45, 48, 49, 79, 85, 88—91, 176, 197, 200, 211, 243, 245
 Маркус-Некер, подв. хр. 351, 358
 Маррамбиджи, р. 301, 308, 315
 Мартинс, зал. 267
 Марутеа, ат. 93, 196
 Маршалловы о-ва 12, 13, 20, 36, 57, 63—66, 68, 70, 71, 74, 75, 83, 152, 153, 199, 200, 213, 217, 218, 220, 221, 231, 233, 237—239, 246, 249, 358
 Масгрейв, хр. 330, 335
 Масима, о. (арх. Луизиана) 199
 Матаван, бух. 34, 153, 165, 176, 178, 182, 228, 237, 242
 Матаи, о. 59
 Матахива, ат. 228
 Маттиас, о. 139
 Матуку, о. (арх. Фиджи) 249
 Матью, о. 195
 Мауг, о-ва 60, 147
 Мауи, о. (Гавайские о-ва) 186
 Мауке, о. 249, 257
 Мауна-Кеа, вулк. (Гавайские о-ва) 186
 Маунт-Адольфус, о-ва 169
 Маунт-Лайелл, г. 339
 Маунт-Магнет 335
 Маунт-Маргарет 328, 334
 Маунт-Эгмонт, г. 166
 Маунт-Эйр, г. 309
 Маупити, о. 146
 Маурелье, арх. (арх. Тонга) 191
 Маэво, о. 156
 Маяна, ат. 194
 Меджит, ат. 75, 218
 Межпассатное противотечение 19, 354; см. Экваториальное противотечение
 Мексика 54, 62, 65, 66, 70, 72—76, 86, 92, 95, 147, 185, 191, 349
 Меланезия 10—12, 14, 15, 25, 27, 42, 43, 51, 52, 91, 154, 246, 252, 256, 279—281, 283
 Меланезийская котловина 358
 Мелвилл, о. 122, 135, 207
 Мельбурн 203, 277, 281, 302, 304, 308, 315, 318, 322—324, 333, 336, 342
 Менди, р. 292, 293
 Менинди, оз. 316, 325
 Меншикова, ат. 237, 238; см. Кваджелейн
 Мердер Зорг, ат. 146
 Меркьюри, бух. 166
 Мери-Лава, о. 95, 156

Мерчисон, р. (Австралия) 313, 329, 330
 Мерчисон, р. (о. Тасмания) 339
 Миддельбург, о. 131
 Мидлсекс, равнина 339
 Мидуэй, ат. (Гавайские о-ва) 249
 Микелон, о-ва 162
 Микронезия 10—14, 27, 28, 37, 40, 42, 44, 52, 61, 67—69, 147, 213, 221, 231, 237, 240, 246, 252, 279, 281, 283, 287
 Мили, ат. 195, 238
 Милорадовича, ат. 226; см. Фааите
 Минданао, о. 40, 64, 71, 138, 153, 346
 Миоко, о. 287
 Мировой океан 6, 103, 139, 233, 236, 343—345, 355, 359
 Митиеро, о. (арх. Кука) 249, 257
 Митчелл, р. 322
 Михайлова, о. 229, 230; см. также Тувана-Итоло
 Моала, о. 249
 Мове, проход 273
 Мокил, ат. 66, 235, 249
 Моллера, ат. 226
 Молуккские о-ва, Молукки 25, 54—56, 59—65, 68, 69, 71—76, 85, 100, 105—107, 111—113, 119, 125, 133, 143, 147, 157, 199, 251, 270—272, 279, 343
 Монаро, плато 301
 Монсерате, о. 100
 Монте-Белло, о-ва 118
 Мореплавателей, о-ва 156; см. также Самоа
 Мортон, зал. 301
 Мотане (Сан-Педро), о. 88
 Моте, о. 196
 Мотта, о. 196
 Моту-Оа, о. 197
 Моту-Оне, о. 232
 Мотуку, о. (арх. Фиджи) 249
 Муррей, оз. 290
 Муррей, р. 8, 9, 303—305, 308, 309, 313, 316, 323, 335
 Муса, р. 284
 Муссау, о. 139
 Нагасаки 212
 Нада, о. 248
 Наираи, о. 196
 Найн-Айлендс, о. 153
 Налларбор, равнина 8, 311, 312, 333
 Намои, р. 300
 Намолук, о. 66, 249
 Наму, ат. 83, 200

Намука, о. 131, 183; см. Роттер-
 дам
 Наномана, о. 191
 Нантакет 247
 Нанумеа, ат. 79, 191
 Напир-Брум-Бей, бух. 108, 109
 Напука, ат. 151
 Нассау, ат. 249
 Натуралиста, м. 205
 Натуралиста, прол. 205
 Науру, о. 200
 Нгау, о. 196
 Нгару-Руху, м. 108
 Нгатики, ат. 191, 236
 Нгау, о. 197
 Нгулу, о-ва 74
 Ндени, о. 90
 Нейпир (Новая Зеландия) 263
 Нейтса, арх. 121
 Нельсон (Новая Зеландия) 262,
 265, 266
 Нельсон, м. 206
 Ненгоненго, ат. 93, 152
 Ниау, ат. 93, 226, 227
 Нигиру (Нихиру), ат. 226
 Нидерландская Ост-Индия, коло-
 ния 112, 125, 271, 279
 Нинхау, о. 185; см. Онехею
 Никобарские о-ва 138
 Никол, зал. 331
 Николсон, равнина 331
 Ниниго, о-ва 72, 153, 157, 191
 Ниньячумби, миф. о-ва 78
 Ниутобутабу, о. 124
 Ниутао, ат. 79
 Новая Британия, о. 10, 26, 140,
 153, 157, 251, 293
 Новая Гвинея, о. 7, 10, 12, 16, 19,
 20, 25—27, 50, 51, 64, 68, 69,
 72, 73, 79, 84, 99, 100, 101,
 107, 108, 112, 113, 118, 121,
 125, 127, 130, 133, 134, 138—
 140, 142, 146, 153, 156—160,
 167, 169, 191, 199, 204, 239,
 245, 246, 252, 256, 269—
 281, 283—295, 344, 349, 354
 Новая Голландия, материк 107,
 133, 137—139, 141, 143, 156,
 159, 160, 167—171, 192, 194,
 200—203, 205—208, 252; см.
 также Австралия
 Новая Зеландия, о. 5, 7, 14, 16,
 17, 19, 20, 26, 29, 37, 38, 41,
 44, 45, 58, 125, 130, 131, 133,
 134, 158—160, 164—167, 170,
 171, 173, 174, 176, 178, 179,
 183, 189, 192, 195, 197, 199,
 200, 230, 245, 246, 248, 251,

254, 258—269, 287, 344, 346,
 349, 353, 355, 358
 Северный о. 16, 41, 130, 131,
 166, 174, 192, 226, 255, 259,
 260, 262, 263, 265, 337, 341,
 342
 Южный о. 16, 130, 166, 167,
 173, 197, 226, 261, 262, 265—
 267, 342
 Новая Ирландия, о. 125, 133, 139,
 140, 153, 157, 199
 Новая Испания (Мексика) 71
 Новая Каледония, о. 10—12, 24,
 52, 78, 179, 181, 195, 199,
 245, 251, 258, 280, 349,
 353
 Новая Шотландия, провинция 163
 Ново-Архангельск 212, 223, 237,
 238
 Новобританский желоб 355
 Новогвинейское море 158, 199,
 239, 246, 344
 Новозеландское подводное плато
 356, 360
 Новокаледонская котловина 358
 Нового Года, ат. 218; см. Меджит
 Новый Иерусалим 96, 97
 Новый Свет 20, 54, 60, 77, 82,
 86, 91, 92, 98, 150, 205
 Новый Южный Уэльс, шт. 23,
 169, 192, 194, 202, 203, 207,
 208, 238, 297, 300—304, 307,
 309, 314—318, 322, 332, 335,
 338
 Новые Гебриды, о-ва 10—12, 20,
 27, 97, 109, 157, 178, 181,
 183, 199, 222, 236, 243, 245,
 246, 251, 280
 Номой, о-ва 66
 Нономана, о. 191
 Нортумберленд 177
 Норфолк, о. 179, 181, 196
 Нуи, о. (арх. Эллис) 249
 Нуку-Ланга, ат. 248
 Нукунау, о. 152
 Нукуноно, о. 196
 Нукуро, ат. 248
 Нукутаваке, о. 152
 Нукуфетау, ат. 248
 Нукухива, о. 197, 211, 258
 Нуракита, ат. 89
 Нью-Джорджия, о-ва 195
 Нью-Плимут (Новая Зеландия)
 262
 Ньюфаундленд, о. 138, 162, 163
 Оаху, о. 185; см. Воаху
 Обращения св. Павла, ат. 93
 Обри, г. 274

- Общества, о-ва 14, 15, 28, 29, 34, 41, 44, 45, 58, 89, 93, 124, 146, 152, 165, 171, 174, 183, 184, 186, 195, 238, 243, 246, 256, 257
- Огненная Земля, арх. 18, 62, 64, 85, 104, 123, 124, 133, 164, 180, 181, 254
- Океания 5—8, 10—12, 18, 20—22, 24, 25, 27, 29, 34, 37, 39, 41—44, 53, 58, 60, 64, 69, 88, 91, 102, 126, 149, 153, 165, 171, 174, 177, 178, 181, 183, 186, 189—191, 193, 194, 205, 209, 212, 214, 215, 217, 221, 230, 231, 234, 237—239, 241—243, 245—248, 250, 257, 280, 306, 314, 341, 342, 351, 353
- Восточная Океания 22, 28, 37, 158
- Западная Океания 13, 19, 24, 122, 280, 344
- Центральная Океания 122, 158
- Окленд (Новая Зеландия) 262, 263
- Окленд, п-ов 192
- Окленд, о-ва 248, 349
- Олбани 310, 311, 313, 333
- Олимарао, ат. 236
- Онехеоу, о. 185
- Оно, о. 229, 230
- Онон, о. 200
- Онтонг-Джава, ат. 80, 133
- Орд, р. 331
- Орехоуа, о. 185
- Оролук, ат. 74, 191
- Орор, о. 156
- Оснабург (Мехетна), о. 152—153
- Остен-Сакена, ат. 226; см. Катую
- Остин, оз. 314
- Ост-Индия 111, 119, 122, 137, 138, 143, 154
- Острова Приностей (Молюкские о-ва) 53—55, 59, 61, 271
- Отаго, плато 265—267
- Оттилен-Флюсс, р. 288
- Отуэй, м. 202, 206
- Оуэ, р. 338
- Оуэн-Стенли, хр. 274, 284, 285, 293
- Охотск 209, 210
- Охотское море 345, 352
- Ошен, о. 237
- Оэно, о. 248
- Паган, о. 147
- Паго-Паго, бух. 48
- Пайк, р. 267
- Паймен, р. 338, 339
- Пайта 77, 87
- Пакин, ат. 235
- Палау, о-ва 12, 13, 40, 125, 148, 279, 351
- Паллисера, о-ва 176, 217, 227
- Палмер, р. (Австралия) 322
- Палмер, р. (Новая Гвинея) 284
- Пана-Виуа, о. 274
- Панама 60, 77, 85, 86, 92, 98, 138
- Панамский перешеек 54, 138
- Пана Роа, о. 274
- Пана-Сиа, о. 274
- Панафидина, о. 223
- Пандора, перевал 300
- Паилок, о. 148
- Папароа, хр. 266
- Папуа, зал. 99, 273, 274, 276, 277, 284, 285, 290, 292
- Папуа, тер. 291, 295
- Папуа-Ковнай, берег 279
- Пара, бух. 31
- Параоа, о. 152
- Пасхи (Рапануи), о. 5, 14, 15, 17, 19, 22, 38, 44, 45, 48—50, 58, 93, 142, 144—146, 152, 153, 175, 176, 183, 192, 193, 211, 215, 246, 254
- Патагония 254
- Пеннафазер, р. 113
- Пенрин (Тонгарева), ат. 48, 195, 217
- Пентекост, о. 156
- Перон, п-ов 205
- Перонс, о-ва 205
- Перрос, о. 99
- Перт 117, 304, 312—314, 329, 331, 333—335
- Перу 20, 22, 34, 46—50, 54, 73, 76—78, 85—89, 91, 92, 98, 147, 190, 192
- Перуанское течение 19, 22, 58
- Перуанско-Чилийский желоб 357
- Пескадорские о-ва 246
- Петерманна, хр. 331, 335, 336
- Петра I, о. 229
- Петропавловск 189, 212, 222, 223, 233, 235, 237, 243
- Пикелот, о. 248
- Пик-Этуаль, о. 156
- Пиначи, о. 152
- Пингелап, ат. 66, 200
- Пирамид, о. 202
- Пирсон, о-ва 203
- Пирс-Пойнт, м. 324
- Питкэрн, о. 153, 173, 195, 196, 229
- Пласеншия, зал. 162
- Планмут 85, 152, 164, 170, 173, 182, 254

Поверти, бух. 165, 262, 263
 Поврота, м. 113; см. Кервер, Керуир
 Подветренные о-ва 165, 246
 Полизезия 10, 11, 14—17, 20, 22, 27—29, 34, 35, 37—40, 42—48, 52, 58, 88, 125, 131, 170, 171, 174, 178, 179, 190, 195, 221, 246, 252, 257, 269, 281, 353, 360
 Понапе, о. 66, 68, 235
 Пондишери 192, 251
 Порт-Далримпл, бух. 202, 338
 Порт-Дарвин, зал. 207, 208
 Порт-Джесон, зал. и порт 168, 171, 192, 194, 195, 200—204, 206, 208, 214, 226, 229, 241, 242, 297—299, 337
 Порт-Кёртис, бух. 324
 Портленд 309
 Порт-Макуори 300
 Порт-Морсби 276, 277, 284, 291, 293
 Порт-Огаста 329
 Порт-Ройял 153
 Портсмут 140, 162, 194
 Порт-Стивенс, бух. 300
 Порт-Филипп, зал. 203, 206, 301, 302, 309, 315
 Порт-Эссингтон 318, 319
 Португалия 54, 55, 69, 70, 107, 110, 111
 Португальская Индия 111
 Поссешен, о. 169
 Предприятие, ат. 232, 233; см. Фангахина
 Престон, р. 312
 Принс-Реджент, р. 312
 Принс-оф-Уэлс, ат. 151
 Принс-оф-Уэлс, о-ва 169
 Принца Уэльского, о. 100, 113, 204
 Провидения (Провиденшл-Чаннел), проход 169
 Пукапука, ат. 89, 124, 217
 Пул, г. 317
 Пулуват, о. 200
 Пулусук, о. 200
 Пурари, р. 284, 292, 293
 Пуэрто-де-ла-Крус, бух. 82
 Пыйнипет, о. 235; см. Понапе
 Рабул (Новая Британия) 293
 Радак, о-ва 218, 220
 Раевского, ат. 226; см. Тепото
 Ранатеа, о. (о-ва Общества) 28, 31, 34, 35, 39, 165, 171, 174, 178, 183, 257
 Ранвавае, о. 191; см. Санта-Роса

Ракаханга, о. 48, 94, 229
 Ралик, о-ва 220, 221, 233, 238
 Раму, о. 287, 288, 290, 292
 Рангирао, ат. 124, 146
 Рангитаики, р. (Северный о.) 265
 Рапа, о. 197
 Рарака, ат. 249
 Рарона, ат. 48, 93, 226, 227
 Раротонга, о. 38, 257, 258
 Рассел, хр. 313
 Ратлснейк (Риу), г. 274
 Рауль, о. 199
 Реалехо 84; см. также Коринто
 Реао, ат. 249
 Ревилья-Хихедо, о-ва 70
 Ред-Уоллис, о. 113
 Рейтору (Берд-Айленд у Кука), о. 165
 Ренар, о-ва 199
 Рентул, р. 292
 Решерш, арх. 199, 201
 Решерш, зал. 199
 Риволи, зал. 206
 Рико-де-Оро, миф. о-ва 235
 Риматара, о. 248
 Римского-Корсакова, ат. 233; см. Ронгелап
 Рио-де-Жанейро 155, 164, 230
 Риф-Айленд, о. 196
 Робак, бух. 139
 Рождества, о. 184, 200
 Роз, ат. (Самоа) 248
 Рокгемптон 321
 Роки-Глен, оазис 317, 318
 Ронгелап, ат. 65, 153, 233
 Ронгерик, ат. 153
 Ропер, р. 319
 Россел, о. (арх. Луизиада) 195
 Россия 172, 210, 222, 230, 231, 233, 278, 280
 Россияни, о-ва 93, 223, 228, 230
 Рота, о. 147
 Ротонти, оз. 263
 Роторуа, оз. 262
 Ротума, о. 38, 196, 237, 258
 Роттердам, о. 131
 Руахине, хр. 263
 Рук, о. 274
 Румянцева, ат. 218; см. Вотье
 Румянцева, о. 216, 217; см. Тиккен
 Руруту, о. 34
 Русская Америка 209, 210, 212, 214, 223, 239
 Руффар, р. 289, 290, 294
 Рыбный, о. 94
 Рюкю, о-ва 353
 Рюрика, ат. 217; см. Арутуа

- Саа, о. 26
 Савайи, о. 192
 Сагитария, ат. 93, 227
 Саддл-Айленд, о. 196
 Сайпан, о. 147
 Саклинг, г. 274
 Салавати, о. 142
 Сала-и-Гомес, о. 144
 Самоа, арх. 5, 14, 15, 17, 20, 26, 28, 34, 37—39, 41, 45, 58, 89, 124, 125, 146, 156, 157, 192, 193, 196, 232, 233, 243, 245—247, 256—258, 344, 349
 Самор, о. 40
 Сан-Бартоломе, о. 63
 Сан-Бернардо, о-ва 89
 Сангарский прол. 212
 Сандвичевы о-ва 185, 186; см. также Гавайские о-ва
 Сан-Кристобаль, о. 82, 86
 Сан-Ласаро, или Западные о-ва 59, 70; см. также Филиппинские о-ва
 Сан-Лукар 91
 Сан-Лукар-де-Баррамедя 56, 60
 Сан-Маркос (Меро-Лавя), о. 95
 Сан-Пабло, о. 57
 Санта-Исабель, о. 81, 82
 Санта-Кристина, о. 88—90
 Санта-Крус, о-ва 10, 25, 26, 85, 89—91, 93, 94, 109, 133, 153, 192, 199, 246, 251, 355
 Санта-Роса, о. 191
 Сан-Франциско 217, 233, 344
 Сан-Франциско, ат. 83; см. Уэйк
 Сан-Хулиан, бух. 56
 Сантьяго (Чили) 159
 Сантьяго-и-Сан-Фелипе, бух. 95—97, 99
 Саригуан, о. 147
 Сарувагед, хр. 289
 Сатавал, о. 200, 236
 Саттор, р. 319
 Саутерн-Кросс 333
 Сахалин, о. 192, 212
 Сварт, р. 294, 295
 Св. Варфоломея, миф. о-ва 235
 Св. Елены, о. 180
 Св. Лаврентия, р. 162
 Св. Маврикия, о. 111
 Себу, о. 75
 Северная территория 333, 336
 Северо-Атлантическое течение 74
 Северо-Восточная котловина (Тиний океан) 358
 Северо-Восточный проход 273
 Северо-Западная котловина 358
 Северо-Западный, м. 116—118, 135, 207
 Северо-Западный проход 149, 214, 253
 Северное Пассатное течение 18, 60, 65, 71, 75, 354
 Северо-Тихоокеанское течение 18, 45
 Северо-Фиджийская котловина 358
 Северный Ледовитый океан 234
 Седжвик, г. 339
 Селе, прол. 142
 Сен-Пьер, о. (Атлантический океан) 162
 Сент-Винсент, зал. 203
 Сент-Джордж, прол. 139, 153; см. Сент-Джорджес-Чаннел
 Сент-Джорджес-Чаннел, прол. 140
 Сент-Клар, оз. (о. Тасмания) 339
 Сентрал-Маунт-Стюарт, г. 327
 Сенивина, о-ва 235
 Сепик, р. (Новая Гвинея) 287—289, 291—293
 Сиберн 334
 Сибил, р. 295
 Сибирь 209, 223, 225, 287
 Сидней 134, 192, 194, 226, 231, 237, 255, 259, 273, 274, 276, 277, 280, 284, 287, 298—301, 303—305, 307—309, 314, 315, 318—323, 333, 336, 344
 Симонова, о. 230; см. также Тувана-Ира
 Симсон, г. 274
 Симпсон, о. 153
 Симпсон, пуст. 336
 Сингапур 279, 280, 349
 Сирконсиссон, м. 149, 172, 173
 Ситха 210, 212, 233, 238
 Сицилия, о. 178, 276, 278
 Скобелева, о. 239
 Снежные горы (Австралийские Альпы) 271, 273, 289, 290, 294
 Снежные горы (Новая Гвинея) 118, 289
 Советский Союз 38, 41, 255, 290
 Соединенные Штаты Америки (США) 194, 239, 245, 246, 258, 314, 351, 359
 Соломоновы о-ва 10, 11, 16, 19, 20, 24—26, 76, 77, 80—91, 125, 153, 157, 192, 195, 197, 199, 245, 246, 280, 349
 Солитария, о. 89, 90
 Сомерсет 321
 Сонсорол, о-ва 57, 60, 148
 Сорол, ат. 74

Спенсер, зал. 203, 309, 316, 329, 333
 Спенсер, хр. 266
 Спиридова, о. 217; см. Такапото
 Спитхед 180
 Средиземное море 28, 96, 150, 223, 253, 348
 Срединно-Тихоокеанский вал 355
 Стар, хр. 295
 Старбак, о. 48, 249
 Старый Свет 8, 77, 150, 159, 205, 269
 Статен-Ривер (Статен), р. 118
 Стерлинг, хр. 312
 Стерт, г. 318
 Стерт-Крик, р. 324, 331, 334, 335, 336
 Столовая, бух. 180
 Стормбай, Сторм, зал. 128, 199
 «Страна Папуа» (Новая Гвинея) 64—66, 68, 69, 72
 Стрики-Бей, бух. 309
 Стрикленд, р. 283—285, 291, 292
 Стшелецки-Крик, р. 317
 Стьюарт, о. (Новая Зеландия) 167
 Суворова, ат. 214, 217; см. Така
 Сулавеси, о. 107, 112, 153, 251
 Суматра, о. 11, 107, 112, 138, 269; см. также Малая Ява
 Сумба, о. 108
 Сумбава, о. 106
 Суон, р. 137
 Схаделайк, о. 146; см. Такапото
 Схаутена, о-ва 72
 Схаутен, о. 130
 Сэр-Эдуард-Пелью, о-ва 204
 Тагула, о. 274
 Танаро, ат. 255
 Танти, о. 5, 16, 17, 22, 26, 28, 31, 34, 37—40, 44, 45, 146, 152, 153, 155, 156, 164—166, 170, 173, 174, 176, 178, 182—184, 186, 190, 195, 196, 200, 226, 228, 229, 232, 233, 237, 241—245, 254, 257—259, 343
 Тайвань, о. 126, 135, 152, 246
 Така, ат. 65, 217
 Такапото, ат. 146, 191, 217
 Такароа-Такапото, ат. 124
 Такуме, ат. 226, 227
 Такутеа, ат. 182, 183
 Тамана, о. 248
 Тами, о. 26
 Танна, о. 222
 Таонги, ат. 63
 Тапаро, ат. (арх. Туамоту) 249

Тапиро, горы 290
 Тарава, о. 194
 Таравера, оз. 263, 265
 Тарамакау, р. 267
 Тари, р. 292, 293—295
 Тасмана, ледн. 267
 Тасмана, п-ов 128
 Тасмания, о. 51, 52, 128, 130, 133, 134, 167, 182, 190, 201, 202, 206, 222, 238, 239, 251, 254, 297, 304, 309, 315, 337—339, 349; см. также Вандименова Земля
 Тасманово море 23, 267, 344, 353
 Татакото, ат. 191
 Тауата (Санта-Кристина), о. 88
 Таумако, о. 94, 95, 109
 Таупо, оз. 262, 263, 265
 Тауу, ат. 125
 Тауэре, ат. 191
 Тафахи, о. 124
 Таханеа, о. 191, 226
 Тахароа, о. 185
 Тахоа, о. 165, 171
 Таэнга, ат. 226, 227
 Те-Анау, оз. 267
 Те-Ду, о. 174
 Теймар, р. 202, 337
 Текокого, ат. 173, 191
 Телефомин 295
 Темза, р. (Северный о.) 166, 262
 Тепото, ат. 151, 226
 Терминейшен, о. 201
 Тернате, о. 55, 112
 Тернейген (Поворота), м. 166
 Терстон, п-ов 175
 Те-Снэрс, о-ва 197
 Тидоре, о. 59, 60, 64, 66, 68, 69
 Тнкахау, ат. 217
 Тикей, ат. 146, 217
 Тикопия, о. 95, 251
 Тимор, о. 107, 139, 169, 196, 200, 206
 Тиморское море 8, 23, 24, 107, 205, 273
 Тинниан, о. 147
 Тинхофен, о. 146
 Тититера, плато 266
 Тихий океан 5—8, 10, 18—25, 31, 33, 38, 42, 43, 47, 53, 55, 56, 60, 62, 63, 68—70, 73, 75—78, 84, 85, 104, 105, 123—127, 133, 134, 138, 140—144, 146, 149—152, 154, 155, 158, 159, 163, 164, 167, 170—173, 175—177, 179, 180, 182, 184, 186, 190—192, 196, 197, 210—

- 214, 222, 223, 225, 227, 234, 236, 238—240, 243, 244, 247—250, 254, 258, 277, 280, 288, 319, 341—360; см. также Южное море
- Тихоокеанское экваториальное глубинное противотечение (Кромвелла течение) 354
- Тоау, ат. 176
- Токелау, о-ва 38, 79, 89, 152, 196, 245
- Току, о. 191
- Токуме, ат. 93
- Томпсон, г. 274
- Томсон, р. (Австралия) 326
- Тонга, желоб 349, 351, 358
- Тонга (Дружбы), арх. 5, 14, 15, 17, 20, 28, 31, 32, 34, 37, 39, 44, 45, 58, 89, 124, 125, 131, 133, 134, 146, 170, 174, 178, 181, 183, 191, 192, 195—197, 199, 243, 245, 247, 251, 257, 258, 343, 349, 353
- Тонгатабу, о. 26, 30, 31, 37, 131, 174, 183
- Торрес, о-ва 249
- Торренс, оз. 309—311, 327, 333
- Торресов прол. 99, 100, 113, 118, 169, 185, 196, 200, 204, 273, 274, 276, 277, 287, 290, 343
- Торричелли, хр. 270
- Тотоя, о. (арх. Фиджи) 249
- Тофуа, о. 196
- Траверсе, ат. 220
- Трафальгар, вулк. 276
- Трех Волхвов, о. 131; см. Три-Кингс
- Трибьюлейши, м. 168
- Три-Кингс, о-ва 131
- Тритон, зал. 270, 272, 273
- Тробриан, арх. 199, 280, 284
- Трук, о-ва 74, 249
- Трум-Кеп, о. 164
- Туамоту, арх. 14, 15, 22, 24, 28, 29, 34, 38, 45, 48, 57, 58, 79, 91, 93, 124, 145, 146, 151—155, 157, 164, 173, 174, 176, 181, 191, 196, 213, 215, 217, 226—228, 232, 237, 239, 243, 246, 248—250, 254—257, 358
- Тубуан, о. 183
- Тубуан, о-ва 14, 34, 343
- Тувана-Ира, о. 229
- Тувана-Итоло, о. 229
- Тукитуки, р. 263
- Тукопна, о. 95; см. Тикопиа
- Турама, р. 273, 284
- Турсна, о. 196
- Тускарора, впад. 344
- Тутуила, о. 48, 146, 156
- Уайкато, р. 262, 263
- Уа-Нука, о. 197
- Убийц, бух. 131
- Увеа, ат. 153, 245
- Уджеланг, ат. 71
- Уднадатта 335, 336
- Уинтворт, р. 319
- Уинченсли, о. 153
- Уитсандей, о. 152
- Уланти, о-ва 40, 147
- Ульетеа, о. 165; см. Ранатеа
- Умбой, о. 140, 239
- Уналашка, о. 221
- Уолеап, ат. 236
- Уоллис, о. 113
- Уоника, оз. 267
- Уорд, о. 203
- Уоррего, р. 321
- Уорринор, рифы 99
- Уотерхаус, о. 202
- Уполу, о. 146, 192
- Утиан, о. 274
- Утирик, ат. 65, 217
- Уэйк, ат. 83
- Уэлсли, о-ва 204
- Уэстерн-Порт, зал. 202, 314
- Фаанте, ат. 226, 227
- Факарава, ат. 226
- Фангатауфа, ат. 249, 254
- Фангахина, ат. 57, 232
- Фаннинг, о. 200
- Фаральон-де-Мединилья, о. 147
- Фаральон-де-Пахарос, о. 147
- Фараулеп, ат. 148, 236
- Фатака, о. 196
- Фату-Хнва, о. 88
- Фаулерс-Бей, бух. 310, 311
- Фаю, о. 248
- Федерал-Айленд, о. 197
- Фейс, о. 71, 147
- Феникс, о-ва 79, 249, 256
- Феруэлл, м. (Новая Зеландия) 130, 167
- Фиджи, о-ва 10, 12, 20, 27, 31, 38—40, 45, 89, 125, 133, 134, 170, 183, 196, 197, 229, 237, 239, 243, 245, 250, 251, 256, 258, 343, 344, 349, 355
- Филанпины, арх. 13, 18, 40, 42, 57, 59—62, 64, 66, 69—76, 84, 85, 91, 185, 244, 279, 281, 343, 353
- Филиппинский желоб 349
- Филиппинская котловина 358

Финнстерре, хр. 288
Финке, р. 331
Фицморис, р. 208
Фицрой, р. (басс. Индийского океана) 208, 331, 333, 335
Фицрой, р. (басс. Тихого океана) 319,
Флай, р. 273, 283, 284, 287, 289—292
Флиген, о. 124
Флиндерс, о. 337
Флиндерс, р. 319, 325, 326, 330
Флиндерс, хр. 309, 310, 324
Флинт, о. 48
Флорес, о. 106
Фово, прол. 261, 265, 267
Фолклендские о-ва 149, 151, 154, 155
Форбса, ледн. (Новая Зеландия) 267
Фортескью, р. 314
Франкленд, хр. 339
Франклин, о. 197
Франца-Иосифа, ледн. 267
Франция 149—151, 154, 155, 157, 159, 160, 190, 194, 199, 205, 206, 242, 243, 245, 246, 250, 251, 259, 260
Фредерик-Хендрик, о. 100, 113, 271
Фрезер-Харм (Квинсленд) 306
Фрейсине, п-ов 128, 130
Фримантл 117, 312, 335
Фром, оз. 316
Фугутива, ат. 93, 227
Фунафути, ат. 248
Футуна, о. 40
Фьорленд, заповедник 268
Фюрно, о-ва 201

Хаапай, о-ва 183
Хаген, горы 288, 290, 292
Хальмахера, о. 64, 66, 69
Хамерсли, хр. 314
Ханеманн, хр. 287
Хантера, арх. 202
Хао (Боу у Кука), о. 165
Хараики, ат. 155, 191
Харпера, проход 267
Хатуту (Хенкокс Айленд) 197
Хау, м. 201
Хаукс, зал. 165
Хаураки, зал. 166
Хаутмана, скалы 137
Хендерсон, ат. 93
Херви, зал. 202
Херви, о-ва 174, 181; см. Мануаэ, Те-Ду
Хермит, о-ва 72, 191

Хива-Оа (Доминика), о. 88
Хинкс, м. 167; см. Эверард
Хикузру, ат. 155, 191
Хобарт 251, 337, 338
Хоге Ейландт, о. 113
Хокс, бух. 263
Хоксбери, р. 299
Холл, о-ва 249
Холройд, р. 322
Хонден, ат. 124, 217; см. Пукапука
Хоплесс, г. 310
Хорн, о-ва 125
Хуан-Фернандес, о-ва 58, 77, 124, 140, 144, 153, 215
Хуа-Пу (Адамс), о. 197
Хуахине, о. 165, 171, 174, 178, 256
Хукера, ледн., 267
Хурунуи, р. 266, 267

Цейлон, о. 107, 126
Центральная котловина 358
Центральные Полинезийские Спорады, о-ва 14, 24, 48, 57, 184, 200, 351, 357, 358
Центральный хр. (Новая Гвинея) 292

Чартер, хр. 339
Чатем, м. 201
Чатем, о-ва 197
Чемпбон, г. 292
Черное море 250
Чили 22, 215, 246
Чимбу, р. 292
Чичагова, ат. 226; см. Таханеа
Чичагова, ат. 218; см. Эрикуб

Шарк, зал. 114, 139, 205, 312, 314

Шарля Лун, хр. 273
Шеннон, р. 338
Шепард, о. 178
Шип-Ков, бух. 175, 179, 180, 182
Шкуоли, о. 139
Шрадер, горы 292
Штатов, р. 118; см. Статен-Ривер
Шуазель, о. 157

Эаурипик, вал. 355
Эбон, ат. 249
Эверард, м. 167, 201
Эгмонт, г. 262, 263
Эгмонт, о. 152
Эйвон, р. (басс. Муррей) 304, 312, 313
Эймео, о. 256
Эйри, горы 270; см. Бевани

Эйр, оз. 7, 8, 310, 311, 316, 327,
329, 333
Эйр, п-ов 309
Экваториальное противотечение
19, 20, 40, 68, 69, 236
Эксмут, зал. 117, 207
Элато, о. 200, 236
Элен, риф 191
Эллис, о-ва 38, 79, 89, 191, 231,
248, 256
Эмирау, о. 139, 191
Эндевор, прол. 100
Эниветок, ат. 68
Энкаунтер, бух. 203, 206, 303, 308
Энслоу, пик 267
Эпи, о. 178
Эрикуб, ат. 71, 195, 218, 237
Эрроманга, о. 178, 243, 257
Эсперанс, бух. 311
Эспириту-Санто, о. 97, 109, 125
Эстадос, о. 124, 180
Эуа (Мидельбург), о. 31, 131, 174,
183
Эфате, о. 27, 178
Эшшольца, ат. 233; см. Бикини

Юго-Восточный мыс (Австралия)
128

Юго-Восточный п-ов 284, 285, 287

Юго-Западный мыс (о. Тасмания)
338

Южная Атлантика 176, 180, 181

Южная Георгия, о. 180, 225

Южная Земля 104, 109, 181; см.
также Южный материк, миф.
суша

Южная Земля Святого духа, о.
91, 96—98, 109, 110, 122,
125, 133, 154, 159, 165, 175;
см. также Эспириту-Санто

Южная котловина (Тихий океан)
358, 360

Южные моря (Южное море) 5,
15, 24, 25, 41, 42, 53, 55, 56,

60, 76—79, 83, 84, 87, 91, 98,
122, 137, 143, 148—151, 155,
160, 163, 171, 172, 176, 177,
182, 183, 190, 192—195, 197,
205, 214, 217, 219, 241, 242,
245, 247

Южное Пассатное течение 18—23,
37, 40, 47, 58, 87, 354

Южно-Китайское море 74, 152, 343

Южно-Тихоокеанская котловина
356

Южно-Фиджийская котловина 358

Южные (Новозеландские) Альпы,
горы 265—268

Южные Шетландские о-ва 230

Южный материк, миф. суша 6, 91,
92, 95—98, 100—104, 108—
110, 122—125, 127, 131, 133,
134, 143, 144, 149, 151, 157—
160, 164, 166, 170—173, 175,
180, 189

Южный, м. (о. Тасмания) 338

Южный полюс 102, 104, 172, 223,
224

Юкла 333

Юл, о. 285

Юлиана-Топ, пик 289, 295

Юма, р. 301, 303; см. Муррей

Юон, зал. 289, 291, 293

Юон, о. 199

Юон, п-ов 199, 288

Ява, о. 11, 50, 77, 107, 108, 111,
112, 114, 116, 117, 119, 122,
125—127, 133, 135, 143, 169,
176, 196, 272

Янгасу, о. 196

Яп, о. 13, 40, 71, 147, 279

Япен, о. 142

Япония 18, 65, 69, 126, 127, 135,
239, 245, 246, 349, 353, 358

Японский желоб 349

Японское море 345, 352

Ясава, о. 196

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абреу Антониу 55, 106
 Агассиз Александр 346
 Адамс Джон (Смит Александр) 196
 Адамсон 292
 Айрленд, капитан 248
 Албукерки Афонсу 106
 Алейнер А. Э. 102
 Аллен Джозеф 249
 Альбертис Луиджи Мария 275, 276, 283, 284, 286
 Альбо Франсиско 56
 Альварадо Гарсиа Эскаланте де 70, 72, 73
 Амат Мануэль де 190
 Андре К. 346
 Анди-и-Варела 34, 191, 226, 227
 Ансон Джордж 149, 151, 185, 235
 Ансон-Байрон Джордж 249
 Арриас 159
 Арельяно Алонсо де 74, 237
 Аро Кристоаль де 54, 56
 Арчболд Ричард 293, 294
 Аэдо Педро 77
 Байрон Джон 151, 152, 157, 170, 176, 217, 239
 Бакстер Джемс 310, 311
 Балмер Сьюзен 293
 Бальбоа Васко Нуньес де 53, 60
 Баннистер Томас 312
 Баркли Генри 326
 Баррет Джордж 248
 Баррето Лоренсо де 87, 90
 Баррингтон А. 267
 Барни Дж. 138, 148, 213, 239
 Барфут Тим 296
 Басс Джордж 201, 202, 205
 Бебидж В. 311
 Безруков П. А. 355
 Бейерс Джон 227
 Бейкер Дж. 133
 Бейкер Шарли 257
 Бейли Артур 332
 Бейли Уильям 172, 182
 Беккари Одоардо 276, 283, 284
 Белкнеп Джордж 344
 Беллинсгаузен Ф. Ф. 223—230, 232, 239, 240, 341
 Бенкс Джозеф 164, 168, 171, 181, 182, 202
 Беренс Карл-Фридрих 145
 Берк О'Харра Роберт 324—328
 Берндт Роналд 293
 Бернштейн Х. 275
 Бессарабский П. Н. 238
 Бетман Джон 302
 Бехайм Мартин 102
 Бехтол Ч. 31
 Бивен Теодор 284
 Биглехол Джон 108, 171, 181
 Бил Питер Ледокер ван 116
 Билебенара 79, 80
 Бильбао Хуан Очоа де 92, 93
 Бингхем Хайрам 245
 Бингхем Хайрам-младший 257
 Бичи Фредерик Уильям 247, 249, 253, 254
 Бишоп Эрик 17, 22, 28, 48
 Блай Уильям 195—198
 Благодарев В. В. 239
 Блеквуд Ф. 272, 273, 284
 Блексленд Грегори 299, 300
 Боенечеа Доминго де 190, 191, 221, 226
 Богоров В. Г. 7, 353, 355
 Боден Никола 205—208
 Болл Сэмюэл 248
 Бомонт Джон 338
 Ботан-Бопре Ш. 199
 Брайант Уильям 200
 Брайт Томас 118
 Браувер Хендрик 23, 112, 114, 133
 Браун Роберт 248
 Браунтон Вильям Роберт 197
 Бристоу Абрахам 248
 Бросс Шарль де 10, 159, 252
 Брук Джон 118

Брукс, капитан 249
 Бруун Антон 348
 Бруннер Томас 265, 266
 Буве де Лозье Жан Батист 149, 172
 Бугенвиль Луи Антуан де 84, 109, 151, 154—157, 165, 169, 170, 173, 175, 178, 191—193, 221, 226, 232, 240
 Бурков В. А. 354
 Бутинов Н. А. 7, 50
 Бушар Мартин 251
 Бэр К. А. 213
 Бюффон, Жорж-Луи 159
 Бьюкенен Натаниэл 326

 Вайли, абориген 310, 311
 Вакье В. 360
 Вальс, И де 290
 Ван Делден А. 271
 Ван Димен Антоний 125—130, 134—137, 168
 Ванкувер Джордж 197, 200, 201, 203
 Ван Норт 122
 Васнльев М. Н. 231
 Вейерманн 289
 Вейланд Якоб 141, 142
 Видуа Карло 272
 Виго Гонсало де 60, 63, 64
 Виллис Уильям 22, 48
 Вильялбос Руй Лопес 69—75, 147, 185, 195, 199, 238, 239
 Витт Геррит де 121
 Витфлит Корнелис 108, 109
 Вискер Франс 127, 128, 130, 134
 Вихманн Артур 269, 275, 289
 Враз Э. 289
 Врангель Ф. П. 213
 Вюллерсторф-Урбер 341

 Гагемейстер Л. А. 237, 239
 Галван Антониу 73
 Галлей Эдмонд 139
 Гальего Эрнан 79—83
 Гама Васко да 54, 61, 103, 111
 Гамильтон Е. 350
 Гамильтон Дж. 266
 Гаппи Х. 80
 Гарднер Джордж 249
 Гаэтано Джонанни 70, 71, 185
 Гаянгос Томас 190, 191
 Гевара 62, 64
 Гейден Л. Л. 231
 Геккель Эрнст 342
 Гелвинк Ян 142
 Генри 248
 Гендерсон 248
 Геродот 28

Герритс Хессель 117, 119—121, 201
 Гершель 231
 Гилберт 194, 195, 198
 Гилберт Джон 319
 Гиалиард Е. 293
 Гилсеманс 128
 Гипс Джордж 315
 Голди Александр 339
 Гомиж Иштеван 56
 Гор Джон 166, 168, 182
 Грант Джемс 203
 Грегори Огастас 307, 313, 319, 321, 323, 324
 Грегори Франсис 313, 314
 Грегори Чарлз 313
 Грей Джордж 312, 313, 325
 Грехем 267
 Грин Чарлз 164
 Грихальва Эрнандо де 73, 194—199
 Головин Н. Ф. 210
 Головин В. М. 222, 223, 225, 234, 341
 Гомиж Иштеван 56
 Гонсалес Фелипе 145
 Горнер И. К. 211, 221
 Госсес Уильям 332
 Гофман Э. К. 231
 Гудефлау У. 290
 Гулд Чарлз 339
 Гэрли Френк 290
 Гэскелл Т. 349, 350

 Д'Аламбер Жан 109, 154
 Дальгрэн Э. 185
 Дальримпль Александр 159, 160, 165, 171, 213, 239
 Дамкеллер 288
 Дамм Ганс 25, 26, 36
 Дампир Уильям 132, 137—142, 144, 149, 153, 168, 207
 Дана Джеймс 256
 Даниельсон Бенгт 48, 306
 Даниэлл, капитан 265
 Д'Антраксто Антуан 197, 199, 201, 203, 270, 298
 Дарвин Чарлз 207, 221, 230, 240, 247, 254, 255, 274, 275
 Дарлинг Ролф 302
 Девис Эдвард 144
 Денеш Томас 200
 Дефо Даниэль 140
 Детцнер Германн 290
 Джайлс Эрнест 331, 332
 Джакс Джозеф Бити 273
 Джардин Александр 321, 322
 Джардин Джон 321, 322
 Джардин Франк 321, 322

Джеки-Джеки, абориген 321
Джой Джордж 249
Джонстон Чарлз Джеймс 248
Джувьянетти Амадео 285
Диббс Джон 249, 257
Диббл Шелдон 257
Дикон Д. 347
Диллон Питер 192, 247, 251
Дитц Р. 350, 359
Диффенбах Эрнст 262
Добровольский А. Д. 353, 354
Дрейк Френсис 64, 85, 111, 122, 147, 149
Дуглас Чарлз Эдуард 267
Дуппа, топограф 265
Дюбус Л. 271
Дюклесмер 192
Дюмон-Дюрвиль Жюль Себастьян
Сезар 10, 247, 249—253, 258, 261, 270, 272, 273, 340, 341
Дюперре Луи Изидор 235, 236, 247, 250, 254, 341
Дюпети-Туар Абель 243

Живаго А. В. 7, 355

Завадовский И. И. 225
Зенкевич Л. А. 354

Ибарогонтия Хуан 200, 235
Ингреэм Джозеф 197, 211
Инглтон 100
Ихи-Роа 258

Иеддн Манли 272
Йоргенсон Йорген 339

Кабрал Педро Алвариш 54, 103
Кабо В. Р. 50, 51
Каду 40, 218—220, 233, 258
Камеамеа 212, 218, 223, 232, 244, 258
Каннингхем Аллен 207, 262, 300, 301
Каньете, маркиз 87
Кариус Чарлз 291
Каркисано Мартин Иньигес де 64
Карл I (V) 55, 61, 65, 69, 71, 76
Карл II 148
Карнеги Девид 335, 336
Карпентьер Питер 119
Карстенс Ян 113, 118, 119, 134, 271
Картерет Филипп 84, 152—154, 157, 158, 170, 226
Кастро Гарсна Лопе де 77, 78
Катойра Гомес 79, 83
Кау Моала 39, 40
Каумуалин 212

Кваст Маттис 126, 127
Келли Джеймс 338
Кемпбелл Джон 159
Кеннеди Эдмонд 320, 321
Кеху 265, 267
Кеннинг Альфред 336
Кермадек Юон 199
Кинг Джон 325, 326
Кинг Филипп Паркер 117, 207, 208, 233, 273, 274
Кинг Джеймс 163, 182, 187, 189, 243
Кирос Педро Фернандес де 27, 87—102, 109, 110, 122, 125, 133, 143, 156, 159, 165, 175, 191, 208, 226, 227
Киселев Е. 230
Китлиц 234
Кларк 172, 182, 189
Клейншмидт Теодор 287
Ковила Александр 162
Коллензо Уильям 259, 262, 263, 264, 265
Колли Александр 312
Коллингридж Г. 108
Колстерт Виллем ван 119
Колумб Христофор 60, 91, 235
Колф Д. 271
Коммерсон Филибер 155, 156
Кондорканки Хосе Габриель 191
Кордюков Т. В. 231
Корнелис Иеремия 121
Корт В. Г. 353
Кортес Эрнандо 65, 73
Косцюшко Тадеуш 315
Коцебу О. Е. 31, 40, 177, 187, 213, 214—226, 228, 232—234, 239, 240, 245, 247, 255, 258, 341
Крауфорд Линн 295
Кремер Я. 286, 294
Крозер, капитан 215, 247, 248, 254
Крузенштерн И. Ф. 6, 31, 209—214, 220, 221, 223, 225, 227, 235, 236, 239, 250, 251, 254, 258
Кук Джеймс 5, 21, 27, 31, 32, 34, 37, 93, 105, 108, 109, 130, 131, 134, 145, 160—195, 200, 202, 204, 212, 214, 217, 218, 221, 222, 226, 227, 228, 232, 235, 239, 240, 243, 252, 258, 260, 261, 262, 337, 341
Кук Джон 138
Куманн М. 239
Кун Ян Питерсзон 118, 126
Куппер Девид 295
Курцен, капитан 249

Кэри Джемс 248
 Кювье Жорж 181
 Лаваль Оноре 257
 Лагедиак 218
 Лазарев М. П. 214, 223—230, 239,
 240, 341
 Лайелл 266
 Ламарк Жан Батист 181
 Лангара Казтано 190
 Лангенберг М. 271
 Ланггн 218
 Лангсдорф Г. И. 211
 Ландман Гуннар 287
 Ландсборо Уильям 326
 Лапперуз Жан Франсуа 31, 109,
 192, 193, 197, 199, 251
 Лаусон Уильям 299
 Лаутербах Карл 286, 288
 Лафлан Дэвид 248
 Легаспи Мингель Лопес 73—76,
 238
 Лайкок Томас 338
 Лейхгардт Людвиг 307, 318—321,
 324, 326
 Ле-Мер Исаак 122, 123
 Ле-Мер Якоб 123—125, 131, 133,
 140, 145, 146, 170, 180, 217,
 239
 Леса Гаспар де 95
 Ленденфельд Р. 267
 Ленц Э. Х. 231, 233, 234, 236,
 240, 341
 Лехи 286, 292
 Лижбоа Жуан 53, 55, 56
 Лидсей Давид 335
 Линсхотен Ян Хейген ван 111
 Лисицки А. П. 355
 Лисянский Ю. Р. 6, 209—214,
 244, 258
 Литке Ф. П. 31, 213, 234—237,
 240, 341
 Лоайса Гарсиа Хофре де 61—64,
 66, 69, 71, 73
 Локьер Эдмунд 312
 Ломоносов М. В. 109
 Лоренц Хендрик 286, 289
 Людовик XV 150, 157
 Магеллан Фернандо 6, 27, 31, 55—
 62, 65, 69, 71, 104, 111, 121,
 158
 Магидович И. П. 7
 Маднген Сесил 336
 Майер-Реннефт Роберт 286
 Макаров С. О. 345
 Мак-Артур Джемс 315
 Мак-Брайн 315
 Мак-Грегор Уильям 284, 285, 286
 Мак-Гиллворт Джон 274

Маккей Дональд 336
 Маккензи 266
 Мак-Кинли Джон 326
 Макинтош Н. 347
 Мак-Клур, капитан 270
 Макмиллан Энгус 314, 315
 Макробий 103, 104, 158
 Макуори Лахлан 208, 298, 300
 Макфарлан Сэмюэл 277
 Малвени Д. 51
 Манрике Педро 88, 90
 Маринер Уильям 39, 257
 Марион-Дюфрен Никола Томас
 192
 Мартин Джон 257
 Мартин К. 241
 Мартин Лопе 74
 Маршалл 194, 195, 198, 217
 Маршан Этьен 197
 Мастрейв 200, 235
 Мастар Пард 291
 Маурелье Антонио 191
 Меджитт Мервин 293
 Мейер Адольф Бернард 276, 286
 Мейс Э. 289
 Мела Помпоний 103, 158
 Менард Г. 350, 357, 360
 Менданы Альваро де Нейра 76—
 91, 151, 153, 157, 176, 197
 Менезиш Жоржи ди 64—68, 107
 Меррей Джон 342
 Мерилл Э. 171
 Мертенс К. Г. 234, 236
 Миклухо-Маклай Н. Н. 238,
 277—283, 287, 288, 305, 306
 Митчелл Томас 306—309, 312,
 320—322, 324, 332
 Михайлов П. Н. 225, 229
 Моллер А. А. 231, 234
 Моллер П. А. 231
 Монктон Чарлз 385
 Монтеверде Хуан Баутиста 248
 Мопертюи Пьер Луи 158, 159, 165
 Моралес Луис де 147
 Мор Томас 156, 177
 Морсби Джон 276
 Муловский Г. И. 210
 Мур Томас 339
 Муррей Джон 203
 Муррей Джордж 301
 Мьебе Гиллис 116
 Мэси Ричард 249
 Мюллер Фердинанд 267

Назимов П. Н. 239
 Наполес Висенте де 65, 68
 Нейгаусс Р. 288
 Нейтс Пинтер 119, 128, 143, 200
 Новосильский П. М. 225, 230

Норт Оливер ван 111

Нэрс Джордж 342

Оверем А. ван 294

Ойиди 174

Оксен Джон 300, 302, 307, 338

Оливер 196

Омаи 174, 182

О'Маали Джим 286, 291, 292

Опперман Я. 290

Ороско Хуан де 84

Ортега Педро де 79, 81, 83

Ортели 105, 106

Осес Франсиско 62, 64, 85

Остин Роберт 314

Падилья Франсиско 148

Панкальдо Леон 60

Паркинсон Сидней 164, 171

Патт Колин 295

Паттерсон, капитан 249

Патриксон, капитан 248

Паула-и-Марин Франсиско 258

Пейстер де 231, 248

Пейяр Пьер 293

Пелсарт Франс 121, 141, 168

Перебон Якоб Питерсзон 137

Перерс Келвин 291

Перерс Рэй 291

Перон Франсуа 205

Петелин В. П. 355

Петерманн Август 275, 330

Петерсен Ганс 348

Пигафетта Антонио 31, 56—58, 63

Пиккар Жак 359

Пиккар Огюст 359

Пикерсгилл Ричард 172

Пириш Томе 106

Питерсзон Питер 121, 122, 125

Повалишин 223

Пол Геррит 121, 125, 127, 134

Полак Дж. 262

Поло Марко 61, 102

Помаре I 242

Понафидин Э. И. 223

Постельс А. Ф. 234, 236, 237, 240

Прадо-и-Товар Диего 92, 97, 99, 100

Престон Уильям 312

Птолемей Клавдий 6, 102, 103, 108

Прейс В. 231

Пукуро 34

Пюрри Жан-Пьер 143

Райан Дж. 287

Рарик 218, 232

Расс Т. С. 355

Рау, Джон 175

Раулинсон Т. 331

Рсвелл Роджер 347, 350

Рей Мери 293

Ретес Ортис де Иньиго 69, 72, 73, 153, 157

Рснар А. 342

Рехнитцер 359

Риверс Уильям 287

Рид 138

Римский-Корсаков Н. П. 231

Рич Уильям 256

Ричи Г. Э. 349

Ро Джон 313

Робертс 258

Робертс Уильям 159

Робинсон Кристофер 285

Роггевен Аренд 142

Роггевен Якоб 142—146, 151, 160, 176, 191, 239

Роджерс Вудс 140, 141

Родригис 106

Родригес Хуан 148

Ролланд Джон 338

Рос, или Роз, Жан 107

Россекин Лодевейк Ян ван 112—114

Роша Дьогу 71

Рул Джордж 249

Румянцев Н. П. 214, 217, 231

Рупрехт Ф. 236

Рыкачев М. А. 345

Сааведра Альварадо 65—74, 153, 199, 217, 235, 239

Саггс Роберт 39, 49

Саласар Алонсо Торибьо де 60, 63, 64

Сальседо Фелипе де 75

Санэстеван Херонимо де 70

Сармьенто де Гамбоа Педро 77—81, 83, 89

Сарычев Г. А. 223

Саул, капитан 200

Сван, капитан 138

Север, капитан 195, 217

Селвин Джордж Огастас 263, 264

Селкирк Александр 140

Сент-Илер Жофруа де 181

Серран Франсишку 55, 56

Сикейра Гомиш дн 71

Сили Э. 267

Симонов И. М. 225, 229, 230, 240

Скорт Томас 339

Смит Александр (Адамс Джон) 196

Смит О. 261

Смит Стенифорд Майлз 285, 286, 291

Смит Стефенсон Перси 40, 258,
263—265
Соландер Даниэль 164, 168, 171,
181, 182
Солис Хуан де 55
Сомера Хосе 148
Соутер Гейвин 288
Спиридов А. Г. 217
Спрект Джемс 339
Станюкович М. Н. 234
Старбек Обид 249
Старицкий К. 344, 345
Стенли Оуэн 272, 273, 274, 276
Стерт Чарлз 301—304, 307, 308,
312, 316—318, 321, 324, 325,
332
Стивенс Х. 100
Стирлинг Джемс 312
Стокс Джон Лорт 207
Стокс Р. 266
Стрейк Николай 142
Струве 290
Стшелецкий Павел 314—317, 339
Стюарт Джон Макдуал 311, 327,
328, 332
Стюарт Уильям 261
Схапенхам Ген Хьюго 147
Схаутен Виллем 122—125, 131,
133, 140, 145, 146, 180, 217,
239
Схаутен Ян 123
Сюрвиль Жан-Франсуа 191
Сысоев Н. Н. 353

Таппенбах Эрнст 288
Тарнер Джордж 257
Тарп М. 357
Тасман Абель 41, 125—137, 140,
153, 160—168, 170, 173, 197,
207, 239, 262
Тат Ролф 333
Таунсенд Томас 316
Те Арики Тарааре 258
Тейлор Дж. 286, 292
Тейлор Е. 139
Тейлор Н. 266
Тейлор Р. 258
Тейссен Франс 119
Те Маторахана 258
Темпл Филипп 295
Те Ранги Хироа 28, 31, 38, 41, 44,
45, 258
Тернбелл Джон 227, 264, 266
Тетенс Годефруа Альфред 275
Тигедиен 220
Тилезиус В. Г. 211
Титеалье Франсис 295
Толстов С. П. 52
Томсон Джон О. 28, 103

Томсон (лорд Кельвин) Уильям
340, 341
Томпсон Фелипе 191, 234
Томпсон Хью 201
Торсон К. П. 225
Торнбулл Дж. 227
Торре Бернардо де ла 71
Торре Эриандо де ла 62, 64
Торрес Луис Ваас де 92—97,
99—101, 109, 114, 159, 160,
169, 185
Траск 347
Тромелен, капитан 249
Труганина (Рук, Лалла) 338
Тумаркин Д. Д. 7
Тупиа 34, 39, 165, 169, 171, 174,
184, 218
Тупак-Юпанки 78
Тьерри 259, 260

Уикем Джон 207, 208, 273
Уилкс Чарлз 40, 41, 247, 255,
256, 341, 351
Уиллс У. 325
Уилсон Джемс 200, 236, 242
Уильямс Джон 243, 249, 257
Уинтворт Уильям Чарлз 299
Удинцев Г. Б. 344, 355, 360
Уокер Джон 128
Уоллес Альфред 275
Уолаис Сэмюэл 152—155, 157,
164, 165, 170, 172, 178, 242
Уоластон Ф. 286, 289, 290
Уолс Уильям 172
Уолш Д. 359
Уорбертон Питер 331, 332
Уортон 166
Уотерхауз Г. 200
Уотсон Джемс 293
Уофер Лайонел 144
Урданета Андрес де 62, 69, 73—
76, 82, 185, 191
Уэкфилд Гиббон 260, 262, 265
Уэкфилд Джон 312
Уэлс Лоренс 335, 336

Фавенк Эрнст 332
Файф 267
Фаннинг Эдмунд 200
Фемсеп 293
Ферн, капитан 200
Филлип Артур 194
Филипп II 71, 85, 86, 110
Филипп III 92, 98, 159
Финш Отто 281, 287, 288
Фицджеральд Э. 267
Фицрой Роберт 213, 247, 249,
253, 254, 255
Фишер, лейтенант 140

Фламинг Вилем 114
 Флеминг Р. 347, 350
 Флетчер Г. 335
 Флиндерс Мэтью 107, 200, 202—
 208, 274, 298, 299, 303, 333
 Форбс Генри 266, 284
 Форчун Р. 293
 Форд Уильям 333
 Форрест Александр 330—332
 Форрест Джон 329—331
 Форстер Георг 172, 177, 178—181,
 182
 Форстер Йоганн Рейнгольд 172,
 181
 Фосси Джозеф 339
 Франкленд Джордж 339
 Франклин Джон 339
 Фрейлих 289
 Фрейсине Луи Клод 205, 206,
 247, 248, 250, 341
 Френк Гэрли 290
 Фридрици Г. 26
 Фюрно Тобайас 172, 173, 174

 Хааст Иоганн 267
 Хаген ван дер Стевен 112
 Хайдер-Али 150
 Хайдс Джек 286, 291, 292
 Ханн У. 322
 Хант Р. 285
 Хантер Джон 197, 199
 Харгривс Эдуард 322
 Харпер Леонард 264, 267
 Хартог, или Хартогсзон, Дирк
 112, 114, 116
 Хассельт Ян 289
 Хассельборо Фредерик 249
 Хаутман Корнелис 111
 Хаутман Фредерик 116, 117
 Хевис 242
 Хеддон Альфред 31, 287
 Хедерхе 286, 289
 Хейердал Тур 22, 42, 45—50
 Хейзен Б. 357
 Хейллер Г. 339
 Хектор Жемс 267
 Хексли Томас Генри 274
 Хел Хорас 256
 Хердман Х. 347
 Хефи Чарлз 264, 265
 Хизен Х. 350
 Хиллегом Хевик ван 116, 117
 Хинкс А. 100
 Хоббс 338
 Ховелл Уильям 301, 302, 314
 Хола Джон 249
 Хорнс Л. А. 215
 Хорнелл Дж. 26, 31

Хоррок Джон 311
 Хоунт А. 326
 Хоштеттер Фердинанд 263, 341
 Хромченко В. С. 237, 238
 Хукер Джозеф 262, 263
 Хюббе С. 335

 Чалмерс Жемс 277, 284
 Чемпльон Ивен 291, 292
 Чиннери Е. 293

 Шамиссо Альберт 40, 215, 220—
 222, 240, 255
 Шанц И. И. 238
 Шарленд Уильям 339
 Шарп Эндрю 38—41, 66, 67, 100,
 108, 185
 Шельсвольд А. 47
 Шенер Иоганн 104, 105
 Шепард Ф. 350
 Шиното Иосихико 17
 Шишмарев Г. С. 215, 218, 231
 Шлейниц Георг 288, 344
 Шокальский Ю. М. 233
 Шортленд Джон 195
 Шрадер Карл 288
 Шуазель Даниэль Никола 150,
 154

 Эванс Джон 300, 338
 Эвирилла Генри Чарлз 284
 Эг, капитан 249
 Эги Бернард де 148
 Эдвардс Эдуард 196, 197
 Эдел Якоб 116—118
 Эйр Джон Эдвард 8, 266, 309—
 312, 329
 Эллис Уильям 256, 257
 Элфинстон Эрскин Джон 249
 Эль-Кано Хуан Себастьян 60—64,
 104, 111
 Эрроусмит Аарон 213, 235, 239
 Эспиноса Гонсало Гомес де 60, 61,
 74, 148
 Эспиноса Родриго де 75
 Эстрада Э. 47
 Эшшольц И. И. 215, 222, 231,
 240

 Юинг М. 350
 Юл Чарлз 273, 274
 Юм Гамильтон 301, 302, 307, 314
 Юнг Джордж 194
 Юнг Джон 212, 258
 Юнг Ник 165

 Якобзон Ленерт 116, 117
 Янсзон Вилем 109, 112—118, 134,
 169
 Ященко А. Л. 335, 336

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Введение	5
Основные задачи книги	5
Австралия и австралийцы	7
Океания и океанийцы	10
Глава первая. Открытия до открытий. Плавания древних океанийцев	18
Ветры и течения в австрало-океанийской области. Возможности плавания	18
Транспортные средства океанийцев	25
Навигационное искусство полнезийцев и микронезийцев	34
Случайные открытия или последовательное заселение?	38
Пути древних мореходов	41
Глава вторая. Первые открытия европейцев в Океании. От Магеллана до Торреса. XVI в. — начало XVII в.	53
Европа открывает Тихий океан	53
Магеллан. Вторжение в Тихий океан	55
Лойса. По следам Магеллана	61
Менешиш. Открытие «Страны Папуа»	64
Сааведра. Открытие Каролинских островов	65
Виальобос и Ортис де Ретес. Открытия у берегов Новой Гвинее и в Микронезии	69
Легаспи и Урданета. Открытие пути с запада на восток	73
Менданья. Открытие Соломоновых островов	76
Кругосветное плавание Дрейка	85
Сноуа Менданья. Открытие Маркизских островов и архипелага Санта-Крус	85
Кирос. Открытия в Туамоту. Южная Земля Святого духа	91
Торрес. Открытие Торрессова пролива	99
Глава третья. Первые открытия в Австралии и открытия в Океании. XVII в. — начало XVIII в.	102
Неведомый Южный материк и первые контуры Австралии	102
Голландское вторжение	110
Янсзон, Браувер и Хартог. Первые открытия на северных и западных берегах Австралии	112
От Хиллегома до Пола. Новые открытия на западных, северных и южных берегах Австралии	116
Схаутен и Ле-Мер. Открытия в Центральной и Западной Океании	122
Тасман. Первая экспедиция. «Кругоавстралийское» плавание и открытие Новой Зеландии	125
Тасман. Вторая экспедиция. Новые открытия на северных берегах Австралии	134
Дампир. Пират-натуралист на берегах Австралии	137
Вейланд. Открытие залива Гелвинк	141
Роггевен. Открытие загадочного острова Пасхи	142
Голландские и испанские открытия в Микронезии в XVII в. и начале XVIII в.	146
Глава четвертая. Открытия в Океании в XVIII в. Южный материк исчезает с карты	149

Англо-французское соперничество в Южных морях . . .	149
Байрон. Начало английской экспансии в Тихом океане	151
Уоллис и Картерет. Открытие острова Танги	152
Бугенвиль. Открытия в архипелаге Туамоту и в морях Меланезии	154
«Теория равновесия» и мифический Южный материк	158
Кук. Первое плавание. Открытие восточного побережья Австралии	160
Кук. Второе плавание. Южный материк исчезает с карты	171
Кук. Третье плавание. Открытие Гавайских островов	182
Глава пятая. Новые открытия в Океании и на берегах Австралии и Тасмании. Конец XVIII в. — начало XIX в.	190
Открытия в Океании	190
Открытия в Австралии. Флиндерс, его современники и преемники	200
Глава шестая. Открытия русских в Океании. XIX в.	
Крузенштерн и Лисянский. Первое русское кругосветное плавание	209
Коцебу. Экспедиция на «Рюрик». Открытия в Микронезии	213
Головин. Плавание на «Диане» и «Камчатке»	222
Понафидин. Открытие островов Бородино	223
Белинсгаузен и Лазарев. Открытие островов России	223
Васильев и Шишмарев. Плавание на «Открытии» и «Благонамеренном»	231
Коцебу. Плавание на «Предприятии». Новые открытия в Микронезии	231
Литке. Открытия на Каролинских островах	234
Экспедиции Гагемейстера, Хромченко, Шанца и Бессарабского и последние русские открытия в Океании	237
Итоги русских открытий в Океании	239
Глава седьмая. Последние западноевропейские и американские открытия в Океании. XIX в.	241
Вторжение колонизаторов на острова Южных морей	241
Обзор последних западноевропейских и американских открытий	247
От Фрейсине до Дарвина и Уилкса	247
Роль миссионеров, европейских поселенцев и коренных жителей в исследовании Океании	256
Глава восьмая. Открытия и исследования на Новой Зеландии. XIX в.	259
Колониальная экспансия в Новой Зеландии	259
Открытия в прибрежных областях Новой Зеландии	261
Открытия и исследования на Северном острове	262
Открытия и исследования на Южном острове	265
Глава девятая. Открытия и исследования на Новой Гвинее. XIX—XX вв.	269
Трудный остров	269
Открытия Мак-Клауда, Дюмон-Дюрвиля и Колфа. Авантюра в заливе Тритон	270
Снова Дюмон-Дюрвиль. Открытия Блеквуда и Оуэна Стенли на юго-восточных берегах Новой Гвиней	272

Открытия и исследования на северо-западных берегах Новой Гвинеи	274
Джон Морсби. Начало британских захватов	276
Мнклухо-Маклаи	277
1874—1914 гг. Новые открытия и исследования	283
1914—1965 гг. «Белые пятна» все еще не исчезают	290
Глава десятая. Открытия во внутренней Австралии и Тасмании. XIX—XX вв.	
От Порт-Джексона до Голубых гор	297
Стерт. Открытие реки Дарлинг	302
Горькие последствия первых открытий	304
Открытия Митчелла на юго-востоке Австралии	306
Эйр. Открытия в Южной Австралии	309
Открытия в Западной Австралии	312
Павел Стшелецкий. Открытия в Австралийских Альпах	314
Снова Стерт. Открытия в центральной Австралии	316
Лейхгардт. Открытия в тропической Австралии	318
Митчелл и Кеннеди. Открытия в западном Квинсленде и на полуострове Кейп-Йорк	320
Золотая лихорадка и лихорадка открытий	322
С юга на север. Гибельная удача Берка	324
Стюарт. Штурм великой пустыни	327
Открытия в западных пустынях	328
Открытие «Подземного моря»	332
Последние открытия	333
Открытия во внутренних областях Тасмании	337
Глава одиннадцатая. Открытия после открытий. Исследование Тихого океана	
Начало больших исследований	340
Большие открытия последних лет	347
Океанологические исследования Международного геофизического года (1957—1959 гг.)	352
Исследования 1960—1965 гг.	359
Литература	361
Указатель географических названий	374
Указатель имен	391

Свет, Яков Михайлович
ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ
АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ. М., «Мысль», 1966
400 с. с илл. и карт. («Открытие земли»).

91 (09)

Редактор Б. Н. Малкес
Младший редактор Э. В. Кирьянова
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор Э. Н. Виленская
Корректоры Л. И. Чивакина, Т. С. Пастухова

Сдано в набор 24 августа 1965 г. Подписано в печать 24 февраля 1966 г. Формат бумаги 60×90^{1/16}, № 1. Бумажных листов 13. Печатных листов 25+1 вкл. Учетно-издательских листов 27,33+0,78 вкл. Тираж 12 000 экз. Заказ № 1923 А-11624 Цена 2 р. 05 к.

Подписное издание

Издательство «Мысль»
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Гатчинская, 26.

